

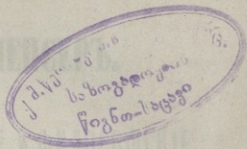
TS 3251
09

ЛИСТОК ДЕФЕКТА

	Поврежден- ные стр.	Дата	Поврежден- ные стр.	Дата
1	2	3	2	3
1. Вырван. листы . . .	299-402	21.04.08	399-402	21.04.08
2. " иллюстрации				
3. Выпадающие листы .				
4. Подчеркнуты				
5. Замараны				
6. Поврежд. переплет .				
7. Поврежд. насеком. .				
8. Поврежд. плесенью .				
9.				

3251.

НАУЧНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ

ОПЫТЫ.

Томъ I.

1[Спенсер]

СПЕССЕР
СЕНСЕРЪ

ГЕРБЕРТЪ СЕНСЕРЪ.

НАУЧНЫЕ, ПОЛИТИЧЕСКІЕ И ФИЛОСОФСКІЕ
ОПЫТЫ.

ТОМЪ I.

ПЕРЕВОДЪ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЮ
Н. Л. ТИВЛЕНА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1866.

~~В 146213~~
~~212417~~
20

111, 459, [2] стр. (21x13), [5. ч.]

Спенсер, ?

СПЕНСЕРЪ

НАУЧНЫЕ ПОДПИСНЫЕ И ФИЛОСОФСКИЕ

ОПЫТЫ

Том I

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИМПЕРАТОРСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА С.-ПЕТЕРБУРГА

30
B. 128519

ТИПОГРАФИЯ Н. ТИБЛЕНА И К°. (Н. НЕГЛЮДОВА).

Вас. Остр., 8 л., № 25.

TS

3251
09

Въ тревожное время пришлось намъ выпускать первый томъ этого изданія. Не до книгъ теперь обществу, не до философскихъ теорій: оно ищетъ успокоенія и обезпеченія отъ опасностей, которыя грозили ему. Книжная практика говорить, что начать въ такое время многотомное изданіе—значить погубить его (особенно если большинство публики находитъ время только на болтовню мелкихъ брошюръ). Но это можетъ быть справедливо только относительно матеріальнаго успѣха изданія, и насъ будетъ поддерживать надежда, что, когда тревожная пора минетъ, общество начнетъ читать эти томы и поблагодаритъ насъ за нихъ. Оно пойметъ, что всякаго человѣка, способнаго увлекаться, Спенсеръ увлекаетъ въ такую область, въ которую нѣтъ доступа политическимъ страстямъ и порокамъ. Своя мысль, свое умственное и физическое совершенствованіе становятся конечной цѣлью такого человѣка, когда онъ *пойметъ* Спенсера. Никакая злонамѣренность, никакое честолюбіе, никакія заблужденія не въ состояніи будутъ увлечь такого человѣка на разыгрываніе политическихъ ролей: а не въ этомъ ли заклю-

чается и вся сущность того обеспечения, которого ищетъ общество въ настоящую минуту?

И это вліяніе Спенсера не можетъ не быть дѣйствительнымъ, потому что оно основывается не на какомъ-нибудь узкомъ, животномъ или романтическомъ, эгоизмѣ, перенесенномъ въ сферу отвлеченной мысли, — а покоится на весьма реальномъ и научномъ убѣжденіи, что «не идеи управляютъ міромъ», что «идеи служатъ только руководителями чувствъ», что «соціальный механизмъ покоится въ окончательномъ результатѣ не на мнѣніяхъ, а исключительно на характерахъ». Такое убѣжденіе, воспринятое разъ какъ неотразимый фактъ жизни, логически и органически порождаетъ послѣдующія убѣжденія — что вліять на характеры другихъ людей можно не иначе, какъ повліявъ прежде всего на свой собственный характеръ, дабы идеи, которыя будутъ складываться, складывались возможно-независимо отъ недостатковъ характера, — что потомству должна быть обеспечена болѣе здоровая и болѣе свободная отъ пороковъ организація, — что быть хорошими гражданами значить, прежде всего, быть возможно-совершенными индивидами и возможно-совершенными родителями и воспитателями своего потомства. Семья, въ самомъ высокомъ ея смыслѣ и развитіи, становится тутъ дѣйствительно незыблемой основой общества: а не вправѣ ли мы сказать, что она есть и лучшая гарантія его спокойствія?

Смѣемъ думать, что развитіе земледѣлія и воспитаніе общества составляютъ *основныя* условія процвѣтанія Россіи подъ сѣнью льготъ, дарованныхъ ей въ послѣднее десятилѣтіе. Смѣемъ также думать, что, если Спенсеръ ничего не сдѣлалъ для перваго, то второму онъ окажетъ больше услугъ, чѣмъ кто-либо другой: на средства самообразованія и самовоспитанія взрослого человѣка наводитъ каждая строка

сочиненій Спенсера; воспитанію ребенка у него посвященъ цѣлый томъ.

Статьи, помѣщенныя въ этомъ, первомъ томѣ «Собранія Сочиненій Герберта Спенсера», появились первоначально въ слѣдующихъ изданіяхъ:

«*Прогрессъ, его законъ и причина*» въ «Westminster Review», за апрѣль 1857.

«*Философія Слова*» тамъ же, за октябрь 1852.

«*Трансцендентальная физиологія*» въ «National Review», за октябрь 1857.

«*Происхожденіе и дѣятельность музыки*» въ «Fraser's Magazine», за октябрь 1857.

«*Разные вопросы*» въ «Portfolio» газеты «Leader», съ января 1852 по май 1854.

«*Нравственность и политика желѣзныхъ дорогъ*» въ «Edinburgh Review», за октябрь 1854.

«*Генезисъ Науки*» въ «British Quarterly Review», за июль 1854.

«*Обычай и приличія*» въ «Westminster Review», за апрѣль 1854.

«*Соціальный организмъ*» тамъ же, за январь 1860.

Въ 1858 г. статьи эти были собраны въ отдѣльный томъ подъ заглавіемъ: «*Essays: Scientific, Political and Speculative*». При отдѣльномъ изданіи статьи подверглись значительнымъ дополненіямъ — въ особенности же вторая статья и третья, которая въ «National Review» носила заглавіе: «*Основные законы физиологіи*».

Большинство этихъ статей написано авторомъ во время приготовленій къ обширнымъ работамъ, которыя появятся

въ 4-мъ и слѣдующихъ томахъ нашего изданія. Онѣ служили эскизами отдѣльныхъ частей этихъ работъ. Это должно имѣть въ виду при оцѣнкѣ соотношенія между формою и содержаніемъ «Опытовъ». Самое богатство мысли и знаній автора можетъ, въ глазахъ иного читателя, придать оттъпокъ бездоказательности этимъ очеркамъ. Кромѣ того, въ разсужденіяхъ своихъ Спенсеръ не только одновременно руководствуется и индуктивнымъ и дедуктивнымъ методами, но присоединяетъ къ нимъ еще сравнительный, социологическій методъ. Только въ обширныхъ сочиненіяхъ Спенсера, гдѣ это сплетеніе методовъ проводится систематически, будетъ оно оцѣнено по достоинству; въ «Опытахъ» же сторонники исключительности того или другаго метода могутъ принять это сплетеніе за недостатокъ основательности въ приѣмахъ разсужденія автора.

Сколько мы ни увѣрены въ значеніи, которое рано или поздно получить у насъ Спенсеръ, мы сочли все-таки не лишнимъ предупредить замѣчанія, могущія явиться со стороны торопливыхъ судей.

Издатель.

1 Мая, 1866 г.

ПРОГРЕССЪ, ЕГО ЗАКОНЪ И ПРИЧИНА.

Обыкновенное понятіе о прогрессѣ нѣсколько измѣнчиво и неопредѣленно. Иногда подъ прогрессомъ разумѣютъ немного болѣе простаго возрастанія, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о народѣ, по отношенію къ его численности и пространству, занимаемому имъ. Иногда оно относится къ количеству матеріальныхъ продуктовъ, какъ въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ успѣхахъ земледѣлія и промышленности. Иногда его видятъ въ улучшеніи качества этихъ продуктовъ, а иногда въ новыхъ или усовершенствованныхъ способахъ, посредствомъ которыхъ они производятся. Далѣе, говоря о нравственномъ или умственномъ прогрессѣ, мы относимся къ состоянію той личности или того народа, въ которомъ онъ проявляется; рассуждая же о прогрессѣ въ званіяхъ, наукѣ, искусствѣ, мы имѣемъ въ виду извѣстные отвлеченные результаты человѣческой мысли и человѣческихъ дѣйствій. Обиходное понятіе о прогрессѣ не только болѣе или менѣе смутно, оно притомъ и въ значительной степени ошибочно. Оно обнимаетъ не столько дѣйствительный прогрессъ, сколько сопровождающія его обстоятельства, не столько сущность его, сколько его тѣнь. Умственный прогрессъ, замѣчаемый въ ребенкѣ, вырастающемъ до зрѣлаго человѣка, или въ дикомъ, вырастающемъ до философа, обыкновенно видятъ въ боль-

шесть числѣ познанныхъ фактовъ и понятыхъ законовъ; между тѣмъ дѣйствительный прогрессъ заключается въ тѣхъ внутреннихъ измѣненіяхъ, выраженіемъ которыхъ служатъ увеличившіяся познанія. Соціальный прогрессъ видятъ въ производствѣ большаго количества и большаго разнообразія предметовъ, служащихъ для удовлетворенія человѣческихъ потребностей, въ большемъ огражденіи личности и собственности, въ расширеніи свободы дѣйствій; между тѣмъ какъ правильно понимаемый, соціальный прогрессъ заключается въ тѣхъ измѣненіяхъ строенія соціального организма, которыя обуславливаютъ эти послѣдствія. Обиходное понятіе о прогрессѣ есть понятіе телеологическое. Всѣ явленія разсматриваются съ точки зрѣнія человѣческаго счастья. Только тѣ измѣненія считаются прогрессомъ, которыя прямо или косвенно стремятся къ возвышенію человѣческаго счастья; и считаются они прогрессомъ только *потому*, что способствуютъ этому счастью. Но чтобы правильно понять прогрессъ, мы должны изслѣдовать сущность этихъ измѣненій, разсматривая ихъ независимо отъ нашихъ интересовъ.

Напримѣръ, переставъ смотрѣть на послѣдовательныя геологическія измѣненія земли какъ на такія, которыя сдѣлали ее годною для человѣческаго обитанія, и *по этому* видѣть въ нихъ геологическій прогрессъ, мы должны стараться опредѣлить характеръ, общій этимъ измѣненіямъ, законъ, которому всѣ они подчинены. Такъ же нужно поступать и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Оставляя въ сторонѣ побочныя обстоятельства и благодѣтельныя послѣдствія прогресса, спросимъ себя, что онъ такое самъ по себѣ.

Относительно прогресса, представляемаго развитіемъ каждаго индивидуальнаго организма, вопросъ разрѣшенъ нѣмецкими учеными. Изслѣдованія Вольфа, Гёте, фонъ-Бэра утвердили ту истину, что рядъ измѣненій, чрезъ которыя проходитъ сѣмя развиваясь до дерева, или яйцо — до животнаго, состоитъ въ переходѣ отъ однородности строенія къ его разнородности. Въ первоначальномъ состояніи каждый зародышъ состоитъ изъ вещества, совершенно однообразнаго какъ по ткани, такъ и по химическому своему составу. Первый шагъ есть появленіе различія между двумя частями этого вещества или, какъ физиологи называютъ,

дифференцированіе. (*) Каждая изъ этихъ дифференцировавшихся частей немедленно сама начинаетъ проявлять различія въ своихъ частяхъ и, мало по малу, эти второстепенныя дифференцированія становятся столь же опредѣленными, какъ и первоначальныя. Этотъ процессъ повторяется непрерывно и одновременно во всѣхъ частяхъ развивающагося зародыша, и безконечныя дифференцированія производятъ наконецъ то сложное сочетаніе тканей и органовъ, которое образуетъ зрѣлое растеніе или животное. Это исторія каждаго изъ организмовъ. Безспорно доказано уже, что органическій прогрессъ состоитъ въ постепенномъ переходѣ отъ однороднаго къ разнородному.

Здѣсь мы намѣрены прежде всего показать, что законъ органическаго прогресса есть законъ всякаго прогресса. Касается ли дѣло развитія земли, или развитія жизни на ея поверхности, развитія общества, государственнаго управленія, промышленности, торговли, языка, литературы, науки или искусства, — всюду происходитъ то же самое развитіе простаго въ сложное, чрезъ рядъ дифференцированій. Начиная отъ первыхъ сколько-нибудь замѣтныхъ космическихъ измѣненій и до послѣднихъ результатовъ цивилизаціи, мы находимъ, что превращеніе однороднаго въ разнородное есть именно то явленіе, въ которомъ заключается сущность прогресса,

Съ цѣлью показать, что *если* гипотеза туманныхъ массъ основательна, то генезисъ солнечной системы представляетъ наглядное доказательство этого закона, допустимъ, что вещество, изъ котораго состоятъ солнце и планеты, находилось нѣкогда въ разбѣянной формѣ и что вслѣдствіе тяготѣнія атомовъ произошла постепенная концентрація. По этой гипотезѣ, солнечная система, при зарожденіи своемъ, существовала какъ среда, пространство

(*) Русскіе физиологи употребляютъ обыкновенно выраженія: *раздѣленіе, дробленіе, размноженіе посредствомъ дѣленія*. Но читатель увидитъ ниже, что ни одно изъ этихъ словъ не имѣетъ достаточно широкаго смысла для тѣхъ разнообразныхъ значеній, въ которыхъ употребляетъ Спенсеръ слово *дифференцированіе*; поэтому въ нашемъ изданіи будетъ вездѣ сохранено выраженіе подлинника.

которой было неопредѣлено и которая была почти однородна по плотности, температурѣ и прочимъ физическимъ свойствамъ. Первый шагъ къ отверженію проявился въ дифференцированіи пространства, которое туманная масса стала занимать теперь, отъ того пространство, которое она занимала прежде. Внутренность и вѣднность этой массы одновременно измѣнились и въ плотности, и въ температурѣ. Въ тоже время внутри массы возникало вращательное движеніе, быстрота котораго измѣнилась соразмѣрно удаленію отъ центра. Эти дифференцированія возрастали въ числѣ и степени до тѣхъ поръ, пока не развилась извѣстная намъ организованная группа солнца, планетъ и спутниковъ, группа, представляющая многочисленныя различія какъ въ строеніи, такъ и въ дѣйствіяхъ своихъ членовъ. Такъ между солнцемъ и планетами есть огромное различіе въ объемѣ и вѣсѣ; есть второстепенное различіе одной планеты отъ другой, или планетъ отъ спутниковъ. Есть столь же рѣзкое различіе между солнцемъ—тѣломъ, почти неподвижнымъ, и планетами, вращающимися вокругъ него съ большою быстротой; и второстепенное различіе въ быстротѣ и періодахъ вращенія разныхъ планетъ, и въ простыхъ и двойныхъ возмущеніяхъ ихъ спутниковъ, двигающихся въ одно и тоже время вокругъ сопутствующаго имъ тѣла и вокругъ солнца. Далѣе, существуетъ большая разница между солнцемъ и планетами въ отношеніи температуры; и есть основаніе предполагать, что планеты и спутники ихъ разнятся между собой какъ въ степени собственной теплоты, такъ и той, которую они получаютъ отъ солнца. Если, въ добавокъ ко всемъ этимъ разнообразнымъ различіямъ, мы примемъ еще въ соображеніе, что планеты и спутники разнятся и во взаимныхъ разстояніяхъ между собою и въ разстояніяхъ отъ главнаго тѣла, въ наклоненіи ихъ орбитъ и осей, во времени вращенія вокругъ оси, въ удѣльномъ вѣсѣ и въ физическомъ строеніи,—мы увидимъ, какую высокую степень разнородности представляетъ солнечная система, сравнительно съ той, почти совершенно однородной туманной массой, изъ которой, какъ предполагають, возникла эта система.

Отъ этого гипотетическаго поясненія, которое и должно прини-

маться только сообразно истинной его цѣнности, обратимся къ болѣе положительному свидѣтельству. Въ настоящее время геологами принято, что земля представляла вначалѣ массу расплавленнаго вещества и что она и до сихъ поръ еще находится въ жидкомъ и раскаленномъ состояннн на глубинѣ нѣсколькихъ миль отъ поверхности. Затѣмъ, вещество это было первоначально однородно въ своемъ составѣ и, въ силу движенія разгоряченной жидкости, должно было быть сравнительно однородно и въ отношенн температуры; оно должно было быть окружено атмосферой, состоявшей частью изъ элементовъ воздуха и воды, а частью изъ разныхъ другихъ элементовъ, превращающихся въ газы при высокой температурѣ. Медленное охлажденн, путемъ лучеиспусканн, до сихъ поръ еще постоянно продолжающееся въ размѣрахъ, которые невозможно опредѣлить, и притомъ, хотя первоначально несравненно болѣе быстрое, нежели теперь, но все-таки требовавшее огромнаго времени для того, чтобы произвести какую-нибудь рѣшительную пережн, это охлажденн должно было имѣть окончательнымъ результатомъ отвержденн той части, которая наиболѣе способна была отдѣлять теплоту, именно поверхности. Въ тонкой корѣ, образовавшейся такимъ образомъ, представляется намъ первое замѣтное дифференцированн. Дальнѣйшее охлажденн и зависящее отъ него утолщенн коры, рядомъ съ осажденн всѣхъ способныхъ къ отвержденн элементовъ, содержащихся въ атмосферѣ, должны были наконецъ произвести и сгущенн воды, существовавшей сначала въ видѣ пара. Изъ этого возникло второе существенное дифференцированн, и такъ какъ сгущенн должно было произойти на самыхъ холодныхъ частяхъ поверхности, именно около полюсовъ, то такимъ образомъ должно было образоваться первое географическое различн въ частяхъ земли. Къ этимъ доказательствамъ возростающей разнородности, которыя хотя и основаны на извѣстныхъ законахъ матерн, но все-таки могутъ считаться болѣе или менѣе гипотетическими, геологн прибавляетъ длинный рядъ такихъ, которыя были установлены индуктивнымъ путемъ. Ислѣдованн ея показываютъ, что земля становилась все болѣе и болѣе разнородною по мѣрѣ умноженн слоевъ, образующихъ ея кору; да-

лѣе, что она становилась все разнороднѣе и относительно состава этихъ слоевъ, изъ которыхъ послѣдніе, образовавшіеся изъ обломковъ старыхъ слоевъ, сдѣлались чрезвычайно сложными чрезъ смѣшеніе содержащихся въ нихъ матеріаловъ, и наконецъ, что эту разнородность значительно усиливало дѣйствіе все-еще раскаленнаго ядра земли на ея поверхность, отчего и произошло не только громадное разнообразіе плутоническихъ горъ, но и наклоненіе осаждавшихся слоевъ подъ разными углами, образованіе разрывовъ, металлическихъ жилъ и безконечныя неправильности и уклоненія. Геологи говорятъ еще, что размѣры возвышеній на поверхности земли измѣнялись; что древнѣйшія горныя системы наименѣе высоки, и что Анды и Гималай суть возвышенія новѣйшія; между тѣмъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, и на днѣ океана происходили соотвѣтственные измѣненія. Результатомъ этихъ непрерывныхъ дифференцированій оказывается, что на поверхности земли нѣтъ двухъ сколько-нибудь значительныхъ пространствъ, одинаковыхъ между собою въ очертаніи, въ геологическомъ строеніи или въ химическомъ составѣ, и что характеристическія свойства земли измѣняются почти на каждой милѣ. Кромѣ того, не должно забывать, что одновременно съ этимъ происходило и постепенное дифференцированіе климатовъ. По мѣрѣ того, какъ земля охлаждалась и кора ея твердѣла, возникали значительныя измѣненія въ температурѣ между болѣе или менѣе открытыми солнцу частями ея поверхности. Мало по малу, соразмѣрно успѣхамъ охлажденія, различія эти выдавались все сильнѣе и сильнѣе, пока не произошли рѣзкіе контрасты между странами вѣчныхъ льдовъ и снѣговъ, странами, въ которыхъ зима и лѣто царствуютъ попеременно въ періоды, измѣняющіеся сообразно широтѣ, и наконецъ странами, гдѣ лѣто слѣдуетъ за лѣтомъ при едва замѣтныхъ измѣненіяхъ. Въ то же самое время, послѣдовательныя возвышенія и осажденія различныхъ частей земной коры, способствовавшія настоящему неправильному распредѣленію земли и воды, имѣли тоже слѣдствіемъ различныя измѣненія климата, сверхъ тѣхъ, которыя зависятъ отъ широты мѣста; того же рода дальнѣйшія измѣненія, порождаемыя возрастающими различіями въ возвышеніяхъ, соединили наконецъ въ

ныхъ мѣстахъ арктической, умеренной и тропической климаты, на разстояніи нѣсколькихъ миль. Общій же результатъ всѣхъ этихъ измѣненій — тотъ, что нѣтолько каждый обширный край имѣетъ свои метеорологическія условія, но что даже каждая отдѣльная мѣстность въ край отличается болѣе или менѣе отъ другихъ, какъ относительно этихъ условій, такъ и относительно своего строенія, очертанія и почвы. Итакъ, степень разнородности между нашей, настоящей землей, съ ея разнообразной поверхностью, явленія которой еще не извѣданы ни географами, ни геологами, ни минералогами, ни метеорологами, и расплавленнымъ ядромъ, изъ котораго она выработалась, достаточно поразительна.

Перехода отъ самой земли къ растеніямъ и животнымъ, которыя жили или живутъ на ея поверхности, мы находимся въ нѣкоторомъ затрудненіи по недостатку фактовъ. Что всякій существующій организмъ развился изъ простаго въ сложный, это, конечно, первая изъ всѣхъ признанныхъ истинъ, и что всякій прежде существовавшій организмъ развивался такимъ же образомъ, это — заключеніе, вывести которое не затруднится ни одинъ фізіологъ. Но, переходя отъ индивидуальныхъ формъ жизни къ жизни вообще и пытаясь изслѣдовать, видѣнъ ли тотъ же самый законъ въ *цѣломъ* ея проявленіи, имѣютъ ли новѣйшія растенія и животныя болѣе разнородное строеніе, нежели древнѣйшія, и разнороднѣе ли нынѣшняя флора и фауна, нежели флора и фауна прошедшаго, мы находимъ такія отрывочныя свидѣтельства, что всякое заключеніе становится спорнымъ. Принимая въ соображеніе, что двѣ трети земной поверхности покрыты водой, что значительная часть открытой земли недоступна геологамъ или незнакома имъ; что большая часть остальнаго пространства едва изслѣдована ими самымъ поверхностнымъ образомъ; что даже наиболѣе извѣстныя части, какъ напримѣръ Англія, дотога плохо изслѣдованы, что новые ряды слоевъ открыты были въ теченіе послѣднихъ четырехъ лѣтъ (*); принимая все это въ соображеніе, становится очевидно невозможнымъ ска-

(*) Писано въ 1857 г.

зять съ достовѣрностью, какія творенія существовали въ извѣстный періодъ и какія нѣтъ. Если еще принять во вниманіе недолговѣчность многихъ низшихъ органическихъ формъ, метаморфозы многихъ осадочныхъ слоевъ, разрывы, происшедшіе въ другихъ, то мы найдемъ еще болѣе причинъ не довѣрять нашимъ выводамъ. Съ одной стороны, неоднократныя открытія позвоночныхъ остатковъ въ слояхъ, въ которыхъ ихъ первоначально не предполагали, — открытіе пресмыкающихся въ такихъ слояхъ, въ которыхъ предполагали только существованіе рыбъ, — млекопитающихъ тамъ, гдѣ прежде не допускали существовать выше пресмыкающихся, — все это, ежедневно, дѣлаеть болѣе очевиднымъ, какъ ничтожно значеніе отрицательнаго свидѣтельства. Съ другой стороны, столь же ясною становится несостоятельность предположенія, будто бы мы открыли самые ранніе или хоть подобіе самыхъ раннихъ органическихъ остатковъ. Неопровержимымъ становится, что древнѣйшія изъ извѣстныхъ осадочныхъ породъ значительно измѣнились отъ дѣйствія огня и что еще болѣе древнія породы были совершенно преобразованы имъ. Допустивъ фактъ расплавленія осадочныхъ слоевъ, образовавшихся ранѣе какихъ-либо изъ извѣстныхъ намъ, мы должны допустить и невозможность опредѣлить, когда началось это разрушеніе осадочныхъ слоевъ. Такимъ образомъ, очевидно, что названіе *палеозоическихъ*, будучи придано первѣйшимъ изъ извѣстныхъ намъ слоевъ съ ископаемыми остатками, заключаетъ въ себѣ *petitio principii* и что, сколько мы знаемъ, до насъ могли дойти только не многія, послѣднія главы біологической исторіи земли. Поэтому, ни съ одной изъ сторонъ нѣтъ заключительныхъ свидѣтельствъ. Несмотря на это, мы не можемъ не думать, что, какъ ни скудны факты, но взятые вмѣстѣ они стремятся показать, что наиболѣе разнородные организмы развились въ позднѣйшіе геологическіе періоды и что проявленія жизни вообще становились все разнороднѣе съ теченіемъ времени. Приведемъ, для поясненія, исторію позвоночныхъ. Самые ранніе извѣстные намъ позвоночные остатки, это остатки рыбъ, а рыбы — самые однородные изъ позвоночныхъ. Болѣе поздними и разнородными являются пресмыкающіяся. Еще болѣе поздними и еще болѣе разнородными —

млекопитающія и птицы. Если намъ возразятъ, какъ это и возможно, что палеозоическіе осадки, не будучи дельтовымъ (estuary) осадками, не должны, по всей вѣроятности, содержать въ себѣ остатковъ земныхъ позвоночныхъ, которыя, однако, могли существовать въ этотъ періодъ, — то мы отвѣтимъ, что указываемъ только на главные факты, *каковы они есть*. Но, во избѣжаніе подобныхъ критическихъ замѣчаній, возьмемъ только отдѣлъ млекопитающихъ. Самые ранніе изъ извѣстныхъ намъ остатковъ млекопитающихъ, суть остатки маленькихъ сумчатыхъ, представляющихъ низшій типъ млекопитающихъ; между тѣмъ какъ высшій типъ, человекъ, есть типъ новѣйшій. Свидѣтельства того, что позвоночная фауна, какъ цѣлое, стала гораздо разнообразнѣе, — значительно сильнѣе. Противъ аргумента, что позвоночная фауна палеозоическаго періода, состоящая, сколько мы знаемъ, единственно изъ рыбъ, была менѣе разнообразна, нежели новѣйшая, заключающая въ себѣ многочисленныя роды пресмыкающихся, птицъ и млекопитающихъ, можно возразить, какъ и выше, что дельтовые осадки палеозоическаго періода, еслибъ мы могли открыть таковыя, показали бы, можетъ быть, и другіе разряды позвоночныхъ. Но подобнаго возраженія нельзя сдѣлать противъ аргумента, что, между тѣмъ какъ морскія позвоночныя палеозоическаго періода состояли исключительно изъ хрящеватыхъ рыбъ, — морскія позвоночныя позднѣйшихъ періодовъ заключаютъ въ себѣ многочисленныя роды костистыхъ рыбъ, и что, слѣдовательно, новѣйшія морскія позвоночныя фауны болѣе разнообразны, нежели древнѣйшія изъ извѣстныхъ намъ. Точно также, нельзя сдѣлать подобнаго возраженія и противъ факта, что третичныя формаціи заключаютъ въ себѣ остатки гораздо многочисленнѣйшихъ разрядовъ и родовъ млекопитающихъ, нежели вторичныя формаціи. Еслибъ мы хотѣли удовольствоваться лучшимъ изъ рѣшеній вопроса, мы могли бы привести мнѣніе д-ра Карпентера, который говоритъ, что «общіе факты палеонтологіи, кажется, утверждаютъ предположеніе, что *одинъ и тотъ же планъ* можно прослѣдить какъ въ явленіяхъ, которыя можно назвать *общей жизнью земнаго шара*, такъ и въ *индивидуальной жизни* каждой формы организованныхъ существъ,

населяющихъ его нийѣ.» Или мы могли бы привести, какъ рѣшительное, мнѣніе профессора Оуэна, который полагаетъ, что наиболѣе ранніе образцы каждой группы твореній порознь, гораздо менѣе удалялись отъ общаго прототипа, нежели позднѣйшіе; что взятые отдѣльно, они были менѣе несходны съ основной формой, общей цѣлой группѣ, — т. е. составляли менѣе разнородную группу твореній. Оуэнъ поддерживаетъ далѣе ученіе о біологической прогрессіи. Но изъ уваженія къ авторитету, который мы ставимъ очень высоко и который полагаетъ, что свидѣтельства, полученныя донынѣ, ни въ какомъ случаѣ не достаточны для произнесенія рѣшительнаго приговора, — мы готовы оставить вопросъ нерѣшеннымъ.

Проявляется ли, или нѣтъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному въ біологической исторіи земнаго шара, — во всякомъ случаѣ онъ достаточно ясно видѣнъ въ прогрессѣ позднѣйшаго и наиболѣе разнороднаго творенія — въ человѣкѣ. Столь же справедливо и то, что въ періодъ заселенія земли человѣческой организмъ становился все болѣе и болѣе разнороднымъ, въ образованныхъ частяхъ своего вида, и что весь видъ этотъ, какъ цѣлое, становился разнороднѣе въ силу умноженія расъ и дифференцированія этихъ расъ одной отъ другой. Въ доказательство перваго изъ этихъ положеній, мы можемъ привести фактъ, что въ относительномъ развитіи членовъ цивилизованный человѣкъ гораздо болѣе удаляется отъ общаго типа плацентныхъ млекопитающихъ, нежели низшія человѣческія расы. Часто, при правильно развитомъ тѣлѣ и рукахъ, папуасъ имѣетъ чрезвычайно короткія ноги; напоминая такимъ образомъ четырехрукихъ, у которыхъ нѣтъ большаго различія въ размѣрѣ заднихъ и переднихъ членовъ. Въ европейцѣ же бóльшая длина и массивность ногъ сдѣлалась чрезвычайно замѣтною; задніе и передніе члены стали относительно разнороднѣе. Далѣе, бóльшій перевѣсъ черепныхъ костей надъ лицевыми поясняетъ ту же истину. Между позвоночными вообще прогрессъ выражается увеличивающеюся разнородностью въ позвоночномъ столбѣ, и особенно въ позвонкахъ, образующихъ черепъ, такъ что высшія формы отличаются относительно бóльшимъ объемомъ костей, покрывающихъ мозгъ, и

относительно меньшимъ объемомъ тѣхъ, которыя образуютъ челюсть, и т. д. Эта характеристическая черта, болѣе рѣзкая въ человѣкѣ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ существѣ, выдается у европейца рѣзче, чѣмъ у дикаго. Сверхъ того, судя по болшей обширности и разнообразію выказываемыхъ имъ способностей, мы можемъ заключить, что цивилизованный человѣкъ имѣетъ также болѣе сложную или болѣе разнородную нервную систему, нежели нецивилизованный; и дѣйствительно, фактъ этотъ видѣнъ въ возрастающемъ отношеніи размѣровъ мозга къ соответствующимъ нервнымъ узламъ. Если нужно дальнѣйшее разъясненіе, то мы найдемъ его во всякой дѣтской комнатѣ. Европейское дитя имѣетъ нѣсколько чертъ, рѣзко сходныхъ съ чертами низшихъ человѣческихъ расъ, какъ напр. плоскость крыльевъ носа, вогнутое переносье, расходящіяся и раскрытыя спереди ноздри, форму губъ, отсутствіе лобной впадины, широкое разстояніе между глазами, короткія ноги. А такъ какъ процессъ развитія, путемъ котораго эти черты превращаются въ черты взрослого европейца, составляетъ продолженіе того перехода отъ однороднаго въ разнородное, который проявляется въ предшествующемъ развитіи зародыша и который допустить всякій физиологъ,—то можно заключить, что параллельный процессъ развитія, путемъ котораго тѣ же черты дикихъ расъ превратились въ черты цивилизованныхъ расъ,—былъ тоже продолженіемъ перехода отъ однороднаго къ разнородному. Истина втораго положенія—что родъ человѣческій, какъ цѣлое, сталъ болѣе разнороднымъ—такъ очевидно, что едва ли требуетъ поясненія. Всякое этнологическое сочиненіе, свидѣтельствуетъ объ этой истинѣ своими раздѣленіями и подраздѣленіями расъ. Даже, допустивъ гипотезу, что родъ человѣческій происходитъ отъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ корней, все-таки остается справедливымъ, что такъ какъ отъ каждаго изъ этихъ корней произошли многія, нымъ значительно разнящіяся между собой, племена, общность происхожденія которыхъ доказана филологическими свидѣтельствами, то раса, какъ цѣлое, стала гораздо менѣе однородна теперь, нежели была прежде. Прибавимъ къ этому, что мы имѣемъ въ англо-американцахъ образецъ новой разновидности, возникшей въ нѣсколько поколѣній; и если въ-

рять описаніямъ наблюдателей, будемъ вѣроятно скоро имѣть подобный же образецъ и въ Австраліи.

Перехода отъ индивидуальныхъ формъ челоѳчества къ роду челоѳческому, соціально-организованному, мы находимъ, что общій законъ подтверждается еще болѣе многочисленными примѣрами. Переходъ отъ однороднаго къ разнородному одинаково проявляется какъ въ прогрессѣ всей цивилизаціи, такъ и въ прогрессѣ каждаго племени или народа, и продолжается постоянно съ возрастающей быстротой. Какъ мы видимъ въ доселѣ существующихъ дикихъ племенахъ, общество, въ своей первой и низшей формѣ, есть однородное собраніе личностей, имѣющихъ одинаковую власть и одинаковую дѣятельность; единственное замѣтное различіе обусловливается тутъ различіемъ пола. Каждый челоѳкъ воинъ, охотникъ, рыбакъ, оружейникъ, строитель; каждая женщина исполняетъ одинакія домашнія работы; каждое семейство само удовлетворяетъ своимъ потребностямъ и, за исключеніемъ случаевъ нападенія или защиты, могло бы жить отдѣльно отъ прочихъ. Съ весьма раннихъ поръ, однако, въ процессѣ соціального развитія, мы находимъ зарождающееся дифференцированіе между управляющими и управляемыми. Что то въ родѣ старѣйшинства является, кажется, одновременно съ зачатками перехода отъ состоянія отдѣльно странствующихъ семействъ къ состоянію кочующаго племени. Авторитетъ сильнѣйшаго даетъ себя чувствовать въ шайкѣ дикихъ, какъ въ стадѣ животныхъ или въ толпѣ школьниковъ. Вначалѣ, однако, авторитетъ этотъ неопредѣленъ, шатокъ; имъ пользуются и другіе члены, обладающіе приблизительно такой же силой; онъ не сопровождается какимъ-либо различіемъ въ занятіяхъ или образѣ жизни: первый правитель самъ убиваетъ свою добычу, самъ дѣлаетъ свое оружіе, самъ строитъ свою хижину и, съ экономической точки зрѣнія, ничѣмъ не отличается отъ другихъ членовъ своего племени. Мало по малу, по мѣрѣ возрастанія племени, различіе между управляющими и управляемыми становится болѣе опредѣленнымъ. Верховная власть становится наследственной въ одномъ семействѣ; глава этого семейства, переставъ самъ заботиться о своихъ нуждахъ, принимаетъ услуги другихъ и начинаетъ усвоивать

единственную роль—правителя. Рядомъ съ этимъ управленіемъ, сталъ возникать сродный ему видъ управленія—управленіе религіозное. По свидѣтельству всѣхъ древнихъ памятниковъ и преданій, на самыхъ раннихъ правителей смотрѣли какъ на лицъ священныхъ. Правила и повелѣнія, высказанныя ими при жизни, считаются священными послѣ ихъ смерти и еще прочіе утверждаются ихъ обоготворяемыми преемниками, которые, въ свою очередь, вводятся въ пантеонъ расы, для обожанія и умилостивленія на-ряду съ ихъ предшественниками, изъ коихъ древнѣйшій считается верховнымъ богомъ, а остальные — второстепенными богами. Долгое время, эти двѣ сродныя формы управленія—гражданское и религіозное—продолжаютъ держаться въ тѣсной связи. Въ теченіе цѣлаго ряда поколѣній король продолжаетъ быть первосвященникомъ, а священство продолжаетъ состоять изъ членовъ царственной расы. Въ теченіе многихъ вѣковъ, религіозный законъ продолжаетъ заключать въ себѣ болѣе или менѣе значительное количество гражданскихъ указаній, а гражданскій законъ продолжаетъ болѣе или менѣе сохранять религіозную санкцію; даже и между наиболѣе образованными народами эти два правящіе дѣятеля отнюдь не вполне дифференцированы одинъ отъ другаго. Далѣе мы находимъ еще правшаго дѣятеля, имѣющаго одинъ корень съ предъидущими, но постепенно уклоняющагося отъ нихъ: это обычай и церемоніальные обряды. Всѣ почетныя титулованія составляютъ первоначально принадлежность бога-государя; потомъ бога и государя; еще позднѣе знатныхъ особъ, и, наконецъ, нѣкоторыя изъ нихъ переходятъ въ отношенія равнаго къ равному. Всѣ формы привѣтственныхъ обращеній были вначалѣ выраженіями покорности плѣнныхъ къ побѣдителю, или подданныхъ къ правителю-человѣку или богу; а впоследствии выраженія эти стали употребляться для умилостивленія второстепенныхъ властей и понемногу спустились въ обыкновенныя отношенія людей. Всѣ виды поклоновъ были нѣкогда склоненіемъ предъ монархомъ или выраженіемъ обожанія послѣ его смерти. Вслѣдъ затѣмъ, поклоненія стали воздаваться и другимъ членамъ божественной расы, а затѣмъ нѣкоторыя поклонныя стали постепенно считаться чѣмъ-

то должнымъ всякому. ⁽¹⁾ Такимъ образомъ, едва только социальная масса, бывшая первоначально однородною, начинаетъ дифференцироваться на управляемую и управляющую части, какъ послѣдняя уже являетъ зарождающееся дифференцированіе между религіозной и гражданской частями—между церковью и государствомъ; между тѣмъ какъ одновременно отъ обѣихъ изъ нихъ начинается дифференцироваться тотъ, менѣ опредѣленный, видъ управленія, который узаконяетъ наше ежедневное обращеніе съ людьми,—видъ управленія, который, какъ доказываютъ геральдическія коллегіи, книги перства и различные церемоніймейстеры, не лишентъ своего рода воплощенія. Каждая изъ отдѣлившихся частей въ свою очередь подвержена послѣдовательнымъ дифференцированіямъ. Въ теченіе вѣковъ возникаетъ, какъ это произошло и у насъ, въ высшей степени сложная политическая организація, заключающая въ себѣ монарха, министровъ, палаты лордовъ и общинъ, съ подчиненными имъ департаментами, судами, казначействами и т. д., дополняемыми еще въ провинціяхъ муниципальными управленіями, управленіями графствъ, приходскими управленіями, изъ которыхъ каждое болѣе или менѣе выработано. Рядомъ съ ними вырастаетъ въ высшей степени сложная религіозная организація, съ различными своими степенями церковныхъ должностей, отъ архіепископовъ до ключарей, съ коллегіями, конвокаціями, церковными судами и пр.; а ко всему этому должно прибавить постоянно размножающіяся секты индипендентовъ, имѣющія каждая свои общія и мѣстныя управленія. И въ тоже время вырабатывается въ высшей степени сложная агрегація обычаевъ, нравовъ и временныхъ обыкновений, принятыхъ цѣлымъ обществомъ и получающихъ руководящее значеніе въ тѣхъ обыденныхъ сношеніяхъ между личностями, которыя не опредѣлены ни гражданскимъ, ни религіознымъ закономъ. Сверхъ того, должно замѣтить, что эта постоянно возрастающая разнообразность правительственныхъ средствъ каждаго народа сопро-

⁽¹⁾ Подробныя доказательства этого положенія см. ниже, въ статьѣ: «Права и Обычаи».

вождалась возрастающей разнородностью правительственныхъ средствъ различныхъ народовъ: ибо каждый изъ нихъ болѣе или менѣе отличается отъ другаго своей политической системой и законодательствомъ, своими вѣрованіями и религіозными учрежденіями, своими обычаями и церемоніальными обрядами.

Одновременно съ этимъ, происходило другое дифференцированіе, въ болѣе низкой сферѣ; то именно, путемъ котораго масса общины распалась на отдѣльные классы и разряды рабочихъ. Между тѣмъ какъ управляющая часть подвергалась сложному развитію, указанному выше, управляемая часть подвергалась одинаково сложному развитію, результатомъ котораго было мелочное распредѣленіе труда, характеризующее цивилизованные народы. Нѣтъ надобности слѣдить за этимъ прогрессомъ отъ низшихъ его стадій, сквозь кастовыя раздѣленія Востока и цѣховыя корпораціи Европы, до выработанной организаціи производства и распредѣленія, существующей среди насъ. Политико-экономы давно уже описали это развитіе, начинающееся съ племени, члены котораго порознь исполняютъ одну и ту же вещь, каждый для себя, и кончающееся образованной общиной, члены которой порознь исполняютъ различныя вещи одинъ для другаго; политико-экономы указали, кромѣ того, тѣ измѣненія, путемъ которыхъ одинокій производитель какого-либо предмета превращается въ собраніе производителей, которые, будучи соединены подъ руководствомъ одного мастера, занимаются отдѣльными частями производства этого предмета. Но есть еще другіе, высшіе фазисы въ этомъ переходѣ промышленной организаціи общества отъ однороднаго къ разнородному. Долго спустя послѣ того, какъ произошелъ уже значительный прогрессъ въ раздѣленіи труда между различными классами рабочихъ, не замѣтно еще было почти никакого раздѣленія труда между отдѣльными частями общины: народъ продолжаетъ быть сравнительно однороднымъ въ томъ отношеніи, что въ каждой мѣстности отправляются одиѣ и тѣ же занятія. Но по мѣрѣ того, какъ дороги и другія средства перемѣщенія становятся многочисленнѣе и лучше, различныя мѣстности начинаютъ усваивать себѣ различныя отправленія и становятся во взаимную зависимость. Бу-

магопрядильная мануфактура помѣщается въ одномъ графствѣ, суконная въ другомъ; шелковыя матеріи производятся здѣсь, кружева тамъ; чулки въ одномъ мѣстѣ, башмаки въ другомъ; горшечное, желѣзное, ножевое производства избираютъ себѣ наконецъ отдѣльные города; и, въ заключеніе, каждая мѣстность становится болѣе или менѣе отличною отъ другихъ, по главному роду своего занятія. Мало того: это подраздѣленіе отправленій является не только между различными частями одного и того же народа, но и между различными народами. Обиѣтъ произведеній, который свободная торговли обѣщаетъ увеличить въ такой значительной степени, будетъ имѣть окончательнымъ результатомъ большую или меньшую степень специализированія промышленности каждаго народа. Такъ что, начиная съ дикаго племени, почти — если не совсѣмъ — однороднаго въ отправленіяхъ своихъ членовъ, прогрессъ шель, и теперь еще идетъ, къ экономическому объединенію всей человѣческой расы; онъ становится все болѣе разнороднымъ относительно отдѣльныхъ отправленій, усвоенныхъ различными народами, отдѣльныхъ отправленій, усвоенныхъ частями каждаго народа, отдѣльныхъ отправленій, усвоенныхъ многочисленными разрядами производителей и промышленниковъ каждаго города, и отдѣльныхъ отправленій, усвоенныхъ рабочими, соединившимися въ производствѣ каждаго изъ произведеній.

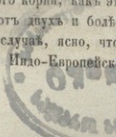
Законъ этотъ, выказывающійся столь ясно въ развитіи социальнаго организма, такъ же ясно выказывается и въ развитіи всѣхъ произведеній человѣческой мысли и человѣческихъ дѣйствій, конкретных или абстрактныхъ, реальныхъ или идеальныхъ. Возьмемъ для перваго поясненія языкъ.

Низшая форма языка есть восклицаніе, посредствомъ котораго цѣлая идея смутно передается однимъ звукомъ, какъ у низшихъ животныхъ. Мы не имѣемъ доказательствъ, чтобы языкъ человѣческой когда-нибудь состоялъ изъ однихъ восклицаній и былъ, такимъ образомъ, строго однороденъ относительно своихъ частей рѣчи. Но что языкъ прошелъ форму, въ которой имена и глаголы составляли единственные его элементы, это фактъ положительный. Въ постепенномъ размноженіи частей рѣчи изъ этихъ двухъ первоначальныхъ частей, въ дифференцированіи гла-

головъ на дѣйствительные и страдательные, именъ на абстрактныя и конкретныя, въ появленіи различныхъ наклоненій, временъ, лицъ, чиселъ и падежей, въ образованіи вспомогательныхъ глаголовъ, именъ прилагательныхъ, нарѣчій, мѣстоименій, предлоговъ, членовъ,—въ разнообразіи тѣхъ классовъ, родовъ, видовъ и разновидностей частей рѣчи, которыми образованныя расы выражаютъ мелкіе оттѣнки смысла, мы видимъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному. Мимоходомъ можно замѣтить, что англійскій языкъ превосходитъ всѣ прочіе преимущественно тѣмъ, что это подраздѣленіе отправленій доведено въ немъ до наибольшей полноты. Другая точка зрѣнія, съ которой мы можемъ прослѣдить развитіе языка, это—дифференцированіе словъ близкаго смысла. Филологи давно открыли истину, что во всѣхъ языкахъ слова могутъ быть сгруппированы въ семейства, имѣющія общее происхожденіе. Первоначальное названіе, придаваемое безразлично каждому изъ обширныхъ и смутно-определенныхъ разрядовъ предметовъ или дѣйствій, скоро подвергается измѣненіямъ, выражающимъ главныя раздѣленія этого разряда. Эти отдѣльныя названія, происходящія отъ первоначальнаго корня, въ свою очередь порождаютъ другія названія, тоже потомъ измѣняющіяся. И при помощи быстро возникающихъ систематическихъ способовъ образованія производныхъ и сложныхъ терминовъ, выражающихъ все меньшія различія, развивается наконецъ цѣлое племя словъ, столь разнородное въ звукахъ и значеніяхъ, что непосвященному кажется невѣроятнымъ, чтобы они происходили отъ общаго корня. Между тѣмъ, отъ другихъ корней развивались другія такія же племена, пока въ результатѣ не образовался языкъ въ шестьдесятъ и болѣе тысячъ словъ, несходныхъ между собой и обозначающихъ такое же число несходныхъ между собой предметовъ, качествъ и дѣйствій. Еще другой путь, которымъ языкъ человѣческій вообще подвигается отъ однороднаго къ разнородному, есть разнороженіе языковъ. Произшли ли всѣ языки отъ одного корня, какъ это думаютъ Максъ Мюллеръ и Бунзенъ, или отъ двухъ и болѣе, какъ говорятъ другіе филологи, во всякомъ случаѣ, ясно, что если большія семейства языковъ, какъ напр. Индо-Европейское, и имѣютъ об-

Спенсеръ. Опыты, т. I.

TS

3251
09

шее происхожденіе, то теперь они стали различны между собой, вслѣдствіе непрерывавшагося ихъ разхожденія. То же самое разпространеніе рода человѣческаго по поверхности земли, которое повело за собою дифференцированіе расы, одновременно произвело и дифференцированіе языка: это истина, подтвержденіе которой мы встрѣчаемъ почти повсюду въ особенностяхъ нарѣчій одного и того же народа въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ. Итакъ, прогрессъ языка человѣческаго подчиняется одному и тому же закону, какъ въ развитіи языковъ, такъ и въ развитіи семействъ словъ, и въ развитіи частей рѣчи.

Переходя отъ устнаго языка къ письменному, мы сталкиваемся съ отдѣльными разрядами фактовъ, которые ведутъ къ одинаковымъ выводамъ. Письменный языкъ сроденъ съ живописью и скульптурой, и вначалѣ всѣ три отрасли были допознениемъ архитектуры и стояли въ прямой связи съ первобытной формой всякаго правительства—теократіей. Упомянувъ только мимоходомъ фактъ, что нѣкоторые варварскія племена, какъ напримѣръ австралійцы и жители южной Африки, изображаютъ людей и происшествія на стѣнахъ подземныхъ пещеръ, вѣроятно считающихся у нихъ священными мѣстами, перейдемъ прямо къ египтянамъ. У нихъ, также какъ и у ассиріянъ, мы находимъ, что стѣнная живопись употреблялась для украшенія храмовъ и дворцовъ (которые, впрочемъ, были первоначально тожественны); и поэтому она была дѣломъ правительства, въ такомъ же смыслѣ, какъ государственныя торжества и религіозные обряды. Далѣе, она была дѣломъ правительства еще и потому, что изображала поклоненіе богу, триумфы бого-государя, покорность его подданныхъ и наказаніе мятевныхъ. Она составляла средство въ рукахъ правительства еще и потому, что представляла произведенія искусства, уважавшагося народомъ, какъ священное таинство. Изъ обыкновеннаго употребленія этихъ живописныхъ изображеній естественно произошло, слегка измѣненное употребленіе живописныхъ письменъ, существовавшее еще въ Мексикѣ, во время ея открытія европейцами. Путемъ сокращеній, сходныхъ съ тѣми, которыя приняты и въ нашемъ письменномъ и устномъ языкѣ, наиболѣе извѣстныя изъ этихъ фигуръ были постепенно упрощены; и наконецъ обра-

зовалась цѣлая система символовъ, большая часть которыхъ имѣла только весьма слабое сходство съ замѣненными ими изображениями. Предположеніе, что гіероглифы египтянъ произошли такимъ образомъ, подтверждается фактомъ, что живописныя письма мексиканцевъ дали, какъ оказалось, начало подобному же семейству идеографическихъ формъ, которыя, какъ у мексиканцевъ, такъ и у египтянъ, дифференцировались частью въ *куріологическія* или подражательныя, и *тропическія* или символическія, — и тѣ и другія встрѣчаются однако рядомъ въ однихъ и тѣхъ же памятникахъ. Въ Египтѣ, въ письменномъ языкѣ произошло дальнѣйшее дифференцированіе, имѣвшее результатомъ *пѣратическій* и *эпистографическій* или *эпхоріальный* языки: оба произошли изъ первоначальнаго — гіероглифическаго. Въ тоже время мы видимъ, что для выраженія собственныхъ именъ, которыхъ инымъ способомъ нельзя было передать, употреблялись фонетическіе символы; и хотя доказано, что египтяне никогда не доходили до азбучныхъ письменъ, однако едвали можно сомнѣваться, что эти фонетическіе символы, употреблявшіеся иногда въ помощь идеографическимъ, были зародышами, изъ которыхъ выросли азбучныя письмена. Отдѣлившись отъ гіероглифовъ, азбучное письмо въ свою очередь подверглось многочисленнымъ дифференцированіямъ, явились разнообразныя азбуки, между которыми, однако, все-еще можно отыскать большую или меньшую связь. У каждаго образованнаго народа выработалось постепенно, для представленія одной и той же группы звуковъ, нѣсколько группъ письменныхъ знаковъ, употребляемыхъ для различныхъ цѣлей. Въ заключеніе, путемъ еще болѣе значительнаго дифференцированія, явилось книгопечатаніе, которое было вполнѣ единообразно вначалѣ и съ теченіемъ времени сдѣлалось разнообразнымъ.

Между тѣмъ какъ письменный языкъ проходилъ первыя ступени своего развитія, корень его, стѣнное украшеніе, дифференцировался въ живопись и скульптуру. Представляемые этими украшеніями боги, цари, люди и животныя, были первоначально очерчены врубленными линіями и раскрашены. Чаше всего эти линіи такъ глубоки, и предметъ, очерченный ими, настолько округленъ и отдѣланъ въ главныхъ чертахъ, что эти произ-

веденія образуютъ нѣчто среднее между рѣзной работой и барельефомъ. Въ другихъ случаяхъ мы видимъ улучшения: не отдѣланныя пространства между фигурами вырѣзаны прочь, самыя фигуры прилично выкрашены, такъ что образуется раскрашенный барельефъ.

Реставрированная ассирійская архитектура въ Сиденгамъ представляетъ этотъ стиль искусства доведеннымъ до еще большаго совершенства: изображенные лица и предметы, хотя все-еще варварски раскрашенные, вырѣзаны съ большей точностью и съ большими подробностями; въ крылатыхъ львахъ и быкахъ, поставленныхъ на углахъ воротъ, можно замѣтить значительный шагъ впередъ къ совершенной скульптурной фигурѣ, которая, однако, все-еще раскрашена и все-еще составляетъ часть здания. Но между тѣмъ какъ въ Ассиріи мы почти не видимъ попытокъ къ произведенію статуй, въ египетскомъ искусствѣ мы можемъ прослѣдить постепенное отдѣленіе скульптурныхъ фигуръ отъ стѣны. Обзоръ коллекцій Британскаго музея ясно показываетъ это; онѣ даютъ въ тоже время случай замѣтить очевидныя слѣды того, какъ отдѣльныя статуи берутъ свое начало изъ барельефовъ: это видно не только изъ того, что почти всѣ онѣ представляютъ такую связь членовъ съ тѣломъ, какаа характеризуетъ барельефы, но и изъ того, что задняя сторона статуи представляетъ съ головы до ногъ гладкій обрубокъ, замѣнившій для статуи прежнюю стѣну. Въ Греціи повторились тѣ же главныя стадіи этого прогресса. И здѣсь, какъ въ Египтѣ и Ассиріи, сродныя искусства были первоначально соединены между собой и съ ихъ родоначальникомъ—архитектурой и составляли пособіе религіи и правительства. На фризахъ греческихъ храмовъ мы видимъ раскрашенные барельефы, изображающіе жертвоприношенія, сраженія, процессіи, игры—все съ религіознымъ характеромъ. На фронтонахъ мы видимъ раскрашенныя скульптурныя изображенія, болѣе или менѣе связанныя съ тимпаномъ и имѣющія предметомъ своимъ тріумфы боговъ или героевъ. Даже, дойдя до статуй, положительно отдѣленныхъ отъ зданий, мы все-еще находимъ ихъ раскрашенными, и только въ послѣдніе періоды греческой цивилизаціи совершилось окончательное дифференци-

рованіе скульптуры отъ живописи. Въ христіанскомъ искусствѣ мы видимъ ясныя слѣды параллельнаго зарожденія. Всѣ древнѣйшія живописныя и скульптурныя изображенія были религіознаго характера—представляли Христа, распятіе, св. дѣву, святое семейство, апостоловъ, святыхъ. Они составляли нераздѣльныя части церковной архитектуры, и составляли одно изъ средствъ къ возбужденію набожности, какъ составляютъ его и до сихъ поръ въ католическихъ странахъ. Сверхъ того, древнія скульптурныя изображенія Христа на крестѣ, св. дѣвы, святыхъ—были раскрашены; и достаточно припомнить раскрашенныхъ мадоннъ и такія же распятія, до сихъ поръ въ изобиліи встрѣчающихся въ католическихъ церквахъ и на большихъ дорогахъ, — чтобъ понять тотъ знаменательный фактъ, что живопись и скульптура продолжаютъ состоять въ тѣсной связи другъ съ другомъ тамъ, гдѣ продолжается и тѣсная связь ихъ съ ихъ родоначальникомъ. Даже, когда христіанская скульптура была уже довольно ясно дифференцирована отъ живописи, то и тогда характеръ ея оставался все-еще религіознымъ и правительственнымъ; она употреблялась для гробницъ въ церквахъ и для статуй королей; между тѣмъ какъ живопись, тамъ, гдѣ она не была чисто-духовной, употреблялась для украшенія дворцовъ,—но, кромѣ изображенія королевскихъ особъ, посвящалась все-таки исключительно священнымъ легендамъ. Только въ очень недавнее время живопись и скульптура стали чисто-свѣтскими искусствами. Только въ теченіе немногихъ послѣднихъ столѣтій живопись раздѣлилась на историческую, пейзажную, морскую, архитектурную, жанровую, животную и т. д., а скульптура стала разнородною относительно сюжетовъ, которыми она занимается.

Странно кажется, но тѣмъ неменѣе справедливо, что всѣ формы письменнаго языка, живописи и скульптуры имѣютъ одинъ общій корень въ политическо-религіозныхъ украшеніяхъ древнихъ храмовъ и дворцовъ. Бюстъ, стоящій на консоли, пейзажъ, висящій на стѣнѣ, экземпляръ «*Times'a*», лежащій на столѣ, состоятъ между собой въ отдаленномъ родствѣ, какъ ни мало сходства имѣютъ они теперь между собой; они средны не только по своей природѣ, но и по пути, которымъ выработались. Мѣдная

ручка двери, только-что отворенной почталономъ, средна нетолько политипажамъ «*Лондонской Иллюстрации*», которую онъ принесъ, но и буквамъ любовной записки, сопровождающей ее. Расписанное окно, молитвенникъ, на который падаетъ изъ него свѣтъ, и ближайшій городской памятникъ — однокровны. Изображеніе на нашихъ монетахъ, вывѣски надъ лавками, знаки, наполняющіе всякую бухгалтерскую книгу, гербъ на каретныхъ дверцахъ и объявленія, наклеенныя внутри omnibusовъ вмѣстѣ съ куклами, съ «*Синими книгами*» и обоями—произошли по прямой линіи отъ грубыхъ скульптурно-живописныхъ изображеній, въ которыхъ египтяне представляли триумфы и обожаніе своихъ бого-государей. Кажется нельзя привести другаго примѣра, который бы живѣе пояснялъ многообразіе и разнородность произведеній, могущихъ, съ теченіемъ времени, возникнуть путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій отъ одного общаго корня.

Прежде нежели мы перейдемъ къ другому классу фактовъ, надо замѣтить, что развитіе однороднаго въ разнородное проявляется не только въ отдѣленіи живописи и скульптуры отъ архитектуры, въ отдѣленіи одной отъ другой и въ большемъ разнообразіи предметовъ, обнимаемыхъ каждою изъ этихъ отраслей, но является и далѣе въ строеніи каждаго отдѣльнаго произведенія. Новѣйшая картина или статуя, по природѣ своей, гораздо разнообразнѣе древней. Египетская скульптурная фреска представляетъ всѣ фигуры какъ будто на одномъ планѣ, т. е. на одинаковомъ разстояніи отъ глаза, и поэтому менѣе разнородна, нежели картина, изображающая ихъ какъ-бы въ разныхъ разстояніяхъ отъ глаза. Она представляетъ всѣ предметы освѣщенными одинаковой степенью свѣта и такимъ образомъ менѣе разнородна, нежели картина, представляющая различные предметы и различныя части этихъ предметовъ освѣщенными разными степенями свѣта. Она едва употребляетъ какія-либо другія краски, кромѣ основныхъ, и употребляетъ ихъ въ полной ихъ силѣ, и поэтому менѣе разнородна, нежели картина, которая, вводя основныя краски въ очень небольшомъ размѣрѣ, употребляетъ безконечное разнообразіе промежуточныхъ цвѣтовъ, которые всѣ различаются меж-

ду собою не только по составу и свойствамъ, но и по силѣ. Сверхъ того, мы видимъ въ этихъ древнѣйшихъ произведеніяхъ большое разнообразіе концепціи. Они постоянно воспроизводятъ то же распредѣленіе фигуръ, тѣ же дѣйствія, положенія, лица, костюмы. Въ Египтѣ способы изображеній были такъ точно опредѣлены, что введеніе чего-нибудь новаго считалось святотатствомъ; и дѣйствительно, только вслѣдствіе вполнѣ установившагося способа изображенія система гіероглифовъ становилась возможной. Ассирійскіе барельефы представляютъ такія же свойства. Божества, цари, прислужники, крылатыя фигуры и животныя, всѣ порознь представлены въ одинаковыхъ положеніяхъ, держащими одинаковыя орудія, занятыми однимъ и тѣмъ же дѣломъ и съ одинаковымъ выраженіемъ или съ одинаковымъ отсутствіемъ выраженія въ лицѣ. Если представлена пальмовая роща, то всѣ деревья одинаковы по вышинѣ, всѣ имѣютъ одинаковое число листьевъ и всѣ стоятъ на одинаковомъ разстояніи одно отъ другаго. Въ изображеніи воды, каждая волна имѣетъ соотвѣтственную себѣ такую же волну; и рыбы, почти всегда одного и того же вида, равномерно распредѣлены на поверхности воды. Бороды царей, боговъ и крылатыхъ фигуръ вездѣ одинаковы, также какъ и гривы львовъ и лошадей. Волоса всюду изображены въ одинаковой формѣ кудрей. Борода царя построена совершенно-архитектурно изъ сложныхъ рядовъ однообразныхъ волнъ, перемежающихся съ рядомъ кудрей, проведеннымъ въ поперечной линіи, и все это распредѣлено съ полной правильностію; пучки волосъ на концахъ бычачьихъ хвостовъ изображены вездѣ точь-въ-точь одинаково. Мы не будемъ слѣдить далѣе за тождественными фактами изъ первой эпохи христіанскаго искусства, гдѣ они также видны, хотя въ слабѣйшей степени: переходъ къ разнообразности будетъ достаточно очевиденъ, если мы вспомнимъ, что въ картинахъ нашего времени концепція разнообразна до безконечности; положенія, лица, выраженія все разнообразно; второстепенные предметы различаются между собой въ величинѣ, формѣ, положеніи и строеніи; даже въ мельчайшихъ подробностяхъ есть большая или меньшая разница. Если мы сравнимъ египетскую статую, сидящую совершенно прямо на обрубкѣ, по-

ложа руки на колѣна, съ вытянутыми и параллельными пальцами, съ глазами смотрящими прямо впередъ, статую, обѣ стороны которой совершенно симметричны въ каждой частности, — со статуей поздѣйшей греческой или новѣйшей школы, не симметричной относительно положенія головы, тѣла, членовъ, положенія волосъ, одежды, принадлежностей и относительно окружающихъ ее предметовъ, — то найдемъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному выраженнымъ весьма ясно.

Въ совмѣстномъ происхожденіи и постепенномъ дифференцированіи поэзіи, музыки и танцевъ мы находимъ другой рядъ поясненій. Размѣръ въ рѣчи, размѣръ въ звукѣ и размѣръ въ движеніи были вначалѣ частями одного и того же цѣлаго и только съ теченіемъ времени части эти стали вещами отдѣльными. У различныхъ, доселѣ существующихъ, дикихъ племенъ мы находимъ ихъ все-еще соединенными. Танцы дикихъ сопровождаются извѣстнымъ монотоннымъ напѣвомъ, хлопаньемъ въ ладони, ударами въ грубые инструменты; это — мѣрные движенія, мѣрные слова и мѣрные звуки; и всѣ церемоніи, относящіяся къ войнѣ или жертвоприношеніямъ, имѣютъ характеръ правительственный. Въ древнѣйшихъ памятникахъ историческихъ расъ мы также находимъ эти три формы ритмическаго дѣйствія соединенными въ религиозныхъ празднествахъ. Изъ еврейскихъ книгъ видно, что торжественная ода, сочиненная Моисеемъ на побѣду надъ египтянами, пѣлась съ аккомпаниментомъ тавцевъ и цыбалъ. Израильтяне плясали и пѣли «при сооруженіи златаго тельца. И такъ какъ обыкновенно полагаютъ, что это изображеніе божества было заимствовано изъ таинствъ Аписа, то, вѣроятно, и пляски были подражаніемъ египетскимъ пляскамъ въ подобныхъ же случаяхъ.» На священныхъ празднествахъ въ Шило бывали ежегодныя пляски, и Давидъ плясалъ предъ кивотомъ Завета. Въ Греціи замѣтно подобное же отношеніе: основнымъ типомъ было тамъ, какъ вѣроятно и вездѣ, одновременное воспѣваніе и мимическое представленіе жизни и приключеній божествъ. Спартанскія пляски сопровождались гимнами и пѣснями; и вообще у грековъ не было «празднествъ или религиозныхъ собраний, которыя не сопровождалась бы пѣснями и плясками», такъ какъ и тѣ и другія

были формами поклоненія предъ алтарями. Римляне тоже имѣли священныя пляски: изъ нихъ извѣстны самійскія и луперкаліанскія. Даже въ христіанскихъ стравахъ, какъ напр. въ Лиможѣ, въ сравнительно недавнее время, народъ плясалъ въ хорѣ въ честь какого-то святаго. Зарождающееся отдѣленіе этихъ, иъ-когда соединенныхъ, искусствъ другъ отъ друга и отъ религіи стало рано замѣтно въ Греціи. Уклоненіе отъ плясокъ полу-религіозныхъ, полу-воинственныхъ, какова была напримѣръ коринѳійская, произвело вѣроятно пляску собственно-военную, виды которой были различны; а отсюда произошли уже свѣтскіе танцы. Между тѣмъ музыка и поэзія, хотя все-еще соединенныя, повсегомъ пріобрѣтали себѣ существованіе независимое отъ танцевъ. Первоначальныя греческія поэмы, религіознаго содержанія, не читались, а пѣлись; и хотя вначалѣ пѣснь поэта сопровождалась танцами хора, но впоследствии она стала независимой. Еще позднѣе, когда поэма дифференцировалась въ эпическую и лирическую, когда вошло въ обыкновеніе лирическую поэму пѣть, а эпическую декламировать, тогда родилась поэзія. Такъ какъ въ этотъ же самый періодъ музыкальные инструменты размножились, то можно полагать, что и музыка получила существованіе отдѣльное отъ словъ. И поэзія и музыка стали тогда усваивать себѣ другія формы, кромѣ религіозной. Можно привести факты, подобнаго же значенія, изъ исторіи позднѣйшихъ временъ и народовъ; какъ напримѣръ — обыкновеніе нашихъ древнихъ менестрелей, которые пѣли подъ звуки арфы героическіе рассказы въ стихахъ, переложенные ими на музыку собственной композиціи, — соединяя такимъ образомъ нынѣ раздѣльныя роли поэта, композитора, пѣвца и музыканта. Но общее происхожденіе и постепенное дифференцированіе танцевъ, поэзіи и музыки достаточно очевидно и безъ дальнѣйшихъ поясненій.

Переходъ отъ однороднаго къ разнородному проявляется не только въ отдѣленіи этихъ искусствъ одного отъ другаго и отъ религіи, но также и въ умножившихся дифференцированіяхъ, чрезъ которыя каждое изъ нихъ впоследствии проходитъ. Чтобы не останавливаться на безчисленныхъ родахъ танцевъ, которые, съ теченіемъ времени, вошли въ употребленіе, и чтобы не рас-

пространяться въ подробномъ описаніи прогресса поэзи, замѣтнаго въ умноженіи разныхъ формъ размѣра, рѣзны и общаго строенія, — ограничимся разсмотрѣніемъ музыки, какъ типа всей группы. По мнѣнію д-ра Борни (Bourne) и какъ это можно заключить изъ обыкновеній, доселѣ существующихъ у дикихъ народовъ, — первые музыкальные инструменты были, безъ сомнѣній, ударные, — палки, выдолбленныя тыквы, там-тамы, — и употреблялись только для обозначенія темпа въ танцахъ; въ этомъ постоянномъ повтореніи одного и того же звука, музыка является намъ въ самой однородной ея формѣ. Египтяне имѣли лиру съ тремя струнами. Древнѣйшая греческая лира была четырехструнная — тетрахордъ. Въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій были употребляемы семи- и осмиструнныя лиры. По истеченіи тысячи лѣтъ онѣ достигли «большой системы», въ двѣ октавы. Среди всѣхъ этихъ измѣненій возникла, конечно, и бѣлая разнородность мелодій. Одновременно съ этимъ вошли въ употребленіе различныя лады — дорическій, іоническій, фригійскій, эолійскій и лидійскій, — соответствующіе нашимъ тонамъ; число ихъ наконецъ дошло до пятнадцати. До сихъ поръ однако въ размѣрѣ музыки было еще мало разнородности. Такъ какъ въ теченіе этого періода инструментальная музыка служила только аккомпаниментомъ вокальной, а вокальная была совершенно подчинена словамъ; — такъ какъ пѣвецъ былъ въ тоже время и поэтъ, поющій свои собственныя сочиненія и согласовавшій длину своихъ нотъ со стопами своихъ стиховъ, — то изъ этого неизбѣжно должно было произойти утомительное однообразіе въ размѣрѣ, которое, какъ говоритъ д-ръ Борни, «железа было прикрыть никакими средствами мелодій.» За недостаткомъ сложнаго ритма, достигаемаго нашими равными тактами и неравными нотами, единственный возможный ритмъ зависѣлъ отъ количества слоговъ и слѣдовательно необходимо былъ сравнительно однообразенъ. Далѣе, можно замѣтить, что напѣвъ, возникавшій такимъ образомъ, будучи чѣмъ-то въ родѣ речитатива, значительно менѣе дифференцировался отъ обыкновенной рѣчи, нежели наше новѣйшее пѣніе. Несмотря на это, благодаря большому числу употребляемыхъ нотъ, разнообразію ладовъ, случайнымъ измѣненіямъ въ

темпъ, зависящимъ отъ измѣненій въ размѣрѣ стиха, и умноженію музыкальныхъ инструментовъ, музыка достигла, къ концу греческой цивилизаціи, значительной разнородности, конечно, не по сравненію съ нашей музыкой, но по сравненію съ предшествовавшей. Но все-таки кромѣ мелодіи не существовало ничего иного: гармонія была неизвѣстна. Только когда христіанская церковная музыка достигла нѣкотораго развитія, появилась и разноголосная музыка, возникшая путемъ весьма незамѣтнаго дифференцированія. Какъ ни трудно понять *a priori*, какимъ образомъ могъ произойти переходъ отъ мелодіи къ гармоніи безъ внезапнаго скачка, тѣмъ неменѣе несомнѣнно, что такъ было дѣло. Обстоятельство, подготовившее путь для этого, состояло въ употребленіи двухъ хоровъ, пѣвшихъ попеременно одну и ту же арію. Впослѣдствіи возникъ обычай—первоначально порожденный вѣроятно ошибкой—чтобы второй хоръ начиналъ прежде, нежели кончить первый, образуя такимъ образомъ фугу. При простыхъ напѣвахъ, бывшихъ тогда въ употребленіи, нѣтъ ничего невѣроятнаго, что фуга эта была отчасти гармонична; и достаточно было только *отчасти* гармонической фуги, чтобы удовлетворить слушателей той эпохи, какъ мы это видимъ по дошедшимъ до насъ образцамъ тогдашней музыки. Какъ только явилась новая идея,—сочиненіе арій, допускавшихъ фугальную гармонію, стало естественно возрастать; какъ до извѣстной степени оно должно было возрастать и изъ очереднаго хороваго пѣнія. Отъ фуги же къ концертной музыкѣ въ три, четыре и болѣе партій — переходъ былъ легокъ. Не указывая подробно на увеличившіяся усложненія, зависѣвшія отъ введенія нотъ различной длины, отъ умноженія тоновъ отъ употребленія акцидентовъ, отъ разнообразія темпа и т. д., надо только сопоставить музыку, какъ она *есть*, и музыку, какъ она *была*, чтобы увидѣть, какъ громадно усиленіе разнородности. Мы увидимъ это, если, взглянувъ на музыку въ ея цѣломъ, переберемъ различныя ея роды и виды; если мы обратимъ вниманіе на раздѣленіе ея на вокальную, инструментальную и смѣшанную; на подраздѣленія ея на музыку для разныхъ голосовъ и разныхъ инструментовъ; если мы рассмотримъ различныя формы духов-

ной музыки, начиная от простаго гимна, гласа, канона, мотета, дву-хорнаго напѣва—до ораторіи, и еще болѣе многочисленныя формы свѣтской музыки, от баллады до серенады, от инструментальнаго соло до симфоніи. Эта же самая истина видна и при сравненіи какого-нибудь образца первобытной музыки съ образцомъ новѣйшей, хотя бы съ обыкновенной пѣснью для фортепiano; мы найдемъ ее, сравнительно, въ высшей степени разнообразной, столько по разнообразію регистровъ и длины нотъ, по числу различныхъ нотъ, звучащихъ въ одну и ту же минуту въ сопровожденіи голоса, и по различнымъ степенямъ силы, съ которой они издаются инструментомъ или голосомъ, но и по перемѣнѣ тоновъ перемѣнѣ темпа, перемѣнѣ интонаціи голоса и многимъ другимъ измѣненіямъ выраженія. Итакъ, между стариннымъ, монотоннымъ плясовымъ пѣніемъ и большой оперой нашихъ дней, съ ея безконечными оркестровыми усложненіями и вокальными комбинаціями, контрастъ въ разнородности дошелъ до такихъ предѣловъ, что кажется едва вѣроятнымъ, чтобы первое могло быть предкомъ второй. Въ случаѣ надобности, можно было бы привести многія дальнѣйшія поясненія. Обращаясь къ тому раннему времени, когда дѣянія бого-государя, воспѣтыя и мимически представленныя плясками вокругъ его алтара, повѣствовались далѣе картинными письменами на стѣнахъ храмовъ и дворцовъ, образуя такимъ образомъ грубый видъ литературы, мы можемъ прослѣдить ходъ литературы чрезъ фазисы, въ которыхъ, какъ въ еврейскихъ писаніяхъ, она соединяетъ въ одномъ и томъ же произведеніи богословіе, космогонію, исторію, біографію, гражданскій законъ, этику, поэзію; чрезъ другіе фазисы, въ которыхъ, какъ напр. въ «Иліадѣ», одинаково смѣшаны элементы религіозные, военные, историческіе, эпическіе, драматическіе и лирическіе и такъ далѣе—до настоящаго ея разнообразнаго развитія, въ которомъ дѣленія и подраздѣленія ея такъ многочисленны и такъ разнообразны, что полная классификація ихъ почти невозможна. Мы можемъ также прослѣдить развитіе науки, начиная съ той эпохи, когда она не была еще дифференцирована отъ искусства и, соединенная съ нимъ, составляла слугу религіи. Перейдя къ эпохѣ, въ которую науки были такъ не-

многочисленны и элементарны, что всё вмѣстѣ обрабатывались одними и тѣми же философами, мы дошли бы наконецъ до той эпохи, въ которую роды и виды наукъ такъ многочисленны, что немногіе въ состояніи перечестъ ихъ и никто не можетъ овладѣть въ совершенствѣ хотя бы однимъ изъ родовъ. Мы можемъ наконецъ точно такъ же рассмотреть архитектуру, драму, исторію одежды. Но читатель, безъ сомнѣнія, утомился всѣми этими поясненіями; и обѣщаніе, данное въ началѣ, выполнено. Мы полагаемъ, что безспорно доказали, что то, что нѣмецкіе физиологи опредѣлили какъ законъ органическаго развитія, есть законъ всякаго развитія. Переходъ отъ простаго къ сложному, путемъ процесса послѣдовательныхъ дифференцированій, одинаково видѣнъ въ самыхъ раннихъ измѣненіяхъ вселенной, до которыхъ мы можемъ дойти путемъ умозаключеній, и въ тѣхъ, опредѣлить которыя мы можемъ путемъ индукціи; этотъ переходъ видѣнъ въ геологическомъ и климатическомъ развитіи земли и въ развитіи каждаго отдѣльнаго организма на ея поверхности; онъ видѣнъ въ развитіи человѣчества, будетъ ли оно разсматриваться въ цивилизованномъ индивидѣ или въ массѣ различныхъ расъ; онъ видѣнъ въ развитіи общества, по отношенію къ его политической, религіозной или экономической организаціи; онъ видѣнъ наконецъ въ развитіи всѣхъ безчисленныхъ конкретных или абстрактныхъ произведеній человѣческой дѣятельности, которыя составляютъ обстановку обыденной нашей жизни. Сущность всего прогресса—начиная съ отдаленнѣйшихъ временъ прошлаго, которыхъ наука имѣетъ хоть какую-нибудь возможность достигнуть, и до вчерашней летучей новости—заключается въ превращеніи однороднаго въ разнородное.

Теперь, изъ этого единообразія въ порядкѣ дѣйствій, не можемъ ли мы заключить о какой-либо основной необходимости, порождающей его? Не можемъ ли мы разумно искать какого-либо вездѣ-присущаго принципа, опредѣляющаго этотъ вездѣ-присущій процессъ вещей? Всеобщность закона не предполагаетъ ли и всеобщую причину?

Возможность проникнуть въ эту причину, разсматриваемую

какъ нумень (вещь сама въ себѣ), невозможно допустить. Это значило бы разрѣшить ту конечную тайну, которая всегда будетъ переходить за предѣлы человѣческаго разума. Но мы все-таки имѣемъ возможность перевести законъ всякаго прогресса, какъ онъ установленъ выше, изъ состоянія эмпирическаго обобщенія къ состоянію рациональнаго обобщенія. Точно такъ, какъ оказалось возможнымъ объяснить законы Кеплера, какъ необходимое слѣдствіе закона тяготѣнія, точно такъ можно истолковать и законъ прогресса, въ его многообразныхъ проявленіяхъ, какъ необходимое слѣдствіе какого-нибудь столь же всеобщаго начала. Какъ тяготѣніе могло быть поставлено *причиной* каждой изъ группъ явленій, формулированныхъ Кеплеромъ, точно такъ и какое-нибудь столь же простое свойство вещей можетъ быть поставлено *причиной* каждой изъ группъ явленій, формулированныхъ на предъидущихъ страницахъ. Мы можемъ связать все эти разнообразныя и сложныя развитія однороднаго въ разнородное съ извѣстными простыми фактами непосредственнаго опыта, которые, въ силу безконечнаго повторенія, мы считаемъ необходимыми.

Допустивъ вѣроятность существованія общей причины и возможность ея формулированія, полезно будетъ, прежде чѣмъ идти далѣе, рассмотреть, каковы могутъ быть общія характеристическія черты этой причины и гдѣ именно слѣдуетъ искать ея. Можно навѣрное предсказать, что она имѣетъ высокую степень общности; изъ того, что она обща столькимъ безконечно разнообразнымъ явленіямъ, надо заключить, что отвлеченность ея характера должна быть пропорціональна всеобщности ея примѣненій. Мы не должны ожидать въ ней прямаго разрѣшенія той или другой формы прогресса—ибо она равно относится и къ такимъ формамъ прогресса, которыя имѣютъ мало вишняго сходства съ какими-либо другими; ея связь съ разнообразными рядами фактовъ подразумеваетъ и отчужденіе ея отъ какого-либо отдѣльнаго разряда фактовъ. Составляя сущность того, что обусловливаетъ прогрессъ всякаго рода: астрономическій, геологическій, органический, этнологическій, социальный, экономическій, художественный и т. д.,—причина эта должна быть въ связи съ какимъ-нибудь основнымъ свойствомъ, общимъ всемъ

имъ и должна выражаться въ терминахъ этого основнаго свойства. Одно явное свойство, въ которомъ сходятся всѣ роды прогресса, состоитъ въ томъ, что всѣ они суть роды *измѣненій* и, слѣдовательно, въ нѣкоторыхъ характеристическихъ чертахъ измѣненій вообще можетъ быть найдено желанное рѣшеніе. Мы можемъ *a priori* предположить, что объясненіе этого всеобщаго превращенія однороднаго въ разнородное лежитъ въ какомъ-нибудь законѣ измѣненій.

Предположивъ это, мы разомъ переходимъ къ установленію слѣдующаго закона: *Каждая дѣйствующая сила производитъ болѣе одного измѣненія, — каждая причина производитъ болѣе одного дѣйствія.*

Для того, чтобъ законъ этотъ былъ правильно понятъ, должно представить нѣсколько примѣровъ. При ударѣ одного тѣла о другое то, что мы обыкновенно называемъ дѣйствіемъ, состоитъ въ измѣненіи положенія или движенія одного или обоихъ тѣлъ. Но одинъ моментъ размышленія укажетъ намъ, какъ необдуманъ и неполонъ подобный взглядъ на вещи. Кромѣ видимаго, механическаго результата, произведенъ еще звукъ, или, выражаясь точнѣе, колебаніе въ одномъ или обоихъ тѣлахъ и въ окружающемъ ихъ воздухѣ: при извѣстныхъ обстоятельствахъ мы и это называемъ дѣйствіемъ. Сверхъ того, въ воздухѣ произошло не только колебаніе, но образовалось и нѣсколько теченій, причиненныхъ прохожденіемъ тѣла. Далѣе, происходитъ перемѣщеніе частицъ тѣла, сосѣднихъ съ точкой ихъ столкновения, — перемѣщеніе, достигающее иногда до замѣтнаго увеличенія плотности тѣла. Еще далѣе, увеличеніе плотности тѣла сопровождается отдѣленіемъ теплоты. Въ иныхъ случаяхъ результатомъ бываетъ искра, т. е. свѣтъ отъ воспламененія отбитой части; а иногда воспламененіе это сопряжено съ химическими сочетаніями. Итакъ, первоначальная, механическая сила, затраченная при ударѣ, производитъ, по крайней мѣрѣ, пять, а часто и болѣе различныхъ родовъ измѣненій. Возьмемъ еще примѣръ — горѣніе свѣчи. Первоначально является химическое измѣненіе, зависящее отъ возвышенія температуры. Процессъ соединенія, однажды возбужденный постороннею теплотой, порождаетъ безпрестанное образова-

нiе углекислоты, воды и т. д., что само по себѣ составляетъ явленiе, болѣе сложное, нежели посторонняя теплота, первоначально породившая его. Но рядомъ съ этимъ процессомъ соединенiя является теплота, свѣтъ; порождается восходящая струя разгоряченныхъ газовъ; въ окружающемъ воздухѣ образуются различныя теченiя. Сверхъ того, разложенiе одной силы на нѣсколько силъ еще не кончается здѣсь: каждое отдѣльное произведенное измѣненiе становится въ свою очередь родоначальникомъ дальнѣйшихъ измѣненiй. Отдѣленная углекислота понемногу соединится съ какимъ-либо основанiемъ, или, подъ влiянiемъ солища, выдѣлитъ углеродъ свой листьямъ какого-нибудь растенiя. Вода измѣнитъ гигрометрическое состоянiе окружающаго воздуха, или, если теченiе горячихъ газовъ, содержащихъ эту воду, придетъ въ соприкосновенiе съ холоднымъ тѣломъ, то вода стухнетъ, измѣняя температуру, а можетъ быть и химическiй составъ поверхности, покрываемой ею. Отдѣлившаяся теплота растопляетъ сало свѣчи и расширяетъ все, что согреваетъ. Свѣтъ, падая на различныя вещества, вызываетъ въ нихъ реакцiи, измѣняющiя его; такимъ образомъ порождаются различныя цвѣта; и все это происходитъ одновременно съ тѣми второстепенными дѣйствiями, которыя можно прослѣдить въ постоянно умножающихся развѣтвленiяхъ, пока они не станутъ слишкомъ мелочными для оцѣнки. Тоже самое повторяется со всеми измѣненiями. Нельзя указать ни одного случая, гдѣ дѣйствующая сила не развила бы различныхъ родовъ силъ и гдѣ каждая изъ новыхъ не развила бы въ свою очередь новыя группы силъ. Вообще дѣйствiе всегда бываетъ сложнѣе причины.

Читатель безъ сомнѣнiя уже предвидитъ дальнѣйшiй ходъ нашей аргументацiи. Это умноженiе результатовъ, проявляющееся въ каждомъ изъ переживаемыхъ нами событiй, шло подобнымъ порядкомъ съ самаго начала и равно истинно какъ по отношенiю къ величайшимъ, такъ по отношенiю къ самымъ незначительнымъ явленiямъ вселенной. Непозбѣжное заключенiе изъ закона, что всякая дѣйствующая сила производитъ болѣе одного измѣненiя, есть то, что во все времена происходило постоянно возрастающее усложненiе вещей. Отправляясь отъ конечнаго

факта, что всякая причина производитъ болѣе одного дѣйствія, мы легко увидимъ, что сквозь все твореніе непремѣнно шло и теперь идетъ непрерывное превращеніе однороднаго въ разнородное. Но прослѣдимъ эту истину подробнѣе. ⁽¹⁾

Начнемъ опять съ развитія солнечной системы изъ туманной массы, принимая его по-прежнему за гипотезу, хотя въ высшей степени вѣроятную. ⁽²⁾ Путемъ взаимнаго притяженія атомовъ разсѣянной массы, форма которой была несимметрична, возникло не только сгущеніе, но и вращеніе: тяготѣніе одновременно породило силу центробѣжную и центростремительную. По мѣрѣ прогрессивно увеличивавшагося сгущенія и быстроты вращенія, приближеніе атомовъ необходимо порождало прогрессивно возвышающуюся температуру. По мѣрѣ возвышенія температуры, начинается развиваться свѣтъ, и наконецъ образуется вращающаяся сфера жидкаго вещества, испускающаго сильную теплоту и свѣтъ: это солнце. Есть основательныя причины предполагать, что вслѣдствіе тангенціальной быстроты и зависящей отъ нея центробѣжной силы, приобрѣтенной внѣшними частями сгущающейся туманной массы, должно было произойти періодическое отдѣленіе вращающихся колецъ; и что, при разрывахъ этихъ колецъ возникаютъ массы, повторяющія, въ процессѣ своего сгущенія, дѣйствія первоначальныхъ массъ, образуя такимъ образомъ планеты и ихъ спутниковъ; выводъ этотъ имѣетъ сильную поддержку въ доселѣ существующихъ кольцахъ Сатурна. Если, впоследствии,

⁽¹⁾ Должно при этомъ принять въ соображеніе соотносящуюся истину, что состояніе однородности есть состояніе неустойчиваго равновѣсія; но подробное поясненіе этой истины, въ связи съ предъидущимъ, обременило бы нашу аргументацію. Его можно найти въ опытѣ о «*Трансцендентальной Физиологій*».

⁽²⁾ Мысль, что гипотеза туманной массы должна быть отвергнута потому, что то, что прежде считалось туманными массами, оказалось группами звѣздъ,—почти не заслуживаетъ вниманія. Было бы а priori невѣроятнымъ, если не невозможнымъ, чтобы нѣкоторыя туманныя массы оставались несгущенными, между тѣмъ какъ другія массы сгустились милліоны лѣтъ тому назадъ.

подобное происхожденіе планетъ будетъ удовлетворительно доказано, то оно послужитъ поразительнымъ поясненіемъ тѣхъ въ высшей степени разнородныхъ дѣйствій, которыя произведены первоначально-однородной причиной; но для нашей настоящей цѣли достаточно будетъ указать на тотъ фактъ, что путемъ взаимнаго притяженія частицъ неправильной туманной массы въ результатъ получается сгущеніе, вращеніе, теплота и свѣтъ.

Заключеніе, вытекающее изъ гипотезы туманной массы, есть то, что земля вначалѣ должна была находиться въ раскаленномъ состояніи; и вѣрна ли или нѣтъ гипотеза туманной массы, во всякомъ случаѣ эта первоначальная раскаленность земли теперь доказана индуктивнымъ путемъ, или, если не доказана, то по крайней мѣрѣ доведена до такой высокой степени вѣроятности, что составляетъ общепринятое геологическое ученіе. Взглянемъ прежде всего на астрономическія свойства этого, нѣкогда расплавленного, шара. Результатами его вращенія являются сплюснутая у полюсовъ форма его, очередная смѣна дня и ночи и (подъ вліяніемъ луны) приливы и отливы водяные и атмосферическіе. Наклоненіе его оси производитъ предвареніе равноденствій и одновременныя и послѣдовательныя различія, происходящія на его поверхности, соответственно временамъ года. Такимъ образомъ размноженіе дѣйствій очевидно. Мы уже упомянули о различныхъ дифференцированіяхъ, зависящихъ отъ постепеннаго охлажденія земли, каковы образованіе коры, отвердѣніе газообразныхъ элементовъ, осажденіе воды и т. д.; здѣсь мы опять обращаемся къ нимъ, собственно для того, чтобы указать на одновременныя дѣйствія одной причины—уменьшенія теплоты. Обратимъ однако теперь вниманіе наше на умножившіяся измѣненія, возникшія впоследствии отъ продолжительности дѣйствія одной этой причины. Охлажденіе земли влечетъ за собой ея сжатіе. Отсюда происходитъ то, что первоначально образовавшаяся кора немедленно становится слишкомъ обширной для суживающагося ядра и, по невозможности поддерживать самое себя, неизбежно подражаетъ ядру. Но сферодальная оболочка не можетъ, безъ разрыва, достигнуть соприкосновенія съ находящимся внутри ея меньшимъ сферодальнымъ тѣломъ: она должна сморщиться, подобно

тому какъ морщится кожа яблока, когда содержимое его уменьшается путемъ испаренія. По мѣрѣ того, какъ охлажденіе увеличивается, кора становится толще, морщины, производимыя этимъ сжатіемъ, должны увеличиваться, возрастая наконецъ до холмовъ и горъ; и послѣднія горныя системы, образовавшіяся такимъ образомъ, должны быть не только выше, какъ мы это и видимъ, но и длиннѣе, какъ мы тоже и это видимъ. Такимъ образомъ, оставляя въ сторонѣ другія измѣняющія силы, мы видимъ, какъ велика разнородность поверхности, возникшая отъ одной причины — потери теплоты, разнородность, аналогіи которой телескопъ показываетъ намъ и на поверхности луны, гдѣ не имѣли мѣста водяной и атмосферической дѣятели. Но мы должны еще обратить вниманіе на другой родъ разнородности на земной поверхности, зависящій отъ подобной же и одновременной причины. Пока земная кора была еще тонка, не только возвышенія, произведенныя ея сжатіемъ, должны были быть незначительны, но и углубленія между этими возвышеніями должны были съ большей ровностью лежать на находившемся подъ ними жидкомъ сферондѣ; и вода въ тѣхъ арктическихъ и антарктическихъ странахъ, гдѣ она впервые сгустилась, должна была распределяться ровно. Но какъ скоро кора стала толще и приобрѣла соотвѣтственную крѣпость, линіи разрывовъ, производившихся въ ней отъ времени до времени, должны были встрѣчаться на большемъ разстояніи другъ отъ друга; промежуточные пространства съ меньшимъ однообразіемъ слѣдовали за сжимающимся ядромъ; и результатомъ этого было образованіе большихъ площадей суши и воды. Если кто-нибудь, завернувъ апельсинъ въ тонкую мокрую бумагу и замѣтивъ не только то, какъ незначительны морщинки, но и то, какъ ровно промежуточные пространства прилегаютъ къ поверхности апельсина, — завернуть его потомъ въ толстую, потрошную бумагу, и обратить вниманіе какъ на большую степень возвышеній, такъ и на гораздо значительнѣйшія пространства, на которыхъ бумага не касается апельсина, тотъ объяснитъ себѣ фактъ, что по мѣрѣ утолщенія твердой оболочки земли, плоскости возвышеній и низменностей должны были увеличиться. Вдѣсто острововъ, болѣе или менѣе однородно раз-

сѣянныхъ по всеобъемлющему морю, постепенно возникло разнородное распредѣленіе материка и океана, въ такомъ видѣ, какой представляется намъ теперь. Еще далѣе, это двойное измѣненіе въ пространствѣ и возвышеніи суши повело за собой новый родъ разнородности — разнородность береговыхъ линий. Ровная поверхность, подымавшаяся надъ океаномъ, должна была имѣть простые, правильные морскіе берега; но поверхность, усложненная плоскими возвышенностями и перестѣнная цѣпами горъ, должна была, подымавшись изъ океана, имѣть чрезвычайно неправильный видъ, какъ въ главныхъ чертахъ своихъ, такъ и въ подробностяхъ. Таково безконечное накопленіе геологическихъ и географическихъ результатовъ, медленно произведенныхъ одной и той же причиною — сжатіемъ земли.

Перехода отъ дѣятельности, которую геологи называютъ вулканическою, къ дѣятельности негтунической и атмосферической, мы видимъ ту же постоянно возрастающую сложность дѣйствій. Разрушающія дѣйствія воздуха и воды съ самаго начала стали измѣнять всѣ открытыя поверхности, производа повсюду различныя перемѣны. Окисленія, жаръ, вѣтеръ, морозъ, дождь, ледники, рѣки, приливы и отливы, волны непрерывно производили дисинтеграціи (*), измѣнявшіяся въ родахъ и размѣрахъ со-

(*) Слово — *интеграція* принимается Спенсеромъ какъ *общій* терминъ для различныхъ процессовъ, въ которыхъ преобладаетъ происхожденіе *единого* изъ *раздѣльнаго*. *Дисинтеграція* же принимается какъ такой же *общій* терминъ для различныхъ процессовъ, въ которыхъ преобладаетъ происхожденіе *раздѣльнаго* изъ *единого*. Сущность процессовъ *дисинтеграціи* и *дифференцированія* одинакова, но первый изъ нихъ обнимаетъ *всякаго* рода переходы отъ *единого* къ множественному бытію, между тѣмъ какъ второй представляетъ частный случай *дисинтеграціи*: распаденіе однороднаго цѣлага на новыя единицы, имѣющія нѣкоторыя особыя свойства. Познакомившись ближе съ сочиненіями Спенсера, читатель убѣдится, что автору, по самой сущности его воззрѣній, невозможно было не принять нѣкоторыхъ *общихъ* терминовъ для извѣстныхъ процессовъ въ вещахъ. Различныя частныя значенія этихъ терминовъ нельзя передать въ подстрочномъ примѣчаніи. Значенія эти будутъ все болѣе и болѣе уясняться съ каждой страницей контекста. Въ «*Классификаціи наукъ*» есть нѣсколько мѣстъ (стр. 22 и слѣд.), которыя могутъ содѣйствовать такому уясненію.

образно съ мѣстными обстоятельствами. Дѣйствуя на гранитную массу, дѣтели эти рѣдко получаютъ особенно-замѣтное вліаніе: тамъ причинять отслойку поверхности, а затѣмъ груды обломковъ и валуновъ; въ другомъ мѣстѣ, разложивъ полевой шпатель, уносить бѣлую глину вмѣстѣ съ кварцемъ и слюдой и осаждаютъ ихъ въ отдѣльныя русла, рѣчныя и морскія. Тамъ, гдѣ открытая плоскость состоитъ изъ нѣсколькихъ несходныхъ между собой формаций, осадочныхъ или огненныхъ, обнаженіе производитъ измѣненія относительно болѣе разнородныя. Различныя формации, дисинтегрируясь въ различной степени, усложняютъ неправильность поверхности. Такъ какъ равнины, орошаемыя различными рѣками, различны въ своемъ составѣ, то рѣки эти уносятъ въ море различную смѣсь ингредиентовъ, и такимъ образомъ образуются нѣсколько новыхъ слоевъ различного состава. Здѣсь мы видимъ весьма простое поясненіе истины, которую намъ сейчасъ придется прослѣдить въ болѣе сложныхъ случаяхъ, а именно: что соразмѣрно разнородности предмета или предметовъ, подвергающихся дѣйствию какой-либо силы, увеличивается и разнородность результатовъ, порождаемыхъ ею. Материкъ сложнаго строенія, представляющій многіе, неправильно распределенные слои, поднятый на различные уровни, наклоненный подъ различными углами, долженъ, подъ вліаніемъ однихъ и тѣхъ же обнажающихъ дѣтелей, породить безконечно разнообразныя результаты; каждая мѣстность будетъ измѣнена различнымъ образомъ; каждая рѣка должна унести различный родъ осадковъ; каждый осадокъ долженъ быть различно распределенъ развѣтвляющимися теченіями, приливами и проч., омывающими изогнутые берега; и это размноженіе результатовъ должно быть наиболѣе значительно тамъ, гдѣ усложненіе поверхности наиболѣе значительно.

Здѣсь не можетъ быть рѣчи о томъ, чтобы подробно прослѣдить генезисъ безконечныхъ усложненій, описываемыхъ геологіей и физической географіей; иначе мы показали бы, какъ общая истина—что каждая дѣйствующая сила производитъ болѣе одного измѣненія—подтверждается примѣрами въ высшей степени сложныхъ морскихъ приливовъ и отливовъ, океанскихъ теченій, вѣтровъ, распределенія дождя, распределенія теплоты и т. д. Но, не останав-

ливаясь надъ ними, рассмотримъ, для полнѣйшаго разъясненія этой истины въ отношеніи къ неорганическому міру, каковы были бы послѣдствія какого-нибудь обширнаго космическаго переворота, положимъ хоть затопленія Центральной Америки. Непосредственные результаты разрушенія были бы сами по себѣ достаточно сложны. Кромѣ безчисленныхъ разчлененій слоевъ, изверженій огненныхъ веществъ, кромѣ распространенія землетрясеній и колебаній на тысячи миль кругомъ, кромѣ громкихъ взрывовъ, и выхода газовъ,—два океана, Атлантическій и Тихій, ринулись бы наполнить пустое пространство; послѣдовало бы столкновение громадныхъ волнъ, которыя прошли бы чрезъ оба эти океана, производя мириады измѣненій вдоль ихъ береговъ; соотвѣтственные атмосферическія волны усложнились бы воздушными течениями, окружающими всякую вулканическую струю, и электрическими разряженіями, сопровождающими подобныя перевороты. Но эти временныя дѣйствія были бы незначительны сравнительно съ постоянными. Сложныя теченія Атлантическаго и Тихаго океановъ измѣнились бы въ направленіи и размѣрѣ. Распредѣленіе теплоты, обусловленное этими морскими течениями, стало бы инымъ нежели теперь. Положенія изотермическихъ линій измѣнились бы не только на сосѣднихъ континентахъ, но и по всей Европѣ. Приливы и отливы приняли бы другое направленіе, нежели теперь. Произошло бы большее или меньшее измѣненіе въ періодахъ, силѣ, направленіи и свойствахъ вѣтровъ. Дождь едва ли шелъ бы тогда въ тѣхъ же мѣстахъ и въ такомъ же количествѣ, какъ теперь. Словомъ, со всѣхъ сторонъ, на тысячу миль кругомъ, метеорологическія условія были бы болѣе или менѣе возмущены. Такимъ образомъ, оставляя безъ вниманія безконечность измѣненій, произведенныхъ этими перемѣнами климата на флору и фауну, какъ земную, такъ и морскую, читатель увидитъ огромную разнородность результатовъ, порожденную одной и той же силой, когда сила эта распространяется на поверхность, предварительно уже усложненную,—и легко вывести заключеніе, что усложненіе это съ самаго начала постоянно увеличивалось.

Прежде нежели покажемъ, что органическій прогрессъ также зависитъ отъ того всеобщаго закона— что каждая сила произво-

дять болѣе одного измѣненія — мы должны обратить вниманіе на проявленіе этого закона еще въ другомъ видѣ неорганическаго прогресса, именно въ химическомъ. Общія причины, породившія разнородность земли въ физическомъ отношеніи, одновременно породили и ея химическую разнородность. Не останавливаясь на фактѣ, что силы, умножившія разнообразіе и сложность геологическихъ формаций, въ тоже самое время привели въ соприкосновеніе элементы, не состоявшіе прежде относительно другъ друга въ условіяхъ, благоприятствующихъ соединенію, и увеличили такимъ образомъ число химическихъ соединеній, — перейдемъ къ болѣе значительнымъ усложненіямъ, происшедшимъ отъ охлажденія земли. Есть различныя основанія для предположенія, что при крайне-высокой степени жара элементы не могутъ соединяться. Даже при наибольшей степени искусственнаго жара нѣкоторые весьма сильныя химическія средства уничтожаются, какъ напримѣръ средство кислорода и водорода; большинство же химическихъ соединеній разлагается при гораздо низшей температурѣ. Но, не настаивая на весьма вѣроятномъ предположеніи, что когда земля была въ своемъ первоначальномъ состояніи раскаленности, химическихъ соединеній вовсе не существовало, — для нашей цѣли достаточно будетъ указать тотъ несомнѣнный фактъ, что соединенія, могущія существовать при высшихъ температурахъ и которыя, слѣдовательно, должны были быть первыми изъ образовавшихся при охлажденіи земли, суть простѣйшія по своему составу. Закиси, включая въ этотъ разрядъ щелочи, земли и т. п., представляютъ, въ цѣломъ, самыя постоянныя изъ извѣстныхъ намъ сложныхъ тѣлъ: большинство ихъ противится разложенію при высшей степени жара, какую мы можемъ произвести. Тѣла эти, состоящія изъ соединеній одного атома каждаго элемента, представляютъ соединенія простѣйшаго рода: они только на одну степень менѣ однородны, нежели самыя элементы. Болѣе разнородныя, менѣ постоянныя и слѣдовательно болѣе новыя въ исторіи земли суть окиси, переокиси, кислоты и т. д., въ которыхъ два, три, четыре или болѣе атомовъ кислорода соединены съ однимъ атомомъ металла или другаго элемента. Большую степень разнородности имѣютъ гидраты,

въ которыхъ окись водорода (вода) соединенная съ окисью какого-либо другаго элемента, образуетъ вещество, атомы котораго, каждый порознь, заключаютъ въ себѣ по крайней мѣрѣ четыре основныхъ атома трехъ различныхъ родовъ. Еще болѣе разнородны и еще менѣе постоянны соли, представляющія намъ сложныя атомы каждый изъ пяти, шести, семи, осьми, десяти, двѣнадцати и болѣе атомовъ трехъ, если не болѣе, родовъ. Далѣе есть гидраты солей, еще большей разнородности, подверженныя отчасти разложенію при гораздо высшей температурѣ. За ними слѣдуютъ еще болѣе сложныя, кислыя и двойныя соли, коихъ постоянство еще меньше, и такъ далѣе. Не входя, по недостатку мѣста, въ подробныя обозначенія, мы полагаемъ, что никакой химикъ не станетъ отрицать того, что общій законъ этихъ неорганическихъ соединеній есть тотъ, что, *при равенствѣ другихъ условий*, постоянство соединеній уменьшается по мѣрѣ возрастанія ихъ сложности. Потомъ, когда мы переходимъ къ соединеніямъ органической химіи, мы находимъ, что этотъ общій законъ имѣетъ еще дальнѣйшія приложенія: мы видимъ гораздо большее усложненіе и гораздо меньшее постоянство. Одинъ атомъ альбумина напр. состоитъ изъ 482 основныхъ атомовъ пяти различныхъ родовъ. Фибринъ, еще болѣе сложный по составу, содержитъ въ каждомъ атомѣ 298 атомовъ углерода, 49 азота, 2 сѣры, 228 водорода и 92 кислорода, итого 660 атомовъ или, выражаясь вѣрнѣе, паевъ. И эти два вещества такъ непостоянны, что разлагаются при самыхъ обыкновенныхъ температурахъ, какъ напр. при температурѣ потребной для обжаренія куска мяса. Такимъ образомъ очевидно, что настоящая химическая разнородность земной поверхности возникла постепенно, по мѣрѣ того какъ дозволяло уменьшеніе теплоты, и что она проявилась въ трехъ формахъ: 1) въ увеличеніи числа химическихъ соединеній; 2) въ увеличеніи числа различныхъ элементовъ, содержащихся въ новѣйшихъ изъ этихъ соединеній, и 3) въ высшихъ и болѣе разнообразныхъ усложненіяхъ, въ которыя соединяются эти, болѣе многочисленныя, элементы.

Сказать, что это увеличеніе химической разнородности зависитъ только отъ одной причины—отъ пониженія температуры

земли, значило бы преувеличить дѣло; ясно, что здѣсь сопричастны были нептуническій и атмосферическій дѣтели, и наконецъ самое сродство элементовъ. Дѣйствовавшая причина постоянно была сложною: охлажденіе земли было только самой общей изъ всѣхъ дѣйствовавшихъ причинъ, или изъ всей совокупности условій. Здѣсь можно замѣтить, что въ различныхъ разрядахъ разсмотрѣнныхъ выше фактовъ (за исключеніемъ, можетъ быть, перваго) и еще болѣе въ тѣхъ, которые намъ сейчасъ придется разсматривать, причины вездѣ болѣе или менѣе сложны; несложныхъ причинъ мы почти вовсе не знаемъ. Едвали можно, съ логической точностью, приписать какое-либо измѣненіе исключительно одному дѣтелю, оставляя въ сторонѣ постоянныя или временныя условія, при которыхъ дѣтель этотъ только и можетъ произвести извѣстную переменъ. Но такъ какъ это не имѣетъ существеннаго вліянія на нашу аргументацію, то мы предпочитаемъ, для простоты, употреблять вездѣ популярный способъ выраженія. Можетъ быть, намъ замѣтить далѣе, что указывать на утрату теплоты, какъ на причину какихъ-либо измѣненій, значить приписывать эти переменъ не силѣ, а отсутствію силы? Это будетъ справедливо. Въ строгомъ смыслѣ, эти измѣненія должны быть приписываемы тѣмъ силамъ, которыя приходятъ въ дѣйствіе при удаленіи враждебной силы. Но хотя и есть неточность въ выраженіи, что замерзаніе воды зависитъ отъ утраты ея теплоты, все-же изъ этого не возникаетъ никакого пракческаго заблужденія; точно также не исказитъ подобная небрежность выраженія и нашихъ положеній относительно усложненія дѣйствій. Въ сущности, возраженіе это заставляетъ только обратить вниманіе на тотъ фактъ, что не только дѣйствіе какой-либо силы производитъ болѣе одного измѣненія, но и удаленіе какой-либо силы производитъ болѣе одного измѣненія. И это подаетъ намъ мысль, что самое правильное выраженіе нашего общаго принципа заключалось бы въ самомъ отвлеченномъ его опредѣленіи: *всякое измѣненіе сопровождается болѣе нежели однимъ измѣненіемъ.*

Возвращаясь къ нити нашего изложенія, мы должны теперь прослѣдить, въ органическомъ прогрессѣ, то же самое, всюду-присущее, начало. Но здѣсь, гдѣ развитіе однороднаго въ разн-

родное было впервые замѣчено, труднѣе показать, какъ нѣсколько измѣненій производятся одной и той же причиной. Развитие сѣмени въ растеніе или яйца въ животное такъ постепенно, между тѣмъ какъ силы, опредѣляющія его, такъ смѣшаны и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ незамѣтны, что трудно открыть умноженіе послѣдствій, столь очевидное въ другихъ случаяхъ. Тѣмъ неменѣе, руководимые косвенными свидѣтельствами, мы можемъ почти безопасно дойти до заключенія, что и здѣсь законъ этотъ применимъ. Замѣтимъ, прежде всего, какъ многочисленны дѣйствія, производимыя какимя-либо рѣзкимъ измѣненіемъ на вполне зрѣлый организмъ, напримѣръ на человеческое существо. Какой-нибудь тревожный звукъ или зрѣлище, кромѣ впечатлѣній на органы чувствъ и нервовъ, способны произвести содроганіе, крикъ, искривленіе лица, дрожь вслѣдствіе общаго расслабленія мускуловъ, внезапный потъ, возбужденную дѣятельность сердца, приливъ крови къ мозгу, за которымъ послѣдуетъ, можетъ быть, остановка дѣятельности сердца и обморокъ; и если нервная система слаба, то можетъ зародиться болѣзнь, съ ея длинной цѣпью сложныхъ симптомовъ. Тоже происходитъ въ болѣзняхъ. Ничтожное количество оспенной матеріи, введенное въ организмъ, можетъ въ серъезномъ случаѣ произвести, въ первый періодъ: ознобъ, жаръ кѣжи, ускоренный пульсъ, обложеніе языка, потерю аппетита, жажду, эпигастрическую тяжесть, рвоту, головную боль, боль въ спинѣ и членахъ, ослабленіе мускуловъ, судороги, бредъ и т. д.; во второмъ періодѣ могутъ явиться: на-кожная сыпь, зудъ, звонъ въ ушахъ, боль въ горлѣ, горловая опухоль, слюнотеченіе, кашель, охриплость, одышка и т. д., и въ третьемъ періодѣ — воспалительные отеки, воспаленіе легкихъ, грудной плевры, поносъ, воспаленіе мозга, глазъ, рожа и т. д. Каждый изъ перечисленныхъ симптомовъ самъ по себѣ болѣе или менѣе сложенъ. Лекарства, извѣстнаго рода пища, улучшеніе воздуха, можно точно также привести въ примѣръ причинъ, производящихъ многообразные результаты. Затѣмъ, — чтобы понять, какъ и здѣсь развитіе однороднаго въ разнородное порождается нѣсколькими дѣйствіями одной причины, надо только имѣть въ виду, что эти многочисленныя измѣненія, произведенныя одной

и той же силой на зрѣлый организмъ, идутъ параллельно и въ зарождающемся организмѣ. Внѣшняя теплота и другіе дѣтели, обусловливающіе первыя усложненія зародыша, дѣйствіемъ своимъ на нихъ, вызываютъ дальнѣйшія усложненія; дѣйствуя на послѣднія, они порождаютъ дальнѣйшія и многочисленнѣйшія, и такъ идетъ дѣло непрерывно; каждый органъ, развиваясь, дѣйствіемъ своимъ и противодѣйствіемъ на остальные усложненія, способствуетъ зарожденію новыхъ усложненій. Первыя пульсаціи сердца зародыша должны одновременно расширить всѣ части. Развитие каждой ткани, отдѣляя отъ крови свойственныя ей пропорціи элементовъ, должно измѣнить составъ крови, и такимъ образомъ измѣнить питаніе всѣхъ остальныхъ тканей. Дѣятельность сердца, влекущая за собой нѣкоторую трату матеріаловъ, необходимо примѣшиваетъ къ крови продукты этого процесса, которые должны имѣть вліяніе на остальную систему и которые, по мнѣнію нѣкоторыхъ, обусловливаютъ даже образованіе отдѣльныхъ органовъ. Нервные связи, установившіяся во внутренностяхъ, должны еще болѣе умножить свои взаимныя вліянія, и такъ далѣе. Основательность этого взгляда получаетъ еще большую вѣроятность, если мы примемъ въ соображеніе фактъ, что одинъ и тотъ же зародышъ можетъ развиваться въ различныя формы, смотря по обстоятельствамъ. Такъ, напримѣръ, въ самомъ раннемъ періодѣ зародышъ не имѣетъ пола и становится мужскимъ или женскимъ, по опредѣленію перевѣса дѣйствующихъ силъ. Далѣе, положительно достоверно, что изъ личинки рабочей пчелы выйдетъ пчелиная матка, если въ-время перемѣнить пищу ея на ту, которой питаются личинки матокъ. Еще болѣе замѣчательнъ примѣръ нѣкоторыхъ внутренностныхъ (entozoa). Яйцо глиста, попавъ въ свое обыкновенное обиталище, въ кишки, принимаетъ всѣмъ извѣстную форму своихъ родичей; но, перенесенное, какъ это часто бываетъ, въ другія части системы, оно становится мѣшкообразнымъ существомъ называемымъ натуралистами *Echinococcus*, тварью, столь различной отъ глиста по виду и строенію, что только тщательныя изслѣдованія доказали ихъ общее происхожденіе. Всѣ эти примѣры предполагаютъ, что каждый шагъ въ зародышннхъ усложненіяхъ происходитъ отъ дѣйствія случайныхъ силъ

ка прежде уже существовавшія усложненія. Дѣйствительно, мы имѣемъ основаніе *a priori* полагать, что развитіе происходитъ именно такимъ образомъ. Теперь извѣстно уже, что ни одинъ зародышъ, животный или растительный, не содержитъ въ себѣ ни малѣйшаго начала, слѣда или обозначенія будущаго организма; микроскопъ показалъ, что первый процессъ, возникающій въ каждомъ оплодотворенномъ зародышѣ, есть процессъ повторенныхъ одновременныхъ дробленій, кончающійся образованіемъ массы клѣточекъ, изъ которыхъ ни одна не проявляетъ какого-либо спеціальнаго характера: поэтому нѣтъ кажется иного исхода, какъ предположить, что частная организація, существующая въ данную минуту въ развивающемся зародышѣ, переводится, вліяніемъ ви́шнихъ дѣятелей, въ слѣдующій фазисъ организаціи, этотъ — въ дальнѣйшій, пока, сквозь постоянно возрастающія усложненія, не выработается окончательная форма. Такимъ образомъ, хотя неувѣренность силъ и медленность результатовъ не даютъ намъ возможности *прямо* показать, что періоды возрастающей разнородности, чрезъ которые проходитъ всякій зародышъ, возникаютъ, каждый отдѣльно, отъ произведенія нѣсколькихъ измѣненій одною силою, но *косвенно* мы имѣемъ сильныя свидѣтельства, подтверждающія это. Мы указали, какъ много-различны дѣйствія, которыя одна причина можетъ породить въ зрѣломъ организмѣ; что подобное же умноженіе дѣйствій должно произойти въ развивающемся организмѣ — это мы замѣтили во многихъ пояснительныхъ случаяхъ; далѣе было показано, что способность тождественныхъ зародышей порождать несходныя формы доказываетъ, что послѣдовательныя превращенія суть результаты новыхъ измѣненій, нарастающихъ на предшествующія измѣненія; и мы видѣли, наконецъ, что какъ ни безразличенъ первоначально въ строгости своемъ всякій зародышъ, но развитіе какого-либо организма безъ него — дѣло неслыханное. Это не значитъ, впрочемъ, чтобы мы могли дѣйствительно объяснить происхожденіе какого-либо растенія или животнаго. Мы все-еще находимся во мракѣ по отношенію къ тѣмъ таинственнымъ свойствамъ, въ силу которыхъ зародышъ, подчиненный извѣстнымъ вліяніямъ, подвергается спеціальнымъ измѣненіямъ, открываю-

щимъ рядъ превращеній. Вся наша цѣль состоитъ въ томъ, чтобы показать, что при данномъ зародышѣ, обладающемъ этими таинственными свойствами, развитіе изъ него организма зависитъ, по всей вѣроятности, отъ того умноженія дѣйствій, которое, какъ мы видѣли, составляетъ причину прогресса вообще, насколько мы доселѣ прослѣдили его.

Когда, оставляя въ сторонѣ развитіе отдѣльныхъ растений и животныхъ, мы перейдемъ къ развитію земной флоры и фауны, ходъ нашей аргументаціи снова дѣлается яснымъ и простымъ. Хотя, какъ мы сказали въ первой части этой статьи, отрывочные факты, собранные палеонтологіей, не даютъ намъ достаточнаго основанія для того, чтобы сказать, что въ теченіе геологическаго времени развились все болѣе разнородные организмы и болѣе разнородныя группы организмовъ, но мы все-таки найдемъ, что стремленіе къ этимъ результатамъ всегда *должно* было существовать. Мы найдемъ, что произведеніе нѣсколькихъ дѣйствій одной причиной, которое, какъ мы уже показали, постоянно увеличивало физическую разнородность земли, вело за собой и умножающуюся разнородность ея флоры и фауны, какъ въ отдѣльныхъ особяхъ, такъ и въ цѣломъ. Это можно пояснить примѣромъ. Положимъ, что вслѣдствіе ряда поднятій, случающихся, какъ это нынѣ извѣстно, чрезъ долгіе промежутки времени, Остъ-Индскій архипелагъ, шагъ за шагомъ, обратился бы въ материкъ и что вдоль оси его возвышенія образовалась бы горная цѣпь. Вслѣдствіе перваго изъ этихъ поднятій растенія и животныя, населяющія Борнео, Суматру, Новую Гвинеею и остальные острова, подверглись бы ряду слегка измѣненныхъ условій. Климатъ вообще измѣнился бы въ отношеніи температуры, влажности и періодическихъ своихъ измѣненій; мѣстныя же различія были бы значительнѣе. Эти измѣненія коснулись бы, можетъ быть, всей флоры и фауны страны. Измѣненіе уровня произвело бы дальнѣйшія измѣненія, которыя различно проявлялись бы въ различныхъ видахъ и въ различныхъ членахъ одного и того же вида, сообразно удаленію ихъ отъ оси возвышенія. Растенія, свойственныя только морскимъ берегамъ, вѣроятно исчезли бы. Другія, жившія только

въ болотахъ при известной степени влажности, еслибъ и пережили переворотъ, то вѣроятно подверглись бы рѣзкимъ вѣшнимъ измѣненіямъ. Между тѣмъ, еще болѣе значительныя перемѣны произошли бы въ растеніяхъ, постепенно распространяющихся по сушѣ, ввозъ поднятой надъ моремъ. Животныя, также какъ и насекомыя, живущія на этихъ измѣненныхъ растеніяхъ, сами въ нѣкоторой степени измѣнились бы, вслѣдствіе перемѣны пищи и перемѣны климата; и эти измѣненія были бы рѣзче тамъ, гдѣ, вслѣдствіе вырожденія или исчезновенія одного рода растеній, пищей служилъ бы другой, близкій родъ. Въ теченіе многихъ поколѣній, возникшихъ до слѣдующаго поднятія, значительныя или незначительныя измѣненія, произведенныя такимъ образомъ въ каждомъ видѣ, получили бы уже известную стройность, явилось бы болѣе или менѣе полное примѣненіе къ новымъ условіямъ. Слѣдующее поднятіе прибавило бы дальнѣйшія органическія перемѣны, ведущія за собой болѣе значительныя отклоненія отъ первоначальныхъ формъ; тоже повторялось бы и далѣе. Но здѣсь должно замѣтить, что переворотъ, бывшій результатомъ этого, состоялъ бы не въ замѣнѣ тысячею болѣе или менѣе измѣненныхъ видовъ тысячи первоначальныхъ видовъ; но вмѣсто тысячи первоначальныхъ видовъ возникло бы нѣсколько тысячъ видовъ, разновидностей, или измѣненныхъ формъ. Различныя члены каждаго вида, распредѣленнаго на сколько-нибудь обширномъ пространствѣ и постоянно старающагося заселить вновь открытое пространство, будутъ подвержены ряду различныхъ измѣненій. Растеній и животныхъ, селящихся около экватора, коснулись бы они не въ одинаковой степени съ тѣми, которыя селятся далѣе отъ него. Селящіеся около новыхъ береговъ были бы подвержены измѣненіямъ, несходнымъ съ тѣми, которымъ были бы подвержены селящіеся въ горахъ. Такимъ образомъ, каждая первоначальная порода организмовъ стала бы корнемъ, отъ котораго расходились бы отдѣльныя породы, болѣе или менѣе отличающіяся и отъ корня и другъ отъ друга; и еслибъ нѣкоторыя изъ нихъ исчезли впоследствии, то, вѣроятно, нѣкоторыя перешли бы въ слѣдующій геологическій періодъ: такъ какъ самое разсѣянiе ихъ умножило бы шансы ихъ пере-

жить переворотъ. Измѣненія происходили бы не только вслѣдствіе
 переменъ физическихъ условій и пищи, но въ иныхъ случаяхъ
 и вслѣдствіе переменъ привычекъ. Фауна каждаго острова,
 постепенно населяя вновь выдавшіяся страны, приходила бы
 иногда въ соприкосновеніе съ фаунами другихъ острововъ,
 и нѣкоторые члены этихъ послѣднихъ фаунъ стали бы не-
 сходны съ прежними. Травоядная, встрѣчаясь съ новыми хищ-
 ными звѣрями, были бы принуждены прибѣгать къ инымъ
 способамъ защиты или спасенія, нежели прежде, а вмѣстѣ съ
 тѣмъ и хищные звѣри измѣнили бы свои способы преслѣдованія
 и нападенія. Мы знаемъ, что, когда обстоятельства этого тре-
 буютъ, подобныя измѣненія привычекъ у животныхъ дѣйствительно
 имѣютъ мѣсто; а мы знаемъ, что если новыя привычки сдѣлаются
 господствующими, то онѣ непремѣнно должны въ нѣкоторой сте-
 пени измѣнить и организацію. Замѣтимъ, однако, еще дальѣй-
 шее послѣдствіе. Тутъ должно бы возникнуть не только стрем-
 леніе къ дифференцированію каждой расы организмовъ на от-
 дѣльныя расы, но и стремленіе къ произведенію въ извѣстной
 степени болѣе высокаго организма. Взятая въ массѣ, эти рас-
 ходящіяся разновидности, бывшія результатомъ новыхъ физиче-
 скихъ условій и привычекъ жизни, проявятъ измѣненія весьма
 неопредѣленнаго рода и степени, измѣненія, которыя не со-
 ставятъ необходимо шага впередъ. Вѣроятно, въ большемъ числѣ
 случаевъ, измѣненный типъ не будетъ ни болѣе, ни менѣе
 разнороденъ, чѣмъ первоначальный. Въ тѣхъ случаяхъ, когда
 вновь усвоенныя привычки жизни проще прежнихъ, результатомъ
 будетъ менѣе разнородное строеніе: произойдетъ отступленіе
 назадъ. Но отъ времени до времени *должно* случиться, что ка-
 кое-нибудь подраздѣленіе вида, попадая подъ такія условія, кото-
 рыя предоставляютъ ему нѣсколько болѣе сложныя отправленія
 и требуютъ нѣсколько болѣе сложнаго дѣйствія, достигнетъ въ
 нѣкоторыхъ своихъ органахъ дальѣйшаго дифференцированія въ
 пропорціонально слабымъ степенямъ и сдѣлается нѣсколько бо-
 лѣе разнороднымъ. Такимъ образомъ, по естественному ходу
 вещей, отъ времени до времени будетъ возникать увеличеніе
 разнородности какъ въ земной флорѣ и фаунѣ, такъ и въ от-

дѣльныхъ расахъ, заключающихся въ нихъ. Не вдаваясь въ подробныя объясненія и допуская обозначенія, которыхъ нельзя опредѣлить здѣсь съ точностью, мы полагаемъ, что ясно видно, какъ геологическія измѣненія постоянно стремились къ усложненію формъ жизни, отдѣльно ли или собирательно разсматриваемыхъ. Тѣ же самыя причины, которыя повели за собой развитіе земной коры отъ простаго къ сложному, одновременно повели за собой и параллельное этому развитіе жизни на поверхности земли. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ предшествующихъ, мы видимъ, что превращеніе однороднаго въ разнородное зависитъ отъ того всеобщаго принципа, что каждая дѣйствующая сила производитъ болѣе одного измѣненія.

Дедукція, полученная здѣсь изъ утвержденныхъ истинъ геологіи и общихъ законовъ жизни, пріобрѣтаетъ огромный вѣсъ, являясь въ гармоніи съ индукціей, получаемой изъ непосредственнаго опыта. Мы знаемъ, что то же самое размноженіе расъ отъ одной, которое, по нашему предположенію, должно было непрерывно происходить въ геологическій періодъ, происходило въ человѣкѣ и въ домашнихъ животныхъ и въ до-исторической и въ исторической періоды. Именно то размноженіе послѣдствій, которое, по нашему заключенію, должно было произвести первое, произвело, какъ мы видимъ, и послѣднее. Отдѣльныя причины, какъ то голодъ, тѣснота народонаселенія, война, періодически приводили къ дальнѣйшему разсѣянію человѣческаго рода и домашнихъ животныхъ; и каждое подобное разсѣяніе служило началомъ новыхъ измѣненій, новыхъ разновидностей типа. Произошелъ ли, или нѣтъ, родъ человѣческой отъ одного корня, во всякомъ случаѣ, филологія ясно доказываетъ, что дѣлая группы расъ, легко различаемыя нынѣ одна отъ другой, составляли первоначально одну расу, — что разсѣяніе одной расы по различнымъ климатамъ и въ среду различныхъ условій существованія, произвело многія измѣненныя ея формы. Тоже происходило и съ домашними животными. Хотя въ иныхъ случаяхъ, — какъ напри- мѣръ относительно собакъ, — общее происхожденіе можетъ-быть подлежить спору, то въ другихъ, какъ напри- мѣръ относительно овецъ или рогатаго скота въ нашемъ отечествѣ, — нѣтъ

сомнѣнія, что мѣстныя различія климата, пищи и ухода превратили одну первоначальную породу въ многочисленныя породы, дошедшія нынѣ до такого рѣзкаго различія, что явились уже неустойчивыя помѣси. Сверхъ того, усложненіе послѣдствій, протекающихъ отъ отдѣльныхъ причинъ, показываетъ намъ и предположенное выше усиленіе не только общей, но и частной разнородности. Между тѣмъ какъ многія изъ расходящихся раздѣленій и подраздѣленій человѣческой расы подверглись измѣненіямъ, не составляющимъ поступательнаго движенія; между тѣмъ какъ въ иныхъ типъ даже выродился, — есть и такія, въ которыхъ онъ сталъ положительно болѣе разнороднымъ. Образованный европеецъ гораздо далѣе отклоняется отъ позвоночнаго прототипа своего, нежели дикій. Такимъ образомъ, какъ законъ, такъ и причина прогресса, которые, по недостатку свидѣтельствъ, могутъ быть только гипотетически выведены относительно наиболѣе раннихъ формъ жизни на земномъ шарѣ, могутъ быть основательно доказаны относительно новѣйшихъ формъ.

Если переходъ челоѣка къ болѣе разнородности можно объяснить произведеніемъ нѣсколькихъ дѣйствій одной причиной, то переходъ общества къ болѣе разнородности еще лучше объясняется этимъ. Разсмотримъ возрастаніе какой-либо промышленной организаціи. Когда случается, что какая-либо личность извѣстнаго племени проявляетъ особенную способность къ выдѣлкѣ какого-нибудь общеупотребительнаго предмета, оружія на примѣръ, которое до тѣхъ поръ каждый дѣлалъ самъ для себя, — тотчасъ же возникаетъ стремленіе къ дифференцированію этой личности въ дѣлателя этого оружія. Его товарищи, — всѣ воины и охотники, — сознаютъ преимущество имѣть лучшее оружіе, какое возможно сдѣлать, и конечно будутъ стараться способствовать тому, чтобы эта искусная личность дѣлала для нихъ оружіе. Съ другой стороны, челоѣкъ, имѣющій не только особенную способность, но и особенную охоту къ выдѣлкѣ такого оружія (потому что обыкновенно талантъ и любовь къ занятію идутъ рядомъ), расположенъ къ исполненію этихъ заказовъ за извѣстное вознагражденіе; особенно, если при этомъ удовлетворено и желаніе его отличиться. Это первое специализированіе функцій,

будучи разъ возбуждено, постоянно стремится къ тому, чтобы сдѣлаться болѣе опредѣленнымъ. Въ дѣлатель оружія, постоянное занятіе порождаетъ увеличеніе искусства, увеличеніе превосходства его произведеній; въ заказчикахъ же прекращеніе извѣстныхъ занятій влечетъ за собой уменьшеніе искусства. Такимъ образомъ, вліянія, обуславливающія это раздѣленіе труда, возрастаютъ въ силѣ обоими путями; и зарождающаяся разнородность утверждается обыкновенно въ цѣломъ поколѣніи, если не долѣе. Замѣтимъ теперь, что этотъ процессъ не только дифференцируетъ соціальную массу на двѣ части, одну монополизирующую, или почти монополизирующую, извѣстное производство, и другую, потерявшую привычку, а въ нѣкоторой степени и возможность заниматься имъ, — онъ стремится притомъ и къ порожденію другихъ дифференцированій. Описанный нами переходъ предполагаетъ введеніе мѣны: дѣлатель оружія, въ каждомъ случаѣ, уплачиваютъ такими предметами, какіе онъ согласенъ получить въ обмѣнъ. Но онъ не будетъ брать постоянно одинъ и тотъ же родъ предметовъ въ обмѣнъ. Ему нужны не одни цыновки, не одни кожи, или рыболовные приборы; ему нужны всѣ эти предметы, и въ каждомъ случаѣ онъ будетъ условливаться объ особенныхъ, наиболѣе нужныхъ ему предметахъ. Что изъ этого возникаетъ? Если между членами племени есть хотя слабое различіе въ степени искусства изготовленія всѣхъ этихъ различныхъ предметовъ, какъ почти несомнѣнно и должно быть, то дѣлатель оружія возьметъ отъ каждаго тотъ предметъ, въ производствѣ котораго отличается потребитель: онъ будетъ мѣняться на цыновки съ тѣмъ, чьи цыновки лучше, и будетъ договариваться о рыболовномъ приборѣ съ тѣмъ, у кого есть лучшей. Но промѣнявшій свои цыновки или свой рыболовный приборъ долженъ сдѣлать другія цыновки и приборы для себя, и при этомъ развиваетъ свою способность въ нѣкоторой степени. Результатъ тотъ, что небольшія спеціальности способностей различныхъ членовъ одного племени стремятся къ большей опредѣленности. По мѣрѣ періодическаго повторенія подобныхъ сдѣлокъ, спеціализація эти становятся болѣе и болѣе замѣтными. Послѣдуютъ ли за симъ, или нѣтъ, явныя дифференцированія

другихъ личностей въ производителей отдѣльныхъ предметовъ, во всякомъ случаѣ ясно, что зарождающіяся дифференцированія происходятъ во всемъ племени; одна первоначальная причина производить не только первое двойственное дѣйствіе, но и нѣсколько второстепенныхъ двойственныхъ дѣйствій, того же рода, но меньшей степени. Этотъ процессъ, слѣды котораго замѣчаются въ группахъ школьниковъ, едва ли можетъ произвести продолжительныя дѣйствія въ неустроенномъ племени; но тамъ, гдѣ возрастаетъ осѣдая и размножающаяся община, дифференцированія эти становятся постоянными и увеличиваются съ каждымъ поколѣніемъ. Большое населеніе, обуславливающее и большій запросъ на каждый продуктъ, даетъ большую силу производительной дѣятельности каждаго отдѣльнаго человѣка или класса; а это дѣлаетъ специализацію болѣе опредѣленною тамъ, гдѣ она уже существуетъ, и утверждаетъ ее тамъ, гдѣ она едва зарождается. Увеличивая требованіе на средства къ пропитанію, размноженіе населенія еще болѣе усиливаетъ эти результаты, такъ какъ каждый побуждается тѣснѣе и тѣснѣе ограничиваться тѣмъ, что онъ производитъ лучше всего и чѣмъ онъ можетъ наиболѣе выработать. Этотъ промышленный прогрессъ, способствуя будущему производству, открываетъ путь къ дальнѣйшему возрастанію народонаселенія, реакція котораго повторяется, какъ и прежде: и во всемъ этомъ умноженіе дѣйствій очевидно. Непосредственно затѣмъ подобныя же побужденія порождаютъ новыя занятія. Способные работники, постоянная цѣль которыхъ состоитъ въ улучшеніи ихъ произведеній, открываютъ лучшіе способы производства и лучшіе матеріалы. Замѣна камня металломъ, въ оружіи и острыхъ орудіяхъ, доставила тому, кто первый ввелъ ее, значительно увеличившійся спросъ; спросъ этотъ такъ увеличился, что скоро все время производителя поглощается выдѣлкою металла для изготовляемыхъ имъ предметовъ, и онъ долженъ уступить другимъ обработку самыхъ предметовъ; такимъ образомъ, выдѣлка металла, постепенно дифференцированная отъ прежде существовавшаго занятія, становится отдѣльнымъ занятіемъ. Обратимъ теперь вниманіе на развѣтвленіе перемѣтъ, слѣдующихъ за этой перемѣной. Металлъ скоро начи-

наеть замѣнять камень, не только въ тѣхъ предметахъ, въ которыхъ онъ первоначально употреблялся, но и во многихъ другихъ — въ оружіи, инструментахъ и различной утвари; онъ вліяетъ такимъ образомъ на производства этихъ предметовъ. Далѣе, эта перемѣна вліяетъ на производства, зависящія отъ этихъ орудій, и на предметы этихъ производствъ; она измѣняетъ постройки, рѣзбу, одежду, наряды. Далѣе, она развиваетъ многія новыя отрасли промышленности, бывшія до того невозможными, по недостатку матеріала, годнаго для требуемыхъ инструментовъ. И всѣ эти перемѣны производятъ реакцію на народъ — увеличиваютъ его искусство въ ручныхъ произведеніяхъ, развиваютъ его пониманіе, его удобства жизни, утончаютъ его привычки и вкусы. Такимъ образомъ развитіе однороднаго общества въ разнородное, очевидно, выводится изъ общаго начала — что одна причина производитъ нѣсколько дѣйствій.

Предѣлы нашей статьи не позволяютъ намъ прослѣдить этотъ процессъ въ его высшихъ усложненіяхъ; иначе мы показали бы, что локализція отдѣльныхъ отраслей промышленности въ отдѣльныхъ частяхъ государства, такъ же какъ и подробности раздѣленія труда въ производствѣ каждаго продукта, обусловливаются подобнымъ же путемъ. Обращаясь къ нѣсколько иному разряду поясненій, мы могли бы остановиться на многочисленныхъ измѣненіяхъ — вещественныхъ, духовныхъ, нравственныхъ, которыя произвело книгопечатаніе, или на еще болѣе обширномъ рядѣ измѣненій, вызванныхъ изобрѣтеніемъ пороха. Но оставляя въ сторонѣ промежуточные фазисы общественнаго развитія, возьмемъ нѣсколько поясненій изъ новѣйшихъ и высшихъ его фазисовъ. Описаніе дѣйствія паровой силы, въ многочисленныхъ ея примѣненіяхъ къ горному дѣлу, мореплаванію и промышленности разнаго рода, вовлекло бы насъ въ безконечныя подробности. Ограничимся послѣднимъ воплощеніемъ паровой силы — локомотивомъ. Онъ, какъ главная основа желѣзныхъ дорогъ, измѣнилъ весь видъ странъ, весь ходъ торговли, всѣ привычки народовъ. Укажемъ сперва на сложный рядъ перемѣнъ, предшествующихъ построенію всякой желѣзной дороги (въ Англіи): предварительныя переговоры, митинги, протоколы, производство изслѣдованій

мѣстности, парламентское разсмотрѣніе, литографированіе плановъ, справки мѣстныя и общія, прошеніе въ парламентъ, занятія спеціального комитета, первое, второе и третье чтеніе; каждая изъ этихъ ступеней указываетъ на многочисленныя сношенія и развитіе нѣсколькихъ различныхъ отраслей занятій—инженеровъ, инспекторовъ, парламентскихъ агентовъ, литографовъ, маклеровъ, и созданіе нѣсколькихъ другихъ, какъ напр. общихъ и спеціальныхъ промышленныхъ агентовъ. Укажемъ на дѣйствія перемены, производимыя постройкою желѣзныхъ дорогъ: уравниванія, насыпи, тоннели, развѣтвленія дорогъ; постройку мостовъ и станцій; возведеніе полотна, кладку шпалъ, рельсовъ; постройку машинъ, тендеровъ, платформъ и вагоновъ. Эти процессы, дѣйствуя на многочисленныя отрасли промышленности, увеличиваютъ ввозъ строеваго лѣса, разработку каменоломень, выдѣлку желѣза, разработку каменно-угольныхъ копей, обжиганіе кирпичей; создаютъ разнообразныя спеціальныя отрасли промышленности, о которыхъ ежедневнѣно объявляетъ газета «*Railway Times*», и наконецъ пролагаютъ путь ко многимъ новымъ отраслямъ занятій, какъ то: кондукторовъ, кочегаровъ, смазчиковъ, кладчиковъ рельсовъ и пр. Взглянемъ затѣмъ на измѣненія, еще болѣе многочисленныя и сложныя, производимыя дѣйствующими желѣзными дорогами на общество въ его цѣломъ. Организанія каждого дѣла болѣе или менѣе измѣняется ими: удобство сообщенія позволяетъ дѣлать прямо то, что прежде дѣлалось чрезъ повѣреннаго; учреждаются агентства тамъ, гдѣ они прежде не окупались; товары приобрѣтаются изъ далекихъ складовъ, вмѣсто того, чтобы приобрѣтаться путемъ мелочной покупки; употребляются продукты, бывшіе прежде недоступными по причинѣ отдаленности. Быстрота и дешевизна перевозки стремятся кромѣ того спеціализировать, болѣе чѣмъ когда-либо, промышленность различныхъ мѣстностей, — ограничить каждую мануфактуру тѣми частями страны, гдѣ, вслѣдствіе мѣстныхъ условій, она болѣе всего можетъ процвѣтать. Далѣе, уменьшающаяся стоимость перевозки облегчаетъ распредѣленіе продукта, уравниваетъ цѣны и среднимъ числомъ понижаетъ ихъ, дѣлая такимъ образомъ различныя предметы доступными людямъ, не имѣвшимъ прежде возможности

покупать ихъ, увеличивая такимъ образомъ удобства и утончая привычки этихъ людей. Въ то же время распространяется обычай путешествовать. Сословія, которыя до того никогда не помышляли о путешествіяхъ, дѣлаютъ ежегодныя поѣздки на морской берегъ; посѣщаютъ родственниковъ, живущихъ въ отдаленіи; предпринимаютъ небольшія увеселительныя путешествія, — вынося изъ всего этого пользу для тѣла, чувствъ и ума. Сверхъ того, скорѣйшая передача писемъ и новостей производитъ дальнѣйшія измѣненія — заставляетъ пульсъ народа биться быстрѣе. Является безчисленное множество дешевыхъ изданій, распространяемыхъ посредствомъ продажи на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ, является столько же объявленій въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ: оба средства эти содѣйствуютъ дальнѣйшему прогрессу. И всѣ эти безчисленныя перемѣны, указанныя здѣсь вкратцѣ, порождены изобрѣтеніемъ паровой машины. Общественный организмъ сталъ болѣе разнороднымъ въ силу многихъ вновь введенныхъ занятій, и другихъ, существовавшихъ уже, но теперь болѣе специализированныхъ; цѣны на произведенія повсемѣстно измѣнились; каждый торговецъ болѣе или менѣе измѣнилъ способъ веденія своихъ дѣлъ, и все это отразилось на дѣйствіяхъ и мысляхъ едва ли не каждаго изъ людей.

Можно было бы привести безконечное количество подобныхъ поясненій. Что всякое новое вліяніе на общество даетъ многочисленные результаты и что увеличеніе разнородности обуславливается умноженіемъ дѣйствій одной и той же причины, это можно видѣть въ исторіи всякой торговли, всякаго обычая, всякаго вѣрованія. Но приводить дальнѣйшія свидѣтельства бесполезно. Единственный фактъ, требующій еще вниманія, есть тотъ, что здѣсь яснѣе чѣмъ гдѣ-либо подтверждается указанная выше истина, что чѣмъ разнороднѣе поверхность, на которую дѣйствуетъ какая-либо сила, тѣмъ сложнѣе бываютъ и результаты ея какъ по числу, такъ и родамъ своимъ. Между тѣмъ какъ у первобытныхъ племенъ, которымъ впервые сталъ извѣстенъ каучукъ, онъ произвелъ весьма не многія перемѣны, у насъ перемѣны эти стали такъ многочисленны и разнообразны, что исторія ихъ за-

нимаеть цѣлый томъ. (1) Въ небольшой, однородной общинѣ, населяющей какой-либо изъ Гебридскихъ острововъ, употребленіе электрическаго телеграфа едвали произвело бы какіе-нибудь результаты; въ Англіи же результаты эти безчисленны. Сравнительно простая организація, среди которой жили наши предки пять столѣтій тому назадъ, подверглась бы незначительнымъ измѣненіямъ вслѣдствіе событій подобныхъ тѣмъ, какія мы недавно видѣли въ Кантонѣ; въ наше же время, законодательное постановленіе, бывшее ихъ результатомъ, порождаетъ нѣсколько сотъ сложныхъ измѣненій, изъ которыхъ каждое въ свою очередь сдѣляется родоначальникомъ многочисленныхъ будущихъ измѣненій.

Еслибъ мѣсто позволяло, мы охотно продолжили бы аргументацію нашу въ область болѣе тонкихъ результатовъ цивилизаціи. Подобно тому, какъ мы выше показали, что законъ прогресса, подчиняющій себѣ органической и неорганической міры, управляетъ также и языкомъ, скульптурой, музыкой и т. д. — можно бы здѣсь показать, что и причина, принятая нами за обусловливающую прогрессъ, примѣнима и въ этихъ случаяхъ. Мы могли бы подробно доказать, какъ въ наукѣ поступательное движеніе одной отрасли немедленно подвигаетъ и другія отрасли, — какъ неизмѣримо подвинули астрономію открытія въ оптикѣ, между тѣмъ какъ другія оптическія открытія дали начало микроскопической анатоміи и въ значительной степени способствовали развитію физиологій, — какъ химія косвеннымъ образомъ увеличила наши свѣдѣнія объ электричествѣ и магнетизмѣ, наши званія въ біологій и геологій, — какъ электричество произвело реакцію на химію и магнетизмъ, расширило воззрѣніе наше на свѣтъ и теплоту и открыло нѣсколько законовъ нервныхъ дѣйствій. Ту же самую истину можно было бы прослѣдить и въ литературѣ, въ многочисленныхъ вліяніяхъ первоначальныхъ мистерій, не только породившихъ новѣйшую драму, но, при посредствѣ ея подѣйство-

(1) «*Personal Narrative of the Origin of the Caoutchouc, or India-Rubber Manufacture in England*», by THOMAS HANCOCK.

вавшихъ и на другіе роды поэзіи и вымысла, — или въ безпрестанно разможжающихся формахъ періодической литературы, происшедшихъ отъ перваго газетнаго листка и съ тѣхъ поръ постоянно дѣйствовавшихъ и воздѣйствовавшихъ одна на другую. Вліяніе, производимое какой-нибудь новой школой живописи какъ напримѣръ до-Рафаелевской — на другія школы; произведенія фотографіи, которыми пользуются всѣ роды живописнаго искусства; сложные результаты новыхъ критическихъ доктринъ, какова напримѣръ доктрина Роскина (*), — на всемъ этомъ можно было бы подробно остановиться, какъ на проявленіяхъ подобнаго же умноженія дѣйствій одной причины. Но бесполезно было бы утомлять терпѣніе читателя, заставляя его слѣдить за этими переменами въ многочисленныхъ ихъ развѣтвленіяхъ; онѣ становятся тутъ столь сложными и неуловимыми, что изслѣдованіе ихъ сопряжено съ чрезвычайными затрудненіями.

Не вдаваясь въ дальнѣйшія доказательства, мы смѣемъ думать, что дѣло наше сдѣлано. Недостатки, неизбѣжно сопряженные съ краткостью изложенія, не повредятъ, надѣмся, нашимъ положеніямъ. Ближайшія опредѣленія, въ которыхъ могла бы кое-гдѣ представиться надобность, не измѣнили бы выводовъ. Хотя въ одномъ случаѣ, не допускающемъ достаточныхъ свидѣтельствъ, мы не были въ состояніи доказать приложимость закона прогресса, но остается все-таки въ высшей степени вѣроятнымъ, что и тутъ примѣнимо то же самое обобщеніе, которое примѣнимо по отношенію ко всему творенію. Хотя, при изслѣдованіи генезиса прогресса, мы часто говорили о сложныхъ причинахъ какъ о простыхъ, все-таки останется справедливымъ, что причины эти гораздо менѣе сложны, нежели ихъ результаты. Критика подробностей не могла бы касаться основнаго нашего

(*) Джонъ Рускинъ — авторъ многочисленныхъ сочиненій по части критики изящныхъ искусствъ. Основныя воззрѣнія его изложены были въ рядѣ писемъ, печатавшихся въ «Times» и перепечатанныхъ въ 1851 г. въ книгѣ подъ заглавіемъ «Pre-Raphaelism».

положенія. Безконечные факты служатъ доказательствомъ того, что всякая форма прогресса идетъ отъ однороднаго къ разнородному, — а это происходитъ потому, что каждая переменна имѣетъ слѣдствіемъ нѣсколько переменъ. И замѣчательно, что тамъ, гдѣ факты наиболее доступны и изобильны, тамъ эти истины очевиднѣе всего.

Однако, чтобъ не брать на себя больше, чѣмъ доказано, мы должны ограничиться положеніемъ, что таковы законъ и причины всякаго извѣстнаго намъ прогресса. Если гипотеза туманныхъ массъ будетъ когда-нибудь подтверждена, намъ станетъ истиннымъ, что вся вселенная вообще, также какъ и всякій организмъ, была нѣкогда однородна; что въ цѣломъ, какъ и въ каждой подробности, она непрерывно подвигалась къ большей разнородности, и что разнородность ея возрастаетъ и до настоящаго времени. Тогда можно будетъ видѣть, что въ каждомъ обыденномъ явленіи, какъ и съ самаго начала вещей, разложеніе затраченной силы на нѣсколько силъ постоянно производило еще большее усложненіе; что возрастаніе разнородности, произведенное такимъ образомъ, все-еще продолжается и должно продолжаться еще далѣе, и что, слѣдовательно, прогрессъ не есть ни дѣло случая, ни дѣло, подчиненное волѣ человѣческой, а благотворная необходимость.

Надо прибавить нѣсколько словъ касательно онтологическаго значенія нашей аргументаціи. Вѣроятно многіе увидятъ въ ней попытку разрѣшить великіе вопросы, затруднявшіе философію всѣхъ временъ. Пусть не обманываются такіе читатели. Только люди, не знающіе размѣровъ и предѣловъ науки, могутъ впасть въ столь серьезное заблужденіе. Предшествующія обобщенія приложимы не къ генезису самыхъ вещей, а къ генезису ихъ проявленій въ человѣческомъ сознаніи. — Послѣ всего, что сказано, конечная тайна остается такой же тайной, какъ и прежде. Изложеніе того, что объяснимо, выставляетъ только въ болѣе сильномъ свѣтѣ необъяснимость того, что остается позади. Хотя намъ удалось свести уравненіе къ нижайшимъ степенямъ, но это еще не даетъ намъ возможности опредѣлить неизвѣстную величину; напротивъ того, намъ дѣлается только еще болѣе оче-

виднымъ, что неизвѣстную величину никогда нельзя найти. Какъ бы ни казалось неправдоподобнымъ, но смѣлая пытливость стремится постоянно къ тому, чтобы положить болѣе прочное основаніе всякой истинной религіи. Робкій сектаторъ, встревоженный прогрессомъ познаній, принужденный покидать одно за другимъ всё суевѣрія своихъ предковъ и вида ежедневно дорогія вѣрованія свои все болѣе и болѣе потрясаемыми, страшится втайнѣ, что когда-нибудь *есть* вещи будутъ разъяснены; сообразно этому увеличивается и его боязнь науки, являя такимъ образомъ худшее изъ всѣхъ невѣрій—опасеніе, что истина можетъ быть не хороша. Съ другой стороны, искренній приверженецъ науки, довольствуясь тѣмъ, что ему даетъ очевидность, приобретаетъ при каждомъ новомъ изслѣдованіи все болѣе глубокое убѣжденіе, что вселенная есть неразрѣшимая задача. Какъ во вѣншемъ, такъ равно и во внутреннемъ мірѣ, онъ видитъ себя среди вѣчныхъ перемѣнъ, ни начала, ни конца которыхъ онъ не можетъ открыть. Если, прослѣдивъ весь ходъ развитія вещей, онъ допустить гипотезу, что всякое вещество существовало нѣкогда въ разсѣянной формѣ, то понять, какъ это сдѣлалось, будетъ для него все-таки невозможно; равнымъ образомъ, если онъ станетъ размышлять о будущемъ, то не въ состояніи означить предѣла той великой послѣдовательности явленій, которая непрестанно развертывается передъ нимъ. Съ другой стороны, всматриваясь внутрь себя, онъ увидитъ, что оба конца нити его сознанія вѣ его достиженія: онъ не можетъ вспомнить, когда или какъ началось это сознаніе, и не можетъ разсмотрѣть сознаніе, существующее въ текущій моментъ; ибо только состояніе минувшаго сознанія можетъ стать предметомъ размышленія, а отнюдь не то, которое проходитъ въ данный моментъ. Обращаясь далѣе отъ послѣдовательности вѣншихъ или внутреннихъ явленій къ сущности ихъ, онъ также точно останавливается. Если ему и удастся истолковать всё свойства вещей проявленіями силы, то это не объяснить ему, что такое сила; онъ находитъ, напротивъ, что чѣмъ онъ болѣе о ней думаетъ, тѣмъ болѣе приходитъ въ недоумѣніе. Равнымъ образомъ, хотя анализъ умственныхъ дѣйствій и приведетъ его наконецъ къ ощущеніямъ, какъ къ первоначальному

матеріалу, изъ котораго соткана всякая мысль, но это не подвинетъ его впередъ; ибо онъ никакъ не въ состояніи понять ошущеніе, не можетъ даже понять, какъ ошущеніе возможно. Такимъ образомъ онъ открываетъ, что элементы какъ внутренняго, такъ и внѣшняго міра равно неизвѣдому въ ихъ основномъ генезисѣ и основной природѣ. Онъ видитъ, что споры материалистовъ и спиритуалистовъ не болѣе, какъ война словъ; обѣ стороны равно нелѣпы, потому что обѣ думаютъ, что понимаютъ то, чего никакой человѣкъ не можетъ понять. Во всѣхъ направленіяхъ изслѣдованія его непремѣнно ставятъ его лицомъ къ лицу съ непознаваемымъ и онъ все яснѣе видитъ, что это непознаваемое дѣйствительно непознаваемо. Онъ сразу убѣждается и въ величіи и въ ничтожности человѣческаго разума—его власти надъ всѣмъ, что входитъ въ предѣлы опыта; его немощности во всемъ, что заходитъ за предѣлы опыта. Онъ чувствуетъ живѣе чѣмъ кто-либо полную непостижимость самаго простѣйшаго изъ фактовъ, разсматриваемаго въ самомъ себѣ. Онъ одинъ истинно *видитъ*, что абсолютное знаніе невозможно. Онъ одинъ *знаетъ*, что подъ всѣми вещами скрывается непроницаемая тайна.

ФИЛОСОФИЯ СЛОГА.

Разсуждая о кажущейся несообразности между аргументативной способностью своего отца и его незнанием формальной логики, Тристрам Шанди говорит: «Для моего почтенного воспитателя и для двух или трех господ этого ученаго общества было предметом справедливаго удивленія, что человекъ, едва знавшій названія своихъ инструментовъ, могъ такъ хорошо работать ими.» Заключение, подразумеваемое Стерномъ, что знаніе правилъ разсужденія не обусловливаетъ хорошаго разсужденія и не существенно необходимо для этого,— безъ сомнѣнія, справедливо. Точно тоже можно сказать и относительно грамматики. Д-ръ Латамъ, осуждая обыкновенное школьное долбленіе грамматики Линдли Моррея, справедливо замѣчаетъ: «Грубую вульгарность надо предупреждать, но дѣлать это должна привычка, а не правила.» Такъ же мало подлежитъ спору и то, что доброкачественность сочиненія гораздо менѣе зависитъ отъ знанія какихъ-либо законовъ, нежели отъ упражненія и естественной способности. Свѣтлая голова, живое воображеніе и чувствительное ухо сильно способствуютъ тому, чтобы сдѣлать ненужными всѣ риторическія правила. Тотъ, кто ежедневно слышитъ и читаетъ хорошо составленныя предложенія, тотъ, естественно, будетъ болѣе или менѣе стремиться къ употребленію подобныхъ

же. А тамъ, гдѣ существуетъ какая-нибудь умственная идиосинкразія, отсутствіе памяти на слова, недостаточное пониманіе логической зависимости, слабое понятіе о порядкѣ или отсутствіе изобрѣтательности въ построеніи,—тамъ не поможетъ никакая ученость. Несмотря на то, отъ знакомства съ правилами слога все-таки можно ожидать *нѣкоторыхъ* практическихъ результатовъ. Страніе сообразоваться съ его законами скажется, хотя и медленно. И хотя бы только для облегченія окончательной отдѣлки, ясная идея о томъ, что составляетъ красоту и что недостатокъ, не можетъ не быть полезной.

Общая теорія выраженія, кажется, еще никѣмъ не излагалась. Правила, содержащіяся въ руководствахъ риторики, представляются въ нестройной формѣ. Предлагаемыя какъ отдѣльные догматы, какъ эмпирическія обобщенія, они не такъ ясно понимаются и не такъ уважаются, какъ еслибы были выведены изъ какого-нибудь простаго, основнаго начала. Намъ говорятъ, что «краткость есть душа остроумія.» Намъ случается слышать, что стиль осуждается за многословіе и запутанность. Блеръ говоритъ, что всякая ненужная часть фразы «прерываетъ описаніе и затемняетъ образъ», и далѣе, что «длинные предложенія утомляютъ вниманіе читателя.» Лордъ Клаймъ замѣчаетъ, что «для приданія періоду наибольшей силы, надо стараться заключать его тѣмъ словомъ, которое имѣетъ въ немъ наибольшее значеніе.» Устраненіе вводныхъ предложений и предпочтительное употребленіе саксонскихъ словъ предъ словами латинскаго происхожденія составляютъ установившіяся правила. Но какъ бы ни были вліятельны истины, представленныя въ такой догматической формѣ, онѣ получили бы гораздо болѣе вѣса, будучи приведены въ сколько-нибудь научный порядокъ. Въ этомъ, какъ и въ другихъ случаяхъ, убѣжденіе было бы значительно усилено, еслибы мы понимали, почему оно возникло. Можно быть увѣреннымъ, что пониманіе общаго принципа, изъ котораго вытекаютъ правила риторики, не только уяснитъ намъ существующія, но откроетъ и другія правила того же происхожденія.

Отыскивая какой-нибудь ключъ къ закону, скрытому подъ

этимі прынятымі правіламі, мы замѣчаемъ, что во многихъ изъ нихъ проглядываетъ стремленіе къ сбереженію вниманія читателя или слушателя. Представить идеи такъ, чтобы онѣ могли быть поняты съ возможно меньшимъ умственнымъ усиленіемъ, составляетъ *desideratum*, къ которому стремится большая часть вышеприведенныхъ правилъ. Осуждая сочиненія многословныя, сбивчивыя, туманныя; хваля одинъ слогъ за легкость, порицая другой за утомительность, мы, сознательно или нѣтъ, признаемъ этотъ *desideratum* за норму нашего сужденія. Смотри на языкъ какъ на снарядъ символовъ для проведенія мысли, мы можемъ сказать, что подобно механическому снаряду, чѣмъ проще и лучше устроены его части, тѣмъ сильнѣе будутъ и дѣйствія, производимыя имъ. Въ обоихъ случаяхъ сила, поглощенная машиной, будетъ отнята у результата. Читатель или слушатель имѣетъ въ данную минуту только известную сумму умственныхъ способностей въ своемъ распоряженіи. Часть этихъ способностей онъ долженъ употребить на то, чтобы познать и объяснить себѣ представленныя ему символы, другую часть на то, чтобы распредѣлить и соединить внѣшныя ему образы, и только остатокъ онъ употребитъ на то, чтобы усвоить себѣ передаваемую мысль. Слѣдовательно, чѣмъ больше времени и вниманія требуется на то, чтобы воспринять и понять каждое предложеніе, тѣмъ меньше времени и вниманія остается для идеи, заключающейся въ предложеніи, и тѣмъ съ меньшей живостью идея эта будетъ понята. Вспомнивъ сравнительную силу, съ какой простыя идеи передаются знаками, мы ясно увидимъ, какъ справедливо можно смотрѣть на языкъ какъ на помѣху мысли, хотя онъ составляетъ необходимый ея проводникъ. Слова: «выйди изъ комнаты» менѣе выразительны, нежели указаніе на дверь. Приложенный къ губамъ палецъ выразительнѣе, нежели тихое: «не говори». Поманить рукой удобнѣе, нежели сказать: «поди сюда». Никакая фраза не передастъ такъ живо идею удивленія, какъ раскрытые глаза и поднятыя брови. Пожатіе плечами много потеряло бы при переводѣ на слова. При этомъ, надо замѣтить, что въ устномъ разговорѣ самые сильные эффекты достигаются посредствомъ междометій, которыя сжимаютъ цѣлыя предложенія

въ слоги. Въ извѣстныхъ случаяхъ, гдѣ обычай позволяетъ намъ выражать мысли отдѣльными словами, какъ напримѣръ «берегись», «увы», «вздоръ», много силы утратилось бы при распространеніи ихъ въ соотвѣтственные предложенія. Продолжая метафору, что языкъ есть проводникъ мысли, кажется есть основаніе полагать, что во всѣхъ случаяхъ треніе и инерція проводника зависятъ отъ его устройства; и что въ сочиненіи главное, если не единственное, дѣло состоитъ въ томъ, чтобы довести это треніе и эту инерцію до возможно меньшей степени. Прослѣдимъ теперь, не въ сбереженіи ли вниманія читателя заключается тайна эффекта, какъ относительно правильнаго выбора и сочетанія словъ, такъ и наилучшаго распредѣленія членовъ фразы, порядка размѣщенія главныхъ и второстепенныхъ предложеній, разумнаго употребленія уподобленій, метафоръ и другихъ фигуръ рѣчи и даже относительно римической послѣдовательности слоговъ.

Сравнительно большая сила *саксонско-англійскаго* языка или вѣрнѣе *не латинско-англійскаго* прежде всего привлекаетъ наше вниманіе. Разнообразныя отдѣльныя причины могутъ тутъ всѣ быть подведены подъ одну общую—экономію. Самую главную изъ этихъ причинъ составляетъ раннее знакомство съ саксонскими словами. Дѣтскій словарь почти совершенно саксонскій. Ребенокъ говоритъ: *I have* (у меня есть), а не *I possess* (я имѣю); *I wish* (я хочу), а не *I desire* (я желаю); онъ не *reflect* (размышляетъ), а *thinks* (думаетъ); онъ проситъ не *amusement* (забавы), а *play* (игры); онъ называетъ вещи *nice* (хорошими) или *nasty* (дурными), а не *pleasant* или *disagreeable* (пріятными или непріятными). Синонимы, съ которыми онъ знакомится впоследствии, никогда не бываютъ такъ тѣсно, такъ органически связаны съ выражаемой идеей, какъ тѣ первобытныя слова, которыя онъ употреблялъ въ дѣтствѣ; оттого и связь съ позднѣйшими словами остается слабѣе. Но въ чемъ заключается разница между прочной связью слова съ идеей и слабой ихъ связью? Просто въ большей легкости и быстротѣ дѣйствія внушенія. Ни въ чемъ другомъ она не можетъ быть. Два слова, если они строго однозначащи, вызовутъ въ результатѣ одинъ и тотъ же образъ. Вы-

раженіе: *it is acid* (это кисло, точнѣе — остро) должно наконецъ вызвать ту же мысль, выраженную словомъ *it is sour*; но такъ какъ терминъ *acid* узнается позднѣе въ жизни и слѣдовательно въ меньшемъ числѣ случаевъ сопровождается мысль, которой онъ служитъ символомъ, то онъ и не возбуждаетъ этой мысли такъ быстро, какъ терминъ *sour*. Если мы вспомнимъ, какъ медленно и съ какимъ трудомъ соотвѣтственные идеи слѣдуютъ за незнакомыми словами на чужомъ языкѣ и какъ ближайшее знакомство съ такими словами даетъ большую быстроту и легкость пониманія, и если мы примемъ во вниманіе, что подобный же процессъ долженъ былъ совершаться съ самаго нашего дѣтства относительно словъ нашего роднаго языка; то мы ясно увидимъ, что слова, выученныя раньше и употребляемыя чаще другихъ, будутъ, при одинакихъ данныхъ, вызывать образы съ меньшей потерей времени и силы, нежели ихъ синонимы, съ которыми мы знакомимся позднѣе. Дальнѣйшее превосходство саксонско-англійскаго языка, заключающееся въ его сравнительной краткости, очевидно подходитъ подъ то же обобщеніе. Если есть выгода въ томъ, чтобы выразить мысль въ наименьшемъ числѣ словъ, то есть выгода и въ томъ, чтобы выразить ее въ наименьшемъ числѣ слоговъ. Если извилистыя фразы и ненужныя дополненія развлекаютъ вниманіе и уменьшаютъ силу впечатлѣнія, то и лишніе слоги дѣлаютъ тоже. Требуется нѣкоторое усиліе, хотя обыкновенно и незамѣтное, для того, чтобы распознать каждую гласную и согласную букву. Если, какъ это всемъ извѣстно, утомительно слѣшать неясный выговоръ или читать дурно написанную рукопись, и если утомленіе — какъ это и должно быть — есть накопившійся результатъ вниманія, потребнаго на то, чтобы уловить рядъ послѣдовательныхъ слоговъ; то изъ этого слѣдуетъ, что вниманіе въ такихъ случаяхъ поглощается каждымъ слогомъ. И если это справедливо при трудномъ распознаваніи слоговъ, то справедливо, хотя въ меньшей степени, и при легкомъ распознаваніи ихъ. Поэтому — то краткость саксонскихъ словъ становится причиной большей ихъ силы. Однако здѣсь нельзя не сдѣлать одного замѣчанія. Слово, которое въ самомъ себѣ заключаетъ самую важную часть передаваемой идеи, особенно,

it is acid, it is sour, it is...

когда идея эта должна возбудить чувство — такое слово можно часто съ успѣхомъ выбирать изъ многосложныхъ. Такъ напр., кажется, выразительнѣе сказать: *it is magnificent* (это великолѣпно); нежели: *it is grand* (это велико); слово *vast* (обширный) не такъ сильно, какъ *stupendous* (поразительно-громадный). Назвать вещь *nasty* (грязной) не такъ дѣйствительно, какъ назвать ее *disgusting* (отвратительной). Кажется, есть много причинъ для этого исключительнаго превосходства нѣкоторыхъ длинныхъ словъ. Во многихъ случаяхъ его можно приписать тому факту, что объемистый — такъ сказать *vo весь ротъ* — эпитетъ, уже по самымъ размѣрамъ своимъ, внушаетъ идею о чемъ-то большомъ или сильномъ. Тамъ, гдѣ нужно внушить понятіе о чемъ-либо могущественномъ или глубокомъ, извѣстная пышность въ изложеніи идей содѣйствуетъ эффекту. Другая причина та, что слово многосложное допускаетъ болѣе эмфатическое произношеніе; а такъ какъ эмфатическое произношеніе есть знакъ душевнаго волненія, то оно предполагаетъ и особенную силу впечатлѣнія, которое названный предметъ долженъ произвести. Еще одна изъ причинъ состоитъ въ томъ, что длинное слово (последніе слоги котораго обыкновенно уже предугадываются при произнесеніи первыхъ) позволяетъ сознанию слушателя остановиться болѣе долгое время на сказуемомъ качествѣ; и въ случаяхъ, подобныхъ вышеприведеннымъ, гдѣ все вниманіе призывается на это качество, становится особенно выгоднымъ поддерживать его въ умѣ слушателя болѣе продолжительное время. Итакъ, причины, представленныя нами относительно предпочтенія короткихъ словъ, очевидно здѣсь не годятся. Чтобы сдѣлать наше обобщеніе болѣе правильнымъ, мы должны сказать, что если въ нѣкоторыхъ предложеніяхъ, выражающихъ сильное чувство, слово, которое вызываетъ его, можетъ часто съ успѣхомъ быть многосложное или латинское; то въ громадномъ большинствѣ случаевъ каждое слово, служащее какъ-бы ступенью къ воспріятію идеи, заключающейся въ цѣломъ предложеніи, должно, если возможно, быть односложнымъ или саксонскимъ.

Кромѣ того, нерѣдко причиною силы саксонскихъ и другихъ
 Спенсеръ. *Опыты*, т. I.

первобытныхъ словъ оказывается ихъ подражательный характеръ; эта причина можетъ также быть подведена подъ болѣе общую причину. Слова прямо-подражательныя, какъ-то: *splash* (брызги), *bang* (хлопъ), *whiz* (свистъ), *roar* (ревъ), и слова аналогически-подражательныя, какъ-то: *rough* (шероховатый), *smooth* (гладкій), *keen* (острый), *blunt* (грубый), *thin* (тонкій), *hard* (жесткій), *crag* (крутой) и пр., имѣютъ большее или меньшее сходство съ выражаемымъ ими качествомъ; и производя на чувства впечатлѣнія, сообразныя съ вызываемыми идеями, они сберегаютъ часть вниманія, необходимаго на то, чтобы вызывать эти идеи, и оставляютъ больше вниманія для самыхъ идей.

Сбереженіе умственныхъ силъ реципіента, объясняющее различныя причины силы саксонско-англійскаго языка, равно замѣтно и въ превосходствѣ специфическихъ словъ надъ генерическими. Что конкретныя термины производятъ болѣе живое впечатлѣніе, нежели абстрактныя, и что ихъ должно преимущественно употреблять предъ первыми, это — обычное правило риторики. Д-ръ Кампбелль говоритъ: «Чѣмъ болѣе общи термины, тѣмъ картина блѣднѣе; чѣмъ они спеціальнѣе, тѣмъ она яснѣе.» Надо избѣгать предложеній въ родѣ слѣдующаго:

«Соразмѣрно тому, въ какой степени жестокости и дикости нравы, обычаи и увеселенія какого-нибудь народа, — окажутся строги и узаконенія его уголовного кодекса.»

И вмѣсто того писать:

«Соразмѣрно тому, въ какой степени люди находятъ наслажденіе въ сраженіяхъ, бояхъ быковъ и гладіаторовъ, — станутъ они и карать вѣзлицей, костромъ и колесованіемъ.»

Это превосходство специфическихъ выраженій очевидно зависитъ отъ сбереженія усилія, необходимаго на то, чтобы перевести слова на мысли. Такъ какъ мы думаемъ о предметахъ не вообще, а въ частностяхъ; такъ какъ, при рѣчи о какомъ-нибудь классѣ предметовъ мы представляемъ себѣ его, припоминая отдѣльные его члены; то при употребленіи отвлеченнаго слова слушатель или читатель долженъ выбрать изъ своего запаса образовъ одинъ или нѣсколько такихъ, посредствомъ ко-

торыхъ онъ могъ бы представить себѣ весь родъ. При этомъ процессѣ, должно возникнуть нѣкоторое замедленіе, должна быть потрачена нѣкоторая сила; и если, употребленіемъ специфическаго термина, можно разомъ вызвать свойственный образъ, то этимъ достигается сбереженіе и производится болѣе живое впечатаніе.

Обращаясь теперь отъ выбора словъ къ ихъ послѣдовательности, мы находимъ, что и [здѣсь можно приложить тотъ же общій принципъ. Мы имѣемъ причины *a priori* полагать, что въ каждомъ предложеніи извѣстный порядокъ словъ болѣе дѣйствителенъ, нежели какой-либо другой, и что этотъ порядокъ есть тотъ, который представляетъ элементы предложенія въ наиболѣе удобной послѣдовательности. Подобно тому, какъ въ повѣствованіи происшествія должны быть рассказаны въ такой послѣдовательности, которая не заставила бы умъ двигаться взадъ и впередъ для того, чтобы правильно сочетать ихъ; какъ въ группѣ предложеній распределеніе должно быть таково, чтобы каждое изъ нихъ могло быть понято само по себѣ, независимо отъ послѣдующихъ; такъ и въ каждомъ предложеніи послѣдовательность словъ должна быть такова, чтобы составныя части мысли являлись въ порядкѣ, наиболѣе удобномъ для построенія этой мысли. Чтобы надлежащимъ образомъ подтвердить эту истину и подготовить способъ ея приложенія, мы прослѣдимъ вкратцѣ умственный процессъ, посредствомъ котораго познается значеніе ряда словъ.

Проще всего сдѣлать это—разсматривая правильное размѣщеніе существительнаго и прилагательнаго. Лучше ли ставить прилагательное предъ существительнымъ, или наоборотъ? Надо ли говорить, какъ французы: *un cheval noir* (лошадь вороная), или какъ мы говоримъ: *a black horse* (вороная лошадь)? Вѣроятно, многіе рѣшатъ, что и тотъ и другой порядокъ хорошъ. Сознвая дѣйствіе привычки, они ей припишутъ предпочтеніе, которое отдается нашей формѣ выраженія. Они вполне допустятъ соотвѣтствующее предпочтеніе и со стороны тѣхъ, которые воспитаны въ употребленіи противоположной формы. Такимъ образомъ они заключатъ, что ни одно изъ этихъ инстинктивныхъ

суждений не имѣеть значенія. Есть, однако, философское основаніе рѣшить въ пользу англійскаго способа выраженія. При размѣщеніи словъ въ такомъ порядкѣ: *лошадь вороная*, немедленно за произнесеніемъ слова *лошадь* въ умѣ возникаетъ, или стремится возникнуть, изображеніе, соотвѣтственное этому слову; и такъ какъ ничѣмъ еще не было обозначено, *какая* именно лошадь, то образъ ея является безразличнымъ. Вѣроятнѣе всего, однако, это будетъ образъ гнѣдой лошади, такъ какъ гнѣдые лошади самыя обыкновенныя. Съ прибавленіемъ слова *вороная* дается толчекъ процессу мысли. Приходится или уничтожить образъ гнѣдой лошади, уже представшій предъ воображеніемъ, и вызвать на его мѣсто образъ вороной лошади; или, если изображеніе гнѣдой лошади еще не образовалось, то надо остановить стремленіе къ тому. Въ обоихъ случаяхъ порождается нѣкоторая сумма препятствій. Но если, съ другой стороны, употреблено выраженіе: *a black horse*, ничего подобнаго не будетъ. Слово *black*, означая отвлеченное качество, не возбуждаетъ определенной идеи. Оно только приготовляетъ умъ къ представленію какого-то предмета чернаго цвѣта, и сила вниманія поддерживается до тѣхъ поръ, пока этотъ предметъ не станетъ извѣстнымъ. Итакъ, если предположеніемъ прилагательнаго имени идея передается безъ повода къ ошибкѣ, между тѣмъ какъ предположеніе существительнаго способно произвести неправильное понятіе, — то, слѣдовательно, одинъ порядокъ причиняетъ уму меньше безпокойства, нежели другой, и поэтому онъ дѣйствительнѣе.

Можетъ быть, намъ возразятъ, что прилагательное и существительное стоятъ такъ близко одно къ другому, что ихъ можно считать выговариваемыми въ одинъ и тотъ же моментъ; и что, слыша фразу: *лошадь вороная*, нѣтъ времени вообразить себѣ *лошадь* другаго цвѣта, пока слѣдующее слово *вороная* не определитъ цвѣта. Должно сознаться, что, рассматривая сущность дѣла, не легко рѣшить, справедливо ли это или нѣтъ. Но есть факты, косвенно доказывающіе, что это не справедливо. Наша способность упреждать слова, еще не выговоренныя, есть одинъ изъ такихъ фактовъ. Еслибъ идеи слушателя значительно отставали отъ

выраженій говорящаго, какъ это предполагается вышеприведеннымъ возраженіемъ, то онъ едва ли могъ бы предвидѣть конецъ предложенія когда оно высказано только на-половину; а между тѣмъ это случается постоянно. Въ этомъ случаѣ умъ, вмѣсто того, чтобъ упреждать выраженіе, постоянно болѣе и болѣе отставалъ бы отъ него. Еслибъ значеніе словъ не воспринималось такъ же скоро, какъ они выговариваются, то потеря времени надъ каждымъ словомъ повлекла бы за собой такое накопленіе замедленій, что слушатель наконецъ совершенно отсталъ бы. Но будетъ ли признана сила этихъ возраженій, или нѣтъ, во всякомъ случаѣ нельзя отрицать, что правильное образованіе картины будетъ облегчено, если элементы ея будутъ представлены въ томъ порядкѣ, въ какомъ является въ нихъ потребность; что это облегченіе будетъ чувствительно даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда умъ ничѣмъ не былъ занятъ до воспринятія картины.

То, что говорится здѣсь относительно послѣдовательности прилагательнаго и существительнаго, очевидно, примѣнимо къ нарѣчію и глаголу. Безъ дальнѣйшихъ объясненій будетъ ясно, что въ употребленіи предлоговъ и другихъ частицъ большая часть языковъ естественно подчиняются, болѣе или менѣе, этому закону.

Прилагая подобный же анализъ къ болѣе крупнымъ раздѣленіямъ предложенія, мы найдемъ, не только что правило это примѣнимо, но что соблюденіе его представляетъ значительныя выгоды. Въ распредѣленіи сказуемаго и подлежащаго, на примѣръ, мы прямо видимъ, что такъ какъ сказуемое опредѣляетъ видъ, въ которомъ предметъ долженъ быть воспринятъ, то сказуемое слѣдуетъ ставить первымъ; и дѣйствіе, производимое этимъ размѣщеніемъ, становится сразу очевиднымъ. Возьмемъ часто приводимое различіе между предложеніями: «Велика Діана Эфесская» и «Діана Эфесская велика.» При первомъ размѣщеніи произнесеніе слова *велика* возбуждаетъ смутное представленіе чего-то внушительнаго, обыкновенно сопряженнаго съ этимъ словомъ; воображеніе приготовлено облечь послѣдующее въ возвышенныя свойства, и при словахъ «Діана Эфесская» — всѣ образы, какіе только можно вызвать въ эту минуту, являются для составленія картины:

умъ приводится тутъ прямо и безошибочно къ желанному впечатлѣнію. Когда, напротивъ, слова слѣдуютъ въ противоположномъ порядкѣ, то идея «Дианы Эфесской» воспринимается безъ особеннаго отношенія къ величинѣ, и когда прибавляется слово «велика», понятіе должно быть преобразовано: это порождаетъ потерату умственной энергіи и соответственное ей уменьшеніе эффекта. Слѣдующіе стихи изъ поэмы Кольриджа «*Старый Моррякъ*», хотя нѣсколько неправильнаго строенія, хорошо поясняютъ ту же истину.

«Я одинъ, одинъ, совсѣмъ одинъ,
Одинъ на широко-широкомъ морѣ!
И никакой свитой не сжалился
Надъ моей изнывающей душой.»

Это правило равно примѣняется и въ тѣхъ случаяхъ, когда сказуемымъ является глаголь или причастіе. И, такъ какъ бѣльшій эффектъ достигается тѣмъ, что всѣ слова, означающія качество, направленіе или состояніе подлежащаго, ставятся въ началѣ, то слѣдовательно и связь тоже должна предшествовать подлежащему. Правда, что обычаи нашего языка противятся размѣщенію словъ въ этой послѣдовательности: — сказуемаго, связи и подлежащаго; но мы легко можемъ найти примѣры возрастанія силы, получаемаго при соблюденіи этой послѣдовательности. (*)

Проводи это правило далѣе, становится очевиднымъ, что для того, чтобы произвести наибольшій эффектъ, нужно, чтобы не только главныя раздѣленія предложенія размѣщались въ такой послѣдовательности, но чтобы и въ подраздѣленіяхъ ихъ было соблюдено тоже самое. Почти во всѣхъ случаяхъ, сказуемое сопровождается какимъ-либо ограниченіемъ или обозначеніемъ, которое называется дополненіемъ. Обыкновенно приходится также

(*) Въ этой статьѣ исключены нѣкоторые мѣста, такъ какъ приводимые въ нихъ подробности и примѣры теряли свое значеніе при передачѣ на русскій языкъ.

обозначать и обстоятельства подлежащаго, составляющія его дополненіе, и, такъ какъ эти обозначенія и обстоятельства должны опредѣлить, какъ именно понимаются дѣйствія и предметы, къ которымъ они относятся, то первенство должно принадлежать имъ. Лордъ Клаймъ замѣчаетъ, что порядокъ этотъ предпочтителенъ, но не приводитъ причины. Онъ говоритъ: «Когда обстоятельство поставлено въ началѣ періода или вслѣдъ за началомъ, то переходъ отъ него къ главному предмету удобенъ; это—какъ бы восхожденіе или движеніе вверхъ.» Для поясненія приведемъ предложеніе, составленное въ такомъ порядкѣ. Вотъ примѣръ:

«Какова бы она ни была въ теоріи, ясно, что на практикѣ французская идея о свободѣ есть — право всякаго человѣка быть господиномъ остальныхъ людей.»

Въ этомъ случаѣ, еслибъ первыя два вводныя предложенія до слова «практикѣ», опредѣляющія подлежащее, были поставлены въ концѣ, а не въ началѣ, предложеніе утратило бы много силы, какъ это видно изъ слѣдующаго:

«Французская идея о свободѣ есть право всякаго человѣка быть господиномъ остальныхъ людей, на практикѣ, по крайней мѣрѣ, если не въ теоріи.»

Точно тоже бываетъ и относительно тѣхъ условій, при которыхъ фактъ выражается въ сказуемомъ. Обратимъ вниманіе на эффектъ, производимый въ слѣдующемъ примѣрѣ тѣмъ, что условія эти поставлены въ концѣ.

«Какъ неизмѣримо было бы побужденіе къ прогрессу, еслибъ почести, воздаваемые нынѣ богатству и титулу, воздавались бы исключительно высокимъ подвигамъ и внутреннему достоинству!»

Посмотримъ затѣмъ, какъ увеличивается эффектъ, если мы поставимъ ихъ въ началѣ:

«Еслибъ почести, воздаваемые нынѣ богатству и титулу, воздавались исключительно высокимъ подвигамъ и внутреннему достоинству, какъ неизмѣримо было бы побужденіе къ прогрессу!»

Эффектъ, получаемый поставленіемъ дополненій сказуемаго и

10.

10. 20.

самого сказуемого впереди подлежащего, прекрасно выражень во вступленіи къ «Гиперіону»:

*«Въ глубокой тѣни печальной долины,
 Далеко сокрытый отъ свѣжаго дыханія утра,
 Далеко отъ огненного полудня и вечерней звѣзды,
 Сидѣлъ сѣдовласый Сатурнъ, неподвижный какъ камень.»*

Здѣсь надо замѣтить, что не только сказуемое «сидѣлъ» предшествуетъ подлежащему «Сатурнъ» и что три стиха, напечатанные курсивомъ и составляющіе дополненіе къ сказуемому, стоятъ впереди его, но что и въ строеніи этого дополненія соблюденъ тотъ же порядокъ: каждая строка такъ распределена, что качественныя слова стоятъ предъ словами, возбуждающими конкретные образы.

Правильная послѣдовательность главныхъ и второстепенныхъ предложений фразы очевидно подчиняется тому же закону. Забота о сохраненіи вниманія слушателя, которое, какъ мы видѣли, обуславливаетъ наилучшее распределеніе подлежащаго, связи, сказуемаго и ихъ дополненій, требуетъ, чтобы второстепенное предположеніе предшествовало главному, если во фразѣ ихъ два. Заключая въ себѣ какую-нибудь обозначающую или пояснительную идею, второстепенное предположеніе, поставленное прежде главнаго, предупреждаетъ неправильное пониманіе его, и поэтому избавляетъ отъ умственного усиленія, потребнаго для исправленія подобной ошибки. Это видно изъ слѣдующаго примѣра:

«Тайна, соблюдавшаяся нѣкогда въ отношеніи парламентскихъ преній, считается все-еще необходимой въ дипломатіи; и въ силу этой тайны дипломатіи, Англія можетъ когда-нибудь быть вовлечена, измѣною своихъ министерствъ, въ войну, которая будетъ стоить сотни тысячъ людей и сотни милліоновъ денегъ: а между тѣмъ англичане гордятся своимъ самоуправленіемъ.»

Два второстепенныя предположенія, законченныя одно—точкой съ занятой, другое двоеточіемъ, почти совершенно опредѣляютъ смыслъ главнаго предположенія, заключающаго ихъ; и эффектъ

былъ бы потерянъ, еслибъ они стояли въ концѣ, а не въ началѣ.

Общее правило о вѣрномъ распредѣленіи фразы, которое мы прослѣдили въ приложеніяхъ къ главнымъ ея подраздѣленіямъ, опредѣляетъ также и надлежащій порядокъ въ меньшихъ ея подраздѣленіяхъ. Въ каждой сколько-нибудь сложной фразѣ дополненіе къ подлежащему заключаетъ въ себѣ нѣсколько вводныхъ предложений, дополненіе къ сказуемому — также; и ихъ можно распредѣлить — болѣе или менѣе соображаясь съ закономъ удобнаго воспринятія. Само собой разумѣется, что послѣдовательность ихъ, также какъ и болѣе пространныхъ членовъ предложения, должна идти отъ менѣе частнаго къ болѣе частному, отъ абстрактнаго — къ конкретному.

Здѣсь нужно однако обратить вниманіе еще на одно условіе, которое должно быть соблюдаемо при надлежащей конструкціи фразы; но и это условіе предписывается тѣмъ же общимъ правиломъ, которое указано выше—а именно, чтобы слова и выраженія, наиболѣе тѣсно связанныя въ умѣ, ставились возможно ближе одно къ другому. Очевидно, что отдѣльныя слова, побочные члены и главные раздѣленія каждой фразы, опредѣляютъ другъ друга. Чѣмъ больше времени пройдетъ между названіемъ обозначающаго члена и члена обозначаемаго, тѣмъ долѣе долженъ быть напряженъ умъ удержаніемъ обозначающаго члена, который должно употребить. И чѣмъ многочисленнѣе обозначенія, которыя должно разомъ помнить и правильно употребить, тѣмъ больше должно потратиться умственной силы и тѣмъ слабѣе будетъ произведенный эффектъ. Изъ этого слѣдуетъ, что, при одинаковыхъ данныхъ, фраза выиграетъ въ силѣ, если члены ея распредѣлены такъ, что замедленія эти постоянно будутъ встрѣчаться въ наименьшемъ числѣ и будутъ притомъ возможно болѣе коротки.

Въ приводимомъ ниже мѣстѣ изъ «*Потерянною Радъ*» представляется прекрасный примѣръ хорошо распредѣленной фразы, какъ относительно предпоставленія второстепенныхъ членовъ, такъ и относительно избѣжанія длинныхъ и многочисленныхъ замедленій и—соотношенія между порядкомъ вводныхъ предло-

женій и послѣдовательностью описываемыхъ явленій, — что, между прочимъ, составляетъ еще одно условіе легкаго пониманія, а слѣдовательно и эффекта.

«Подобно тому какъ бродящій волкъ, —
Котораго голодь заставляетъ искать новой добычи,
Подсмотрѣвъ, какъ пастухи собирають свои стада на-ночь
Въ окруженные плетнемъ загонъ, безопасные среди полей, —
Легко прыгаетъ черезъ заборъ, въ середину стада;
Или какъ воръ, намѣревающийся разграбить казну
Богатаго обывателя, крѣпкія двери котораго
Съ поперечными перекладинами и крѣпкими засовами не боится
нападенія.

Влзаетъ въ окно, или по крышѣ:
Такъ вкрался и первый великій хищникъ въ Божье стадо,
Такъ, съ тѣхъ поръ, въ его церковь вкрадываются развратные
наемники.»

Обыкновенное употребленіе фразъ, въ которыхъ всѣ или большая часть описательныхъ и опредѣляющихъ элементовъ предшествуютъ описываемымъ и опредѣляемымъ, порождаетъ то, что называется *обратнымъ* слогомъ: названіе, которое однако придается не исключительно этому построению, но часто употребляется и тамъ, гдѣ порядокъ словъ просто не совсѣмъ обыкновенный. Болѣе правильное названіе было бы: *прямой слогъ*, въ противоположность другому, *непрямому слогу*; особенность перваго состоитъ въ томъ, что онъ проводитъ каждую мысль въ умъ нашъ шагъ за шагомъ, подавая мало поводовъ къ заблужденію; особенность втораго заключается въ томъ, что въ немъ правильное пониманіе мысли достигается рядомъ приближеній.

Превосходство прямой формы рѣчи надъ непрямою, подтверждаемое многими изъ выведенныхъ нами заключеній, нельзя, однако, принимать безъ исключеній. Хотя и хорошо до известной степени употреблять опредѣляющіе члены періода прежде опредѣляемыхъ, однако, такъ какъ удержаніе въ памяти каждаго опредѣляющаго члена стѣбитъ нѣкотораго умственнаго усилія, то, при возрастаніи ихъ числа и времени, потребнаго для ихъ удержанія въ умѣ, мы достигаемъ предѣла,

за которымъ представляется больше потери, нежели выгоды. При равенствѣ другихъ условий, распредѣленіе должно быть таково, чтобы ни одинъ конкретный образъ не былъ внушенъ прежде, нежели будутъ представлены матеріалы, изъ которыхъ онъ долженъ состоять. Но мы сейчасъ показали, что чѣмъ меньше матеріаловъ надо собрать разомъ и чѣмъ меньше времени приходится ихъ удерживать въ умѣ, тѣмъ лучше. Отсюда возникаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ вопросъ: что требуетъ больше умственного усилія, частыя ли и продолжительныя замедленія, или послѣдовательныя исправленія неправильныхъ повиманій?

Иногда вопросъ этотъ можетъ быть рѣшенъ смотря по способностямъ лица, къ которому мы обращаемся. Для быстрого воспріятія мыслей, выраженныхъ простымъ порядкомъ, въ которомъ предложенія всячески переплетены, требуется большая сила ума. Для того, чтобы помнить нѣкоторое число предварительныхъ пунктовъ, изложенныхъ при разъясненіи ожидаемой идеи, и для того, чтобы употребить ихъ всѣ при образованіи идеи, когда она будетъ внушена, нужна хорошая память и значительная сила сосредоточенія. Тому, кто владѣетъ ими, прямой методъ покажется лучшимъ; тому же, кто лишенъ ихъ, онъ покажется худшимъ. Какъ сильному человѣку стѣдуетъ меньше труда перенести стофунтовую тяжесть съ мѣста на мѣсто разомъ, нежели въ нѣсколько разъ по десяти фунтовъ; такъ и дѣятельному уму легче удерживать въ теченіе нѣкотораго времени всѣ опредѣленія какой-нибудь идеи и разомъ правильно представить ее себѣ, когда она высказана, нежели понять ее сначала несовершенно и потомъ уже относить къ ней одну за одной подробности и ограниченія, приводимыя впослѣдствіи. И наоборотъ, какъ для мальчика, единственный возможный способъ перенести стофунтовую тяжесть состоитъ въ томъ, чтобы переносить ее по частямъ; такъ и для слабого ума единственный возможный способъ составить сложное понятіе состоитъ въ томъ, чтобы построить его—собирая отдѣльно различныя его части.

Миѣніе, что непрямой методъ, т. е. методъ, передающій смыслъ рядомъ приближеній, наиболее пригоденъ для людей необразованныхъ, выводится изъ того, что они обыкновенно упо-

требляютъ его. Форма выраженія, усвоенная дикимъ, какъ на-
примѣръ: «воды дай мнѣ», представляетъ простѣйшій типъ при-
ближающаго распредѣленія. Сверхъ того, фактъ, что непрямою
методъ называется естественнымъ, предполагаетъ, что его са-
мопроизвольно употребляетъ народъ, т. е. что онъ есть самый
легкій для необразованныхъ умовъ.

Есть, однако, много случаевъ, въ которыхъ нельзя признать
лучшимъ ни прямого, ни непрямого построения, и гдѣ предпо-
чтительнѣе предъ обоими среднее построение: когда число об-
стоятельствъ и опредѣленій, которыя нужно включить въ фразу,
велико, самый разумный способъ состоитъ не въ томъ, чтобы ис-
числить ихъ всѣ прежде, чѣмъ ввести идею, къ которой они
принадлежатъ, и не въ томъ также, чтобы поставить эту идею
впереди и заставлять слушателя преобразовывать ее потомъ со-
образно съ частностями, приводимыми въ концѣ; а въ томъ,
чтобы употребить оба метода по немногу. Возьмемъ примѣръ.
Надо стараться избѣгать такого крайне непрямаго распредѣленія,
каково слѣдующее:

«Мы достигли цѣли нашего путешествія, наконецъ, съ нема-
лыми затрудненіями, сильно утомленные, по изрытымъ дорогамъ
и при дурной погодѣ.»

Передѣлка этой фразы въ совершенно прямое распредѣленіе
тоже не произвела бы удовлетворительнаго эффекта, какъ мы это
и видимъ:

«Наконецъ, послѣ немалыхъ затрудненій, сильно утомленные,
по изрытымъ дорогамъ и при дурной погодѣ, мы достигли цѣли
нашего путешествія.»

Д-ръ Ватли, у котораго мы заимствовали первое изъ этихъ
двухъ распредѣленій, предлагаетъ слѣдующую конструкцію:

«Наконецъ, сильно утомленные, по изрытымъ дорогамъ и
при дурной погодѣ, мы достигли, съ немалыми затрудненіями,
цѣли нашего путешествія.»

Здѣсь можно замѣтить, что введеніемъ въ фразу словъ «мы
достигли» вѣскольکو ранѣе уменьшается трудъ удерживанія въ
памяти столькихъ частностей, и слѣдующее за тѣмъ дополненіе:
«съ немалыми затрудненіями» дается къ мысли весьма легко.

Еще лучше было бы поставить слова «мы достигли» ранѣе; особенно если вмѣстѣ съ тѣмъ и обозначенія будутъ распределены сообразно выше изложенному правилу: что болѣе абстрактные элементы мысли должны предшествовать болѣе конкретнымъ.

Прежде нежели оставимъ эту отрасль нашего предмета, слѣдуетъ еще замѣтить, что даже при обращеніи къ самымъ свѣтымъ умамъ, прямой слогъ не годится для сообщенія идей сложнаго или отвлеченнаго характера. Покуда умъ не очень занятъ, онъ способенъ объять всѣ приготовительные члены фразы и употребить ихъ основательно; но если какія-нибудь тонкости аргументаціи поглощаютъ вниманіе, если всѣ способности напрягаются, чтобы уловить цѣль говорящаго или пишущаго, то можетъ случиться, что умъ, будучи не въ состояніи вести рядомъ оба процесса; утомится, вслѣдствіе чего элементы мысли придутъ въ безпорядокъ.

Обращаясь теперь къ разсмотрѣнію фигуръ рѣчи, мы встречаемъ тотъ же общій законъ эффекта. Въ основѣ всѣхъ правилъ, опредѣляющихъ выборъ и употребленіе словъ, мы находимъ то же главное требованіе—сбереженіе вниманія. Дѣйствительно, фигуры рѣчи потому-то именно и употребляются, что онѣ такъ хорошо отвѣчаютъ этому требованію. Довести умъ легчайшимъ путемъ до желаемаго понятія есть во многихъ случаяхъ единственная и во всѣхъ случаяхъ главная ихъ цѣль.

Укажемъ для примѣра на *Синекдоху*. Преимущество, достигаемое иногда замѣной цѣлаго частью, зависитъ отъ болѣе удобнаго представленія мысли. Если вмѣсто того, чтобы сказать: «эскадра изъ десяти *кораблей*», мы говоримъ: «эскадра изъ десяти *парусовъ*», то представленіе группы судовъ въ морѣ рисуется болѣе правильно, такъ какъ парусъ представляетъ самую видную часть судна, находящагося въ движеніи; между какъ слово «корабль» могло бы легко привести на память картину судна, стоящаго въ докѣ.

Въ *Метониміи* представляется тоже самое. Вѣра въ превосходство разума надъ грубой силой выражается въ болѣе кон-

кретной и слѣдовательно болѣе доступной формѣ, если мы ставимъ слова: *перо* и *мечъ* вмѣсто соответствующихъ абстрактныхъ выраженій. *Подобіе* (Simile) употребляется во многихъ случаяхъ только какъ украшеніе; но когда оно увеличиваетъ *силу* рѣчи, то дѣлается это также путемъ экономіи въ напряженіи мысли. Вотъ примѣръ: «Ошибочное предположеніе, будто бы великіе люди и великія дѣла чаще встрѣчались въ древнее время, нежели теперь, должно бытъ отчасти отнесено къ вліянію исторической перспективы. Какъ въ ряду колоннъ, размѣщенныхъ на равномъ разстояніи, наиболѣе отдаленныя отъ насъ кажутся наиболѣе близкими между собою, такъ и выдающіяся явленія прошедшаго кажутся тѣмъ болѣе близкими одно другому, чѣмъ болѣе они удалены отъ насъ.»

Для того, чтобъ передать эту мысль съ буквальною точностью, потребовалось бы нѣсколько предложений; сила первыхъ успѣла бы ослабѣть, покуда воображеніе было бы занято присоединеніемъ остальныхъ. Съ помощью сравненія избѣгается всякое усиліе; картина мгновенно выясняется и производитъ полное свое дѣйствіе.

Но о мѣстѣ, на которое должно ставить *Подобіе*, надо сказать тоже, что было сказано касательно распредѣленія прилагательнаго и существительнаго, сказуемаго и подлежащаго, главнаго и придаточнаго предложенія и пр. Какъ опредѣлительное должно предшествовать опредѣляемому, такъ и *Подобіе* должно обыкновенно ставиться впереди предмета, къ которому относится,—хотя есть исключительные случаи, гдѣ оно съ успѣхомъ ставится въ концѣ.

Насколько сокращается количество словъ съ помощью *Метафоры* и насколько сильнѣе становится отъ этого впечатлѣніе, видно изъ восклицанія Лира:

«Ingratitude! thou marble-hearted fiend.» (*)

(*) У Дружанина передано такъ: «Неблагодарность—демонъ съ черствымъ сердцемъ!»

Но *Метафора* можетъ быть съ выгодною употреблена только при томъ условіи, чтобы она была проста и могла пониматься по одному намеку. Повитно, что при темотѣ въ ея смыслѣ или въ способѣ ея приложенія никакой экономіи не можетъ представиться. Поэтому когда встрѣчается сложное сравненіе, надо прибѣгать къ *Подобию* или къ одной изъ посредствующихъ фигуръ, каковы *Аллегорія* и *Сложная Метафора*.

Оставляя въ сторонѣ все, что можно было бы сказать по поводу *Гиперболы*, *Омщтворенія*, *Апострофа*, заключимъ наши соображенія слѣдующимъ замѣчаніемъ. Общее правило, принятое нами, состоитъ въ томъ, что, при равенствѣ всѣхъ другихъ условій, сила всякой формы рѣчи увеличивается въ обратномъ отношеніи ко времени и умственнымъ усиліямъ, которыхъ она требуетъ отъ слушателя. Примѣненія этого общаго начала были приведены въ нѣсколькихъ поясненіяхъ; мы показали, что относительное достоинство двухъ родовъ выраженія какой-либо идеи опредѣляется продолжительностью умственнаго процесса, необходимаго для усвоенія идеи при каждомъ изъ этихъ родовъ выраженія. Но мы привели примѣры, подтверждающіе эти положенія только отчасти; мы не привели ни одного, гдѣ бы они подтверждались вполне. Подобный примѣръ представилъ бы намъ фразу крайне напыщенную. Но что такое напыщенность, какъ не слишкомъ сильное выраженіе для той идеи, которую оно заключаетъ въ себѣ? Все, что можно основательно заключить изъ этого, это то, что только въ весьма рѣдкихъ случаяхъ и исключительно въ фигурѣ *Восхожденія* (*Climax*) должны соблюдаться *всѣ* условія такого наиболѣе дѣйствительнаго построенія.

Переходя къ болѣе сложному примѣненію исходной доктрины нашей, должно замѣтить, что не только въ дѣлѣ построенія фразъ и употребленія фигуръ рѣчи сбереженіе умственной энергіи слушателя является основаніемъ силы, но что и въ выборѣ и распредѣленіи меньшихъ образовъ, изъ которыхъ должно построить какую-нибудь пространную мысль, можно прослѣдить то же условіе эффекта. Выбрать изъ описываемыхъ чувствъ, сценъ или событій тѣ типическіе элементы, которые

влекуть за собою много другихъ, и такимъ образомъ, сказавъ мало, но внушивъ многое, сократить описаніе, -- вотъ тайна искусства производить живое впечатлѣніе. Отрывокъ изъ поэмы Теннисона «*Mariana*» прекрасно поясняетъ это:

«Цѣлый день въ дремавшемъ домѣ
 Дверь скрипѣла на петляхъ;
 У окна жужжала муха; мышь
 Въ подпольѣ сгнившемъ то пицала,
 То озиралася сквозь щель.»

Отдѣльныя обстоятельства, обозначенныя здѣсь, ведутъ за собою многія, связанныя съ ними и свойственныя имъ представленія. Жужжаніе мухи въ окнѣ рѣдко привлекаетъ наше вниманіе, иначе какъ когда въ домѣ все тихо. Покуда люди двигаются въ домѣ, мыши обыкновенно молчатъ, и только когда возобновляется совершенная тишина, рѣшаются онѣ выглянуть изъ своихъ норокъ. Такимъ образомъ, каждый изъ упомянутыхъ фактовъ, предполагая многіе другіе, вызываетъ ихъ съ большей или меньшей ясностью, и напоминаетъ намъ чувство печальнаго одиночества, съ которымъ они связаны. Еслибъ всѣ эти факты были подробно описаны, а не просто внушены, вниманіе было бы такъ раздроблено, что впечатлѣніе грусти было бы очень слабо. Точно такъ и въ другихъ случаяхъ. Какого бы рода ни была передаваемая мысль, искусный подборъ немногихъ частныхъ, заставляющихъ подразумѣвать остальныя, есть ключъ къ успѣху. Въ выборѣ сложныхъ идей, равно какъ и въ выборѣ выраженій, должно имѣть одну цѣль: передать наибольшее количество мыслей въ наименьшемъ количествѣ словъ.

Этотъ же принципъ можетъ, въ иныхъ случаяхъ, быть съ успѣхомъ проведенъ еще далѣе, косвенно внушая какую-нибудь совершенно отдѣльную мысль въ придачу къ выражаемой. Такъ напримѣръ, говоря:

«Голова хорошаго классика такъ же полна древнихъ мифовъ, какъ голова служанки полна исторій о привидѣніяхъ».

Мы, кромѣ утверждаемаго факта, очевидно высказываемъ еще мнѣніе о незначительной цѣнности классическихъ познаній; и такъ какъ это подразумѣваемое мнѣніе познается гораздо прежде, не-

жели его успѣли бы выразить словами, то отъ пропуска его пріобрѣтается выгода.

Прежде нежели мы рассмотримъ, не объясняетъ ли указанный нами законъ эффекта превосходства поэзіи надъ прозой, необходимо обратить вниманіе на нѣкоторыя дополнительныя причины силы выраженій, причины, о которыхъ мы еще не упоминали. Собственно говоря, это не дополнительныя причины, а скорѣе второстепенныя, происходящія отъ тѣхъ, которыя мы уже опредѣлили, — это ихъ отраженные результаты. Впервыхъ, мы можемъ замѣтить, что умственное возбужденіе быстро порождаетъ употребленіе тѣхъ формъ рѣчи, на которыя мы указали какъ на самыя эффектныя. «Вонъ его!» «Долой его!» суть естественныя выраженія разгнѣванныхъ гражданъ (при нарушеніи порядка на митингѣ. Мореплаватель, описывая ужасную бурю, которой онъ былъ свидѣтелемъ, можетъ постепенно дойти до выраженій: «Веревки кракъ, и мачта бухнула.» Удивленіе часто выражается фразой: «Виланное ли это дѣло!» И всѣ эти фразы, нужно замѣтить, построены по прямому типу. Далѣе, всякій знаетъ, что люди въ раздраженномъ состояніи склонны къ фигурамъ рѣчи. Негодованіе простаго народа изобилуетъ ими; часто даже ничѣмъ инымъ и не выражается. «Животное», «скотина» «головорѣзъ», — эти и подобныя имъ метафоры и метафорическіе эпитеты сразу напоминаютъ уличную ссору. Далѣе можно замѣтить, что чрезвычайная краткость есть другая характеристическая черта страстнаго языка. Фразы обыкновенно не окончены; частицы пропускаются, и часто о главныхъ словахъ приходится догадываться по связи. Восхищеніе не выражается правильнымъ предложеніемъ: «это прекрасно!», а однимъ только восклицаніемъ: «прекрасно!» Если, читая письмо какого-нибудь юриста, человекъ скажетъ: «гнусная ракаля!» — значитъ онъ разсерженъ; выраженіе же: «это гнусная ракаля» предполагаетъ сравнительное хладнокровіе. Такимъ образомъ мы видимъ, что въ распредѣленіи словъ, въ частомъ употребленіи фигуръ и въ крайней сжатости выраженій естественныя изрѣченія возбужденнаго состоянія точно также подвоятся подъ теоретическія условія силы выраженія.

Отсюда происходит то, что высшія формы рѣчи получают второстепенное усиленіе путемъ извѣстной ассоціаціи. Такъ какъ въ дѣйствительной жизни мы обыкновенно встрѣчали эти формы въ связи съ живыми умственными впечатлѣніями; такъ какъ мы привыкли встрѣчать ихъ въ самыхъ образцовыхъ произведеніяхъ; то онѣ сами по себѣ пріобрѣтаютъ извѣстный родъ силы. Душевные волненія, производимыя въ разное время сильными мыслями, облеченными въ подобныя формы, впоследствии возбуждаются отчасти самими этими формами. Онѣ создаютъ извѣстную степень оживленія; вводятъ въ приготовительную сферу, икогда ожидаемыя идеи достигнуты, умъ воспринимаетъ ихъ съ большей живостью.

Постоянное употребленіе такихъ способовъ выраженія, которые равно сильны какъ сами собой, такъ и путемъ соотношеній, производитъ тотъ особенно импрессивный родъ сочиненія, который мы называемъ поэзіею. Поэзія, какъ мы увидимъ, усваиваетъ себѣ обыкновенно тѣ символы мысли, тѣ методы употребленія ихъ, которые и истинякомъ, и анализомъ опредѣляются какъ самые эффектные; она и становится поэзіею именно въ силу этого. Обращаясь еще разъ къ нѣкоторымъ образцамъ ея, приведеннымъ выше, мы увидимъ, что въ нихъ преобладаетъ прямаи (или обратная) форма, и притомъ въ такой степени, какая въ прозѣ не допускается. Это различіе можно замѣтить не только въ частыхъ повтореніяхъ процессовъ обращенія рѣчи, но и въ томъ, что называется силой обращенія. Въ изобильномъ употребленіи фигуръ мы опять увидимъ ту же истину. Метафоры, подобія, гиперболы, олицетворенія это—краски поэта, которые онъ воленъ употреблять почти безъ ограниченій. Мы характеризуемъ словомъ «поэтической»—прозу, въ которой эти средства языка употребляются сколько-нибудь часто; и осуждаемъ ее какъ «слишкомъ цвѣтистую» и «напыщенную» даже тогда, когда фигуры эти употреблены въ ней въ гораздо меньшемъ количествѣ, нежели допускается въ стихахъ. Далѣе замѣтимъ, что относительно краткости—другаго изъ условій силы выраженія, требуемыхъ теоріей и естественно выполняемаго при душевномъ волненіи—поэтическая фразеологія также разнится отъ обыкновенной. Неправильные періоды встрѣчаются часто; сокращенія почти без-

прерывны, и многія второстепенныя слова, котрыя считаліся бы существеннымі ў прозе, ў поэзіі саўсім выпускаюцца.

Такимъ образомъ поэзія, разсматриваемая какъ проводникъ мысли, производитъ болѣе сильное впечатлѣніе отчасти потому, что слѣдуетъ всѣмъ законамъ эффектной рѣчи, а отчасти потому, что, поступаая такимъ образомъ, она подражаетъ естественнымъ выраженіямъ возбужденнаго состоянія. Когда предметъ воплощенія есть идеализированное душевное волненіе, орудіемъ процесса становится идеализированное слово волненія души. Подобно тому, какъ музыкальный композиторъ уловляетъ звуки, котрыми выражаются наши чувства радости и симпатіи, горя и отчаянія, и изъ этихъ зародышей развиваетъ мелодіи, порождающія высшіе фазисы этихъ чувствъ; такъ и поэтъ развиваетъ изъ типическихъ выраженій, котрыми люди высказываютъ страсть и чувство, тѣ избранныя формы сочетанія словъ, въ котрыхъ лучше всего можно представить сосредоточенную страсть и чувство.

Есть одна особенность въ поэзіі, много способствующая ея эффекту,—особенность, считаемая обыкновенно главной характеристической чертой поэзіі; эту черту намъ еще остается разсматрѣть: мы говоримъ о ритмическомъ строеніи. Какъ ни невѣроятно можетъ показаться, но и оно подходитъ подъ одно обобщеніе съ остальными. Подобно каждому изъ нихъ, оно есть идеализація естественнаго языка волненій, котрыя, какъ извѣстно, болѣе или менѣе размѣрны, если только волненіе не слишкомъ сильно; ритмическое строеніе точно такъ же заключаетъ въ себѣ сбереженіе вниманія читателя или слушателя. Въ особенномъ тонѣ и способѣ, усваиваемомъ нами при произношеніи стихотворнаго языка, можно замѣтить сродство его съ чувствомъ; удовольствіе же, доставляемое намъ размѣреннымъ его движеніемъ, должно приписать сравнительной легкости, съ какою воспринимаются слова мѣрно распредѣленныя. Последнее положеніе едвали будетъ принято сразу; но небольшое объясненіе докажетъ его основательность: ибо, если, какъ мы видѣли, есть затрата умственной энергіи въ самомъ слушаніи произношенія словъ, или въ повтореніи ихъ про-себя, какъ бываетъ при

чтенія; если способности воспринятія должны быть постоянно въ дѣйствиі для уразумѣнія каждаго слова,—то всякій способъ сочетанія словъ такимъ образомъ, чтобы представлялось правильное повтореніе извѣстныхъ чертъ, которыя умъ можетъ предугадать, уменьшить напряженіе вниманія, требуемое совершенной неправильностью прозы. Подобно тому, какъ тѣло, получающее рядъ различныхъ толчковъ, должно держать мускулы наготовѣ для того, чтобы встрѣтить самый сильный изъ нихъ, не зная, когда именно онъ получится; точно такъ и умъ, воспринимаемая нераспределенные слоги, долженъ держать свои способности воспринятія въ надлежащей бодрости, для того, чтобы распознать звуки, наименѣе легко уловляемые. И подобно тому, какъ при повтореніи толчковъ въ определенномъ порядкѣ, тѣло можетъ сберечь силы свои, сообразуя сопротивленіе съ толчкомъ; точно такъ, при ритмическомъ распределеніи слоговъ, умъ можетъ сберечь свою энергію, заранѣе приготовивъ вниманіе, потребное для каждаго слога. Мысль эта можетъ показаться натянутой, но нѣсколько ближайшее разсмотрѣніе поддержитъ ее. Что мы дѣйствительно пользуемся метрическимъ языкомъ для того, чтобы сообразовать затрату нашихъ познавательныхъ способностей съ силой ожидаемыхъ слоговъ,—это ясно изъ того, что плохая версификація непріятно поражаетъ насъ. Какъ, сходя съ лѣстницы и обсчитавшись ступеню, мы чувствуемъ толчокъ; такъ бываетъ и при невѣрно поставленномъ удареніи или лишнемъ слогѣ. Въ первомъ случаѣ мы *знаемъ*, что существуетъ ошибка въ предварительной принаровкѣ; едвали можно сомнѣваться, что тоже существуетъ и во второмъ. Но если мы обыкновенно заранѣе принаравливаемъ наши способности воспринятія къ размѣренному движенію стиха, то приведенная физическая аналогія доказываетъ вѣроятіе того, что тутъ достигается сбереженіе вниманія, и что именно поэтому размѣрный языкъ, содѣйствующій этому сбереженію, становится болѣе эффективнымъ, нежели проза.

Еслибъ позволило мѣсто, стоило бы разсмотрѣть, нельзя ли отчасти приписать той же общей причинѣ и удовольствіе, которое доставляютъ намъ рима и благозвучіе.

Второй части вопроса, представляющагося намъ здѣсь, мы можемъ удѣлить только небольшое мѣсто. Подробное изслѣдованіе законовъ эффекта, примѣненныхъ къ болѣе обширнымъ сторонамъ сочиненія, повлекло бы насъ за предѣлы, которые мы себѣ назначили. Но мы можемъ вкратцѣ указать новый видъ общаго правила, которое мы прослѣдили, и упомянуть о нѣкоторыхъ изъ дальнѣйшихъ его примѣненій.

До сихъ поръ мы разсматривали только тѣ причины силы выраженія, которыя зависятъ отъ сбереженія умственной *энергии*; теперь должно взглянуть на тѣ, которыя зависятъ отъ сбереженія умственныхъ *ощущеній*. Какъ ни сомнительно можетъ показаться это раздѣленіе съ психологической точки зрѣнія, оно все-таки послужитъ для указанія, хотя и въ грубыхъ чертахъ, остающагося намъ поля изслѣдованій. Оно напомнитъ намъ, что кромѣ разсмотрѣнія той мѣры, въ какой способность или группа способностей утруждается въ воспріятіи какой-либо формы словъ и въ усвоеніи содержащейся въ нихъ идеи, мы должны еще разсмотрѣть состояніе, въ которомъ оставляется эта способность или группа способностей, и вліяніе, которое это состояніе будетъ имѣть на воспріятіе послѣдующихъ предложеній и образовъ. Не входя въ подробное разсмотрѣніе столь обширнаго предмета, какъ упражненіе способностей и ихъ воздѣйствіе, достаточно будетъ припомнить здѣсь, что всякая способность (въ состояніи нормальной дѣятельности) бываетъ сильнѣе всего въ началѣ ея отправленій, и что излѣяніе въ ея состояніи, кончающееся тѣмъ, что называется истощеніемъ, начинается одновременно съ началомъ ея дѣятельности. Это обобщеніе, съ которымъ всѣ знакомы по опыту своего тѣла и справедливость котораго мы, самымъ устройствомъ обыкновенной рѣчи нашей, признаемъ относительно ума вообще, — равно справедливо и относительно каждой отдѣльной умственной силы, начиная съ самаго простаго ощущенія и кончая самымъ сложнымъ чувствомъ. Продержавъ долго цвѣтокъ у носа, мы становимся нечувствительны къ запаху цвѣтка. Мы говоримъ о слишкомъ яркой молніи, что она ослѣпляетъ насъ; это значитъ, что глаза наши теряютъ на время способность сознать свѣтъ. Если мы съѣдимъ

і́которое количество меду, намъ покажется, что чай нашъ безъ сахара. Выраженіе: «оглушающій ревъ» предполагаетъ, что люди находятъ, что очень громкій звукъ на время лишаетъ ихъ способности слышать слабѣйшіе звуки. Рукѣ, которая въ продолженіе і́котораго времени несла какую-либо значительную тяжесть, кажется, что легкія тѣла, поднимаемыя ею затѣмъ, утратили часть своего вѣса. Эту истину, очевидную въ подобныхъ крайнихъ ея проявленіяхъ, можно прослѣдить всюду. Можно показать, что, какъ относительно мыслительныхъ способностей, такъ и относительно воображенія, пониманія прекраснаго, смѣшнаго, великаго, относительно чувствъ, инстинктовъ и всѣхъ умственныхъ силъ, какъ бы мы ихъ ни классифицировали, — дѣятельность изнуряетъ, и что соразмѣрно усиленіямъ дѣятельности увеличивается и послѣдующее за тѣмъ истощеніе.

Точно также можно и во всей природѣ прослѣдить законъ, что дѣйствующія способности постоянно стремятся возвратиться въ свое первобытное состояніе. Онѣ не только пріобрѣтаютъ вновь позную силу послѣ продолжительнаго отдыха, не только подкрѣпляются кратковременнымъ прекращеніемъ дѣятельности, — но даже и во время дѣятельности истощеніе постоянно нейтрализуется. Оба процесса — затраты и пополненія идутъ рядомъ. Отсюда происходитъ, что при умѣренной дѣятельности какихъ-либо способностей, — напримѣръ ощущеній всякаго человѣка, или мускуловъ человѣка сильнаго, — пополненіе въ такой степени равняется затратѣ, что уменьшеніе силы едва замѣтно, и только когда дѣятельность становится слишкомъ продолжительной или слишкомъ усиленной, процессъ пополненія отстаетъ болѣе или менѣе отъ процесса затраты и мы начинаемъ замѣчать истощеніе. Однако во всѣхъ случаяхъ, когда дѣятельность какой-либо способности произвела затрату, нужно *нѣкоторое* время для того, чтобы возстановилась полная сила; и это время будетъ болѣе или менѣе продолжительно, смотря по тому, какъ велика была затрата.

Имѣя въ виду эти общія истины, мы получимъ возможность понять извѣстныя причины эффекта въ сочиненіи, причины, которыя мы сейчасъ разсмотримъ. Такъ какъ каждое воспринятое

понятіе и всякая понятая идея предполагаютъ извѣстную степень затраты—или, какъ сказалъ бы Ливихъ, извѣстное измѣненіе мозгового вещества—и такъ какъ сила способностей, производящихъ эту затрату, временно уменьшается чрезъ это, хотя часто не болѣе какъ на мгновеніе, — то происходящее чрезъ это частное ослабленіе должно отразиться на послѣдующихъ актахъ воспріятія и пониманія. Отсюда мы можемъ заключить, что живость усвоенныхъ нами образовъ во многихъ случаяхъ зависитъ отъ порядка, въ которомъ они были представлены,—даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда одинъ порядокъ столь же удобенъ для воспріятія, какъ и другой. Есть много фактовъ, поясняющихъ это и, въ свою очередь, объясняемыхъ этимъ. Фигура *Восхожденія* есть одинъ [изъ нихъ. Замѣтный эффектъ, достигаемый тѣмъ, что самый поразительный изъ цѣлаго ряда образовъ ставится въ концѣ, и слабость выраженія — часто смѣшная слабость—при обратномъ размѣщеніи словъ зависятъ отъ вышеприведеннаго общаго закона. Непосредственно послѣ того, какъ мы смотрѣли на солнце, мы не замѣчаемъ огня, между тѣмъ какъ, посмотрѣвъ прежде на огонь, а потомъ на солнце, мы видимъ и то и другое, — такъ точно, послѣ воспріятія какой-нибудь блестящей, глубокой или ужасной мысли, мы не замѣчаемъ другой, менѣе блестящей, менѣе глубокой или менѣе ужасной; при обратномъ же порядкѣ мы въ состояніи оцѣнить обѣ. Въ *Антитезѣ* мы встрѣчаемъ ту же общую истину. Сопоставленіе двухъ мыслей, противоположныхъ одна другой въ какой-нибудь рѣзкой чертѣ, обезпечиваетъ успѣхъ впечатлѣнія; успѣхъ этотъ достигается тѣмъ, что способностямъ, къ которымъ обращается рѣчь, дается нѣкоторый отдыхъ. Если, послѣ ряда обыкновенныхъ образовъ, вызывающихъ въ умѣренной степени чувства почтенія, одобренія или красоты, уму вдругъ представляютъ какое-нибудь очень ничтожное, очень гадкое или очень безобразное изображеніе, то способности, дающей начало чувству почтенія, одобренія или красоты (смотря по тому, которое изъ нихъ затронуто), въ такомъ случаѣ нечего дѣлать и она стремится къ возвращенію себѣ полной силы; непосредственно послѣ этого она лучше чѣмъ прежде восприметъ какой-нибудь

обширный, поразительный или прекрасный образъ. И наоборотъ, тамъ, гдѣ нужно возбудить идею нелѣпости путемъ какой-нибудь крайней ничтожности, тамъ поставленіе этой ничтожности послѣ чего-нибудь импрессиивнаго, значительно увеличить силу идеи; особенно если оборотъ фразы заставляетъ ожидать чего-нибудь еще болѣе импрессиивнаго. Хорошій примѣръ эффекта, достигаемаго тѣмъ, что сознанію, еще не успокоившемуся послѣ толчка, даннаго возбуждительною идеей, вдругъ представляютъ идею совершенно незначительную,—встрѣчается въ одномъ очеркѣ Блэзакъ. Герой его пишетъ охладѣвшей къ нему любовницѣ слѣдующее письмо:

«Сударыня, ваше поведеніе удивляетъ меня столько же, сколько и огорчаетъ. Не довольствуясь тѣмъ, что пренебреженіемъ своимъ вы раздражаете мнѣ сердце, вы имѣли еще неделикатность удержать у себя мою зубную щетку, которую средства мои не позволяютъ мнѣ замѣнить новой, такъ какъ имѣніе мое заложено и перезаложено.

Прощайте, слишкомъ прекрасный и слишкомъ неблагодарный другъ! Желаю, чтобъ мы свидѣлись въ лучшемъ мірѣ!

Карль-Эдуардъ.»

Такимъ образомъ мы видимъ, что эффектная фигуры *Восхожденія*, *Антитезы* и *Нисхожденія* (Anticlimax) всѣ равно зависятъ отъ указаннаго общаго начала. Какъ ни невѣроятны могутъ показаться эти мгновенныя измѣненія въ воспріимчивости, мы не можемъ сомнѣваться въ нихъ, если разсмотримъ соотвѣтственныя измѣненія въ воспріимчивости ощущеній. Обращаясь еще разъ къ оптическимъ явленіямъ, мы увѣрены, что всякій знаетъ, что черное пятно на бѣломъ полѣ кажется еще чернѣе, а бѣлое пятно на черномъ полѣ еще бѣлѣе. Такъ какъ чернѣйшій и бѣлѣйшій цвѣта въ дѣйствительности должны быть неизмѣнны, то единственная причина, которой можно приписать это, есть различіе въ ихъ дѣйствіи на насъ, зависящее отъ различныхъ состояній нашихъ способностей. Это просто оптическая антитеза.

Но распространение общего начала экономии, это дальнейшее условие эффективного сочинения, требующее, чтобы восприимчивость способностей была постоянно берегаема в надлежащей мере, заключает в себе гораздо более, нежели сколько мы показали. Оно подразумевает, не только, что известными распределениями и известными сопоставлениями ряда идей лучше других, но и то, что известные способы разделения и представления предмета более действительны, нежели другие,—и все это даже независимо от логической связи идей. Оно показывает, для чего нужно подвигаться от менее интересного к более интересному и почему не только сочинение, взятое как целое, но и каждая из его последовательных частей должны стремиться к постепенному восхождению. В тоже самое время оно запрещает нам долго останавливаться на одном роде мыслей и противится неоднократно повторению одного и того же эффекта. Оно предостерегает нас от ошибки, в которую впали Поуп в своих поэмах и Бакон в своих «*Опытах*», ошибки, состоящей в постоянном употреблении усиленных форм выражения; оно показывает наконец, что как самое удобное положение тела современем становится тягостным и охотно меняется на другое, менее удобное,—так и фразы, конструкция которых наиболее совершенна, скоро утомляют внимание и употребление фраз низшего достоинства кажется облегчением. Далее, мы можем вывести заключение, что следует избегать не только постоянного сочетания слов в одном и том же порядке, как бы хорош он ни был, или употреблять фигуры и пояснения одним и тем же способом, как бы выразитель он ни был, но что должно избегать вообще всякого сколько-нибудь постоянного однообразия даже в соблюдении более обширных условий эффекта. Не следует проводить возрастание интереса в каждом из отблгов нашего предмета; не всегда должно соблюдать постепенное восхождение. Мы видели, что в отдельных предложениях редко допускается соблюдение всех условий силы; также точно и в более пространственных отблгах сочинения мы не должны безусловно соотноситься с вышеприведенным законом. Частные эффекты должно подчинять эффекту целого.

При рѣшеніи вопроса, какъ выполнять на практикѣ правила художественнаго сочиненія, нами можетъ руководить фактъ, о которомъ мы уже упоминали, а именно: пригодность извѣстныхъ распредѣленій словъ къ извѣстнымъ родамъ мысли. Постоянное разнообразіе въ способѣ представленія идей, требуемое теоріей, въ значительной степени зависитъ отъ искуснаго приспособленія формы къ содержанію. Мы видѣли, что прямое (или обратное) построеніе употребляется людьми въ возбужденномъ состояніи и что языкъ ихъ отличается также фигурами и чрезвычайной краткостью. Отсюда слѣдуетъ, что послѣднія условія могутъ съ успѣхомъ преобладать въ мѣстахъ, выражающихъ душевное волненіе, и могутъ быть умножаемы по мѣрѣ возрастанія этого волненія. Съ другой стороны, для сложныхъ идей, непрямое построеніе кажется наилучшимъ проводникомъ. Въ разговорѣ, возбужденіе, произведенное приближеніемъ къ желанному заключенію, часто выражается краткими, рѣзкими выраженіями: между тѣмъ какъ, желая придать болѣе вѣса мѣтвію, уже выраженному, мы обыкновенно расширяемъ періоды наши, строя мысль на мысли. Эти естественные приемы могутъ служить руководствомъ и для письменнаго изложенія. Тонкая наблюдательность и искусный анализъ могутъ открыть и другія особенности выраженія, производимыя различными состояніями духа; такъ что, обращая должное вниманіе на всѣ подобныя черты, писатель, обладающій достаточно-гибкими дарованіями, можетъ довести свое произведеніе до вполне организованной формы.

Каждый гениальный писатель естественно стремится къ тому роду сочиненій, на который законъ эффекта указываетъ какъ на совершеннѣйшій. Какъ мы нашли, что тѣ способы выраженія, которые по теоріи признаются лучшими, суть вмѣстѣ и тѣ, которые употребляются высокими умами обыкновенно, а посредственными умами—когда ихъ возвышаетъ душевное волненіе; точно такъ же мы найдемъ, что идеальная форма поэмы, этюда или вымысла есть та, которая самопроизвольно развивается въ идеальномъ писателѣ. Писатель, въ которомъ сила выраженія вполне соотвѣтствуетъ состоянію чувства, будетъ безсознательно употреблять то разнообразіе въ способѣ представленія своихъ мы-

слей, которое требуется искусствомъ. Постоянное употребленіе одного рода фразеологіи, столь сильно порицаемое въ настоящее время, предполагаетъ неразвитость языка. Имѣть свой собственный, особенный слогъ означаетъ бѣдность рѣчи. Если мы вспомнимъ, что въ далекомъ прошломъ люди имѣли только имена существительныя и глаголы для передачи своихъ мыслей и что съ тѣхъ поръ до настоящаго времени постоянно шло приращеніе орудій мысли и, слѣдовательно, возникала все большая сложность и разнообразіе ихъ сочетаній, то мы можемъ заключить изъ этого, что употребленіе нами *фразъ* почти равняется употребленію первобытнымъ человѣкомъ его *словъ* и что дальѣйшій ходъ процесса, совершающагося донинѣ, долженъ произвести увеличеніе разнородности въ нашихъ способахъ выраженія. Подобно тому, какъ въ изящной личности, игра фізіономіи, звуки голоса и его ритмъ измѣняются въ гармоніи съ каждой выражаемой мыслью; такъ и у человѣка, обладающаго вполнѣ развитой силой рѣчи, форма, въ которую онъ выливаетъ каждое сочетаніе словъ, точно также мѣняется вмѣстѣ съ чувствомъ и приспосабливается къ нему. Что человѣкъ, въ совершенствѣ одаренный природой, долженъ безсознательно писать всякимъ стилемъ, это мы можемъ заключить—разсматривая происхожденіе различныхъ стилей. Отчего Джонсонъ напишетъ, а Гольдсмитъ простъ? Отчего одинъ авторъ отрывоченъ, другой плавеиъ, третій сжатъ? Очевидно, что въ каждомъ частномъ случаѣ обычный способъ выраженія зависитъ отъ обычнаго настроенія. Преобладающія чувства, постояннымъ упражненіемъ, приучили умъ къ извѣстнымъ представленіямъ. Но между тѣмъ какъ продолжительнымъ, хотя и бессознательнымъ, упражненіемъ онъ достигъ того, что съ силою передаетъ эти представленія, онъ остается по недостатку упражненія неспособнымъ къ передачѣ другихъ, такъ что, когда возбуждаются эти боѣе слабыя чувства, въ обычныхъ словесныхъ формахъ происходятъ только легкія измѣненія. Но пусть сила рѣчи вполнѣ разовьется, пусть способность разсудка выражать душевныя волненія достигнетъ совершенства; тогда неподвижность стила исчезаетъ. Совершенный писатель будетъ выражаться какъ Юніусъ, когда онъ будетъ находиться въ такомъ же

расположеніи духа какъ Юнусъ; когда онъ будетъ чувствовать, какъ чувствовалъ Ламъ, онъ употребитъ столь же простую рѣчь; онъ впадетъ въ рѣзкость Карлейля, когда придетъ въ настроеніе Карлейля. Онъ будетъ то рѣмиченъ, то отрывистъ; здѣсь языкъ его будетъ простъ, тамъ цвѣтистъ; иногда выраженія его будутъ уравновѣшены, иногда несимметричны; въ иномъ мѣстѣ явится большая монотонность, а тамъ опять значительное разнообразіе. Такъ какъ его способъ выраженія естественно будетъ отвѣчать состоянію его чувства, то изъ-подъ его пера выйдетъ произведеніе, измѣняющееся сообразно видоизмѣненіямъ его предмета. Такимъ образомъ, онъ будетъ безъ всякаго усилія соображаться съ тѣмъ, что, какъ мы видѣли, составляетъ законы эффекта. И между тѣмъ какъ произведеніе его представить читателю разнообразіе, необходимое для предотвращенія постоянного упражненія однихъ и тѣхъ же способностей, оно въ тоже время будетъ соответствовать всѣмъ высоко-организованнымъ произведеніямъ какъ человѣка, такъ и природы: это будетъ не рядъ одинаковыхъ частей, просто сопоставленныхъ одна возлѣ другой, а стройное цѣлое, составленное изъ различныхъ частей, находящихся во взаимной зависимости.

ТРАНСЦЕНДЕНТАЛЬНАЯ ФИЗИОЛОГИЯ.

Въ математикѣ трансцендентальный анализъ есть тотъ, который, оставляя за ариѳметикой частныя отношенія чиселъ и переходя за общія числовыя отношенія, составляющія предметъ обыкновенной алгебры, занимается еще высшими общностями, служащими основою этимъ общимъ отношеніямъ. Названіе «Трансцендентальная Анатомія» употребляется для обозначенія того отдѣла біологической науки, который трактуеть не о строеніи отдѣльныхъ организмовъ, а объ основныхъ началахъ строенія общихъ обширнымъ и разнообразнымъ группамъ организмовъ, — о единствѣ плана, замѣчаемаго во всѣхъ многочисленныхъ, значительно различныхъ между собой родахъ и порядкахъ. И здѣсь, подъ заглавіемъ «Трансцендентальной Физиологіи» мы постараемся представить сводъ разныхъ законовъ развитія и отправления, примѣнимыхъ не къ отдѣльнымъ родамъ или классамъ, а ко всѣмъ вообще организмамъ, законовъ, изъ которыхъ нѣкоторые, какъ мы полагаемъ, не были еще до сихъ поръ указаны.

Постараемся, не утомляя обыкновеннаго читателя, познакомить его съ этимъ высшимъ разрядомъ біологическихъ истинъ, для чего и начнемъ съ краткаго разбора одной или двухъ, съ которыми онъ успѣлъ уже освоиться. Возьмемъ сперва отношеніе между дѣятельностью органа и его развитіемъ. Отношеніе это

всёобще. Оно существует не только для кости, мускула, нерва, органа чувства, мыслительной способности, но для каждой железы, каждой внутренности, каждого элемента тѣла. Оно замѣтно не только въ человѣкѣ, но и въ каждомъ изъ извѣстныхъ намъ животныхъ, не только въ животныхъ, но и въ растенияхъ. Законъ организованныхъ тѣлъ постоянно предупреждаетъ такое теченіе отправления, которое могло бы произвести разстройство или превзойти восстанавливающую силу цѣлой ли системы или особыхъ агентовъ, питающихъ органъ, и состоитъ въ томъ, что, при равенствѣ всѣхъ другихъ условий, развитіе этихъ тѣлъ измѣняется сообразно ихъ отправлениямъ. На этомъ законѣ основываются всѣ положенія и методы правильнаго воспитанія умственнаго, нравственнаго и физическаго. И когда государственные люди будутъ достаточно прозорливы, чтобы замѣтить его, онъ станетъ опорой всякаго правильнаго законодательства.

Другая же изъ этихъ истинъ, распространяющихся на все органическое твореніе, относится къ наследственной передачѣ. Несправедливо думаютъ обыкновенно, будто наследственная передача проявляется только въ сохраненіи родовыхъ особенностей, замѣчаемыхъ у непосредственныхъ или отдаленныхъ потомковъ. Законъ наследственной передачи заключается не въ однихъ только болѣе общихъ фактахъ въ родѣ того, что измѣненные растения или животные становятся родоначальниками постоянныхъ разновидностей, вслѣдствіе чего и произошли новые виды пшеницы или картофеля, новые породы овецъ или лошадей и новые расы людей. Это еще ничтожные примѣры подтвержденія закона. Понимаемый въ своей цѣлости, законъ говоритъ, что каждое растение или животное производятъ другія подобнаго себѣ рода; родовое сходство состоитъ не столько въ повтореніи индивидуальныхъ чертъ, сколько въ усвоеніи одного и того же родоваго строенія. Эта истина такъ обыкновенна, благодаря повседневному подтвержденіямъ, что почти теряетъ свое значеніе. Что пшеница производитъ пшеницу, что существующіе быки произошли отъ быковъ-предковъ, что каждый возникающій организмъ принимаетъ въслѣдствіи форму класса, порядка, рода и вида, отъ котораго произошелъ, — это фактъ, который вслѣдствіе повторе-

нія пріобрѣлъ въ нашемъ умѣ характеръ необходимости. Въ этомъ-то главнымъ образомъ и выразился законъ наслѣдственной передачи; факты относились къ нему какъ совершенно подчиненныя проявленія. И законъ этотъ, понимаемый такимъ образомъ, всеобщъ. Не упуская изъ виду кажущихся и только кажущихся исключеній, представляемыхъ страннымъ отдѣломъ явлений «попеременной генераціи», истину, что подобное производитъ подобное, нужно распространить на всѣ роды организмовъ.

Возьмемъ теперь менѣе выдающийся общій фізіологическій законъ, одинъ изъ недавно установленныхъ. Обыкновенному наблюдателю кажется, что размноженіе организмовъ происходитъ различными путями. Онъ видитъ, что дѣтенышъ у высшихъ животныхъ родится похожимъ въ общемъ на своихъ родителей, что птицы кладутъ яйца, которыя берегутъ и насиживаютъ, что рыбы мечутъ икру и оставляютъ ее. Между растеніями онъ находитъ, что въ однихъ случаяхъ новыя недѣлимые развиваются только изъ зерна, въ другихъ, какъ въ картофелѣ, изъ клубневого глазка, что отъ нѣкоторыхъ растеній отдѣляются отпрыски, которые пускаютъ корни и даютъ новыя особи, и что многія изъ растеній появляются изъ черенковъ и почекъ. Далѣе, въ плѣсени, являющейся на застоявшейся пищѣ, и между инфузоріями, которыя быстро развиваются въ водѣ, подверженной дѣйствию воздуха и свѣта, онъ замѣчаетъ способъ размноженія повидимому необъяснимый; онъ готовъ считать его «самопроизвольнымъ». Масса читателей считаетъ способы размноженія еще болѣе разнообразными. Она видитъ, что дѣлій отдѣлъ твореній размножается почкованіемъ, развитіемъ изъ тѣла родителей маленькихъ отпрысковъ, почекъ, которыя послѣ перехода въ форму родителя отдѣляются и ведутъ независимую жизнь. Она узнаетъ, что между микроскопическими формами, какъ животными, такъ и растительными, обыкновенный способъ размноженія есть размноженіе посредствомъ самопроизвольнаго дѣленія, распадѣнія перваго индивида на два или болѣе новыхъ индивидовъ, изъ которыхъ каждый повторяетъ тотъ же самый процессъ. Еще болѣе замѣчательны случаи, когда, какъ у тли (*Aphis*), яйцо производитъ несовершенную самку, отъ которой ро-

дятся другія несовершенныя самки живыми, растутъ и въ свою очередь рожаютъ несовершенныхъ самокъ, что продолжается у осьми, десяти или болѣе поколѣній, пока наконецъ не будутъ произведены на свѣтъ живыми совершенныя самцы и самки. Но опередившій массу читателей физиологъ находитъ въ основныхъ чертахъ между всѣми этими различными способами размноженія полное однообразіе. Исходнымъ пунктомъ не только для каждаго изъ высшихъ растений или животныхъ, но для каждаго отѣла организмовъ, образовавшихся распаденіемъ или почкованіемъ простаго организма, служить всегда спора, почка или яйцо. Милліоны инфузорій или афидъ (травяныя вши), происшедшихъ отъ одного индивида посредствомъ дробленія или почкованія, — безчисленныя растенія, народившіяся послѣдовательно отъ одного изъ первичныхъ растеній, черенковъ или почекъ, такъ же какъ и самыя высшія творенія, произошли изъ оплодотвореннаго зародыша. И во всѣхъ случаяхъ — какъ въ ничтожнѣйшихъ водоросляхъ, такъ и въ дубахъ, какъ у простѣйшихъ инфузорій, такъ и у млекопитающихъ — этотъ оплодотворенный зародышъ происходитъ отъ соединенія содержаемаго двухъ кѣлочекъ. Кажутся ли эти двѣ кѣточки тождественными по натурѣ, какъ въ самыхъ низкихъ формахъ жизни, или раздѣляющимися на сѣмянную и зародышную, какъ у высшихъ формъ, — вѣрно, что отъ соединенія ихъ получается масса, изъ которой развивается новый организмъ, или новый рядъ организмовъ. Сказать, что этотъ законъ не имѣетъ исключеній, мы не рѣшаемся, потому что нѣкоторые опыты надъ глею заставляютъ подозрѣвать, что при особенныхъ условіяхъ недѣлимая, происшедшій отъ первоначальнаго индивида, могутъ продолжать размноженіе безъ дальнѣйшаго оплодотворенія; тоже можетъ быть и въ другихъ случаяхъ. Но мы не знаемъ въ природѣ случая, гдѣ бы это *дѣйствительно было*. Хотя и существуютъ нѣкоторыя растенія, сѣмянъ которыхъ никто еще не видѣлъ; но надо дать больше вѣроятія тому предположенію, что наши наблюденія неудовлетворительны, нежели тому, что эти растенія составляютъ исключенія. И пока мы не найдемъ несомнѣнныхъ исключеній, установленная выше индукція должна оставаться въ полной силѣ. Итакъ, мы знаемъ теперь и другую истину

изъ трансцендентальной физиологии, — истину, которая, насколько известно, (трансцендируетъ) *переходитъ* за всякія отличія рода, порядка, класса, семейства и приложима ко всему живущему.

Есть еще одно обобщеніе подобнаго же универсальнаго характера, формулирующее процессъ органическаго развитія. Непосвященному процессъ развитія представляется измѣняющимся. Нѣтъ никакого очевиднаго сходства между развитіемъ растенія и развитіемъ животнаго. Развитие млекопитающаго, которое совершается безостановочно, безъ переломовъ, отъ перваго до послѣдняго фазиса, и развитіе насѣкомаго, которое раздѣляется на рѣзко отличающіяся степені—яицо, личинку, куколку, полное насѣкомое—повидимому не походятъ другъ на друга. А между тѣмъ всѣ организмы развиваются по одному общему методу: это теперь уже извѣстный фактъ. Вначалѣ зародышъ каждаго растенія или животнаго однороденъ, и всякій переходъ къ зрѣлости есть вмѣстѣ съ тѣмъ переходъ и къ большей разнородности. Каждая организованная вещь представляетъ сначала массу почти безъ всякихъ признаковъ строенія и подвигается къ окончательной своей сложности установленіемъ отличія за отличіемъ, отдѣленіемъ одной ткани отъ другой, одного органа отъ другаго. Итакъ, мы имѣемъ слѣдовательно еще одинъ биологическій законъ трансцендентальной всеобщности.

Обозначивъ такимъ образомъ границы трансцендентальной физиологии ознакомленіемъ съ ея главнѣйшими истинами, мы приготовили путь къ послѣдующимъ разсужденіямъ.

Прежде всего, возвращаясь къ послѣднему изъ приведенныхъ выше обобщеній, постараемся изслѣдовать точнѣе, какъ совершается этотъ переходъ отъ однороднаго къ разнородному. Обыкновенно говорятъ, что это происходитъ путемъ послѣдовательныхъ дифференцированій. Но, какъ мы понимаемъ дѣло, это не представляетъ полнаго описанія процесса. Въ періодъ развитія организма происходитъ, какъ извѣстно каждому физиологу, не только обособленіе частей, но и слитіе ихъ. Тутъ происходитъ не только отдѣленіе частей, но и агрегация ихъ. Сердце, вначалѣ широкій, длинный бьющійся кровяной сосудъ, мало

по малу стягивается и интегрируется. Желчные клетки, составляющія зачаточную печень, не только отдѣляются отъ поверхности кишекъ, на которой они сначала лежатъ, но одновременно сливаются въ опредѣленный органъ. И постепенная концентрація, замѣчаемая въ этихъ и другихъ случаяхъ, составляетъ часть процесса развитія, — часть, которая, хотя и изслѣдована въ большей или меньшей степени Мильнт-Эдвардомъ и другими, не была, кажется, включена какъ существенный элементъ въ понятіе о процессѣ развитія.

Эту послѣдовательную интеграцію, представляющуюся сходною какъ въ разныхъ стадіяхъ, проходимыхъ каждымъ зародышемъ, такъ и въ восхожденіи отъ низшихъ органическихъ формъ къ высшимъ, — удобнѣе изучать подъ нѣсколькими рубриками. Рассмотримъ сперва то, что называютъ *продольной интеграціей*.

Низшія суставчатыя (*Annulosa*), черви и пр., характеризуются большимъ числомъ составляющихъ ихъ сегментовъ, достигающихъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ до нѣсколькихъ сотъ; но по мѣрѣ того, какъ станемъ передвигаться къ высшимъ суставчатымъ, — стеножкамъ, ракамъ, насѣкомымъ, паукамъ, — мы найдемъ число это значительно уменьшившимся, до двадцати двухъ, тринадцати и даже еще менѣе; и уменьшеніе это сопровождается укорачиваніемъ или интеграціей цѣлаго тѣла, достигающимъ у крабовъ и пауковъ крайняго предѣла. Тоже самое замѣтимъ, если прослѣдимъ развитіе особи ракообразнаго или насѣкомаго. Грудная полость морскаго рака, которая въ періодъ зрѣлости составляетъ съ головою одно вмѣстилище, содержащее внутренности, составила соединеніемъ сегментовъ, которые въ зародышѣ были отдѣльны. Тринадцать отдѣльныхъ частей, замѣчаемыхъ въ тѣлѣ гусеницы, интегрируются впоследствии въ бабочку: нѣкоторые сегменты соединяются, чтобы образовать грудную полость, брюшные же сегменты сближаются тѣснѣе прежняго. Тоже замѣтимъ, перейдя и къ внутреннимъ органамъ. Въ низшихъ суставочныхъ формахъ и личинкахъ высшихъ пищевой каналъ состоитъ или изъ однообразной отъ одного конца до другаго трубки, или изъ выпуклыхъ частей вродѣ послѣдовательныхъ желудковъ, по одной у каждаго сегмента; у развитыхъ же формъ встрѣчается одинъ хорошо-опредѣленный желудокъ. Въ нервной, сосудистой и дыхательной си-

стемъ можно прослѣдить подобную же концентрацію. Въ развитіи позвоночныхъ мы встрѣчаемъ разные примѣры продольной интеграціи. Соединеніе нѣсколькихъ позвонковъ для образованія черепа—одинъ изъ такихъ примѣровъ. Тоже встрѣчается и въ кончиковой кости, происшедшей отъ сліанія нѣсколькихъ хвостовыхъ позвонковъ; хорошій примѣръ представляетъ также сліаніе крестцовыхъ позвонковъ птицы.

То, что называютъ *поперечной интеграціей*, встрѣчается у суставчатыхъ въ развитіи нервной системы. Замѣчено, что характеристическую особенность низшихъ суставчатыхъ животныхъ и личинокъ высшихъ, — за исключеніемъ тѣхъ по большей части несовершенныхъ формъ, у которыхъ нѣтъ явственныхъ узелковъ, — составляетъ двойная цѣпь нервныхъ узелковъ, идущихъ отъ одного конца тѣла къ другому; между тѣмъ какъ у болѣе совершенно сформированныхъ суставчатыхъ эта двойная цѣпь сливается въ большей или меньшей степени въ одну. Ньюпортъ описалъ ходъ этой концентраціи у насѣкомыхъ, а Ратке прослѣдилъ ея у ракообразныхъ. Въ ранней стадіи развитія у *Astacus fluviatilis* или обыкновеннаго (рѣчнаго) рака встрѣчается пара отдѣльныхъ узелковъ въ каждомъ кольцѣ. Изъ четырнадцати паръ, принадлежащихъ головѣ и груди, три пары сливаются впереди рта въ одну массу, образуя мозгъ или головной узелокъ. Между тѣмъ изъ остальныхъ первыя шесть паръ соединяются особо по средней линіи, прочія же остаются болѣе или менѣе раздѣльными. Изъ шести парныхъ узелковъ, формирующихся такимъ образомъ, передніе четыре сливаются въ одну массу, остальные два въ другую, и затѣмъ эти двѣ массы соединяются уже въ одну. Здѣсь мы видимъ поперечную и продольную интеграцію, совершающуюся одновременно; у высшихъ раковъ обѣ онѣ идутъ еще далѣе. Позвоночныя представляютъ явственную поперечную интеграцію въ развитіи дѣтородной системы. Самыя низшія изъ млекопитающихъ—птицезвѣри (*Monotremata*)—вмѣстѣ съ птицами, съ которыми они во многихъ отношеніяхъ сходны, имѣютъ яичники, расширяющіеся къ нижнему концу въ полость, исполняющую роль несовершенной матки. «У сумчатыхъ (*Marsupialia*) находимъ болѣе плотное сближеніе двухъ боковыхъ частей

по средней линіи; яичники приближаются одинъ къ другому и встрѣчаются (не сливаясь) на средней линіи, такъ что ихъ маточныя расширенія соприкасаются другъ съ другомъ, образуя настоящую «двойную матку»... Поднимаясь выше и выше въ ряду «плацентныхъ» млекопитающихъ, мы замѣтимъ, что это слитіе становится все полнѣе и полнѣе... У многихъ изъ грызуновъ (Rodentia) матка остается еще вполнѣ раздѣленною на двѣ половины, между тѣмъ какъ у другихъ половины эти сливаются въ нижнихъ частяхъ, образуя начало настоящего «тѣла» матки у человѣческаго субъекта. Эта часть у высшихъ травоядныхъ и плотоядныхъ увеличивается насчетъ боковыхъ «отростковъ»; однакожь даже у низшихъ четырехрукихъ матка представляетъ сверху нѣчто въ родѣ раздвоенія.» (1) И этотъ процессъ поперечной интеграціи, которая еще болѣе поразительна, когда разсматривается во всѣхъ ея подробностяхъ, сопровождается сходными, хотя менѣе важными, измѣненіями и у противоположнаго пола. Въ возрастающемъ сплоченіи мозговыхъ полушарій, которыя, будучи раздѣленными у низшихъ позвоночныхъ, становятся у высшихъ все болѣе и болѣе сросшимися, видимъ другой примѣръ. Примѣры иного характера, но приводящіе къ подобному же общему заключенію, представляются и сосудистой системой.

Намъ кажется теперь, что разныя формы интеграціи, примѣры которыхъ приведены здѣсь, должны быть обобщены и подведены подъ формулу, выражающую весь процессъ развитія. Фактъ, что у взрослога краба нѣсколько паръ узелковъ, сначала отдѣльныхъ, слились въ одну массу, имѣетъ только второстепенное значеніе въ сравненіи съ дифференцированіемъ его пищевого канала на желудокъ и кишки. Истина, что у высшихъ суставчатыхъ одно сердце замѣняетъ рядъ зачаточныхъ сердецъ, составляющихъ у низшихъ суставчатыхъ спинной кровяной сосудъ и доходящихъ у одного вида до ста-шестидесяти, — должна имѣть такое же мѣсто въ исторіи развитія, какъ и образованіе дыхательной поверхности особымъ усложненіемъ кожи. Истинное понятіе о за-

(1) САРГЕНТЕРЪ, «Princ. of Comp. Phys.», p. 617.

рожденіи позвоночнаго столба включаетъ не только дифференцированія, вслѣдствіе которыхъ является *спинная дуга* и укрѣпленные на ней позвонковые отростки, но столько же, если не болѣе, и слитіе отростковъ съ соответственнымъ тѣломъ позвонка. Измѣненія, въ силу которыхъ многія вещи становятся одною, должны быть извѣстны настолько же, насколько и перемѣны, въ силу которыхъ одна вещь раздробляется на нѣсколько. Очевидно, слѣдовательно, что принятое положеніе, приписывающее процессъ развитія однимъ только дифференціациямъ, не полно. Чтобы представить факты въ настоящемъ видѣ, мы должны сказать, что переходъ отъ однороднаго къ разнородному совершается посредствомъ дифференцированій и соответственныхъ интеграцій.

Не мѣшаетъ спросить здѣсь: каковъ же смыслъ этихъ интеграцій? Очевидность указывать, кажется, что они зависятъ въ нѣкоторой степени отъ общности отправленій. Восемь сегментовъ, сливающихся для образованія головы стопожки, защищаютъ головные узелки и доставляютъ твердую опору челюстямъ и пр.; точно также соединяются многія кости, образуя позвоночный каналъ для мозга. Отвердѣніе нѣсколькихъ частей, составляющихъ тазъ млекопитающаго, и сращеніе отъ десяти до девятнадцати позвонковъ въ крестцовой кости птицы представляютъ сходные примѣры интеграціи частей, перемѣняющей тяжесть тѣла къ ногамъ. Болѣе или менѣе полное сліяніе большой берцовой кости съ малою берцовой и лучевой съ локтевою у копытныхъ млекопитающихъ, тѣлосложеніе которыхъ не требуетъ коловращенія конечностей,—фактъ подобнаго же характера. И всѣ приведенные примѣры—концентрація нервныхъ узловъ, уменьшеніе числа пульсирующихъ кровяныхъ сумокъ и замѣненіе ихъ, наконецъ, одною, сліяніе двухъ матокъ въ одну—имѣютъ точно то же значеніе. Составляетъ ли интеграція только слѣдствіе непрерывнаго возрастанія, неминуемо приводящаго въ соприкосновеніе смежныя части, исполняющія одинаковыя роли; будетъ ли, какъ въ другихъ случаяхъ, дѣйствительное сближеніе, прежде соединенія ихъ; или же явится интеграція того косвеннаго вида, когда изъ числа сходныхъ органовъ

одинъ или цѣлая группа ихъ постоянно растутъ вслѣдствіе прінятія на себя большей части общей дѣятельности, между тѣмъ какъ остальные органы уменьшаются и исчезаютъ,—общій фактъ, что здѣсь существуетъ стремленіе къ объединенію частей съ одинаковой дѣятельностью, остается неизмѣннымъ.

Стремленіе это имѣетъ однакожъ ограничивающія условія, изслѣдованіе которыхъ объяснить намъ нѣкоторыя кажущіяся исключенія. Приведемъ примѣры. У зародыша челоука, какъ у низшихъ позвоночныхъ, глаза размѣщены по одному на каждой сторонѣ головы. Съ теченіемъ развитія они сближаются и при рожденіи находятся уже на передней части лица, хотя у дитяти европейца, какъ и у взрослого дикаря, расходятся въ стороны сравнительно болѣе, нежели впослѣдствіи. Но это сближеніе не идетъ дальше. Двѣ причины этого представляются сами собою. Настолько, насколько глаза направлены на одинъ и тотъ же предметъ, они исполняютъ общее отравленіе и стремятся стать единицей; но когда они направлены на разныя стороны того же предмета, они совершаютъ различныя отравленія и стремятся къ раздвоенію: окончательное ихъ расположеніе зависитъ, можетъ быть, отъ равновѣсія противоположныхъ стремленій. Вѣроятнѣе же, что промежуточныя строенія не допускаютъ дальнѣйшаго сближенія, потому что сближеніе глазныхъ орбитъ повело бы къ уменьшенію обонятельныхъ камеръ, а такъ какъ послѣднія по всей вѣроятности не шире, чѣмъ это требуется ихъ настоящею функціонною дѣятельностью, то подобное уменьшеніе и не можетъ имѣть мѣста. Если прослѣдимъ послѣдовательно наружныя органы обонянія у рыбъ, ⁽¹⁾ пресмыкающихся, копытныхъ и коготныхъ млекопитающихъ до челоука, мы замѣтимъ общее стремленіе этихъ органовъ къ соединенію по средней линіи; и сравнивая дикаря съ цивилизованнымъ или ребенка со взрослымъ, замѣтимъ, что сбли-

(1) За исключеніемъ, можетъ быть, рыбъ Muxinoid, у которыхъ принимаютъ одно носовое отверстіе, расположенное на средней линіи. Но необыкновенное расположеніе этого отверстія заставляетъ подозрѣвать истинность его соответствія ноздрямъ.

женіе поздрей у наиболѣе совершенныхъ видовъ идетъ чрезвычайно далеко. Но такъ какъ раздѣляющая ихъ перегородка служитъ для слезныхъ отдѣленій и для развѣтвленія нервовъ обонянія, то она и не исчезаетъ совершенно: интеграція остается неполною. Эти и другіе, подобныя имъ, примѣры не противорѣчатъ однакоже гипотезѣ. Они указываютъ только на то, что стремленіе встрѣчаетъ иногда противодѣйствіе со стороны другихъ стремленій. Подобно тому, какъ дифференцированіе частей связано съ разницею отправленій, интеграція частей находится въ связи съ уподобленіемъ отправленій.

Съ общей истиной, что развитіе всѣхъ организмовъ порождается совокупностью дифференцированій и интеграцій, тѣсно связана другая общая истина, которую физиологи, кажется, не признали еще. При разсмотрѣніи органическаго міра въ его *цѣломъ*, замѣчается, что, переходя отъ низшихъ формъ къ высшимъ, мы переходимъ вмѣстѣ съ тѣмъ къ формамъ, которыя не только характеризуются болѣшимъ дифференцированіемъ частей, но въ тоже самое время и болѣшимъ дифференцированіемъ отъ окружающей ихъ среды. Истина эта можетъ быть разсмотрѣна съ разныхъ сторонъ.

Прежде всего она выказывается въ *строеніи*. Переходъ отъ однороднаго къ разнородному заключаетъ въ себѣ возрастающее отличіе отъ міра неорганическаго. У самыхъ низшихъ *простѣйшихъ* (*Protozoa*), каковы безформенныя слизи, напримѣръ комокъ *Amoeba*, мы встрѣчаемъ однородность близкую къ однородности воздуха, воды или земли; восхожденіе къ организмамъ все болѣе и болѣе сложнаго строенія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и восхожденіе къ организмамъ, представляющимъ все болѣе и болѣе рѣзкій контрастъ съ безстройнымъ окружающимъ.

Въ *формѣ* мы замѣчаемъ тотъ же фактъ. Общую характеристическую черту неорганическихъ веществъ составляетъ неопредѣленность формы; тоже самое характеризуетъ низшіе организмы по отношенію къ высшимъ. Говоря вообще, растенія менѣе опредѣленны, нежели животныя, и по формѣ, и по величинѣ, и допускаютъ большія измѣненія отъ перемѣны положе-

нія и пищи. *Amoeba* и подобныя имъ животныя не только безстройны, но и аморфны: у нихъ нѣтъ специфической формы; она постоянно мѣняется. Между организмами, происходящими отъ соединенія организмовъ, сходныхъ съ *Amoeba*, мы находимъ у корненожекъ (*Rhizopoda*) нѣкоторую опредѣленность формы, по крайней мѣрѣ хотъ въ панцырѣ; другіе же, какъ напримѣръ губки, очень неправильны. Въ зоофитахъ и *Polyzoa* мы видимъ сложные организмы, у большей части которыхъ ростъ ничуть не опредѣленіе роста растеній. У высшихъ же животныхъ не только форма каждаго рода вполнѣ опредѣлена, но даже и особи въ каждомъ видѣ очень мало отличаются размѣрами.

Подобное же увеличеніе контраста замѣтно и въ химическомъ составѣ. За немногими исключеніями низшія животныя и растительныя формы обитаютъ въ водѣ; вода является почти исключительной составной ихъ частью. Высушенныя *Protophyta* и *Protozoa* обращаются въ пыль; а у акалефъ (морскія крапивы) на фунтъ воды приходится нѣсколько грановъ твердаго вещества. Высшія водяныя растенія и животныя, обладая большею стойкостью вещества, содержатъ больше органическихъ элементовъ и, следовательно, больше разнятся, по химическому составу своему, отъ окружающей ихъ среды. Переходя къ самымъ высшимъ классамъ организмовъ—растеніямъ и животнымъ, населяющимъ сушу, мы замѣтимъ, что по химическому составу у нихъ очень мало общаго и съ землею, на которой они живутъ, и съ воздухомъ, который ихъ окружаетъ.

Тоже замѣчается и въ удѣльномъ вѣсѣ. Самыя простѣйшія формы вмѣстѣ со спорами и почечками высшихъ формъ имѣютъ удѣльный вѣсъ чрезвычайно близкій къ удѣльному вѣсу воды, въ которой они плаваютъ. И хотя нельзя сказать, чтобы водяные организмы, обладающіе высшимъ удѣльнымъ вѣсомъ, были выше и въ другихъ отношеніяхъ, однакоже мы утверждаемъ, что высшіе порядки, освобожденные отъ примѣсей, регулирующихъ ихъ удѣльный вѣсъ, по удѣльному вѣсу своему больше отличаются отъ воды, нежели низшіе. Въ земныхъ организмахъ контрастъ чрезвычайно замѣтенъ. Деревья и растенія, насекомыя, пресмыкающіяся, млекопитающія, птицы, всѣ имѣютъ удѣльный вѣсъ значительно мень-

шій противъ удѣльнаго вѣса земли и несравненно большій противъ удѣльнаго вѣса воздуха.

Далѣе мы видимъ, что законъ этотъ подтверждается и по отношенію къ *температурѣ*. Растенія развиваютъ чрезвычайно малое количество тепла, которое можетъ быть открыто только самыми тонкими опытами, и на практикѣ можно считать ихъ температуру одинаковой съ температурою окружающей среды. Температура водныхъ животныхъ чуть-чуть выше температуры окружающей воды: водяныя безпозвоночныя превышаютъ ее меньше, чѣмъ на градусъ, а рыбы превосходятъ на два, на три градуса, не болѣе, за исключеніемъ большихъ краснокровныхъ рыбъ, какъ напримѣръ *тунецъ*, температура котораго выше температуры воды градусовъ на десять. Температура насѣкомыхъ, смотря по степени ихъ дѣятельности, превышаетъ температуру воздуха отъ двухъ до десяти градусовъ. Температура пресмыкающихся превышаетъ отъ четырехъ до пятнадцати градусовъ температуру окружающей ихъ среды. Между тѣмъ какъ млекопитающія и птицы сохраняютъ температуру почти не измѣняющуюся отъ вѣшнихъ перемѣнъ и часто превышающую температуру воздуха на 70, 80, 90 и даже 100 градусовъ.

Прогрессивное дифференцированіе можно прослѣдить и въ большей *самоподвижности*. Особенно характеристическою чертою, отличающею мертвую матерію, служить ея инертность; и которое подобіе независимаго движенія составляетъ для насъ наиболѣе общій признакъ жизни. Переходя неопредѣленную пограничную область между растительнымъ и животнымъ царствами, мы можемъ грубо опредѣлить растенія какъ организмы, которые, обнаруживая видъ движенія, предполагаемый въ явленіяхъ роста, не только лишены силы передвиженія съ мѣста на мѣсто, но, за нѣкоторыми незначительными исключеніями, лишены и силы передвигать свои части одну относительно другой; и такимъ образомъ они менѣе дифференцированы отъ неорганическаго міра, нежели животныя. Хотя въ микроскопическихъ *protophyta* и *protozoa*, населяющихъ воду (споры альгъ, почечки губокъ и вообще инфузоріи), мы замѣчаемъ передвиженіе, производимое рѣсничками, но передвиженіе это, блстрое по отношенію къ размѣрамъ

животнаго, безусловно медленно. Большая часть *Coelenterata* или прочно прикрѣплены, или стоятъ неподвижно и едва ли обладаютъ какой-либо самоподвижностью, кромѣ той, которая опредѣляется относительнымъ движеніемъ частей; между тѣмъ какъ остальные имѣютъ большую частью весьма малую способность двигаться въ водѣ. Высшія водныя *безпозвоночныя*—каракаатицы и морскіе раки напримѣръ—обладаютъ очень значительной силой передвиженія; а водныя позвоночныя, разсматриваемыя въ совокупности, гораздо болѣе дѣятельны въ своихъ движеніяхъ нежели остальные обитатели воды. Но переходя къ животнымъ воздушной среды, мы встрѣчаемъ высшую степень самоподвижности. Летящія насекомыя, млекопитающія, птицы передвигаются съ быстротою, далеко превосходящею быстроту какого-либо изъ низшихъ классовъ животныхъ, и представляютъ такимъ образомъ болѣе рѣзкій контрастъ съ неподвижнымъ окружающимъ.

Итакъ, при обзорѣ различныхъ отдѣловъ организмовъ въ восходящемъ порядкѣ, мы находимъ ихъ все болѣе и болѣе отличающимися отъ безжизненной окружающей ихъ среды по строенію, формѣ, химическому составу, удѣльному весу, температурѣ и самоподвижности. Обобщеніе это, безъ сомнѣнія, не проявляется всюду съ безусловною правильностью. Организмы, представляющіе въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ наиболее рѣзкій контрастъ съ окружающимъ ихъ неорганическимъ міромъ, въ другихъ отношеніяхъ обнаруживаютъ этотъ контрастъ въ меньшей степени, чѣмъ низшіе организмы. Млекопитающія какъ классъ выше птицъ; между тѣмъ температура ихъ ниже температуры птицъ, и сила перемѣщенія слабѣе. Неподвижная устрица по организациіи стоитъ выше свободно плавающей медузы, а холодно-кровная и мѣтѣе разнородная рыба живѣе въ своихъ движеніяхъ, чѣмъ теплокровный и болѣе разнородный тихоходъ. Но признаніе, что разныя стороны, въ которыхъ обнаруживался этотъ возрастающій контрастъ, имѣютъ различное отношеніе между собою, не противорѣчитъ общей истинѣ. Разсматривая факты въ массѣ, нельзя отрицать, что послѣдовательно

высшія степени организмъ характеризуются не только бѣльшимъ дифференцированиемъ въ частяхъ, но и бѣльшимъ дифференцированиемъ своимъ отъ окружающей среды по всѣмъ физическимъ свойствамъ. Казалось бы, что эта особенность имѣетъ нѣкоторую необходимую связь съ высшими жизненными проявленіями. Какая-нибудь низшая слизистая форма, прозрачная и безцвѣтная настолько, что ее трудно отличать отъ воды, въ которой она плаваетъ, столь же сходна со своею средою въ химическихъ, механическихъ, оптическихъ, термическихъ и другихъ свойствахъ, сколько и въ пассивности, съ которою подчиняется всѣмъ влияніямъ, приходящимъ съ нею въ соприкосновеніе; между тѣмъ какъ млекопитающія отличаются въ этихъ свойствахъ отъ безжизненныхъ предметовъ настолько же, насколько отличаются дѣятельностью, съ которою встрѣчаютъ окружающія перемѣны соответственными измѣненіями въ самихъ себѣ. И въ промежуткѣ между этими двумя предѣлами замѣчается постоянное отношеніе этихъ родовъ противоположности одного къ другому. Слѣдовательно мы можемъ сказать, что организмъ остается пассивнымъ участникомъ происходящихъ вокругъ него измѣненій пропорціонально сходству своему съ окружающей средою, и что несходство съ окружающей средою сопровождается пропорціональнымъ возрастаніемъ силы противодѣйствія этимъ измѣненіямъ.

До сихъ поръ, сообразно установившемуся обыкновенію, мы придерживались индуктивнаго метода; но мы того мнѣнія, что многое можетъ быть сдѣлано какъ въ этомъ, такъ въ и другихъ отдѣлахъ біологическихъ изслѣдованій примѣненіемъ дедуктивнаго метода. Обобщенія, составляющія въ настоящее время фізіологическую науку, какъ общую, такъ и специальную, достигнуты были à posteriori; но теперь открыты уже нѣкоторыя основныя данныя, отъ которыхъ мы можемъ придти à priori не только къ истинамъ, подтвержденнымъ уже наблюденіемъ и опытомъ, но и къ нѣкоторымъ другимъ. Возможность и состоятельность подобнаго рода заключеній априорическихъ будетъ признана тотчасъ же по разсмотрѣніи нѣсколькихъ общезвѣстныхъ вопросовъ.

Химики показали, что необходимое условіе жизненной дѣятельности у животныхъ составляетъ окисленіе тканей. Кислородъ.

потребный для этого окисления, заключается въ окружающей средѣ — въ водѣ или воздухѣ. Если организмъ — какое-нибудь мелкое *простѣйшее*, то уже одно соприкосновеніе его наружной поверхности съ средой, содержащей кислородъ, достаточно обезпечиваетъ необходимое ему окисленіе; если же организмъ объемистъ и представляетъ малую поверхность сравнительно съ массою; то такимъ путемъ ему нельзя обезпечить сколько-нибудь значительнаго окисленія. Нужно предположить что-нибудь изъ двухъ: или этотъ объемистый организмъ, получая кислородъ только чрезъ оболочку, долженъ обладать ничтожной жизненной дѣятельностью; или же, если онъ обладаетъ большой жизненной дѣятельностью, то должна быть какая-нибудь обширная, развѣтвляющаяся поверхность, внутренняя или наружная, къ которой воздухъ имѣлъ бы соотвѣтственный доступъ — долженъ быть дыхательный аппаратъ. Слѣдовательно, существованіе легкихъ, жабръ или ихъ эквивалентовъ можетъ быть предсказано а priori во всѣхъ дѣятельныхъ существахъ какой бы то ни было величины.

Тоже видно относительно питанія. Entozoa, живущія во внутренностяхъ другихъ животныхъ и постоянно обливаемая питательными жидкостями, поглощаютъ ихъ въ достаточномъ количествѣ въишнюю свою поверхность и такимъ образомъ не нуждаются въ желудкѣ и могутъ не имѣть его. Всѣ же другія животныя, населяющія среды, не заключающія въ себѣ питательныхъ веществъ, а только вмѣщающія кое-гдѣ массы пищи, должны имѣть приспособленія, необходимыя для того, чтобы массы этой пищи могли быть употреблены въ дѣло. Очевидно, простое въишнее соприкосновеніе твердаго организма съ твердымъ питательнымъ веществомъ не можетъ повести къ усвоенію этого вещества въ сколько-нибудь короткій срокъ — если даже усвоеніе этимъ путемъ и возможно. Чтобы оно совершилось, должно быть и растворяющее или смачивающее дѣйствіе, и широкая поверхность, приспособленная для удерживанія и всасыванія растворенныхъ продуктовъ, т. е. должна быть пищеварительная полость. Такимъ образомъ при данныхъ условіяхъ животной жизни, присутствіе желудка у всѣхъ созданий, живущихъ при этихъ условіяхъ, можетъ быть выведено дедуктивнымъ путемъ.

Продолжая нить разсуждений, мы можем вывести присутствіе сосудистой системы, или чего-нибудь равносильнаго ей, у всѣхъ созданий какихъ бы то ни было размѣровъ и дѣятельности. Сравнительно-малое инертное животное, какъ гидра напримѣръ, которая состоитъ почти только изъ мѣшочка съ двумя стѣнками (внѣшнимъ рядомъ кѣлочекъ, образующимъ кожу, и внутреннимъ, образующимъ всасывающую поверхность), не нуждается въ особыхъ аппаратахъ, разносящихъ поглощенную пищу по тѣлу, потому что тѣло ея не многимъ отличается отъ оболочки для пищи, заключающейся въ ней. Но когда объемъ значителенъ или когда дѣятельность такова, что требуетъ большой затраты въ организмѣ и возобновленія потраченнаго, или же наконецъ когда оба условія совпадаютъ, является очевидная необходимость въ системѣ кровеносныхъ сосудовъ. Мало того, что существуетъ надлежащаго размѣра поверхность, всасывающая пищу и воздухъ: при отсутствіи извѣстныхъ способовъ передачи поглощенныхъ элементовъ цѣлому организму или вовсе не будетъ пользы, или будетъ слишкомъ мало ея. Ясно, что тутъ должны быть переносящіе каналы. Если, какъ напр. у медузы, проводники эти состоятъ просто изъ развѣтвленныхъ протоковъ, расходящихся отъ желудка къ поверхности, то мы можемъ заключить à priori, что такіе организмы сравнительно бездѣятельны: пища, распространяющаяся такимъ образомъ по организму, необработана; она только растворена; для поддержанія ея въ движеніи нѣтъ надлежащаго аппарата. Наоборотъ, когда встрѣчаемъ организмъ значительныхъ размѣровъ, обнаруживающій много живости, мы можемъ заключить à priori, что у него есть аппараты для безпрестанной доставки сконцентрированной пищи и кислорода каждому органу, т. е. есть пульсирующая сосудистая система.

Ясно, слѣдовательно, что, исходя изъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ основныхъ условій жизненной дѣятельности, мы можемъ опредѣлить главные характеристическія черты организованныхъ тѣлъ. Безъ сомнѣнія, эти извѣстные основныя условія были опредѣлены путемъ индукціи. Но въ этомъ они не отличаются отъ основныхъ истинъ дедуктивной науки вообще, которая всѣ представ-

ляют собою индукціи. Мы хотимъ доказать только, что изъ данныхъ основныхъ физиологическихъ фактовъ, утвержденныхъ путемъ индукціи, можно сдѣлать, безъ всякаго опасенія, нѣсколько общихъ выводовъ. И дѣйствительно, законность такихъ дедукцій, хотя и не признанная формально, на практикѣ подтверждается убѣжденіями каждаго физиолога; это легко доказать нѣсколькими примѣрами. Положимъ, физиологъ нашелъ организмъ со сложными и разнообразно устроенными движеніями, но безъ нервной системы; онъ былъ бы менѣе пораженъ нарушеніемъ эмпирическаго обобщенія, что всё подобнаго рода организмы имѣютъ нервную систему, нежели опроверженіемъ безсознательной его дедукціи, что всё организмы со сложными и разнообразно устроенными движеніями должны имѣть «посредствующій» аппаратъ, который производилъ бы это устройство движеній. Или еслибы онъ отыскалъ организмъ съ быстрымъ кровообращеніемъ и быстрымъ дыханіемъ, но съ низкою температурою, то фактъ, что дѣятельныя перемѣны вещества вопреки выводу, сдѣланному имъ изъ химіи, не произвели животной теплоты, изумилъ бы его болѣе, чѣмъ исключеніе изъ постоянно наблюдаемыхъ отношеній этихъ характеристическихъ признаковъ. Ясно, слѣдовательно, что апіористическій методъ играетъ уже роль въ физиологическихъ разсужденіяхъ; если онъ не употребляется какъ общее средство для открытія новыхъ истинъ, то прилагается по крайней мѣрѣ какъ частное средство для подтвержденія истинъ, добытыхъ *à posteriori*.

Мы думаемъ, что вышеприведенные примѣры достаточно указали, что этотъ методъ можетъ быть употребленъ какъ независимое орудіе изслѣдованія. Необходимость питательной, дыхательной и сосудистой системъ у всѣхъ животныхъ какой бы то ни было величины и живости, представляется намъ законно выведенною изъ условій непрерывной жизненной дѣятельности. Какъ только химическія и физическія данныя опредѣлены, эти особенности устройства выведутся съ такою же точностью, какъ выводится заключеніе о пустотѣ желѣзнаго шара—изъ его способности плавать на водѣ.

Не слѣдуетъ однакоже думать, будто мы утверждаемъ, что и

болѣе *спеціальныя* физиологическія истины могутъ быть добыты путемъ дедукціи. Наша аргументація вовсе не предполагаетъ этого. Законная дедукція предполагаетъ достаточныя данныя; а относительно всѣхъ *спеціальныхъ* явленій роста, строенія и отправления эти достаточныя данныя не достигнуты, да едва ли будутъ когда-либо достигнуты. Только относительно болѣе *общихъ* физиологическихъ истинъ, въ родѣ упомянутыхъ выше, есть у насъ достаточныя данныя для того, чтобы сдѣлать дедуктивныя разсужденія возможными.

Здѣсь мы достигаемъ пункта, которому предъидущія соображенія служили введеніемъ. Мы намѣрены теперь показать, что существуютъ нѣкоторыя еще болѣе общія свойства организованныхъ тѣлъ, которыя выводятся изъ нѣкоторыхъ еще болѣе общихъ свойствъ вещей.

Въ опытѣ «*Прогрессъ, его законъ и причина*» мы старались показать, что переходъ однороднаго въ разнородное, составляющій сущность всякаго прогресса, органическаго ли или иного, вытекаетъ изъ произведенія нѣсколькихъ дѣйствій одною причиною и нѣсколькихъ перемѣнъ одною силою. Указавъ, что таковъ всеобщій законъ, мы принялись доказывать путемъ дедукціи, что разнообразныя развитія однороднаго въ разнородное—астрономическія, геологическія, этнологическія, социальныя и т. д.—объясняются какъ слѣдствія этого закона. И хотя по отношенію къ органическому развитію недостатокъ данныхъ не позволялъ намъ прослѣдить въ частности зависимость послѣдовательныхъ усложненій отъ упомянутаго закона, но намъ удалось все-таки собрать различныя косвенныя доказательства въ пользу нашего положенія. Выводъ, что органическое развитіе порождается разложеніемъ каждой затраченной силы на нѣсколько силъ, насколько онъ основывается на указанномъ прежде общемъ законѣ, составляетъ положеніе дедуктивной физиологіи. Частное было выведено изъ общаго.

Здѣсь мы намѣрены показать прежде всего, что есть еще другая общая истина, находящаяся въ непосредственной связи съ вышеприведенною и вмѣстѣ съ нею лежащая въ основѣ вся-

каго вида прогресса, а слѣдовательно и прогресса организмѣвъ, истина, которую можно даже считать занимающею первое мѣсто, если не относительно общности, то относительно времени. Истина эта состоитъ въ томъ, что *условія однородности суть условія неустойчиваго равновѣсія.*

Выраженіе *неустойчивое равновѣсіе* употребляется въ механикѣ для обозначенія такого равновѣсія силъ, при которомъ введеніе какой-нибудь хотя бы и ничтожной силы нарушаетъ прежній порядокъ и приводитъ къ совершенно иному. Такъ, палка, поставленная на нижній конецъ, находится въ неустойчивомъ равновѣсіи: какъ бы тщательно ни придали мы ей отвѣсное положеніе, но, предоставленная самой себѣ, она начинаетъ сначала незамѣтно наклоняться на одну сторону и затѣмъ съ возрастающею быстротой переходитъ въ новое положеніе. Наоборотъ, палка, повѣшенная за верхній конецъ, находится въ устойчивомъ равновѣсіи: сколько бы мы ни выводили ее изъ этого положенія, она снова возвращается къ нему. Мнѣніе наше состоитъ, слѣдовательно, въ томъ, что состояніе однородности, подобно устойчивости палки, поставленной на нижній ея конецъ, не можетъ сохраниться, и что изъ этого долженъ неминуемо послѣдовать первый шагъ въ тяготѣніи къ разнородному. Приведемъ нѣсколько поясненій.

Изъ поясненій механики наиболее знакомое представляется чашками вѣсовъ. Какъ бы вѣрно онѣ ни были слѣваны и какъ бы ни были чисты и предохранены отъ ржавчины, невозможно удержать обѣ чашки въ совершенномъ равновѣсіи: одна будетъ опускаться, другая подниматься—онѣ будутъ усвоивать разнородное отношеніе. Другое поясненіе: если мы бросимъ на поверхность жидкости нѣсколько равныхъ по размѣрамъ тѣлъ, притягивающихъ другъ друга,—какъ бы мы единообразно ни размѣстили ихъ,—они мало по малу сконцентрируются въ одну или нѣсколько неправильныхъ группъ. Далѣе, еслибы можно было привести массу воды въ состояніе совершенной однородности—состояніе полнаго покоя и строго-одинаковой повсюду плотности—все-таки лучеиспусканіе теплоты сосѣдними тѣлами, дѣйствуя различно на разныя ея части, произвело бы неминуемо различія въ ея плотностяхъ,

а слѣдовательно и теченія, и привело бы массу къ разнородности. Кусокъ раскаленнаго вещества, нагрѣтый сначала равномѣрно, скоро теряетъ равномѣрность температуры: наружныя слои, охлаждающіеся быстрѣе внутреннихъ, будутъ отличаться отъ послѣднихъ. И переходъ къ разнородности температуръ, столь очевидный въ этомъ крайнемъ случаѣ, имѣетъ мѣсто въ большей или меньшей степени и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Дѣйствіе химическихъ силъ доставляетъ другія поясненія. Подвергнемъ кусокъ металла дѣйствию воздуха или воды: съ теченіемъ времени онъ покроется пленкою окиси, углекислой соли или иного соединенія, т. е. его наружныя части будутъ отличаться отъ внутреннихъ. Словомъ, каждая однородная агрегація вещества стремится тѣмъ или инымъ путемъ нарушить свое равновѣсіе—химическимъ ли, механическимъ, термическимъ или электрическимъ; и быстрота, съ какою тѣло переходитъ къ состоянію неоднородности, составляетъ только вопросъ времени и обстоятельствъ. Соціальныя тѣла обнаруживаютъ законъ этотъ съ такимъ же постоянствомъ. Сообщите членамъ какого-нибудь общества одинаковыя свойства, положенія, силы, и они тотчасъ же станутъ стремиться къ неравенству. Это одинаково справедливо и для представительнаго собранія, и для управленія желѣзной дороги, и для частной промышленной компаніи; однородность, хотя бы она и продолжалась съ виду, въ дѣйствительности неминуемо исчезнетъ.

Неустойчивость, поясненная этими разнообразными примѣрами, становится еще болѣе очевидною, если мы рассмотримъ раціональное ея основаніе. Неустойчивость эта представляетъ слѣдствія факта, что разныя части какой-нибудь однородной агрегаціи подвергаются дѣйствию различныхъ силъ,—силъ, которыя отличаются или по роду своему или по своимъ размѣрамъ. Будучи же подвергнуты дѣйствию разныхъ силъ, онѣ по необходимости будутъ и измѣняться различнымъ образомъ. Отношенія вѣшняго и внутренняго положенія и сравнительной близости къ сосѣднимъ источникамъ вліяній предполагаютъ воспріятія этихъ вліяній, различающіяся по количеству или по качеству, или по тому и по другому вмѣстѣ; а изъ закона «сохраненія силы» слѣдуетъ выводъ, что въ частяхъ, подвергнутыхъ различнымъ дѣйствию, должны про-

изойти и несходныя измѣненія. Итакъ, неустойчивость равновѣсія какой бы то ни было однородной агрегации можетъ быть доказана какъ индуктивнымъ, такъ и дедуктивнымъ путемъ.

Теперь разсмотримъ отношеніе этой общей истины къ развитію организмовъ. Зародышъ растенія или животнаго представляетъ одну изъ такихъ однородныхъ агрегаций, равновѣсіе которыхъ неустойчиво. Но это не обыкновенная только неустойчивость однородныхъ агрегаций, а нечто большее. Агрегация состоитъ тутъ изъ единицъ, которыя сами имѣютъ спеціальною чертою—неустойчивость. Составные атомы органическаго вещества отличаются слабостью сродства, удерживающаго въ связи основныя ихъ элементы: они чрезвычайно чувствительны къ жару, свѣту, электричеству и химическому дѣйствию постороннихъ элементовъ, т. е. они особенно способны измѣняться подъ вліяніемъ возмущающихъ силъ. Отсюда слѣдуетъ à priori, что однородное сочетаніе подобныхъ непостоянныхъ атомовъ будетъ имѣть сильное стремленіе утратить свое равновѣсіе. У него будетъ какъ бы особая способность становиться неоднороднымъ. Оно станетъ быстро стремиться къ разнородности.

Сверхъ того, процессъ долженъ повториться въ каждой изъ послѣдовательныхъ группъ органической единицы, дифференцированныхъ отъ вліянія измѣняющихся силъ. Каждая изъ такихъ послѣдовательныхъ группъ, подобно главной группѣ, должна постепенно, въ силу дѣйствующихъ на нее вліяній, нарушить равновѣсіе своихъ частей—должна перейти отъ состоянія единообразія къ состоянію разнообразія. Такъ должно идти и далѣе.

Поэтому, исходя изъ общаго для всѣхъ вещей закона и основываясь на химическихъ свойствахъ органическаго вещества, мы можемъ вывести путемъ дедукціи, что однородныя зародыши организмовъ обладаютъ особымъ стремленіемъ къ состоянію неоднородности, которое можетъ принять или видъ того, что мы называемъ разложеніемъ, или видъ того, что мы называемъ организаціей.

Разсужденіе наше привело насъ пока къ заключенію самаго общаго характера. Мы отырыли только, что *нѣкоторая* разнородность неизбѣжна; но откуда ничего еще не говорили, *какая*

именно эта разнородность. Кромѣ *стройной* разнородности, какою отличаются организмы, есть еще *нестройная* или *хаотическая* разнородность, свойственная безсвязнымъ массамъ неорганическаго вещества; и мы не видѣли еще причинъ, по которымъ однородный растительный или животный зародышъ переходитъ къ *стройной*, а не къ *нестройной* разнородности. Посмотримъ, нельзя ли будетъ, продолжая нить прежней аргументаціи, бросить хотя нѣкоторый свѣтъ на этотъ вопросъ.

Мы видѣли, что непостоянство однородныхъ агрегацій вообще и органическихъ въ особенности зависитъ отъ разницы въ степени и способахъ дѣйствія возмущающихъ силъ, приходящихъ въ сопрякосновеніе съ составными частями агрегаціи: подвергаясь различному дѣйствию, эти части становятся различными. Ясно, слѣдовательно, что основанийъ особыхъ измѣненій, претерпѣваемыхъ зародышемъ, нужно искать въ особенности отношеній разныхъ частей между собою и къ окружающей ихъ средѣ. Какъ бы ни было это скрыто отъ насъ, мы все-таки можемъ принять за основное начало организаціи, что многочисленныя сходныя единицы, образующія зародышъ, пріобрѣтаютъ тотъ видъ и ту степень несходства, какіе опредѣляются ихъ относительнымъ расположеніемъ. Но будемъ говорить болѣе специфично.

Возьмемъ массу вещества неорганизованнаго, но способнаго организоваться, — тѣло одной изъ низшихъ живыхъ формъ или зародышъ какой-нибудь изъ высшихъ. Разсмотримъ его обстановку. Оно помѣщается въ водѣ, воздухѣ или организмѣ родича. Гдѣ бы оно ни помѣщалось, во всякомъ случаѣ наружныя и внутреннія части его будутъ находиться въ различныхъ отношеніяхъ къ окружающимъ дѣтелямъ — пищѣ, кислороду и различнымъ жизненнымъ стимуламъ. Но это еще не все. Покоится ли оно подъ водою или на листѣ растенія, движется ли по водѣ, сохраняя нѣкоторое опредѣленное положеніе, или же помѣщается внутри взрослага организма, — нѣкоторыя части его поверхности будутъ болѣе другихъ подвержены вліянію окружающихъ дѣтелей: въ однихъ случаяхъ онѣ будутъ подвержены большому дѣйствию свѣта, теплоты, кислорода, въ другихъ — материнскихъ тканей и ихъ содержимаго. Поэтому нарушеніе его первоначаль-

наго равновѣсія несомнѣнно. Оно можетъ совершиться двумя путями: или возмущающія силы преодолеютъ сродство органическихъ элементовъ и тогда произойдетъ хаотическая разнородность, извѣстная подъ именемъ разложенія; или же, какъ это случается обыкновенно, перемѣны не разрушаютъ органическихъ соединений, а только видоизмѣняютъ ихъ, причемъ части, болѣе подверженныя дѣйствию измѣняющихся силъ, больше и измѣнятся. Такъ происходятъ первыя дифференцированія, составляющія рождающуюся организацию. Съ достигнутой такимъ образомъ точки зрѣнія мы намѣрены взглянуть на нѣсколько случаевъ, оставляя покуда въ сторонѣ всѣ соображенія о стремленіи организма усвоить наследственный типъ.

Обратимъ сначала вниманіе на кажуціяся исключенія, которые представляютъ *Amoeba*, наиримѣръ: у этого существа, какъ и у сходныхъ съ нимъ, студенистое тѣло остается неорганизованнымъ въ теченіе всей жизни, не претерпѣваетъ никакихъ постоянныхъ дифференцированій. Но фактъ этотъ, повидимому прямо противорѣчащій нашему заключенію, въ сущности наиболѣе подтверждаетъ его. Какова особенность этого отдѣла *простѣйшихъ*? Члены его испытываютъ безпрестанныя и неправильныя измѣненія въ формѣ — они не обнаруживаютъ постоянного отношенія частей: то, что впоследствии составитъ внутреннюю часть, выходитъ теперь наружу и, какъ временный членъ, прилипаетъ къ какому-нибудь предмету, котораго случайно коснулось. То, что теперь составляетъ часть поверхности, скоро будетъ втянуто, вмѣстѣ съ прилипшимъ къ ней атомомъ пищи, внутрь массы. Такимъ образомъ происходитъ безостановочный обмѣнъ мѣстъ, и отношеніе внутренняго и наружнаго непостоянно. Но по принятой гипотезѣ, сходныя въ началѣ единицы живой массы, стали несходными, только вслѣдствіе несходства ихъ положеній относительно измѣняющихся силъ. Нечего, слѣдовательно, ждать какого-нибудь опредѣленнаго дифференцированія частей въ существахъ, не обнаруживающихъ никакой опредѣленной разницы въ положеніи своихъ частей.

Отрицательное доказательство это подтверждается обиліемъ положительныхъ. Когда мы перейдемъ отъ этихъ протееобразныхъ комковъ живой слизи къ организмамъ, обладающимъ

неизбѣннымъ распредѣленіемъ вещества, мы найдемъ разницу въ тканяхъ соответствующую разницѣ въ относительномъ положеніи. У всѣхъ высшихъ *Protozoa*, какъ и у *Protophyta*, встрѣчается основное дифференцированіе на клѣточную оболочку и содержимое клѣточки, соответственно основной противоположности условій, заключающихся въ терминахъ — внутреннее и внѣшнее. Переходя отъ организмовъ, относимыхъ къ классу одноклѣтчатыхъ, къ самымъ низшимъ изъ составляющихся сочетаніемъ клѣточекъ, мы замѣтимъ всюду связь между различіемъ въ устройствѣ и различіемъ въ окружающихъ обстоятельствахъ. Отсутствіе определенной организациі въ губкахъ, пропускающихъ повсюду струи морской воды, соответствуетъ отсутствію определенной несходства въ условіяхъ. У *Thalassicolla* профессора Гёксли — прозрачное, безцвѣтное тѣло, пассивно плавающее по поверхности моря и состоящее главнымъ образомъ изъ «массы клѣточекъ соединенныхъ слизью» — замѣчается грубое строеніе, очевидно подчиненное основнымъ отношеніямъ центра къ поверхности: при всемъ многочисленномъ и значительномъ разнообразіи своемъ, части представляютъ тутъ болѣе или менѣе концентрическое расположеніе.

Послѣ этого первоначального измѣненія, которымъ внѣшнія ткани дифференцируются отъ внутреннихъ, ближайшимъ по постоянству и значенію, является то, вслѣдствіе котораго извѣстная часть наружныхъ тканей дифференцируется отъ остальныхъ; и это соответствуетъ почти всеобщему факту, что одна часть наружныхъ тканей подвергается болѣе другихъ окружающимъ вліяніямъ. Здѣсь, какъ и раньше, кажущіяся исключенія чрезвычайно важны. Нѣкоторые изъ низшихъ растительныхъ организмовъ, какъ *Hematococci* и *Protococci* — помѣщены ли они въ массѣ слизи или же разсѣяны по арктическому сѣту — не обнаруживаютъ никакихъ дифференцированной поверхности; разныя части поверхности не подвергаются никакому определенному различію условій. Помянутая выше *Thalassicolla*, свободно плавающая по водѣ и пассивно перекатываемая волнами, послѣдовательно представляетъ вліянію извѣстныхъ дѣтелей всѣ свои стороны, — и всѣ ея стороны сходны. Усаженные рѣсничками шары, какъ *Volvox*

напримѣръ, не имѣютъ на своей поверхности частей несходныхъ одна съ другой; и нельзя разсчитывать, чтобы у нихъ были такія части, когда видишь, какъ они передвигаются по водѣ во всѣхъ направленіяхъ, не подвергая какой-либо части особеннымъ условіямъ. Но если мы перейдемъ къ существамъ, которыя или прикрѣплены гдѣ-либо или, двигаясь, сохраняютъ определенное положеніе, мы не встрѣтимъ болѣе единообразія поверхности. Почечка зоофита, у которой въ продолженіе періода движенія можно отличить только внутреннюю и вѣшнюю оболочку, пускаетъ корни только тогда, когда верхній ея конецъ начнетъ усваивать строеніе отличное отъ нижняго. Свободно плавающей зародышъ водянаго кольчатаго, яйцеобразный и неусаженный по всей поверхности волосками, движется однимъ концемъ впередъ; согласно этому различію обстоятельствъ происходятъ въ немъ и дифференцированія.

Начала, проявляющіяся такимъ образомъ въ низшихъ жизненныхъ формахъ, замѣчаются и въ развитіи высшихъ формъ, хотя здѣсь и нельзя прослѣдить ихъ такъ далеко, какъ тамъ, потому что они затемняются усвоеніемъ наследственнаго типа. Это замѣтно однакоже въ тѣхъ первыхъ видоизмѣненіяхъ высшихъ организмовъ, когда они имѣютъ еще подобіе низшихъ. Такъ, «имѣющая видъ тутовой ягоды» масса клѣточекъ, въ которую обращается оплодотворенное яйцо позвоночнаго, начинаетъ скоро обнаруживать разницу между наружною и внутреннею частями своими, соотвѣтственно основной разницѣ въ окружающихъ обстоятельствахъ. Клѣтки периферіи, достигнувъ большаго развитія, нежели внутреннія клѣтки, сливаются въ оболочку, замыкающую остальное; клѣтки, лежащія ближе къ наружнымъ, соединяются съ этими послѣдними и увеличиваютъ густоту зародышевой оболочки, между тѣмъ какъ центральныя клѣтки становятся жидкими. Сверхъ того, часть зародышевой оболочки становится скоро зародышевымъ пятномъ; и, не утверждая, чтобы причина этого заключалась въ несходствѣ отношеній различныхъ частей зародышевой оболочки къ окружающимъ вліяніямъ, мы все-таки ясно видимъ, что въ этихъ несходныхъ отношеніяхъ заключается возмущающій элементъ, стремящійся разстроить пер-

воначальную однородность зародышевой оболочки. Далѣ зародышевая оболочка мало по малу раздѣляется на два слоя—внутренній и наружный; одинъ находится въ соприкосновеніи съ жидкою частью [желтка, другой съ окружающими жидкостями: это различіе обстоятельствъ находится въ явномъ соотвѣтствіи съ послѣдующимъ различіемъ въ строеніи. Появленіе сосудистаго слоя между этими слизистымъ и серознымъ слоями, какъ ихъ называютъ,—допускаетъ подобное же толкованіе. Какъ въ этихъ, такъ и въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, которыя начинаютъ затѣмъ обнаруживаться, мы замѣчаемъ дѣйствіе общаго закона размноженія послѣдствій, вытекающихъ изъ одной причины, — закона, которому было приписано усиленіе разнородности. (1) Это размноженіе дѣйствій вполне гармонируетъ однако съ настоящею гипотезою; каждая вновь дифференцировавшаяся часть становится центромъ новаго вліянія, дѣйствующаго въ различной степени на всѣ другія части.

Ограничивъ наши замѣчанія наиболѣе общими фактами развитія, мы думаемъ, что успѣли уяснить ихъ до нѣкоторой степени. Что неустойчивое равновѣсіе однороднаго зародыша должно нарушиться вслѣдствіе несходнаго дѣйствія окружающихъ вліяній на разныя его части,—это заключеніе апріористическое. Столь же апріористическимъ кажется и то заключеніе, что разныя единицы, подвергшіяся различнымъ вліяніямъ, должны или разложиться или претерпѣть измѣненія, которыя приведутъ ихъ къ жизни въ соотвѣтствующихъ обстоятельствахъ: что—иными словами—они должны приспособиться къ своимъ условіямъ. Но мы можемъ сдѣлать почти такой же выводъ и помимо ряда предъидущихъ разсужденій. Наружныя органическія единицы (будутъ ли это клѣточки массы, «имѣющей видъ тутовой ягоды», или наружныя частицы отдѣльной клѣточки) должны усвоивать функціи, требуемыя ихъ положеніемъ, а усвоивая эти функціи должны принять характеръ, обусловленный ихъ отправленіемъ. Слой органическихъ единицъ, прилегающихъ къ желтку, долженъ служить для ассимилированія

(1) См. статью: «Прогрессъ, его законъ и причина».

(уподобленія) желтка и такимъ образомъ долженъ быть приспособленъ къ ассимилирующимъ отравленіямъ. Процессъ организаціи становится возможнымъ только при этихъ условіяхъ. Можно сказать, что какъ первыя породы животныхъ, размножившихся и распространившихся по разнымъ странамъ земли, дифференцировались на нѣсколько различныхъ породъ вслѣдствіе приспособленія къ условіямъ жизни, точно такъ же и первоначально единообразное населеніе клѣточекъ, образовавшихъ оплодотворенную зародышевую клѣточку, распадается на нѣсколько различныхъ населеній клѣточекъ, развивающихся несходно въ силу несходства окружающихъ ихъ обстоятельствъ.

Кромѣ всего этого, для доказательства нашего положенія надо замѣтить, что оно находитъ самыя ясныя и обильныя подтвержденія тамъ, гдѣ условія наиболѣе просты и общи, гдѣ явленія менѣе запутаны, — въ образованіи обособленныхъ клѣточекъ. Строенія, возникшія вокругъ ядръ въ перепонкѣ и опредѣляющіяся ядрами, какъ центрами вліяній, видимо соотносятся съ этимъ закономъ; части оболочки, соприкасающіяся съ ядрами, иначе обставлены, чѣмъ тѣ, которыя не находятся съ ними въ соприкосновеніи. Образованіе оболочки вокругъ каждой изъ массъ зернышекъ, на которыя распадается содержимое клѣточки водоросли, — примѣръ подобнаго же рода. И еслибы возвѣщенный недавно фактъ, что клѣточки могутъ образоваться около пустотъ въ массѣ вещества способнаго организовать, подтвердился, — мы приобрѣли бы другой хорошей примѣръ, потому что части вещества, ограничивающія эти пустыя пространства, подчиняются вліяніямъ, несходнымъ съ тѣми, которымъ подчинены остальные части. Если, слѣдовательно, мы можемъ съ такою отчетливостью прослѣдить законъ измѣненія въ этихъ первоначальныхъ процессахъ и въ тѣхъ болѣе сложныхъ, но аналогичныхъ имъ, которые проявляются въ первыхъ измѣненіяхъ яйца, то у насъ есть сильный поводъ предполагать, что законъ этотъ — законъ основной.

Но начало это, какъ не разъ уже было замѣчено, понятное въ представленныхъ здѣсь простыхъ формахъ, не даетъ ключа къ подробностямъ органическаго развитія. Оно совершенно не-

достаточно для объясненія родовыхъ и специфическихъ особенностей, и оставляетъ темными для насъ болѣе важныя отличія семействъ и порядковъ. Почему изъ двухъ яицъ, брошенныхъ въ одинъ и тотъ же прудъ, изъ одного выходитъ рыба, а изъ другаго пресмыкающееся, — этого оно не можетъ объяснить намъ. Что изъ двухъ различныхъ яицъ, помѣщенныхъ подъ одну и ту же курицу, могутъ выйти цыпленокъ и утенокъ, — такой фактъ не можетъ быть согласенъ съ развитой выше гипотезой. Намъ не остается здѣсь иного исхода, какъ сослаться на необъяснимый принципъ наследственной передачи. Способность неорганизованнаго зародыша развиться въ сложный взрослый организмъ, въ которомъ повторяются до малѣйшихъ подробностей черты предковъ даже и тогда, когда зародышъ былъ обставленъ иными условіями, нежели предки, составляетъ способность недоступную нашему пониманію. Что микроскопической частицей безстройнаго повидимому вещества усвоено вліяніе, въ силу котораго происшедшій изъ нея человекъ спустя пятьдесятъ лѣтъ станетъ подагрикомъ или сумасшедшимъ, — это истина, которая была бы невѣроятною, еслибъ не подтверждадалась ежедневными примѣрами. Но хотя *способъ*, какимъ передается наследственное сходство во всѣхъ его усложненіяхъ, составляетъ тайну, превышающую пониманіе наше, однако можно принять, что оно передается согласно вышеизясненному закону приспособляемости, — и мы не лишены основаній предполагать, что это вѣрно. Что приобрѣтенныя особенности, происходящія отъ приспособленія извѣстной организакціи къ окружающимъ условіямъ, передаются потомству, — это фактъ утверженный. Приобрѣтаемая такимъ образомъ особенности заключаются въ различіи строенія или состава одной или нѣсколькихъ тканей. Это значитъ, что въ агрегации подобныхъ органическихъ единицъ, составляющихъ зародышъ, группа, служащая для образованія особыхъ тканей, принимаетъ спеціальныя свойства, который вызванъ былъ въ родичѣ приспособленіемъ его тканей къ новымъ обстоятельствамъ. Мы знаемъ, что это общій законъ органическихъ видоизмѣненій. Далѣе, это *единственный* законъ органическихъ измѣненій, для котораго у насъ есть какія-нибудь доказательства. Нѣтъ ничего невозможнаго,

чтобы законъ этотъ былъ и всеобщимъ закономъ, распространяющимся не только на тѣ маловажныя измѣненія, которыя наследуются потомками отъ ближайшихъ предковъ, но даже и на тѣ обширныя измѣненія, которыми отличаются виды, роды, порядки и которыя наследуются отъ предшествовавшихъ расъ организмовъ. И такимъ образомъ *можетъ быть*, что законъ приспособляемости—единственный законъ, управляющій не только дифференцированіями какой-либо расы организмовъ на нѣсколько расъ, но и дифференцированіями расы органическихъ единицъ, составляющихъ зародышъ, на нѣсколько расъ органическихъ единицъ, составляющихъ взрослый субъектъ. Понимаемый такимъ образомъ, процессъ развитія каждаго организма будетъ состоять частью изъ прямого приспособленія его элементовъ къ разнымъ окружающимъ обстоятельствамъ, частью же изъ усвоенія свойствъ, происшедшихъ отъ аналогичныхъ приспособленій элементовъ всѣхъ организмовъ-предковъ.

Однакожъ наши аргументы не уполномочиваютъ насъ къ такому широкому умозрѣнію; мы привели его только какъ внушаемое, а не какъ выведенное. Все, что мы хотѣли показать здѣсь, состоитъ въ томъ, что дедуктивный методъ содѣйствуетъ истолкованію нѣкоторыхъ изъ наиболѣе общихъ явленій развитія,—и это, надѣмся, намъ удалось показать. Что всѣ однородныя агрегаціи находятся въ состояніи неустойчиваго равновѣсія,—это истина всеобщая, изъ которой выводится и непостоянство всякаго органическаго зародыша. Изъ извѣстной чувствительности органическихъ соединений къ химическимъ, термическимъ и другимъ возмущающимъ силамъ, мы вывели *необыкновенное* непостоянство каждаго органическаго зародыша—наклонность переходить къ разнородности, далеко превосходящую подобную же наклонность другихъ однородныхъ сочетаній. Тѣмъ же самымъ путемъ разсужденія пришли мы къ дополнительному выводу, что самыя первыя части, на которыя распадается зародышъ, находясь порознь въ состояніи неустойчиваго равновѣсія, обладаютъ точно такую же склонностью къ дальнѣйшимъ измѣненіямъ и т. д. Кромѣ того, мы нашли à priori, что во всѣхъ другихъ случаяхъ утрата однородности есть слѣдствіе различія въ характерѣ и размѣрахъ силы, приходя-

шей въ соприкосновенія съ различными частями; слѣдовательно и въ этомъ случаѣ различіе обстоятельствъ составляетъ первоначальную причину дифференцированій. Мы прибавили къ этому, что, такъ какъ измѣненія частей, испытывающихъ различное дѣйствіе, не разстраиваютъ жизненной ихъ дѣятельности, то они должны согласовать эту жизненную дѣятельность съ вліяющими силами, т. е. должны быть *приспособленіями*; то же относится и ко всѣмъ послѣдующимъ измѣненіямъ. Итакъ, путемъ дедуктивнаго разсужденія мы значительно проникаемъ въ методъ организаціи. Хотя мы и не въ состояніи, — и вѣроятно всегда будемъ не въ состояніи, — понять, какимъ образомъ зародышъ принимаетъ особую форму своей расы, мы можемъ все-таки понять общія начала, управляющія самыми первыми измѣненіями его, и, помня единство плана, всюду очевидное въ природѣ, мы можемъ подозрѣвать, что эти же начала управляютъ и всѣми послѣдующими измѣненіями.

Споръ между современными зоологами открываетъ еще иное поле примѣненію дедуктивнаго метода. Мы думаемъ, что вопросъ о томъ, существуетъ ли или не существуетъ *необходимое соотношеніе* между разными частями какого-нибудь организма, рѣшается à priori.

Кювье, первый изъ провозгласившихъ это необходимое соотношеніе, основывалъ на немъ свои возстановленія вымершихъ животныхъ. Жоффруа Сентъ-Илеръ и Де-Бленвиль, съ разныхъ точекъ зрѣнія, оспаривали гипотезу Кювье, и чрезвычайно интересный споръ этотъ, опиравшійся на палеонтологию, возобновленъ недавно въ нѣсколько измѣненной формѣ: профессоръ Гексли и Оуэнъ являются однимъ противникомъ, другой защитникомъ этой гипотезы.

Кювье говоритъ: «Въ сравнительной анатоміи есть принципъ, вѣрнаго развитія котораго достаточно, чтобы разсѣять всѣ затрудненія: это — соотношеніе формъ въ организованныхъ существахъ, помощью котораго можно, строго говоря, опредѣлить всякое организованное существо по куску какой-нибудь его части. Каждое организованное существо составляетъ цѣлое, единую и со-

вершенную систему, части которой соответствуют другъ другу и своими взаимными реакціями содѣйствуютъ одной и той же окончательной цѣли. Ни одна изъ этихъ частей не можетъ быть измѣнена безъ измѣненія другихъ, и слѣдовательно каждая взятая отдѣльно опредѣляетъ всѣ остальные.» Кювье приводитъ при этомъ разныя поясненія: онъ доказываетъ, что форма плотояднаго зуба, обуславливая извѣстное дѣйствіе челюсти, предполагаетъ особенную форму мышцелокъ, предполагаетъ члены, приспособленные для схватыванія и удерживанія добычи, и слѣдовательно когти, извѣстное устройство костей лапы, извѣстную форму лопатки; и заканчиваетъ, говоря: «коготь, лопатка, мышцелокъ, бедро и всѣ другія кости, взятая отдѣльно, опредѣляютъ зубъ илѣ какую-нибудь иную часть, и человекъ, основательно знающій законы органической экономіи, могъ бы по одной изъ нихъ возсоздать цѣлое животное.»

Очевидно, что защищаемый здѣсь методъ возстановленія основанъ на принятіи физіологически-необходимой связи между этими разными особенностями. Употребленный здѣсь аргументъ состоитъ не въ томъ, что лопатку извѣстной формы можно считать принадлежностью плотояднаго млекопитающаго, потому что мы постоянно видимъ, что оно *имѣетъ* подобную лопатку, — а въ томъ, что лопатка *должна* быть у этихъ животныхъ: безъ нея были бы невозможны плотоядные свойства. Кювье утверждаетъ, что необходимое соотношеніе, которое онъ находитъ столь очевиднымъ въ этихъ случаяхъ, существуетъ между всѣми частями системы; однакожъ онъ допускаетъ, что, вслѣдствіе ограниченности нашихъ физіологическихъ знаній, мы во многихъ случаяхъ не въ состояніи замѣтить этого необходимаго соотношенія и вынуждены основывать свои заключенія на наблюдаемыхъ нами сосуществованіяхъ, причинъ которыхъ мы не понимаемъ, но которыя оказываются неизмѣнными.

Профессоръ Гексли показалъ недавно: 1) что этотъ эмпирический методъ, который ввелъ Кювье какъ совершенно подчиненный, назначенный только въ помощь раціональному методу, есть въ дѣйствительности тотъ самый, который Кювье употреблялъ обыкновенно; такъ-называемый раціональный оставался

мертвою буквою; 2) что самъ Кювье во многихъ мѣстахъ признавалъ настолькоъ непримѣнимость рациональнаго метода, что въ сущности отказывался отъ него, какъ отъ метода. Мало того: Гёкс-ли утверждаетъ, что принимаемый законъ необходимаго соотношенія невѣренъ. Воплиѣ признавая физиологическую зависимость одной части отъ другой, онъ отрицаетъ неизмѣняемость этой зависимости. «Такимъ образомъ зубы льва и его желудокъ состоятъ въ такомъ отношеніи, что желудокъ перевариваетъ пищу, которую зубы раздираютъ; они соотносятся физиологически; но нѣтъ основанія утверждать, чтобы это было *необходимое* физиологическое соотношеніе, въ томъ смыслѣ, что не могло бы быть другихъ зубовъ и другаго желудка, столь же пригодныхъ для животнаго, питающагося живымъ мясомъ. Число и форма зубовъ могли бы быть совершенно отличными отъ нынѣшнихъ, устройство желудка могло бы быть значительно иное и отправленія этихъ органовъ могли бы совершаться такъ же хорошо.»

Этого достаточно, чтобы дать нашимъ читателямъ понятіе о настоящемъ положеніи полемики. Мы не намѣрены пускаться въ подробности и хотимъ только показать, что вопросъ можетъ быть рѣшенъ путемъ дедукціи. Но, прежде нежели сдѣлаемъ это, обратимъ вниманіе на два соприкасающіеся пункта.

Защищая ученіе Кювье, профессоръ Овэнъ пользуется *odium theologicum*. Онъ приписываетъ своимъ противникамъ «внушеніе и скрытую защиту доктрины, ниспровергающей признаніе Высшаго духа.» Не говоря ни слова о сомнительной пристойности подобнаго осужденія въ дѣлѣ наукъ, мы думаемъ, что обвиненіе это неудачно. Чѣмъ же гипотеза *необходимаго* соотношенія частей отличается отъ гипотезы *дѣйствительнаго* соотношенія частей, что ставило бы ее въ особой гармоніи съ теизмомъ? Защита *необходимости* сосуществованія или послѣдовательности скорѣе всего и есть униженіе божественной силы. Кювье говоритъ: «Ни одна изъ этихъ частей не можетъ быть измѣнена безъ измѣненія другихъ, и слѣдовательно каждая взятая отдѣльно опредѣляетъ всѣ остальные», т. е. соотношеніе не *могло бы* быть инымъ. Гёксли же говоритъ, напротивъ, что мы не имѣемъ права утверждать, что соотношеніе не *могло бы* быть

инимъ, и имѣемъ немалыя основанія думать, что одинакія физиологическія цѣли могутъ быть достигнуты разными способами. Одна доктрина ограничиваетъ возможность творенія; другая отрицаетъ предполагаемый предѣлъ. Которую же слѣдуетъ больше обвинять въ скрытомъ атеизмѣ?

Въ другомъ пунктѣ, о которомъ упомянуто, мы склоняемся на сторону Оувэна. Мы думаемъ вмѣстѣ съ нимъ, что рациональное соотношеніе (въ самомъ высшемъ смыслѣ этого слова) тамъ, гдѣ оно можетъ быть указано, служитъ лучшимъ основаніемъ для дедукціи, нежели эмпирическое, подтверждаемое только накопившимися наблюденіями. Ставя первой посылкой, что подъ рациональнымъ соотношеніемъ мы понимаемъ не такое, которое давало бы поводъ думать, что въ немъ можно было бы прослѣдить какой-либо планъ, а такое, отрицаніе котораго непонятно (и таковъ видъ соотношенія, подразумѣваемаго закономъ Кьювье), — мы утверждаемъ, что наше знаніе соотношенія отличается большею опредѣленностью, нежели простое индуктивное. Намъ кажется, что Гексли изъ боязни впасть въ заблужденіе, дѣлающее Мысль мѣриломъ Вещей, упустилъ изъ виду, что наше понятіе необходимости опредѣляется нѣкоторымъ безусловнымъ единообразіемъ, обнимающимъ всѣ роды нашихъ опытовъ, и что, слѣдовательно, органическое соотношеніе, которое не можетъ быть понимаемо иначе какъ оно есть, опирается на болѣе широкую индукцію, нежели та, которая опредѣляется только наблюденіемъ надъ организмами. Справедливо однако, что такіа органическія соотношенія, отрицаніе которыхъ немислимо, весьма рѣдки. Если мы найдемъ черепъ, позвонки, ребра и рядъ костей какого-нибудь четвероногаго величиною со слона, мы можемъ быть увѣрены, что ноги подобнаго четвероногаго были значительной величины — много больше ногъ крысы: право предполагать соотношеніе это необходимымъ основывается не только на изслѣдованіяхъ движущихся организмовъ, но и на всѣхъ опытахъ надъ массами и опорами массъ. Но мало того, что дѣйствительность представляетъ слишкомъ немного подобныхъ физиологическихъ соотношеній — самый способъ этихъ разсужденій представляетъ нѣкоторую опасность, потому что можетъ подать поводъ отнести

къ классу необходимыхъ соотношеній такія соотношенія, которыя вовсе не необходимы. Казалось бы, напримѣръ, что между глазами и поверхностью тѣла существуетъ необходимое соотношение: функція глаза—зрѣніе, для зрѣнія нуженъ свѣтъ; слѣдовательно можно было бы предположить безусловно необходимымъ, чтобы глазъ помѣщался снаружи. Есть однако существа, какъ *Cirrhoedia*, глаза которыхъ (не очень дѣятельные, можетъ быть) помѣщаются въ глубинѣ тѣла. Можно было бы предположить необходимое соотношеніе между размѣрами матки у млекопитающихъ и размѣрами ихъ таза. А *priggi* кажется невозможнымъ, чтобы у какого-нибудь вида существовала вполне развитая матка съ совершеннымъ зародышемъ и такая малая тазовая дуга, которая не позволяла бы выйти этому зародышу. Еслибъ существовало какое-нибудь подобное млекопитающее и еслибъ оно было ископаемое — по методу Кювье пришлось бы заключить, что зародышъ долженъ былъ выходить въ неразвитомъ состояніи и что матка была мала. Но нашлось живущее млекопитающее съ очень малою дугою таза — кротъ, которое избавило насъ отъ этого ошибочнаго вывода. Какъ ни аномаленъ этотъ фактъ, но дѣтенышъ крота вовсе не проходитъ черезъ тазовую дугу, а мимо нея! Итакъ, признавая нѣкоторыя вполне *прямыя* физиологическія соотношенія необходимыми, мы рискуемъ отнести къ нимъ и такія, которыя вовсе не имѣютъ этого характера.

Что касается до массы соотношеній, включая сюда всѣ *непрямыя*, то мы сходимся съ Гексли въ отрицаніи ихъ необходимости, и намѣрены теперь подтвердить свое положеніе путемъ дедукціи. Начнемъ аналогіей.

Всякій, кто былъ на большомъ желѣзномъ заводѣ, видѣлъ гигантскія ножницы, приводимыя въ движеніе машиною и употребляемыя для разрѣзыванія желѣзныхъ листовъ, которые помѣщаются между полосами ножницъ. Положимъ, что единственные видимыя части аппарата и есть эти полосы. Наблюдающій ихъ движеніе (или скорѣе движеніе одной полосы, потому что другая обыкновенно неподвижна) замѣтитъ, по возрастанію и уменьшенію угла и по кривой, описываемой движущимся концемъ, что

долженъ быть нѣкоторый центръ движенія—стержень или цапфа (открытая втулка). На соотношеніе это можно смотрѣть какъ на необходимое. Кромѣ того онъ можетъ заключить, что по ту сторону центра движенія движущаяся половинка обращена въ рычагъ, къ которому прилагается сила; но такъ какъ возможно и иное устройство, то это можно назвать не болѣе какъ вѣроятнымъ соотношеніемъ. Еслибъ онъ пошелъ далѣе и сталъ бы разбирать, какъ было сообщено рычагу качательное движеніе, онъ заключилъ бы весьма правдоподобно, что движеніе это передается шатуномъ. И еслибъ ему было извѣстно кое-что изъ механики, онъ зналъ бы, что такое движеніе можно сообщить помощью эксцентрика. Но онъ зналъ бы также, что оно можетъ быть сообщено и помощью кулака. Однимъ словомъ, онъ увидѣлъ бы, что между ножницами и отдаленными частями аппарата нѣтъ *одного* необходимаго соотношенія. Возьмемъ другой случай. Нажимная доска типографскаго прессы должна двигаться вверхъ и внизъ на разстояніе дюйма или около этого; нужно, чтобы она производила наибольшее давленіе, когда достигнетъ предѣла движенія внизъ. Если кто-нибудь станетъ разсматривать мастерскую типографскихъ прессовъ, то увидитъ полдюжины разныхъ механическихъ устройствъ, удовлетворяющихъ той же цѣли; и свѣдущій машинистъ скажетъ ему, что легко придумать еще столько же. Далѣе, наблюдатель узналъ бы, что число различныхъ устройствъ другихъ частей, допускаемое машиной при сохраненіи одного и того же устройства для извѣстной части, соответствуетъ сложности машины. Если можетъ быть сдѣлано какое-нибудь возраженіе противъ аналогіи между машиною и организмомъ, то оно не можетъ основываться на томъ, что составныя части машины соотносятся *менѣе* строго, нежели части организма, потому что оказывается совершенно противоположное — соотношенія частей машины гораздо болѣе строги. Организмъ продолжаетъ дѣйствовать, лишившись одного или двухъ изъ своихъ членовъ или потерявъ одно изъ легкихъ; отдѣленіе же такихъ важныхъ частей отъ которой-нибудь изъ вышеописанныхъ машинъ тотчасъ повлечетъ за собой остановку. Если, слѣдовательно, нѣтъ необходимаго соотношенія между спеці-

альными частями машины, то ихъ должно быть еще менѣе между частями организма.

Съ противоположной точки зрѣнія обнаружится та же самая истина. Держась вышеприведенной аналогіи, можно заключить, что измѣненіе въ одной части организма не требуетъ непременно извѣстнаго *специфическаго* ряда измѣненій въ другихъ частяхъ. Кювье говоритъ: «Ни одна изъ этихъ частей не можетъ быть измѣнена безъ измѣненія другихъ, и слѣдовательно каждая взятая отдѣльно опредѣляетъ всѣ остальные.» Первое изъ этихъ предложеній можно допустить, но второе, выдаваемое за слѣдствіе изъ него, не вѣрно; оно предполагаетъ, что «всѣ остальные» могутъ быть измѣнены только однимъ способомъ, между тѣмъ какъ онѣ могутъ быть измѣнены различными путями и въ различной степени. Чтобы доказать это, мы опять должны прибѣгнуть къ аналогіямъ изъ области механики.

Поставьте кирпичъ стоя и толкните его, вы можете предсказать съ точностью, въ какомъ направленіи будетъ онъ падать и какое займетъ положеніе. Если подыавъ его, помѣстите сверху еще одинъ кирпичъ, вы уже не въ состояніи будете точно предвидѣть результаты опрокидыванья; какъ бы вы ни старались, при повтореніи опыта, сообщать кирпичамъ то же самое положеніе, ту же силу и въ томъ же направленіи, у васъ не будетъ и двухъ совершенно сходныхъ случаевъ. И по мѣрѣ того, какъ сочетаніе усложняется прибавкою новыхъ и несходныхъ частей, результаты какого-нибудь возмущенія будутъ становиться болѣе разнообразными и многочисленными. Если вмѣсто тѣла, находящагося въ такой слабой механической зависимости, возьмемъ группу, удерживаемую въ болѣе постоянной связи (перевязанную веревками на-подобіе того, какъ кости связаны мускулами и связками), то обнаружится, что возмущающая сила, приложенная къ одной части, будетъ дѣйствовать и на другія, но неопредѣленнымъ образомъ; и нельзя сдѣлать никакой другой группы въ такой степени сходной съ первою, чтобы равносильное возмущеніе производило бы точно такіе же результаты. Подобная истина очень явственно и очень интересно проявляется въ паровозахъ. Что изъ машинъ, выстроенныхъ, насколько это возможно,

точно по известному образцу, не найдется и двух, действующих совершенно одинаково,—фактъ, известный всѣмъ механикамъ-инженерамъ и механикамъ-кондукторамъ. Каждая будетъ имѣть свои особенности. Вліянія дѣйствій и противодѣйствій будутъ столь различны, что при сходныхъ условіяхъ каждая будетъ иначе работать; и каждый машинистъ долженъ ознакомиться съ устройствомъ своей машины, чтобы можно было употреблять ее съ наибольшей выгодой. Въ организамахъ эта неопредѣленность механическихъ реакцій ясно замѣтна. Два мальчика, бросающіе камни, будутъ всегда болѣе или менѣе отличаться положеніемъ своего тѣла, также какъ два биліардныхъ игрока или два лица, сдающіе карты. Общеизвестный фактъ, что каждая личность имѣетъ характеристическую походку, представляетъ еще лучшей примѣръ. Мѣрное движеніе ноги должно, по гипотезѣ Кювье, дѣйствовать на тѣло однообразно. Но вслѣдствіе незначительныхъ отличій строенія, которыя не противорѣчатъ родовому сходству, нѣтъ двухъ личностей, производящихъ одинаковыя движенія туловищемъ или руками: эта особенность людей всегда подмѣчается ихъ пріятелями.

Если мы перейдемъ къ возмущающимъ силамъ не-механическаго свойства, истина эта станетъ еще болѣе очевидною. Пусть нѣсколько лицъ перенесутъ бурю съ дождемъ; когда одинъ изъ нихъ не будетъ чувствовать никакого ощутительнаго безпокойства, другіе будутъ страдать: кто кашлемъ, кто катарромъ, поносомъ или ревматизмомъ. Привейте коровью оспу дѣтямъ одинаковаго возраста, одинаковымъ же количествомъ матеріи, приложенной къ тѣмъ же самымъ частямъ, и симптомы не будутъ сходны ни въ свойствахъ, ни въ силѣ; въ нѣкоторыхъ случаяхъ разница будетъ весьма значительна. Количество спирту, усypившее одного, дѣлаетъ другаго необыкновенно бодрымъ, — одинъ становится веселымъ, другой раздражительнымъ, — здѣсь возбуждается мягкое чувство, тамъ злоба. Опіумъ производитъ или дремоту, или бессонницу; то же производитъ и табакъ. Не увеличивая числа примѣровъ, известныхъ каждому, мы можемъ повторить слышанное недавно отъ одного изъ нашихъ наиболѣе ученыхъ физиковъ: едвали есть какое-либо

вліяніе, которое, приходя въ соприкосновеніе съ тѣломъ, не произвело бы, при различныхъ условіяхъ, совершенно противоположныхъ дѣйствій.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ—механическихъ или иныхъ—нѣкоторая сила приводится въ соприкосновеніе сперва съ одною частью организма и потомъ съ остальными, и, по доктринѣ Кювье, части эти должны измѣниться вполне специфическимъ образомъ. Мы видимъ, что этого однако не бываетъ. Первоначальное измѣненіе, происшедшее въ какой-нибудь одной части, не находится въ необходимомъ соотношеніи съ переменами, происшедшими въ другихъ частяхъ; переменны въ этихъ частяхъ также не имѣютъ необходимаго соотношенія между собою. Переменная отправления, произведенная возмущающей силой въ органѣ, подверженномъ прямому ея дѣйствію, не влечетъ за собою *опредѣленную* ряда функциональных измѣненій въ другихъ органахъ; но она сопровождается какимъ-нибудь однимъ изъ разнообразныхъ рядовъ измѣненій. А очевидное слѣдствіе отсюда то, что какое-нибудь *измѣненіе строенія*, происшедшее случайно въ одномъ изъ органовъ, не будетъ сопровождаться *нѣкоторымъ особымъ* рядомъ *измѣненій строенія* въ другихъ органахъ, т. е. между формами не будетъ никакого *необходимаго* соотношенія.

Недостатокъ принципа Кювье заключается въ допущеніи слишкомъ опредѣленной взаимной зависимости между разными частями организма. Несомнѣнно вѣрно, что «ни одна изъ этихъ частей не можетъ быть измѣнена безъ измѣненія другихъ.» Еслибы члены какого-нибудь вида были *безусловно* сходны во всѣхъ малѣйшихъ подробностяхъ и находились бы въ *безусловно* одинаковомъ положеніи,—тогда переменна въ какой-нибудь части сопровождалась бы во всякомъ случаѣ специфическимъ рядомъ переменъ въ остальныхъ. Но отсутствіе этого безусловнаго сходства дѣлаетъ выводъ Кювье ложнымъ. Фактъ, что нѣтъ двухъ индивидовъ совершенно сходныхъ по строенію или состоянію, заключаетъ въ себѣ другой—что переменны, производимыя въ нихъ какою-нибудь возмущающею силой, будутъ не одинаковы и могутъ быть совершенно несходны. Какъ установленныя въ равновѣсіи чашки вѣсовъ мо-

гутъ перевѣшивать другъ друга, въ силу неуловимой разницы; точно такъ же и органическое равновѣсiе въ двухъ созданiяхъ одного и того же вида можетъ быть нарушено одною и тою же возмущающею силою въ совершенно противоположныхъ направленiяхъ, вслѣдствiе ничтожнаго несходства, представляющагося въ каждомъ изъ случаевъ. И при органическомъ равновѣсiи, нарушенномъ въ противоположныя стороны, постоянство возмущающей причины можетъ вызвать совершенно различные ряды постоянныхъ органическихъ измѣненiй.

Палеонтологiя, слѣдовательно, должна основываться на эмпирическомъ методѣ. Необходимое соотношенiе не можетъ быть установлено. Ископаемый видъ, который былъ вынужденъ измѣнить свою пищу или свои нравы, не долженъ былъ необходимо претерпѣть тотъ особый рядъ видоизмѣненiй, который обнаруживаетъ, а могъ бы при нѣкоторомъ слабомъ измѣненiи предрасполагающихъ причинъ — какъ кличатъ или широта — претерпѣть нѣкоторый другой рядъ измѣненiй: это составляетъ одно изъ тѣхъ опредѣляющихъ обстоятельствъ, которыя, по человѣческому пониманiю, называются случайными.

Смѣемъ думать, слѣдовательно, что дедуктивный методъ значительно освѣщаетъ этотъ назойливый вопросъ физиологiи; въ тоже самое время наша аргументацiя показываетъ и предѣлы примѣнимости дедуктивнаго метода. Мы видимъ, что нашъ чрезвычайно *общий* вопросъ можетъ быть удовлетворительно разобранъ путемъ дедукцiи; но заключенiе, къ которому мы пришли, само собою принимаетъ, что болѣе *спеціальныя* явленiя организации не могутъ быть разрабатываемы такимъ образомъ.

Нужно еще кратко (какъ этого требуетъ объемъ статьи) познакомить читателя съ инымъ методомъ изслѣдованiя общихъ физиологическихъ истинъ — методомъ, которому физиологiя уже обязана одною свѣтлою идеей, но который въ настоящее время не признанъ формально за методъ. Мы говоримъ о сравненiи физиологическихъ явленiй съ явленiями социальными.

Аналогiя между индивидуальными организмами и организмомъ социальнымъ есть одна изъ тѣхъ, которыя съ древнѣйшихъ временъ

обращали на себя вниманіе наблюдателя. И хотя новѣйшая наука не сочувствуетъ тѣмъ грубымъ понятіямъ объ этой аналогіи, которыя выражались иногда со временъ грековъ; однако она все болѣе и болѣе стремится показать, что аналогія *существуетъ* — и очень замѣчательная. Въ то время какъ становится яснымъ, что нѣтъ такого спеціальнаго параллелизма между составными частями челоука и таковыми же націи, какой принимали прежде, — столь же яснымъ становится, что общія основанія развитія и устройства, обнаруживающіяся во всѣхъ организованныхъ тѣлахъ, проявляются и въ обществахъ. Основное свойство обществъ и живыхъ существъ заключается въ томъ, что они состоятъ изъ взаимно-зависимыхъ частей; и казалось бы, что это свойство заключаетъ въ себѣ общность разныхъ другихъ характеристическихъ свойствъ. Большая часть людей, знакомыхъ съ фактами физиологіи и социологіи, начинаетъ признавать это соотвѣтствіе не только вѣроятнымъ, но и научно-истиннымъ. А мы лично твердо держимся мнѣнія, что оно мало-по-малу будетъ приниматься въ такихъ размѣрахъ, которые въ настоящее время допустили бы весьма не многіе.

Если существуетъ подобное соотвѣтствіе, то ясно, что физиологіи и социологіи будутъ болѣе или менѣе объяснить одна другую. Каждая по своему будетъ облегчать изслѣдованіе. Отношеніе причины и слѣдствія, ясно замѣтное въ социальномъ организмѣ, можетъ привести къ отысканію аналогическихъ отношеній въ индивидуальномъ организмѣ и объяснить такимъ образомъ то, что не могло быть объяснено иначе. Законы возрастанія и отравленія, открытые специалистомъ-физиологомъ, могутъ дать намъ ключъ къ нѣкоторымъ социальнымъ измѣненіямъ, трудно понимаемымъ безъ этого. Обѣ науки могутъ обмѣниваться намеками, указаніями и подтвержденіями; если онѣ и не сдѣлаютъ ничего больше, то и это уже не малая помощь. Понятіе о «физиологическомъ раздѣленіи труда», которымъ политическая экономія снабдила уже физиологію, далеко не лишено значенія. Есть вѣроятность, что она доставитъ и другія.

Въ подкрѣпленіе этому мнѣнію, приведемъ нѣсколько случаевъ, гдѣ была оказана подобнаго рода помощь. И прежде

всего посмотримъ, не доставляютъ ли факты социальной организаціи поддержки нѣкоторымъ изъ доктринъ, установленныхъ въ предъидущихъ частяхъ этой статьи.

Одно изъ положеній, которое мы старались установить, заключается въ томъ, что процессъ развитія у животныхъ производится не только посредствомъ дифференцированій, но и посредствомъ соответственныхъ интеграцій. Въ социальномъ организмѣ можно замѣтить ту же самую двойственность процесса, и замѣчено, что интеграціи бывають тѣхъ же трехъ родовъ. Такъ, есть интеграціи, происходящія отъ простаго возрастанія смежныхъ частей, имѣющихъ сходныя отправления, напримѣръ: слитіе Манчестера съ его предмѣстьями, занимающимися бумагопрядильнымъ производствомъ. Есть другія интеграціи, происходящія такимъ образомъ, что изъ разныхъ мѣстъ, производящихъ особые продукты, одно все болѣе и болѣе монополизируетъ извѣстный промыселъ и ослабляетъ его въ остальныхъ: примѣромъ можетъ служить возрастаніе Йоркширскаго полотнянаго округа на счетъ округовъ западной Англій, или поглощеніе Стаффордширомъ посудной мануфактуры и послѣдовавшій упадокъ того же рода заведеній, процвѣтавшихъ когда-то въ Вустерѣ, Дерби и другихъ мѣстахъ. Есть наконецъ еще интеграціи, происходящія изъ дѣйствительнаго сближенія частей сходныхъ по роду занятій: сюда относятся такіе факты какъ стеченіе издателей въ Paternoster Row, юристовъ въ Temple и его окрестностяхъ, хлѣбныхъ торговцевъ около Mark Lane, гражданскихъ инженеровъ въ Great George Street, банкировъ въ центрѣ Сити. Находя такимъ образомъ, что въ развитіи социального организма, какъ и въ развитіи организмовъ индивидуальныхъ, встрѣчаются интеграціи также какъ и дифференцированія, и притомъ интеграціи тѣхъ же трехъ родовъ,—мы имѣемъ дополнительный поводъ считать ихъ существенными частями процесса развитія и должны включить ихъ въ его формулу. Далѣе, обстоятельство, что въ социальномъ организмѣ интеграціи эти зависятъ отъ общности отправления, подтверждаетъ гипотезу о подобной же зависимости ихъ въ индивидуальномъ организмѣ.

Мы старались доказать путемъ дедукціи, что различія частей,

замѣчаемая сначала во всякомъ развивающемся зародышѣ, составляютъ слѣдствіе различія условий, которыми обставлена каждая часть; что приспособленіе устройства къ окружающимъ условиямъ составляетъ начало, опредѣляющее первыя измѣненія частей, и что вѣроятно можно, если введемъ въ формулу такіа приспособленія, которыя передаются по наслѣдству, опредѣлить подобнымъ же образомъ и всѣ послѣдующія дифференцированія. Не нужно долго всматриваться въ факты, чтобы замѣтить, что преобладающія социальныя дифференцированія произошли аналогичнымъ путемъ. По мѣрѣ того, какъ размножались и распространялись члены общины, первоначально однородной, происходило и постепенное отдѣленіе частей, очевидно регулируемое различіемъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Тѣ, кому случилось жить возлѣ мѣста, избраннаго (можетъ быть по центральности его положенія) для періодическихъ собраний, становились торговцами и строили городъ; жившіе прозь продолжали охотиться или воздѣлывать землю; населеніе морскихъ береговъ стало заниматься морскими промыслами. И каждый изъ этихъ классовъ претерпѣлъ измѣненія въ характерѣ сообразно своей дѣятельности. Позже эти мѣстныя приспособленія значительно усложняются съ ходомъ развитія. Вслѣдствіе почвенныхъ и климатическихъ отличій занятія сельскихъ обитателей въ разныхъ частяхъ государства специализируются; одни начинаютъ производить главнымъ образомъ скоть, другіе рожь или овесъ, третьи — хмѣль и т. д. Люди, живущіе тамъ, гдѣ находятся залежки каменнаго угля, становятся угольщиками; кориваллисы дѣлаются рудокопами, потому что Кориваллисы богаты рудою; желѣзная мануфактура становится преобладающимъ промысломъ тамъ, гдѣ встрѣчается въ избыткѣ желѣзная руда. Ливерпуль принялся за доставку хлопка вслѣдствіе близости его къ округу, гдѣ приготовлялись хлопчатобумажныя произведенія; Гуль, на подобномъ же основаніи, сталъ главнымъ портомъ, куда ввозится иностранная шерсть. Ту же истину можно замѣтить даже въ устройствѣ пивоварень, красильныхъ заведеній, аспидныхъ ломокъ, кирпичныхъ заводовъ. Эта специализація социальнаго организма, характеризующая отдѣльные округа, зависитъ въ основѣ своей, какъ вообще, такъ и въ частностяхъ,

отъ мѣстныхъ обстоятельствъ. Изъ первоначально сходныхъ единицъ, составляющихъ соціальную массу, разныя группы усваиваютъ различныя отправления, опредѣляющіяся относительно ихъ положеніемъ, и такимъ образомъ приспособляются къ окружающимъ условіямъ. Слѣдовательно, то, что было, какъ мы вывели à priori, главною причиною органическихъ дифференцированій, оказывается à posteriori главною причиною и соціальныхъ дифференцированій. Далѣе мы видѣли возможность эмбріологическихъ измѣненій, вызываемыхъ приспособленіями, передаваемыми по наслѣдству; точно такъ же можемъ замѣтить и въ зарождающихся обществахъ измѣненія, составляющія слѣдствіе не прямыхъ приспособленій, а приспособленій, усвоенныхъ породившимъ ихъ обществомъ. Колоніи, основанныя разными народами, сходныя по своимъ спеціальнымъ занятіямъ, развиваются неодинаково въ томъ смыслѣ, что сохраняютъ въ большей или меньшей степени организацию произведшей ихъ націи. Французское поселеніе развивается не такъ, какъ англійское, и оба усваиваютъ формы отличныя отъ формъ усвоенныхъ римскимъ поселеніемъ. Дифференцированіе обществъ опредѣляется отчасти непосредственнымъ приспособленіемъ ихъ единицъ къ мѣстнымъ условіямъ, отчасти же унаслѣдованнымъ вліаніемъ подобныхъ же приспособленій прежнихъ обществъ, — фактъ, составляющій сильную поддержку заключенію, добытому инымъ путемъ и говорящему, что дифференцированія индивидуальныхъ организмовъ зависятъ какъ отъ непосредственныхъ приспособленій, такъ и отъ приспособленій организмовъ-предковъ.

Отъ *подтвержденій*, доставленныхъ физиологіей и социологіей, перейдемъ къ *предположеніямъ*, которыя порождаются этимъ же путемъ. Факторія, другое ли какое-нибудь производящее заведеніе, городъ ли, состоящій изъ подобныхъ заведеній, суть агенты для выработыванья продуктовъ, потребляемыхъ обществомъ, и въ этомъ отношеніи аналогичны съ желѣзою или внутренностями отдѣльнаго организма. Если мы станемъ разсматривать, какимъ образомъ начало развиваться это производящее заведеніе, то найдемъ, что оно происходило такимъ путемъ: простой рабочей, самъ продающей продукты своего труда, — зародышъ. Промыселъ его увеличивается, онъ пріобрѣтаетъ

помощниковъ—сыновей своихъ или людей постороннихъ; затѣмъ онъ становится продавцомъ произведеній не только своихъ рукъ, но и чужихъ. Дальнѣйшее возрастаніе его промысла заставляетъ его увеличивать число помощниковъ и его сбытъ растетъ такъ быстро, что онъ вынужденъ ограничиться процессомъ продажи, т. е. онъ перестаетъ быть производителемъ и становится каналомъ, по которому доходить до публики произведенія другихъ лицъ. Если его благосостояніе будетъ еще возрастать, онъ найдетъ невозможнымъ завѣдывать продажей даже своихъ произведеній и пригласитъ другихъ лицъ, вѣроятно членовъ своего семейства, помочь ему въ этомъ дѣлѣ, т. е. къ нему, какъ къ главному каналу, присоединятся побочные и т. д. Кромѣ того, когда въ одномъ мѣстѣ, какъ Манчестеръ и Бирмингемъ, развивается много заведеній подобнаго рода, процессъ этотъ идетъ еще далѣе. Такъ образовались факторы и торговцы, составившіе каналы, чрезъ которые проходятъ продукты многихъ факторій; и мы думаемъ, что эти факторы были первоначально промышленниками, взявшими на себя распространеніе, вмѣстѣ со своими продуктами, продуктовъ маленькихъ домовъ, и только впоследствии сдѣлавшимися исключительно торговцами. Всѣ эти степеніи развитія подтверждаются ясными примѣрами нашихъ подрядчиковъ на желѣзныхъ дорогахъ. Есть люди, которые лично прошли весь этотъ процессъ, люди, которые сначала копали и перевозили землю, заключали небольшіе контракты, работали вмѣстѣ съ тѣми, кого нанимали, и впоследствии взяли на себя огромные подряды, пригласили рабочихъ, — а теперь заключили контрактъ на всю желѣзную дорогу и роздали части ея мелкимъ подрядчикамъ. Иными словами, у насъ есть люди, которые были прежде рабочими и наконецъ сдѣлались главными каналами, отъ которыхъ расходятся второстепенные, развѣтвляющіеся на еще болѣе подчиненные каналы, по которымъ проходятъ деньги (т. е. пища), посылаемая обществомъ *дѣйствительнымъ* строителямъ желѣзной дороги. Интересно посмотреть теперь, не таковъ ли ходъ развитія отдѣльныхъ и извергающихъ органовъ въ животномъ. Мы знаемъ, что таковъ процессъ развитія печени. Изъ группы желчныхъ кѣлочекъ,

образующих зародышъ печени, кѣточки, помѣщенныя въ центрѣ, возлѣ кишекъ, преобразовываются въ протоки, по которымъ отдѣленіе желчныхъ кѣточекъ периферіи изливается въ кишки; по мѣрѣ увеличенія числа кѣточекъ периферіи образуются второстепенные протоки, вливающіеся въ главный; третьестепенные—въ нихъ и т. д. Новѣйшія изслѣдованія показали, что тоже происходитъ и съ легкими—такъ образуются бронхи. Но аналогія, указывая, что это есть *первоначальный* способъ развитія подобныхъ органовъ, не указываетъ въ тоже время, чтобы развитіе должно было продолжаться такимъ же путемъ. Въ социальномъ организмѣ мануфактурныя заведенія развиваются обыкновенно не только посредствомъ ряда вышеописанныхъ видоизмѣненій, но и вслѣдствіе преобразования разныхъ лицъ въ мастеровъ, прикащиковъ, подмастерьевъ, рабочихъ и т. д.; точно такъ же сближающій методъ образованія органа можетъ замѣняться въ нѣкоторыхъ случаяхъ прямымъ переходомъ органическихъ элементовъ къ опредѣленному строенію. Что существуютъ образующіеся такимъ путемъ органы, это фактъ извѣстный. Дополнительный вопросъ, указываемый аналогіей, заключается въ томъ, когда прямой методъ замѣняется непрямымъ?

Подобный параллелизмъ можно значительно расширить. И если бы можно было показать подробности скрытаго соотвѣтствія между этими двумя родами организаціи, наше положеніе получило бы сильную поддержку. Однакожъ эти немногіе примѣры достаточно оправдали мнѣніе наше, что изученіе организованныхъ тѣлъ можно продолжить косвеннымъ путемъ, изучая тѣло политическое: если это не дастъ намъ покуда ничего положительнаго, то во всякомъ случаѣ можетъ внушить многое. Итакъ, смѣемъ думать, что индуктивный методъ, исключительно употребляемый большею частью физиологовъ, можетъ получить значительную помощь не только отъ дедуктивнаго метода, но и отъ социологическаго.

ПРОСХОЖДЕНІЕ И ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ МУЗЫКИ.

Когда барбоска, стоя на цѣпи у своей конуры, видитъ издали своего хозяина, легкое движеніе хвоста барбоски означаетъ слабую надежду быть скоро снушеннымъ. Болѣе опредѣленные взмахи хвоста, переходящіе постепенно въ извилистыя боковыя движенія всего тѣла, сопровождаютъ приближеніе хозяина. Когда барбоску берутъ за ошейникъ, и онъ знаетъ, что его дѣйствительно сейчасъ спустятъ съ цѣпи, прыжки и скачки его становятся столь сильными, что разстегнуть ошейникъ бываетъ не совѣсьмъ легко. И когда наконецъ онъ чувствуетъ себя совершенно свободнымъ, радость его изливается въ скачкахъ, пируэтахъ и бѣганьи взадъ и впередъ во весь опоръ. Кошка, выпрямля хвостъ и вгибая спину подъ ласкающей рукой своей госпожи, тоже выражаетъ удовольствіе свое извѣстнымъ мускульнымъ дѣйствіемъ, точно также какъ и попугай, неуклюже танцуя на своемъ шестѣ, и канарейка, съ особенной быстротой прыгая и порхая въ клеткѣ. Подъ вліяніемъ противоположнаго чувства, животныя также проявляютъ мускульное возбужденіе. Разъяренный левъ бьетъ себя хвостомъ по бокамъ, сдвигаетъ брови, показываетъ

когти. Кошка ошетиливается; собака оскаливаетъ зубы; лошадь закидываетъ назадъ уши. Когда животное борется съ болью, мы видимъ, что между возбужденіемъ мускуловъ и возбужденіемъ чувствительныхъ нервовъ является то же отношеніе.

Мы, отличающіеся отъ низшихъ созданій болѣе сильными и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе разнообразными чувствами, являемъ также параллельные факты, еще болѣе замѣтные и еще болѣе многочисленныя. Намъ удобнѣе будетъ рассмотретьъ ихъ по группамъ. Мы найдемъ, что пріятныя ощущенія и болѣзненные ощущенія, пріятныя волненія и тягостныя волненія всѣ стремятся произвести дѣятельныя проявленія, сообразно своей силѣ.

Дѣти и даже взрослые, не стѣсняющіеся уваженіемъ къ приличіямъ, выражаютъ пріятный вкусъ чмоканьемъ. Младенецъ смеется и прыгаетъ на рукахъ вѣни при видѣ чего-нибудь блестящаго или слыша новый звукъ. Многіе любятъ означать тактъ головой или отбивать его ногами, слушая музыку, особенно нравящуюся имъ. Въ впечатлительномъ человѣкѣ пріятный запахъ производитъ улыбку; улыбки же видны и на лицахъ толпы, смотрящей на блистательный фейерверкъ. Даже пріятное ощущеніе тепла, чувствуемое при приближеніи къ огню послѣ выдержанной зимней бури, точно также выразится на лицѣ.

Болѣзненные ощущенія, будучи по большей части гораздо сильнѣе, нежели пріятныя, причаляютъ мускульныя дѣйствія, гораздо болѣе опредѣленныя. Внезапная острая боль заставляетъ судорожно вздрогнуть все тѣло. Менѣе сильная, но постоянная боль сопровождается нахмуренными бровями, стиснутыми зубами, кусаніемъ губъ и вообще искривленными чертами лица. Подъ вліяніемъ постоянной и болѣе сильной боли присоединяются еще другія мускульныя дѣйствія; тѣло качается взадъ и впередъ; руки стискиваютъ все, что имъ попадется; и если страданія еще болѣе усиливаются, страдающій судорожно катается по полу.

Естественный языкъ пріятныхъ волненій (*), хотя и болѣе раз-

(*) Въ подлинникѣ этой статьи часто употребляется выраженіе «emotional language», «language of emotion». Слово «emotion» неудовлетворительно передается словомъ «волненіе», потому что Спенсеръ

нообразный, подходит под то же самое обобщение. Улыбка, самое обыкновенное изъяснение удовлетвореннаго чувства, есть сокращение известных лицевыхъ мускуловъ; и когда улыбка разрастается до смѣха, мы видимъ болѣе сильное и болѣе общее мускульное возбужденіе, произведенное болѣе глубокимъ удовольствіемъ. Потираніе руками и то движеніе, которое Диккенсъ называетъ гдѣ-то «мытьемъ рукъ неосязаемымъ мыломъ въ невидимой водѣ», имѣютъ подобное же значеніе. Мы часто видимъ дѣтей, «прыгающихъ отъ радости». Подобное движеніе встрѣчается иногда и у взрослыхъ людей впечатлительнаго темперамента. А танцы всюду считаются свойственными возбужденному состоянію духа. Многія спеціальныя волненія проявляются спеціальными мускульными дѣйствіями. Удовольствіе, доставленное успѣхомъ, заставляетъ поднимать голову и придаетъ твердость походкѣ. Сердечное пожатіе руки обыкновенно считается выраженіемъ дружбы. Въ порывѣ любви мать прижимаетъ дитя свое къ груди, какъ будто хочетъ задушить его до-смерти. Такія же спеціальныя проявленія замѣчаются и во многихъ другихъ случаяхъ. Даже въ сияющемъ взглядѣ, съ какимъ получается хорошее извѣстіе, мы можемъ прослѣдить ту же истину; ибо это явленіе увеличившагося блеска зависитъ отъ особеннаго сокращенія мускула, поднимающаго вѣки, сокращенія, допускающаго, такимъ образомъ, паденіе большаго количества свѣта и сильнѣйшее отраженіе его отъ влажной поверхности глазаго яблока.

Тѣлесныя проявленія тагостнаго волненія столь же многочисленны и еще болѣе порывисты. Неудовольствіе выражается поднятыми бровями и сморщеннымъ лбомъ; отвращеніе вздерну-

говорить часто и объ тихихъ, грустныхъ emotions, для которыхъ слово «волненіе» (принимаящееся большей частью въ смыслъ чего-то болѣе или менѣе сильнаго, дѣятельнаго), не совсѣмъ удобно. Лучше было бы употребить выраженія: «эмоція», «языкъ эмоцій». Но такъ какъ намъ и безъ того слишкомъ часто приходится прибѣгать въ этомъ изданіи къ иностраннымъ словамъ, то мы не рѣшились ввести еще и это слово.

той губой; обида—надутыми губами. Нетерпеливый человек барабанить пальцами по столу, трясеть все быстрее и быстрее ногой, без всякой нужды мѣшает кочергой въ печкѣ или быстрыми шагами начинаетъ ходить по комнатѣ. Въ сильномъ горѣ человекъ ломаетъ руки и даже рветъ на себѣ волосы. Капризное дитя топаетъ ногами или бросается на полъ и, лежа на спинѣ, махаетъ ногами въ воздухъ; во взросломъ человекѣ гнѣвъ, проявляясь сначала въ нахмуренныхъ взглядахъ, расширенныхъ ноздряхъ, сжатыхъ губахъ, производитъ дажѣ скрежетъ зубовъ, сжиманіе кулака, удары имъ по столу и кончается иногда нападеніемъ на обидчика или опрокидываніемъ и ломаньемъ мебели. Начиная отъ слегка надутыхъ губъ, выражающихъ небольшое неудовольствіе, до бѣшеныхъ порывовъ сумасшедшаго, мы видимъ, что нравственное раздраженіе стремится излиться въ тѣлесную дѣятельность.

Итакъ всякія чувства, — ощущенія или душевныя волненія, пріятныя или тягостныя, — имѣютъ ту общую характеристическую черту, что всё они суть стимулы мускуловъ. Не забывая тѣ немногіе повидимому исключительные случаи, когда волненіе, превосходящее извѣстную степень силы, производитъ изнеможеніе, — мы можемъ поставить общимъ закономъ, что какъ въ человекѣ, такъ и въ животныхъ, есть прямая связь между чувствомъ и движеніемъ и что, притомъ, послѣднее становится порывистѣе по мѣрѣ того, какъ первое становится сильнѣе.

Еслибъ здѣсь можно было развить вопросъ научнымъ образомъ, мы могли бы прослѣдить этотъ общій законъ до начала, извѣстнаго физиологамъ за начало *отраженнаго дѣйствія*. (1) Но и оставляя это въ сторонѣ, мы видимъ, что приведенные выше примѣры оправдываютъ то обобщеніе, что умственное возбужденіе какого бы то ни было рода кончается возбужденіемъ мускуловъ, и что между тѣмъ и другимъ всегда сохраняется болѣе или менѣе постоянное отношеніе.

(1) Желающіе ближе ознакомиться съ этимъ предметомъ найдутъ его въ занимательномъ разсужденіи м-ра Александра Бэна (Bain) «*Animal Instinct et Intelligence*».

«Но какую связь имѣеть все это къ происхожденію и дѣятельностью музыки?» спрашивать читатель. Очень большую, какъ мы это сейчасъ увидимъ. Вся музыка была первоначально вокальной. Всѣ вокальные звуки производятся дѣйствіемъ извѣстныхъ мускуловъ. Эти мускулы, вмѣстѣ съ мускулами тѣла вообще, побуждаются къ сокращенію пріятными или тягостными чувствами. И поэтому-то чувства выражаются звуками такъ же, какъ и движеніями. Поэтому и барбоска одновременно лаетъ и прыгаетъ, когда его спускаютъ съ цѣни; поэтому и кошка мурлычить и выпрямляетъ хвостъ, а канарейка чирикаетъ и порхаетъ. Поэтому и разъяренный левъ реветъ, ударяя себя хвостомъ, а собака ворчитъ, оскаливая зубы. Поэтому и изувѣченное животное не только мечетъ, но и воеетъ. По той же причинѣ и въ человѣкѣ тѣлесное страданіе выражается не только судорожными движеніями, но криками и стономъ,—оттого-то въ гнѣвѣ, страхѣ, горѣ тѣлодвиженія сопровождаются вскрикиваніями и воплями; за сладкими ощущеніями слѣдуютъ восклицанія: мы слышимъ крики радости и восторженные возгласы.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь принципъ, лежащій въ основѣ всѣхъ вокальныхъ явленій, включая сюда и явленія вокальной музыки, а слѣдовательно и музыки вообще. Такъ какъ мускулы, двигающіе грудь, горло и голосовыя связки, сокращаются подобно другимъ мускуламъ пропорціонально силѣ чувства; такъ какъ всякое различное сокращеніе этихъ мускуловъ ведетъ за собой различное принаровленіе голосовыхъ органовъ, а каждое различное принаровленіе голосовыхъ органовъ производитъ перемѣну въ издаваемомъ звукѣ, — то изъ этого слѣдуетъ, что измѣненія голоса суть физиологическіе результаты измѣненія чувствъ; и слѣдовательно, всякая инфлекція или модуляція есть естественный исходъ какого-нибудь преходящаго чувства или ощущенія; и слѣдовательно, объясненія всѣхъ родовъ вокальнаго выраженія должно искать въ этомъ общемъ соотношеніи между умственнымъ и мускульнымъ возбужденіемъ. Посмотримъ, нельзя ли этимъ объяснить главныя особенности выраженія чувствъ голосомъ,—сгруппируемъ эти особенности подъ

рубриками звука, качества или тембра, діапазона, интерваловъ и быстроты переходовъ.

Между легкими и органами голоса существуетъ почти такое же отношеніе, какъ между мѣхами органа и его трубами. И какъ сила звука, издаваемого органной трубой, увеличивается сообразно силѣ дѣйствія мѣховъ, такъ, при одинаковыхъ данныхъ, сила голосоваго звука увеличивается сообразно силѣ дѣйствія легкихъ. Но выдыханіе воздуха изъ легкихъ производится посредствомъ извѣстныхъ грудныхъ и брюшныхъ мускуловъ. Сила, съ которой эти мускулы стягиваются, пропорціональна силѣ ощущаемаго чувства. Отсюда громкіе звуки окажутся въ ргіогі обыкновенными результатами сильныхъ чувствъ. Мы имѣемъ ежедневныя доказательства этого. Боль, которую мы можемъ перенести молча, если она умѣренна, вызываетъ крики становясь слишкомъ сильною. Если легкая досада заставляетъ дитя хныкать, то припадокъ гнѣва вызываетъ плачь, беспокоящій всѣхъ окружающихъ. Если голоса въ сосѣдней комнатѣ становятся необыкновенно громки, мы предполагаемъ или гнѣвъ, или удивленіе, или радость. Громкіе аплодисменты означаютъ большое одобреніе, и съ шумнымъ весельемъ мы соединяемъ идею о сильномъ удовольствіи. Начиная съ апатическаго молчанія, мы всюду находимъ, что произношеніе становится громче по мѣрѣ того, какъ ощущенія и волненія, пріятныя или тягостныя, становятся сильнѣе.

Что различныя качества голоса соотвѣтствуютъ различнымъ состояніямъ духа и что при возбужденномъ состояніи тоны бываютъ звучнѣе обыкновеннаго, это другой общій фактъ, допускающій подобное же толкованіе. Звуки обыкновеннаго разговора не бываютъ очень звонки; звуки сильнаго чувства гораздо звончѣе. При возрастаніи дурнаго настроенія голосъ пріобрѣтаетъ что-то металлическое. Обыкновенная рѣчь раздражительной женщины имѣетъ, сообразно съ ея характеромъ, пронзительное свойство, совершенно противоположное мягкости голоса, обычному признаку кротости. Звонкій смѣхъ означаетъ особенно веселый темпераментъ. Изливающаяся скорбь упо-

требляетъ звуки, подходящіе по *тембру* къ пѣнію, и, въ наиболѣе патетическихъ мѣстахъ своей рѣчи, краснорѣчивый ораторъ также впадаетъ въ тоны, болѣе вибрирующіе нежели обыкновенно. Каждый можетъ легко убѣдиться въ томъ, что звонкость голосовыхъ звуковъ можетъ быть достигнута только посредствомъ нѣкотораго особеннаго мускульнаго усилія. Если, пропнзнеса какое-нибудь слово обыкновеннымъ голосомъ, читатель захочетъ, не измѣняя діапазона или степени звучности, *сказать* это слово, онъ увидитъ, что прежде, нежели онъ будетъ въ состояніи сдѣлать это, онъ долженъ измѣнить принаровленіе голосовыхъ органовъ, для чего потребуетса извѣстное усиліе; и если онъ приложитъ пальцы къ наружной выпуклости, обозначающей верхъ гортани, то получитъ дальѣйшее доказательство того, что для изданія звучнаго тона обыкновенное положеніе органовъ должно быть измѣнено. Такимъ образомъ, въ фактъ, что тоны возбужденнаго чувства болѣе звучны, нежели тоны обыкновеннаго разговора, мы видимъ другой примѣръ связи, существующей между умственнымъ и мускульнымъ возбужденіемъ. Различный звукъ голоса въ разговорѣ, въ речитативѣ и въ пѣніи, каждый отдѣльно, подтверждають одинъ общій принципъ.

Что *диапазонъ* голоса измѣняется сообразно дѣйствию голосовыхъ мускуловъ, объ этомъ едвали нужно говорить. Всякій знаетъ, что среднія ноты, которыми всѣ говорятъ, берутся безъ малѣйшаго усилія и что для очень высокихъ или очень низкихъ нотъ требуется значительное усиліе. Возвышая или понижая голосъ противъ діапазона обыкновенной рѣчи, мы чувствуемъ увеличенное напряженіе мускуловъ, которое у обонхъ предѣловъ регистра становится положительно болѣзненнымъ. Изъ этого слѣдуетъ, по нашему общему принципу, что если равнодушіе или спокойствіе употребляетъ средніе тоны, то тоны, употребляемые въ возбужденномъ состояніи, будутъ или выше, или ниже среднихъ, и будутъ подниматься все выше и выше, или падать все ниже и ниже, по мѣрѣ того, какъ чувство будетъ становиться сильнѣе. Мы видимъ, что эта физиологическая дедукція совершенно согласна съ

дѣйствительными явленіями. Страждущій человекъ произноситъ жалобы своимъ голосомъ значительно болѣе высокаго тона, нежели обыкновенный, а страданія агоніи переходятъ въ крики или стоны, т. е. въ очень высокія или очень низкія ноты. Вопль разсерженнаго шалуна, начинаясь въ обыкновенномъ разговорномъ діапазонѣ, становится все пронзительнѣе по мѣрѣ того, какъ становится громче. Воскличаніе радости или удивленія «О!» начинается нѣсколькими тонами ниже средняго голоса и спускается все ниже. Гнѣвъ выражается въ высокіхъ тонахъ, или «злостнованіяхъ, не громкихъ, но низкихъ». Низкими же тонами выражаются и сильные упреки. Воскличаніе, подобное «берегись!», если оно драматично, т. е. если въ немъ выражается чувство, должно быть издаваемо нѣсколькими тонами ниже обыкновенныхъ. Далѣе, есть стоны порицанія, стоны ужаса, стоны раскаянія. Чрезвычайная радость и чрезвычайный страхъ тоже сопровождаются пронзительными вскрикиваніями.

Въ тѣсной связи съ діапазономъ состоятъ и *интервалы*; объясненіе ихъ ведетъ аргументацію нашу на шагъ впередъ. Если спокойная рѣчь сравнительно монотонна, то душевное волненіе употребляетъ квинты, октавы и еще большіе интервалы. Прислушаемся, какъ кто-нибудь рассказываетъ или повторяетъ вещь, не имѣющую для него интереса; мы найдемъ, что голосъ его не переходитъ далѣе двухъ или трехъ нотъ выше или ниже средней ноты, да и этотъ переходъ совершается съ большою постепенностью; дойдя же до какого-нибудь происшествія, возбуждающаго интересъ, рассказчикъ употребляетъ не только высшія или низшія ноты своего регистра, но переходитъ отъ одной къ другой большими скачками. По невозможности передать печатно эти черты чувства, мы находимся въ нѣкоторомъ затрудненіи относительно вѣрнаго представленія ихъ читателю. Но мы можемъ вызвать нѣкоторыя воспоминанія, которыя, въ свою очередь, могутъ привести на память и другія. Когда два человека, живущіе въ одномъ мѣстѣ и часто выдающиеся между собой, встрѣтятся, положимъ, въ публичномъ собраніи,—всякая фраза, съ которой одинъ подойдетъ къ другому, какъ напримѣръ: «Аа! вы здѣсь?» будетъ произнесена съ обыкновенной интонаціей. Но

если одинъ изъ нихъ неожиданно возвратится послѣ долгаго отсутствія, то выраженіе удивленія, съ какимъ привѣтствуетъ его другъ: «Аа! какъ вы сюда попали?»—будетъ произнесено въ значительно отличномъ тонѣ. Два слога слова: «Аа!» будутъ одинъ гораздо выше, другой гораздо ниже, чѣмъ прежде; остальная часть фразы будетъ также подниматься и опускаться большими ступенями. Если напримѣръ хозяйка дома, предполагая, что служанка ея находится въ сосѣдней комнатѣ, зоветъ ее: «Мери!»—то два слога этого имени будутъ произнесены въ интервалѣ восходящей терціи. Если Мери не отвѣчаетъ, то зовъ повторится втроемъ въ нисходящей квинтѣ, заключая въ себѣ легкое неудовольствіе на невниманіе Мери. Если Мери все-еще не отвѣчаетъ, то возрастающее неудовольствіе выскажется, при повтореніи зова, въ употребленіи нисходящей октавы. Предположимъ, что молчаніе продолжается, тогда госпожа, если она не очень ровнаго характера, выразитъ раздраженіе свое на кажущееся ей преднамѣреннымъ невниманіе Мери тѣмъ, что станетъ звать ее наконецъ въ тонахъ еще болѣе противоположныхъ,—произнося первый слогъ все выше, а послѣдній все ниже противъ прежняго. Эти и подобные имъ факты, которые читатель легко подберетъ, очевидно подчиняются указанному закону: ибо для произведенія болѣшихъ интерваловъ требуется больше мускульнаго дѣйствія, нежели для произведенія малыхъ. Но не только *размѣръ* голосовыхъ интерваловъ является тутъ въ зависимости отъ отношенія между нервнымъ и мускульнымъ возбужденіемъ, но и *направленіе* интерваловъ — восходящее или нисходящее — является въ той же зависимости. Такъ какъ среднія ноты не требуютъ почти никакого усиленнаго мускульнаго приспособленія и такъ какъ усиліе возрастаетъ, по мѣрѣ того, какъ поднимается или опускается голосъ; то изъ этого слѣдуетъ, что уклоненіе отъ среднихъ нотъ въ какомъ-либо направленіи будетъ означать возрастающее душевное волненіе; между тѣмъ какъ возвращеніе къ среднимъ тонамъ будетъ обозначать уменьшающееся душевное волненіе. Приводить тутъ примѣры изъ цѣлыхъ фразъ было бы не совсѣмъ безопасно, такъ какъ способъ выраженія измѣ-

няется сообразно силѣ чувства, которое читатель представляетъ себѣ. Относительно же отдѣльныхъ словъ встрѣчается меньше затрудненій. Такъ напримѣръ, слово «неужели!», съ которымъ принимается какой-нибудь изумительный фактъ, по большей части начинается съ средней ноты голоса и возвышается со вторымъ слогомъ; или, если съ удивленіемъ смѣшано и неодобреніе, то первый слогъ будетъ ниже средней ноты, а второй еще ниже. Напротивъ, слово «Увы!», означающее не возрастаніе, а ослабленіе пароксизма горести, произносится голосомъ нисходящимъ къ средней нотѣ, или, если первый слогъ взять въ нижней части регистра, то второй восходитъ къ средней нотѣ. Въ «О-охъ!», выражающемъ нравственное и мускульное изнеможеніе, мы можемъ замѣтить ту же истину, и если удареніе, свойственное этому восклицанію, будетъ переставлено въ обратномъ порядкѣ, нелѣпость эффекта ясно покажетъ, въ какой степени значеніе интерваловъ зависитъ отъ правила, поясненнаго нами.

Намъ остается упомянуть еще объ одной характеристической чертѣ рѣчи волненія: объ *измѣнчивости діапазона*. Здѣсь почти невозможно представить надлежащія идеи объ этомъ, болѣе сложномъ явленіи. Мы должны удовольствоваться простымъ обозначеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ, въ которыхъ его можно замѣтить. Въ дружескомъ обществѣ, напримѣръ, при появленіи желанныхъ гостей, во всѣхъ голосахъ происходятъ измѣненія діапазона, не только болѣе значительныя, но и болѣе многочисленныя противъ обыкновеннаго. Если на публичномъ митингѣ, оратора прерветъ какая-нибудь ссора между тѣми, къ кому онъ обращается, то его сравнительно ровные тоны станутъ въ рѣзкую противоположность съ быстро измѣняющимися тонами спорящихъ. Эта особенность выступаетъ еще опредѣленнѣе у дѣтей, чувства которыхъ менѣе стѣснены, нежели чувства взрослыхъ. При ссорѣ или перебранкѣ двухъ вспыльчивыхъ дѣвочекъ, голоса ихъ пробѣгаютъ гамму съ одного конца до другаго по нѣсколько разъ въ каждой фразѣ. Въ подобныхъ случаяхъ мы опять встрѣчаемъ тотъ же законъ: потому что мускульное возбужденіе выказывается тутъ не-

только въ силѣ сокращенія мускуловъ, но и въ быстротѣ, съ какой мускульныя приспособленія слѣдуютъ одно за другимъ.

Такимъ образомъ мы находимъ, что всѣ главныя голосовыя явленія имѣютъ физиологическое основаніе. Всѣ они суть выраженія того общаго закона, что чувство есть возбудитель мускульнаго дѣйствія — закона, съ которымъ соображается всякая экономія, не только въ человѣкѣ, но и во всякомъ чувствующемъ созданіи, и, слѣдовательно, закона, глубоко лежащаго въ природѣ животной организаціи. Поэтому, выразительность различныхъ измѣненій голоса есть явленіе врожденное. Каждый изъ насъ, начиная съ младенчества, самопроизвольно являлъ эту выразительность, находясь подъ вліяніемъ различныхъ ощущеній и душевныхъ волненій, порождающихъ перемѣны голоса. Сознавая извѣстныя чувства и слыша въ тоже время нами же самими издаваемые звуки, сопровождающіе эти чувства, мы усвоиваемъ себѣ опредѣленную связь между извѣстнымъ звукомъ и чувствомъ, вызвавшимъ его. Когда подобный же звукъ изданъ кѣмъ-либо другимъ, мы приписываемъ этому лицу подобное же чувство, и, путемъ дальнѣйшаго развитія слѣдствій, возбуждаемъ его въ нѣкоторой степени и въ себѣ; ибо сознать чувство, испытываемое кѣмъ-либо другимъ, значитъ вызвать это чувство въ нашемъ собственномъ сознаніи, а это — тоже, что испытывать это чувство. Такимъ образомъ, различныя измѣненія голоса становятся не только языкомъ, посредствомъ котораго мы понимаемъ волненія другихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и средствомъ къ возбужденію нашего сочувствія къ подобнымъ волненіямъ.

Не имѣемъ ли мы здѣсь достаточныхъ данныхъ для теоріи музыки? Эти особенности голоса, означающія возбужденное чувство, суть *тѣ самыя, которыя главнымъ образомъ отличаютъ пѣніе отъ обыкновенной рѣчи*. Каждое изъ измѣненій голоса, признанное нами физиологическимъ результатомъ боли или удовольствія, *доведено до крайняго своего предѣла въ вокальной музыкѣ*. Мы видѣли, напримѣръ, что въ силу общаго отношенія между умственнымъ и мускульнымъ возбужденіемъ, одной изъ характеристическихъ чертъ страстнаго выраженія, является *сила зву-*

ка. Сравнительно большая сила звука есть одинъ изъ отличительныхъ признаковъ пѣнія, противопоставленнаго обыкновенной рѣчи; и притомъ, *промки* (*forte*) пассажи аріи суть тѣ, которыя должны выражать восхожденіе душевнаго волненія. Далѣе мы видѣли, что тоны, въ которыхъ выражается это волненіе, имѣютъ, сообразно съ тѣмъ же закономъ, болѣе звучный *тембръ*, нежели тоны спокойнаго разговора. Высшая степень этой особенности проявляется также въ пѣніи, потому что спѣтый тонъ есть самый звучный, какой только мы можемъ издавать. Еще далѣе, мы показали, что умственное возбужденіе изливается въ высшихъ или низшихъ нотахъ регистра, — только изрѣдка употребляя среднія ноты. И едвали нужно говорить, что вокальная музыка отличается именно сравнительнымъ отсутствіемъ тѣхъ нотъ, которыми мы говоримъ, и обычнымъ употребленіемъ болѣе высокихъ или болѣе низкихъ нотъ, и что, сверхъ того, самые страстные ея эффекты обыкновенно вызываются у двухъ концовъ гаммы, особенно же у верхняго. Новая черта сильнаго чувства, объясняемая тѣмъ же, состояла въ употребленіи большихъ интерваловъ, чѣмъ въ обыкновенномъ разговорѣ. Эту черту каждая арія или баллада доводятъ за предѣлы естественнаго выраженія душевнаго волненія: прибавимъ еще, что направленіе этихъ интерваловъ, которое относительно удаленія или приближенія его къ среднимъ тонамъ представило намъ физиологическое выраженіе возрастающаго или уменьшающагося волненія, имѣеть подобное же значеніе и въ музыкѣ. Мы указали еще, что не только крайнія, но и быстрыя измѣненія діапазона характеризуютъ умственное возбужденіе, — и въ быстрыхъ измѣненіяхъ мелодіи мы видимъ, что пѣніе доводитъ и эту черту такъ же далеко, если не дальше. Такимъ образомъ, по отношенію къ *силѣ [звука, къ тембру, діапазону, интерваламъ и быстротѣ переходовъ]*, пѣніе употребляетъ и преувеличиваетъ естественный языкъ душевнаго волненія: оно возникаетъ изъ систематическаго сочетанія тѣхъ особенностей голоса, которыя суть физиологическія послѣдствія живой радости или живыхъ страданій.

Кромѣ этихъ главныхъ характеристическихъ чертъ пѣнія, от-

личающихъ его отъ обыкновенной рѣчи, есть еще нѣкоторыя другія, не столь важныя, но которыя одинаково объясняются, какъ зависящія отъ соотношенія между умственнымъ и мускульнымъ возбужденіемъ; и прежде, чѣмъ идти далѣе, мы должны упомянуть о нихъ вкратцѣ. Такъ напримѣръ извѣстныя страсти, а можетъ быть и всякія страсти, доведенныя до крайности, производятъ (вѣроятно путемъ вліянія ихъ на дѣятельность сердца) дѣйствіе, противоположное тому, которое мы описали: онѣ причиняютъ физическое изнеможеніе, одинъ изъ симптомовъ котораго — расслабленіе мускуловъ и зависящее отъ него дрожаніе тѣла. Бываетъ дрожаніе гнѣва, страха, надежды, радости; и такъ какъ это равно отражается и на голосовыхъ мускулахъ, то и голосъ становится дрожащимъ. Въ пѣніи, это дрожаніе голоса съ большимъ эффектомъ употребляется нѣкоторыми вокалистами въ очень патетическихъ пассажахъ; иногда даже, ради этого эффекта, оно употребляется неумѣстно часто, какъ напр. Тамберликомъ. Далѣе, есть одинъ способъ музыкальнаго исполненія, извѣстный подъ названіемъ *staccato*, свойственный энергическимъ пассажамъ, пассажамъ, выражающимъ веселость, рѣшительность, увѣренность. Дѣйствіе голосовыхъ мускуловъ, производящихъ этотъ отрывистый стиль, тождественно съ мускульнымъ дѣйствіемъ, производящимъ рѣзкія, рѣшительныя, энергическія тѣлодвиженія, означающія соответственное состояніе духа; поэтому-то стиль *staccato* и имѣетъ тотъ смыслъ, который мы обыкновенно ему приписываемъ. Связные интервалы выражаютъ, напротивъ того, болѣе мягкія и менѣе дѣятельныя чувства; и это потому, что они предполагаютъ меньшую мускульную живость, зависящую отъ болѣе слабой умственной энергіи. Различіе эффектовъ, происходящее отъ различія *темпа* въ музыкѣ, также можетъ быть приписано тому же закону. Мы уже указывали, что учащенные измѣненія діапазона, обыкновенно вызываемыя дѣйствіемъ страсти, подражаются и развиваются въ пѣніи; здѣсь надо еще прибавить, что различныя степени быстроты этихъ измѣненій, свойственныя различнымъ музыкальнымъ стилямъ, суть дальнѣйшія черты, излюющія то же происхожденіе. Самыя медленныя движенія, *largo* и *adagio*, употребляются тамъ, гдѣ нужно

изобразить такое унылое волненіе, какъ напримѣръ скорбь, или такое спокойное, какъ напримѣръ почтеніе; между тѣмъ какъ болѣе быстрыя движенія *andante*, *allegro*, *presto*, представляютъ постепенно возрастающія степени умственной живости, — и это потому, что они предполагаютъ мускульную дѣятельность, простирающуюся отъ этой умственной живости. Даже и *ритмъ*, составляющій послѣднее различіе между пѣніемъ и рѣчью, вѣроятно происходитъ отъ сродной же причины. Почему именно дѣйствія, возбужденныя сильнымъ чувствомъ, стремятся къ ритмичности это не совсѣмъ ясно, но что оно дѣйствительно такъ — на это мы имѣемъ различныя доказательства, напримѣръ: качаніе тѣла взадъ и впередъ, подъ вліяніемъ боли и гора, трясеніе ноги въ нетерпѣніи или безпокойствѣ. Танцы представляютъ также ритмическое дѣйствіе, свойственное возбужденному чувству. Что рѣчь подъ вліяніемъ возбужденія пріобрѣтаетъ извѣстную размѣрность, это мы можемъ иногда замѣтить въ высшихъ усиліяхъ оратора. Въ поэзіи, той формѣ рѣчи, которая употребляется для лучшаго выраженія идей возненія, мы видимъ развитіе этого ритмическаго стремленія. Помня, что танцы, поэзія и музыка сродны между собой и были первоначально составными частями одной и той же вещи, намъ станетъ ясно, что размѣренное движеніе, общее всѣмъ имъ, предполагаетъ ритмическое дѣйствіе цѣлой системы, включая сюда и голосовой *снарядъ*, и что такимъ образомъ ритмъ въ музыкѣ есть болѣе уточненный и сложный результатъ этого отношенія между умственнымъ и мускульнымъ возбужденіемъ.

Но пора кончить этотъ анализъ, доведенный нами быть можетъ уже слишкомъ далеко. Не должно ожидать, чтобы еще болѣе спеціальныя особенности музыкальнаго выраженія могли быть положительно объяснены. Хотя, вѣроятно, всѣ они, въ извѣстной степени, соотносятся съ началомъ, проведеннымъ здѣсь, очевидно все-таки, что прослѣдить этотъ принципъ въ его болѣе развѣтвленныхъ примѣненіяхъ — невозможно. Притомъ же это и излишне для нашей аргументаціи. Предыдущіе факты достаточно показали, что то, что мы считаемъ отличительными чертами пѣнія, представляетъ просто свойства взволнованной рѣчи,

усиленные и приведенныя въ систему. Относительно общей характеристики мы, надѣемся, ясно показали, что вокальная музыка, а слѣдовательно и всякая музыка, есть идеализація естественнаго языка страсти.

Скудныя доказательства, представляемая исторіей, подтверждають до извѣстной степени это заключеніе. Обратимъ прежде всего вниманіе на тотъ (хотя собственно не историческій, но состоящій въ близкой связи съ историческими) фактъ, что плясовое пѣніе дикихъ племенъ весьма монотонно, и, въ силу этой монотонности, оно гораздо ближе стоитъ къ обыкновенной рѣчи, нежели пѣсни образованныхъ расъ. Прибавивъ къ этому фактъ, что между лодочниками и нѣкоторыми другими сословными группами на востокѣ доселѣ существуютъ старинныя напѣвы подобнаго же монотоннаго характера. Это даетъ намъ возможность заключить, что вокальная музыка первоначально уклонялась отъ возбужденной рѣчи весьма постепеннымъ, незамѣтнымъ образомъ; а на такой выводъ указываетъ и наша аргументація. Дальнѣйшія доказательства того же самаго представляетъ греческая исторія. Древнѣйшія поэмы грековъ (состоявшія — надо помнить — изъ священныхъ легендъ, излагавшихся тѣмъ ритмическимъ, метафорическимъ языкомъ, который возбуждается сильнымъ чувствомъ) — не повѣствовались, а пѣлись: тоны и ударенія становились музыкальными вслѣдствіе тѣхъ же вліяній, которыя дѣлали и рѣчь поэтической. Люди, подробно изслѣдовавшіе этотъ вопросъ, полагаютъ, что это пѣніе было не тѣмъ, что мы теперь называемъ пѣніемъ, а чѣмъ-то близкимъ къ нашему речитативу (даже гораздо проще его, если судить по тому факту, что на древней лирѣ грековъ, имѣвшей только *четыре* струны, играли въ *унисонѣ* съ голосомъ, который поэтому былъ ограниченъ четырьмя нотами), и что, слѣдовательно, это пѣніе было менѣе удалено отъ обыкновенной рѣчи, нежели нынѣшнее пѣніе: потому что речитативъ, или музыкальное повѣствованіе, представляетъ во всѣхъ отношеніяхъ переходъ отъ рѣчи къ пѣнію. Общіе его эффекты не такъ *громки*, какъ эффекты пѣнія. Его тоны не такъ звучны въ *тембрѣ*, какъ тоны пѣнія. Обыкновенно ояъ

не отклоняется такъ далеко отъ среднихъ нотъ,—не употребляетъ такихъ высокихъ или такихъ низкихъ нотъ въ *диапазонъ*. Свойственные ему *интервалы* не бываютъ ни такъ велики, ни такъ разнообразны. *Быстрота переходовъ* не такъ значительна. И въ то же время какъ главный *ритмъ* его менѣе опредѣленъ, въ немъ нѣтъ второстепеннаго ритма, производимаго повтореніемъ тѣхъ же самыхъ или параллельныхъ музыкальных фразъ, что составляетъ одну изъ характеристическихъ чертъ пѣсни. Такимъ образомъ, мы не только можемъ заключить—основываясь на доказательствахъ, представляемыхъ доселѣ существующими дикими племенами—что вокальная музыка до-историческихъ временъ была рѣчью волненія, слегка только возбужденной; но мы еще видимъ, что древнѣйшая вокальная музыка, о которой мы имѣемъ какое-либо извѣстіе, отличалась отъ рѣчи волненія гораздо менѣе, чѣмъ музыка нашихъ временъ.

Что речитативъ, даждь котораго, между прочимъ, китайцы и индусы, кажется, никогда не заходили, естественно возникъ изъ модуляцій и удареній (*cadence*) при возбужденіи сильнаго чувства,—этому мы имѣемъ очевидныя доказательства. Доказательства эти встрѣчаются и въ настоящее время въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ сильное чувство изливается въ эту форму. Всякій, кто присутствовалъ когда-нибудь на митингѣ квакеровъ и слышалъ воззваніе къ нимъ какого-либо изъ ихъ проповѣдниковъ (которые имѣютъ обыкновеніе говорить не иначе, какъ подъ вліяніемъ религіознаго возбужденія), тотъ вѣроятно былъ пораженъ совершенно необыкновенными тонами, подобными тонамъ сдержаннаго пѣнія, въ которыхъ воззваніе это было произнесено. Ясно также, что интонація, принятая въ некоторыхъ церквяхъ, должна выражать подобное же состояніе духа, и усвоена вслѣдствіе инстинктивно чувствуемой сообразности ея съ сокрушеніемъ, мольбой или почитаніемъ, выражающимися въ словахъ.

Если же, какъ мы имѣемъ основаніе полагать, речитативъ постепенно возникъ изъ взволнованной рѣчи, то становится очевиднымъ, что, путемъ дальнѣйшаго развитія этого процесса, пѣніе возникло изъ речитатива. Подобно тому, какъ изъ рассказовъ и легендъ дикихъ, выраженныхъ въ свойственномъ имъ метафорическомъ,

аллегорическомъ стилѣ, возникла эпическая поэзія, изъ которой впоследствии развилась лирическая; такъ изъ возбужденныхъ тоновъ и удареній голоса, какими произносились эти рассказы и легенды, произошло пѣніе или речитативная музыка, изъ которой выросла позднѣе лирическая музыка. И не только генезисъ ихъ былъ такимъ образомъ одновремененъ и параллеленъ, но и результаты таковы же,—ибо лирическая поэзія отличается отъ эпической точно такъ же, какъ лирическая музыка отличается отъ речитатива: и та и другая придаютъ бѣльшую силу естественному языку душевнаго волненія. Лирическая поэзія болѣе метафорична, болѣе гиперболична, болѣе эллиптична и къ ритму стоить прибавлять еще ритмъ строкъ; точно такъ и лирическая музыка громче, звучнѣе, допускаетъ бѣльшіе интервалы и къ ритму тактовъ прибавляетъ ритмъ фразъ. Притомъ, извѣстный фактъ, что сильныя страсти развили изъ эпической поэзіи лирическую, какъ свойственный имъ проводникъ,—подтверждаетъ заключеніе, что онѣ подобнымъ же образомъ развили и лирическую музыку изъ речитатива.

Мы не лишены, впрочемъ, и доказательствъ этого перехода. Нужно только прислушаться къ какой-нибудь оперѣ, чтобы уловить главнѣйшія ея градаціи. Между сравнительно-ровнымъ речитативомъ обыкновеннаго разговора, болѣе разнообразнымъ речитативомъ съ бѣльшими интервалами и высшими тонами, употребляемымъ въ патетическихъ сценахъ, еще болѣе музыкальнымъ речитативомъ, служащимъ прелюдіей аріи, и самой аріей,—степени послѣдовательности не велики; и фактъ, что и между аріями можно прослѣдить градаціи подобнаго же рода, еще болѣе подтверждаетъ заключеніе, что высшая форма вокальной музыки была достигнута не вдругъ, а постепенно.

Кромѣ того, мы имѣемъ нѣкоторый ключъ къ тѣмъ вліяніямъ, которыя породили это развитіе, и можемъ въ общихъ чертахъ понять и процессъ этого развитія. Такъ какъ тоны, интервалы и ударенія сильнаго душевнаго волненія составили тѣ элементы, изъ которыхъ выработалось пѣніе; то мы можемъ думать, что еще болѣе сильное волненіе произвело и разработку ихъ: и мы имѣемъ свидѣтельства, доказывающія это. Можно привести

множество примѣровъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что музыкальные композиторы были люди чрезвычайно сильной впечатлительности. Жизнеописание Моцарта представляетъ его человекомъ съ глубокими и дѣтельными страстями и темпераментомъ въ высшей степени впечатлительнымъ. Различные анекдоты описываютъ Бетховена весьма раздражительнымъ и весьма страстнымъ. Званіе Мендельсона говорятъ о немъ, какъ о человѣкѣ полномъ возвышеннаго чувства. А почти невѣроятная чувствительность Шопена разсказана въ запискахъ Жоржъ Санда. Итакъ, если необыкновенно впечатлительная натура составляетъ общую характеристическую черту музыкальныхъ композиторовъ, то мы имѣемъ въ ней именно того дѣателя, который необходимъ для развитія речитатива и пѣнія. Такъ какъ болѣе глубокое чувство производитъ и болѣе глубокія проявленія, то всякая причина возбужденія вызоветъ изъ подобной природы болѣе рѣзкіе тоны и измѣненія голоса, нежели изъ обыкновенной природы, — породитъ именно тѣ преувеличенія, которыя, какъ мы видѣли, отличаютъ низшую вокальную музыку отъ возбужденной рѣчи и высшую вокальную музыку — отъ низшей. Поэтому можно предположить, что четырехтонный речитативъ древнихъ греческихъ поэтовъ (подобно всѣмъ поэтамъ, близко стоящихъ къ музыкальнымъ композиторамъ относительно сравнительно-большой силы чувства) былъ дѣйствительно ни чѣмъ инымъ, какъ слегка преувеличенной рѣчью волненія, свойственной имъ и, путемъ частаго употребленія, достигнувшей организованной формы. И легко можно понять, какъ, накопившейся дѣтельности цѣлаго ряда поэтовъ-музыкантовъ, наслѣдовавшихъ произведенія своихъ предшественниковъ и добавлявшихъ ихъ, — достаточно было для развитія, какъ это намъ извѣстно, въ теченіе десяти столѣтій, четырехтоннаго речитатива до вокальной музыки, имѣющей регистръ въ двѣ октавы.

Такимъ образомъ мы можемъ понять не только постепенное введеніе болѣе звучныхъ тоновъ, болѣе пространнаго діапазона и болѣе большихъ интерваловъ, но также и возникновеніе болѣе большого разнообразія и болѣе сложной музыкальной выраженія. Тотъ самый страстный, полный энтузіазма темпераментъ, кото-

рый естественно заставляет музыкальнаго композитора выражать чувства, общія ему со всѣми людьми, въ большихъ интервалахъ и болѣе рѣзкихъ удареніяхъ, нежели тѣ, которые употребили бы другіе,—заставляетъ его въ тоже время выражать музыкой и такія чувства, какихъ другіе или вовсе не испытываютъ, или испытываютъ только въ слабой степени. Въ силу этой общей впечатлительности, отличающей его, онъ смотритъ съ волненіемъ на такія событія, сцены, поступки, характеры, которые на большую часть людей не производятъ почти никакого дѣйствія. Порожденные такимъ образомъ волненія, будучи составлены изъ болѣе простыхъ волненій, не могутъ быть выражены интервалами и удареніями, свойственными послѣднимъ, но требуютъ сочетанія подобныхъ интерваловъ и удареній,—отчего возникаютъ болѣе смѣшанныя музыкальныя фразы, передающія болѣе сложныя, болѣе тонкія и менѣе обыкновенныя чувства. И такимъ образомъ мы можемъ въ нѣкоторой мѣрѣ понять, почему музыка не только возбуждаетъ такъ сильно наши обычныя чувства, но и производитъ чувства, которыхъ мы прежде никогда не знали,—пробуждаетъ дремавшія ощущенія, о возможности и значеніи которыхъ мы никогда не имѣли понятія, или, какъ говорить Рихтеръ, повѣствуетъ намъ о вещахъ, которыхъ мы не видѣли и которыхъ никогда не увидимъ.

Намъ остается еще указать вкратцѣ на косвенныя свидетельства различныхъ родовъ. Одно изъ нихъ, это трудность—чтобъ не сказать невозможность—иначе объяснить выразительность музыки. Отчего происходитъ, что особенныя сочетанія нотъ имѣютъ особенное дѣйствіе на наши ощущенія?—что одно производитъ чувство веселья, другое—чувство меланхоліи?—что одно возбуждаетъ чувство любви, другое—чувство благоговѣнія? Развѣ эти особенныя сочетанія имѣютъ какія-либо внутреннія значенія, независимыя отъ человѣческой природы? или развѣ извѣстное число воздушныхъ колебаній въ секунду, за которыми слѣдуетъ другое извѣстное число ихъ, выражаетъ въ природѣ вещей скорбь, между тѣмъ какъ обратный порядокъ этихъ колебаній вы-

ражаетъ радость, развѣ такое же точно значеніе получаютъ и всѣ сочетанія интерваловъ, фразъ и удареній? Немногіе будутъ такъ неосновательны, чтобы подумать это. Или значеніе этихъ особенныхъ сочетаній только условно? можетъ быть мы познаемъ смыслъ ихъ подобно тому, какъ познаемъ смыслъ словъ—замѣчая, какъ другіе понимаютъ ихъ? Эта гипотеза не только ничѣмъ не доказывалась, но и совершенно противоположна опыту каждаго изъ насъ. Какимъ же образомъ объясняются музыкальные эффекты? Принятіе выше изложенной теоріи уничтожаетъ всякое затрудненіе. Если музыка принимаетъ какъ сырой матеріалъ различныя измѣненія голоса, составляющія физиологическіе результаты возбужденнаго чувства, придаетъ имъ большую силу, сочетаетъ ихъ и усложняетъ,—если она увеличиваетъ звучность, тембръ, діапазонъ, интервалы и быстроту переходовъ, которые, въ силу органическаго закона, составляютъ характеристическія черты страстной рѣчи,—если, развивая далѣе эти черты, съ большей силой, бѣльшимъ единствомъ и большей выдержанностью, она производитъ идеализированный языкъ, душевнаго волненія,—тогда могущество ея надъ нами понятно. Но безъ этой теоріи выразительность музыки кажется необъяснимой.

Далѣе, предпочтеніе, чувствуемое нами къ извѣстнымъ качествамъ звука, представляетъ подобное же затрудненіе, если отвергнемъ это объясненіе. Принявъ, что музыка беретъ свое начало въ модуляціяхъ человѣческаго голоса, подъ вліяніемъ душевнаго волненія, — естественнымъ послѣдствіемъ явится то, что тоны этого голоса затрогиваютъ наши чувства сильнѣе, чѣмъ какіе-либо другіе, и что такимъ образомъ мы находимъ ихъ прекраснѣе всѣхъ другихъ. Но попробуйте отрицать, что музыка имѣетъ именно это происхожденіе, — и вамъ останется только несостоятельное предположеніе, что вибраціи, исходящія изъ горла какого-нибудь пѣвца, разсматриваемыя объективно, суть вибраціи высшаго разряда, чѣмъ производимыя рожкомъ или скрипкой. Тоже надо сказать относительно рѣзкихъ и мягкихъ звуковъ. Если выводы предшествовавшаго разсужденія не будутъ приняты, то должно предположить, что вибраціи, производящія послѣдніе, существенно лучше тѣхъ, ко-

торыя производить первые, и что въ силу какой-нибудь заранѣе призванной гармоніи, высшія чувства и высшія природы производятъ одни, а низшія другіе звуки. Если же принять предшествующее разсужденіе, то изъ него необходимо будетъ слѣдовать, что намъ нравятся звуки, обыкновенно сопровождающіе пріятныя чувства, и не нравятся тѣ, которые обыкновенно сопровождаютъ непріятныя чувства.

Кромѣ того, вопросъ: какъ иначе объяснить выразительность музыки? можетъ быть дополненъ вопросомъ: какъ иначе объяснить генезисъ музыки? Что музыка есть продуктъ цивилизаціи—это очевидно: ибо, хотя дикіе и имѣютъ свои плясовые пѣнія, но они такого рода, что едвали заслуживаютъ названія музыкальных; большая часть ихъ представляетъ лишь весьма неопредѣленные зачатки того, что мы называемъ музыкой. И если музыка медленными шагами развивалась съ теченіемъ цивилизаціи, то должна же она была развиваться изъ чего-нибудь. И если происхожденіе ея не то, которое мы указали, то какое же ея происхожденіе?

Такимъ образомъ мы находимъ, что отрицательное свидѣтельство подтверждаетъ положительное и что, взятые вмѣстѣ, они представляютъ сильныя доказательства. Мы видѣли, что между чувствомъ и мускульнымъ дѣйствіемъ существуетъ физиологическое отношеніе, общее человѣку со всѣми животными; что, такъ какъ голосовые звуки производятся мускульнымъ дѣйствіемъ, то есть слѣдовательно физиологическое отношеніе между чувствомъ и голосовыми звуками; что всѣ измѣненія голоса, выражающія чувство, суть прямые результаты этого физиологическаго отношенія; что музыка, усвоивая себѣ всѣ эти измѣненія, придаетъ имъ все больше и больше силы, по мѣрѣ восхожденія своего къ высшимъ формамъ, и становится музыкой просто вслѣдствіе этого усиленія; что начиная отъ древняго эпическаго поэта, пѣвшаго свои стихи, до новѣйшаго музыкальнаго композитора, люди, обладавшіе необыкновенно сильными чувствами и способные выражать ихъ въ крайнихъ формахъ, естественно были агентами этихъ послѣдовательныхъ усиленій; и что, такимъ образомъ, мало по малу возникло значительное раз-

личіе между идеализированнымъ языкомъ душевнаго волненія и его естественнымъ языкомъ: къ этому прямому доказательству мы сейчасъ прибавили непрямое — что никакой другой, поддерживающей критику, гипотезой нельзя объяснить ни выразительность, ни генезисъ музыки.

Взглянемъ теперь, въ чемъ состоитъ *дѣятельность* музыки? Имѣетъ ли музыка какое-либо другое дѣйствіе кромѣ непосредственнаго удовольствія, доставляемаго ею? По аналогіи мы можемъ отвѣчать утвердительно. Удовольствіе хорошо пообѣдать не кончается только удовольствіемъ, но способствуетъ и тѣлесному благосостоянію. Хотя люди женятся не въ видахъ сохраненія рода, однако страсти, заставляющія ихъ жениться, обезпечиваютъ это сохраненіе. Родительская любовь есть чувство, удовлетвореніе котораго, доставляя наслажденіе родителямъ, охраняетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и существованіе дѣтей. Люди любятъ приобрѣтать собственность, часто вовсе не думая о выгодахъ, доставляемыхъ ею; но, преслѣдуя удовольствіе приобрѣтенія, они косвеннымъ образомъ открываютъ себѣ путь къ другимъ удовольствіямъ. Желаніе общественнаго одобренія побуждаетъ насъ часто дѣлать вещи, которыхъ мы не сдѣлали бы безъ этого — предпринимать великіе труды, подвергаться большимъ опасностямъ и обыкновенно управлять собой такимъ образомъ, чтобы общественныя отношенія наши уравнивались возможно болѣе; такъ что, удовлетворяя своей любви къ одобренію, мы содѣйствуемъ вмѣстѣ съ тѣмъ достиженію различныхъ послѣдующихъ цѣлей. Вообще, наша натура такова, что исполняя одно какое-нибудь желаніе свое, мы, нѣкоторымъ образомъ, облегчаемъ и исполненіе остальныхъ. Но любовь къ музыкѣ существуетъ, кажется, только ради ея самой. Наслажденія мелодіей и гармоніей не способствуютъ очевиднымъ образомъ благодѣйствию отдѣльной личности или цѣлаго общества. Но не можемъ ли мы предположить, что эта исключительность есть только кажущаяся? Не основательно ли будетъ сдѣлать вопросъ: каковы косвенныя выгоды, доставляемыя музыкой, сверхъ удовольствія, которое бываетъ ея непосредственнымъ результатомъ?

Еслибы это не слишкомъ отвлекало насъ отъ нити нашего изложенія, мы предпослали бы вопросу этому нѣсколько пространное

поясненіе извѣстнаго общаго закона прогресса, того закона, что—во всякихъ занятіяхъ, наукахъ, искусствахъ—раздѣленія, имѣвшія общій корень, но ставшія отличными, влѣдствіе непрерывнаго расхожденія, и развивавшіяся каждое отдѣльно, — не совершенно независимы одно отъ другихъ, что каждое изъ нихъ порознь дѣйствуетъ и воздѣйствуетъ одно на другое, ко взаимному ихъ развитію. Упомянувъ объ этомъ только вскользь и отсылая читателя къ различнымъ аналогіямъ, подтверждающимъ наше положеніе, мы переходимъ къ выраженію мнѣнія, что между музыкой и рѣчью существуетъ связь подобнаго рода.

Всякая рѣчь состоитъ изъ двухъ элементовъ, изъ словъ и изъ тоновъ, въ которыхъ произнесены слова, т. е. изъ знаковъ идей и изъ знаковъ чувствъ. Между тѣмъ какъ извѣстные слоги выражаютъ мысль, извѣстные голосовые звуки выражаютъ бѣольшую или меньшую степень удовольствія или непріятности, доставляемыхъ мыслью. Употребляя слово *удареніе* (*cadence*) въ самомъ пространнѣйшемъ его значеніи, обнимающемъ всѣ измѣненія голоса, мы можемъ сказать, что *оно служитъ комментариемъ душевнаго волненія къ предложеніямъ разума*. Эта двойственность разговорнаго языка, хотя и не признанная формально, тѣмъ неменѣе сознается на практикѣ каждымъ изъ насъ; каждый знаетъ, что часто тонъ имѣетъ гораздо болѣе вѣса, нежели слова. Ежедневный опытъ представляетъ случаи, когда одна и та же фраза неодобренія принимается различно, смотря по инфлекціи голоса, сопровождающей ее; тотъ же ежедневный опытъ представляетъ еще болѣе поразительные случаи, когда слова и тоны находятся въ совершенномъ разладѣ другъ съ другомъ: первыя выражаютъ, напримѣръ, согласіе, между тѣмъ какъ въ послѣднихъ выражается отрицаніе, — и послѣднимъ вѣрять болѣе, чѣмъ первымъ.

Эти два различныя, но слетенныя между собой элемента рѣчи подвергались одновременному развитію. Мы знаемъ, что съ теченіемъ цивилизаціи слова умножились, новыя части рѣчи были введены, фразы стали болѣе разнообразны и болѣе сложны; и изъ этого мы легко можемъ заключить, что въ то-

же самое время вошли въ употребленіе и новыя измѣненія голоса, были усвоены новыя интервалы, и ударенія стали болѣе выработанны. Если, съ одной стороны, недѣло утверждать, что рядомъ съ неразвитыми словесными формами время парварства существовала развитая система голосовыхъ инфлекцій; то, съ другой стороны, необходимо предположить, что, рядомъ съ высшими и многочисленнѣйшими словесными формами, потребными для передачи умножившихся и усложнившихся идей цивилизованной жизни, возникли и тѣ болѣе сложныя измѣненія голоса, которыя выражаютъ чувства, свойственныя этимъ идеямъ. Если интеллектуальный языкъ представляетъ собою процессъ возрастанія, то, безъ сомнѣнія, и языкъ душевнаго волненія представляетъ тотъ же процессъ.

Здѣсь, гипотеза, о которой мы упомянули выше, получаетъ тотъ смыслъ, что музыка, сверхъ удовольствія, доставляемаго ею, имѣетъ еще косвенныя послѣдствія въ развитіи языка душевныхъ волненій. Имѣя корень свой, какъ мы старались показать, въ тѣхъ тонахъ, интервалахъ и удареніяхъ рѣчи, которые выражаютъ чувства, — возрастая путемъ усложненія и усиленія ихъ и достигнувъ наконецъ самостоятельнаго существованія, — музыка, въ теченіе всего этого времени, имѣла реактивное вліяніе на рѣчь и увеличивала могущество ея въ передачѣ волненій. Употребленіе въ речитативѣ и пѣніи болѣе выразительныхъ инфлекцій должно было съ самаго начала стремиться къ развитію обыкновенныхъ инфлекцій рѣчи. Близкое знакомство съ разнообразными сочетаніями тоновъ, встрѣчающимися въ вокальной музыкѣ, не могло не придать бѣльшаго разнообразія сочетаніямъ тоновъ, которыми мы обыкновенно выражаемъ наши впечатлѣнія и желанія. Можно основательно предположить, что сложныя музыкальныя фразы, которыми композиторы передавали сложныя волненія, имѣли вліяніе на образованіе тѣхъ смѣшанныхъ удареній въ разговорѣ, путемъ которыхъ мы передаемъ наши болѣе утонченныя мысли и чувства. Немногіе будутъ такъ тупы, чтобы отвергать дѣйствіе музыки на умъ. Если же она имѣетъ дѣйствіе, то какое дѣйствіе можетъ быть болѣе естественнымъ, какъ не развитіе способности нашей рас-

познавать значеніе инфлекцій, качествъ и модуляцій голоса, и соотвѣтственное увеличеніе возможности ихъ употребленія? Подобно тому, какъ математика, получивъ начало свое изъ физическихъ и астрономическихъ явленій и сдѣлавшись затѣмъ отдѣльной наукой, способствовала, дальнѣйшимъ воздѣйствіемъ своимъ на физику и астрономію, неизмѣримоу ихъ усовершенствованію; какъ химія, возникнувъ сперва изъ процессовъ металлургіи и промышленныхъ искусствъ и возрастая постепенно до степени независимой науки, стала теперь содѣйствовать всякаго рода промышленнымъ производствамъ; какъ физиологія, порожденная медициной и нѣкогда подчиненная ей, но теперь изучаемая совершенно самостоятельно, является въ наше время наукой, отъ которой зависитъ прогрессъ медицины, — такъ и музыка, имѣя корень свой въ языкѣ душевнаго волненія и постепенно развиваясь изъ него, сама постоянно воздѣйствовала на него и развивала его. Всякій, кто разсмотритъ подробнѣе факты, найдетъ, что эта гипотеза вполнѣ согласуется съ законами развитія цивилизаціи, проявляющимися повсюду.

Едва ли можно ожидать, чтобы нашлось много прямыхъ свидѣтельствъ въ подтвержденіе этого вывода. Факты этой области имѣютъ такой характеръ, что измѣрить ихъ трудно, и никакихъ памятниковъ мы не имѣемъ. Однако можно привести нѣкоторыя черты, подтверждающія нашъ выводъ. Не правы ли мы будемъ, говоря, напримѣръ, что итальянцы, у которыхъ новѣйшая музыка стала развиваться равнѣе, чѣмъ гдѣ-либо, и которые преимущественно занимались мелодіей (тотъ отдѣлъ музыки, котораго главнымъ образомъ касается наша аргументація), — что итальянцы говорятъ съ болѣе разнообразными и болѣе выразительными инфлекціями и удареніями, нежели другіе народы? Съ другой стороны, не можемъ ли мы сказать, что шотландцы, ограничиваясь доселѣ почти исключительно своими національными пѣснями, которыя всѣ имѣютъ фамиліальное сходство между собой, и вращаясь поэтому въ ограниченной сферѣ музыкальнаго выраженія — что шотландцы необыкновенно монотонны въ интервалахъ и модуляціяхъ своей рѣчи? Далѣе, не встрѣчаемъ ли мы даже между различными классами одной и той же націи различій, ведущихъ къ

одинаковымъ выводамъ? Джентльменъ и клоунъ рѣзко отличаются между собой относительно разнообразія интонаціи. Прислушайтесь къ разговору служавки и къ разговору изящной, образованной дамы, и вы сейчасъ различите гораздо болѣе тонкія и болѣе сложныя измѣненія голоса, употребляемыя послѣднею. Поэтому, не отваживаясь утверждать, чтобы изъ всѣхъ различій въ образованіи высшихъ и низшихъ классовъ различіе въ музыкальномъ образованіи было то, которому единственно слѣдуетъ приписать это различіе языка, — мы все-таки справедливо можемъ сказать, что здѣсь замѣтна болѣе ясная связь между причиной и слѣдствіями, нежели въ другихъ какихъ-либо случаяхъ. Такимъ образомъ, хотя индуктивное свидѣтельство, которое представляется намъ, скудно и неопредѣленно, однако то, что есть, благопріятствуетъ нашему предположенію.

Вѣроятно, многіе подумаютъ, что указанная здѣсь дѣятельность музыки имѣетъ очень мало важности. Но дальнѣйшее размышленіе можетъ привести ихъ къ противоположному убѣжденію. Относительно вліянія музыки на человѣческое благосостояніе, мы думаемъ, что этотъ языкъ душевныхъ волненій, который музыкальное образованіе развиваетъ и утопчаетъ, по значенію своему уступаетъ только языку разума, а можетъ-быть даже и ему не уступаетъ. Измѣненія голоса, производимыя чувствомъ, служатъ средствомъ возбужденія подобныхъ же чувствъ и въ другихъ. Въ соединеніи съ тѣлодвиженіями и выраженіемъ лица, они придаютъ жизнь мертвымъ словамъ, въ которыхъ разумъ выражаетъ свои идеи; и такимъ образомъ даютъ слушателю возможность не только *понимать* то состояніе духа, которое они сопровождаютъ, но и *принимать участіе* въ немъ; короче — они суть главнѣйшіе проводники *симпатіи* (сочувствія). А если мы рассмотримъ, какъ много наше общее благосостояніе, равно какъ и наши непосредственныя удовольствія, зависятъ отъ симпатіи, мы поймемъ важность всего, что дѣлаетъ эту симпатію сильнѣе. Если мы вспомнимъ, что сочувствіе заставляетъ людей поступать другъ съ другомъ справедливо, съ лаской и уваженіемъ, — что различіе между жестокостью дикихъ и человѣколюбіемъ цивили-

зованныхъ людей происходитъ отъ усиленія сочувствія; если мы вспомнимъ, что эта способность, дѣлающая насъ участниками радостей и горя нашего ближняго, есть основаніе всѣхъ высшихъ привязанностей,—что въ дружбѣ, любви и всѣхъ домашнихъ радостяхъ оно составляетъ существенный элементъ; если вспомнимъ, въ какой значительной мѣрѣ непосредственнымъ удовольствіемъ наши увеличиваются чрезъ симпатію,—какъ въ театрѣ, концертѣ, картинной галереѣ мы теряемъ половину удовольствія, если намъ не съ кѣмъ раздѣлить его; словомъ, если мы вспомнимъ, что всей той долей удовлетворенности, которая недоступна узнику, лишенному друзей, мы обязаны этой же симпатіи,—то мы увидимъ, что едвали можно *преувеличить* значеніе дѣятельности, которая развиваетъ эту симпатію. Стремленіе цивилизаціи состоитъ въ томъ, чтобы все болѣе и болѣе подавить эгонистическіе элементы нашего характера и развить соціальныя,—чтобы ограничить наши чисто-себялюбивыя желанія и расширить безкорыстныя,—чтобы замѣнить частныя удовольствія удовольствіемъ, влекущимъ за собой счастье другихъ или происходящимъ изъ него. И между тѣмъ, какъ путемъ этого приноровленія къ общественному состоянію развивается сочувственная сторона природы нашей,—одновременно вырастаетъ и языкъ сочувственного общенія мыслей, языкъ, посредствомъ котораго мы сообщаемъ другимъ испытываемое нами счастье и сами дѣлаемся участниками ихъ счастья. Этотъ двойной процессъ, послѣдствія котораго уже довольно ясны, долженъ распространиться до такихъ предѣловъ, о которыхъ мы еще не можемъ имѣть опредѣленной идеи. Такъ какъ обычная скрытность нашихъ чувствъ должна будетъ уменьшаться, по мѣрѣ того, какъ эти чувства будутъ становиться такими, что не потребуютъ скрытности, то мы можемъ заключить, что выраженіе ихъ будетъ становиться гораздо живѣе, нежели мы можемъ вообразить себѣ теперь; а это предполагаетъ болѣе выразительный языкъ душевныхъ волненій. Въ тоже самое время, чувства высшаго и болѣе сложнаго рода, испытываемыя нынѣ только образованнымъ меньшинствомъ, станутъ общими для всѣхъ, и тогда произойдетъ соответственное развитіе языка душевныхъ волненій въ болѣе смѣшаннымъ

формы. Подобно тому, какъ тихо росъ языкъ идей, который—какъ онъ ни грубъ былъ вначалѣ—даетъ намъ теперь возможность съ точностью передавать самыя утонченныя и сложныя мысли,—такъ возрастаетъ тихо и языкъ чувства, который, несмотря на настоящее свое несовершенство, даетъ людямъ, въ окончательномъ результатѣ, возможность живо и совершенно передавать другъ другу всѣ волненія, испытываемыя ими ежеминутно.

Итакъ, если, какъ мы старались показать, дѣятельность музыки состоитъ въ облегченіи развитія этого языка душевныхъ волненій, то мы можемъ смотрѣть на музыку какъ на пособіе къ достиженію того высшаго счастья, которое она смутно рисуется. Эти смутныя чувства неизвѣданнаго блаженства, пробуждаемыя музыкой,—эти неопредѣленныя впечатлѣнія невѣдомой, идеальной жизни, вызываемыя ею, могутъ быть приняты за пророчества, орудіемъ выполненія которыхъ музыка сама отчасти служить. Странную способность нашу такъ сильно поддаваться впечатлѣніямъ мелодіи и гармоніи можно считать указаніемъ какъ на то, что возможность достиженія тѣхъ глубокихъ наслажденій, которыя онѣ смутно внушаютъ, лежитъ въ предѣлахъ нашей природы, такъ и на то, что мелодія и гармонія сами нѣкоторымъ образомъ содѣйствуютъ достиженію этихъ наслажденій. При этомъ предположеніи становятся понятны могущество и значеніе музыки; внѣ его—они тайна.

Намъ остается только прибавить, что если вѣроятіе этихъ заключеній будетъ допущено, то музыка должна занять высшее мѣсто въ ряду изящныхъ искусствъ, какъ наиболѣе содѣйствующее человѣческому благоденствію. Поэтому, опуская даже изъ виду непосредственныя наслажденія, доставляемыя музыкой ежедневно, мы не можемъ достаточно привѣтствовать тотъ прогрессъ музыкальнаго образованія, который становится одной изъ характеристическихъ чертъ нашего времени.

РАЗНЫЕ ВОПРОСЫ. (*)

I. ПОЛЬЗА И КРАСОТА.

Эмерсонъ, въ одномъ изъ своихъ опытовъ, замѣчаетъ, что то, что природа въ одно время производитъ для пользы, она обращаетъ впоследствии въ предметъ украшенія, и въ доказательство этого положенія приводитъ устройство морской раковины, у которой части, служащія одно время вмѣсто рта, въ дальнѣйшемъ періодѣ ея развитія остаются позади и принимаютъ форму красивыхъ бугорковъ и рубчиковъ.

Мнѣ часто приходило на мысль, что то же самое замѣчаніе можетъ быть распространено и на развитіе человѣчества. Здѣсь, также, предметъ пользы одной эпохи становится предметомъ украшенія для послѣдующей. Въ области учреждений, вѣрованій, обычаевъ и предразсудковъ мы точно также можемъ указать на это развитіе прекраснаго изъ того, что прежде составляло исключительно предметъ пользы.

Прежде всего намъ, естественно, представляется контрастъ между ощущеніемъ, съ которымъ мы смотримъ на необработан-

(*) Небольшія статьи эти составили нѣчто въ родъ сборника подъ общимъ заглавіемъ «*Naythorne Papers*».

ные участки земли, и ощущениемъ, съ которымъ смотрѣлъ на нихъ дикарь. Если кто-нибудь, гуляя по Нампстеад Неати, обратитъ вниманіе на то, какъ рѣзко бросается въ глаза живописность этой пустоши, вслѣдствіе контраста съ окружающими ее обработанными полями и съ множествомъ домовъ, расположенныхъ въ отдаленіи, — то онъ легко представитъ себѣ, что еслибъ это беспорядочное, покрытое бурьяномъ пространство тянулось до линіи горизонта, оно скорѣе показалось бы печальнымъ и прозаичнымъ, нежели пріятнымъ; онъ пойметъ, что подобная мѣстность вовсе не представляла никакой красоты для первобытнаго человѣка. Для него она просто была жилищемъ дикихъ животныхъ и почвой, изъ которой онъ могъ добывать себѣ корни. То, что для насъ сдѣлалось мѣстомъ отдыха и наслажденія, мѣстомъ послѣобѣденныхъ прогулокъ и собиранія цвѣтовъ, было для него мѣстомъ труда и добыванія пищи, которое вѣроятно пробуждало въ умѣ его только одно понятіе о пользѣ.

Развалины замковъ представляютъ очевидный примѣръ этого превращенія полезнаго въ прекрасное. Для феодальныхъ бароновъ и ихъ ленниковъ безопасность была главною, если не единственною цѣлью, которую они имѣли въ виду при выборѣ мѣстоположенія и стила замковъ. Они, вѣроятно, столько же заботились о красотѣ построекъ, сколько заботятся о ней строители дешевыхъ каменныхъ домовъ въ нашихъ новѣйшихъ городахъ. А между тѣмъ то, что прежде воздвигнуто было для защиты и безопасности и имѣло важное значеніе въ общественной экономіи, приняло теперь характеръ простаго украшенія. Замки эти служатъ теперь декораціями для пикниковъ; изображенія ихъ украшаютъ наши гостинныя, и каждый изъ нихъ снабжаетъ окружающую мѣстность легендами для святочныхъ разсказовъ.

Слѣдуя этимъ путемъ размысленій, мы находимъ, что не только вещественные остатки отжившихъ обществъ дѣлаются украшеніемъ нашихъ пейзажей; но и описанія костюмовъ, нравовъ и общаго домашняго строя древности служатъ украшеніемъ нашей литературы. Тираниія была тяжелою и гнетущею дѣйствительностью для рабовъ, страдавшихъ отъ нея; вооруженные раздоры были весьма реальнымъ дѣломъ жизни и смерти для тѣхъ, кто

участвовалъ въ нихъ; палисады, рвы и караулы наводили скуку на рыцарей, которыхъ они защищали; заточенія, пытки и средства спасенія отъ всего этого представляли суровую и вполне прозаическую дѣйствительность для тѣхъ, кто подвергался имъ; а намъ все это послужило матеріаломъ для романтическихъ повѣстей, матеріаломъ, который, будучи влетенъ въ «*Иванозъ*» и «*Марміону*», служить услудою въ часы досуга и становится поэтическимъ вслѣдствіе контраста съ нашей повседневной жизнью.

Совершенно тоже бываетъ и съ отжившими вѣрованіями. Глыбы камня, которыя, какъ храмъ, въ рукахъ жрецовъ имѣли нѣкогда правительственное значеніе, стали въ настоящее время служить предметомъ антикварскихъ поисковъ; а сами жрецы сдѣлались героями оперъ. Изваянія грековъ, которыя за красоту свою сохраняются въ нашихъ художественныхъ галлерейхъ и снимки съ которыхъ служатъ украшеніемъ общественныхъ мѣстъ и входовъ въ наши залы, нѣкогда считались за божества, требовавшія повиновенія; подобную же роль играли нѣкогда и тѣ чудовищныя идола, которые теперь забавляютъ посѣтителей нашихъ музеевъ.

Подобная же перемена значенія замѣчается и въ отношеніи болѣе мелкихъ суевѣрій. Волшебство, которое въ прошедшія времена было предметомъ глубокаго вѣрованія и имѣло вліяніе на народную нравственность, сдѣлалось впослѣдствіи матеріаломъ для украшеній «*Сна въ лѣтнюю ночь*», «*Бури*», «*Волшебной королевы*» и множества другихъ мелкихъ разсказовъ и поэмъ; оно даже и до сихъ поръ представляетъ сюжеты для дѣтскихъ сказокъ, балетовъ и пр. Подземные духи, гешимъ и чудовища не страшатъ уже насъ, и сдѣлались предметомъ остроумныхъ гравюръ въ иллюстрированномъ изданіи «*Арабскихъ Ночей*». Между тѣмъ, повѣсти о привидѣніяхъ и разсказы о волшебствѣ и чародѣйствѣ, забавляя дѣтей въ часы досуга, въ тоже время даютъ поводъ къ шуточнымъ намекамъ, оживляющимъ нашъ разговоръ за чайнымъ столомъ.

Даже наша серьезная литература и наши парламентскія рѣчи нерѣдко пользуются украшеніями, взятыми изъ подобныхъ источниковъ. Чтобы избѣгнуть монотонности при изложеніи какой-

нибудь серьезной аргументации, часто приводится в параллель греческий миф. Профессоръ прерываетъ мертвенное однообразие своей практической рѣчи объясненіями, взятыми изъ древнихъ обычаявъ, происшествій или вѣрованій. Подобныя же метафоры придаютъ блескъ политическимъ разсужденіямъ и передовымъ статьямъ «*Times'a*».

Мнѣ кажется, что внимательное изслѣдованіе показало бы, что мы обращаемъ въ предметы украшеній большей частью тѣ явленія прошедшаго, которыя наиболѣе замѣчательны. Бюсты великихъ людей, стоящіе въ нашихъ библіотекахъ, и ихъ гробницы—въ нашихъ церквахъ; предметы, нѣкогда бывшіе полезными, а теперь сдѣлавшіеся геральдическимъ символомъ; монахи, монахини и монастыри, украшающіе извѣстнаго рода разсказы; средневѣковые воины, вылитые изъ бронзы и украшающіе наши гостинныя; золотой Аполлонъ на столовыхъ часахъ; повѣствованія, служащія завязкой для нашихъ великихъ драмъ, и происшествія, дающія сюжеты для исторической живописи,—всѣ безчисленные примѣры превращенія полезнаго въ прекрасное, положительно убѣждаютъ насъ, что почти каждый въ какомъ-либо отношеніи замѣчательный продуктъ прошедшаго принималъ декоративный характеръ.

Заговоривъ здѣсь объ исторической живописи, мнѣ пришло въ голову, что изъ этихъ соображеній можно сдѣлать нѣкоторый выводъ относительно выбора сюжетовъ въ этомъ искусствѣ. Въ послѣдніе годы часто порицали нашихъ историческихъ живописцевъ за то, что они выбирали свои сюжеты изъ исторіи прошедшихъ временъ; говорили, что они положили бы начало оригинальной и жизненной школѣ, еслибы передавали на холстѣ жизнь, дѣла и стремленія своего времени. Но если предъидущіе факты имѣютъ какое-нибудь значеніе, то едвали это порицаніе справедливо. Если процессъ вещей дѣйствительно таковъ, что то, что имѣло нѣкоторое практическое значеніе въ обществѣ въ теченіе одной эпохи, становится предметомъ украшенія въ послѣдующей, — можно до извѣстной степени вѣрно заключить, что то, что имѣетъ какое-нибудь практическое значеніе въ настоящее время или имѣло такое значеніе въ очень

недавнее время, не может получить характера украшенія и следовательно не будет приложимо къ цѣлямъ искусства.

Это заключеніе окажется еще основательнѣе, если мы рассмотримъ самое свойство процесса, по которому полезное превращается въ украшающее. Существенное предварительное условіе всякой красоты есть *контрастъ*. Для того, чтобы получить художественный эффектъ, свѣтъ долженъ быть располагаемъ рядомъ съ тѣнью, яркіе цвѣта—съ мрачными, выпуклыя поверхности — съ плоскими. Громкіе переходы въ музыкѣ должны сѣняться и разнообразиться тихими, а хоровыя пьесы—соло; богатые звуки не должны быть постоянно повторяемы. Въ драмѣ мы требуемъ разнообразія въ характерахъ, положеніяхъ, чувствахъ и стилѣ. Въ прозаическомъ сочиненіи краснорѣчивое мѣсто должно имѣть сравнительно—простую обстановку; въ поэмахъ достигается значительный эффектъ измѣненіемъ характера стихосложенія. Миѣ кажется, что этотъ общій принципъ объяснить, почему полезное прошлаго превращается въ прекрасное настоящаго. Только по причинѣ своего контраста съ нашимъ настоящимъ образомъ жизни, кажется намъ интереснымъ и романтическимъ образъ жизни прошедшаго. Точно также и шкиникъ, который на минуту возвращаетъ насъ къ первобытному состоянію, получаетъ для насъ вѣчто поэтическое, чего онъ не имѣлъ бы, еслибъ обстановка его была обыкновеннымъ дѣломъ; такимъ образомъ, все древнее становится интереснымъ по относительной новизнѣ своей для насъ. По мѣрѣ того, какъ вмѣстѣ съ развитіемъ общества мы постепенно удаляемся отъ привычекъ, нравовъ, домашняго строя жизни и всѣхъ матеріальныхъ и умственныхъ продуктовъ прошедшаго вѣка, и по мѣрѣ того, какъ удаленіе наше возрастаетъ,—все это начинаетъ постепенно принимать для насъ поэтической характеръ и получать значеніе украшенія. Поэтому, вещи и происшествія близкія къ намъ, влекуція за собой сцѣпленіе идей, которыя не представляютъ значительнаго контраста съ нашими ежедневными представленіями, являются относительно невыгоднымъ сюжетомъ для искусства.

II. ГИПОТЕЗА РАЗВИТІЯ.

Въ спорѣ по поводу гипотезы Развитія, переданномъ мнѣ недавно однимъ изъ друзей моихъ, одинъ изъ спорившихъ высказалъ мнѣнїе, что такъ какъ мы, ни въ одномъ изъ нашихъ опытовъ, не получаемъ чего-либо подобнаго перерожденію видовъ, то нефилософично принимать, чтобы перерожденіе видовъ когда-либо имѣло мѣсто. Еслибъ я присутствовалъ при этомъ спорѣ, то, оставляя въ сторонѣ такое положеніе, открытое для критики, и отвѣтилъ бы, что такъ какъ ни въ одномъ изъ нашихъ опытовъ мы никогда не встрѣчали *сотворенныхъ* видовъ, то точно также нефилософично принимать, что какіе-нибудь виды когда-либо были сотворены.

Тѣ, которые безцеремонно отвергаютъ теорію развитія какъ недостаточно подтвержденную фактами, кажется, совершенно забываютъ, что ихъ собственная теорія вовсе не подтверждается никакими фактами. Какъ большая часть людей, держащихся данныхъ вѣрованій, они требуютъ самыхъ строгихъ доводовъ отъ противнаго вѣрованія, принимая въ тоже время, что ихъ собственное вѣрованіе не нуждается ни въ какихъ доводахъ. Мы насчитываемъ (по Гумбольдту) до 320,000 видовъ растительныхъ и (по Карпентеру) до 2,000,000 видовъ животныхъ организмовъ, разбѣянныхъ по поверхности земли; а если прибавимъ къ этому число вымершихъ видовъ, то смѣло можемъ принять общій итогъ видовъ, существовавшихъ и существующихъ на землѣ, неменѣе какъ въ *десять милліоновъ*. Какая же будетъ самая рациональная теорія относительно происхожденія этихъ десяти милліоновъ видовъ? Вѣроятно ли, чтобы десять милліоновъ появились какъ отдѣльныя творенія? или болѣе вѣроятно, что десять милліоновъ разновидностей произошли вслѣдствіе постоянныхъ измѣненій, обуславливаемыхъ окружающими обстоятельствами, подобно тому, какъ еще доселѣ производятся разновидности?

Безъ сомнѣнія, многіе отвѣтятъ, что для нихъ легче понять, что десять милліоновъ появились какъ отдѣльныя творенія, неже-

ли понять, что десять миллионъ разнообразностей произошли путемъ послѣдовательныхъ измѣненій. Однако, при изслѣдованіи, окажется, что всѣ подобные господа находятся подъ вліяніемъ обобщенія. Это—одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ случаевъ, когда люди не вѣрятъ на самомъ дѣлѣ, а скорѣе *вѣрятъ, что они отвѣтъ*. Они не могутъ на самомъ дѣлѣ понять, чтобы десять миллионъ появились какъ отдѣльныя творенія: они *думаютъ, что они понимаютъ это*. Серьезный взглядъ на дѣло покажетъ имъ, что они еще никогда не выяснили себѣ процессъ сотворенія даже и *одного* вида. Если они составили себѣ опредѣленное понятіе о такомъ процессѣ, то пусть скажутъ намъ, какъ создается новый видъ и какимъ образомъ является онъ. Ниспадаетъ ли онъ съ облаковъ? или мы должны держаться того понятія, что онъ вырывается изъ земли? Его члены и внутренности берутся ли разомъ изъ всего окружающаго? или мы должны принять старое еврейское понятіе, что Богъ формуетъ новое твореніе изъ глины? Если они скажутъ, что новое твореніе не производится ни однимъ изъ этихъ способовъ, которые слишкомъ нелѣпы, чтобы имъ можно было вѣрить,—тогда они должны описать способъ, посредствомъ котораго новое твореніе *можетъ* быть произведено, способъ, который бы не казался нелѣпымъ. Окажется, что такой способъ они не старались постигнуть и не могутъ постигнуть.

Вѣрующіе въ «отдѣльность твореній» сочтутъ, можетъ быть, недобросовѣстнымъ, съ нашей стороны, требовать отъ нихъ описанія способа, по которому произошли отдѣльныя творенія; въ такомъ случаѣ, я отвѣчу, что это требованіе далеко умѣрненіе того, которое они предлагаютъ защитникамъ гипотезы развитія. Отъ нихъ требуютъ показать только *понятный* способъ. Они же требуютъ не только *понятнаго* способа, но и *дѣйствительнаго* способа. Они не говорятъ: покажи намъ, какъ это *можетъ* быть; а говорятъ: покажи намъ, какъ это *бываетъ*. Хотя и неразумно ставить имъ подобный же вопросъ, но совершенно основательно было бы потребовать указанія не только *возможнаго* способа отдѣльнаго творенія, но и *несомнѣнно-доказан-*

наго способа; такое требованіе было бы все-таки не больше того, какое они заявляютъ своимъ противникамъ.

Посмотримъ теперь, насколько удобнѣ защищать новое ученіе, нежели старое. Еслибъ защитники гипотезы развитія могли только показать, что происхожденіе видовъ посредствомъ процесса измѣненія понятно, то они стояли бы уже въ лучшемъ положеніи, нежели ихъ противники. Но они могутъ сдѣлать гораздо болѣе. Они могутъ показать, что процессъ измѣненія, который совершался и совершается, производилъ перемѣны во всѣхъ организмахъ, подвергавшихся измѣняющимъ вліяніямъ. Хотя, по недостатку фактовъ, они и не въ состояніи указать тѣ многочисленныя фазисы, чрезъ которые прошли существующіе виды прежде нежели достигли настоящаго своего состоянія, или воспроизвести тѣ вліянія, которыя были причиной постепенныхъ измѣненій; однако они могутъ показать, что всѣ существующіе виды какъ животныя, такъ и растительныя, будучи поставлены въ условія отличныя отъ ихъ прежнихъ условій, *немедленно начинаютъ претерпѣвать нѣкоторыя измѣненія въ своемъ строеніи, приспособляющія ихъ къ новымъ условіямъ.* Можно показать, что эти измѣненія происходятъ и въ послѣдующихъ поколѣніяхъ до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, новыя условія не сдѣлаются для нихъ естественными. Эти измѣненія можно показать на разведеніи растений, на одомашненіи животныхъ и на различныхъ человѣческихъ расахъ. Можно показать, что степени измѣненія, такимъ образомъ происшедшія, бывають часто — какъ напримѣръ въ собакахъ — значительнѣе тѣхъ измѣненій, какія принимаются за основу различія видовъ. Можно показать, что не рѣшено еще, составляютъ ли нѣкоторыя изъ такихъ измѣненныхъ формъ только разновидности, или же отдѣльные виды. Можно показать также, что измѣненія, ежедневно происходящія въ насъ самихъ, — навыкъ, приобретаемый долгой практикой, и утрата его, когда практика прекращается, — укрѣпленіе страстей, постоянно удовлетворяемыхъ, и ослабленіе такихъ, которыя подавляются, — развитіе всякой способности, тѣлесной, нравственной и умственной, соразмѣрно ея упражненію, — все это легко объясняется на основаніи того же

принципа. Такимъ образомъ можно показать, что во всей органической природѣ *есть* извѣстное измѣняющее вліяніе, которое сторонники гипотезы развитія считаютъ основой этихъ специфическихъ различій,— вліяніе, которое, хотя дѣйствуетъ и медленно, но можетъ съ теченіемъ времени произвести существенныя измѣненія, если тому благопріятствуютъ обстоятельства, — вліяніе, которое, въ теченіе милліоновъ лѣтъ и подъ вліяніемъ разнообразнѣйшихъ условій, принимаемыхъ геологіею, должно было, по всей вѣроятности, произвести извѣстную сумму измѣненій.

Которая же гипотеза, послѣ этого, рациональнѣе?— гипотеза «отдѣльности твореній», которая не имѣетъ фактовъ для поддержанія себя и даже не можетъ быть опредѣленно понята; или гипотеза измѣненій, которая не только опредѣленно понимается, но находитъ себѣ поддержку въ привычкахъ каждаго существующаго организма?

Для тѣхъ, кто незнакомъ съ зоологіей и кто не знаетъ, до какой степени яснымъ становится родство между самыми простыми и самыми сложными формами, когда разсмотрѣны посредствующія формы, кажется очень смѣшнымъ, чтобы *простѣйшее*, при посредствѣ какого бы то ни было ряда перемѣнъ, могло когда-нибудь сдѣлаться млекопитающимъ. Привыкнувъ видѣть вещи болѣе въ ихъ статическомъ, нежели въ динамическомъ ихъ видѣ, они никакъ не въ состояніи допустить того факта, что сумма накопившихся измѣненій можетъ мало-помалу быть воспроизведена съ теченіемъ времени. Удивленіе, ощущаемое такими людьми при встрѣчѣ со взрослымъ человѣкомъ, котораго они видѣли въ послѣдній разъ мальчикомъ, переходитъ у нихъ въ невѣріе, когда родъ измѣненія становится шире. Тѣмъ не менѣе на сторонѣ способа, какимъ можно посредствомъ незамѣтныхъ измѣненій перейти къ самымъ различнымъ формамъ, находится множество свидѣтельствъ. Нѣсколько времени тому назадъ, разсуждая объ этомъ предметѣ съ однимъ ученымъ профессоромъ, я такимъ образомъ пояснялъ свое положеніе:—Вы не допускаете никакого замѣтнаго родства между кругомъ и гиперболой. Одинъ есть сомкнутая кривая; другая есть безконечная кривая. У одной всѣ части сходны между собой; у другой—нѣтъ и двухъ частей по-

добныхъ. Одна ограничиваетъ извѣстное пространство, другая во все не ограничиваетъ пространства, хотя бы была продолжена до безконечности. Между тѣмъ, какъ бы ни были противоположны эти кривыя во всѣхъ своихъ свойствахъ, онѣ могутъ быть связаны рядомъ посредствующихъ кривыхъ, изъ которыхъ ни одна не будетъ чувствительно отличаться отъ послѣдующей. Такимъ образомъ, если мы будемъ разсѣкать конусъ плоскостью подъ прямыми углами къ его оси, мы получимъ кругъ. Если же, вмѣсто совершенно прамыхъ угловъ, плоскость составить съ осью уголъ въ $89^{\circ} 59'$, мы будемъ имѣть эллипсисъ, который никакой человѣческой глазъ, даже при помощи самаго точнаго циркуля, не въ состояніи отличить отъ круга. Уменьшая постепенно уголъ, эллипсисъ будетъ сначала дѣлаться едва замѣтно эксцентрическимъ, потомъ явно эксцентрическимъ и скоро пріобрѣтаетъ столь продолговатую форму, что уже не будетъ представлять никакого явнаго сходства съ кругомъ. При продолженіи этого процесса эллипсисъ незамѣтно переходитъ въ параболу, и наконецъ, вслѣдствіе дальнѣйшаго уменьшенія угла, — въ гиперболу. Тутъ мы получаемъ четыре различные вида кривой, — кругъ, эллипсисъ, параболу и гиперболу, — имѣющіе свои особенныя свойства и отдѣльныя уравненія; но первый и послѣдній изъ нихъ, будучи совершенно противоположны по природѣ, связываются между собой, какъ члены одного ряда, получаемые вслѣдствіе одного только процесса нечувствительнаго измѣненія.

Но слѣпота тѣхъ, кто считаетъ нелѣпымъ, чтобы сложныя органическія формы могли произойти путемъ преемственныхъ измѣненій простѣйшихъ формъ, становится поразительною, когда мы припоминаемъ, что сложныя органическія формы ежедневно производятся такимъ образомъ. Дерево неизмѣримо отличается отъ сѣмени во всѣхъ отношеніяхъ — по величинѣ, строенію, цвѣту, формѣ, удѣльному вѣсу, химическому составу: различіе тутъ до такой степени сильно, что нѣтъ возможности указать, между тѣмъ и другимъ, какого бы то ни было рода сходство. Однако, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, оно измѣнилось въ другое — и измѣнилось съ такой постепенностью, что ни въ одинъ моментъ нелзя было сказать: сѣмя теперь перестаетъ быть сѣменемъ и ста-

новится деревомъ. Гдѣ можетъ быть болѣе сильное различіе, какъ между поворожденнымъ дитатей и маленькимъ, полупрозрачнымъ, студенистымъ, сферическимъ тѣльцемъ, составляющимъ человѣческое яйцо? Дитя имѣетъ столь сложное устройство, что для описанія его составныхъ частей нужна цѣлая энциклопедія. А зародышевый пузырекъ такъ простъ, что можетъ быть опредѣленъ въ одной строкѣ. Однако достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ для того, чтобы послѣдній развился въ первое, и притомъ, рядомъ столь незначительныхъ измѣненій, что еслибы зародышъ былъ изслѣдуемъ постепенно въ каждый изъ послѣдующихъ моментовъ, то и при помощи микроскопа съ трудомъ можно было бы открыть въ немъ какое-нибудь замѣтное измѣненіе. Не было бы ничего страннаго, еслибы гипотеза, что всѣ расы существъ, не исключая и человѣка, съ теченіемъ времени могли развиться изъ простѣйшей монады, показалась смѣшною человѣку вовсе необразованному или недостаточно образованному. Но физиологу, который знаетъ, что каждое индивидуальное существо развивается ятимъ путемъ, который знаетъ, кромѣ того, что зародыши всѣхъ растений и какихъ бы то ни было животныхъ, въ самомъ раннемъ ихъ состояніи столь сходны между собой, «что нѣтъ никакого уловимаго различія между ними, по которому можно было бы опредѣлить, составляетъ ли отдѣльная молекула зародышъ патчатки или дуба, зоофита или человѣка,» (1) — такому физиологу затрудняться тутъ неспозволительно. Конечно, если изъ одной кѣточки, при нѣкоторыхъ на нее вліаніяхъ, въ теченіе двадцати лѣтъ, можетъ развиться человѣкъ; то нѣтъ ничего нелѣпаго въ гипотезѣ, что, при нѣкоторыхъ другихъ вліаніяхъ, въ теченіе миллионъ лѣтъ, кѣточка можетъ дать начало человѣческому роду. Оба процесса генерически тождественны и разнятся только по своей продолжительности и сложности.

Въ участіи, принятомъ нѣкоторыми учеными въ этой борьбѣ «Закона противъ Чуда», мы имѣемъ прекрасный примѣръ упорной живучести суевѣрій. Спросите любого изъ передовыхъ нашихъ геологовъ или физиологовъ, вѣрить ли онъ въ легендарное объяс-

(1) САРЕНТЕ В.

СПЕНСЕРЪ, *Опытъ*, т. I.

неніе сотворенія міра—онъ сочтетъ вашъ вопросъ за обиду. Онъ или вовсе отвергаетъ это повѣствованіе, или принимаетъ его въ какомъ-то неопредѣленномъ, неестественномъ смыслѣ. Между тѣмъ, одну часть этого повѣствованія онъ безсознательно принимаетъ и принимаетъ даже слишкомъ буквально. Откуда онъ заимствовалъ понятіе объ «отдѣльности твореній», которое считаетъ столь основательнымъ и за которое такъ мужественно сражается? Очевидно, онъ не можетъ указать никакого другаго источника, кромѣ того міра, который отвергаетъ. Онъ не имѣетъ ни одного факта въ природѣ, который могъ бы привести въ подтвержденіе своей теоріи; у него не сложилось также и цѣпи отвлеченныхъ доктринъ, которая могла бы придать значеніе этой теоріи. Заставьте его откровенно высказаться и онъ долженъ будетъ сознаться, что это понятіе было вложено въ его голову еще съ дѣтства, какъ часть тѣхъ разсказовъ, которые онъ считаетъ теперь недѣльными. Но почему, отвергая все остальное въ этихъ разсказахъ, онъ такъ ревностно защищаетъ послѣдній ихъ остатокъ, какъ будто почерпнутый имъ изъ какого-нибудь достовѣрнаго источника,—это онъ затруднится сказать.

III. ИСТОЧНИКИ АРХИТЕКТУРНЫХЪ ТИПОВЪ.

Недавно, гуляя по галлерей Old Water-Colour Society, я былъ пораженъ несообразностью, происходящей отъ сопоставленія стройной архитектуры съ нестройнымъ видомъ. Въ одной картинѣ, гдѣ художникъ ввелъ вполне симметрическое зданіе греческаго стиля въ гористый и нѣсколько дикій ландшафтъ, непріятное впечатлѣніе было особенно рѣзко. «Какъ неживописно,» сказала проходившая дама своей подругѣ—и показала этимъ, что не я одинъ былъ такого мнѣнія. Однако, эта фраза заставила меня задуматься. Почему неживописно? Слово «живописное» означаетъ подобіе живописи, подобіе того, что люди выбираютъ для передачи въ картинахъ. Почему же, въ такомъ случаѣ, это изображеніе не могло быть приличнымъ для картины?

Размышляя объ этомъ предметѣ, мнѣ казалось, что художникъ погрѣшилъ противъ того единства, которое составляетъ существенный характеръ хорошей картины. (*) Когда прочія составныя части ландшафта имѣютъ нестройный видъ, то сопоставленное художественное строеніе также должно имѣть нестройный видъ, дабы могло являться *частью* ландшафта. И зданіе это и окружающіе предметы должны быть проникнуты однимъ общимъ характеромъ; въ противномъ случаѣ, зданіе и мѣстность, среди которой оно находится, становятся не *одною* вещью, а *двумя*, и мы говоримъ, что оно стоитъ не на мѣстѣ. Или, говоря психологическимъ языкомъ, ассоціація идей, вызванныхъ зданіемъ съ его флигелями, окнами и всѣми симметрически-расположенными частями, громадно разнится отъ представленій, вызванныхъ совершенно нестройнымъ ландшафтомъ; и одни представленія стремятся изгладить другія.

Продолженіе этго разсужденія навело меня на различныя факты, поясняющіе это явленіе. Я припоминалъ, что замокъ, который въ главныхъ чертахъ своихъ менѣе строенъ, нежели другіе роды зданій, наиболѣе нравится намъ среди утесовъ и пропастей; между тѣмъ какъ замокъ, расположенный на равнинѣ, кажется намъ несобразностью. Частью стройныя, а частью нестройныя формы нашихъ старыхъ фермъ и готическихъ дворцовъ и аббатствъ представляются въ полной гармоніи въ волнуемой, лѣсистою странюю. Въ городахъ же мы отдаемъ предпочтеніе симметрической архитектурѣ; тамъ она не производитъ въ насъ никакого ощущенія несообразности, потому что всѣ окружающіе предметы—люди, лошади, экипажи—также симметричны.

Здѣсь у меня снова мелькнула мысль, которая уже часто приходила въ голову, именно: что существуетъ нѣкоторая связь между отдѣльными родами архитектуры и отдѣльными классами предметовъ природы. Постройки въ греческомъ и римскомъ стиляхъ, по высокой степени своей симметріи, кажутся какъ-бы

(*) Въ этихъ строкахъ Спенсера не слѣдуетъ видѣть противорѣчіе тому, что говорится на стр. 171. Тамъ шла рѣчь о переходахъ (отѣнкахъ) жизни въ одной и той же вещи, а здѣсь—о совмѣщеніи двухъ противорѣчивыхъ вещей въ одну.

заимствовавшими свой типъ изъ животной жизни. Въ готическихъ, отчасти нестройныхъ зданіяхъ, идеи, заимствованныя изъ растительнаго міра, кажутся преобладающими. А совершенно нестройныя зданія, какъ замки, могутъ быть разсматриваемы какъ имѣющія въ основаніи своемъ формы неорганическаго міра.

Какъ бы фантастично ни показалось на первый разъ такое воззрѣніе, оно находитъ себѣ поддержку въ многочисленныхъ фактахъ. Связь между симметрической архитектурой и животными формами можетъ быть выведена изъ того рода симметріи, котораго мы требуемъ и который удовлетворяетъ насъ въ правильныхъ постройкахъ. Такъ въ храмѣ греческаго стіла мы требуемъ, чтобы передній фасадъ былъ симметриченъ самъ по себѣ и чтобы боковые фасады были одинаковы; но мы не ищемъ однообразія между боковыми фасадами и переднимъ, или между переднимъ и заднимъ фасадами. Тождественность этой симметріи съ симметрией, которую мы встрѣчаемъ въ животныхъ, очевидна. Кромѣ того, отчего строеніе, имѣющее претензію на симметричность, не нравится намъ, если оно не исполнено симметрично? Отвѣтъ будетъ, вѣроятно, тотъ, что мы видимъ несовершенное выполненіе идеи начертателя и что, поэтому, оскорбляется наша любовь къ законченности. Но въ такомъ случаѣ слѣдуетъ спросить: какимъ образомъ мы знаемъ, что планъ архитектора задуманъ былъ симметрично? Откуда получается это понятіе о симметріи, которое мы имѣемъ и которое мы ему приписываемъ? Если мы не хотимъ возвратиться къ древнему ученію о врожденныхъ идеяхъ, мы должны допустить, что идея о двусторонней симметріи явилась извнѣ; а допустить это значитъ допустить, что она заимствована отъ высшихъ животныхъ.

Что есть нѣкоторая родственная связь между готической архитектурой и растительными формами,—это общепринятое положеніе. Нерѣдко замѣченная аналогія между средней сводчатой частью зданія и аллеей деревь съ переплетающимися вѣтвями показываетъ, что этотъ фактъ уже заставлялъ обращать на себя вниманіе людей. Впрочемъ, родство видно тутъ не въ одной только этой аналогіи. Оно еще лучше видно въ существенной характеристической чертѣ готическаго стіля, именно

въ томъ, что называется *возвышеннымъ* стрежленіемъ. Преобладаніе вертикальныхъ линий, которое такъ рѣзко отличаетъ готической отъ другихъ стилей, составляетъ самую рѣзкую особенность деревъ, при сравненіи ихъ съ животными или скалами. Для личностей съ живымъ воображеніемъ возвышенная готическая башня, съ ея продолговатыми отверстіями и группами тонкихъ шпицовъ, идущихъ отъ основанія въ вершинѣ, внушаетъ смутное представленіе о ростѣ.

Касательно принимаемой здѣсь связи между неорганическими формами и совершенно неправильными стилями строенія, свойственными замкамъ, мы имѣемъ, кажется, нѣкоторое подтвержденіе въ томъ, что неправильное зданіе тѣмъ болѣе намъ нравится, чѣмъ оно *болѣе* неправильно. Для объясненія этого факта, я не вижу иного пути, кромѣ предположенія, что чѣмъ сильнѣе бываетъ неправильность въ постройкахъ, тѣмъ рѣзче онѣ напоминаютъ намъ типы неограниченныхъ формъ и тѣмъ живѣе возбуждаютъ въ насъ пріятныя представленія о суровыхъ и романтическихъ видахъ, связанныхъ съ этими формами.

Дальнѣйшее доказательство этой связи между различными стилями архитектуры и различными классами предметовъ природы является въ характерѣ украшеній, который представляетъ каждый изъ стилей. Общественныя зданія Греціи, основныя характеристическія черты которыхъ состоятъ въ двусторонней симметріи, заимчивой въ высшихъ животныхъ, имѣютъ фронтоны и карнизы, покрытые изваяніями людей и животныхъ. Египетскіе храмы и ассирійскіе дворцы, также симметричны въ общемъ планѣ, представляютъ подобныя же украшенія на своихъ стѣнахъ и воротахъ. Съ другой стороны, въ готической архитектурѣ, вмѣстѣ съ многочисленными рядами колоннъ, на-подобіе алленъ, мы видимъ многочисленныя и богатыя украшенія, имѣющія форму древесныхъ листьевъ. А въ старыхъ замкахъ, по виду своему сходныхъ съ совершенно неправильными очертаніями неорганическихъ формъ, мы не встрѣчаемъ украшеній ни изъ животнаго, ни изъ растительнаго міра. Голая, подобная скаламъ, стѣны устланы зубцами, состоящими почти изъ простыхъ обрубковъ, напоминающихъ намъ выступы на краѣ обрывистаго утеса.

Но, можетъ быть, самый важный въ этомъ отношеніи фактъ представляетъ гармонія, которая замѣчается между каждымъ изъ архитектурныхъ типовъ и свойственной ему обстановкой. Чѣмъ же можетъ быть объяснена эта гармонія, если не тѣмъ, что преобладающій характеръ окружающихъ вещей опредѣлялъ нѣкоторымъ образомъ характеръ построекъ?

Что такая гармонія существуетъ, это очевидно. Такъ напримѣръ, въ Египтѣ, Ассиріи, Греціи и Римѣ, появленію симметрическихъ строеній, которыя дошли до насъ, предшествовала городская жизнь. А городская жизнь, какъ уже было замѣчено, имѣетъ ту особенность, что большая часть ея наиболѣе обыкновенныхъ предметовъ симметрична. Мы инстинктивно чувствуемъ естественность такой связи. Стройный домъ, съ его центральными воротами и равнымъ числомъ оконъ, расположенныхъ съ правой и лѣвой ихъ стороны, встрѣчаясь среди полей, поражаетъ насъ своей несообразностью съ деревенскимъ видомъ и кажется перенесеннымъ изъ городской улицы; точно также, при видѣ оштукатуренныхъ дачъ, съ фальшивыми окнами, тщательно поддѣланными подъ дѣйствительныя, намъ тотчасъ же приходитъ на умъ пригородная резиденція удалившагося отъ дѣлъ торговца.

Въ мѣстныхъ стиляхъ, той или другой страны, мы не только находимъ общую неправильность, характеризующую окружающіе предметы, но замѣчаемъ даже нѣкоторую связь между каждымъ родомъ неправильности стиля и мѣстной обстановкой. Мы видимъ, что разбросанныя массы скалъ, среди которыхъ обыкновенно помѣщались замки, отразились въ суровыхъ неорганизованныхъ формахъ замковъ. Въ аббатствахъ и тому подобныхъ строеніяхъ, которыя обыкновенно расположены въ сравнительно-защищенныхъ мѣстностяхъ, мы не встрѣчаемъ такихъ рѣзкихъ разчлененій массъ и линий, и нагота, свойственная крѣпостямъ, замѣняется украшеніями, напоминающими сосѣдніе дѣса. Между швейцарскимъ домикомъ и швейцарскимъ видомъ замѣчается очевидное родство. Угловатая крыша такого домика, столь высокая и столь непропорціонально-широкая сравнительно съ другими крышами, напоминаетъ сосѣднюю горную вершину; а широкіе нависшіе края крыши имѣютъ форму и наклоненіе нижнихъ

вѣтвей ели. Въ зданіяхъ востока замѣчается очевидная связь между однообразіемъ плоскихъ крышъ, тамъ и самъ нарушаемымъ минаретами, — и окружающими эти зданія равнинами, съ неправильно разбѣянными пальмовыми деревьями. Въ любомъ изъ такихъ видовъ вась поражаетъ преобладаніе горизонтальныхъ линий и ихъ гармонія съ обширнымъ протяженіемъ ландшафта.

Нельзя ожидать, чтобы указанная здѣсь соотвѣтственность имѣла мѣсто во всѣхъ случаяхъ. Пирамиды, напримѣръ, кажется, не подходятъ подъ это обобщеніе. Повторенныя горизонтальныя линіи ихъ, дѣйствительно, соотвѣтствуютъ плоскости окружающихъ ихъ пустынь; общія же ихъ очертанія, кажется, не имѣютъ никакой близкой аналогіи. Но мы должны имѣть въ виду, что переселявшіяся расы, перенося съ собой свои архитектурныя системы, естественно должны были строить зданія, не имѣвшія никакого соотношенія съ новыми мѣстностями; поэтому не всегда можно отличить стили, которые сродны извѣстной странѣ, отъ тѣхъ, которые перенесены въ нее, — и можно заранѣе уже предвидѣть многочисленныя аномаліи.

Общая идея, поясненная выше, можетъ быть отчасти ложно истолкована. Нѣкоторые читатели могутъ понять ее въ томъ смыслѣ, что люди *намышленно* придавали своимъ постройкамъ главныя характеристическія черты окружающей мѣстности. Но я вовсе не хотѣлъ сказать этого. Я не предполагаю, чтобы люди дѣлали это въ прошедшія времена болѣе, нежели дѣлаютъ это теперь. Гипотеза состоитъ въ томъ, что въ выборѣ искусственныхъ формъ люди безсознательно подвергались вліянію тѣхъ формъ, которыя ихъ окружали. Что симметрическія зданія съ плоскими крышами получили свое начало на востокѣ, между пастушескими племенами, окруженными стадами и обширными равнинами, — это заставляетъ предполагать, что строители зданій находились подъ вліяніемъ горизонтальныхъ и симметрическихъ формъ, къ которымъ они привыкли. А гармонія, которую мы встрѣтили въ другихъ случаяхъ между архитектурными стилями извѣстныхъ мѣстностей и самими мѣстностями, заставляетъ предполагать общее дѣйствіе подобныхъ вліяній. И дѣйствительно, разсматривая предметъ психологически, я не вижу, какимъ бы образомъ могло быть дѣло

иначе. Такъ какъ всѣ наши понятія должны слагаться изъ образовъ и частей образовъ, воспринятыхъ чувствами, — такъ какъ у человѣка не можетъ возникнуть ни одного изображенія, элементы котораго не представились бы его уму извѣстны, и такъ какъ его воображеніе естественнѣе всего стремится въ одномъ направленіи съ наиболѣе обычными его воспріятіями, — то почти необходимо слѣдуетъ, что характеръ, преобладающій въ этихъ обычныхъ воспріятіяхъ, долженъ отразиться и на изображеніяхъ, создаваемыхъ человѣкомъ.

IV. ТЕОРІЯ СЛЕЗЪ И СМѢХА.

Едва ли можно сомнѣваться, что различныя движенія тѣла, которыя мы называемъ «естественнымъ языкомъ страстей», имѣютъ каждое свое биологическое значеніе. Перемѣны лица и голоса, на которыя мы привыкли смотрѣть просто какъ на признаки извѣстныхъ состояній духа, не имѣющіе никакого другаго значенія, кромѣ выраженія этихъ состояній, суть, вѣроятно, результаты необходимыхъ жизненныхъ отправленій. Появленіе краски стыда и внезапной блѣдности, сопровождающей страхъ или сильный гнѣвъ, физиологъ приписываетъ нарушенію кровообращенія, происходящему отъ внезапнаго прилива крови въ мозгъ, или вліянію, которое мозгъ оказываетъ на сердце. Вздохъ онъ принимаетъ за дополнительный актъ дыханія, предполагая также, можетъ быть, что предварительное замедленіе дыханія представляетъ, путемъ уменьшенія жизненной дѣятельности, нѣкоторое успокоительное средство для тяжкаго душевнаго волненія. Нахмуреніе бровей, скрежетъ зубовъ и содроганіе тѣла, — все это можетъ быть болѣе или менѣе опредѣленно отнесено къ извѣстнымъ функциональнымъ потребностямъ.

Принимая, что Слезы и Смѣхъ относятся къ этой же категоріи, мы значительно упростили вопросъ касательно физиологической ихъ природы, если припомнимъ, что, подобно прочимъ

результатамъ душевнаго волненія, они зависятъ отъ извѣстнаго состоянія мозга, но что вмѣстѣ съ тѣмъ—въ противоположность другимъ подобнымъ результатамъ — они зависятъ отъ общаго, а не отъ специфическаго состоянія мозга. Ни слезы, ни смѣхъ не составляютъ особенности какого-либо одного ощущенія, но и то и другое, а иногда и оба явленія вмѣстѣ, могутъ быть вызваны когда какое-нибудь ощущеніе становится сильнымъ. Мы смѣемся не только при видѣ смѣшнаго: значительная радость, происходящая отъ удовлетворенія какого-нибудь желанія, можетъ произвести такое же дѣйствіе, какое производитъ *bon mot*. Скупецъ улыбается при видѣ своихъ сокровищъ; а плутъ радуется счастливому исходу безчестнаго дѣла. Радость дѣвочки, которой дарятъ красивую куклу, переходитъ въ смѣхъ. Привѣтствія близкихъ друзей, при встрѣчѣ послѣ долгой разлуки, прерываются отрывистымъ смѣхомъ. Изящный поэтическій образъ вызываетъ улыбку, и вѣроятно многимъ приходилось—какъ приходилось мнѣ—смѣяться надъ разрѣшеніемъ запутанныхъ математическихъ задачъ. Тоже можно сказать о слезахъ. Онѣ не только вызываются всякаго рода тяжелыми волненіями, — печалью, оскорбленіемъ, иногда бѣшенымъ отчаяніемъ,—но вызываются также и пріятными ощущеніями, когда такіа ощущенія бываютъ очень сильны. У насъ есть слезы радости, какъ и слезы печали,—и эти слезы радости свойственны не одному только виду радости, а различнымъ ея видамъ. Далѣе, надо замѣтить, для указанія общей связи какъ слезъ, такъ и смѣха съ сильнымъ умственнымъ возбужденіемъ, то обстоятельство, что, дойдя до крайнихъ предѣловъ, слезы сопровождаютъ смѣхомъ, а смѣхъ—слезами. Мы можемъ смѣяться до слезъ, и можемъ плакать—или, по крайней мѣрѣ, женщины могутъ плакать—до истерическаго смѣха.

Если, такимъ образомъ, оба эти явленія связаны съ различнаго рода усиленной мозговой дѣятельностью, пріятною или тягостною, то мы имѣемъ основанія подозревать, что они имѣютъ непосредственное отношеніе къ нѣкоторому постоянному предварительному условію усиленной мозговой дѣятельности, а изъ такихъ предварительныхъ условій прежде всего приходитъ на мысль обиліе крови. Кровообращеніе въ мозгу, какъ и во всякомъ другомъ

органъ, измѣняется, въ извѣстныхъ границахъ, сообразно измѣненіямъ въ отправленіи работы. Недостаточное кровообращеніе въ мозгу причиняетъ обморокъ, т. е. приостановку мозговой дѣятельности; между тѣмъ какъ усиленное кровообращеніе, переходящее за извѣстную границу, производитъ бредъ. А въ этихъ предѣлахъ всякое увеличеніе дѣятельности требуетъ, при равенствѣ прочихъ условій, усиленія притока крови. Посмотримъ, не причиняются ли смѣхъ и слезы нѣкоторымъ растяженіемъ кровеносныхъ сосудовъ мозга.

Всѣ ткани тѣла питаются серозною жидкостью, которая фильтруется чрезъ стѣнки волосныхъ сосудовъ. Не будучи окружены мышечнымъ и защитительнымъ слоями, которые покрываютъ большія артеріи, эти волосныя трубочки состоятъ изъ прозрачной безформенной оболочки, составляющей внутренней слой большихъ сосудовъ, изъ которыхъ онѣ развѣтвляются; и чрезъ эту нѣжную оболочку постоянно просачивается питательная часть крови, ассимилируемая затѣмъ сосѣдними тканями. Въ здоровомъ состояніи и при обычномъ кровообращеніи, это просачиваніе совершается единообразно; но оно можетъ быть ускорено двумя причинами: уменьшеніемъ густоты крови, или увеличеніемъ ея количества. Всякій, кому приходилось фильтровать что-нибудь, знаетъ, что жидкая жидкость процеживается скорѣе, нежели густая; и всякій пойметъ, что пористая трубка, подобная волосной артеріи, цѣдитъ съ большею скоростью, когда находится въ драбломъ растянutomъ состояніи, нежели когда находится въ обыкновенномъ своемъ сокращенномъ состояніи. Избытокъ капиллярной фильтраціи, зависящій отъ ненормальной жидкости крови, весьма явно выражается въ водянкѣ, которая появляется или когда пищеварительная система окончательно прекращаетъ свои отправленія, или когда временная трата очень превышаетъ питаніе,—какъ это бываетъ при скарлатинѣ, которая часто сопровождается водянкой. Болѣе слабое явленіе, того же самаго рода, обнаруживается въ припухлости подъ глазами, сопровождающей старыи возрастъ, а также въ слабости и при усталости крѣпкихъ людей. Съ другой стороны, избытокъ капиллярной фильтраціи, зависящій

отъ увеличенія количества крови, происходитъ вездѣ, гдѣ происходитъ значительное мѣстное возбужденіе кровообращенія. Усиленіе быстроты просачиванія серозной жидкости, порождаемое бѣльшимъ растяженіемъ мельчайшихъ кровеносныхъ сосудовъ, бываетъ до извѣстной степени пропорціонально излишнему требованію ея мышцей, желѣзой или какимъ-нибудь внутреннимъ органомъ; но когда—какъ это всегда бываетъ при особенномъ усиленіи мѣстныхъ возбужденій—мельчайшіе кровеносные сосуды совершенно теряютъ свою сократительную силу, просачиваніе достигаетъ ненормальныхъ предѣловъ и, продолжаясь послѣ того, какъ прекратился запросъ на жидкость, производитъ скопленіе ея въ прилежащихъ тканяхъ. Простѣйшимъ примѣромъ этого служить пузырь, который, будетъ ли онъ произведенъ треніемъ, или обжогомъ, или приложеніемъ раздражающаго вещества, всегда происходитъ вслѣдствіе растяженія сосѣднихъ волосныхъ сосудовъ. То же самое происходитъ при выпотѣніи серозной жидкости, которое сопровождается воспаленіемъ, — будетъ ли оно обнаруживаться въ видѣ опухоли, сопровождающей мѣстное поврежденіе, или въ видѣ изліянія, слѣдующаго за такой болѣзнію, какъ воспаленіе подреберной плевы. И точно такимъ же образомъ появляются тѣ мѣстныя накопленія серозной жидкости, которыя сопровождаютъ чрезвычайно возбужденное состояніе мозга.

Причина и дѣятельность слезъ стануть теперь легко-понятными. Слезы порождаются временнымъ приливомъ крови къ мозгу; дѣятельность же ихъ состоитъ въ уменьшеніи этого скопленія и сопровождающихъ его опасностей. Взглянувъ на анатомическіе рисунки сосудистой системы, мы увидимъ, что каждая внутренняя сонная артерія, предъ самымъ своимъ вступленіемъ въ мозгъ, даетъ отъ себя вѣтвь—глазную артерію, помощью которой снабжаетъ кровью глазъ и его принадлежности, не исключая и слезной желѣзы. Отсюда и происходитъ, что при сильномъ возбужденіи мозга и когда, вслѣдствіе того, кровеносные сосуды головы вообще бываютъ ненормально растянуты, глазами артеріи и ихъ вѣтви также участвуютъ въ этомъ растяженіи; такимъ образомъ волосные сосуды слезныхъ желѣзъ тѣсно

связываются съ волосными сосудами мозга. При обыкновенныхъ условіяхъ, слезныя желѣзы выдѣляютъ столько жидкости, сколько нужно для увлаженія глазъ; но ненормальный притокъ крови заставляеть ихъ, какъ и другія желѣзы, фильтровать свое выдѣленіе въ ненормальномъ количествѣ. Такимъ образомъ, во время усиленной мозговой дѣятельности, когда, какъ мы видѣли, слезныя желѣзы получаютъ ненормальный притокъ крови, онѣ производятъ быструю фильтрацію пзмѣненной серозной жидкости или слезы, а чрезъ это самое уменьшаютъ растяженіе кровеносныхъ сосудовъ мозга и соответствующее тому стремленіе серозной жидкости изливаться. Такимъ образомъ, слезныя желѣзы не метафорически, но буквально служатъ предохранительными клапанами; и на слезы можно смотрѣть какъ на самопроизвольный и экономическій способъ кровопусканія.

Послѣ этого, становится понятнымъ, отчего слезы сопровождаютъ какъ пріятныя, такъ и тягостныя душевныя волненія, когда эти волненія достигаютъ сильной степени. Точно также становится ясною причина, вслѣдствіе которой нѣкоторыя личности во время сильнаго возбужденія проливаютъ слезы безъ всякой опредѣленной причины, и что непроизвольное теченіе слезъ служить однимъ изъ признаковъ присутствующаго скопленія крови въ мозгу. Кромѣ того, справедливость общепринятаго понятія, что печаль облегчается, когда «хорошенько выплачешься», становится совершенно ясною.

Теперь, переходя къ физиологическому смыслу смѣха, нужно, прежде всего, замѣтить, что онъ представляетъ одно изъ безчисленныхъ послѣдствій того общаго принципа, что чувство есть стимулъ движенія, — что ощущенія и душевныя волненія стремятся произвести мышечныя сокращенія. Начиная съ конвульсій агоніи и прыжковъ радости до улыбки и нахмуренія бровей, всюду существуетъ постоянное отношеніе между возбужденіемъ чувствительности и мышечнымъ возбужденіемъ: и то и другое измѣняется одновременно въ своемъ напряженіи. ⁽¹⁾ По-

(1) Многочисленные примѣры этого приведены въ статьѣ «Происхожденіе и дѣятельность музыки».

этому, такъ какъ смѣхъ есть мышечное дѣйствіе, на него можно смотрѣть вообще какъ на слѣдствіе этого общаго закона.

Теперь остается еще рѣшить вопросъ: откуда происходитъ этотъ особенный родъ мышечнаго дѣйствія, который составляетъ смѣхъ? Отчего извѣстныя мышцы должны возбуждаться больше, нежели другія? Прежде, нежели рѣшимся дать надлежащее объясненіе, надо припомнить тотъ фактъ, что всѣ измѣненія въ дѣятельности легкихъ, а смѣхъ составляетъ одно изъ нихъ, имѣютъ прямое отношеніе къ окисленію крови; и есть много общеизвѣстныхъ фактовъ, поясняющихъ необходимость и слѣдствіе этого отношенія, напримѣръ: глубокое дыханіе, слѣдующее за упражненіемъ. Всякое упражненіе предполагаетъ усиленное окисленіе ткани, которое требуетъ бѣльшаго количества кислорода; а это въ свою очередь предполагаетъ болѣе быстрое дыханіе. Такъ что только вслѣдствіе этой зависимости возможно постоянное упражненіе. Параллельный фактъ мы видимъ въ дѣйствіи, которое производитъ на легкія измѣненіе температуры. Для поддержанія жизненныхъ процессовъ необходима опредѣленная теплота тѣла. Эта теплота поддерживается дѣйствіемъ кислорода на составныя части тѣла. Слѣдовательно, значительное отнятіе теплоты отъ тѣла должно сопровождаться увеличеннымъ поглощеніемъ кислорода, пополняющимъ эту потерю. Отсюда происходятъ тѣ конвульсивныя вдыханія, которыя слѣдуютъ за холодными душами или за погруженіемъ въ море; отсюда происходитъ обливаніе пациента холодной водой при подаваніи помощи въ случаяхъ удушія, отсюда вспрыскиваніе водой обморочныхъ, съ цѣлью оживить ихъ.

Дѣйствіе же легкихъ во время смѣха существенно-противоположно тому, что происходитъ отъ дѣйствія холода и упражненія. Усиліе, которое они производятъ, состоитъ не въ томъ, чтобы принять воздуха больше, а въ томъ, чтобы принять его меньше. При помощи цѣлаго ряда конвульсивныхъ мышечныхъ сокращеній, содержащий легкими воздухъ изгоняется возможно больше; затѣмъ слѣдуетъ короткое вдыханіе, и потомъ снова рядъ выталкивающихъ движеній и т. д., пока наковецъ прекращается смѣхъ: мы часто бываемъ въ этихъ случаяхъ, какъ говорятъ, «безъ дыханія». Результатомъ смѣха должно быть временное уменьшеніе поглощенія

кислорода; соотвѣтственное уменьшеніе жизненной дѣятельности и, слѣдовательно, ослабленіе того сильнаго мозговаго возбужденія, слѣдствіемъ котораго является смѣхъ. Во время плача, который, какъ показано, сопровождается избыткомъ мозговаго кровообращенія, дѣйствіе легкихъ въ сущности бываетъ то же самое. Продолжительныя и усиленныя выдыханія и короткія выдыханія, которыя характеризуютъ его, должны точно также производить недостаточное окисленіе со всѣми его результатами. Это дѣлаетъ понятнымъ стремленіе плача переходить въ истерическій смѣхъ, такъ какъ первый составляетъ лишь менѣе сильную форму послѣдняго.

Поэтому кажется вѣроятнымъ, что смѣхъ и слезы происходятъ отъ избытка мозговаго кровообращенія и производятъ одинаковое дѣйствіе, — уменьшеніе этого избытка. Когда артеріи, приносящія кровь къ мозгу, значительно расширяются отъ пріятнаго душевнаго волненія, результатомъ бываетъ смѣхъ; когда же онѣ значительно расширяются отъ тягостнаго душевнаго волненія — являются слезы; а когда расширение ихъ отъ той или другой причины доходитъ до крайней степени, мы получаемъ одновременно слезы и смѣхъ. Важность этихъ двухъ дѣятелей по отношенію къ мозговому кровообращенію обнаружится, если мы вспомнимъ, что результатомъ сильныхъ печальныхъ и радостныхъ потрясеній можетъ быть параличъ и что тѣ роды умственнаго возбужденія, которые не сопровождаются ни слезами, ни смѣхомъ, — какъ сильная забота или сильная умственная работа, — суть обыкновенныя причины паралича.

У. ГРАЦІОЗНОСТЬ.

Ученіе, что Красота есть общее названіе для извѣстныхъ качествъ вещей, которыя обыкновенно вызываютъ въ насъ чувство удовольствія, и что, такимъ образомъ, наше понятіе о красотѣ есть результатъ совокупныхъ пріятныхъ ощущеній, кото-

рыя мы испытали, — это учение, съ которымъ, въ обширномъ смыслѣ, я вполне согласенъ, — по моему мнѣнію, не можетъ быть приложимо къ тому качеству формы и движенія, которое мы называемъ *граціей*.

Качество, которому мы даемъ это названіе, очевидно предполагаетъ нѣкоторое совершенство въ вещи, обладающей имъ. Мы не приписываемъ этого качества лошадямъ, черепахамъ и гиппопотамамъ, въ которыхъ способности движенія несовершенно развиты; но мы приписываемъ его борзымъ собакамъ, дикимъ козамъ, скаковымъ лошадямъ — всѣмъ животнымъ, у которыхъ двигательные органы сильно развиты. Въ чемъ же состоитъ, послѣ этого, отличительная особенность строенія и дѣйствія, которой мы даемъ названіе граціи?

Однажды вечеромъ, наблюдая за танцовщицей и внутренно порицая ея *tours de force*, какъ неловкость, которую слѣдовало бы ошукать, еслибъ не было людей, аплодирующихъ по рутинѣ, я замѣтилъ, что истинно-граціозныя движенія этой танцовщицы были именно тѣ движенія, которыя совершались съ сравнительно-небольшимъ усиліемъ. Припоминая различные подтверждающіе эту мысль факты, я пришелъ теперь къ тому общему заключенію, что изъ различныхъ опредѣленныхъ положеній и движеній — та оказывается наиболѣе граціозною, которая выполняется съ наименьшей тратой силы. Другими словами, грація, по отношенію къ движенію, означаетъ движеніе, которое производится съ экономіей мышечной силы; грація, по отношенію къ животнымъ формамъ, означаетъ формы способныя къ этой экономіи; грація, по отношенію къ позамъ, означаетъ такія позы, которыя могутъ быть поддерживаемы съ соблюденіемъ этой экономіи, и грація, по отношенію къ неодушевленнымъ предметамъ, означаетъ такіе предметы, которые представляютъ нѣкоторую аналогію съ этими положеніями и формами.

Что это обобщеніе, если не вполне вѣрно, то содержитъ по крайней мѣрѣ значительную долю истины, это, по моему мнѣнію, станетъ очевиднымъ, когда рассмотримъ, до какой степени мы привыкли сочетать слова *легкій* и *граціозный*, и вспомнимъ нѣкоторые изъ фактовъ, на которыхъ основано

это сочетаніе. Положеніе солдата, вытягивающагося при командѣ «смирно», болѣе удалено отъ граціозности, нежели то свободное положеніе его, которое онъ принимаетъ при командѣ «вольно». Неловкій посѣтитель, робко сядущій на кончикъ стула, и вполнѣ владѣющій собой хозяинъ дома, котораго члены и тѣло располагаются совершенно удобно, представляютъ одинаковый контрастъ какъ въ усилии, такъ и въ граціозности. Во время стоянія, мы обыкновенно сберегаемъ силу, опирая тяжесть нашего тѣла, главнымъ образомъ, на одну ногу, которую мы для этой цѣли выпрямляемъ, подобно столбу, между тѣмъ какъ другая остается совершенно свободною; мы при этомъ нѣсколько склоняемъ голову на сторону. Обои́мъ этимъ положеніямъ подражаютъ въ скульптурѣ, какъ элементамъ граціи.

Перехода отъ положеній тѣла къ движеніямъ, намъ не трудно будетъ замѣтить, что между послѣдними существуетъ та же самая связь. Никто не считаетъ за граціозную — походку, которая неправильна, сопровождается подпрыгиваніемъ и въ которой такъ явно замѣтна трата силы; никто не видитъ красоты въ переваливающейся походкѣ тучнаго человека или въ дрожащей поступи инвалида, такъ какъ въ обоихъ случаяхъ видно усиліе. Но мы любимъ походку, которая умѣренно скоро, совершенно ритмична, не сопровождается насильственнымъ маханіемъ рукъ и производитъ на насъ такое впечатлѣніе, какъ будто-бы въ ней вовсе не было сознательнаго движенія и какъ будто-бы, въ тоже самое время, на нее не расходовалось никакой силы. Главная трудность танцевъ, состоящая въ приличномъ расположеніи рукъ, достаточно подтверждаетъ ту же самую истину. Люди, не преодолевшіе эту трудность, производятъ на зрителя такое впечатлѣніе, какъ будто-бы руки имъ въ тягость; потому что онѣ держатся робко въ какомъ-то нерѣшительномъ положеніи и съ очевидною тратою силы; онѣ удерживаются отъ раскачиванія въ томъ направленіи, въ какомъ имъ естественно слѣдовало бы раскачиваться; или вѣсто того, чтобы способствовать поддержанію равновѣсія, держатся такъ, что подвергаютъ опасности утратить его. Хорошій же танцоръ даетъ намъ чувствовать, что руки не только ни мало не беспокоятъ его, а, напротивъ, оказываются

весьма полезными. Каждое движеніе ихъ, вытекая естественно изъ предыдущаго движенія тѣла, доставляетъ нѣкоторое удобство. Мы замѣчаемъ, что онѣ облегчаютъ общее движеніе, вмѣсто того, чтобы затруднять его, или другими словами, — что достигается экономія усилія. Тотъ, кто желаетъ лучше выяснитъ себѣ этотъ фактъ, легко можетъ сдѣлать это — изучая движеніе рукъ во время ходьбы. Пусть онъ прижметъ свои руки къ обѣимъ сторонамъ туловища и держитъ ихъ въ этомъ положеніи во время нѣсколько быстрой ходьбы. Онъ непременно долженъ будетъ производить движеніе плечами назадъ и впередъ, отличающееся вертлявымъ, неграціознымъ характеромъ. Пройдя нѣкоторое пространство въ такомъ положеніи, онъ найдетъ, что движеніе совершается не только неграціозно, но и утомительно; послѣ этого, пусть онъ предоставитъ своимъ рукамъ качаться, какъ обыкновенно. Повертываніе плечами прекращается; тѣло начинаетъ ровно двигаться впередъ; является ощущеніе сравнительной легкости. Анализируя этотъ фактъ, онъ замѣтитъ, что движеніе каждой руки назадъ происходитъ одновременно съ движеніемъ соответствующей ноги впередъ; и, если онъ обратитъ вниманіе на свои мышечныя ощущенія, то найдетъ (что — если онъ математикъ — онъ признаетъ за слѣдствіе закона, по которому дѣйствіе и противодѣйствіе равны и противоположны), что это качанье руки назадъ есть противовѣсъ движенію ноги впередъ; и что легче производить этотъ противовѣсъ движеніемъ руки, нежели искривленіемъ стана, которое иначе оказалось бы необходимымъ. (1)

(1) Параллельный фактъ, еще болѣе выясняющій этотъ предметъ, представляетъ всякій паровозъ. Разсматривая движущее колесо, мы найдемъ, что кулаку, къ которому прикрѣпляется шатунъ, соответствуетъ металлическая масса на противоположной сторонѣ колеса и на равномъ разстояніи отъ центра; или, если машина будетъ имѣть внутренніе цилиндры, тогда, смотря между слицами движущаго колеса, мы увидимъ такое же приспособленіе. Очевидно, каждый кулакъ и его противовѣсы, будучи помѣщены на противоположныхъ сторонахъ центра движенія, движутся въ противоположныхъ направленіяхъ относи-

При такомъ понятіи о дѣйствіи рукъ въ ходьбѣ, намъ становится яснымъ, что граціозное употребленіе ихъ въ танцахъ есть простое усложненіе того же самаго факта, и что хорошій танцоръ имѣетъ столь острое мышечное чувство, что мгновенно понимаетъ, въ какомъ направленіи нужно двинуть руки, чтобы тотчасъ же представить противовѣсъ какому бы то ни было движенію тѣла и ногъ.

Связь между граціозностью и экономіей силы будетъ въ высшей степени понятна для тѣхъ, кто катается на конькахъ. Они припоминаютъ, что всѣ первоначальныя попытки и, въ особенности, первые боязливые опыты въ принятіи фигуры, которую долженъ имѣть катающійся на конькахъ, одинаково неловки и утомительны, и что приобрѣтеніе ловкости составляетъ въ тоже время и приобрѣтеніе легкости. Когда приобрѣтается достаточная смѣлость и надлежащая способность заправлять ногами, сгорбленіе туловища и неестественныя движенія рукъ, которыя прежде нужны были для поддержанія равновѣсія, становятся лишними; тѣло дѣлается способнымъ безъ контроля слѣдовать данному ему толчку, а руки — качаться, какъ имъ угодно; и ясно чувствуется, что граціозный способъ выполненія какого бы то ни было поворота есть тотъ, который стоитъ меньшихъ усилій. Зрители всегда замѣтятъ этотъ фактъ, если обратятъ на него вниманіе. Можетъ быть ни въ какомъ другомъ случаѣ нельзя съ такой отчетливостью замѣтить, что движенія, называемыя граціозными, суть тѣ, которыя достигаютъ извѣстной цѣли съ самой малой тратой силы.

тельно вала, и такимъ образомъ одни нейтрализуютъ возмущающія дѣйствія другихъ и обуславливаютъ совершенно плавное вращеніе. То же самое отношеніе, какое существуетъ между движеніями противовѣса и шатуна, существуетъ между движеніями рукъ и ногъ при ходьбѣ; и въ первое время послѣ устройства желѣзныхъ дорогъ, когда еще эти контрбалансирующія тяжести не были въ употребленіи, двигающія колеса были подвержены сильнымъ сотрясеніямъ, весьма аналогичнымъ съ тѣми сотрясеніями плечъ, которыя появляются, когда мы быстро идемъ не двигая руками.

Разсмотрѣніе процесса катанія на конькахъ внушаетъ предположеніе, что граціозное движеніе должно быть опредѣлено какъ движеніе по кривымъ линіямъ. Прямые движенія и движенія по ломанымъ линіямъ (зигзагообразныя) безъ сомнѣнія исключаются изъ этого понятія. Внезапныя остановки и неправильности, выражающіяся угловатыми движеніями, составляютъ противоположности граціознаго движенія, такъ какъ главный элементъ граціи есть непрерывность, плавность. Однако оказывается, что это только другая точка воззрѣнія на ту же самую истину и что движеніе по кривымъ линіямъ есть экономическое движеніе. Предположимъ, что членъ долженъ принять нѣкоторый рядъ опредѣленныхъ положеній: если онъ будетъ двигаться по прямой линіи къ первому изъ этихъ положеній, онъ долженъ вдругъ остановиться и потомъ снова двигаться въ другомъ направленіи, также прямомъ, и такъ далѣе; очевидно, что при каждой остановкѣ предварительно сообщенная члену скорость должна быть уничтожена нѣкоторой тратой силы и что ему снова должна быть сообщена скорость при помощи новой траты силы; между тѣмъ, если членъ не будетъ останавливаться въ первомъ положеніи, движеніе будетъ продолжаться и сторонняя сила будетъ заставлять его склоняться ко второму положенію, то по необходимости будетъ происходить криволинейное движеніе, и пользованіе первоначальной скоростью будетъ сберегать силу.

Если мы допустимъ справедливость этихъ выводовъ относительно граціознаго движенія, то, по моему мнѣнію, нельзя сомнѣваться, что граціозная форма есть такого рода форма, которая представляетъ намъ, вмѣстѣ съ малымъ усиліемъ, нужнымъ для ея поддержанія, и малое усиліе нужное для движенія. Иначе, являлись бы несообразность, что граціозная форма вовсе не связана съ граціознымъ движеніемъ или что одно существуетъ обыкновенно безъ другаго; а такъ какъ оба эти положенія противорѣчатъ нашему опыту, то мы принуждены заключить, что указанная связь существуетъ. Если кто усомнится допустить справедливость этого, то, вѣроятно, перестанетъ сомнѣваться, если вспомнить, что мы называемъ граціозными тѣхъ хорошо сложенныхъ животныхъ, которыя не обременяются своей тяжестью и

отличаются быстротой и проворством; между тѣмъ какъ неграціозными считаются такія, которые тяготеютъ своей массивностью и у которыхъ недостаточно развита способность движенія. Такъ, въ борзыхъ собакахъ, по преимуществу, видно то особенное измѣненіе собачьяго типа, въ которомъ весьма рѣзко бросается въ глаза умѣренная массивность тѣла и въ которомъ легкость мышечнаго движенія доведена, вслѣдствіе привычки, до высшаго совершенства, — а этотъ типъ считается самымъ граціознымъ.

Какимъ образомъ деревья и другіе неодушевленные предметы могутъ подходить къ состоянію, которое позволяло бы приложить этотъ эпитетъ, — покажется менѣ очевиднымъ. Но фактъ, что мы, обыкновенно и можетъ быть неизбежно, смотримъ на всѣ предметы подъ вліяніемъ извѣстнаго антропоморфическаго взгляда, поможетъ, кажется, понять это. Труаноподвижная вѣтвь дуба, стоящая подъ прямыми углами къ стволу, незамѣтно внушаетъ намъ идею о значительности силы, которая тратится на поддержаніе ея въ этомъ положеніи, — и мы называемъ эту вѣтвь неграціозною подъ вліяніемъ того же самаго чувства, которое побуждаетъ насъ считать за неграціозную такую позу, въ которой руки протянуты подъ прямыми углами къ тѣлу. Наоборотъ, легко-подвижныя, нависшіе сучья плакучей ивы незамѣтно представляютъ сходство съ членами, находящимися въ свободномъ положеніи, — положеніи, которое требуетъ небольшого усилія для своего поддержанія: и слово граціозный, служащее для описанія такого положенія, мы метафорически относимъ и къ ивѣ.

Я отважусь высказать здѣсь, въ нѣсколькихъ строкахъ, гипотезу, что понятіе о граціи имѣетъ свое субъективное основаніе въ сочувствіи (симпатіи). Та же самая способность, которая заставляетъ насъ содрогаться при видѣ человѣка, находящагося въ опасности, и которая производитъ иногда движеніе въ нашихъ собственныхъ членахъ, при видѣ другаго человѣка, борящагося или падающаго, — заставляетъ насъ раздѣлять и всѣ мышечныя ощущенія, которыя испытываются вокругъ насъ другими. Когда ихъ движенія бывають насильственными или неловки, тогда и мы отчасти

испытываемъ тѣ непріятныя ощущенія, которыя должны были бы испытать, еслибы эти движенія были въ насъ самихъ. Когда же движенія людей, на которыхъ мы смотримъ, свободны, тогда и мы раздѣляемъ пріятныя ощущенія, какія испытываются личностями, совершающими эти движенія.

VI. ЗНАЧЕНІЕ ОЧЕВИДНОСТИ.

При существованіи страсти къ стучащимъ духамъ, столовращеніямъ и вѣры въ самовозгораніе, желательно сказать нѣсколько словъ въ оправданіе того общаго скептицизма, съ которымъ смотритъ философъ на эти мнимыя чудеса, періодически вскруживающія головы народовъ. Потребовалась бы препорядочная книжка для того, чтобы помѣстить все, что можно было бы написать объ этомъ предметѣ; и, къ несчастью, еслибъ такая книжка была написана, ее мало читали бы тѣ, кому она всего нужнѣе. Но одна или двѣ замѣтки могутъ выслушаться нѣкоторыми изъ нихъ.

«Я говорю вамъ, что я самъ видѣлъ это»—есть то мнимоубѣдительное увѣреніе, которымъ неожиданно кончаются многіе споры. Личности, которыя приводятъ это увѣреніе, обыкновенно думаютъ, что послѣ него уже не остается мѣста никакому возраженію, и удивляются безразсудности тѣхъ, которые все-таки остаются при своемъ убѣжденіи. Несмотря на то, что они отвергаютъ многія сказки о колдовствѣ, многіе рассказы о привидѣніяхъ, чудеса которыхъ были засвидѣтельствованы очевидцами; несмотря на то, что они неоднократно видѣли фокусниковъ, совершающихъ такія вещи, въ возможность которыхъ они не вѣрятъ; несмотря на то, что они слышали объ автоматѣ,

играюшемъ въ шахматы, и о невидимой дѣвѣ и, можетъ быть, видѣли объясненіе способовъ, посредствомъ которыхъ публика обманывалась ими; несмотря на то, что они знаютъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ факты были не тѣ, какіе представлялись зрителямъ, — однако они не могутъ представить себѣ, чтобы ихъ собственныя понятія были извращены влияніями, подобными тѣмъ, которыя извращаютъ понятія другихъ. Или—представимъ дѣло болѣе снисходительно и, можетъ быть, болѣе точно—они забываютъ, что подобныя извращенія постоянно случаются.

Хотя, по народному понятію, точное наблюденіе есть дѣло очень легкое, однако каждый ученый знаетъ, что это дѣло крайне трудное. Наши способности могутъ передавать факты ложно отъ двухъ противоположныхъ причинъ: присутствія гипотезы и отсутствія гипотезы. Каждое, производимое нами, наблюденіе необходимо подвергается опасностямъ отъ той или другой изъ этихъ причинъ; а обойдя и ту и другую, едвали есть возможность видѣть какой-либо фактъ *совершенно* вѣрно. Нѣсколько примѣровъ крайне-неправильныхъ истолкованій, происходящихъ отъ одной причины, и крайней неточности, зависящей отъ другой, оправдаютъ этотъ кажущійся парадоксъ.

Почти каждый знакомъ съ мифомъ, господствующимъ на нашихъ приморскихъ берегахъ относительно уточки-гуса (Bag-nacle-Goose). Народное вѣрованіе, доселѣ еще существующее въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, говоритъ, что плодъ деревъ, наклонившихся своими вѣтвями въ море, измѣняется въ нѣкоторыя существа, покрытыя раковинами и называемыя *уточками*; существа эти усаживаются на погруженныхъ въ море вѣтвяхъ; кромѣ того вѣрили, что эти уточки, съ теченіемъ времени, превращаются въ птицъ, извѣстныхъ подъ именемъ уточки-гуса. Это вѣрованіе не ограничивалось только простымъ народомъ; оно было принято натуралистами, и было принято не просто какъ молва. Оно было основано на наблюденіяхъ, которыя были переданы и одобрены величайшими учеными авторитетами и опубликованы съ ихъ распоряженіемъ. Въ статьѣ, помѣщенной въ «*Philosophical Transactions*», сэръ Робертъ Морей, описывая этихъ уточекъ, говоритъ: «Въ каждой раковинѣ, которую

я вскрывалъ, я находилъ совершенную морскую птицу; маленький носъ, подобный носу гуся, обозначенные глаза, голову, шею, грудь, крылья, хвостъ и сформировавшіяся ноги, перья, вездѣ совершенно образовавшіяся и темноватаго цвѣта, и ноги, подобныя ногамъ прочихъ морскихъ водяныхъ птицъ.» Этотъ мнѣ относительно уточки-гуся отвергнуть уже около полутора столѣтій тому назадъ. Для зоолога новѣйшаго времени, который изслѣдуетъ одного изъ этихъ усконогихъ животныхъ (cirrhipeds) — какъ называютъ теперь уточекъ — трудно вѣрится, чтобы когда-нибудь можно было счесть его за птенца; и что сэръ Робертъ Морей могъ принять за «голову, шею, грудь, крылья, хвостъ, ноги и перья» — представить себѣ нельзя. Подъ вліяніемъ предвзятаго мнѣнія, образованный человѣкъ описываетъ тутъ какъ «совершенную морскую птицу» то, въ чемъ мы видимъ теперь измѣненное ракообразное, относящееся къ низшимъ разрядамъ животнаго царства.

Еще болѣе замѣчательный примѣръ извращеннаго наблюденія находится въ старой книгѣ, озаглавленной «*Metamorphosis Naturalis*», изданной въ Мидльбургѣ въ 1662 г. Это сочиненіе, въ которомъ въ первый разъ сдѣлана была попытка представить подробное описаніе превращенія наѣскомыхъ, содержитъ въ себѣ, для поясненія, многочисленныя таблицы, которыя представляютъ различныя степени развитія, — личинку, куколку и полное наѣскомое. Читатель сколько-нибудь знакомый съ энтомологіей вспомнитъ, что куколки всѣхъ нашихъ обыкновенныхъ бабочекъ представляютъ на переднемъ концѣ нѣсколько острыхъ возвышеній, образующихъ неправильное очертаніе. Замѣчалъ ли онъ когда-нибудь въ этомъ очертаніи сходство съ человѣческимъ лицомъ? Что касается меня, то я могу сказать, что, хотя въ прежніе годы сохранялъ личинки бабочекъ поколѣніе за поколѣніемъ во всѣхъ ихъ измѣненныхъ формахъ, я никогда не замѣчалъ никакого подобнаго сходства, — точно также какъ и теперь не вижу его. Несмотря на то въ таблицахъ этого «*Metamorphosis Naturalis*» каждая куколка имѣетъ столь измѣненныя возвышенія, что представляется смѣшная человѣческая голова и каждому виду приданы различныя профили. Вѣрилъ ли художникъ въ метемпсихозу и

думалъ найти въ куколкахъ преобразившееся человѣчество; или былъ увлеченъ ложной аналогіей, которую такъ усиленно проводилъ Ботлеръ между переходомъ отъ куколки къ бабочкѣ и отъ смертности къ безсмертію, и поэтому замѣчалъ въ куколкѣ типъ человѣка, — неизвѣстно. Но мы видимъ здѣсь фактъ, что, подъ вліяніемъ того или другаго предвзятаго мнѣнія, онъ сдѣлалъ свои рисунки совершенно отличными отъ дѣйствительныхъ формъ. Онъ не только думаетъ, что это сходство существуетъ, не только говоритъ, что можетъ видѣть его: предвзятое мнѣніе такъ овладѣваетъ имъ, что руководитъ его кистью и заставляетъ воспроизводить изображенія, до крайней степени не похожія на дѣйствительныя.

Эти крайніе случаи извращеннаго воспріятія разнятся только въ степени отъ извращенныхъ воспріятій обиходной жизни; и извращающее вліяніе такъ сильно, что даже ученые, самые далекіе отъ увлеченій, не ускользаютъ отъ него. Каждый микроскопистъ знаетъ, что если два наблюдателя держатся противоположныхъ теорій, то оба будутъ смотрѣть въ одинъ и тотъ же инструментъ на одинъ и тотъ же предметъ — и дадутъ совершенно различныя описанія этого предмета.

Отъ опасностей, происходящихъ вслѣдствіе существованія гипотезы, мы теперь обратимся къ опасностямъ, порождаемымъ отсутствіемъ всякой гипотезы. Немногіе признаютъ, что мы не можемъ сдѣлать самаго обыкновеннаго наблюденія не имѣя никакого предварительнаго понятія о томъ, что мы должны наблюдать, — однако это совершенно справедливо. Васъ просятъ прислушаться къ слабому звуку, и оказывается, что, не имѣя предварительнаго понятія о *родѣ* звука, вы не можете слышать его. Нѣсколько особенный запахъ въ вашей пищѣ будетъ оставаться совершенно незамѣченнымъ до тѣхъ поръ, пока кто-нибудь не обратитъ вашего вниманія на это, — и тогда вы ясно отличаете этотъ запахъ. Зная своего друга въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, вы вдругъ замѣчаете, что носъ его нѣсколько кривъ, и будете удивляться, что никогда не замѣчали этого прежде. Эта неспособность наша къ наблюденіямъ становится еще болѣе поразительною, когда факты, которые мы должны наблюдать, сложны. Изъ ста человѣкъ,

которые слышатъ замирающіе звуки церковнаго колокола, можетъ быть ни одинъ не замѣтитъ ихъ сложность, и всё будутъ увѣрять, что звукъ былъ простой. Человѣкъ, который не упражнялся въ рисованіи, идя по улицѣ, едвали замѣчаетъ, что всё горизонтальныя линіи стѣнъ, оконъ, воротъ, крышъ кажутся скользящими, на извѣстномъ разстояніи, въ одну точку, — фактъ, который послѣ нѣсколькихъ уроковъ о перспективѣ становится довольно яснымъ.

Можетъ быть мнѣ удастся яснѣе всего доказать эту необходимость гипотезъ, какъ условія для лучшаго пониманія, если расскажу отчасти то, что я самъ испыталъ относительно цвѣта тѣней.

Китайская тушь была краска, которую я постоянно употреблялъ, въ дѣтствѣ, для наведенія тѣни. Спросите всякаго, непосвященнаго въ теорію искусства или неуспѣвашаго подумать о немъ, какого цвѣта бываетъ тѣнь, и тотчасъ же вамъ отвѣтятъ — чернаго. Такъ думаютъ всё непосвященные; такъ думалъ и я, ни разу не усомнившись до осьмнадцати лѣтъ. Въ эти годы, мнѣ нерѣдко приходилось сталкиваться съ однимъ артистомъ-диллетантомъ, и, къ величайшему моему удивленію, я услышалъ отъ него, что тѣнь бываетъ не чернаго, а нейтральнаго цвѣта. Я весьма сильно сопротивлялся этому новому для меня ученію. Отлично помню, что я отрицалъ его и, въ подтвержденіе справедливости отрицанія, приводилъ всю свою опытность. Помню также, что споръ этотъ продолжался долго; и только послѣ того, какъ мой другъ неоднократно обращалъ мое вниманіе на различныя пріемы въ природѣ, я наконецъ сдался. Несмотря на то, что я прежде видѣлъ мириады тѣней, однако по той причинѣ, что въ большей части случаевъ цвѣтъ тѣни приближается къ черному, я былъ неспособенъ, при отсутствіи гипотезы, замѣтить, что въ другихъ случаяхъ онъ является замѣтно отличнымъ отъ чернаго.

Этого преобразованнаго ученія я держался въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ. Правда, по временамъ я замѣчалъ, что тонъ нейтральнаго цвѣта весьма значительно измѣнялся въ различныхъ тѣняхъ; но эти оттѣнки не могли еще ниспровергнуть моей вѣры

въ догмать. Между тѣмъ, случайно, въ популярномъ сочиненіи по части оптики, я встрѣтился съ положеніемъ, что цвѣтъ тѣни есть всегда дополнительный цвѣтъ свѣта, бросающаго ее. Не зная причины приведеннаго закона, который, кромѣ того, казался противнымъ моему установившемуся убѣжденію, я долженъ былъ заняться изученіемъ этого предмета со стороны причинности. Отчего бывають тѣни цвѣтныя? и что обуславливаетъ ихъ цвѣтъ? — были вопросы, которые явились сами собою. Принимая на нихъ отвѣты, я тотчасъ уяснилъ себѣ, что, такъ какъ пространство, находящееся въ тѣни, есть то пространство, въ которое не достигаетъ *прямой* свѣтъ и въ которое падаетъ *косвенный* свѣтъ (отражаемый окружающими предметами, облаками и небомъ), то въ цвѣтъ тѣни долженъ входить цвѣтъ каждой вещи, которая можетъ или испускать лучи или отражать свѣтъ въ нее. Следовательно, цвѣтъ тѣни долженъ быть *среднимъ цвѣтомъ разсыпаннаго свѣта* и долженъ измѣняться, какъ это и бываетъ, вмѣстѣ съ цвѣтами всѣхъ окружающихъ вещей. Такимъ образомъ объяснилось непостоянство, которое я замѣчалъ; и я тотчасъ признавалъ въ природѣ то, что предполагаетъ теорія, — именно, что тѣнь, смотря по обстоятельствамъ, можетъ быть всякаго цвѣта. При ясномъ небѣ и въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ деревъ, заборовъ, домовъ и т. п. предметовъ, тѣнь бываетъ чисто-голубаго цвѣта. Во время краснаго захода солнца, смѣсь желтаго свѣта, падающаго отъ верхней части западнаго неба, съ голубымъ свѣтомъ отъ восточнаго неба, производитъ зеленыя тѣни. Подойдите поближе къ газовому фонарю въ лунную ночь, и окажется, что карандашъ, помѣщенный перпендикулярно къ листу бумаги, будетъ отбрасывать пурпурно-голубую тѣнь и желто-сѣрую тѣнь, производимыя газомъ и луной отдѣльно. Существуютъ условія, которыя описывать здѣсь было бы слишкомъ долго, но при которыхъ двѣ части одной и той же тѣни окрашиваются различно. Всѣ подобныя факты стали очевидными для меня тотчасъ, какъ я узналъ, что они *должны* существовать.

Такимъ образомъ, относительно извѣстнаго простаго явленія, которое встрѣчается ежечасно, представляются тутъ три

последовательныхъ убѣжденія; каждое изъ нихъ основывалось на цѣлыхъ годахъ наблюдений; каждое изъ нихъ было принимаемо съ полнымъ довѣріемъ, и между тѣмъ только одно изъ нихъ — какъ я полагаю теперь — вѣрно. Безъ помощи первой гипотезы я, вѣроятно, оставался бы при общемъ убѣжденіи, что тѣни черны. Безъ помощи другой я вѣроятно оставался бы при убѣжденіи наполовину истинномъ — что онѣ нейтральнаго цвѣта.

Не ясно ли становится, послѣ этого, что наблюденіе есть дѣло отнюдь не легкое? Съ одной стороны, если мы имѣемъ предвзятое мнѣніе, то становимся расположенными видѣть вещи не совершенно такъ, какъ онѣ есть, а какъ мы думаемъ объ нихъ. Съ другой стороны, безъ предвзятаго мнѣнія — мы дѣлаемся расположенными не замѣчать многого, что должны были бы видѣть. А между тѣмъ мы должны или имѣть предвзятое мнѣніе или не имѣть никакого мнѣнія. Поэтому очевидно, что всѣ наши наблюденія, исключая тѣхъ, которыя производятся подъ вліаніемъ уже установленныхъ и истинныхъ теорій, рискуютъ оказаться извращенными или неполными.

Остается только замѣтить, что если это бываетъ съ *статическими* явленіями, то не въ гораздо ли большей степени должно это имѣть мѣсто съ явленіями *динамическими*. Если наши наблюденія несовершенны въ случаяхъ, подобныхъ предвѣдущимъ, гдѣ вещи постоянны и гдѣ мы можемъ неоднократно и даже постоянно смотрѣть на нихъ, — то до какой степени болѣе несовершенны должны быть наши наблюденія въ тѣхъ случаяхъ, когда вещи состоятъ изъ сложныхъ процессовъ, измѣненій или дѣйствій, и когда каждый изъ нихъ представляетъ последовательныя фазисы, которые, если не были точно наблюдаемы въ моментъ ихъ отдѣльнаго проявленія, вовсе никогда не могутъ быть наблюдаемы. Здѣсь шансы къ ошибкамъ неизмѣримо увеличиваются. А когда, въ добавокъ, существуетъ еще нѣкоторое нравственное возбужденіе, — когда, какъ въ опытахъ надъ стучащими духами и столовращеніями, умъ какъ-то особенно парализуется страхомъ или чудомъ, тогда точное наблюденіе становится почти невозможнымъ.

VII. ЛИЧНАЯ КРАСОТА.

Обыкновенно принимаютъ, что красота характера и ви́шняя красота не имѣютъ между собой отношенія. Я никогда не могъ согласиться съ этимъ мнѣніемъ. И дѣйствительно, даже тѣ, которые принимаютъ это мнѣніе, принимаютъ его въ очень неполномъ смыслѣ; потому что приходится замѣчать, что, несмотря на свою теорію, они продолжаютъ выражать удивленіе при видѣ низкаго поступка, сдѣланнаго человѣкомъ съ благороднымъ выраженіемъ лица: этотъ фактъ ясно показываетъ, что рядомъ съ принимаемой ими индукціей лежитъ еще живое убѣжденіе, которое противорѣчитъ ей.

Откуда это убѣжденіе? Какимъ образомъ происходитъ, что вѣра въ связь между достоинствомъ и красотой присуща каждому изъ насъ? Она не можетъ быть врождена. Не есть ли она результатъ первой поры опытности? И въ тѣхъ, которые продолжаютъ вѣрить въ эту связь вопреки теоретическимъ соображеніямъ, не должна ли широкая опытность первой поры жизни перевѣшивать опытность позднѣйшую и исключительную?

Уклоняясь отъ разсматриванія этого вопроса съ метафизической стороны, постараемся разобрать его со стороны физиологической.

Тѣ, которые не допускаютъ родства между умственной красотой и красотой лица, обыкновенно находятъ связь между характеромъ и выраженіемъ лица. Сомнѣваясь или, скорѣе, вовсе не допуская, чтобы *постоянная форма* ви́шности могли какимъ-нибудь образомъ выражать складъ ума, они утверждаютъ, что *преходящія* формы ви́шности могутъ выражать его. Эти положенія несомнѣстимы. Не ясно ли, что преходящія формы, вслѣдствіе своего постоянного повторенія, опечатлѣваются на лицѣ и *производятъ* постоянныя формы? Болѣе или менѣе постоянное намуреніе бровей не оставляетъ ли послѣ себя неизгладимыя слѣды на лбу? Постоянное негодованіе не вызы-

ваает ли въ скоромъ времени нѣкотораго измѣненія въ углахъ рта? Не запечатлѣвается ли частое сжиманіе губъ—выраженіе твердой рѣшимости—и не измѣняется ли оно форму нижней части лица? И если есть хоть доля истины въ ученіи о наследственной передачѣ, то не должно ли быть стремленія къ повторенію этихъ измѣненій, какъ новыхъ типовъ внѣшности въ потомствѣ? Короче—не правы ли мы будемъ, если скажемъ, что *выраженіе есть складывающаяся внѣшность* и что, если выраженіе имѣетъ какое-нибудь значеніе, то и формы внѣшности, производимыя имъ, также имѣютъ какое-нибудь значеніе?

Могутъ возразить, что перемѣны выраженія вліяютъ только на мышцы и кожу лица; что только на нихъ постоянные отпечатки выраженія могутъ распространять свое вліяніе, между тѣмъ какъ красота лица зависитъ главнымъ образомъ отъ склада его костей; что поэтому измѣненія, подобныя тѣмъ, которыя описаны, не могутъ имѣть мѣста, и что, хотя между наружнымъ видомъ и характеромъ можетъ существовать родство въ частности, его не должно быть въ общемъ.

Отвѣтъ на это будетъ тотъ, что складъ костей лица *измѣняется* вслѣдствіе измѣненій въ тканяхъ, покрывающихъ ихъ. Въ физиологіи установилось уже ученіе, что во всемъ скелетѣ большее или меньшее развитіе костей зависитъ отъ большаго или меньшаго развитія, т. е. упражненія, прикрѣпленныхъ къ нимъ мышцъ. Поэтому, постоянныя измѣненія въ расположеніи мышцъ лица будутъ сопровождаться постоянными измѣненіями въ складѣ его костей.

Чтобы не останавливаться на общихъ положеніяхъ, которыя имѣютъ для многихъ читателей весьма небольшое значеніе, я приведу нѣсколько случаевъ, въ которыхъ связь между органическимъ безобразіемъ и низкимъ умственнымъ состояніемъ, и, наоборотъ, связь между органической красотой и сравнительно-совершеннымъ умственнымъ состояніемъ—вполнѣ ясно замѣтна.

Всякій допустить, что выдающіяся челюсти, характеристическая черта низшихъ человѣческихъ расъ, есть лицевой недостатокъ, есть такая черта, которую ни одинъ скульпторъ не пожелалъ бы придать идеальной бюсту. Въ тоже время несо-

мѣнно, что выдающіяся челюсти у млекопитающихъ совпадаютъ вообще съ сравнительнымъ недостаткомъ умственныхъ способностей. Правда, эта связь не сохраняется постоянно въ одинаковой степени. Это не прямая, а косвенная связь, и слѣдовательно она можетъ нарушаться. Тѣмъ неменѣе она существуетъ между всѣми высшими племенами; и при изслѣдованіи мы увидимъ, почему она должна существовать. Согласно великому физиологическому закону, по которому органы развиваются соотвѣтственно ихъ упражненію, челюсти должны быть относительно велики тамъ, гдѣ имъ приходится выполнять много работы, и должны уменьшаться въ своихъ размѣрахъ, если отправленія ихъ становятся менѣе многочисленными и менѣе трудными. Во всѣхъ низшихъ классахъ животныхъ челюсти суть единственные органы манипуляціи, — онѣ употребляются не только для жеванія, но и для схватыванія, перенесенія, грызенія — для всего, за исключеніемъ движенія, которое есть единственная обязанность, управляемая конечностями. Восходя къ высшимъ животнымъ, мы замѣчаемъ, что переднія конечности начинаютъ помогать челюстямъ и постепенно раздѣлять съ ними часть ихъ обязанностей. Нѣкоторыя животныя употребляютъ ихъ для выкапыванія себѣ норъ; другія, какъ кошки, для пораженія; многія для того, чтобы вѣртіи удержать добычу, терзаютъ ее помощью переднихъ конечностей; и приближаясь къ четверорукимъ, переднія конечности которыхъ владѣютъ такой полной силой, что не только могутъ схватывать предметы, но и носить и раздроблять ихъ, мы находимъ, что челюсти употребляются почти только для размягченія пищи. Слѣдя за этой цѣпью перемѣнъ, мы видимъ двойное измѣненіе въ формѣ головы. Увеличенная сложность конечностей, большее разнообразіе дѣйствій, совершаемыхъ ими, и болѣе многочисленныя воспріятія, которыя они сообщаютъ, предполагаютъ большее развитіе мозга и костей, его покрывающихъ. Въ тоже самое время, размѣры челюстей уменьшаются соотвѣтственно уменьшенію ихъ отправленій. И этимъ одновременнымъ выступленіемъ верхней части черепа впередъ и отступленіемъ его нижней части назадъ, увеличивался такъ-называемый *лицевой уголъ*.

Соответственные измѣненія въ отправленияхъ и формахъ продолжались и въ теченіе цивилизаціи человѣческой расы. Противопоставляя европейца пауасу, мы видимъ, что одинъ рѣжетъ пищу помощью ножа и вилки, а другой разрываетъ ее помощью челюстей; что одинъ варитъ и такимъ образомъ смягчаетъ, то другой ѣстъ въ грубомъ, сыромъ состояніи; одинъ, чтобы извлечь пользу изъ костей, вывариваетъ ихъ, другой грызетъ ихъ; что же касается до различныхъ механическихъ манипуляцій, то одинъ имѣетъ для нихъ орудіа, а другой употребляетъ свои зубы. Начиная съ бушмена, мы видимъ постепенное осложненіе нашихъ средствъ. Мы не только употребляемъ руки для того, чтобы сберечь свои челюсти, но устроиваемъ снаряды, чтобы сберечь наши руки; а въ нашихъ механическихъ заведеніяхъ употребляются снаряды для дѣланія снарядовъ. Этому прогрессу въ житейскихъ искусствахъ необходимо соответствовали умственный прогрессъ. Всякое новое осложненіе предполагаетъ новое возрастаніе умственныхъ способностей для того, чтобы произвести это осложненіе; а ежедневное употребленіе новыхъ средствъ подвигаетъ впередъ нашъ разумъ. Такимъ образомъ, одновременное движеніе мозга впередъ и отступленіе челюстей назадъ, которое у низшихъ животныхъ сопровождалось увеличеніемъ ловкости и понятливости, постоянно продолжалось и при движеніи человечества отъ варварскаго состоянія къ цивилизованному, и вездѣ имѣло своимъ результатомъ возрастаніе умственныхъ способностей. Такимъ образомъ, становится яснымъ, что существуетъ органическая связь между выдающимися челюстями, которыя мы считаемъ безобразными, и извѣстной степенью несовершенства природы.

Далѣе, выпуклость скуловыхъ костей, которая также характеризуетъ низшія человѣческія расы и которая тоже считается за отклоненіе отъ красоты, находится точно также въ связи съ болѣе низкимъ уровнемъ привычекъ и болѣе низкимъ умственнымъ развитіемъ. Челюсти смыкаются при помощи височныхъ мышцъ, и, слѣдовательно, послѣднія служатъ главными дѣятелями при кусаніи и жеваніи. Сообразно работѣ челюстей и ихъ размѣрамъ, должна развиваться и массивность височныхъ

мышцъ. Но височныя мышцы проходятъ между черепомъ и скуловыми дугами, или между боковыми частями скуловыхъ костей. Следовательно, гдѣ височныя мышцы массивны, тамъ и пространство между скуловыми дугами и черепомъ должно быть велико, а также и боковая выпуклость скуловыхъ дугъ должна быть велика, какъ мы видимъ это въ монгольской и другихъ нецивилизованныхъ расахъ. Поэтому, какъ большія челюсти, такъ и состоящая въ зависимости отъ нихъ чрезмѣрная величина скуловыхъ костей въ одно и тоже время составляютъ и безобразіе и признакъ несовершенства.

Не такъ легко показать связь между нѣкоторыми другими недостатками въ складѣ лица и умственными недостатками, однако мы вправѣ предположить такую связь по причинѣ постоянного совпаденія этихъ недостатковъ, какъ въ нецивилизованныхъ расахъ, такъ и въ дѣтяхъ расъ цивилизованныхъ. Относительно особенностей лица, которыя постоянно совпадаютъ съ только-что поименованными его недостатками, характеризующими низшую степень умственного развитія и исчезающими когда состояніе варварства, прогрессируя, переходитъ въ цивилизацію,—мы имѣемъ также основанія заключить, что онѣ имѣютъ физиологическое значеніе. Опущенное переносье, напримѣръ, которое, составляя характеристическую черту варваровъ и нашихъ дѣтей, составляетъ въ тоже время особенность высшихъ четверорукихъ. Выдающееся впередъ отверстіе ноздрей одинаково рѣзко бросается въ глаза, при взглядѣ съ передней стороны лица, у дѣтей, дикарей и обезьянъ. Тоже самое можно сказать о значительности размѣровъ носовыхъ крыльевъ, о большомъ разстояніи между глазами, о размѣрахъ рта, — словомъ о всѣхъ особенностяхъ въ складѣ лица, которыя, по общему мнѣнію, считаются безобразными.

Съ другой стороны, типъ лица, который обыкновенно принимается наиболѣе красивымъ, не только свободенъ отъ этихъ особенностей, но обладаетъ противоположными. Въ идеальной головѣ грека лобъ выдается такъ много впередъ, а челюсти отступаютъ такъ много назадъ, что лицевой уголъ является гораздо большимъ, нежели въ дѣйствительности. Скуловая ко-

сти такъ малы, что едва замѣтны. Переносъ такъ высоко, что находится почти на одной линіи со лбомъ. Носовыя крылья стоятъ къ лицу почти подъ прямымъ угломъ. Глядя съ передней стороны, ноздри почти не видны. Ротъ малъ, верхняя губа коротка и глубоко вдалась. Наружные углы глазъ лежатъ не на горизонтальной линіи, какъ обыкновенно, и не направляются вверхъ, какъ въ монгольскомъ типѣ, а слегка склоняются внизъ. А форма бровной дуги показываетъ необыкновенно широкую лобную пазуху — характеристическая черта, которая вполне отсутствуетъ въ дѣтахъ, въ низшихъ человѣческихъ расахъ и близкихъ имъ родахъ.

Итакъ, если отступившій лобъ, выдающіяся челюсти и значительный размѣръ скуловыхъ костей — эти три главные элемента безобразія — положительно говорятъ о низшей степени умственного развитія, — если другіе подобные недостатки, какъ большое разстояніе между глазами, сплюсненность носа, расширение его крыльевъ, выдающееся отверстіе ноздрей, большой ротъ, широкія губы, обыкновенно сочетаются съ этими главными элементами безобразія и исчезаютъ вмѣстѣ съ ними когда умственные способности возрастаютъ, — если притомъ это одинаково справедливо и по отношенію къ цѣлой расѣ и по отношенію къ индивиду, — то не очевидно ли слѣдуетъ, что всѣ эти черты, составляющія недостатокъ въ складѣ лица, указываютъ на присутствіе умственныхъ недостатковъ? Кромѣ того, если нашъ идеалъ человѣческой красоты характеризуется не только отсутствіемъ этихъ чертъ, но присутствіемъ противоположныхъ, — если этотъ идеалъ, который мы находимъ въ изваяніяхъ греческихъ боговъ, былъ взятъ для изображенія высшей силы и ума, — и если раса, выбравшая этотъ идеалъ, сама отличалась превосходствомъ ума, дѣянія котораго должны показаться несравненными, если принять во вниманіе невыгодныя условія, въ которыхъ онъ находился, — то не имѣемъ ли мы еще большихъ основанийъ заключить, что главные составныя части красоты и безобразія находятся въ связи съ совершенствомъ и несовершенствомъ умственной природы? И наконецъ, если мы припоминаемъ, что измѣненія вѣнщины, составляющія выраженіе, принимаются

за признаки характера, — если мы припоминаемъ, что, путемъ повтореній, они стремятся къ тому, чтобы отпечатлѣть себя, влияют не только на кожу и мышцы, но даже и на кости лица и передаются въ потомство, — если мы такимъ образомъ открываемъ психологическое значеніе въ каждой изъ преходящихъ группировокъ чертъ лица, въ отпечаткахъ, которые обычныя группировки оставляютъ послѣ себя, въ отпечаткахъ, наслѣдованныхъ отъ предковъ, такъ же какъ и въ главныхъ очертаніяхъ лицевыхъ костей и ихъ покрововъ, характеризующихъ типъ или расу, — то не принуждены ли мы заключить, что всѣ формы виѣшности имѣютъ отношеніе къ складу ума и что онѣ привлекаютъ насъ къ себѣ или отталкиваютъ, смотря по тому, привлекаютъ ли или отталкиваютъ насъ черты природныхъ свойствъ, которыя онѣ обозначаютъ? Въ крайнихъ случаяхъ, существованіе этой связи можно доказать. Что преходящія выраженія лица сопровождаютъ преходящія умственные состоянія и что мы считаемъ эти выраженія безобразными или красивыми, смотря по тому, безобразны ли или прекрасны соответственныя умственные состоянія, — въ этомъ никто не сомнѣвается. Извѣстно также, что постоянныя и наиболѣе характерныя черты лица, зависящія отъ склада костей, сопровождаютъ постоянныя и наиболѣе характерныя умственные состоянія, которыя обнаруживаются въ дикихъ и цивилизованныхъ народахъ. Что мы считаемъ прекрасными такія черты лица, которыя сопровождаютъ извѣстное умственное совершенство, и безобразными — такія, которыя совпадаютъ съ низкимъ умственнымъ состояніемъ, — это такъ же вѣрно. А если такая связь несомнѣнно сохраняется въ крайнихъ случаяхъ и если, вообще говоря и руководствуясь нашимъ полу-инстинктивнымъ убѣжденіемъ, мы можемъ предположить, что она сохраняется болѣе или менѣе явно и въ посредствующихъ случаяхъ, — то возникаетъ почти непреодолимое стремленіе къ индуктивному заключенію, что черты лица, которыя нравятся намъ, суть виѣшнія соответствія внутреннихъ совершенствъ, между тѣмъ какъ черты лица, которыя не нравятся намъ, суть виѣшнія соответствія внутреннихъ несовершенствъ.

Я вполне сознаю, что эта индукція окажется невыдерживаю-

щею критики, если мы станемъ провѣрять ее въ частности. Я знаю, что часто великія натуры скрываются за простыми лицами и что прекрасныя наружности часто скрываютъ мелкія души. Но эти аномаліи не больше нарушаютъ общую истинность закона, нежели возмущенія планетъ нарушаютъ общую эллиптичность ихъ орбитъ. Нѣкоторыя изъ этихъ аномалій могутъ тотчасъ же найти себѣ объясненіе. Есть много лицъ, обезображенныхъ тѣмъ, что одна часть ихъ развита болѣе или менѣе совершенно, между тѣмъ какъ остальные части остаются обыкновенными; другія обезображиваются непропорціональностью чертъ лица, которыя сами по себѣ хороши; иныя — недостатками кожи, которые, свидѣтельствуя о недостаткахъ въ устройствѣ внутреннихъ органовъ, не имѣютъ отношенія къ высшимъ сторонамъ природы. Сверхъ того, приведенные факты даютъ основаніе предполагать, что главные элементы красоты лица сочетаются непосредственно не съ нравственными характеристическими чертами, а съ умственными, — что они суть результаты долгаго существованія цивилизованныхъ обычаевъ, давнишняго прекращенія варварства въ частной жизни, продолжительнаго развитія манипулятивныхъ способностей, и, слѣдовательно, могутъ существовать рядомъ съ душевными свойствами, вовсе не привлекательными. Справедливо, что высшія умственные проявленія предполагаютъ существованіе и высшихъ чувствъ; но такъ же справедливо и то, что замѣчательная проникательность въ обыкновенныхъ дѣлахъ, замѣчательное практическое искусство могутъ существовать и безъ этихъ высшихъ чувствъ. Красота итальянцевъ, существующая рядомъ съ низкимъ нравственнымъ состояніемъ, становится, при этой гипотезѣ, совмѣстимою съ общей индукціей; точно тоже можно сказать и объ аномаліяхъ, которыя мы видимъ вокругъ насъ.

Но здѣсь можно представить болѣе удовлетворительное объясненіе, нежели всѣ приведенныя, объясненіе, которое, по моему мнѣнію, даетъ возможность допустить кажущіяся противорѣчія, представляемые частными фактами, и между тѣмъ поддерживаетъ теорію.

Всѣ цивилизованныя расы, а вѣроятно также и всѣ нецивилизованныя расы, имѣютъ смѣшанное происхожденіе и, слѣдовательно, имѣютъ физическую и умственную организацію, въ которой смѣшаны отдѣльныя первобытныя организаціи, болѣе или менѣе отличающіяся одна отъ другой. Эта разнородность организаціи кажется миѣ главной причиной тѣхъ несообразностей между наружностью и свойствами людей, которыя мы ежедневно встрѣчаемъ. Представимъ себѣ чистую расу, находящуюся при постоянныхъ условіяхъ климата, пищи и привычекъ жизни, и мы будемъ имѣть полное основаніе предполагать, что въ ней между наружнымъ видомъ и внутреннимъ складомъ будетъ постоянная связь. Совекупите эту расу съ другой, также чистой, но которая привыкла къ условіямъ, отличнымъ отъ первыхъ и имѣетъ, соотвѣтственно этому, физическое устройство, лицо и нравственность, также отличныя отъ первыхъ: потомство будетъ представлять не однородное среднее двухъ организаціи, а повидимому неправильное сочетаніе характеристическихъ чертъ одной организаціи съ характеристическими чертами другой, — одно лицо придется отнести къ этой расѣ, другое къ той, а третье будетъ соединять въ себѣ признаки обѣихъ; въ склонностяхъ и умственныхъ свойствахъ новой расы будетъ представляться подобная же смѣсь двухъ первоначальныхъ расъ.

Фактъ, что формы и качества потомства составляютъ не средину между формами и качествами родичей, а смѣсь этихъ формъ и качествъ, подтверждается въ каждомъ семействѣ. Черты лица и особенности въ свойствахъ дитяти относятся наблюдателями особо къ отцу или къ матери: носъ и ротъ относятъ къ одной сторонѣ, цвѣтъ волосъ и глазъ къ другой; эту нравственную особенность — къ первому, ту умственную — къ послѣдней; точно тоже бываетъ и съ очертаніями тѣла и тѣлесными предрасположеніями. Очевидно, что еслибы каждый органъ или способность дитяти были среднимъ изъ двухъ развитій такого органа или способности въ родителяхъ, то всѣ братья и сестры должны бы быть безусловно сходны, или, по крайней мѣрѣ, отличаться другъ отъ друга не болѣе, нежели родители ихъ разнились годъ отъ году въ своей наружности и свойствахъ. Одна-

ко мы этого нигдѣ не встрѣчаемъ и замѣчаемъ не только большія неправильности въ смѣшеніи унаследованныхъ чертъ, но находимъ еще, что нѣтъ никакого постоянства въ способѣ смѣшенія или въ размѣрахъ измѣненій, производимыхъ имъ.

Это несовершенное сочетаніе организацій родичей въ организаціяхъ потомства еще болѣе подтверждается возобновленіемъ особенностей предшествующихъ поколѣній. Формы, склонности и болѣзни, которыми отличались отдаленные предки, обыкновенно появляются отъ времени до времени въ потомствѣ. Какая-нибудь отдѣльная черта или какое-нибудь особенное стремленіе снова проявляются послѣ того, какъ, повидимому, совершенно утратились. Такъ это бываетъ, какъ извѣстно, съ подагрой, золотухой и сумасшествіемъ. На нѣкоторыхъ памятникахъ въ нашихъ старыхъ церквахъ отгравированы головы, которыя представляютъ черты, еще доселѣ сохранившіяся въ потомствѣ умершихъ. Тотъ же самый фактъ подтверждается болѣе или менѣе въ портретныхъ галереяхъ. Упорство, съ которымъ воспроизводятся отдѣльныя характеристическія черты, имѣетъ хорошей примѣръ въ Америкѣ, гдѣ слѣды негритянской крови могутъ быть открыты въ ногтяхъ пальцевъ, когда не остается никакихъ слѣдовъ ея въ общихъ чертахъ организма. Между скотоводами хорошо извѣстно, что послѣ многихъ поколѣній, въ которыхъ нельзя было замѣтить никакихъ видимыхъ измѣненій, влияніе скрещиванія обнаруживалось совершенно внезапно. Во всѣхъ этихъ фактахъ мы видимъ тотъ общій законъ, что организмъ, происшедшій отъ двухъ, по организаціи отличныхъ между собою, организмовъ, не представляетъ однороднаго средняго между этими двумя организмами, но составляется изъ отдѣльныхъ элементовъ, входящихъ въ новый организмъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ, и въ пропорціяхъ, отличныхъ отъ первоначальныхъ.

Въ «*Quarterly Journal of the Agricultural Society*» были недавно опубликованы нѣкоторые факты касательно смѣшенія французской и англійской породъ овецъ, стороною относящіяся къ этому вопросу. Для улучшенія дурныхъ французскихъ овецъ нашими прекрасными англійскими овцами, дѣлались разныя попытки. Долгое время попытки эти не имѣли успѣха. Появси

не представляли никаких следов своих английских предков, оставались столь же малорослы и жалки, как их французские матери. Случайно было найдено, что причина неудачи лежала в относительной разнородности и однородности двух организаций. Лучшие английские овцы были смешанной породы, а французские, хотя и худшие, были чистой породы. И сложная, несовершенно установившаяся организация одной не могла удержаться против простой и вполне установившейся организации другой. Это мнение, сначала высказанное как гипотеза, в скором времени было доказано. Когда были получены французские овцы смешанной организации, вследствие совокупления двух овец чистых французских пород, оказалось, что при совокуплении такой помеси французских овец с английскими являлась особь, в которой характеристические признаки английских овец выражены были как следует. Эта неспособность смешанной организации устоять против несмешанной организации совершенно согласна с вышеприведенной индукцией. Несмешанная организация есть такая, в которой все органы точно приспособлены один к другому, — вполне уравновешены; система, как целое, находится в устойчивом равновесии. Смешанная же организация, напротив, слагаясь из органов, принадлежащих двум различным системам, не может обладать таким точным приспособлением этих органов, — не может сохранять их в совершенном равновесии; вследствие этого вся система находится в сравнительно-неустойчивом равновесии. Но пропорционально устойчивости равновесия развивается и способность сопротивляться возмущающим силам. Поэтому, когда две организации — одна устойчивого, другая неустойчивого равновесия — становятся возмущающими силами во взаимных своих действиях одна на другую, неустойчивая должна быть побеждена, а устойчивая останется неизменною.

Это несовершенное расположение частей в смешанной организации и происходящая вследствие того неустойчивость ее равновесия тесно связаны с затруднительным вопросом о родах, видах и разновидностях; но имея в виду отчасти самостоя-

тельный интерес этого вопроса, а отчасти дальнейшее выяснение настоящего предмета, я долженъ снова сдѣлать отступленіе.

Общепринятый физиологическій признакъ различія видовъ есть произведеніе неплородныхъ ублюдковъ. Способность потомковъ воспроизводить себя показываетъ, что родители ихъ принадлежали къ одному и тому же виду, хотя бы значительно отличались другъ отъ друга по наружности; а неплородность потомства принимается за доказательство того, что, какъ бы близко-родственными между собой ни казались родители, они отличны другъ отъ друга въ сущности. Впрочемъ недавно собраны были факты, которые болѣе или менѣе подаютъ поводъ сомнѣваться въ этомъ обобщеніи. Скотоводы установили, какъ общій фактъ, что потомство отъ двухъ различныхъ породъ овецъ или коровъ угасаетъ въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній, если полученныя особи совокупаются между собой; и что можно получать хорошіе результаты только чрезъ смѣшеніе ихъ съ той или другой изъ первоначальныхъ породъ; этотъ фактъ показываетъ, что то, что справедливо для такъ-называемыхъ видовъ, въ измѣненной формѣ справедливо также и для разновидностей. Тѣ же самыя явленія можно наблюдать и въ смѣшеніи различныхъ человѣческихъ расъ. Извѣстно, что онѣ также не могутъ поддерживать себя какъ отдѣльныя разновидности, но вымираютъ, если не происходитъ бракосочетаній съ первоначальными расами. Однимъ словомъ, кажется, что помѣси, происшедшія отъ организмовъ, относящихся къ двумъ различнымъ расамъ, вымираютъ въ первомъ, второмъ, третьемъ, четвертомъ, пятомъ и т. д. поколѣніяхъ, смотря по большей или меньшей степени различія организацій расъ. Но вышеприведенный опытъ французскихъ овцеводовъ подтверждаетъ основательность этихъ различныхъ результатовъ. Если справедливо, что организмъ, произведенный двумя несхожими организмами, составляетъ не средину между ними, а смѣсь частей одного съ частями другаго, — если справедливо, что эти части, принадлежащія къ двумъ различнымъ системамъ, по необходимости сопоставляются несовершенно, — то становится очевиднымъ, что пропорціонально большей или меньшей степени различія между организмами родителей будутъ

болѣе или менѣе значительны недостатки въ сопоставленіи частей въ потомкахъ. Отсюда слѣдуетъ, что соразмѣрно степени органическаго несходства между родителями мы можемъ имѣть различныя постепенности въ потомкахъ, начиная отъ сочетанія частей столь несовмѣстимыхъ, что потомство это окажется совершенно бесплоднымъ, до такого совершеннаго сочетанія, которое дастъ ему возможность самостоятельнаго существованія, какъ расы. Это мы находимъ и въ дѣйствительности. Между организмами, весьма сильно разнящимися между собой въ характеръ, невозможенъ никакой посредствующій организмъ. Когда разница меньше, производится бесплодная помѣсь, т. е. столь дурно устроенный организмъ, что онъ оказывается способнымъ только къ неполной жизни. Когда разница еще меньше, появляется организмъ способный воспроизводить себя, но неспособный дать потомкамъ совершенной организаціи. А если степени разницы уменьшаются еще болѣе, то и несовершенство организаціи сглаживается все болѣе и болѣе, пока наконецъ не явятся разновидности тѣхъ же самыхъ видовъ, дотога мало между собой разниціаяся, что потомство ихъ оказывается способнымъ къ столь же постоянному существованію, какъ и сами родичи. Однако, и въ последнемъ случаѣ органическое равновѣсіе кажется еще мало совершеннымъ, какъ это подтверждается приведеннымъ мною случаемъ. Въ связи съ этимъ выводомъ интересно было бы изслѣдовать, не стоятъ ли чистыя организаціи выше смѣшанныхъ по своей способности поддерживать равновѣсіе жизненныхъ отправленій при вліяніи возмущающихъ условій. Чистыя породы не *кромѣ* ли смѣшанныхъ? Смѣшанныя породы, превосходя чистыя породы своими размѣрами, не менѣе ли способны сопротивляться неблагоприятнымъ вліяніямъ, — крайностямъ температуры, дурной нищѣ и проч.? И не справедливо ли тоже самое и относительно человѣческаго рода?

Возвращаясь къ разсматриваемому нами предмету, мы видимъ, что эти факты и разсужденія еще болѣе подтверждаютъ общую истину, что потомки отъ двухъ организмовъ, не тождественныхъ по организаціи, представляютъ разнородную смѣсь ихъ, а не однородное среднее между ними.

Если, принявъ все это за истину, мы станемъ разсматривать сложный характеръ цивилизованныхъ расъ—напримѣръ, въ англичанахъ: смѣсь кельтовъ, саксовъ, норманновъ, датчанъ съ различными оттѣнками другихъ племенъ; если мы примемъ во вниманіе тѣ осложненія организаціи, которыя происходили отъ совершенно неправильныхъ и запутанныхъ сочетаній этихъ элементовъ, и если припомнимъ, что несообразности, такимъ образомъ порождаемыя, проникаютъ всю природу, умственную и тѣлесную, всякія ткани, какъ нервныя, такъ и другія,— то мы увидимъ, что въ каждомъ изъ насъ должно существовать несовершенное соотвѣтствіе между частями организма, что и представляетъ дѣйствительность, и что, какъ одно изъ проявленій этого, должно возникать большее или меньшее разногласіе между чертами лица и тѣми отдѣлами нервной системы, съ которыми онѣ имѣютъ физиологическую связь.

А если такъ, то препятствія къ принатію убѣжденія, что красота характера имѣетъ связь съ красотой лица, значительно уменьшаются. Намъ становится возможнымъ разомъ допустить, что простое лицо можетъ совмѣщаться съ благородной природой, а прекрасныя черты лица—съ низкой природой, и въ тоже время признавать, что умственное и лицевое совершенства фундаментально связаны между собой и всегда будутъ соединены, если путемъ вѣковой работы устранятся настоящія причины встрѣчающихся несообразностей.

VIII. ПОЛЬЗА АНТРОПОМОРФИЗМА.

Съ успокоеніемъ того продолжительнаго порыва цѣлостнаго, который охватываетъ всѣ благородныя натуры, когда, въ молодости, они начинаютъ заниматься изслѣдованіемъ дѣлъ человѣческихъ, появляется мало-по-малу понятіе, что учрежденія, вѣрованія и формы, которыя такъ жестоко порицаются, не безусловно дурны.

Эта реакція достигаетъ различныхъ предѣловъ. Въ нѣкоторыхъ она достигаетъ только до сравнительнаго довольства тѣми порядками, среди которыхъ они живутъ. Въ другихъ — до сознанія соотвѣтствія, которое существуетъ между каждымъ народомъ и его правленіемъ, сколько бы оно ни казалось тиранническимъ. Въ нѣкоторыхъ—до убѣжденія, что, какъ ни ненавистно для насъ рабство и какъ бы оно ни было вредно въ настоящее время, оно было нѣкогда благотворнымъ,—было однимъ изъ необходимыхъ фазисовъ человѣческаго прогресса. Въ другихъ—до подозрѣнія, что постоянныя войны прошедшихъ временъ козвеннымъ образомъ принесли значительную пользу, обезпечивая распространеніе сильнѣйшихъ расъ и такимъ образомъ подготавливая хорошей сырой матеріалъ для цивилизаціи. И въ немногихъ, наконецъ, эта реакція оканчивается обобщеніемъ, что всякій образъ человѣческой мысли и дѣйствія, въ тѣ времена и въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они встрѣчаются, имѣли нѣкоторое полезное значеніе: что, будучи абстрактно-дурны, они хороши относительно и представляютъ собою лучшее, чѣмъ допускалось существовавшими въ то время условіями.

Эта вѣра въ существенную полезность вещей приводитъ насъ къ поражающему заключенію, что и религіозныя вѣрованія, чрезъ которыя постепенно проходилъ родъ человѣческій, суть самыя лучшія, какія могли быть приняты въ соотвѣтствующія эпохи,—и что это справедливо не только относительно позднѣйшихъ и наиболѣе утонченныхъ вѣрованій, но и относительно всѣхъ, даже самыхъ раннихъ и самыхъ грубыхъ. Тѣмъ, которые считаютъ, что вѣрованія людей даются имъ извнѣ, т. е. имѣютъ начало или божеское, или дѣвольское, и которые считаютъ свое вѣрованіе единственнмъ, относящимся къ первой категоріи, а всѣ остальные подводятъ подъ вторую, — такое мнѣніе покажется очень оскорбительнымъ. Я могу себѣ представить однако, что многіе изъ людей, которые покинули общепринятые теологическія понятія и смотрятъ на религію точно такъ же, какъ и на другіе продукты человѣческой природы, — что многіе изъ людей, утратившихъ антагонизмъ къ своему старому вѣрованію, который чувствовали

когда стряхивали съ себя это вѣрованіе и становились свободными, — могутъ теперь понимать, что оно было весьма полезно для прошедшихъ поколѣній и полезно еще и теперь для большей части человѣческаго рода; я могу представить себѣ даже, что эти господа прочно подготовлены допустить, что все религіи, не исключая самаго низкаго фетишизма, имѣли, въ своихъ мѣстахъ, полезное значеніе. Если подобные люди будутъ логично развивать свои идеи, они найдутъ, что такой выводъ дѣлается самъ собой изъ предъидущаго.

Если справедливо, что человечество въ цѣломъ, точно также какъ и въ отдѣльномъ индивидѣ, представляетъ постоянное самостоятельное возрастаніе, а не искусственное построеніе, то очевидно, что, съ каждымъ фазисомъ развитія, теологическія понятія людей, точно также, какъ ихъ политическія и общественныя учрежденія, должны слагаться въ такія формы, какихъ требуютъ условія жизни. Какъ въ одномъ, такъ и въ другомъ случаѣ, вещи, сообразно накапливающейся опытности людей, отъ времени до времени будутъ принимать такой видъ, который болѣе всего подходитъ къ національному равновѣсію. Какъ слѣдствіемъ заговоровъ и борьбы между предводителями племенъ бываетъ то, что сильнѣйшій достигаетъ первенства и, благодаря дѣйствительному превосходству своему, даетъ періодъ спокойствія, въ теченіе котораго общество получаетъ возможность возрастать; какъ, вслѣдствіе случайностей, возникаютъ новыя раздѣленія труда, которыя потомъ прочно устанавливаются по той причинѣ, что они удовлетворяютъ нуждамъ людей лучше, нежели удовлетворяли прежніе порядки, — точно такъ же и вѣрованіе, которое развиваетъ каждый періодъ, оказывается болѣе сообразнымъ съ потребностями времени, нежели вѣрованіе, предшествовавшее ему. Однако не будемъ останавливаться на обидныхъ положеніяхъ, а рассмотримъ, почему это должно быть такъ. Рассмотримъ генезисъ человѣческихъ понятій о божествѣ: не заключается ли тамъ необходимости представлять божество въ формѣ, обусловливаемой наиболѣе вліятельными идеями.

Теперь всюду принимается, что болѣе или менѣе идеализированное человечество есть именно та форма, въ какую должно облекаться каждое понятіе о личности Бога. Антропомор-

физмъ есть неизбежный результатъ законовъ мышления. Мы не можемъ сдѣлать шагу въ составленіи понятія о Богѣ безъ того, чтобы не приписать ему человѣческихъ атрибутовъ. Мы не можемъ даже говорить о божественной волѣ, не уподобляя божественную природу нашей собственной; потому что мы не имѣемъ иного понятія о хотѣніи, кромѣ того, какое представляется нашимъ собственнымъ духомъ.

Между тѣмъ какъ это антропоморфическое стремленіе—или, скорѣе, необходимость—обнаруживается нѣкоторыми христіанами съ достаточной грубостью, грубостью, оскорбительною для тѣхъ, которые опередили ихъ,—они приходять въ негодованіе при еще болѣе грубыхъ обнаруженіяхъ его, встрѣчаемыхъ между нецивилизованными людьми. Конечно, понятія, подобныя понятіямъ нѣкоторыхъ полинезійцевъ, вѣрующихъ, что ихъ боги питаются душами умершихъ, или грековъ, которые приписывали личностямъ своего Пантеона всѣ пороки, начиная отъ семейной антропофагій, — достаточно отталкиваютъ отъ себя. Но если мы перестанемъ смотрѣть на эти понятія съ ви́шней стороны и болѣе философски разсмотримъ сущность ихъ,—если посмотримъ, какими эти понятія казались тѣмъ, кто держался ихъ, и замѣтимъ связь, которую эти понятія имѣли съ свойствами и нуждами подобныхъ людей, — мы начнемъ думать о нихъ съ нѣкоторой снисходительностью. Вопросъ, требующій разрѣшенія, состоитъ въ томъ, были ли эти вѣрованія полезны по своимъ послѣдствіямъ для тѣхъ, которые держались ихъ,—а не въ томъ, были ли бы они полезны для насъ, или для совершенныхъ людей. Отвѣтъ на это долженъ быть тотъ, что, будучи абсолютно дурны, они были хороши относительно.

Не очевидно ли, что дикарь будетъ наиболѣе дѣйствительно слерживаемъ боязнью дикаго божества? Если его природа требуетъ большаго обузданія, то предполагаемыя послѣдствія проступка не должны ли быть для него уздою и не должны ли представляться ему соразмѣрно ужасными? а если послѣднія должны представляться ему соразмѣрно ужасными, то не долженъ ли онъ повимать своего бога какъ существо жестокое и мстительное? Развѣ не полезно, чтобы привыкшіи къ измѣнамъ,

воровству и лжи индеец вѣрилъ въ адъ, въ которомъ нечестивыхъ варятъ въ котлахъ, заставляють катиться внизъ по горѣ, усаженной ножами, и вилать раскаленными желѣзными пилами? А чтобы выдумать такой адъ, не нужно ли было вѣрить въ божество, услаждающееся человѣческими жертвами и самоистязаніемъ факировъ? Не яснымъ ли кажется, что въ теченіе первыхъ вѣковъ христіанства, когда чувства людей были такъ грубы, что проповѣдникъ могъ выдавать зрѣлище мукъ осужденныхъ за одно изъ наслажденій небесъ,—христіанству необходимы были, чтобы держать людей въ порядкѣ, и вся перспектива мученій, описанныхъ Дантомъ, и неумолимое божество, способное ниспосылать ихъ?

А если мы видимъ, что для дикаря полезно вѣрованіе въ ликаго бога, то можемъ принять и пользу — или, какъ прежде сказано, необходимость — антропоморфическаго стремленія. Мы имѣемъ въ этомъ другое подтвержденіе существенной благости вещей, повсюду встрѣчаемое въ природѣ. Неизбѣжнымъ слѣдствіемъ неспособности нашей представлять себѣ божество иначе, какъ въ нѣкоторомъ идеализированномъ видѣ насъ самихъ, становится то, что, въ каждомъ возрастѣ, у каждаго народа и, въ значительной степени, въ каждомъ индивидѣ, складывается такое понятіе о божествѣ, какое наилучшимъ образомъ приспособляется къ текущимъ нуждамъ. Если природа, будучи жестокой и кровожадной, требуетъ строгаго за собой контроля, то она обусловливаетъ понятіе о правителѣ еще болѣе жестокомъ и кровожадномъ, способномъ отправлять такой контроль. Когда, по прошествіи вѣковъ общественнаго прогресса природа людей отчасти смягчается и степень требуемаго обузданія ея уменьшается, дѣвольскія свойства, приписываемыя божеству, перестаютъ преобладать въ понятіи о немъ. И постепенно, по мѣрѣ того какъ исчезаетъ потребность въ обузданіи, понятіе о божествѣ приближается къ понятію чисто-благодѣтельной потребности. Такимъ образомъ, организация челоуѣка въ этомъ, равно какъ и въ другихъ отношеніяхъ, состоитъ въ само-приспособленіи, само-уравновѣшеніи. Умъ его самъ полагаетъ преграду своимъ стремленіямъ, измѣ-

няется сообразно потребностямъ. Его центробѣжныя и центростремительныя силы по необходимости находятъ въ соотвѣстствіи, потому что одна порождаетъ другую. Такимъ образомъ мы находимъ, что религіозная и свѣтская формы правленія слѣдуютъ одному и тому же закону. Необузданный характеръ народа порождаетъ какъ земное деспотическое правленіе, такъ и небесное деспотическое правленіе: — одно дѣйствуетъ на чувства, другое на воображеніе; во всѣхъ другихъ случаяхъ соблюдается то же самое отношеніе.

Такъ какъ эта связь есть органическая связь, по самой основѣ своей, то никакое искусственное вмѣшательство не можетъ повліять на нее. Какіе бы, повидимому, перевороты ни производило внѣшнее вліяніе, они тотчасъ нейтрализуются на дѣлѣ, если не по наружности. Я недавно пораженъ былъ подобнымъ фактомъ, читая рассказъ миссіонеровъ о «благодатныхъ посѣщеніяхъ Святаго Духа на Вевѣ», одномъ изъ Фиджійскихъ острововъ. Въ описаніи «митинга покаянія» говорится:

«Нѣтъ сомнѣнія, что чувства вевскаго народа были не обыкновенны. Люди буквально ревели по цѣлымъ часамъ сряду для пробужденія своихъ душъ. Это часто оканчивалось обморокомъ отъ истощенія, который служилъ для нѣкоторыхъ изъ нихъ единственнымъ отдохновеніемъ, пока наконецъ не наступала полная тишина. Сознаніе ихъ возвращалось только послѣ того, какъ они молились сначала до состоянія агоніи, а потомъ до состоянія полного безчувствія».

Фиджійскіе островитяне — самые дикіе изъ всѣхъ нецивилизованныхъ расъ. Они преданы людоедству, дѣтубійству, приносятъ людей въ жертву; они до такой степени кровожадны и вѣроломны, что члены одного и того же семейства не смѣливаются полагаться другъ на друга; сообразно съ этими характеристическими чертами, они считаютъ своимъ первоначальнымъ богомъ змѣя. Не ясно ли послѣ этого, что уродливыя душевныя волненія, которыя описываются миссіонерами, ужасы и агоніи отчаянія, которымъ они радуются, суть ни что иное, какъ обожаніе стараго бога подъ новымъ именемъ? Не ясно ли, что эти дикари усвоили только тѣ отдѣлы христіанской вѣры, которые согласуются, по духу своему, съ ихъ соб-

ственными вѣрованіями—о мщеніи, вѣчныхъ мукахъ и злыхъ духахъ; что эти понятія, гармонирующія съ ихъ естественными понятіями о божественномъ правленіи, были восприняты ими съ полной живостью, и что крайность страха, которая заставляла ихъ «буквально реветь по цѣлымъ часамъ сряду», порождалась тѣмъ, что они поняли и восприняли только карающей элементъ ученія, между тѣмъ какъ ученіе о милосердіи осталось непонятнымъ ими? Это—очевидное заключеніе. А съ нимъ связано и дальнѣйшее, что, въ дѣйствительности, ихъ новая вѣра была старая вѣра, но подъ новою формою,—та же самая сущность понятія съ другой исторіей и другими именами.

Этому, какъ бы велико ни казалось измѣненіе, случайно происшедшее въ религіи народа, антропоморфическое стремленіе не позволить этому измѣненію сдѣлаться сколько-нибудь существеннымъ, — производитъ такіе перемѣны въ новой религіи, что даетъ ей всю силу старой, — укрываетъ высокія начала, какія могли бы быть въ ней до тѣхъ поръ, пока народъ не достигнетъ способности воспринять ихъ вліяніе; и такимъ образомъ восстанавливается равновѣсіе между побужденіями людей и силою, которая требуется для направленія ихъ. Если кто-нибудь захочетъ искать подробныхъ доказательствъ этого положенія, онъ найдетъ ихъ, въ изобиліи, въ исторіи измѣненной христіанской религіи въ Европѣ.

Поэтому, если мы станемъ смотрѣть на языческія теологіи не съ личной точки зрѣнія, а разсматривать ихъ единственно въ отношеніи значенія, которое онѣ имѣютъ тамъ, гдѣ усвоились, — то мы должны будемъ призвать ихъ, вмѣстѣ со всѣми другими родами теологій, вполне хорошими для ихъ временъ и мѣстъ; умственной необходимости, дѣлающей насъ неспособными понимать божество иначе, какъ только въ идеализированномъ видѣ насъ самихъ, должны мы приписать вліяніе, которымъ производится и поддерживается гармонія между каждымъ фазисомъ характера и соотвѣтствующимъ фазисомъ религіозныхъ вѣрованій человѣка.

ПРАВСТВЕННОСТЬ И ПОЛИТИКА ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ. (*)

Людамъ, вѣрующимъ въ существенныя достоинства политическихъ формъ, политика нашихъ обществъ желѣзныхъ дорогъ могла бы служить внушительнымъ урокомъ. Если есть надобность въ заключительномъ доказательствѣ того, что самыя тщательно-составленныя уложенія не имѣютъ никакой цѣны, если не представляютъ воплощенія народнаго характера, — если есть надобность въ заключительномъ доказательствѣ того, что правительственныя распоряженія, по духу своему опережающія вѣкъ, на дѣлѣ непременно отстаютъ и пойдутъ въ ровень съ нимъ, — то подобными доказательствами изобилуетъ современ-

(*) Въ большинствѣ нашей публики существуетъ убѣжденіе, что философъ не способенъ разсуждать о практическихъ вопросахъ. Статья эта служитъ доказательствомъ, что, въ человѣкѣ действительно-даровитомъ, привычка къ отвлеченному мышленію не только не препятствуетъ, но положительно содѣйствуетъ практическому разсужденію. Если такой человѣкъ плохо анализируетъ какой-нибудь практической вопросъ, то это можетъ происходить только отъ незнакомства съ фактами, касающимися вопроса.

Съ подробностями дѣла, которое разбирается въ этой статьѣ, авторъ ознакомился въ молодости своей: онъ былъ нѣсколько лѣтъ гражданскимъ инженеромъ.

менная хроника предприятий, основанных на ассоціаціи капиталовъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ утверждаются актомъ парламента, администраціи нашихъ общественныхъ компаній имѣютъ почти чисто-демократическій характеръ. Представительная система примѣняется въ нихъ почти безъ границъ. Акціонеры выбираютъ своихъ директоровъ, директора выбираютъ своего председателя; каждый годъ выбываетъ извѣстная часть членовъ комитета, чтобы дать возможность замѣстить ихъ другими; такимъ образомъ весь административный составъ можетъ быть обновленъ въ промежутокъ отъ трехъ до пяти лѣтъ. При всемъ томъ, не только въ каждой изъ этихъ торговыхъ корпорацій воспроизводятся всѣ характеристическіе недостатки нашихъ государственныхъ формъ, — и нѣкоторые даже въ сильнѣйшей степени, — но самый образъ правленія, хотя номинально остается демократическимъ, въ сущности переименуется такъ, что дѣлается миниатюрнымъ снимкомъ съ нашей національной конституціи. Правленіе рѣдко проводитъ въ дѣйствительности теорію, воздвигающую его на степень совѣщательнаго собранія, состоящаго изъ равноправныхъ и равновластныхъ членовъ, и обыкновенно подпадаетъ подъ власть какого-либо одного члена, превосходящаго остальныхъ хитростью, силой воли, или богатствомъ; вліянію такого члена большинство подчиняется дотого, что рѣшеніе каждаго вопроса зависитъ отъ мнѣнія этого члена. Владѣтели акцій, вмѣсто того, чтобы всегда пользоваться своими правами, обыкновенно пренебрегаютъ ими дотого, что права эти дѣлаются мертвою буквою: дотого вошло въ привычку безпрекословно вторично избирать выбывающихъ по очереди директоровъ, а въ случаѣ сопротивленія, они имѣютъ столько средствъ заставить себя избрать, что правленіе въ дѣйствительности превращается въ замкнутую корпорацію и малѣйшая переменна дѣлается возможною только тогда, когда злоупотребленіе въ правленіи доходитъ до такихъ крайностей что возбуждаетъ между акціонерами революціонное волненіе. Такимъ образомъ повторяется та же смѣсь монархическаго, аристократическаго и демократическаго элементовъ, съ измѣненіями, какія обуславливаются обстоятельствами. Самый способъ дѣйствій, приемы, въ сущности, тѣ же, съ той только

разницей, что копія нерѣдко превосходитъ оригиналь. Такъ, на-
примѣръ, правленія обществъ желѣзныхъ дорогъ, сплошь да ря-
домъ угрожаютъ отказаться отъ должности, чтобы отстранить
какое-нибудь неприятое дознаніе, тогда какъ министерства при-
бѣгаютъ къ подобному средству только въ самыхъ крайнихъ слу-
чаяхъ. Директора не только не думаютъ считать себя служеб-
ными акціонеровъ, но возмущаются противъ всякаго указанія
съ ихъ стороны и часто придаютъ желанію сдѣлать какую-
нибудь поправку въ предложенной мѣрѣ за выраженіе недовѣрія
къ нимъ. На полугодичныхъ собраніяхъ предсѣдатель отдѣляется
отъ неприятныхъ разбирательствъ и возраженій замѣчаніемъ, что
если акціонерамъ не угодно довѣрять ему и его товарищамъ, то
они вольны избрать себѣ другихъ. Съ большею частью акціоне-
ровъ подобная уловка оскорбленнаго достоинства имѣетъ полный
успѣхъ и, отъ страха, чтобы интересы всего общества не по-
страдали отъ какихъ-нибудь смуть, дозволяются и утверждаются
мѣры, идущія прямо вразрѣзъ съ желаніями акціонеровъ. Сравне-
ніе можно провести еще далѣе. Если о національной администраціи
основательно говорятъ, что лица, занимающіе правительственныя
должности, рассчитываютъ на поддержку всѣхъ общественныхъ
чиновниковъ, то не менѣе справедливо можно сказать о компа-
ніяхъ на акціяхъ, что директорамъ, въ ихъ столкновеніяхъ съ
акціонерами, много помогаютъ подвѣдомственные имъ лица. Если,
въ прошлыя времена, бывали министерства, которыя тратили об-
щественныя деньги для цѣлей какой-нибудь одной партіи, то, въ
настоящее время, между дирекціями обществъ желѣзныхъ до-
рогъ есть такія, которыя употребляютъ капиталы акціонеровъ
для борьбы съ тѣми же акціонерами. Сходство это доходитъ до
мелочей. Подобно своему правительственному прототипу, у ком-
мерческихъ ассоціацій есть свои, стояція большихъ денегъ, из-
бирательныя борьбы, которыми завѣдываютъ избирательные ко-
митеты, употребляющіе избирательныхъ агентовъ; есть свои из-
бирательныя интриги, съ безчисленными ихъ незаконными ат-
трибутами, и подчасъ своя фабрикація подложныхъ голосованій.
Наконецъ, какъ общій результатъ всего сказаннаго, слѣдуетъ,
что то самое, такъ называемое, сословное законодательство, кото-

рымъ обыкновенно попрекаютъ нашихъ государственныхъ людей, постоянно проявляется въ дѣйствіяхъ этихъ торговыхъ ассоціаций, хотя и учрежденныхъ на чисто-представительныхъ началахъ.

Последнимъ утвержденіемъ мы удивимъ, вѣроятно, не одного читателя. Публика вообще, т. е. та часть ея, которая имѣетъ мало или вовсе не имѣетъ прямаго интереса въ дѣлахъ, касающихся желѣзныхъ дорогъ, которая никогда не читаетъ ни одной специальной газеты по этой части и пропускаетъ отчеты о полугодовыхъ собраніяхъ, попадающіеся въ ежедневныхъ газетахъ,— пребываетъ въ убѣжденіи, что безчестныя продѣлки въ родѣ колоссальныхъ мошенничествъ, получившихъ такую громадную извѣстность во время знаменитой маніи на спекуляціи, теперь уже болѣе не совершаются. Эти доверчивые люди не забыли дѣяній маклеровъ и директоровъ. Они помнятъ, какъ разные подставные лица имѣли акціи на 100,000 и даже 200,000 ф. ст.; какъ нѣсколько директорскихъ должностей занимались однимъ лицомъ, такъ что одинъ человекъ въ одно и тоже время засѣдалъ въ двадцати-трехъ правленіяхъ; какъ первоначальныя подписки составлялись съ помощью подписей, купленныхъ по 10 и по 4 шиллинга за штуку, и носильщики и мальчишки-разсылные подписывали обязательства на такія суммы, какъ 30,000 или 40,000 ф. ст. Они и теперь расскажутъ, какъ нѣкоторыя дирекціи писали книги свои шифромъ, дѣлали подложныя вписки и не вносили своихъ дѣйствій въ журналъ; какъ въ одномъ обществѣ полмилліона капитала было записано на вымышленныя имена; какъ, въ другомъ, директора покупали на срокъ большее число акцій, чѣмъ было выпущено, и такимъ образомъ искусственно поднимали цѣну ихъ; какъ во многихъ другихъ они перекупали для общества собственныя свои акціи, и стоимость ихъ выплачивали сами себѣ изъ денегъ вкладчиковъ. Но хотя каждому болѣе или менѣе извѣстны всѣ эти беззаконія, ихъ вообще считаютъ только принадлежностью спекуляцій. О новѣйшихъ же предпріятіяхъ предполагаютъ, что они задуманы добросовѣстно и выполнены по большей части давно учрежденными обществами, и не подозреваютъ того, что, при предложеніяхъ

о постройкѣ боковыхъ линій и продолженіи существующихъ, происходятъ продѣлки, почти столь же пагубныя въ своихъ конечныхъ результатахъ. По привычкѣ сближать понятіе о богатствѣ съ понятіемъ о почтенности, а слово почтенность употреблять какъ синонимъ слова нравственность, большей части публики кажется невѣроятнымъ, чтобы многіе изъ крупныхъ капиталистовъ и людей съ хорошимъ положеніемъ въ свѣтѣ, завѣдывающихъ дѣлами желѣзныхъ дорогъ, были способны косвеннымъ образомъ обогащать себя насчетъ своихъ довѣрителей. Правда, попадаетса иногда судебный отчетъ, открывающій какой-нибудь громадный подлогъ, или передовая статья въ «*Times*'ъ», клеймашая поступки какихъ-нибудь директоровъ въ выраженіяхъ, которыя читателямъ кажутся чуть не пасквильями. Но на дѣла, такимъ образомъ выведенныя на свѣтъ, смотреть какъ на исключенія, и, подъ вліяніемъ того вѣрнопопданническаго чувства, которое всегда идеализируетъ людей, облеченныхъ властью, общественное мнѣніе постоянно клонится къ убѣжденію, что если директоровъ нельзя считать непогрѣшимыми, то все-таки не очень правдоподобно, чтобы они грѣшили.

Но подробное и достовѣрное повѣствованіе объ управленіи и интригахъ хотя одного общества желѣзной дороги скоро положило бы конецъ подобному заблужденію. Въ такомъ повѣствованіи продѣлки составителей проектовъ и тайны акціонернаго рынка заняли бы меньше мѣста, нежели разборъ многообразныхъ мошенничествъ, совершенныхъ съ 1845 г., и исторія происхожденія и развитія той хитро-сплетенной тактики, посредствомъ которой общества увлекаются въ разорительныя предпріятія, обогащающія небольшое меньшинство въ ущербъ огромному большинству. Въ такого рода исторіи пришлось бы не только подробно описать выходы какихъ-нибудь отдѣльных лицъ, но пришлось бы описать однородныя злоупотребленія, происходящія въ администраціяхъ и другихъ обществахъ. Изъ печатныхъ отчетовъ слѣдственной комиссіи, еслибы таковую сварядить, оказалось бы, что не далѣе, какъ нѣсколько лѣтъ назадъ, директора одной изъ нашихъ линій желѣзныхъ дорогъ раздѣлили между собою 15,000 новыхъ паевъ въ то время, когда акціи ихъ об-

щества ходили на биржѣ съ преміей;—какъ, для перваго взноса по этимъ паямъ, употребили они деньги общества и какъ на долю одного изъ нихъ этихъ взносовъ досталось болѣе, чѣмъ 80,000 ф. ст. Въ такомъ отчетѣ мы прочли бы исторію предсѣдателя одного общества, который, тайно потворствуемый секретаремъ, удержалъ акцій болѣе чѣмъ на четверть милліона, съ намѣреніемъ потребовать ихъ на свой пай, еслибъ онѣ стали ходить съ преміей, и который, когда этого не случилось, оставилъ эти акціи невыпущенными на рукахъ акціонеровъ, къ великому ихъ убытку. Еще прочли бы мы о директорахъ, которые дѣлали займы для себя изъ суммъ, назначенныхъ на текущіе расходы общества, за низкіе проценты, въ то время, какъ на биржѣ учетные проценты были высоки, или брали себѣ жалованье больше назначеннаго, внося разность въ какой-нибудь незамѣтный уголокъ главной книги, подъ рубрикой: «мелкія издержки». Мы нашли бы тамъ и множество другихъ увертокъ и пронырствъ.

Что злоупотребленія, указанныя здѣсь, составляютъ вовсе не исключеніе, а результатъ кореннаго порока, развѣтвляющагося по всей нашей системѣ управленія желѣзными дорогами, достаточно доказывается тѣмъ простымъ фактомъ, что, несмотря на пониженіе дивидендовъ, причиненное системою увеличенія линій, этой системы продолжали держаться годъ за годомъ. Если торговецъ, расширивъ свою торговлю, найдетъ, что бирыши его убываютъ соразмѣрно этому расширенію, то станетъ ли онъ, хотя бы даже понуждаемый конкуренціею, дѣлать дальѣйшія расширенія, рискуя дальѣйшими убытками? Станетъ ли купецъ, при всемъ желаніи подорвать торговлю конкурента, дѣлать послѣдовательные займы подъ залогъ своего капитала, плата за каждую сумму, добытую такимъ образомъ, проценты болѣе высокіе, нежели тѣ, какіе онъ получаетъ, пуская его въ оборотъ? Подобный образъ дѣйствій дотога неслѣпъ, что присоветовать его любому частному лицу считалось бы величайшей дерзостью и оскорбленіемъ, — а между тѣмъ, чѣмъ же лучше образъ дѣйствій, на который директора обществъ желѣзныхъ дорогъ, при каждомъ

новомъ собраніи, уговариваютъ своихъ довѣрителей? Съ 1845 г., когда дивиденды нашихъ главныхъ линій стояли на 8 — 10⁰/₀, они, несмотря на постоянно возраставшее обращеніе, упали съ 10 на 5⁰/₀, съ 8 на 4⁰/₀, съ 9 на 3¹/₄⁰/₀, а между тѣмъ система расширеній, арендованій и гарантій постоянно поддерживается, хотя въ ней явная причина зла. Не ясно ли, что тутъ кроется нѣчто, нуждающееся въ объясненіи, нѣчто, не ограничивающееся тѣмъ, что доступно взгляду публики вообще? Если найдется кто-нибудь, кого не убѣдитъ чудовищный фактъ несокрушимаго упорствованія въ непроизводительной затратѣ капитала, тотъ пусть прочтетъ заманчивые отчеты, на которые поддаются акціонеры разрѣшая исполненіе новыхъ проектовъ, и потомъ сравнитъ ихъ съ полученными результатами. Пусть онъ просмотритъ смѣты предполагаемыхъ расходовъ, размѣры предполагаемыхъ оборотовъ и ожидаемыхъ дивидендовъ по какой-нибудь предлагаемой новой линіи, а затѣмъ, по слѣдующему за всѣмъ этимъ пониженію акцій, пусть измѣритъ всю громадность претерпѣннаго убытка. Не самъ ли напрашивается выводъ? Ясно, что акціонеры не могли поставить себѣ за правило утверждать предпріятія, отъ которыхъ вѣрно знали что останутся въ убыткѣ. Однакоже каждому извѣстно, что всѣ эти новыя предпріятія, почти безъ исключенія, привели имъ одинъ убытокъ. Слѣдовательно очевидно, что акціонеры были постоянно обманываемы ложными представленіями. Этотъ выводъ можно отклонить развѣ только предположеніемъ, что дирекціи и ихъ агенты сами бывали обманываемы; и еслибы разногласица между обѣщанными и дѣйствительно послѣдовавшими результатами была только рѣдкой случайностью, то имѣлось бы нѣкоторое основаніе къ подобному, снисходительному воззрѣнію. Но предполагать, чтобы какая бы то ни было администрація впала въ цѣлый рядъ такихъ ошибокъ, нисколько не образумилась бы отъ бѣдственныхъ опытовъ и послѣ дюжины подобныхъ разочарованій все-таки продолжала бы завлекать полугодичное собраніе акціонеровъ блестящими надеждами, ведущими ихъ прямо къ разоренію, — и предполагать, что все это дѣлалось въ простотѣ сердечной, это ужъ значить расчитывать на чрезуръ большое легковѣріе. Даже въ томъ

случаѣ, еслибъ подозрѣнія не возбуждались неопровержимо обличенными беззаконіями, то намъ кажется, что постоянного пониженія въ цѣнности акцій желѣзныхъ дорогъ, непреклоннаго упорствованія правленій въ системѣ, причинившей это пониженіе, и доказанной живости тѣхъ представленій, которыми они побудили акціонеровъ къ одобренію этой системы, было бы совершенно достаточно, чтобъ навести на убѣжденіе въ коренной порочности администрацій желѣзныхъ дорогъ.

Для лучшаго пониманія существующихъ злоупотребленій и различныхъ причинъ, содѣйствующихъ ихъ пороженію, необходимъ краткій обзоръ способа развитія системы увеличенія линий. Одной изъ первыхъ побудительныхъ причинъ этой системы было чувство соперничества. Еще не построены были главнѣйшія линіи, какъ уже между нашими двумя главными обществами возникъ споръ о первенствѣ. Споръ этотъ въ непродолжительномъ времени перешолъ въ положительный антагонизмъ, и то же самое побужденіе, которое, въ избирательныхъ и другихъ подобныхъ борьбахъ, нерѣдко заставляло проматывать цѣлыя состоянія для одержанія побѣды, — значительно способствовало къ тому, чтобы заставить каждаго изъ двухъ могущественныхъ соперниковъ приносить неоднократно жертвы скорѣе, чѣмъ остаться побѣжденнымъ. Такого рода враждованіе постоянно побуждаетъ соперничающія правленія къ нападеніямъ на территоріи одно другаго, причемъ за каждое покушеніе одной стороны другая оплачиваетъ совершенно тѣмъ же, и неприязненное чувство, порождаемое подобными столкновеніями, доходитъ иногда до такого неистовства, что можно бы указать на нѣсколькихъ директоровъ, которые, при голосованіи, руководятся единственно желаніемъ отмстить противникамъ. Въ числѣ первыхъ способовъ, которыми важнѣйшія общества старались укрѣплять себя и ослаблять своихъ соперниковъ, были арендованіе и покупка второстепенныхъ сосѣднихъ линій. При этомъ разумѣется дѣлались предложенія и набивались цѣны съ обѣихъ сторонъ, изъ чего естественно слѣдовало, что первыя такія продажи совершались по цѣнамъ, далеко превосходявшимъ дѣйствительную стоимость покупаемыхъ линій, и продавцы получали огромные барыши. Что

изъ этого послѣдовало? Послѣ нѣсколькихъ подобныхъ сдѣлокъ, смѣтливимъ спекуляторамъ стало ясно, что выгодно будетъ строить новыя линіи при такихъ условіяхъ, которыя заставили бы соперничающія общества отбивать ихъ другъ у друга. Получивъ разъ такимъ образомъ значительныя и легко пріобрѣтенныя барыши, акціонеры только и думали о томъ, какъ бы повторить такой пріятный процессъ, и искали новыхъ участковъ для произведенія дальнѣйшихъ операцій. Даже директорамъ обществъ, платившихъ такія высокія цѣны, была личная выгода поощрять подобныя обороты, потому что эти люди ясно видѣли, что, участвуя въ одномъ изъ этихъ предпріятій на сумму, большую той, какая помѣщена у нихъ въ покупающемъ обществѣ, и въ тоже время употребляя свое вліяніе въ покупающемъ обществѣ для доставленія новому предпріятію хорошей цѣны или выгоднаго обезпеченія, они этимъ сами получаютъ огромную пользу, и вся исторія желѣзныхъ дорогъ съ избыткомъ доказываетъ, какую важную роль играла эта побудительная причина во всѣхъ такихъ операціяхъ. Стоило только начать, и тогда уже не было недостатка въ другихъ вліяніяхъ, поощряющихъ къ сооруженію боковыхъ линій и продолженію существующихъ. Возможность постоянно почерпнуть деньги изъ капитала общества давала средства къ выдачѣ фальшивыхъ дивидендовъ, дошедшей одно время до большихъ размѣровъ. Подъ вліяніемъ различныхъ побудительныхъ причинъ расходы, которые должны бы были дѣлаться изъ доходовъ, дѣлались изъ капитала: сооруженіе и подвижной составъ оставались безъ ремонта или ремонтировались весьма недостаточно, и чрезъ это текущія издержки являлись обманчиво незначительными; съ другой стороны условія, заключенныя съ подрядчиками на долгій срокъ, давали возможность не вносить въ счета разныхъ мелкихъ издержекъ, въ сущности уже сдѣланныхъ, и такимъ образомъ чистые доходы выводились на бумагѣ гораздо большими, чѣмъ были въ дѣйствительности. Новыя предпріятія, покровительствуемыя при своемъ появленіи предъ денежнымъ міромъ обществами, капиталъ и дивиденды которыхъ были такимъ образомъ искусственно подняты, естественно встрѣчались благопріятно. Благодаря

обаянію родства ихъ съ обществами, пользующимися уже довѣріемъ, акціи ихъ начинали ходить съ высокой преміей и приносили огромные барыши учредителямъ. Это обстоятельство было принято къ свѣдѣнію, и весьма скоро вошло въ систему сооружать побочныя линіи въ надеждѣ на такое же, дѣйствительное или призрачное, благоденствіе, и торговать преміями, съ которыми выпускались акціи. Между тѣмъ возникъ и развился еще второстепенный разрядъ вліяній, тоже не мало способствовавшій къ поощренію неразумныхъ предпріятій, а именно — интересы судебныхъ ходатаевъ, инженеровъ, подрядчиковъ и другихъ лицъ, непосредственно или косвенно участвовавшихъ въ построеніи желѣзныхъ дорогъ. Съ методой составленія и исполненія новыхъ проектовъ не могли не освоиться, въ нѣсколько лѣтъ, всѣ лица, заинтересованные въ этомъ дѣлѣ, и не могло не возникнуть между ними единомышленной тактики, составленной съ общаго согласія, для достиженія одной общей цѣли. Такимъ образомъ, частью вслѣдствіе зависти соперничающихъ правленій, частью вслѣдствіе алчности акціонеровъ покупаемыхъ линій, частью вслѣдствіе безчестности директоровъ при составленіи проектовъ, частью вслѣдствіе продѣлокъ тѣхъ, которымъ предоставляется выполнять проекты, законнымъ образомъ утвержденные, наконецъ частью, если не преимущественно, вслѣдствіе обманчиваго вида благоденствія, который умѣли сохранить многія уже установившіяся общества, — разразились сумасбродныя спекуліаціи 1844 и 1845 гг. Послѣдовавшія затѣмъ бѣдствія, хотя совсѣмъ почти отстранили послѣднюю изъ названныхъ нами побудительныхъ причинъ, не имѣли почти никакого вліянія на остальные. Хотя публика, наученная горькимъ опытомъ, уже не такъ легковѣрно потворствуетъ спекуліаціямъ, какъ въ прежнее время, но личные интересы, возникшіе тогда, остались тѣми же, какъ и были; система только еще изощрилась, приняла болѣе сложныя и многообразныя виды, и до сей поры ежедневно ввергаетъ злополучныхъ акціонеровъ въ убыточныя предпріятія.

Прежде нежели приступить къ разбору существующаго положенія дѣлъ, мы желаемъ объяснить читателю разъ навсегда, что мы не полагаемъ, чтобы *уровень* нравственности лицъ, замѣшанныхъ

въ эти дѣла, былъ завѣдомо ниже, нежели нравственность общества вообще. Если взять первыхъ попавшихся представителей любого сословія, то окажется, по всей вѣроятности, что они, поставленные въ такое же положеніе, поступили бы точно такъ же. Безспорно, есть директора совершенно безчестные; но также безспорно и то, что есть другіе, понятія которыхъ о чести далеко превосходятъ понятія большинства людей. Что же касается остальныхъ, то мы увѣрены, что они ничѣмъ не хуже массы. Объ инженерахъ, парламентскихъ агентахъ, юристахъ, подрядчикахъ и другихъ лицахъ, участвующихъ въ этого рода предпріятіяхъ, можно положительно сказать, что хотя они, силою привычки, доходятъ до ослабленія своихъ нравственныхъ правилъ, но было бы слишкомъ строго судить ихъ единственно по тѣмъ дѣйствіямъ, въ которыхъ ихъ можно основательно укорать. Тѣ, кто не сразу понимаетъ, какимъ образомъ, въ этихъ запутанныхъ дѣлахъ, самые безчестные результаты могутъ быть плодомъ дѣйствій людей, личность которыхъ далеко не соответствуетъ порочности этихъ результатовъ, поймутъ дѣло по разсмотрѣніи условий, въ которыя лица эти поставлены. Впервыхъ нужно обратить вниманіе на всѣмъ извѣстный фактъ, что совѣтъ цѣлой корпораціи всегда менѣе щекотлива, нежели совѣтъ отдельной личности, — иными словами, что всякая корпорація не задумается совершить, въ видѣ совокупнаго акта, такой поступокъ, на который не рѣшилось бы ни одно изъ лицъ, составляющихъ ее, еслибы оно чувствовало себя лично отвѣтственнымъ за него. При этомъ можно замѣтить, что такимъ сравнительнымъ ослабленіемъ нравственности отличается не только поведеніе самой корпораціи *относительно* общества, но и поведеніе общества *относительно* корпораціи. Всегда есть какое-то болѣе или менѣе ясно сознаваемое понятіе, будто для обширнаго общества почти не чувствительно то, что погубило бы частное лицо, и это понятіе постоянно руководитъ дѣйствіями всѣхъ правленій желѣзныхъ дорогъ и подвѣдомственныхъ имъ лицъ, также какъ и всѣхъ подрядчиковъ, землевладѣльцевъ и другихъ заинтересованныхъ лицъ, заставляя ихъ выказывать алчность и отсутствіе нравственныхъ правилъ, чуждая ихъ дѣятельности вообще. Затѣмъ отдаленность и косвен-

ность производимаго зла еще значительнѣе ослабляютъ чувство, обуздывающее злоупотребленія. Дѣйствія людей вообще непосредственно опредѣляются представленіями о результатахъ, которыхъ можно ожидать отъ нихъ, и принимаемыя рѣшенія въ значительной мѣрѣ зависятъ отъ большей или меньшей ясности, съ которой эти результаты могутъ представиться воображенію. Послѣдствіе, хорошее или дурное, рисуемое ясно и непосредственно, вліяетъ на образъ дѣйствій человѣка гораздо могущественнѣе, нежели такое послѣдствіе, которое нужно прослѣдить чрезъ длинный рядъ вытекающихъ одна изъ другой причинъ и которое въ окончательномъ результатѣ оказывается не опредѣленнымъ и осязательнымъ, а общимъ и смутно удовимымъ. Вотъ почему въ сомнительныхъ сдѣлкахъ на акціяхъ, въ запрашиваніи непоимѣрныхъ цѣнъ, — поступкахъ, которые приносятъ огромныя выгоды отдѣльнымъ личностямъ, не нанося повидимому ущерба никому, и которые, въ ихъ конечныхъ результатахъ, могутъ только окольными путями повредить неизвѣстнымъ лицамъ, неизвѣстно гдѣ проживающимъ, — можно уличить такихъ людей, которые, еслибы представить имъ воплощенные результаты ихъ дѣйствій, ужаснулись бы нанесеннаго ими вреда, — людей, которые въ частныхъ своихъ дѣлахъ, гдѣ результаты дѣйствительно представляются имъ въ такомъ осязательномъ видѣ, достаточно честны. Дадѣе слѣдуетъ замѣтить, что виною большей части этихъ крупныхъ мошенничествъ бываетъ не чудовищная безсовѣстность какого-нибудь отдѣльнаго человѣка или группы людей, а совокупность личныхъ интересовъ многихъ людей и многихъ группъ людей, мелкіе проступки которыхъ, накопленіемъ своимъ, образуютъ одно огромное цѣлое. Это совершенно похоже на процессъ, вслѣдствіе котораго какой-нибудь фактъ, переходя изъ устъ въ уста и при каждомъ повтореніи подвергаясь легкому преувеличенію, возвращается къ первому рассказчику въ едва узнаваемомъ видѣ. Точно также и тутъ: землевладѣльцы позволяютъ себѣ слегка налегать своимъ вліяніемъ тамъ, гдѣ бы не слѣдовало; члены парламента болѣе или менѣе протезируютъ тѣмъ или другимъ лицамъ, кое-гдѣ интригуютъ; юристы кое-гдѣ пронырствуютъ; инженеры, подрядчики и директора нѣсколько не въ мѣру радѣютъ о своей выгодѣ,

да смѣты представляются въ немного прикрашенномъ видѣ, слегка уменьшая угрожающія невыгоды и увеличивая ожидаемую пользу — и все это вмѣстѣ приводитъ къ тому, что акціонеры увлекаются въ разорительныя предпріятія отъявленно лживыми представленіями, а на каждого виновнаго падаетъ только малая доля общей вины. Слѣдовательно, если принять въ соображеніе сравнительную беззащитность корпоративной совѣсти, отдаленность и широкое распространеніе результатовъ, производимыхъ злоупотребленіемъ и смѣшанное начало этихъ злоупотребленій, — дѣлается возможнымъ понимать, какимъ образомъ, въ дѣлахъ желѣзныхъ дорогъ, колоссальныя мошенничества могутъ быть совершаемы людьми, которые, отдѣльно взятые, стоятъ по своей нравственности весьма немного ниже или даже вовсе не ниже общаго уровня нравственности ихъ среды.

Послѣ этихъ предварительныхъ, смягчающихъ поясненій, мы приступаемъ къ подробному изложенію различныхъ незаконныхъ вліяній, имѣющихъ послѣдствіемъ безразсудную систему расширенія и непрерывное расточеніе капиталовъ акціонеровъ.

Въ первомъ ряду между этими вліяніями стоитъ своекорыстіе землевладѣльцевъ. Владѣтели имѣній, нѣкогда бывшіе главнымъ препятствіемъ предпринимаемымъ желѣзнымъ дорогамъ, сдѣлались за послѣдніе годы главными ихъ ревнителями. Съ тѣхъ поръ какъ первый проектъ линіи между Ливерпулемъ и Манчестеромъ разбился объ оппозицію землевладѣльцевъ, а второй проектъ уцѣлѣлъ только тѣмъ, что держался вдали отъ усадебъ и огибалъ парки, отгороженные для охоты, — съ того времени, какъ лондонско-бирмингамское общество, послѣ утвержденія его проекта комитетомъ перовъ, принуждено было «задобрить» своихъ антагонистовъ поднятіемъ оцѣнки земли съ 250,000 до 750,000 ф. ст., — съ того времени, какъ парламентскій совѣтъ поддерживалъ безосновательное сопротивленіе самими вздорными и нелѣпыми отговорками, вродѣ укоровъ инженерамъ за «попирание хлѣба вдовъ» и «разрушеніе клубничныхъ грядъ огородниковъ», — съ этого времени, говоримъ мы, въ политикѣ зем-

землевладельцевъ произошелъ замѣтный переворотъ. Да и не въ человеческой натурѣ было бы, чтобъ дѣло было иначе. Когда стало извѣстно, что общества желѣзныхъ дорогъ обыкновенно даютъ въ видѣ «платы и вознагражденія за землю» отъ 4,000 до 8,000 ф. ст. съ мили; что за воображаемыя поврежденія собственности вознаграждаютъ такими неслыханными суммами, что большую часть ихъ наследники не разъ считали дѣломъ совѣсти возвращать; что въ одномъ случаѣ было заплачено 120,000 ф. ст. за землю, оцѣняемую въ 5,000 ф. ст.; когда разнеслись слухи, что производятся значительныя вознагражденія въ видѣ даровыхъ акцій и т. п., чтобы откупиться отъ сопротивленія землевладельцевъ; когда стало достовѣрнымъ фактомъ, что стоимость имѣній значительно возвышается отъ близости къ желѣзной дорогѣ,—неудивительно, что помѣщики сдѣлались дѣтельными ревнителями тѣхъ самыхъ проектовъ, противъ которыхъ они иѣкогда возставали съ такимъ ожесточеніемъ. Если принять въ соображеніе безчисленныя искушенія, которымъ они подвергались, мы не увидимъ ничего изумительнаго ни въ томъ фактѣ, что въ 1845 г. они были ревностными членами временныхъ комитетовъ,—ни въ томъ, что вліяніе ихъ, употребляемое въ пользу предпріятій, дало имъ возможность получить за собственныя свои земли большія суммы,—ни наконецъ въ томъ, что многія ихъ дѣйствія довольно трудно оправдать иначе, какъ смотря на нихъ съ ихъ точки зрѣнія. Рассказывая намъ о помѣщикахъ, искавшихъ свиданія съ инженеромъ какой-нибудь предполагаемой желѣзной дороги,—приговаривающихся къ тому, чтобы онъ выбралъ для линіи ихъ мѣстность, обѣщая свою поддержку, если онъ поступитъ по ихъ желанію, и угрожая сопротивленіемъ въ противномъ случаѣ,—предписывающихъ, какую именно черту провести чрезъ ихъ владѣнія, давая при этомъ понимать, что рассчитываютъ на хорошую цѣну,—намъ указываютъ только на особенныя проявленія извѣстныхъ частныхъ интересовъ. Когда мы слышимъ о томъ, какъ владѣтель обширнаго помѣстья употребляетъ вліяніе, которымъ онъ пользуется въ качествѣ предсѣдателя правленія какого-нибудь общества, на то, чтобы проектировать отвѣтвленіе, пересекающее его имѣніе

на протяженіе нѣсколькихъ миль, и подвергаетъ довѣрившееся ему общество издержкамъ, сопряженнымъ съ парламентской борьбой, чтобы добиться утвержденія этой линіи, — мы слышимъ только о томъ, что, по всѣмъ вѣроятностямъ, и должно было случиться при данныхъ обстоятельствахъ. Если въ настоящую минуту на разсмотрѣніе публики предлагается линія, задуманная крупнымъ капиталистомъ и, между прочимъ, служащая къ установленію выгоднаго для него сообщенія съ его имѣніями, причемъ онъ увѣряетъ, что составленныя по проекту сметы съ избыткомъ достаточны, тогда какъ все инженерное сословіе считаетъ ихъ положительно недостаточными, — то мы въ этомъ видимъ только особенно разительный примѣръ того, какія искаженныя представленія непременно порождаются личнымъ интересомъ при подобныхъ условіяхъ. Если мы открываемъ, что такой-то проектъ составленъ домогательствами мѣстнаго дворянства и джентри, — что изысканія были поручены третьестепенному инженеру, готовому взять ихъ на себя за плату только что покрывающую его издержки, въ виду будущихъ выгодъ, — что начальникъ изысканія и его агенты приставали къ директорамъ смежной главной линіи, чтобы заставить ихъ принять ихъ проектъ, угрожая, что въ противномъ случаѣ его приметъ какое-нибудь богатое, соперничающее съ ними общество, требовали денежной ссуды на расходы и добились бы всего этого, еслибы не сопротивление акціонеровъ, — то мы только открываемъ организованную тактику, которая совершенно естественно развивается при подобныхъ побудительныхъ причинахъ. Во всѣхъ этихъ фактахъ нѣтъ ничего особенно замѣчательнаго. Начиная съ безстыдства землевладѣльца, запросившаго 8,000 ф. ст. за то, что онъ наконецъ отдалъ за 80 ф., до ежедневно повторяющихся примѣровъ вліанія, употребляемаго на доставленіе извѣстному околodку удобствъ желѣзной дороги, — всѣ эти дѣйствія поземельнаго сословія составляютъ просто проявленія общаго уровня нравственнаго характера, обнаруживающагося подъ вліаніемъ особыхъ условій. Единственное, что должно останавливать наше вниманіе, это — то, что есть цѣлое многочисленное и могущественное сословіе, интересы котораго постоянно тянутъ въ сторону рас-

ширенія желѣзныхъ дорогъ, не принимая въ соображеніе дѣйствительную пользу или вредъ подобной системы.

Переворотъ въ положеніи, принятомъ законодательствомъ въ отношеніи желѣзныхъ дорогъ, а именно переходъ отъ «одной крайности, заключающейся въ упорномъ отверженіи проектовъ или утвержденіи ихъ только послѣ долгихъ проволочекъ, къ противоположной крайности—утверженію всѣхъ проектовъ безъ разбора», совершился одновременно съ вышеописаннымъ переворотомъ. Врядъ ли могло быть иначе. Изъ того, какая значительная часть обѣихъ парламентскихъ палатъ состоитъ изъ представителей землевладѣльской общины, непременно должно было послѣдовать повтореніе въ первыхъ той же игры частныхъ интересовъ, которая проявляется въ послѣдней, только въ нѣсколько измѣненномъ видѣ и усложненное другими влияніями. Если вспомнить, до какой степени сами законодатели были запутаны въ спекуляціи во время знаменитой «маіи», едва ли можно предположить, чтобы они съ тѣхъ поръ совершенно освободились отъ влиянія личныхъ соображеній. Существуетъ одинъ парламентскій отчетъ, доказывающій, что въ 1845 г. было 157 членовъ парламента, имена которыхъ являлись въ спискахъ новыхъ обществъ на различныя суммы, начиная отъ 291,000 ф. ст. и ниже. Сторонники новыхъ проектовъ хвалились числомъ голосовъ, которымъ они располагали въ палатѣ. Члены палаты общинъ дѣлались предметомъ личныхъ домогательствъ, у перовъ выпрашивали покровительства. Въ верхней палатѣ публично жаловались, что «почти невозможно набрать присяжныхъ, изъ которыхъ нѣсколько чело-вѣкъ не имѣли бы суммъ подписанныхъ на ту желѣзную доро-гу, пользу которой они призваны признать.» Нѣтъ сомнѣнія, что подобное положеніе дѣлъ было исключительное и съ тѣхъ поръ послѣдовало не только уменьшеніе соблазна, но и замѣт-ное приращеніе чувства честности. Но все-таки нельзя ожи-дать, чтобы прекратилось дѣйствіе частныхъ интересовъ. Нельзя ожидать, чтобы землевладѣлецъ, который виѣ парламента всѣми силами старается промыслить желѣзную дорогу для своего окру-га, послѣ вступленія своего въ парламента, не сталъ упо-треблять для той же цѣли власти, данной ему его новымъ поло-

женіемъ. Нельзя ожидать, чтобы накопленіе многихъ такихъ личныхъ вліаній оставило законодательную политику неизмѣнною. Отсюда проистекаетъ тотъ фактъ, что вліаніе, нѣкогда направляемое противъ утвержденія проектовъ желѣзныхъ дорогъ, теперь употребляется въ пользу ихъ. Отсюда же происходитъ и другой фактъ, что комитеты, которымъ поручается разсмотрѣніе проектовъ, уже не требуютъ достовѣрныхъ доказательствъ того, что предлагаемой линіи дѣйствительно предстоитъ значительная торговля, чтобы дать требуемая полномочія. Этому же наконецъ слѣдуетъ приписать и тотъ фактъ, что директора и предсѣдатели правленій, занимающіе мѣста въ палатѣ общинъ, позволяютъ себѣ обязываться отъ имени своихъ обществъ на продолженіе существующихъ линій и сооруженіе новыхъ. Однако не единственно изъ личныхъ видовъ стали законодатели давать въ послѣдніе годы неумѣстное поощреніе этимъ предпріятіямъ. Тутъ большую роль играли и различныя косвенныя побудительныя причины. Одною изъ нихъ было желаніе угодить избирателямъ. Жители округа, лишеннаго удобствъ желѣзной дороги, естественно пристають къ своимъ представителямъ, чтобы они имъ выхлопотали проведеніе линіи. Представители же нерѣдко сознаютъ, что вторичное ихъ избраніе зависитъ отъ успѣшнаго исполненія этого желанія. Даже тамъ, гдѣ нѣтъ натиска со стороны народа, онъ есть со стороны ихъ главной политической опоры — крупныхъ землевладѣльцевъ, которыми не приходится пренебрегать; судебного сословія, съ которымъ необходимо быть въ хорошихъ отношеніяхъ; мѣстныхъ юристовъ, друзей весьма нелишнихъ при выборахъ, людей, которымъ желѣзная дорога всегда приноситъ много дѣла. Такимъ образомъ, даже не имѣя въ виду непосредственно личныхъ цѣлей, члены парламента часто бываютъ почти насильно вынуждены содѣйствовать проектамъ далеко неразумнымъ съ точки зрѣнія акціонерной или даже національной. Затѣмъ слѣдуютъ еще менѣе непосредственныя побудительныя причины. Тамъ, гдѣ не имѣется въ виду достиженіе ни личныхъ, ни политическихъ цѣлей, остаются все-таки интересы какого-нибудь родственника, а если не родственника, то хоть пріятели. А тамъ, гдѣ нѣтъ положительнаго напора въ противную сторону, эти побудительныя причины, разумѣется, имѣютъ значи-

тельный вѣсъ. Сверхъ того, справедливость заставляетъ сказать и то, что большинство членовъ парламента дотога одержимо убѣжденіемъ, что сооруженіе всякой желѣзной дороги есть благодѣяніе для страны, что для нихъ почти не существуетъ причинъ сопротивляться подобнымъ вліяніямъ. Правда, акціонеры могутъ понести убытокъ, но это уже ихъ дѣло, — публикѣ же представятся новыя удобства; избиратели останутся довольны; друзьямъ будетъ угождено; можетъ быть достигнута и личныя цѣли: понятно, что подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ изъ этихъ побужденій или всѣхъ ихъ вмѣстѣ охотно подаются благопріятные голоса. Такимъ образомъ со стороны законодательства въ послѣдніе годы также послѣдовало искусственное поощреніе къ размноженію желѣзныхъ дорогъ.

Отъ парламента къ парламентскимъ агентамъ и ко всему юридическому сословію, сопричастному построенію желѣзныхъ дорогъ, переходъ легокъ. Для нихъ составленіе и выполненіе проектовъ новыхъ линій и развѣтвленій — вопросъ насущный. Всякій, кто изучитъ процессъ добыванія парламентскаго акта, утверждающаго новую желѣзную дорогу, или обратитъ вниманіе на множество законныхъ формальностей, обусловливаемыхъ произведеніемъ работъ на желѣзныхъ дорогахъ, и на большія суммы, появляющіяся въ полугодичныхъ отчетахъ подъ рубрикой «судебныхъ издержекъ», — разомъ пойметъ, какъ сильно искушеніе, которому каждый новый проектъ подвергаетъ солиситоровъ, нотаріусовъ и адвокатовъ. Доказано, что за прошлые годы парламентскихъ расходовъ приходилось отъ 650 до 3,000 ф. ст. съ миліи, и большая часть этихъ суммъ поступила въ карманы юридическаго сословія. Въ одной парламентской борьбѣ 57,000 ф. ст. были раздѣлены на шесть человѣкъ адвокатовъ и двадцать человѣкъ солиситоровъ. На недавнемъ собраніи одного изъ нашихъ обществъ было упомянуто, что сумма, истраченная на судебныя и парламентскіе расходы, достигла въ теченіе 9 лѣтъ до 480,000 ф. ст., т. е. среднимъ числомъ 53,500 ф. ст. въ годъ. Имѣя предъ глазами такіе факты и десятки подобныхъ имъ, было бы слишкомъ странно, еслибы такой смѣтливый народъ, какъ юристы, не употреблялъ всевозможныя усилія и про-

Спенсеръ. *Опыты*, т. I.

дѣлки для порожденія новыхъ предпріятій. Дѣйствительно, если оглянуться на дѣла, совершившіяся въ 1845 г., можно заподозрить, что юристы не только дѣятельно помогали новымъ предпріятіямъ, но сами затѣвали ихъ. Каждый отчасти слыхалъ о томъ, какъ, въ эту пору общаго возбужденія, ежедневно объявляемые проекты часто предлагались мѣстными солиситорами, — какъ эти люди изучали карты, высматривая, гдѣ можно провести благовидную линію, — какъ они запутывали мѣстное джентри своими домогательствами, чтобы добиться составленія комитетовъ, — какъ сговаривались съ инженерами насчетъ пробыныхъ изысканій, — какъ, благодаря обаянію сумасбродныхъ надеждъ, охватившихъ всѣхъ въ то время, они безъ большаго труда могли составлять общества. Зная все это и зная, что люди, имѣвшіе успѣхъ въ своихъ расчетахъ, врядъ ли отвыкаютъ отъ хитрости и коварства, а скорѣе съ каждымъ годомъ болѣе упражняются и совершенствуются въ нихъ, мы весьма естественно должны ожидать, что юристы, имѣющіе дѣла съ желѣзными дорогами, окажутся самыми вліятельными изъ многочисленныхъ лицъ, содѣйствующихъ завлеченію владѣтелей желѣзныхъ дорогъ въ бѣдственныя предпріятія, — и мы не обманемся въ этомъ ожиданіи. Они большей частью бывають въ союзѣ съ инженерами. Со времени предложенія до окончательнаго сооруженія новой линіи юристъ и инженеръ работаютъ за одно, интересы ихъ совершенно тождественны. Въ то время какъ одинъ производитъ изысканіе, другой заготовляетъ справочную книгу. Мѣстные планы, составленные однимъ, представляются другимъ. Объявленія землевладѣльцамъ и арендаторамъ, которыя пишутся однимъ, другимъ разсылаются по принадлежности. Во все время работъ они безпрестанно совѣтуются другъ съ другомъ о томъ, какъ справиться съ мѣстной оппозиціей и добыть мѣстную поддержку. При составленіи отчетовъ для представленія парламенту, они по необходимости дѣйствуютъ въ согласіи. Между тѣмъ, какъ во время засѣданій комитета одинъ исправно получаетъ свои десять гиней въ день за то, чтобы быть подъ рукою и подавать свои показанія, — другой извлекаетъ пользу изъ всѣхъ сложныхъ формальностей, сопряженныхъ съ проведеніемъ парламентскаго утвержденія. Во время производ-

ства работъ инженеръ и юристъ бываютъ въ частыхъ сношеніяхъ и получаютъ одинаковую выгоду отъ всякаго расширенія предпріятія. Такимъ образомъ въ каждомъ изъ нихъ естественно возникаетъ понятіе, что, помогая другому, онъ помогаетъ самъ себя, и постепенно, съ годами, по мѣрѣ повтореній такихъ операций, и тотъ и другой совершенно осваиваются съ политикой желѣзныхъ дорогъ, между ними устанавливается вполне организованная система взаимнаго содѣйствования, — система, приобретающая наибольшую силу отъ богатства и вліянія, съ каждымъ годомъ накапливаемыхъ ими.

Въ числѣ продѣлокъ солиситоровъ, устроившихся такимъ образомъ, одна изъ самыхъ замѣчательныхъ заключается въ ловкости, съ которою они добиваются произведенія въ директора кандидатовъ собственнаго назначенія. Какъ это ни покажется страннымъ и невѣроятнымъ, но есть кукольные директора, подающіе голосъ въ пользу того или другаго только по внушенію юристовъ общества, которыхъ они оказываются креатурами: это фактъ, который мы приводимъ изъ достовѣрныхъ источниковъ. Добываніе такихъ орудій не представляетъ никакой трудности. Представляется ваканція директора. Всегда почти есть нѣсколько такихъ людей, надъ которыми солиситоръ, завѣдывающій обширными юридическими дѣлами желѣзной дороги, имѣетъ значительную власть: не только друзья и родственники, но и кліенты и вообще люди, которымъ онъ по своему положенію можетъ доставить большую пользу или нанести большой вредъ. Изъ нихъ онъ выбираетъ самаго подходящаго къ его цѣлямъ, отдавая предпочтеніе, при другихъ равныхъ условіяхъ, такому, который живетъ въ провинціи, по близости къ линіи. Открываясь ему въ своихъ намѣреніяхъ, онъ указываетъ ему на различныя выгоды, сопряженныя съ положеніемъ директора, на право бесплатнаго проѣзда и многочисленныя удобства, которыя даетъ это мѣсто; на ежегодное содержаніе фунтовъ во сто, которое оно приноситъ; на получаемые отъ него почеть и вліаніе; на вѣроятно предстоящіе случаи къ выгодному помѣщенію капитала и т. д. Если послѣдуютъ возраженія на основаніи неразумнѣи дѣлъ, касающихся желѣзныхъ дорогъ, искуситель, для ко-

того въ этомъ-то неразуміи и заключается главное условіе годности субъекта, отвѣчаетъ, что онъ всегда будетъ подъ рукою, чтобы руководить имъ при подачѣ голоса. Если нареченный кандидатъ станетъ отговариваться неимѣніемъ требуемаго количества акцій общества, искуситель устраняетъ затрудненіе, съ готовностью предлагая пополнить недостающую цифру. Поощренный и польщенный такимъ образомъ и, можетъ быть, сознавая между прочимъ, что отказаться было бы опасно, избранное орудіе позволяетъ внести себя въ кандидатскій списокъ, а такъ какъ полугодичныя собранія имѣютъ обыкновеніе, — которому они измѣняютъ только подъ вліяніемъ сильнаго негодованія, — избирать первое лицо, представленное имъ властью имѣющими, то дѣло сходить съ рукъ благополучно. Тоже самое, разумѣется, можетъ возобновиться и при послѣдующихъ случаяхъ, и такимъ образомъ юридическій агентъ общества и сообщники его могутъ располагать достаточнымъ числомъ голосовъ, чтобы перетянуть вѣсы на свою сторону.

Далѣе къ личному интересу и власти главнаго солиситора нужно прибавить интересы и вліяніе мѣстныхъ солиситоровъ. Они тоже получаютъ пользу отъ новыхъ предпріятій и поэтому изо всѣхъ силъ стараются подвигать ихъ впередъ. Дѣйствуя единомышленно съ своимъ начальникомъ, они образуютъ весьма вліятельный мѣстный штабъ. Они неутомимо интригуютъ въ пользу предпріятія; они подстрекаютъ и сосредоточиваютъ чувства своихъ округовъ; поддерживаютъ соперничество съ другими линиями; напугиваютъ мѣстныхъ акціонеровъ молвами объ угрожающей конкуренціи. Когда вопросъ о расширеніи или нерасширеніи приходитъ къ голосованію, они набираютъ голоса по довѣренности въ пользу расширенія. Они употребляютъ понудительныя мѣры съ тѣми изъ своихъ кліентовъ и родныхъ, у которыхъ есть акціи. Мало того, они такъ глубоко интересуются рѣшеніемъ, что иной разъ фабрикуютъ голоса съ цѣлью вліять на него.

Правственность инженеровъ, состоящихъ при желѣзныхъ дорогахъ, немногимъ выше нравственности юристовъ. Греть-джордж-стритскія сплетни богаты постыдными повѣстями. Онѣ раз-

сказываютъ о томъ, какъ такой-то, подобно другимъ, предшествовавшимъ ему, подписался подъ смѣтами, зная навѣрное, что онѣ недостаточны; онѣ шуточно намекають на то, какъ такому-то предоставляется исправлять за начальника всю «черную работу», а именно жесвидѣтельствовать вмѣсто него; о такомъ-то рассказываютъ, что когда онъ подавалъ свое показаніе предъ комитетомъ, адвокатъ объявилъ ему, что ему не повѣрять, хотя бы онъ клялся на колънахъ. Изъ того же источника можно узнать, какъ дешево учредитель извѣстной линіи совершил парламентское изысканіе, употребляя на это часть штата, состоящаго на жалованіи у другаго общества, въ которомъ онъ служилъ въ качествѣ главнаго инженера. Тѣ же сплетни распространяются о важныхъ преимуществахъ, которыми пользуются инженеры, засѣдающіе въ палатѣ общинъ.

При такомъ ослабленіи нравственнаго кодекса инженеровъ и значительной степени, въ какой они заинтересованы въ предпріятіяхъ желѣзныхъ дорогъ, слѣдуетъ ожидать отъ нихъ усиленной и не слишкомъ разборчивой на средства дѣятельности въ пользу этихъ предпріятій. Въ примѣръ энергіи и умѣнья, съ которыми они подвизаются въ пользу новыхъ предпріятій, можно бы привести множество фактовъ.

Обратимся теперь къ подрядчикамъ. Желѣзныя дороги дали этому разряду людей исполинское развитіе, не только въ отношеніи численности, но и въ отношеніи громаднаго богатства, достигнутаго нѣкоторыми изъ нихъ. Прежде ни одинъ подрядчикъ не бралъ на свою долю больше какой-нибудь полудюжины миль работы, — насыпей, заборовъ и мостовъ. Въ послѣдніе же года стало обыкновеннымъ явленіемъ, что одинъ человекъ подряжался на постройку цѣлой желѣзной дороги, съ тѣмъ, чтобы сдать ее обществу въ надлежащемъ видѣ къ сроку ея открытія. На это, разумѣется, требуются большіе капиталы. Получаются и огромныя выгоды. А постепенно накопленные такимъ образомъ состоянія такъ велики, что есть нѣсколько подрядчиковъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ средства выстроить по желѣзной дорогѣ на свой счетъ. Но эти люди такъ же ненасытны, какъ всѣ миллионеры и, пока не отказываются отъ дѣлъ, нѣ-

которымъ образомъ вынуждены заручаться новыми предпріятіями, чтобы ихъ рабочій составъ не оставался безъ занятій. Можно себѣ представить, какія требуются огромныя количества рабочаго матеріала: сотни телегъ для перевозки земли; сотни лошадей; цѣлыя мили временныхъ рельсовъ и лежней; по крайшей мѣрѣ подюжина локомотивовъ и нѣсколько локобилей; безчисленное множество орудій; кромѣ того громадные запасы строительнаго лѣса, кирпича, камня, рельсовъ и другихъ рабочихъ припасовъ, которые приходится покупать на спекуляцію. Оставаться празднымъ при такой затратѣ капитала и содержаніи большаго рабочаго штата влечетъ за собою убытокъ, отчасти косвенный, отчасти же и прямой. Поэтому богатый подрядчикъ постоянно находится подъ вліяніемъ сильныхъ побудительныхъ причинъ, подстрекающихъ его искать новыхъ работъ, и въ тоже время богатство его даетъ ему возможность предпринимать ихъ. Вслѣдствіе этого нерѣдко случается, что, тогда какъ прежде общества и инженеры употребляли въ дѣло подрядчиковъ, теперь подрядчики употребляютъ въ дѣло инженеровъ и составляютъ компаніи. Многія новѣйшія предпріятія были созданы такимъ образомъ; самый гигантскій проектъ, на который до сихъ поръ отваживалась частная предпріимчивость,—проектъ, на осуществленіе котораго нѣтъ надежды,—былъ замышленъ извѣстной подрядческой фирмой. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ напримѣръ и въ этомъ случаѣ, подобный образъ дѣйствій, быть можетъ, оказался бы полезнымъ; но въ большей части случаевъ результаты бывають бѣдственны. Имѣя въ поощреніи расширенія желѣзныхъ дорогъ интересъ еще большій, чѣмъ инженеры и юристы, подрядчики часто соединяются съ послѣдними, въ качествѣ агентовъ или помощниковъ. Стараніями ихъ производится на свѣтъ такія линіи, о которыхъ впередъ можно сказать, что онѣ не покроютъ даже расходовъ. Въ послѣднее время, вошло въ обыкновеніе между землевладѣльцами, негоціантами и другими лично заинтересованными лицами, которые, воображая, что косвенные барыши вознаградятъ ихъ за тонкіе дивиденды, сами доставляли часть капитала нужнаго для мѣстной желѣзной дороги, но не могутъ доставить всего, — между такими лицами вошло въ

обыкновеніе заключать съ какимъ-нибудь богатымъ подрядчикомъ договоръ, которымъ онъ обязанъ построить линію, принимая въ уплату часть акцій,—хоть треть всѣхъ акцій,—и назначать цѣны за производимыя работы по сметѣ, составленной имъ сообща съ инженеромъ. Этихъ условіемъ подрядчикъ обезпечиваетъ себя. Ему не было бы никакого расчета принимать въ уплату акцій, обещающія не болѣе какихъ-нибудь 2%, иначе какъ вознаграждая себя необыкновенно большими барышами на постройкѣ, а назначеніе цѣнъ сообща съ такимъ лицомъ, интересы котораго, также какъ и его собственные, связаны съ выполненіемъ предпріятія, обезпечиваетъ ему такіе барыши. Между тѣмъ тотъ фактъ, что нашлись подписчики на весь капиталъ и подрядъ на всю линію взятъ, внушаетъ публикѣ излишнее довѣріе къ проекту; акціи начинаютъ ходить по цѣнѣ гораздо высшей, чѣмъ настоящая ихъ стоимость; онѣ раскупаются неосмотрительными лицами; подрядчикъ отъ времени до времени сбываетъ свои по хорошимъ цѣнамъ, и новые акціонеры въ концѣ очутятся пайщиками такой желѣзной дороги, которая оказывается, благодаря дороговизнѣ постройки, еще непроизводительнѣе, нежели она обѣщала вначалѣ. И это не единственные случаи, въ которыхъ подрядчики получаютъ выгоды такими путями. Они поступаютъ точно такъ же съ предпріятіями собственнаго проектированія. Если нельзя внести собственныхъ именъ въ подписные списки на тысячи акцій, подрядчики подставляютъ вмѣсто себя своихъ десятниковъ и другихъ лицъ и дѣлаютъ ихъ номинальными акціонерами, тогда какъ дѣйствительные акціонеры все-таки они же.

Изъ директорскихъ злоупотребленій мы уже приводили выше нѣсколько образчиковъ; можно было бы прибавить еще много примѣровъ. Кромѣ злоупотребленій, возникающихъ изъ непосредственно личныхъ видовъ, есть еще и разныя другія. Къ послѣднимъ принадлежитъ все-еще возрастающая общность интересовъ между правленіями желѣзныхъ дорогъ и палатой общинъ. Въ парламентѣ засѣдаютъ восемьдесятъ одинъ директоръ, и хотя многіе изъ нихъ принимаютъ весьма малое или вовсе не принимаютъ участія въ дѣлахъ управляемыхъ ими желѣзныхъ

дорогъ, но есть между ними много дѣятельныхъ членовъ разныхъ правленій. Стоитъ оглянуться за нѣсколько лѣтъ и обратить вниманіе на единогласіе, съ которымъ общества поставили за правило своей политики имѣть представителей въ парламентъ, — чтобы убѣдиться, что ихъ побуждало къ этому желаніе обезпечить свои интересы, особенно тамъ, гдѣ имъ угрожала конкуренція. О томъ, какъ посвященные хорошо понимаютъ выгоду такой политики, можно судить изъ того факта, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ известные лица избираются въ члены правленій только потому, что они — члены парламента. Это, разумѣется, влечетъ за собою то, что законодательство, въ своихъ отношеніяхъ къ желѣзнымъ дорогамъ, подвергается напору сложныхъ частныхъ вліяній, а что эти вліянія обыкновенно клоняты къ облегченію новыхъ предпріятій, достаточно очевидно. При этомъ естественно случается, что директора компаній, не враждующихъ между собою, мѣняются обоюдными услугами. Естественно, что они имѣютъ возможность провести кучу новыхъ проектовъ чрезъ комитеты. Сверхъ того, директора, засѣдающіе въ палатѣ общинъ, не только облегчаютъ утвержденіе проектовъ, въ которыхъ они заинтересованы, но еще упрасиваются окружающими поддерживать проекты, возникающіе съ другихъ сторонъ. Простой здравый смыслъ приводитъ къ тому заключенію, что представители маленькихъ городовъ и сельскихъ округовъ, нуждающихся въ удобствахъ желѣзныхъ дорогъ, каждодневно сталкиваясь съ предсѣдателемъ какого-нибудь общества, имѣющаго возможность доставить имъ эти удобства, не упустятъ случая подвинуться ближе къ своей цѣли. Тотъ же здравый смыслъ говорить, что они всячески постараются расположить его въ свою пользу закармливаніемъ, одолженіями, лестью, короче всѣми средствами, которыми обыкновенно склоняютъ людей. Точно также просто и то, что во многихъ случаяхъ они должны имѣть успѣхъ.

Подъ вліяніемъ различныхъ побудительныхъ причинъ — прямого интереса, частной протекціи или чувства антагонизма — директора постоянно вовлекаютъ своихъ довѣрителей въ неразумныя предпріятія и нерѣдко употребляютъ непозволительныя средства, чтобы побороть оппозицію или увернуться отъ нея. Акціонеры иногда

узнають, что ихъ директора обязались предъ парламентомъ на расширенія, далеко превышающія тѣ, на какія они были уполномочены; акціонеровъ увѣряють, что они обязаны утвердить обѣщанія, вдѣланныя отъ нихъ имени ихъ агентами. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, въ числѣ вводящихъ въ обманъ документовъ, предъ-являемыхъ акціонерамъ, чтобы получить отъ нихъ согласіе на новый проектъ, является перечень прибылей съ какого-нибудь уже исполненнаго отвѣтвленія или побочной линіи, съ которыми предлагаемая новая линія имѣетъ сколько-нибудь сходства. Эти прибыли (не всегда безъ прикрасть) выставляются достаточно значительными и возрастающими, чтобы акціонеры могли заключить, что и новый проектъ представляетъ хорошее помѣщеніе капитала. Между тѣмъ не упоминается, что капиталъ на построеніе этого отвѣтвленія или побочной линіи былъ добытъ займами или выпускомъ облигацій, приносящихъ болѣе высокой процентъ, нежели тотъ, который выдается въ дивидендъ; не упоминается также и о томъ, что, такъ какъ и на новое предпріятіе капиталъ будетъ добываться на такихъ же основаніяхъ, то годовой процентъ за долгъ болѣе чѣмъ поглотитъ годовой доходъ: такимъ образомъ ничего не подозрѣвающіе акціонеры, изъ которыхъ нѣкоторые не имѣютъ понятія о предъидущей дѣятельности общества, а нѣкоторые не въ состояніи разобрать его сложныхъ отчетовъ, даютъ свои довѣренности или лично подаютъ свои голоса въ пользу новыхъ работъ, имѣющихъ оказать губительное вліяніе на ихъ будущіе дивиденды. Для достиженія своихъ цѣлей, директора идутъ иной разъ прямо въ-разрѣзъ съ установленными правилами. Бывали случаи, что, отдавая отчетъ о количествѣ акціонеровъ, подававшихъ голоса при балотировкѣ, они включали въ это число владѣльцевъ далеко не вполне оплаченныхъ акцій, которые шли за владѣльцевъ акцій вполне оплаченныхъ.

Въ довершеніе этого очерка нужно сказать, что на рѣшенія совѣтовъ и общихъ собраній большей частью вліяють разнаго рода интриги. Разумѣется въ данныхъ случаяхъ ссылаются всѣ лица, могущіе благопріятствовать проекту, который хотять провести.

Еслибы только этим ограничивалось дѣло, не было бы еще особенной причины жаловаться; но это далеко не все. Есть совѣты, въ которыхъ борьба съ оппозиціею возведена въ систему. Условія сильнѣйшей партіи для того чтобы побороть и привести къ молчанію своихъ противниковъ, бываютъ иногда такъ рѣшительны и беззащитны, что когда оспориваемая мѣра, принятая уже въ правленіи, имѣетъ быть представлена общему собранію на утвержденіе, торжествующіе члены неразъ доходили дотога, что резолюціей воспрещали несогласнымъ своимъ товарищамъ изустно излагать акціонерамъ свои доводы!

Какимъ образомъ, на полугодичныхъ и общихъ собраніяхъ, акціонеры такъ легко позволяютъ правленіямъ распоряжаться собою, неоднократно испытывъ на дѣлѣ, что правленія не заслуживаютъ довѣрія — трудно понять съ перваго взгляда, но при изслѣдованіи загадочность факта исчезаетъ. Весьма часто оспориваемыя мѣры утверждаются совершенно противно желанію собраній, посредствомъ большаго числа довѣренностей, предварительно собранныхъ директорами. Довѣренности эти по большей части добываются отъ акціонеровъ, разсѣянныхъ по всему королевству и обыкновенно имѣющихъ слабость подписать первый присланный имъ документъ. Далѣе, изъ акціонеровъ, присутствующихъ на собраніи, когда вопросъ приводится къ окончательному рѣшенію, немногіе рѣшаются отважиться на рѣчь; изъ тѣхъ, которые и рѣшились бы, немногіе имѣютъ настолько вѣрный взглядъ, чтобы сообразить полное значеніе мѣры, по поводу которой они готовятся подать свой голосъ; тѣмъ наболее, которые видятъ и понимаютъ это значеніе, раздражительность нервовъ часто не даетъ возможности точно выразить свои воззрѣнія. Сверхъ того, не слѣдуетъ забывать, что на партію, выказывающую духъ антагонизма противъ правленія, прочіе акціонеры склонны смотрѣть болѣе или менѣе недоброжелательно. Кромѣ тѣхъ случаевъ, когда злоупотребленіе членовъ правленія было слишкомъ недавнее и вопиющее, въ массѣ существуетъ всегда чувство предубѣжденія противъ всѣхъ, берущихъ на себя роль оппозиціи. Ихъ обвиняютъ въ буйствѣ, крамолахъ, придиричвости, и часто одно только твердое мужество спасаетъ ихъ отъ пораженія. Кромѣ этихъ

отрицательныхъ причинъ безсилія сопротивляющихся акціонеровъ, есть еще много и положительныхъ причинъ. Вотъ что пишетъ, между прочимъ, одинъ членъ парламента, участвовавшій на большія суммы во многихъ обществахъ, съ первыхъ же временъ учрежденія желѣзныхъ дорогъ: «Мое обширное и долгое знакомство съ дѣлами обществъ желѣзныхъ дорогъ даетъ мнѣ возможность сказать, что большинство акціонеровъ вполнѣ полагаются на своихъ директоровъ, имѣя весьма мало или вовсе никакого знанія дѣла и не считая нужнымъ имѣть собственное свое мнѣніе... Нѣкоторые другіе, съ большимъ знаніемъ дѣла, но робкіе, боятся, идя противъ директоровъ, причинить пониженіе въ цѣнѣ акцій, и болѣе пугаются этого временнаго убытка, чѣмъ постоянного убытка, который общество должно понести отъ бесполезной и слѣдовательно непроизводительной затраты капитала... Другіе опять, считая угрожающее зло неизбѣжнымъ, тутъ же рѣшаются распродать свои акціи и, чтобы удержать ихъ покуда въ хорошей цѣнѣ, поддерживаютъ директоровъ.» Такимъ образомъ, отъ недостатка организованности и силы между тѣми, которые представляютъ оппозицію, и отъ робости и двуличности тѣхъ, которые не выражаютъ ея, случается, что крайне неразумные проекты утверждаются значительнымъ большинствомъ. Это еще не все. Тактика наступательной партіи обыкновенно такъ же искусна, какъ неловка тактика ея противниковъ. Впервыхъ предсѣдатель, по большей части главный поборникъ оспариваемаго проекта, имѣетъ возможность благоприятствовать тѣмъ, кто становится на его сторону, и преграждать дорогу противникамъ всякими затрудненіями, — чѣмъ онъ нерѣдко и пользуется, отказываясь слушать возражателей, заставляя ихъ молчать подъ какимъ-нибудь предлогомъ мнимаго нарушенія порядка, относясь къ нимъ свысока и даже позволяя себѣ угрозы. (1) Кроме того, обыкновенно случается такъ, что, нарочно или нечаянно, нѣко-

(1) Можно мимоходомъ замѣтить, что обыкновеніе дѣлать предсѣдателя правленія въ тоже время и предсѣдателемъ полугодичнаго собра-

тория изъ самыхъ важныхъ предложеній откладываются почти до минуты закрытія засѣданія, когда большая часть акціонеровъ уходитъ. Значительныя денежныя рѣшенія, обширныя полномочія, безграничное разрѣшеніе директорамъ принимать, въ извѣстныхъ дѣлахъ, «такія мѣры, какія они, по собственному усмотрѣнію, найдутъ наиболѣе удобными», множество подобныхъ предложеній наскоро разсматриваются въ послѣдніе полчаса засѣданія, когда усталые и нетерпѣливые члены не хотятъ болѣе слушать никакихъ возраженій и когда тѣ, у которыхъ есть личныя цѣли оставаться дольше другихъ, все рѣшаютъ по-своему.

Можно ли послѣ всего этого удивляться упорствованію общества желѣзныхъ дорогъ въ безразсудной повидимому конкуренціи и разорительныхъ расширеніяхъ? Не достаточно ли объясняется это упрямое продолженіе столь бѣдственной политики разборомъ множества незаконныхъ вліаній, примѣшивающихся къ дѣлу? Не очевидно ли, что небольшая организованная партія всегда перехитритъ большую, но неорганизованную партію? Надо еще принять въ соображеніе относительныя характеры и обстоятельства партій. Съ одной стороны мы видимъ акціонеровъ, разбросанныхъ по всему королевству, по городамъ и помѣстьямъ, не имѣющихъ понятія другъ о другѣ и слишкомъ отдаленныхъ одинъ отъ другаго, чтобы дѣйствовать дружно, хотя бы они и были между собой знакомы. Изъ нихъ весьма немногіе читаютъ газету желѣзныхъ дорогъ, не очень многіе читаютъ и простую ежедневную газету и ни одинъ почти

нія крайне неразумно. Директора — служители акціонеровъ и отъ времени до времени являютя предъ ними для того, чтобы отдать отчетъ въ управленіи. Чтобы главный изъ служителей, дѣйствія которыхъ имѣютъ быть разсмотрѣны, самъ былъ и главой суда надъ ними — это чистая неглупость. Дѣлопроизводствомъ на каждомъ собраніи очевидно должно бы завѣдывать лицо, независимо и специально избранное для этой роли, какъ въ нижней палатѣ избирается спикеръ.

ничего не смыслить въ политикѣ желѣзныхъ дорогъ. Они поне-
 воля составляютъ колеблющуюся массу, изъ которой только
 небольшое число коротко знакомо съ исторіей общества, его
 дѣйствіями, обязательствами, политикой, управленіемъ. Большин-
 ство не въ состояніи судить о предлагаемыхъ вопросахъ и не
 имѣетъ настолько рѣшимости, чтобы дѣйствовать даже по тѣмъ
 сужденіямъ, какія оно себѣ составило: — это большинство со-
 стоитъ изъ душеприкащиковъ, избѣгающихъ всего, что влечетъ
 за собою какую-нибудь отвѣтственность, — опекуновъ и
 попечителей, боящихся распорядиться ввѣренными имъ капи-
 талами, изъ опасенія, чтобы могущій оказаться убытокъ не на-
 влекъ на нихъ процесса, — вдовъ, никогда въ жизни не дѣйствовав-
 шихъ сами за себя ни въ одномъ важномъ дѣлѣ, — старыхъ дѣ-
 вицъ, страждущихъ нервами и неповинныхъ въ пониманіи ка-
 кихъ бы то ни было дѣлъ, — духовныхъ лицъ, обычныя занятія
 которыхъ вовсе не рассчитаны на то, чтобы сдѣлать изъ нихъ
 людей знакомыхъ съ жизнью, — удалившихся отъ дѣлъ торговцевъ,
 которыхъ привычка къ мелочнымъ сношеніямъ сдѣлала неспособ-
 ными къ сколько-нибудь обширнымъ соображеніямъ, — слугъ,
 обладающихъ накопленнымъ жалованіемъ и узкими понятіями, — и
 бездны другихъ одинокихъ безпомощныхъ лицъ, по невѣжеству
 или робости болѣе или менѣ склонныхъ къ консерватизму и
 къ поддержанію властей. Сюда же нужно еще причислить
 разрядъ временныхъ акціонеровъ, которые, купивъ акцій для
 спекуляцій и зная, что переворотъ въ обществѣ долженъ на
 время понизить цѣну акцій, имѣютъ выгоду поддерживать прав-
 леніе независимо отъ достоинства его политики.

Обратимся теперь къ тѣмъ, усилія которыхъ направлены къ рас-
 ширенію желѣзныхъ дорогъ. Примемъ въ соображеніе постоянный на-
 поръ мѣстныхъ интересовъ, — маленькихъ городковъ, сельскихъ ок-
 руговъ, землевладѣльцевъ: всѣ они жаждутъ удобствъ желѣзной доро-
 ги, всѣ имѣютъ въ виду большія и опредѣленные выгоды; и мало кто
 сознаетъ, съ какиимъ ущербомъ для другихъ могутъ быть сопряже-
 ны эти выгоды. Вспомнимъ вліяніе законодателей, подстрекаемыхъ
 кто избирателями, кто личными цѣлями, и поощряемыхъ убѣж-

деніемъ, что каждая новая желѣзная дорога во всякомъ случаѣ благодѣтельна для націи. Обратимъ вниманіе на искушенія, которыми обставлены юристы, на громадную пользу, приносимую имъ каждой борьбой по поводу желѣзныхъ дорогъ, и затѣмъ представимъ себѣ, какихъ размѣровъ и изощренности должны достигнуть интриги ихъ въ пользу расширеній. Примемъ въ соображеніе настойчивость инженерной профессіи, для богатыхъ членовъ которой строить новыя желѣзныя дороги значитъ увеличивать свое богатство, для остальныхъ же членовъ—добывать насущный хлѣбъ. Сообразимъ силу, которую даетъ подрядчикамъ обладаніе капиталами; страшный убытокъ, которому они подвергаются, если ихъ рабочій составъ остается безъ употребленія; огромный барышъ, который приноситъ имъ этотъ же рабочій составъ, будучи употребленъ въ дѣло. Затѣмъ вспомнимъ, что для юристовъ, инженеровъ и подрядчиковъ составленіе и выполненіе новыхъ предпріятій есть дѣло, на которое направляется вся ихъ энергія, въ которомъ, долготѣнимъ упражненіемъ, приобрѣтено большое искусство и для облегченія котораго всѣ средства, допускаемыя житейскимъ воззрѣніемъ на честность, считаются позволительными. Наконецъ, примемъ въ соображеніе, что всѣ сословія, заинтересованныя въ выполненіи новыхъ плановъ, находятся въ постоянномъ сообщеніи между собою и имѣютъ всевозможныя средства для содѣйствованія одно другому. Большая часть представителей ихъ живетъ въ Лондонѣ и изъ нихъ большее число имѣютъ занятія въ Вестминстерѣ, въ Great-George-Street, въ Parliament-Street, — вращается около законодательныхъ властей. Люди эти нетолько сосредоточены въ одномъ центрѣ, нетолько имѣютъ частыя дѣловыя сношенія другъ съ другомъ, но въ продолженіе сессіи каждодневно бывають вмѣстѣ, въ Palace-Yard Hotels, въ приѣмныхъ комитетскихъ комнатахъ, наконецъ въ самой палатѣ общинъ. Удивительно ли, послѣ этого, что разбросанная, несвѣдущая, неорганизованная масса акціонеровъ, стоящихъ каждый самъ по себѣ, занятыхъ каждый прежде всего своими ежедневными дѣлами, постоянно бываетъ осилена сравнительно малочисленною, но дѣятельною, ловкою и единомышленно дѣйствующею массою, ополченною противъ нихъ?

«Но чего же смотреть директора?» спросить, быть может, читатель? «Какимъ образомъ могутъ они потворствовать этимъ очевидно неразумнымъ предпріятіямъ? Они сами акціонеры: они получаютъ пользу отъ тогоже, что выгодно всему обществу; они остаются въ убыткѣ отъ тогоже, что ему наноситъ вредъ. А если ни одинъ новый проектъ не можетъ быть принятъ обществомъ иначе, какъ съ ихъ согласія или, вѣрнѣе, чрезъ ихъ посредство, то классы, заинтересованные въ развитіи новыхъ предпріятій, должны быть безсильны.»

Эта-то вѣра въ тождественность интересовъ директоровъ и владѣльцевъ и есть роковая ошибка, въ которую обыкновенно впадаютъ акціонеры. Она-то и дѣлаетъ ихъ, несмотря на всѣ горестные опыты, столь безпечными и довѣрчивыми. «Ихъ выгода— наша выгода; ихъ убытокъ — нашъ убытокъ; знаютъ же они больше насъ, слѣдовательно предоставимъ дѣло имъ.» Таково умозрѣніе, которое, съ большей или меньшей ясностью, поселается почти во всякой акціонерной головѣ,— умозрѣніе, первая посылка котораго не вѣрна, а выводъ— пагубенъ. Разсмотримъ его въ подробностяхъ.

Не останавливаясь на открытіяхъ, сдѣланныхъ за прошлые годы по части торговли акціями, производимой правленіями, и большихъ барышахъ, добытыхъ этимъ путемъ (хотя однихъ этихъ открытій достаточно было бы, чтобы доказать ложность понятій о тождественности интересовъ директоровъ съ интересами владѣльцевъ), и принимая за вѣрное, что эти злоупотребленія въ настоящее время уже не существуютъ или существуютъ въ незначительной степени,— приступимъ прямо къ исчисленію преобладающихъ по сіе время вліяній, дѣлающихъ это кажущееся единство въ дѣлахъ обманчивымъ. Непосредственный интересъ директоровъ въ благоденствіи общества часто гораздо менѣе значителенъ, нежели воображаютъ. Они имѣютъ иногда только необходимое по уставу количество акцій на 1000 ф. ст. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ они даже и это количество имѣютъ только номинально. Положимъ впрочемъ, что въ большей части случаевъ имѣется даже гораздо большее количество акцій, нежели требуется,— нужно все-

таки имѣть въ виду то, что косвенныя выгоды, которыя богатый членъ правленія можетъ извлечь изъ новаго предпріятія, часто далеко превосходятъ прямой ущербъ, наносимый ему пониженіемъ акцій. Большинство всякаго правленія обыкновенно состоитъ изъ лицъ, имѣющихъ жительство на разныхъ точкахъ той полосы страны, которую просѣкаетъ управляемая ими желѣзная дорога; изъ нихъ нѣкоторые—землевладельцы, другіе—негоціанты или мануфактуристы, третьи—владѣтели рудниковъ или судовъ. Такихъ членамъ новое отвѣтвленіе или побочная линия всегда приноситъ болѣе или менѣе значительныя выгоды. Тѣ изъ нихъ, которые живутъ по близости отъ такой линіи, имѣютъ отъ нея пользу либо въ видѣ возвышенія стоимости ихъ земель, либо въ видѣ облегченія перевозки ихъ товаровъ. Для тѣхъ, которые живутъ въ отдаленіи отъ главной линіи, польза, хотя и менѣе прямая, всегда есть въ томъ, что каждое расширеніе открываетъ новые сбыты либо для готовыхъ продуктовъ, либо для сырыхъ матеріаловъ. Если же расширеніе соединяетъ главную линію съ какой-нибудь другой системой желѣзныхъ дорогъ, то коммерческія удобства, доставляемые при этихъ условіяхъ директорамъ, принимаютъ большую важность. Поэтому очевидно, что косвенныя выгоды, доставляемые такимъ образомъ директору, болѣе чѣмъ вознаграждаютъ его за прямой убытокъ, понесенный на помещенномъ въ предпріятіи капиталѣ, и хотя, безспорно, есть люди слишкомъ добросовѣстные, чтобы дозволить подобнымъ расчетамъ руководить собою, однако большинство едва ли можетъ не соблазниться при столь сильныхъ искушеніяхъ. Далѣе, нужно еще помнить, какія вліянія пускаются въ ходъ, чтобы дѣйствовать на директоровъ, занимающихъ мѣста въ парламентѣ. Мы уже упоминали о нихъ, и теперь возвращаемся къ нимъ только затѣмъ, чтобы пояснить, какимъ образомъ непосредственный убытокъ, заключающійся въ потерѣ на 1000 ф. ст., обращенныхъ въ акціи, можетъ имѣть для директора несравненно меньше значенія, нежели одолженія, протекція, связи, положеніе, которыя доставляются ему помощью, оказанною новому проекту, и одного этого соображенія—не разбирая, въ какой мѣрѣ оно примѣняется—до-

статочно, чтобы доказать, что и въ этомъ отношеніи мнѣніе о воображаемой тождественности интересовъ директоровъ съ интересами акціонеровъ несостоятельно.

Сверхъ того, разъединеніе въ интересахъ, произведенное этими вліяніями, увеличивается системою облигацій. Даже безъ содѣйствія другихъ причинъ, добываніе капитала на дополнительные предпріятія выпускомъ облигацій, которымъ обезпечивается 5, 6 и 7%, можетъ уничтожить общность интересовъ, будто-бы существующую между владѣльцами желѣзной дороги и ея правленіемъ. Хотя это въ настоящее время далеко не общепризнанный фактъ, однако легко доказать, что подобнымъ займомъ общество немедленно раздѣляется на два разряда, состоящіе одинъ — изъ богатыхъ акціонеровъ со включеніемъ директоровъ, и другой — изъ бѣднѣйшихъ акціонеровъ; причемъ нужно замѣтить, что первый разрядъ можетъ уберечься отъ потерь, которыя второй вынужденъ переносить, — мало того, первый можетъ извлекать выгоду изъ потерь втораго. Справедливость этого утвержденія, какъ ни поразить оно многихъ, мы беремся доказать.

Когда капиталъ, нужный для построенія какого-нибудь отѣтвленія или продолженія существующей линіи, набирается посредствомъ гарантированныхъ облигацій, каждому акціонеру предоставляется взять облигацій соотвѣтствующее числу его акцій. Пользуясь этимъ предложеніемъ, онъ болѣе или менѣе охраняетъ себя отъ убытковъ новаго предпріятія. Если оно не выполнитъ обѣщаній своихъ сторонниковъ и сколько-нибудь уменьшить дивидендъ, то высокій дивидендъ, получаемый за извѣстное число облигацій, можетъ почти или даже совершенно покрыть этотъ убытокъ. Въслѣдствіе того, всякій, кто располагаетъ средствами, имѣетъ прямой расчетъ взять возможно большее число облигацій. Но что бываетъ, когда разсылается циркуляръ, объявляющій о выпускѣ облигацій и размѣрѣ надѣленія оными акціонеровъ? Тѣ, у кого много акцій, такъ какъ это по большей части капиталисты, немедленно требуютъ себѣ полное число облигацій, на которое они имѣютъ право. Съ другой стороны мелкіе владѣльцы, составляющіе массу об-

щества, не имѣя свободныхъ суммъ для оплаты новыхъ облигацій, принуждены отказаться отъ нихъ. Что изъ этого слѣдуетъ? Когда откроется добавочная линія и, по обыкновенію, оказывается, что приходъ съ нея недостаточенъ для покрытія обеспеченнаго дивиденда на облигаціи, — когда, для пополненія этого обеспеченнаго дивиденда, затрогивается общій приходъ общества, — когда, естественнымъ порядкомъ, уменьшается дивидендъ съ первоначальныхъ акцій, — бѣдѣйшіе акціонеры, имѣющие одни только первоначальныя акціи, остаются въ убыткѣ, тогда какъ болѣе богатые акціонеры, имѣя гарантированныя облигаціи, находятъ въ полученіи обеспеченнаго дивиденда приблизительное или полное вознагражденіе за убытокъ, повесенный отъ уменьшенія общихъ дивидендовъ. Положеніе дѣла бываетъ и того хуже, какъ мы уже намекали выше. Дѣйствительно, такъ какъ крупный владѣлецъ, получившій слѣдующее ему число облигацій, не обязанъ оставлять за собою первоначальныя акціи, — такъ какъ онъ, при малѣйшемъ сомнѣніи о томъ, окупится ли новое предпріятіе, всегда можетъ сбыть свои акціи, то очевидно, что онъ можетъ, если ему угодно, остаться съ одними только облигаціями, и такимъ образомъ получать прекрасный процентъ съ своего капитала, въ ущербъ обществу вообще и мелкимъ акціонерамъ въ особенности. До какихъ границъ доводится эта политика, мы не беремъ на себя рѣшать. Намъ касается здѣсь только фактъ, что, такъ какъ директора по большей части люди съ большими средствами и, слѣдовательно, имѣющие возможность пользоваться выпускомъ облигацій, съ помощью которыхъ можно предотвратить большія потери, если только не имѣтъ положительную выгоду, то они подлежатъ вліянію побудительныхъ причинъ различныхъ отъ причинъ, руководящихъ акціонерами вообще. Въ томъ же, что они часто поддаются этому вліянію, не можетъ быть никакого сомнѣнія. Не полагая ни въ одномъ изъ нихъ гнуснаго намѣренія выгодать себѣ прибыль въ ущербъ другимъ владѣльцамъ, и вѣря, что немногіе изъ нихъ вполне понимаютъ, что преимущество, предоставляемое имъ, недоступно большей части акціонеровъ, — мы считаемъ рациональнымъ выводомъ изъ опыта: что перспектива такого вознагра-

гражденія часто должна перетянуть вѣсы на извѣстную сторону въ умахъ колеблющихся и ослабить сопротивление неодобряющихъ членовъ.

Итакъ, понятіе, заставляющее большинство акціонеровъ желѣзныхъ дорогъ безусловно довѣряться своимъ директорамъ, — ошибочно. Несправедливо, чтобы существовала тождественность между интересами владѣльцевъ акцій и правленія. Несправедливо, чтобы правленіе составляло достаточную оборону противъ происковъ юристовъ, инженеровъ, подрядчиковъ и другихъ лицъ, которымъ построеніе желѣзныхъ дорогъ приноситъ прибыль. Напротивъ, справедливо, что члены его, вслѣдствіе вліянія разныхъ косвенныхъ побудительныхъ причинъ, подлежатъ отклоненію отъ прямаго долга, а система облигацій прямо и положительно подвергаетъ ихъ искушенію измѣнить интересамъ своихъ довѣрителей.

Какова же ближайшая основа всѣхъ этихъ корыстныхъ злоупотребленій? Гдѣ средство противъ нихъ? Какая общая ошибка законодательства по части желѣзныхъ дорогъ сдѣлала возможнымъ такое сложное сплетеніе продѣлокъ? Чему приписать безпрепятственность, съ которою заинтересованныя въ дѣлѣ личности постоянно ввергаютъ свои общества въ безразсудныя предпріятія? На всѣ эти вопросы отвѣтъ, какъ намъ кажется, весьма простъ. Съ перваго взгляда онъ покажется неудумимъ къ дѣлу, и мы не сомнѣваемся въ томъ, что заключеніе, которое мы намѣрены изъ него вывести, будетъ немедленно забраковано практичными людьми, какъ неудобопримѣнимое. Но несмотря на это, если намъ дадутъ время объясниться, мы не теряемъ надежды доказать, какъ то, что существующее зло устранилось бы, еслибъ былъ признанъ этотъ принципъ, такъ и то, что признаніе его не только возможно, но открыло бы выходъ изъ множества затрудненій, въ которыхъ въ настоящее время запутано законодательство по части желѣзныхъ дорогъ.

По нашему разумѣнію, основной недостатокъ нашей системы, въ томъ видѣ, въ какомъ она была примѣняема дониндѣ,

заключается въ ложномъ пониманіи договора, существующаго между владельцами акцій, — подразумѣваемаго договора, заключаемаго каждымъ акціонеромъ относительно всего сословія акціонеровъ, къ которому онъ присоединяется, — и что желанное средство заключается просто въ достиженіи и практическомъ примѣненіи правильнаго пониманія этого договора. Въ сущности онъ имѣетъ свои рѣзко обозначенныя границы; на дѣлѣ же относятся къ нему какъ будто онъ не имѣетъ ровно никакихъ границъ, и единственное, чего необходимо добиться, это — ясное опредѣленіе и добросовѣстное соблюденіе его.

Нашъ народный образъ правленія дотога приучилъ насъ къ рѣшенію всѣхъ общественныхъ вопросовъ приговоромъ большинства и система эта кажется столь справедливою въ каждодневно представляющихся случаяхъ, что въ большей части умовъ выработалась безпрекословная вѣра въ безпредѣльность власти большинства. При какихъ бы условіяхъ и для какихъ бы цѣлей извѣстное число людей ни вступало въ ассоціацію, разъ навсегда полагается, что, буде возникнетъ между ними разногласіе въ мнѣніяхъ, справедливость требуетъ исполненія воли большинства, а не меньшинства, и это правило считается общепримѣнимымъ во всѣхъ, какого бы рода ни было, вопросахъ. Убѣжденіе это вкоренилось такъ глубоко и предметъ этотъ былъ такъ мало разсмотрѣнъ съ нравственной точки зрѣнія, что для многихъ одно покушеніе на выраженіе сомнѣнія въ правильности этого понятія немислимо. Между тѣмъ достаточно самаго краткаго анализа, чтобы доказать, что мнѣніе это почти ни что иное какъ политическое суевѣріе. Ничего нѣтъ легче какъ набрать примѣры, доказывающіе, путемъ *reductio ad absurdum*, что право большинства есть чисто условное право, имѣющее силу только въ извѣстныхъ частныхъ границахъ. Приведемъ нѣсколько такихъ примѣровъ. Предположимъ, что на общемъ собраніи какой-нибудь филантропической ассоціаціи рѣшили бы, что, кромѣ надѣленія пособіями нуждающихся, ассоціація употребитъ еще нѣсколько миссіонеровъ для того, чтобы читать проповѣди противъ католицизма. Можно ли было бы употребить для этой цѣли суммы, внесенныя католиками, вступившими въ ассоціа-

цію въ видахъ благотворительности? Предположимъ, что большинство членовъ какого-нибудь клуба для чтенія, полагая, что, при существующихъ обстоятельствахъ упражненіе въ стрѣльбѣ важнѣе чтенія, рѣшило бы измѣнить назначеніе ассоціаціи и употребить имѣющіяся въ наличности суммы на покупку пороха, пуль, мишеней. Были ли бы остальные члены связаны этимъ рѣшеніемъ? Предположимъ, что подъ вліяніемъ возбужденія, произведеннаго новыми извѣстіями изъ Австраліи, большинство членовъ какого-нибудь земледѣльческаго общества рѣшило бы не только всѣмъ комплектомъ отправиться на золотые прииски, но и употребить накопленный капиталъ общества на снаряженіе въ путь. Позволительно ли было бы подобное присвоиваніе большинствомъ денегъ меньшинства? и обязано ли было бы меньшинство примкнуть къ экспедиціи? Едвали кто-нибудь рѣшится дать утвердительный отвѣтъ даже на первый изъ этихъ вопросовъ, а тѣмъ менѣе на остальные. Почему? Потому что каждый ясно понимаетъ, что человѣка, соединяющагося для чего бы то ни было съ другими людьми, никакимъ образомъ нельзя не нарушая справедливости вовлекать въ дѣйствія совершенно чуждыя той цѣли, для которой онъ соединился съ ними. Каждое изъ этихъ воображаемыхъ меньшинствъ могло бы съ полнымъ основаніемъ отвѣчать тѣмъ, кто пытался бы его неволить: «Мы соединились съ вами для опредѣленнаго дѣла; мы давали деньги и время, чтобы содѣйствовать именно этому дѣлу; во всѣхъ вопросахъ, изъ него возникающихъ, мы естественно обязались сообразоваться съ волей большинства, но мы не обязывались сообразоваться съ этой волей въ какомъ бы то ни было другомъ вопросѣ. Если вы насъ привлекаете къ себѣ, выставляя извѣстную цѣль, и затѣмъ предпринимаете что-нибудь другое, о чемъ не было намъ говорено, вы получаете наше содѣйствіе подъ ложными предлогами; вы переходите за черту высказаннаго или подразумевающагося договора, которымъ мы себя обязали, и мы уже не связаны вашими рѣшеніями.» Ясно, что это — единственное раціональное толкованіе дѣла. Общее начало, на основаніи котораго возможно правильное управленіе всякой корпораціей, заключается въ томъ, что члены ея условливаются другъ съ другомъ подчиняться волѣ большинства

во всѣхъ дѣлахъ, касающихся достиженія тѣхъ цѣлей, для которыхъ они составили корпорацію, но не въ другихъ. Въ этихъ только границахъ договоръ можетъ быть дѣйствителенъ; потому что, такъ какъ, по самой сущности всякаго договора, разумѣется, что вступающіе въ него должны знать, къ чему именно они обязываются, такъ какъ, далѣе, люди, соединяющіеся съ другими для какой-нибудь означенной цѣли, никакъ не могутъ имѣть въ виду всѣхъ неозначенныхъ цѣлей, которыя общество можетъ поставить себѣ впослѣдствіи, — то изъ этого слѣдуетъ, что заключенный договоръ не можетъ простирается на такіе неозначенныя цѣли; и если не существуетъ ни примаго, ни подразумеваемаго договора между ассоціаціею и ея членами относительно неозначенныхъ цѣлей, то большинство, неволяющее меньшинство согласится на нихъ, есть ни что иное какъ грубый тиранъ.

Между тѣмъ это очевидное начало совершенно не принимается въ соображеніе, какъ нашимъ законодательствомъ въ его отношеніяхъ къ желѣзнымъ дорогамъ, такъ и самими обществами въ ихъ образѣ веденія дѣлъ. Какъ ни опредѣлена цѣль, для которой соединяются учредители какого-нибудь общественнаго предпріятія, къ ней обыкновенно прицѣпляется безконечное число другихъ цѣлей, о которыхъ вначалѣ и не свислось, — и это дѣлается, повидимому, ни мало не подозревая, что подобный образъ дѣйствій рѣшительно не позволителенъ иначе, какъ если онъ примется съ единогласнаго согласія владѣльцевъ. Ничего неподозрѣвающей акціонеръ, подписываясь на построеніе линіи отъ Гретборо до Грендпорта, дѣйствовалъ въ томъ убѣжденіи, что линія эта представитъ не только удобство обществу, но и выгодное помѣщеніе его капитала. Онъ коротко зналъ край; изучилъ условія торговли и, вполне увѣренный, что знаетъ, на что пускается, подписался на большую сумму. Линія построена; благоденствіе нѣсколькихъ лѣтъ оправдало его ожиданія; вдругъ на какомъ-нибудь злополучномъ чрезвычайномъ собраніи ему представляется проектъ отвѣтвленія отъ Литтльгомстеда до Стонифильда. Воля правленія и интриги заинтересованныхъ въ успѣхѣ лицъ пересиливаютъ всякую оппози-

цію и, вопреки протестамъ многихъ, которые подобно ему понимаютъ всю неразумность предлагаемаго предпріятія, онъ, нежданно-негаданно, видитъ себя вовлеченнымъ въ такое дѣло, о которомъ, въ то время какъ онъ просоединился къ учредителямъ первоначальной линіи, ему и на умъ не приходило. Годъ за годомъ повторяется тотъ же процессъ; дивиденды его тощуютъ, акціи его спускаются ниже и ниже, и наконецъ скопленіе новыхъ предпріятій, на которыя его обязываютъ, принимаетъ такіе громадные размѣры, что первоначальное предпріятіе является уже только въ видѣ небольшой части цѣлаго. Однако только въ силу его согласія на первое предпріятіе ему навязываются остальные. Онъ чувствуетъ, что гдѣ-то что-то не такъ, но, свато вѣруя въ безграничное право всякаго большинства, не можетъ разобрать, гдѣ именно. Онъ того не видитъ, что въ первый же разъ, какъ было предложено подобное расширеніе, ему слѣдовало отрицать право своихъ товарищей-акціонеровъ замѣшивать его въ предпріятіе, не означенное въ уставѣ; что ему слѣдовало сказать сторонникамъ этого новаго проекта, что они вполне вольны образовать новую компанію, но отнюдь не вправѣ принудить несогласныхъ участвовать въ новомъ проектѣ, точно также какъ не вправѣ были бы принудить нежелающихъ участвовать въ первоначальномъ проектѣ. Еслибы этотъ акціонеръ соединился съ другими для общей цѣли *постройки желѣзныхъ дорогъ*, то онъ не имѣлъ бы основанія протестовать. Но онъ соединился съ другими акціонерами для специально означенной цѣли — *постройки известной желѣзной дороги*. Между тѣмъ, смѣшеніе понятій объ этомъ предметѣ такъ велико, что не дѣлается рѣшительно никакой разницы между этими двумя случаями!

Въ оправданіе всего этого, безъ сомнѣнія, скажутъ, что такія побочныя предпріятія служатъ дополненіемъ къ первоначальному предпріятію и предпринимаются въ нѣкоторомъ смыслѣ въ подмогу ему; что они имѣютъ цѣлью содѣйствовать его благоденствію и поэтому не могутъ считаться вполне посторонними ему. Правда они имѣютъ это извѣненіе. Но если подобныя соображенія оправдываютъ эти прибавленія, то они оправдываютъ и всякія другія прибавленія безразлично. И безъ того уже нѣкоторыя

общества не довольствовались постройкой отвѣтлений и расширеніемъ линий, а подъ предлогомъ доставленія своимъ линиямъ болѣе обширной дѣятельности, строили доки, покупали право на плаваніе пароходовъ по извѣстнымъ направленіямъ, воздвигали огромные отели, углубляли русла рѣкъ, — мало того: разводили маленькіе города для своихъ рабочихъ, строили церкви и школы, содержать у себя на жалованіи священниковъ и учителей. Оправдываются ли подобныя отступленія намѣреніемъ доставить обществу большія выгоды? Въ такомъ случаѣ тысячи другихъ предпріятій оправдываются на томъ же основаніи. Если, имѣя въ виду усиленіе дѣятельности общества, позволительно провести отвѣтленіе къ какому-нибудь сосѣднимъ каменноугольнымъ копямъ, то почему бы — если копи эти неудовлетворительно разрабатываются — обществу на томъ же основаніи не купить бы ихъ, почему бы не пуститься ему въ углекопный промыселъ и въ угольную торговлю? Если ожидаемое усиленіе перевозки товаровъ и пассажировъ — достаточная причина для того, чтобы провести побочную линію въ земледѣльческой округѣ, то та же причина должна быть достаточна и для устройства дилижансовъ и фуръ, дѣйствующихъ въ связи съ этой линіей, для устройства конныхъ заводовъ, для арендованія фермъ, покупки имѣній и занятій хлѣбопашествомъ. Если позволительно покупать пароходы, ходящіе въ связи съ желѣзной дорогой, то должно быть позволительно покупать торговые суда, чтобы вести торговлю; должно быть позволительно устроить верфь для построенія такихъ судовъ; должно быть позволительно строить складочные амбары въ иностранныхъ портахъ для сбереженія товаровъ, заводить агентовъ для набиранія этихъ товаровъ, распространить наконецъ цѣлую торговую систему по всему земному шару. Отъ построенія собственными средствами нужныхъ для общества машинъ и вагоновъ переходъ недалекъ до разработыванія желѣза и разведенія строительнаго лѣса. Отъ доставленія своимъ работникамъ свѣтскаго и духовнаго обученія и снабженія ихъ жилищами почему бы обществу не перейти къ поставленію имъ пищи, одежды, медицинскихъ пособій — словомъ къ удовлетворенію всѣхъ ихъ

жизненныхъ потребностей? Начавъ свое существованіе, какъ корпорація для построенія желѣзной дороги между данными точками А и В, общество можетъ сдѣлаться рудокопомъ, заводчикомъ, негоціантомъ, кораблевладѣльцемъ, владѣтелемъ каналовъ, содержателемъ гостинницъ, землевладѣльцемъ, домостроителемъ, фермеромъ, мелочнымъ торговцемъ, священникомъ, учителемъ, короче — учрежденіемъ нескончаемыхъ размѣровъ и сложности. Логика не представляетъ выбора между допущеніемъ всего этого и строгимъ ограниченіемъ дѣятельности корпораціи первоначальной ея цѣлью. Человѣкъ, соединяющійся съ другими людьми для извѣстнаго дѣла, долженъ считаться обязавшимся къ этому одному дѣлу, или ужъ ко всевозможнымъ дѣламъ, какія только вздумается предпринять этимъ людямъ.

Но акціонерамъ, не одобряющимъ который-либо изъ такихъ добавочныхъ проектовъ, скажутъ, что они могутъ сбыть свои акціи и удалиться изъ общества. Точно такъ же можно бы утѣшать несогласныхъ принять новое вѣрованіе, возведенное въ государственное исповѣданіе, тѣмъ, что если оно имъ не нравится, то они могутъ уѣхать изъ страны. Одинъ отвѣтъ немногимъ удовлетворительнѣе другаго. Оппозиціонный акціонеръ доволенъ помѣщеніемъ своего капитала; рѣшаясь на это помѣщеніе, въ качествѣ одного изъ первыхъ подписчиковъ, онъ можетъ подвергаться нѣкоторому риску. Между тѣмъ этому помѣщенію угрожаетъ опасность со стороны дѣйствія, не означеннаго въ уставѣ, а на протесты его отвѣчаютъ, что если его страшитъ опасность, то онъ можетъ сбыть свои акціи. Едвали можетъ подобный исходъ удовлетворить его. Къ тому же и этого выбора между двухъ золъ онъ часто не имѣетъ. Дѣло можетъ случиться въ неблагоприятную для продажи акцій минуту. Одна молва о задуманномъ расширеніи линій нерѣдко причиняетъ пониженіе акцій. Если же многіе члены меньшинства наводняютъ биржу своими акціями, то это пониженіе значительно увеличивается, что дѣлаетъ продажу еще менѣе удобною. Такъ что выборъ въ сущности представляется между сбытомъ хорошихъ акцій по скверной цѣнѣ или сохраненіемъ ихъ съ рискомъ на значительное пониженіе ихъ цѣны.

Правда, несправедливость, которой такимъ образомъ подвергается меньшинство, признается уже отчасти, хотя и смутно. Недавнее постановленіе палаты лордовъ, что прежде нежели обществу будетъ дозволено приступить къ какому бы то ни было новому предпріятію, нужно, чтобъ три четверти голосовъ были поданы въ его пользу, — ясно указываетъ на возникающее пониманіе того, что тутъ непримѣнимо обыкновенное правило относительно большинства. Далѣе, въ процессъ Great Western Railway Company рѣшеніе суда, что суммы общества не могли быть безъ особаго законодательнаго разрѣшенія употребляемы на цѣли, не утвержденныя въ началѣ, влечетъ за собою признаніе того, что воля большинства не имѣетъ безграничной силы. Въ обоихъ этихъ случаяхъ принимается, впрочемъ, что государственное разрѣшеніе можетъ оправдать то, что безъ него было бы неоправдываемо. Позволяемъ себѣ усумниться въ этомъ. Если можно принять, что актъ парламента можетъ сдѣлать убійство дѣломъ хорошимъ, а разбой дѣломъ честнымъ, тогда можно съ полной послѣдовательностью признать, что такой актъ можетъ освятить и нарушеніе договора, — но не иначе. Мы не намѣрены пускаться въ разборъ избитаго вопроса о мѣрихъ правоты и неправоты, ни въ изслѣдованіе о томъ, состоитъ ли обязанность правительства въ составленіи правилъ для жизни, или только въ наблюденіи за исполненіемъ правилъ, выводимыхъ изъ законовъ общественной жизни. Мы на этотъ разъ довольствуемся принятіемъ ученія о практичности (expediency), и все-таки вынуждены утверждать, что, правильно истолкованное, оно не подаетъ повода къ мнимому праву правительства измѣнять границы справедливаго по сущности своей договора вопреки желанію договаривавшихся лицъ. Въ томъ видѣ, въ какомъ понимается это ученіе его проповѣдниками и главными послѣдователями, оно заключается вовсе не въ томъ, чтобы каждое отдѣльное дѣйствіе опредѣлялось особенными послѣдствіями, которыхъ можно отъ него ожидать, а въ томъ, что, удостовѣрившись индукціями опыта въ общихъ послѣдствіяхъ цѣлыхъ разрядовъ дѣйствій, должны быть составлены правила для регулированія такихъ разрядовъ дѣйствій,

и каждое изъ правилъ должно быть одинаково примѣняемо къ каждому дѣйствию, подходящему подъ извѣстный разрядъ. Вся наша судебная администрація вращается на принципѣ неизмѣннаго соблюденія однажды положеннаго порядка, несмотря ни на какіе могущіе произойти частные результаты. Еслибъ принимались въ соображеніе непосредственныя послѣдствія, то приговоръ, рѣшающій въ пользу богатаго кредитора противъ бѣднаго должника, большей частью рѣшался бы наоборотъ, потому что нищета послѣдняго гораздо больше зло, нежели легкое неудобство, которому подвергается первый. Большая часть покражъ, причиняемыхъ нуждою, оставались бы ненаказанными; большая часть духовныхъ завѣщаній были бы объявлены недействительными; многихъ богачей лишили бы ихъ состоянія. Но очевидно, что еслибы судьи руководились ближайшимъ зломъ или ближайшей пользой, конечнымъ результатомъ было бы общественное разстройство; то, что было непосредственно практичнымъ, оказалось бы въ окончательномъ результатѣ непрактичнымъ; въ этомъ-то и заключается причина стремленія къ строгому единообразію вопреки случайнымъ неудобствамъ. Обращаясь къ связывающему свойству всякихъ договоровъ, извѣстно, что это—одно изъ самыхъ обыкновенныхъ и самыхъ важныхъ началъ гражданскаго права. Большая часть дѣлъ, каждый день разсматривающихся въ нашихъ судахъ, вращается на вопросѣ, обязаны ли извѣстные лица, въ силу какого-нибудь прямаго или подразумеваемаго договора, исполнить извѣстные дѣйствія или произвести извѣстные платежи. И разъ только рѣшено, къ чему обязываетъ договоръ, рѣшено и самое дѣло. Самый договоръ считается священнымъ. А такъ какъ эта святость договора, по ученію о практичности, оправдывается тѣмъ, что опытомъ всѣхъ народовъ во всѣ вѣка она признана благодѣтельною, то никакое законодательство не властно объявлять такіе договоры нарушаемыми. Предполагая, что договоры сами по себѣ справедливы, имѣть рациональной нравственной системы, которая дозволяла бы измѣненіе или уничтоженіе ихъ иначе, какъ съ согласія всѣхъ участвовавшихъ въ немъ лицъ. Итакъ если мы, какъ надѣемся, показали, что договоръ, который безмолвно заключаютъ между собою акціо-

перы желѣзныхъ дорогъ, имѣть опредѣленныя границы, то ясно, что обязанность правительства состоятъ въ томъ, чтобы *обязывать къ соблюденію* этихъ границъ, а никакъ не въ томъ, чтобы *низвергать ихъ*. Отъ этой роли оно не можетъ уклониться, не поступая въ разрѣзъ не только со всѣми теоріями нравственной обязательности, но и съ собственной своей судебной системой. Низвергать эти границы оно не можетъ безъ чудовищнаго самодурства.

Возвращаясь на минуту къ многообразнымъ злоупотребленіямъ, приписаннымъ нами ложному пониманію договора, существующаго между акціонерами, намъ остается еще сказать, что, еслибъ люди настойчиво добивались правильнаго пониманія этого договора, подобныя злоупотребленія по большей части сдѣлались бы невозможными. Различныя незаконныя вліянія, которыми общества ежедневно увлекаются въ разорительныя расширенія первоначальныхъ предпріятій, поневолѣ прекратили бы свою дѣятельность, еслибъ подобныя расширенія не могли быть предприняемы. Еслибъ подобныя расширенія могли быть предприняемы только независимыми ассоціаціями акціонеровъ, которымъ никто бы не обезпечивалъ хорошихъ дивидендовъ, мѣстнымъ и сословнымъ интересамъ не такъ бы легко было разрастаться на чужой счетъ.

Взглянемъ теперь на политичность такого измѣненія въ законодательствѣ о желѣзныхъ дорогахъ, — мы понимаемъ тутъ коммерческую политичность. Оставляя въ сторонѣ болѣе общіе общественные интересы, бросимъ взглядъ на вѣроятное дѣйствіе такого измѣненія на торговые интересы — не конечное, а ближайшее его дѣйствіе. Предположеніе, сдѣланное нами выше, что построеніе отвѣтвленій и добавочныхъ линий не будетъ болѣе такъ легко, какъ теперь, сочтется за доказательство невыгоды существованія такихъ границъ, въ пользу которыхъ мы только-что говорили. Многіе станутъ разсуждать, что ограничивать дѣятельность обществъ ихъ первоначальными предпріятіями значить пагубно славивать предпримчивость обществъ желѣзныхъ дорогъ. Другіе замѣтятъ, что какъ ни убыточна для акціоне-

ровъ эта система расширенія, она благодѣтельна для публики. Справедливость этихъ положеній кажется намъ болѣе чѣмъ сомнительною. Разсмотримъ сперва послѣднее изъ нихъ.

Даже въ томъ случаѣ, еслибъ удобство перемѣщений было единственнымъ результатомъ, который нужно имѣть въ виду, то неосновательно было бы предполагать, что расточительность на новыя линіи оказывается благодѣтельною. Округи, снабженные желѣзными дорогами, во многихъ случаяхъ пострадали отъ нихъ. Показанія, поданныя «избранному комитету по биллямъ о желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ», свидѣтельствуютъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ существованіе соревнующихъ между собой линій въ тоже время уменьшило легкость сообщенія и увеличило его дороговизну. Далѣе, доказывается этими показаніями, что городъ, получающій отвѣтвленія отъ двухъ соперничающихъ компаній, мало-по-малу, вслѣдствіе продѣлокъ между этими компаніями, находится въ худшемъ положеніи, чѣмъ еслибъ онъ имѣлъ одно только отвѣтвленіе, и въ примѣръ приводится Гастингсъ. Доказывается также, что, вслѣдствіе излишняго обилія линій, извѣстный край можетъ быть совершенно лишень удобствъ желѣзной дороги, какъ и было въ Вильтсѣ и Дорсетѣ. Въ 1844—5 г. компаніи Great Western и South Western составили проекты соперничающихъ системъ линій въ этихъ графствахъ и части прилежащихъ къ нимъ графствъ. Департаментъ торговли, утверждая, что «не предвидится достаточныхъ оборотовъ для вознагражденія затратъ по двумъ независимымъ другъ отъ друга линіямъ», рѣшилъ въ пользу проекта Great Western, который и былъ утвержденъ парламентскимъ биллемъ, и въ тоже время, по внушенію департамента торговли, съ South Western былъ заключенъ договоръ, которымъ, за извѣстныя вознагражденія, послѣдняя уступала эти округи своей соперницѣ. Несмотря на эту сдѣлку, South Western въ 1847 г. составила проектъ расширенія, задуманнаго такъ, чтобы отбить большую часть оборотовъ у Great Western, а въ 1848 г. парламентъ, хотя въ сущности онъ самъ подалъ мысль объ этой сдѣлкѣ и хотя Great Western уже употребила полтора милліона на произведеніе

работъ по новымъ линіямъ, утвердилъ проектъ South Western. Результатъ былъ тотъ, что Great Western прекратила свои работы; South Western, вслѣдствіе финансовыхъ затрудненій, не могла продолжать свои; край цѣлые года оставался безъ желѣзной дороги и только послѣ того, какъ полномочіе, данное South Western, потеряло силу отъ просрочки, Great Western снова принялась за свое долго заброшенное предпріятіе.

И если такое размноженіе добавочныхъ линій часто прямо уменьшаетъ легкость сообщеній, то этотъ результатъ еще чаще достигается косвеннымъ образомъ — поддержаніемъ дороговизны цѣнъ на главныхъ линіяхъ. Хотя публикѣ вообще мало извѣстенъ этотъ фактъ, но совершенно вѣрно, что за желѣзныя дороги въ неблагодарныхъ округахъ она платится высокими цѣнами на проѣздъ въ благодарныхъ округахъ. До того времени, какъ принялись безразсудно строить отѣтвленія, наши главныя желѣзныя дороги давали по 8 и 9% дивиденда, и дивиденды эти быстро увеличивались. Максимумъ дивиденда, допускаемаго утверждающимъ актомъ парламента, есть 10%. Еслибы не непронзводительныя расширенія, этотъ максимумъ давнымъ давно былъ бы достигнутъ и, за неизмѣнимъ возможности предпринимать новыя работы, фактъ, что онъ достигнутъ, не могъ бы остаться скрытымъ. Неизбѣжно послѣдовало бы пониженіе цѣнъ на провозъ пассажировъ и кладей. Это сдѣлалось бы причиной усиленія оборотовъ дороги и максимумъ въ скоромъ времени снова былъ бы достигнутъ. Не можетъ быть сомнѣнія, что нѣсколько повтореній этого процесса давно уже уменьшили бы цѣны за проѣздъ и провозъ по крайней мѣрѣ на одну треть противъ существующихъ цѣнъ. Пониженіе это, надо замѣтить, отозвалось бы на тѣхъ желѣзныхъ дорогахъ, которыя въ сильнѣйшей степени содѣйствуютъ общественнымъ и коммерческимъ сообщеніямъ, слѣдовательно на самой важной отрасли оборотовъ во всемъ государствѣ. При настоящемъ же положеніи дѣлъ эта большая отрасль значительно обременена ради пользы меньшей отрасли. Для того, чтобы какіе-нибудь десятки людей, путешествующихъ по отѣтвленіямъ, пользовались удобствами желѣзной дороги, сотни людей, путешествую-

шихъ по главнымъ линиямъ, платятъ лишніе 30, если не 40%.
Еще того хуже: чтобы доставить десяткамъ людей такое удобство, сотни людей, которыхъ болѣе умѣренныя цѣны привлекли бы къ главнымъ линіямъ, вовсе теряютъ возможность ѣздить по желѣзнымъ дорогамъ. Спрашивается послѣ этого, въ чемъ же предпріятія, разорившія акціонеровъ, оказались благотельными для публики?

Но это зло отразилось не только на увеличеніи дороговизны цѣнъ за проѣздъ: оно отразилось еще на уменьшеніи безопасности. Размноженіе несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ, въ послѣдніе годы обратившее на себя такое вниманіе, было въ значительной степени причиняемо системой размноженія линій. Соотношеніе между этими двумя обстоятельствами не совсѣмъ очевидно съ перваго взгляда, и мы сами не имѣли понятія о существованіи такого соотношенія, пока факты, поясняющіе его, не были намъ представлены однимъ изъ директоровъ, разобравшимъ весь процессъ причинности въ этомъ случаѣ. Когда дивиденды и гарантіи по облигаціямъ начали сильно затрогивать полугодичные доходы, когда первоначальныя акціи значительно упали въ цѣнѣ и дивиденды ихъ спустились съ 9 и 8% на 4¹/₂, 4, и 3¹/₂%, между акціонерами естественно возникло большое неудовольствіе. Были бурныя собранія, предлагались заявленія неодобренія и слѣдственные комитеты. Сократить расходы! кричали со всѣхъ сторонъ, и сократили ихъ до самыхъ неразумныхъ размѣровъ. Директора, имѣя предъ собою негодующихъ акціонеровъ и опасаясь, чтобы слѣдующій дивидендъ не былъ такой же или, пожалуй, еще меньше послѣдняго, не смѣли тратить деньги на нужнѣйшій ремонтъ. Постоянный путь, признанный требующимъ перекладки, оставался еще на нѣсколько времени. Старый подвижной составъ не былъ замѣняемъ новымъ въ той мѣрѣ, какъ требовалось, и не увеличивался соразмѣрно усиленію движенія. Комитеты, назначенные для разсмотрѣнія, въ какихъ статьяхъ расхода возможны сокращенія, обѣзжали линіи, отказывая отъ мѣста гдѣ носильщику, гдѣ конторщику и уменьшая всюду жалованья. До такой крайности было доведено это преобразование,

что въ одномъ обществѣ, ради сбереженія 1200 ф. ст. въ годъ, рабочій штатъ былъ дотога сокращенъ, что, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, это причинило убытокъ на сумму никакъ не меньше 100,000 ф. ст.: таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе господина, со словъ котораго мы сообщаемъ эти факты и который самъ былъ членомъ одного изъ экономическихъ комитетовъ. Что же было неизбѣжнымъ результатомъ всего этого? При линіи, оставленной безъ нужныхъ поправокъ, при локомотивахъ и вагонахъ, недостаточныхъ по числу и находящихся въ безпорядкѣ, при доведеніи кочегаровъ, кондукторовъ, носильщиковъ, конторщиковъ и пр. до возможно-меньшаго числа, при неопытности неваго личнаго подвижнаго состава, поступившаго на мѣсто прежняго, опытнаго, но удалившагося вслѣдствіе сокращенія жалованія, — чего должно было ожидать? Не въ порядкѣ ли вещей было, чтобы матеріальнаго состава, котораго едва хватало на обыкновенное движеніе, не хватило на чрезвычайное движеніе? что уменьшенный на десятую долю личный составъ, находящійся подъ дурнымъ присмотромъ, не могъ найтись въ затруднительныхъ случаяхъ, непремѣнно приключающихся отъ времени до времени на всякой желѣзной дорогѣ? что при общемъ неудовлетворительномъ состояніи дороги, работъ и подвижнаго состава, по временамъ должно было случаться стеченіе маленькихъ погрѣшностей и причинять какое-нибудь важное разстройство? Не было ли размноженіе несчастныхъ случаевъ неизбежно? Въ этомъ никто не усомнится. И если мы шагъ за шагомъ прослѣдимъ этотъ результатъ до первоначальной его причины — безразсудной траты на новыя линіи, то мы будемъ имѣть еще большее основаніе сомнѣваться, чтобы эта трата была настолько благотѣльна для публики, какъ это воображали. Мы не рѣшимся подтвердить мнѣніе «избраннаго комитета по биллямъ о желѣзныхъ дорогахъ и каналахъ», будто желательно «еще болѣе облегчить разрѣшеніе на постройку линій для мѣстнаго удобства».

Еще сомнительнѣе оказывается общественная польза расширеній, причиняющихъ убытокъ акціонерамъ, если, разсмотрѣвъ вопросъ съ точки зрѣнія торговыхъ оборотовъ, мы обратимся

къ нему съ общей точки зрѣнія, какъ къ вопросу политической экономіи. Еслибы даже не было фактовъ, доказывающихъ, что получаемыя удобства сообщенія уравниваются, если не превышаются, утраченными удобствами, то мы все-таки стояли бы на томъ, что построеніе линій, не дающихъ порядочныхъ дивидендовъ, есть національное зло, а не национальное благо. Господствующая ошибка, въ которую впадаютъ при изученіи такого рода дѣлъ, заключается въ томъ, что на нихъ смотрятъ отдѣльно, а не въ связи съ другими общественными нуждами и общественными благами. Нетодько каждое изъ этихъ предпріятій, будучи выполнено, многообразно отражается на обществѣ, но и усиліе, употребляемое на выполненіе его, также многообразно отражается на обществѣ, и, чтобы составить себѣ вѣрное сужденіе, нужно сравнить и тѣ и другіе результаты. Аксиома, что «дѣйствіе и противодѣйствіе равны и противоположны», вѣрна не только въ механикѣ, но вездѣ и во всемъ. Нація не можетъ потратить сколько бы то ни было силы для достиженія какой-нибудь данной цѣли безъ того, чтобы, на это время, соразмѣрно не обезсилѣть относительно достиженія какой-нибудь другой цѣли. Никакое количество капитала не можетъ быть потрачено на какое-нибудь дѣло безъ того, чтобы не породить равномѣрный недостатокъ капитала для какого-нибудь другаго дѣла. Каждая выгода, добываемая трудомъ, покупается цѣною отказа отъ какой-нибудь другой выгоды, которую въ противномъ случаѣ могъ бы выработать тотъ же трудъ. Слѣдовательно, судя о выгодахъ, приносимыхъ любымъ общественнымъ предпріятіемъ, необходимо смотрѣть на нихъ не отдѣльно, а въ сопоставленіи съ тѣми выгодами, которыя потраченный на него капиталъ могъ бы доставить инымъ образомъ. Но какъ же могутъ быть измѣрены эти относительныя выгоды? спросать насъ. Очень просто: мѣриломъ служить процентъ, который приносится капиталомъ при томъ или другомъ примѣненіи. Если, будучи употребленъ на известное дѣло, капиталъ приноситъ меньшій доходъ, чѣмъ онъ принесъ бы при другомъ употребленіи, то, значить, онъ употребленъ невыгодно, не только для его владѣльцевъ, но и для всего

общества. Это выводъ изъ основныхъ началъ политической экономіи, выводъ дотого простой, что намъ почти непонятно, какимъ образомъ, послѣ полемики по поводу свободы торговли, комитетъ, имѣющій въ числѣ своихъ членовъ м-ра Брайта и м-ра Кардвелля, могъ оставить его безъ вниманія. Сколько времени толкуютъ намъ, что въ торговомъ мірѣ капиталъ приливаетъ туда, гдѣ въ немъ наибольшая нужда, что когда какое-нибудь дѣло въ данное время привлекаетъ капиталъ необыкновенно высокими процентами, то этимъ самымъ фактомъ доказывается, что оно дѣятельнѣе другихъ, что эта необыкновенная дѣятельность свидѣтельствуетъ о существованіи въ обществѣ большаго запроса на плоды ея,—что дѣло даетъ большіе барыши, потому что общество нуждается въ доставляемыхъ имъ удобствахъ болѣе, чѣмъ въ какихъ-либо другихъ? Не оказываются ли изъ сравненія между нашими желѣзными дорогами, что тѣ изъ нихъ, которыя приносятъ большіе дивиденды, суть именно тѣ, которыя служатъ къ удовлетворенію общественныхъ нуждъ въ большей степени, нежели желѣзныя дороги, приносящія меньшіе дивиденды? и не очевидно ли, что усиліе капиталистовъ получать эти болѣе значительные дивиденды заставило ихъ позаботиться объ удовлетвореніи большихъ нуждъ прежде меньшихъ нуждъ? Тотъ же законъ, который проявляется въ обыкновенной торговлѣ, который оказывается состоятельнымъ при сличеніи одного предпріятія желѣзныхъ дорогъ съ другимъ, долженъ оказаться столь же состоятельнымъ и при сличеніи предпріятій желѣзныхъ дорогъ съ предпріятіями всякаго другаго рода. Если деньги, затраченныя на построеніе отвѣтвенной и побочныхъ линий, даютъ среднимъ числомъ 1—2%, тогда какъ, будучи употреблены на дренажное предпріятіе или на кораблестроеніе, онѣ приносили бы 4 или 5%—а можетъ быть и того больше, то это вѣрное доказательство, что деньги нужнѣе на дренажъ и кораблестроеніе, чѣмъ на построеніе побочныхъ линий желѣзныхъ дорогъ. Общіе же выводы изъ этихъ разсужденій заключаются въ слѣдующемъ: та большая часть потраченнаго на желѣзныя дороги капитала, которая не приноситъ биржевыхъ процентовъ, потрачена невыгодно; еслибы доходы, получаемые этимъ путемъ, капитализировать сообразно

биржевому проценту, то полученная сумма представляла бы настоящую стоимость затраченнаго капитала и разность между этой суммою и затраченнымъ количествомъ денегъ представляла бы цифру національнаго убытка, а этотъ убытокъ, по самой низкой оцѣнкѣ, превзошелъ бы у насъ 100,000,000 ф. ст. И хотя можетъ быть справедливо, что сумма, употребленная на невыгодныя линіи, будетъ дѣлаться съ каждымъ днемъ производительнѣе, однако, такъ какъ, при болѣе разумномъ употребленіи, производительность ея точно также и давно бы увеличивалась— и можетъ быть даже въ большей степени, то этотъ огромный убытокъ слѣдуетъ считать не временнымъ, а постояннымъ.

Итакъ, опять спрашиваемъ мы, основательно ли, чтобы предпріятія, разорившія акціонеровъ, оказались благотворными для общества? Не очевидно ли скорѣе, что въ этомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, интересы акціонеровъ и общества въ окончательномъ результатѣ тождественны? И не слѣдуетъ ли полагать, что лучше было бы, еслибъ, вмѣсто «облегченія разрѣшеній на постройку линій для мѣстнаго удобства», выбранный комитетъ объявлялъ въ своемъ докладѣ, что существующія льготы ненормально велики и что ихъ слѣдуетъ уменьшать?

Остается еще рассмотреть первое изъ приведенныхъ выше возраженій, которыя могутъ быть противопоставлены нашему толкованію договора собственниковъ, а именно: что такое толкованіе было бы серьезною помѣхою развитію предпріятій по части желѣзныхъ дорогъ. Послѣ всего сказаннаго, едвали еще нужно говорить, что тутъ помѣхи было бы настолько, насколько это нужно, полезно и даже необходимо для обуздыванія частныхъ интересовъ, несообразныхъ съ общественными интересами. Понятіе, будто-бы, безъ искусственнаго поощренія, эти предпріятія не будутъ подвигаться съ должной дѣятельностью, будто-бы мѣстныя расширенія линій «требуютъ скорѣе поощренія», есть ни что иное какъ остатокъ протекціонизма. Причинѣ, до сихъ поръ побуждавшей къ образованію всѣхъ обществъ желѣзныхъ дорогъ, т. е. желанію капиталистовъ выгодно помѣщать свои капиталы, можно и впередъ предоставить образованіе дальнѣйшихъ обществъ, по мѣ-

рѣ того какъ мѣстная нужда въ нихъ будетъ увеличиваться настолько, чтобы обѣщать хорошіе проценты,—иными словами, по мѣрѣ того какъ мѣстныя нужды будутъ требовать себѣ удовлетворенія. Это и безъ доказательствъ достаточно очевидно, но можно и доказательства привести.

Мы уже упоминали, между прочимъ, о томъ обстоятельстве, что въ послѣднее время между землевладѣльцами, негоціантами и другими мѣстно-заинтересованными лицами вошло въ обыкновеніе изобрѣтать желѣзныя дороги для собственнаго удобства, не ожидая отъ нихъ удовлетворительныхъ дивидендовъ. Люди эти охотно тратятъ на такія предпріятія значительныя суммы съ тѣмъ расчетомъ, что косвенныя выгоды, которыя они получаютъ отъ увеличенныхъ удобствъ для торговли, болѣе чѣмъ вознаграждать ихъ за прямой убытокъ. Политика эта доведена до такихъ размѣровъ, что, какъ было показано предъ выбраннымъ комитетомъ, «въ Йоркширѣ и Нортумберландѣ, гдѣ проводится отвѣтвленія главныхъ линій чрезъ округа исключительно земледѣльческіе, землевладѣльцы *отдаютъ подъ нихъ свои земли и разбираютъ акціи.*» Имѣя предъ глазами подобныя примѣры, нѣтъ возможности сомнѣваться въ томъ, что капиталъ на мѣстныя линіи всегда будетъ являться, какъ только сумма ожидаемыхъ отъ нихъ выгодъ, прямыхъ и косвенныхъ, будетъ достаточно велика, чтобы вызвать такое употребленіе его.

«Но отвѣтвленіе,—возразить многіе,—которое, какъ независимое предпріятіе, не вознаграждало бы за издержки, часто оказывается производительнымъ для компаніи вслѣдствіе усиленія движенія, которое оно доставляетъ главной линіи. Хотя оно принесетъ скудный процентъ съ собственнаго своего капитала, оно вознаградитъ—или даже болѣе чѣмъ вознаградитъ—увеличеніемъ процентовъ съ капитала главной линіи. Между тѣмъ еслибъ существующей компаніи было запрещено расширять свою дѣятельность, это отвѣтвленіе не было бы построено и послѣдовалъ бы убытокъ.» Все это правда, за исключеніемъ послѣдняго утвержденія, а именно, что отвѣтвленіе не было бы построено. Хотя, въ качествѣ корпораціи, общество, владеющее главной линіей, не могло бы участвовать

въ такого рода предпріятіи, но ничто не мѣшало бы акціонерамъ его, какъ частнымъ лицамъ, участвовать въ немъ въ какой угодно мѣрѣ; и еслибъ условія были настолько благопріятны, насколько здѣсь предполагается, то этотъ образъ дѣйствій, будучи очевидно выгоденъ для акціонеровъ, былъ бы принятъ многими изъ нихъ. Еслибъ, дѣйствуя сообща съ другими лицами, находящимися въ одинаковыхъ обстоятельствахъ, владѣлецъ акцій главной линіи на 10,000 ф. ст., имѣлъ возможность помочь построенію побочной линіи, обѣщающей не болѣе 2% съ затраченнаго на нее капитала, приобретеніемъ акцій на 1000 ф. ст.,—ему былъ бы расчетъ такъ поступить, при условіи, что лишнее движеніе отъ этой линіи возвысило бы дивидендъ главной линіи на $\frac{1}{4}$ %. Такимъ образомъ, при ограниченіи договора между акціонерами, общества могли бы, не хуже теперешняго, поощрять расширенія тамъ, гдѣ они нужны, съ тою только единственной разницею, что, вслѣдствіе отсутствія обезпеченныхъ дивидендовъ люди поступали бы съ нѣкоторой осмотрительностью и бѣднѣйшіе акціонеры не приносились бы, какъ теперь, въ жертву богатымъ.

Однимъ словомъ, наше убѣжденіе состоитъ въ томъ, что каждый разъ, когда оказывается возможнымъ собрать капиталъ для расширенія какой-нибудь линіи у лицъ, заинтересованныхъ въ этомъ расширеніи — мѣстныхъ землевладѣльцевъ, заводчиковъ, акціонеровъ главной линіи и пр., каждый разъ, когда для всѣхъ этихъ лицъ ясно, что косвенныя выгоды, вмѣстѣ съ прямыми выгодами, получаемыми ими, сдѣлаютъ это предпріятіе благодарнымъ,—тѣмъ самымъ доказывается фактъ, что линія нужна. Каждый же разъ, напротивъ того, когда ожидаемая прибыль недостаточно значительна для того, чтобы заставить взяться за предпріятіе, доказывается фактъ, что предполагаемая линія не такъ нужна, какъ нужно что-нибудь другое, и слѣдовательно *не должна быть построена*. Такъ что, вмѣсто того, чтобы заслуживать порицаніе въ качествѣ помѣхи развитію предпріятій по части желѣзныхъ дорогъ, отстаиваемый нами принципъ имѣетъ положительное достоинство, состоящее въ томъ, что, уничтожая искусственныя

побужденія къ подобнымъ предпріятіямъ, онъ заключаетъ ихъ въ должныя границы.

Краткій обзоръ показаній, сдѣланныхъ выбранному комитету, покажетъ, что принципъ этотъ имѣетъ еще разныя другія достоинства, на которыя наша рамка позволяетъ намъ указать только вскользь.

По расчету м-ра Ланнга, — а м-ръ Стефенсонъ, хотя и не ручается за вѣрность его, но говоритъ, что «не полагаетъ, чтобы м-ръ Ланнгъ преувеличилъ дѣло», — выходитъ, что изъ 280,000,000 ф. ст., уже собранныхъ на построеніе нашихъ желѣзныхъ дорогъ, 70,000,000 ф. было растрчено безъ нужды на разныя боръбы, на построеніе двойныхъ линій, на «размноженіе безконечнаго числа проектовъ, приводимыхъ въ исполненіе при совершенно безумныхъ расходахъ.» А м-ръ Стефенсонъ полагаетъ, что «цифра эта далеко не изображаетъ собою полной суммы всего убытка, относительно удобствъ, экономіи и другихъ сторонъ дѣятельности желѣзныхъ дорогъ, понесеннаго публикой вслѣдствіе небрежности парламента въ изданіи законовъ по части желѣзныхъ дорогъ.» При правильномъ пониманіи договора между акціонерами большая часть этого убытка была бы избѣгнута.

Соревнованіе между соперничающими обществами въ расширеніи существующихъ линій и построеніи новыхъ отвѣтвленій, которое причинило уже громадный вредъ и послѣдствія котораго, если не положить ему конецъ, по мнѣнію м-ра Стефенсона, приведутъ къ тому, что «собственность, приносящая теперь 5¹/₂%о, чрезъ десять лѣтъ будетъ приносить только 3%о, на сумму 21,000,000 ф. ст.» — это соревнованіе никогда бы не могло установиться въ его настоящемъ злостномъ и пагубномъ видѣ при ограничивающемъ принципѣ, защищаемомъ нами.

Слѣдую внушеніямъ ревности и антагонизма, наши общества добыли себѣ утверженіе на 2,000 миль желѣзныхъ дорогъ, которыя никогда не были построены. Милліоны, промотанные такимъ образомъ на изысканія и парламентскія боръбы — «пшцу юристовъ и инженеровъ» — почти всѣ были бы спасены, еслибъ утверженіе на каждую добавочную линію могло быть даваемо

только независимому обществу капиталистовъ, ничѣмъ и ничѣмъ не охраняемыхъ отъ послѣдствій безразсуднаго прожектерства.

Сознаются, что отъѣтвленія и побочныя линіи, построенныя подъ вліяніемъ чувства конкуренціи, не всегда проводились въ наиболѣе удобныхъ для публики направленіяхъ. Такъ какъ, при сооруженіи такихъ линій, однимъ изъ главныхъ побужденій—часто даже самымъ главнымъ побужденіемъ— было желаніе досадить или отомстить противникамъ, то направленіе ихъ специально приспособлялось къ этой цѣли. Между тѣмъ, будь эти же отъѣтвленія и побочныя линіи предоставлены собственной предприимчивости округовъ, чрезъ которые они проходятъ, оказалось бы совершенно противное, потому что, вообще говоря, въ мелкихъ, какъ и въ болѣе важныхъ, случаяхъ дороги удобнѣйшія для публики бывають непремѣнно и самыя выгодныя для строителей.

Еслибъ устранилась незаконная, между различными обществами, конкуренція въ построеніи расширеній, ея осталось бы именно настолько, насколько это благотвительно для всѣхъ. Несправедливо, будто-бы между желѣзными дорогами не можетъ существовать такого рода конкуренціи, какая существуетъ между торговцами. Показанія м-ра Клаундерса, секретаря Great Western, доказываютъ противное. Онъ говоритъ, что тамъ, гдѣ большая западная и сѣверо-западная желѣзныя дороги проводятъ сообщеніе между одними и тѣми же городами, какъ напр. въ Бирмингамѣ и Оксфордѣ, обѣ дороги, какъ-бы по тайному соглашенію, держатся того же тарифа, и что если такимъ образомъ устранился конкуренція въ цѣнахъ, то остается конкуренція въ быстротѣ и предлагаемыхъ удобствахъ. Результатъ тотъ, что каждая изъ этихъ желѣзныхъ дорогъ довольствуется тѣмъ движеніемъ, которое естественно выпадаетъ ей на долю, въ силу ея положенія и мѣстныхъ условій,—что одна подстрекаетъ другую доставлять публикѣ возможно большія удобства и содержаться въ надлежащемъ порядкѣ, угрожая отнять у нея приходящее на ея долю движеніе, если небрежностью или неисправностью, она будетъ отталкивать публику настолько же, насколько привлекаетъ ее особыми своими удоб-

ствами. Въ такомъ же точно видѣ устанавливается въ окончательномъ результатѣ и конкуренція между торговцами. Послѣ того, какъ постояннымъ пониженіемъ цѣнъ на-перебой одинъ другому, они наконецъ доходятъ до послѣдней цѣны, по которой продажа можетъ производиться съ соблюденіемъ необходимаго барыша для нихъ, цѣна эта дѣлается установленной цѣною, и каждый торговецъ довольствуется тѣми потребителями, которымъ, по близости жительства или другимъ причинамъ, удобно запасть у него; только въ томъ случаѣ, если онъ поставяетъ дурной товаръ, ему можно опасаться, что потребители причинятъ себѣ лишнее беспокойство—обращаясь въ другое мѣсто.

Послѣ всего этого, не согласятся ли читатели въ необходимости возможно-скорѣйшаго улучшенія въ законахъ, относящихся къ акціонернымъ предпріятіямъ,—такого улучшенія, которое превратило бы договоръ акціонеровъ изъ неограниченнаго въ ограниченный или, вѣрнѣе, не превратило бы его, а признало бы его таковымъ. Если наши доводы основательны, то главною причиною многообразныхъ злоупотребленій нашей администраціи желѣзныхъ дорогъ оказывается отсутствіе такого ограниченія. Барышничество акціями со стороны директоровъ, совокупныя продѣлки юристовъ, инженеровъ, подрядчиковъ и т. п., измѣна интересамъ владѣльцевъ,—всѣ запутанныя злоупотребленія, подробно разобранныя нами, первоначально возникли изъ этого отсутствія и чрезъ него сдѣлались возможными. Оно сдѣлало путешествія дороже и менѣе безопасными, нежели было бы въ иномъ случаѣ, и, повидимому облегчая сношенія, косвенно было для нихъ помѣхою. Поддерживая антагонизмъ между обществами, оно привело къ дурнымъ проектированіямъ добавочныхъ линій, къ растратѣ огромныхъ суммъ на бесполезныя парламентскія борьбы, къ убыточному употребленію почти невѣроятнаго количества національнаго капитала на построеніе такихъ желѣзныхъ дорогъ, въ которыхъ не чувствуется еще достаточной потребности. Если разсматривать дѣло въ общей сложности, суммы, помѣщенные акціонерами въ предпріятія по желѣзнымъ дорогамъ, доведены этой неограниченностью менѣе чѣмъ до половины средней производительности, которую такіа помѣщенія капитала должны бы дать; наконецъ, какъ признано всеми авторитетами,

акціи желѣзныхъ дорогъ и въ настоящую минуту держатся ниже уровня своей настоящей стоимости страхомъ дальнѣйшаго пониженія, имѣющаго послѣдовать за новыми расширеніями. Значитъ, если принять въ соображеніе громадность страдающихъ интересовъ,—такъ какъ итогъ всего капитала нашихъ обществъ скоро достигнетъ 300,000,000 ф. ст.,—если далѣе принять въ соображеніе, съ одной стороны, огромное число лицъ, между которыми распределено обладаніе этимъ капиталомъ (а многіе изъ нихъ не имѣютъ другихъ доходовъ, кромѣ получаемыхъ съ него процентовъ), а съ другой стороны припомнить, въ какой значительной мѣрѣ тутъ страдаетъ все общество, какъ прямо—въ дѣлѣ легкости торговли, такъ и косвенно — въ дѣлѣ экономіи его денежныхъ средствъ, — если принять въ соображеніе все это, окажется крайне необходимымъ поставить капиталъ желѣзныхъ дорогъ на болѣе твердую почву, а предпріятія по части желѣзныхъ дорогъ въ болѣе нормальныя границы. Этой перемѣнѣ равно требуетъ благо акціонеровъ и публики, ее очевидно предписываетъ и справедливость. Такую перемѣну нельзя обвинять какъ мѣру исумѣстной законодательности. Это просто—примѣненіе къ акціонерному договору принципа, примѣняемаго ко всякимъ другимъ договорамъ,—это ни что иное какъ исполненіе справедливыхъ обязанностей государства, въ дѣлѣ, оставлявшемся до сихъ поръ безъ вниманія, — это ни что иное какъ лучшее примѣненіе правосудія.

ГЕНЕЗИСЪ НАУКИ.

Между людьми всегда господствовало смутное представление, будто-бы научное познание, по природѣ своей, отлично отъ обыкновеннаго. Это различіе должны были сильно чувствовать греки, у которыхъ только математика—буквально: *вещи изучаемыя*—почиталась собственно знаніемъ; съ тѣхъ поръ это различіе всегда сохранялось въ общемъ мнѣніи. Хотя, принимая во вниманіе противоположность между пріобрѣтеніями науки и результатами обыденнаго, неметодическаго мышленія, неудивительно, что такое различіе было предполагаемо, но стоять только подняться не много выше обыкновенной точки зрѣнія, чтобы увидѣть, что это различіе не можетъ существовать въ дѣйствительности или, лучше, что это только поверхностное различіе. Въ обоихъ случаяхъ дѣйствуютъ одни и тѣ же способности, и въ обоихъ случаяхъ способъ ихъ дѣйствія въ основѣ своей одинъ и тотъ же. Если мы скажемъ, что наука есть организованное знаніе, то намъ выразить истиною, что всякое знаніе организовано въ большей или меньшей степени, т. е. что самыя обыкновенныя домашнія и полевая работы предполагаютъ сопоставленіе фактовъ, полученіе выводовъ, ожиданіе результатовъ, и что общій успѣхъ этихъ работъ доказываетъ, что данныя, которыя служили имъ руководствомъ, связаны между собою правильно. Далѣе, если мы скажемъ, что наука есть предвидѣніе, т. е. прозрѣніе въ буду-

щее, знаніе того, въ какое время, въ какихъ мѣстахъ, въ какихъ сочетаніяхъ и въ какой послѣдовательности получатся извѣстныя явленія, — то мы все-таки обязаны признать, что это опредѣленіе обнимаетъ собою многое, что совершенно чуждо наукѣ, въ обыкновенномъ смыслѣ этого слова. Возьмемъ, напримѣръ, познаніе дитяти о яблокѣ. Это познаніе состоитъ изъ предвидѣній. Когда ребенокъ видитъ извѣстную форму и извѣстные цвѣта, онъ знаетъ, что если онъ положитъ предметъ на руку, то получить впечатлѣніе сопротивленія, круглоты, гладкости, а если уку- сить его, то получить впечатлѣніе извѣстнаго вкуса. Очевидно, что таково же, по природѣ своей, и общее его знакомство съ окружающими предметами, т. е. оно состоитъ изъ подлежащихъ фактовъ, сгруппированныхъ такимъ образомъ, что когда усмотрѣна одна часть этой группы, предвидится существованіе и другихъ фактовъ, содержащихся въ ней. Если, да- лѣе, мы скажемъ, что наука есть *точное* предвидѣніе, мы все- таки не установимъ предполагаемаго различія. Мы не только най- демъ, что многое, что мы называемъ наукой, не точно, и что нѣкоторыя изъ наукъ, какъ физиологія, никогда не сдѣлаются точными, — но мы найдемъ еще, что многія изъ предвидѣній, составляющихъ общее достояніе какъ мудреца, такъ и невѣжды, *точны*. Что тѣло безъ поддержки упадетъ, что зажженная свѣча погаснетъ, когда ее опустятъ въ воду, что ледъ раста- етъ, когда его бросятъ въ огонь, — эти и многія подобныя предсказанія, касающіяся самыхъ *обыкновенныхъ* свойствъ ве- щей, имѣютъ такую высокую степень точности, какую только способны имѣть предсказанія. Справедливо, что утверждаемые результаты имѣютъ весьма общій характеръ; но не менѣе спра- ведливо и то, что, въ предѣлахъ своей сферы, они строго пра- вильны: а это — все, что требуется опредѣленіемъ. Существу- етъ совершенное согласіе между предусмотрѣнными и дѣйстви- тельными явленіями; не болѣе этого мы можемъ сказать и о са- мыхъ высокихъ результатахъ наукъ, преимущественно характе- ризуемыхъ терминомъ: *точные*.

Видя такимъ образомъ, что предполагаемое различіе между научнымъ и обыкновеннымъ знаніемъ не оправдывается логически,

и сознавая, вмѣстѣ съ тѣмъ, что какъ ни невозможно провести черту между ними, оба они на практикѣ не тождественны, — мы задаемъ себѣ вопросъ: въ чемъ же состоятъ родство, существующее между ними? Частный отвѣтъ на этотъ вопросъ можетъ быть извлеченъ изъ примѣровъ, только-что приведенныхъ. Пересмотръ ихъ покажетъ, что тѣ части обыкновеннаго знанія, которыя тождественны по характеру съ научнымъ знаніемъ, обнимаютъ только такія совокупности явленій, которыя непосредственно познаются чувствами и, по природѣ своей, просты и неизмѣнны. Что отъ зажженного огня будетъ восходить дымъ; что огонь скоро вскипятитъ воду — это такія предвидѣнія, которыя дѣлаются служанкою такъ же хорошо, какъ и самымъ ученымъ физикомъ; они такъ же вѣрны, такъ же точны, какъ и его предвидѣнія; но это предвидѣнія, касающіяся явленій, находящихся въ постоянномъ и прямомъ отношеніи между собою, т. е. явленій, которыя видимо и непосредственно слѣдуютъ за предшествовавшими, — явленій, причинность которыхъ не отдалена и не темна, — явленій, которыя могутъ быть предсказаны посредствомъ самаго простаго разсужденія. Если, теперь, мы перейдемъ къ предсказаніямъ, составляющимъ то, что обыкновенно называютъ наукою, — что затмѣніе луны случится въ означенное время; что въ барометръ, перенесенномъ на вершину горы извѣстной высоты, ртутный столбъ опустится на опредѣленное число дюймовъ; что погрузивъ полюсы гальванической батареи въ воду, мы получимъ на одномъ горючій, на другомъ воспламеняющій газъ въ опредѣленной пропорціи, — мы усматриваемъ, что заключающіяся въ этихъ процессахъ отношенія не такого рода, какія обыкновенно представляются нашимъ чувствамъ; что нѣкоторыя изъ нихъ зависятъ отъ особенныхъ совокупленій причинъ и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ связь предшествующаго съ послѣдующимъ можетъ быть установлена только посредствомъ выработаннаго ряда выводовъ. Такимъ образомъ, видимое различіе между двумя родами знанія заключается не въ природѣ ихъ, а въ ихъ отдаленности отъ воспріятія. Разсматривая случаи въ ихъ самомъ общемъ видѣ, мы убѣждаемся, что земледѣлецъ, который, слыша извѣстный звукъ на сосѣднемъ полѣ, можетъ описать особенную форму и

цвѣтъ птицы, издающей этотъ звукъ, и астрономъ, который, вычисливъ проходъ Веверы, можетъ очертить черное пятно, вступающее на солнечный дискъ, какъ оно будетъ видно чрезъ телескопъ въ данный моментъ, — оба дѣлаютъ существенно тоже самое. Каждый знаетъ, что, при исполненіи требуемыхъ условий, онъ долженъ получить предвидѣнное впечатлѣніе, т. е. что за опредѣленнымъ рядомъ дѣйствій получится группа ощущений напередъ извѣстнаго рода. Различіе, такимъ образомъ, заключается не въ основномъ характерѣ умственныхъ дѣйствій, не въ правильности предвидѣній, совершаемыхъ этими дѣйствіями, а въ сложности процессовъ, необходимыхъ для достиженія предвидѣній. Значительная доля самаго обыкновеннаго знанія нашего строга точна въ предѣлахъ своей сферы. Наука не увеличиваетъ этой точности; она не можетъ выйти за ея предѣлы. Что же въ такомъ случаѣ дѣлаетъ она? Она приводитъ другія познанія къ той же самой степени точности. Достоверность, которую даетъ намъ прямое воспріятіе относительно сосуществованій и послѣдовательностей самаго простаго и самаго доступнаго рода, — ту же достоверность даетъ намъ наука относительно сосуществованій и послѣдовательностей явленій сложныхъ по ихъ зависимости или недоступныхъ непосредственному наблюденію. Короче, наука, если смотрѣть на нее съ этой точки зрѣнія, можетъ быть названа *расширеніемъ воспріятій путемъ умозаключенія*.

Разсматривая, однакоже, предметъ нѣсколько глубже, мы почувствуемъ, можетъ быть, что это опредѣленіе не выражаетъ всего факта, — факта, что какъ бы ни была наука неотдѣлима отъ обыкновеннаго знанія, какъ бы мы ни наполнили разстоянія между самыми простыми предвидѣніями ребенка и самыми глубокими предвидѣніями естествоиспытателя, введеніемъ ряда предвидѣній, въ которомъ сложность умозаключенія увеличивается все болѣе и болѣе, — между ними все-таки останется различіе помимо того, о которомъ мы говорили здѣсь. И это справедливо. Но это различіе далеко не таково, чтобы можно было провести предполагаемую демаркаціонную линію. Это — различіе не между обыкновеннымъ знаніемъ и научнымъ, а между послѣдовательными фазами самой науки или самаго знанія, все равно, какое бы названіе мы ни употребляли.

Въ своихъ первыхъ фазисахъ наука достигаетъ только *достоверности* предвидѣнія; въ позднѣйшихъ она достигаетъ еще и *полноты*. Мы начинаемъ открытiемъ *одного* отношенiя и оканчиваемъ открытiемъ отношенiя *вообще*. Наше первое приобрѣтенiе состоитъ въ предсказанiи *рода* явленiя, которое можетъ встрѣтиться при извѣстныхъ условiяхъ; наше послѣднее приобрѣтенiе состоитъ въ предсказанiи не только рода явленiя, но и его *количественныхъ данныхъ*. Или, приводя положенiе въ болѣе опредѣленную форму, мы можемъ сказать, что неразвившаяся наука есть *качественное* предвидѣнiе, а развившаяся — *количественное*.

Эта формула очевидно выражаетъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и различiе между низшими и высшими ступенями положительнаго знанiя. Предсказанiе, что для поднятiя куска свинца нужно больше силы, чѣмъ для поднятiя куска дерева равнаго объема, представляетъ вѣрное, но не полное предвидѣнiе. Предвидится родъ дѣйствiя, въ которомъ одно тѣло превышаетъ другое, но не количество этого превышенiя. Здѣсь представляется только *качественное* предвидѣнiе. Съ другой стороны, предсказанiе, что въ опредѣленное время двѣ данныя планеты будутъ въ соединенiи; что, посредствомъ рычага, плечи котораго имѣютъ данное отношенiе, извѣстная сила можетъ поднять столько-то фунтовъ; что для разложенiя опредѣленнаго количества сѣрниоокислаго желѣза потребуется столько-то грановъ углекислаго натра, — эти предсказанiя представляютъ предвидѣнiе не только природы производимыхъ дѣйствiй, но и величины или самихъ дѣйствiй, или производящихъ ихъ дѣателей, или разстоянiя во времени или пространствѣ, какое потребуется ими. Здѣсь представляется не только *качественное*, но и *количественное* предвидѣнiе. Это-то невыраженное различiе и заставляеть насъ считать нѣкоторые отдѣлы знанiя преимущественно научными предъ познанiемъ вообще. *Измѣряемы* ли явленiя — вотъ критерiй, который мы безсознательно употребляемъ. Пространство измѣряемо: отсюда геометрiя. Сила и пространство измѣряемы: отсюда статика. Время, сила и пространство измѣряемы: отсюда динамика. Изобрѣтенiе барометра дало человѣку возможность распространить принципы механики и на атмосферу, — явилась аэростатика. Когда былъ изо-

брѣтенъ термометръ, возникла наука о теплотѣ, наука невозможная до того времени. Тѣ изъ нашихъ ощущеній, для измѣренія которыхъ мы не нашли еще способа, не производятъ наукъ. Мы не имѣемъ науки запаховъ; у насъ нѣтъ и науки вкусовъ. Мы имѣемъ науку объ отношеніяхъ звуковъ въ діапазонѣ, потому что открыли путь для измѣренія ихъ, но у насъ нѣтъ науки о звукахъ въ отношеніи ихъ звучности или ихъ *тембру*, потому что мы не дошли еще до измѣренія звучности и тембра. Очевидно, что это-то сведеніе осязательныхъ явленій на отношенія величинъ и сообщаетъ извѣстному отдѣлу знанія его спеціально-научный характеръ. Первоначально знаніе людей о вѣсахъ и силахъ находилось въ томъ же самомъ положеніи, въ какомъ находится и теперь ихъ знаніе о вкусахъ и запахахъ; это было знаніе, не простиравшееся далѣе того, что доступно невооруженнымъ чувствамъ; оно оставалось въ этомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не были изобрѣтены взвѣшивающіе инструменты и динамометры. До появленія песочныхъ часовъ и клепсидръ многія явленія могли быть измѣряемы относительно ихъ продолжительности или перемежаемости не съ большею степенью точности, чѣмъ та, съ какою можетъ быть измѣряема степень твердости тѣлъ посредствомъ пальцевъ. До изобрѣтенія термометра, сужденія людей объ относительныхъ количествахъ теплоты стояли на той же самой ступени, на которой стоятъ ихъ настоящіе сужденія объ относительныхъ количествахъ звука. И, какъ на этой начальной ступени, когда не было пособій для наблюденія, можно было только самымъ грубымъ образомъ сравнивать различные случаи и усматривать только самыя рѣзкія различія, то очевидно, что только самыя простые законы зависимости могли опредѣлиться—только такіе законы, которые, не будучи усложнены другими и не будучи измѣняемы въ своихъ проявленіяхъ, не требовали, для опредѣленія своего, особенной тщательности со стороны наблюдателя. Отсюда очевидно не только то, что по мѣрѣ того какъ знаніе становится количественнымъ, его предвидѣнія дѣлаются столько же полными, сколько и вѣрными,—но и то, что до принятія количественнаго характера оно необходимо ограничивается самыми элементарными отношеніями. Сверхъ того нужно замѣтить, что хотя, съ одной стороны,

законы большей части явленій могутъ быть открыты только чрезъ изслѣдованіе ихъ количественности, съ другой—рядъ нашихъ количественныхъ предсказаній можетъ расширяться только въ той мѣрѣ, въ какой мы открываемъ законы результатовъ, нами предсказываемыхъ. Ибо ясно, что способность опредѣлять размѣры результата, недоступнаго прямому измѣренію, предполагаетъ знаніе рода его зависимости отъ чего-либо, могущаго быть измѣреннымъ,—предполагаетъ знаніе того, что отдѣльный фактъ, съ которымъ мы имѣемъ дѣло, есть проявленіе нѣкотораго болѣе общаго факта. Такимъ образомъ, объемъ, до какого доведены наши количественныя предвидѣнія въ какомъ-нибудь направленіи, указываетъ глубину, до которой достигло наше знаніе въ этомъ направленіи. Здѣсь мы можемъ указать, какъ на другую сторону того же самаго факта,—что, переходя отъ качественного къ количественному предвидѣнію, мы переходимъ отъ индуктивной науки къ дедуктивной. Пока наука чисто-индуктивна, до тѣхъ поръ она чисто-качественна; если она неточно количественна, то состоитъ обыкновенно частью изъ индукціи, частью изъ дедукціи; она становится вполнѣ количественною только тогда, когда она совершенно дедуктивна. Это не значитъ однако, что области дедуктивнаго и количественнаго одинаковы; ибо очевидно, что часто дедуктивное бываетъ чисто-качественнымъ. Мы говоримъ только, что всякое количественное предвидѣніе достигнуто дедуктивно и что индукція можетъ достигнуть только качественного предвидѣнія.

Однако все-еще не должно предполагать, чтобы эти различія давали намъ возможность отдѣлить обыкновенное знаніе отъ науки, хотя они, повидимому, и дѣлаютъ это. Показывая, въ чемъ состоитъ контрастъ, найденный между крайними формами того и другой, они вмѣстѣ съ тѣмъ приводятъ насъ къ признанію существеннаго тождества между обыкновеннымъ знаніемъ и наукой и еще разъ доказываютъ, что различіе между тѣмъ и другой чисто-степенное. Съ одной стороны, самое обыкновенное положительное знаніе въ нѣкоторой степени количественно, такъ какъ размѣръ предусматриваемаго результата извѣстенъ въ нѣкоторыхъ обширныхъ предѣлахъ. Съ другой

стороны, высшее количественное предвидѣніе не достигаетъ точной истины, а только очень близко подходитъ къ ней. Безъ часовъ дикарь знаетъ, что день длиннѣе лѣтомъ, чѣмъ зимою; безъ вѣсовъ онъ знаетъ, что камень тяжелѣе мяса, т. е. онъ можетъ предвидѣть относительно извѣстныхъ результатовъ, что ихъ величина будетъ болѣе того-то и менѣе того-то — онъ знаетъ *приблизительно*, каковы они. И все, что можетъ сдѣлать ученый со своими тончайшими инструментами и самыми обширными вычислениями, ограничивается сведеніемъ различія между предвидѣннымъ и дѣйствительнымъ результатомъ до ничтожныхъ размѣровъ. Сверхъ того должно помнить не только то, что всѣ науки на первыхъ ступеняхъ своихъ — качественны и что нѣкоторыя изъ нихъ, какъ химія, лишь недавно достигли количественной ступени, но и то, что наиболѣе подвинувшіяся впередъ науки достигли своего настоящаго могущества въ опредѣленіи количествъ, не доступныхъ чувствамъ и не измѣримыхъ непосредственно, лишь путемъ медленнаго процесса совершенствованія, продолжавшагося цѣлыя тысячелѣтія. Такъ что наука и знаніе необразованнаго человѣка сходны по природѣ своихъ предвидѣній, какъ бы широко ни различались по ихъ степени; и наука и простонародное знаніе отличаются общимъ несовершенствомъ, хотя въ послѣднемъ его несравненно больше, чѣмъ въ первой; и переходъ отъ послѣднаго къ первой совершился рядомъ поступательныхъ движеній, въ которыхъ несовершенство постоянно уменьшалось, а сфера расширялась.

Что наука и положительное знаніе необразованнаго человѣка не могутъ быть раздѣлены по ихъ природѣ и что первая есть усовершенствованная и расширенная форма втораго, — эти факты должны необходимо лежать въ основѣ всей теоріи науки, ея прогресса и взаимнаго отношенія ея частей. Во всякой исторіи наукъ будетъ важною неполнотою, если, оставляя въ сторонѣ первыя ступени ихъ генезиса, она начинаетъ лишь съ тѣхъ ступеней, которыя приняли опредѣленные формы. Должно считать важнымъ недостаткомъ, если не основной ошибкой, философіи наукъ, разсматриваемыхъ въ ихъ взаимной зависимости и развитіи, если она пренебрегаетъ изслѣдованіемъ того, какъ онѣ сдѣлались отдѣльными

науками и какъ каждая изъ нихъ развилаь изъ хаоса первоначальныхъ идей. Нетолько прямое разсмотрѣнiе предмета, но всѣ аналогiи доказываютъ, что ключъ ко всѣмъ послѣдующимъ усложненiямъ должно искать на самыхъ раннихъ и простѣйшихъ ступеняхъ. Было время, когда анатомiя и физиологiя челоуѣка изучались сами по себѣ, когда анализировали взрослоа челоуѣка и изслѣдовали отношенiя частей его тѣла и ихъ отправленiй безъ всякой связи какъ съ отношенiями, проявляющимися въ зародышѣ, такъ и съ соответствующими отношенiями въ другихъ существахъ. Теперь, однако, сдѣлалось очевиднымъ, что при такихъ условiяхъ невозможно никакое вѣрное понятiе, никакое вѣрное обобщенiе. Анатомы и физиологи нашли теперь, что дѣйствительная природа органовъ и тканей можетъ быть опредѣлена только тогда, когда будетъ изслѣдовано ихъ первоначальное развитiе; что сродство между существующими родами можетъ быть удовлетворительно указано только путемъ изслѣдованiя ископаемыхъ родовъ, съ которыми первые связаны. Если такъ, то не ясно ли, что тоже самое должно быть справедливо по отношенiю ко всѣмъ вещамъ, подверженнымъ развитiю? Развѣ наука не растеть? Развѣ наука не имѣеть своей эмбриологiи? Не должно ли пренебреженiе ея эмбриологiей вести къ ложному пониманiю принциповъ ея развитiя и ея настоящей организации?

Итакъ, есть априорныя основанiя для того, чтобы усомниться въ истинности всякой философи наукъ, которая безмолвно опирается на общее мнѣнiе, что научное знанiе и обыкновенное знанiе различны, — вмѣсто того, чтобы начинать, какъ бы должно было, соподчиненiемъ ихъ одно другому и указанiемъ того, какъ они постепенно стали отличаться одно отъ другаго. Мы можемъ ожидать, что обобщенiя такой философи окажутся существенно искусственными, и мы не ошибемся. Нѣкоторые примѣры могутъ быть удобно приведены здѣсь какъ введенiе къ краткому очерку генезиса науки съ указанной точки зрѣнiя. Мы не можемъ привести болѣе удобныхъ примѣровъ, какъ тѣ, которые представляются нѣкоторыми изъ разнообразныхъ *классификацiй* наукъ, предлагавшихся въ разное время. Разсмотрѣнiе всѣхъ такихъ классификацiй заняло бы слишкомъ много мѣста; мы должны удовольствоваться только нѣкоторыми изъ новѣйшихъ.

Начиная съ тѣхъ классификацій, которыя скорѣе всего могутъ быть устранены, укажемъ прежде всего на распредѣленіе, предложенно: Окенѣмъ. Въ извлеченіи оно таково:

ЧАСТЬ I. Матезисъ. — *Пневматогенія*: Первичное Искусство, Первичное Сознаніе, Богъ, Первичный Покой, Время, Полярность, Движеніе, Человѣкъ, Пространство, Точка, Линія, Поверхность, Шаръ, Вращеніе. — *Гилогенія*: Тяжесть, Вещество, Эфиръ, Небесныя Тѣла, Свѣтъ, Теплота, Огонь.

(По его объясненію Матезисъ есть наука о цѣломъ; *Пневматогенія* — наука о невещественныхъ цѣлыхъ; *Гилогенія* — о вещественныхъ цѣлыхъ.)

ЧАСТЬ II. Онтологія. — *Космогенія*: Покой, Центръ, Движеніе, Линія, Планеты, Форма, Планетная система, Кометы. — *Стихиогенія*: Сгущеніе, Простое вещество, Элементы, Воздухъ, Вола, Земля. — *Стихиологія*: Функціи элементовъ и пр. и пр. — *Царства Природы*: Недѣлимая.

(Онъ говоритъ въ объясненіи, что «Онтологія учитъ насъ явленіямъ матеріи. Первыя изъ нихъ представляются намъ небесными тѣлами, обнимаемыми *Космогенією*. Они раздѣляются на элементы — *Стихиогенія*. Земной элементъ раздѣляется на минералы — *Минералогія*. Они соединяются въ одно коллективное тѣло — *Геогенія*. Цѣлое въ особяхъ есть живущее, или *Органическое*, которое снова раздѣляется на растенія и животныхъ. *Біологія*, слѣдовательно, раздѣляется на *Органогенію*, *Фитософію*, *Зоософію*.»)

ПЕРВОЕ ЦАРСТВО. — Минералы. *Минералогія*, *Геологія*.

ЧАСТЬ III. Біологія. — *Органософія*, *Фитогенія*, *Фитофизиологія*, *Фитологія*, *Зоогенія*, *Физиологія*, *Зоологія*, *Психологія*.

Бѣглый взглядъ на этотъ безпорядочный планъ показываетъ, что это есть ни что иное какъ попытка классифицировать знаніе не въ томъ порядкѣ, въ какомъ оно создалось или могло создаться въ человѣческомъ сознаніи, но въ предполагаемомъ порядкѣ творенія. Это псевдо-научная космогонія, сродная тѣмъ, какія люди предлагали съ самыхъ раннихъ временъ и не много болѣе ихъ заслуживающая уваженія. Поэтому она не можетъ признаваться достойною

большаго вниманія со стороны того, кто, подобно намъ, полага-
 етъ, что опытъ есть единственное начало знанія. Иначе, полезно
 бы, быть можетъ, остановиться на несоотвѣтствіяхъ распредѣленія,
 спросить, какъ можно разсматривать движеніе прежде простран-
 ства? какъ можетъ быть вращеніе безъ вращающейся матеріи?
 какъ можно говорить о полярности—не подразумѣвая точекъ и
 линий? Но для нашей настоящей цѣли достаточно будетъ указать
 только немногія изъ крайнихъ недѣлностей, вытекающихъ изъ
 ученія, котораго Окенъ, кажется, придерживается вмѣстѣ съ
 Гегелемъ, ученія, что «философствовать о природѣ значить
 снова перемысливать великую мысль творенія». Вотъ примѣръ:

«Математика есть всеобщая наука, точно также какъ и Физіо-
 философія, хотя она есть только часть или, лучше, только одно изъ
 условій вселенной. Обѣ онѣ одно и то же, или взаимно совпадаютъ.

«Математика, однакоже, есть наука чистыхъ формъ безъ
 субстанціи. Физіо-философія, слѣдовательно, есть *математика,
 одаренная субстанціей.*»

Съ англійской точки зрѣнія, кажется довольно забавнымъ,
 что такой догматъ выставляется не только серьёзно, но вы-
 ставляется какъ безспорная истина. Здѣсь мы видимъ опыты ко-
 личественныхъ отношеній, добытые изъ окружающихъ тѣлъ и об-
 общенные человѣкомъ (опыты, которые почти повсюду были обоб-
 щены при самомъ началѣ историческаго періода); эти обобщенные
 опыты, эти умственные отвлеченности возводятся въ конкретныя
 дѣйствительности, вдвигаются назадъ въ природу и разсматри-
 ваются какъ внутренняя основа вещей, какъ скелетъ, которымъ
 поддерживается матерія. Но эта новая форма древняго реализ-
 ма еще не представляетъ собою самаго запутаннаго изъ физіо-
 философскихъ принциповъ. Мы видимъ далѣе, что:

«Высочайшая математическая идея или основной принципъ
 всей математики есть нуль=0.

«Нуль самъ по себѣ ничто. Математика имѣетъ въ основѣ
 своей ничто и, слѣдовательно, возникаетъ изъ ничего.

«Поэтому возможно, чтобы изъ ничего возникло нѣчто; по-
 тому что математика, состоящая изъ положеній, представляетъ
 собою нѣчто по отношенію къ 0.»

Посредствомъ подобныхъ «слѣдовательно» и «поэтому» философовъ люди, когда они «перемысливаютъ великую мысль творенія». Посредствомъ догматовъ, которые имѣютъ притязаніе быть доводами, *ничто* сдѣлано производителемъ математики, а облекая математику матеріей, мы получаемъ вселенную. Если мы станемъ отрицать, какъ мы и въ самомъ дѣлѣ отрицаемъ, чтобы высочайшая математическая идея была нуль; если, съ другой стороны, мы станемъ утверждать, какъ мы и въ самомъ дѣлѣ утверждаемъ, что основная идея всей математики есть идея равенства, — то вся космогонія Окена исчезаетъ. Здѣсь мы можемъ видѣть отличительную особенность германскаго метода мышленія въ этихъ предметахъ — незаконнорожденнаго апіористическаго метода, какъ бы его можно было назвать. Истинный апіористическій методъ выставляетъ положенія, отрицаніе которыхъ немислимо; незаконный же апіористическій методъ выставляетъ или такія положенія, отрицаніе которыхъ *не* непостижимо, или положенія, подобныя положеніямъ Окена, которыхъ *утвержденіе* непостижимо.

Нѣтъ надобности далѣе продолжать этотъ анализъ. Мы могли бы въ подробности описать ступени, по которымъ Окенъ дошелъ до заключеній, что «планеты суть сгущенные цвѣта, потому что онѣ суть сгущенный свѣтъ; что сфера есть протяженное ничто»; что тяжесть есть «вѣсомое ничто, тяжелая сущность (эссенція), стремящаяся къ центру»; что «земля есть тождественное, вода — безразличное, воздухъ — различное, или первая есть центръ, вторая — радіусъ, а третій — поверхность вѣсобщаго шара или огня.» Дѣлать замѣчанія на эти положенія было бы столь же нелѣпо, какъ нелѣпы самыя положенія. Перейдемъ къ другой германской системѣ познанія, къ системѣ Гегеля.

Простой фактъ, что Гегель ставитъ Якова Бема наравнѣ съ Бэкономъ, достаточенъ, чтобы доказать, что его точка зрѣнія далеко отстоитъ отъ той, которая обыкновенно считается научною, — въ сущности такъ далеко, что не легко найти общее основаніе для критики. Тѣ, которые думаютъ, что духъ человѣка образуется соотвѣтственно окружающимъ вещамъ и дѣйствіемъ этихъ вещей, неизбежно недоумѣваютъ, къ дѣлу относиться къ лю-

дямъ подобнымъ Гегелю и Шеллингу, которые утверждаютъ, что окружающія вещи суть отверженный духъ; что природа есть «окаменѣлый разумъ»; однакоже бросимъ бѣглый взглядъ на классификацію Гегеля. Онъ раздѣляетъ философію на три части:

1) *Логика*, или наука объ идеѣ въ самой себѣ, чистой идеѣ.

2) *Философія природы*, или наука объ идеѣ, разсматриваемой подъ другою ея формою — объ идеѣ, какъ Природѣ.

3) *Философія духа*, или наука объ идеѣ въ ея возвращеніи къ самой себѣ.

Изъ нихъ вторая раздѣляется на естественныя науки, подъ ихъ обыкновенными названіями; въ болѣе подробной формѣ рядъ идетъ такъ: логика, механика, физика, органическая физика, психологія.

Теперь, если мы будемъ вѣрить вмѣстѣ съ Гегелемъ: во первыхъ, что мысль есть истинная сущность человѣка, во вторыхъ, что мысль есть сущность міра и что, такимъ образомъ, въ немъ нѣтъ ничего, кромѣ мысли, — въ такомъ случаѣ его классификація, начинающаяся наукою о чистой мысли, можетъ быть принята. Иначе же является очевидное возраженіе противъ этого распредѣленія, состоящее въ томъ, что мысль подразумѣваетъ мыслимыя вещи, — что не можетъ быть логической формы безъ чего-либо подлежащаго опыту, — что наука объ идеѣ и наука о вещахъ должны имѣть одновременное начало. Однако Гегель предвидитъ это возраженіе и въ своемъ упорномъ идеализмѣ утверждаетъ истинность противнаго, т. е. что все содержимое въ формахъ должно быть мыслью, чтобы стать чѣмъ-нибудь; что логическія формы суть основанія всѣхъ вещей.

Неудивительно, что, исходя изъ такихъ посылокъ и умолакая по этому способу, Гегель доходитъ до странныхъ заключеній. Изъ *пространства* и *времени* онъ строитъ *движеніе*, *матерію*, *отталкиваніе*, *протяженіе*, *тяжесть* и *инерцію*. Затѣмъ онъ переходитъ къ логическому развитію солнечной системы, и далеко расходится съ ньютоновой теоріей. Путемъ силлогизма онъ доходитъ до убѣжденія, что планеты суть наи-

болѣ совершенныя изъ небесныхъ тѣлъ; и, не будучи въ состояніи ввести звѣзды въ свою теорію, говоритъ, что онѣ только формальныя бытія, а не живое вещество, и что, въ сравненіи съ солнечной системой, онѣ такъ же мало заслуживаютъ вниманія, какъ навозная сыпь или рой мухъ. (1) Столь несообразные результаты можно было бы оставить, какъ сами себя опровергающіе; но мыслители этого класса не смущаются тѣмъ, какъ бы далеко ни расходились ихъ выводы съ установленными мифами. Единственно дѣйствительный способъ разсматриванія системъ, подобныхъ системѣ Гегеля, состоитъ въ томъ, чтобы доказать, что онѣ сами себя разрушаютъ, что на первыхъ своихъ ступеняхъ онѣ покидаютъ тотъ самый авторитетъ, на которомъ основываются всѣ послѣдующія ступени. Если Гегель думаетъ (а онъ это очевидно думаетъ), что онъ развиваетъ свою схему путемъ разсужденія, т. е. что онъ представляетъ послѣдовательные выводы какъ *необходимо слѣдующіе* изъ извѣстныхъ посылокъ,—то онъ тѣмъ самымъ предполагаетъ постулатъ, что вѣрованіе, которое необходимо вытекаетъ изъ извѣстнаго предшествующаго, есть истинное вѣрованіе; еслибъ затѣмъ противникъ, на одинъ изъ его выводовъ, возразилъ, что, хотя противоположное и не можетъ быть мыслимо, но оно истинно,—то такое возраженіе Гегель счелъ бы нераціональнымъ. Однако процедура, которую онъ, такимъ образомъ, осудить, какъ разрушающую всякое мышленіе, есть именно процедура, представляющаяся въ изложеніи его собственныхъ основныхъ началъ. Человѣчество оказывается неспособнымъ понять, чтобы могла быть мысль безъ мыслимой вещи. Гегель, однакоже, утверждаетъ, что *можетъ* быть мысль безъ мыслимой вещи. Высшій критерій истинности положенія,—неспособность человѣческаго ума понять отрицаніе его,—во всѣхъ другихъ случаяхъ признаваемый имъ за непогрѣшимый, онъ признаетъ слабымъ тамъ, гдѣ это ему удобно и, въ тоже самое время отрицаетъ у противника право слѣдовать

(1) Нѣсколько любопытно, что авторъ сочиненія «*Многочисленность Мировъ*», преслѣдуя совершенно другія цѣли, привелъ себя къ подобнымъ же заключеніямъ.

его примѣру. Если онъ властенъ устанавливать догматы, прямо отрицающіе то, что признано человѣческимъ сознаниемъ, то и противникъ его также властенъ останавливать на каждомъ шагѣ его разсужденіе — замѣчаніемъ, что хотя отдѣльный выводъ, дѣлаемый имъ, какъ для его ума, такъ и для всѣхъ умовъ, кажется необходимо слѣдующимъ изъ посылокъ, однако онъ ложенъ, а противный выводъ вѣренъ. Или — поставимъ дилемму въ другой формѣ: если онъ исходитъ изъ непонятныхъ положеній, то съ равнымъ удобствомъ можетъ и всѣ послѣдующія свои положенія сдѣлать непонятными, т. е. на каждой ступени своего умозаключенія выводить слѣдствіе, прямо противоположное тому, которое, повидимому, должно бы вытекать отсюда.

Такъ какъ гегелевскій способъ процедуры убиваетъ себя по самому существу своему, то и гегелевская классификація, основанная на немъ, испровергается. Разсмотримъ теперь классификацію Конта.

Всѣ читатели Конта должны допустить, что онъ представляетъ намъ распредѣленіе наукъ, которое, будучи не похоже на всѣ предшествующія, требуетъ почтительнаго разсмотрѣнія. Какъ ни далеко мы расходимся съ нимъ, мы охотно признаемъ широту его воззрѣній, ясность его разсужденій и цѣнность его умозрѣній, какъ содѣйствующихъ умственному прогрессу. Если бы мы вѣрили въ возможность линейнаго распредѣленія наукъ, мы приняли бы распредѣленіе Конта. Его основныя положенія совершенно понятны и, если не истинны, то имѣютъ значительное подобіе истинны. Послѣдовательныя ступени его разсужденія согласены логически; заключенія свои онъ подтверждаетъ значительнымъ числомъ доказательствъ, которыя, пока они не изслѣдованы критически и не встрѣчаютъ противоположныхъ доказательствъ, подтверждаютъ повидимому его положенія. Но стоитъ только принять то антагонистическое положеніе, какое должно приниматься относительно новыхъ доктринъ, — приниматься въ томъ убѣжденіи, что если эти доктрины истинны, то онѣ окрѣпнутъ отъ побѣды надъ противниками, — стоитъ только испытать его главныя доктрины или другими фактами, а не тѣми, которые онъ указываетъ, или его

собственными, но иначе примѣненными, чтобы обнаружить несостоятельность этихъ доктринъ. Мы намѣрены поступить такимъ образомъ съ общимъ принципомъ, на которомъ онъ основываетъ свою іерархію наукъ.

Во второй главѣ своего «Курса Положительной Философіи» Контъ говоритъ: «наша задача состоитъ въ томъ, чтобы найти единственный *раціональный* порядокъ во всей массѣ возможныхъ системъ».... «Этотъ порядокъ опредѣляется степенью простоты или—что тоже самое—общности ихъ явленій.» И распредѣленіе, выводимое имъ, идетъ такимъ образомъ: *математика, астрономія, физика, химія, физиологія, социальная физика.* «Это, утверждаетъ онъ, есть истинная *филиація* наукъ.» Онъ утверждаетъ далѣе, что начало прогрессивнаго движенія отъ большей къ меньшей степени общности, «обусловливающее такое распредѣленіе всей массы наукъ, распредѣляетъ также и части каждой науки.» Наконецъ, онъ утверждаетъ, что градаціи между науками и ихъ частями, установленныя такимъ образомъ *a priori*, «находятся въ существенномъ соотвѣтствіи съ порядкомъ, который самопроизвольно установился между отраслями естествознанія», или, другими словами, что онъ соотвѣтствуетъ порядку историческаго развитія.

Сравнимъ эти положенія съ фактами. Чтобы быть совершенно безпристрастными, мы не будемъ дѣлать выбора, а остановимся въ нашемъ сравненіи на ближайшемъ отдѣлѣ, трактуемомъ о первой наукѣ—математикѣ и не будемъ ни чѣмъ пользоваться кромѣ собственныхъ фактовъ Конта и того, что онъ самъ допускаетъ. Ограничиваясь одной этой наукой, мы, разумѣется, должны сравнивать различныя ея части. Контъ говоритъ, что части каждой науки должны быть распредѣлены въ порядкѣ ихъ убывающей общности и что этотъ порядокъ убывающей общности согласуется съ порядкомъ историческаго развитія. Мы должны поэтому изслѣдовать, подтверждаетъ ли исторія математики это положеніе.

Прилагая къ дѣлу свой принципъ, Контъ раздѣляетъ математику на «абстрактную математику, или счисленіе (принимая это слово въ самомъ обширномъ смыслѣ) и конкретную матема-

тику, которая состоитъ изъ общей геометріи и рациональной механики». Предметъ первой изъ нихъ есть число; предметъ второй обнимаетъ *пространство, время, движеніе, силу*. Первая обладаетъ высшею степенью общности, какая возможна, потому что всѣ какія бы то ни было вещи допускаютъ перечисленіе. Вторая менѣе обща, такъ какъ существуетъ бесчисленное множество явленій, которыхъ нельзя познать ни посредствомъ общей геометріи, ни посредствомъ рациональной механики. Слѣдовательно, сообразно съ принимаемымъ закономъ, развитіе счисленія повсюду должно было предшествовать развитію конкретныхъ под-наукъ. Нѣсколько неловко для себя, Контъ, въ первомъ же замѣчаніи относительно этого пункта, говорить, что «съ исторической точки зрѣнія математическій анализъ *кажется возникнуть изъ созерцанія геометрическихъ и механическихъ фактовъ*.» Но далѣе онъ говоритъ, что «этотъ анализъ—логически говоря—все-таки независимъ отъ этихъ наукъ (геометріи и механики)»; потому что «аналитическія идеи болѣе всѣхъ другихъ всеобщы, отвлеченны и просты, и геометрическія понятія необходимо основаны на нихъ.» Мы не воспользуемся послѣднимъ утвержденіемъ, чтобы обвинить Конта въ ученіи на-подобіе гегелевскаго, что мысль можетъ существовать безъ предмета мышленія. Мы просто удовольствуемся сравненіемъ двухъ положеній, что анализъ возникаетъ изъ созерцанія геометрическихъ и механическихъ фактовъ и что геометрическія понятія основаны на аналитическихъ. Понимаемая буквально, эти положенія вполнѣ уничтожаютъ другъ друга. Но толкуемая въ болѣе широкомъ смыслѣ, они предполагаютъ то, что, по нашему мнѣнію, можетъ быть доказано,—а именно, что геометрическія и аналитическія понятія имѣютъ *одновременное происхожденіе*. Это мѣсто или не имѣетъ смысла, или принимаетъ, что абстрактная и конкретная математика современны одна другой. Такимъ образомъ, на самой первой ступени, показанное соотвѣтствіе между порядкомъ общности и порядкомъ развитія оказывается несостоятельнымъ.

Но можетъ быть абстрактная и конкретная математика и получили свое начало въ одно и тоже время, но впоследствии

одна развивалась быстрѣе другой и съ тѣхъ поръ оставалась всегда впереди ея? Нѣтъ, — и мы призываемъ въ свидѣтели опять самого Конта. Къ счастью для своей аргументаціи, онъ ничего не сказалъ относительно первыхъ ступеней абстрактнаго и конкретнаго отдѣловъ послѣ расхожденія ихъ отъ общаго корня; иначе появленіе алгебры, долго спустя послѣ того, какъ греческая геометрія достигла высокой степени развитія, было бы фактомъ, съ которымъ ему оказалось бы неудобнымъ имѣть дѣло. Но, оставляя это въ сторонѣ и ограничиваясь его собственными положеніями, мы находимъ, въ началѣ слѣдующей главы, допущеніе, что «историческое развитіе абстрактной части математической науки, со времени Декарта, по большей части *опредѣлялось* развитіемъ конкретной части.» Далѣе относительно алгебраическихъ функций говорится, что «многія функціи были конкретны при своемъ происхожденіи — даже тѣ изъ нихъ, которыя въ настоящее время совершенно абстрактны; и что древніе открывали только путемъ геометрическихъ опредѣлений элементарныя алгебраическія свойства функций, которымъ численное значеніе стало придаваться гораздо позже, дѣлаи для насъ абстрактнымъ то, что было конкретнымъ для древнихъ геометровъ.» Какъ же примирить эти положенія съ доктриной Конта? Мало того, раздѣливъ счисленіе на алгебраическое и ариѳметическое, Контъ допускаетъ — какъ онъ необходимо и долженъ допустить — что алгебраическое счисленіе болѣе обще, чѣмъ ариѳметическое; однакоже онъ не скажетъ, чтобъ алгебра предшествовала ариѳметикѣ по времени. Далѣе, раздѣливъ исчисленіе функций на исчисленіе прямыхъ функций (общая алгебра) и на исчисленіе непрямыхъ функций (трансцендентный анализъ), онъ поставленъ въ необходимость сказать, что послѣдній обладаетъ высшею общностью, чѣмъ первый; однакоже происхожденіе его относится къ гораздо болѣе позднему времени. Правда, косвеннымъ образомъ, Контъ самъ признаетъ это несоотвѣтствіе, потому что онъ говоритъ: «можетъ казаться, что трансцендентный анализъ долженъ былъ быть изучаемъ прежде обыкновеннаго, такъ какъ онъ приготовляетъ уравненія, разрѣшаемыя послѣднимъ; но, хотя трансцендентный анализъ *логически независимъ*

отъ обыкновеннаго, лучше слѣдовать принятому методу изученія, т. е. начинать съ обыкновеннаго.» Во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и въ заключеніи отдѣла, гдѣ онъ предсказываетъ, что современнымъ математики «создадутъ процессы *болѣе широкой общности*», Контъ дѣлаетъ допущенія, діаметрально противоположныя принятому имъ закону.

Въ слѣдующихъ главахъ, въ которыхъ разсматривается конкретный отдѣлъ математики, мы находимъ подобныя же противорѣчія. Контъ самъ называетъ геометрію древнихъ *спеціальной* геометріей, а геометрію новѣйшаго времени *общей* геометріей. Онъ допускаетъ, что, тогда какъ «древніе изучали геометрію по отношенію къ извѣстнымъ *тѣламъ* или специально, въ новѣйшее время ее изучаютъ по отношенію къ разсматриваемымъ *явленіямъ*, или вообще.» Онъ допускаетъ, что, тогда какъ «древніе извлекали все, что могли, изъ одной линіи или поверхности, прежде нежели переходили къ другой», «новѣйшіе математики, со временъ Декарта, занимаются вопросами, которые относятся къ какой бы то ни было фигурѣ.» Эти факты совершенно противны тому, что должно бы быть согласно его теоріи. Точно тоже оказывается и по отношенію къ механикѣ. Прежде раздѣленія ея на статику и динамику, Контъ разбираетъ три закона *движенія*, и долженъ поступить такъ, потому что статика, наиболее *общій* изъ этихъ двухъ отдѣловъ, хотя и не обнимаетъ собою движенія, невозможна, какъ наука, пока не установлены законы движенія. Между тѣмъ законы движенія относятся къ динамикѣ, болѣе *частному* отдѣлу. Далѣе Контъ замѣчаетъ, что послѣ Архимеда, открывшаго законъ равновѣсія рычага, статика не дѣлала успѣховъ, до тѣхъ поръ, пока установленіе динамики не дало намъ возможности искать «условія равновѣсія помощью законовъ сложения силъ»,—и присовокупляетъ: «Теперь *этотъ методъ вошелъ во всеобщее употребленіе*. На первый взглядъ это кажется не особенно рационально, потому что динамика сложнѣе статики, а предшествовать должно бы то, что проще. Но на дѣлѣ будетъ болѣе философично отнести динамику къ статикѣ, какъ дѣлали съ тѣхъ поръ.» Различныя открытія, разсмотрѣнныя затѣмъ въ частности, показываютъ, какъ развитіе статики

было подвинуто впередъ разсмотрѣнiемъ ея задачъ съ точки зрѣнiя динамики, и, предъ заключенiемъ отдѣла, Контъ замѣчаетъ: «Прежде чѣмъ гидростатика могла быть включена въ статику, необходимо было, чтобъ абстрактная теорiя равновѣсiя была общена до прямого приложенiя къ жидкимъ, также какъ и къ твердымъ тѣламъ. Это было достигнуто, когда Лагранжъ поставилъ, въ основанiе всей рациональной механики, единое начало возможныхъ скоростей.» Въ этомъ положенiи мы имѣемъ два факта, прямо несогласные съ доктриною Конта: первый, что простѣйшая наука, статика, достигла своего настоящаго развитiя только при помощи начала возможныхъ скоростей, которое принадлежитъ болѣе сложной наукѣ, динамикѣ, — и второй, что это «единое начало», лежащее въ основѣ всей рациональной механики, этой *самой общей формы*, одинаково включающей отношенiя статическихъ, гидростатическихъ и динамическихъ силъ, было добыто только во времена Лагранжа.

Такимъ образомъ *несправедливо*, чтобы историческая послѣдовательность въ отдѣлахъ математики соотвѣтствовала порядку убывающей общности. *Несправедливо*, чтобы абстрактная математика развилась прежде и независимо отъ конкретной математики. *Несправедливо*, чтобы въ подраздѣленiяхъ абстрактной математики болѣе общiе отдѣлы явились прежде специальныхъ. И *несправедливо*, чтобы конкретная математика, въ каждомъ изъ двухъ ея отдѣловъ, начиналась болѣе абстрактными и переходила къ менѣе абстрактнымъ истинамъ.

Полезно, можетъ быть, замѣтить, мимоходомъ, что Контъ, защищая принимаемый имъ законъ перехода отъ общаго къ частному, кое-гдѣ дѣлаетъ замѣчанiя о двухъ значенiяхъ слова *общiй*, могущихъ дать поводъ къ сбивчивости. Не говоря о томъ, можетъ ли утверждаемое различiе быть удержано въ другихъ случаяхъ, ясно, что въ этомъ случаѣ оно не существуетъ. Въ разныхъ примѣрахъ, приведенныхъ выше, старанiя самого Конта скрыть или объяснить иначе предшествованiе специальнаго общему, ясно указываютъ, что общность, о которой тамъ говорится, того же самаго рода, какой подразумевается его формулою. И достаточно бѣлаго разсмотрѣнiя предмета,

чтобы показать, что даже, еслибъ онъ и покушался на это, онъ не могъ бы отличить той общности, которая, какъ показано выше, часто приходитъ напослѣдокъ, отъ общности, которая, по его словамъ, всегда идетъ впереди. Ибо какова природа того умственного процесса, посредствомъ котораго объекты, измѣренія, вѣса, времена и проч. становятся способными получить численное выраженіе для своихъ отношеній? Этотъ процессъ есть образованіе извѣстныхъ абстрактныхъ понятій единства, двойственности и множественности, которыя одинаково приложимы ко всѣмъ вещамъ. Это есть изобрѣтеніе общихъ символовъ, служащихъ для выраженія числовыхъ отношеній между бытіями, каковы бы ни были ихъ особенные характеры. Какова же природа умственного процесса, посредствомъ котораго числа получаютъ возможность имѣть алгебраическое выраженіе для своихъ отношеній? Природа этого процесса та же самая. Это есть образованіе извѣстныхъ абстрактныхъ понятій о численныхъ функціяхъ, остающихся неизмѣнными при всякой величинѣ чиселъ. Это — изобрѣтеніе общихъ символовъ, служащихъ для выраженія отношеній между числами, какъ числа служатъ для выраженія отношеній между вещами. И трансцендентный анализъ стоитъ въ томъ же отношеніи къ алгебрѣ, въ какомъ алгебра стоитъ къ ариѳметикѣ. Уяснимъ въ нѣсколькихъ словахъ ихъ относительныя силы: ариѳметика можетъ выразить одной формулой величину *частной* касательной къ *частной* кривой; алгебра можетъ выразить одной формулой величины *всѣхъ* касательныхъ къ *частной* кривой; трансцендентный анализъ можетъ выразить одной формулой величины *всѣхъ* касательныхъ ко *всѣмъ* кривымъ. Точно такъ, какъ ариѳметика имѣетъ дѣло съ общими свойствами линий, поверхностей, объемовъ, силъ, времени, такъ алгебра имѣетъ дѣло съ общими свойствами чиселъ, представляемыхъ ариѳметикою; такъ трансцендентный анализъ имѣетъ дѣло съ общими свойствами уравненій, представляемыхъ алгеброю. Такимъ образомъ, общность высшихъ отраслей счисленія, сравниваемая съ низшими, оказывается тѣмъ же самымъ родомъ общности, какъ и общность низшихъ вѣтвей въ сравненіи съ геометрией или механи-

кой. При изслѣдованіи окажется, что подобное же отношеніе существуетъ въ разныхъ другихъ случаяхъ, разсмотрѣнныхъ выше.

Доказавъ, что привимаемый Контонъ законъ прогрессивнаго движенія несостоятеленъ для отдѣльныхъ частей одной и той же науки, посмотримъ теперь, насколько этотъ законъ согласенъ съ фактами, если приложить его къ отдѣльнымъ наукамъ. «Астрономія, говоритъ Контъ въ началѣ III книги, съ своей геометрической стороны, была положительной наукой уже съ самыхъ древнѣйшихъ временъ александрийской школы; между тѣмъ какъ физика, которую мы теперь намѣрены разсмотрѣть, не имѣла вовсе положительнаго характера до тѣхъ поръ, пока Галилей не сдѣлалъ великаго открытія своего о паденіи тяжелыхъ тѣлъ.» На это мы замѣтимъ просто, что это — ложное представленіе, основанное на произвольномъ злоупотребленіи словами — чистая игра словъ. Вознамѣрившись исключить изъ земной физики тѣ законы величины, движенія и положенія, которыя онъ включаетъ въ небесную физику, Контъ показываетъ этимъ, что одна изъ нихъ ни чѣмъ не обязана другой. Однако это не только не можетъ быть допущено, но и радикально не соответствуетъ его собственному плану раздѣленій. Въ началѣ онъ говоритъ (такъ какъ этотъ пунктъ важенъ, то мы приводимъ его въ подлинникѣ): «Pour la *physique inorganique* nous voyons d'abord, en nous conformant toujours à l'ordre de généralité et de dépendance des phénomènes, qu'elle doit être partagée en deux sections distinctes, suivant qu'elle considère les phénomènes généraux de l'univers, ou, en particulier, ceux que présentent les corps terrestres. D'où la physique céleste, ou l'astronomie, soit géométrique, soit mécanique; et la physique terrestre.» (*) Здѣсь слѣдовательно, *неорганическая физика* ясно раз-

(*) «Относительно *неорганической физики*, мы видимъ прежде всего, соображаясь попрежнему съ порядкомъ общности и зависимости явленій, что она должна быть раздѣлена на два самостоятельные отдѣла, смотря по тому, разсматриваетъ ли она общія явленія вселенной, или, въ частности, явленія, представляемыя земными тѣлами. Отсюда небесная физика, или астрономія, какъ геометрическая, такъ и механическая, и земная физика.»

дѣляется на *небесную физику* и *физику земную*, т. е. на явленія, представляемая вселенною, и явленія, представляемая земными тѣлами. Если же небесныя и земныя тѣла представляютъ нѣкоторыя общія главныя явленія (какъ это и есть), то какимъ образомъ можно считать обобщеніе этихъ общихъ явленій принадлежащимъ скорѣе одному классу, нежели другому? Если неорганическая физика включаетъ геометрію (что признаетъ Контъ, помѣщая геометрическую астрономію въ одно изъ ея подраздѣленій, т. е. въ небесную физику) и если ея подраздѣленіе, земная физика, разсуждаетъ о вѣщахъ, имѣющихъ геометрическія свойства; то какимъ образомъ законы геометрическихъ отношеній могутъ быть исключены изъ земной физики? Ясно, что если небесная физика заключаетъ геометрію предметовъ въ небесахъ, то земная физика заключаетъ геометрію предметовъ на землѣ. Если же земная физика включаетъ въ себя земную геометрію, а небесная физика — небесную геометрію, то геометрическая часть земной физики предшествуетъ геометрической части небесной физики; такъ какъ геометрія пріобрѣтаетъ свои первыя идеи изъ окружающихъ предметовъ. До тѣхъ поръ пока люди не изучили геометрическихъ отношеній на земныхъ тѣлахъ, для нихъ невозможно было понять геометрическія отношенія небесныхъ тѣлъ. Точно тоже приходится сказать и о небесной механикѣ, которая имѣетъ свое начало въ земной механикѣ. Самое понятіе о силѣ, лежащее въ основаніи всей механической астрономіи, заимствовано изъ нашихъ земныхъ опытовъ, и главныя законы механическаго дѣйствія, обнаруживающагося на вѣсахъ, рычагахъ, полетѣ брошенныхъ тѣлъ и т. п., должны были быть узнаны прежде, чѣмъ могла начаться динамика солнечной системы. Какими законами пользовался Ньютонъ, выработывая свое великое открытіе? Закономъ паденія тѣлъ, открытымъ Галилеемъ; закономъ сложения силъ, также открытымъ Галилеемъ; закономъ центробѣжной силы, опредѣленнымъ Гюйгенсомъ, — все это представляетъ обобщенія земной физики. Однако, и при этихъ фактахъ Контъ ставитъ астрономію прежде физики въ порядкѣ развитія! Онъ не сравниваетъ между собою геометрическихъ частей той и другой и механическихъ частей той и другой, потому что результатъ такого сравненія не подходилъ бы къ его гипотезѣ. Онъ

сравниваетъ геометрическую часть одной съ механическою частью другой и, такимъ образомъ, даетъ своему положенію подобіе истины. Онъ увлеченъ на ложный путь ошибкою въ словахъ. Еслибъ онъ сосредоточилъ свое вниманіе на вещахъ и пренебрегалъ словами, онъ увидѣлъ бы, что прежде чѣмъ чело-вѣчество научно привело въ порядокъ *какой бы то ни было классъ явленій*, представляющихся въ небесахъ, оно предвари-тельно привело въ порядокъ *параллельный классъ явленій*, пред-ставляющихся на поверхности земли.

Еслибъ нужно было, мы могли бы наполнить десятки страницъ несообразностями Контова плана. Но предъидущихъ при-мѣровъ будетъ достаточно. Его законъ развитія наукъ такъ несостоятеленъ, что, слѣдуя приѣру самого же Конта и произ-вольно игнорируя одинъ классъ фактовъ, можно будетъ пред-ставить весьма правдоподобное обобщеніе, которое будетъ прямо противоположно тому, какое онъ выражаетъ. Тогда какъ онъ ут-верждаетъ, что рациональный порядокъ наукъ, сходный съ поряд-комъ ихъ историческаго развитія, «опредѣляется степенью простоты или—что тоже—степенью общности ихъ явленій», можно утверж-дать напротивъ, что, начиная съ сложнаго и особеннаго, чело-вѣчество идетъ постепенно къ познанію болѣе простаго и болѣе общаго. На это существуетъ такъ много доказательствъ, что Вевель, въ своей «*Исторіи индуктивныхъ наукъ*», дѣлаетъ такого рода общее замѣчаніе: «Читатель уже много разъ видѣлъ въ из-ложеніи этой исторіи, что сложные и производные принципы пред-ставляются умамъ людей прежде простыхъ и элементарныхъ.» Даже изъ собственнаго сочиненія Конта можно выбрать много фактовъ, признаній, аргументовъ, показывающихъ тоже самое. Мы уже ссылались на его слова въ доказательство того, что какъ абстрактная, такъ и конкретная математика шла къ выс-шей степени общности и что надо ожидать впереди еще бо-лѣе высокой общности. Чтобы усилить эту гипотезу, возь-мемъ еще примѣръ. Отъ *частнаго* случая вѣсовъ, законъ равновѣсія которыхъ былъ близко знакомъ самымъ древ-нимъ народамъ, Архимедъ перешелъ къ болѣе *общему* слу-чаю неравноплечаго рычага съ неравными грузами, законъ рав-
 Спенсеръ. *Опыты*, т. I.

новѣсія котораго *включаетъ* законъ вѣсовъ. При помощи Галилея открытія относительно составленія силъ, Д'Аламберъ «установилъ, въ первый разъ, уравненія равновѣсія *какой бы то ни было* системы силъ, приложенныхъ въ разныхъ точкахъ твердаго тѣла,» — уравненія, которыя включаютъ всѣ случаи рычаговъ и безчисленное множество другихъ случаевъ. Ясно, что это прогрессъ къ высшей общности, къ познанію, болѣе независимому отъ частныхъ обстоятельствъ, къ изученію явленій «наиболѣе свободныхъ отъ обстоятельствъ частнаго случая» и составляющихъ, по опредѣленію Конта, «самыя простыя явленія». Изъ общепринятаго факта, что умственный прогрессъ идетъ отъ конкретнаго къ абстрактному, отъ частнаго къ общему, — изъ одного этого факта не вытекаетъ ли уже, что всеобщія и, слѣдовательно, самыя простыя истины должны открываться послѣ всѣхъ? Уравненіе солнечной системы силою, измѣняющеюся обратно пропорціонально квадратамъ разстоянія, не есть ли понятіе болѣе простое, чѣмъ всѣ предшествовавшія ему? Если мы когда-нибудь успѣемъ возвести всѣ порядки явленій къ нѣкоторому единому закону, — положимъ хоть къ закону дѣйствія атомовъ, какъ намекаетъ Контъ, — не долженъ ли этотъ законъ, согласно Конту, быть *независимымъ* отъ всѣхъ другихъ и, слѣдовательно, самымъ простымъ? И не долженъ ли такой законъ обобщить явленія тяжести, сдѣленія, атомическаго сродства и электрическаго отталкиванія, точно такъ какъ законы чиселъ обобщаютъ количественныя явленія пространства, времени и силы?

Возможность сказать такъ много въ подтвержденіе гипотезы, прямо противной гипотезѣ Конта, сразу показываетъ, что его обобщеніе есть только полуистина. Фактъ тотъ, что ни одна изъ этихъ гипотезъ не правильна сама по себѣ, и дѣйствительность выражается только сочетаніемъ ихъ обѣихъ. Прогрессъ науки двойной: онъ вмѣстѣ идетъ отъ частнаго къ общему и отъ общаго къ частному; онъ въ одно и тоже время аналитиченъ и синтетиченъ.

Контъ самъ замѣчаетъ, что развитіе науки совершенно было раздѣленіемъ труда. Но онъ совершенно невѣрно опредѣляетъ

способъ, по которому дѣйствовало это раздѣленіе труда. По его понятію, это было просто—распредѣленіе явленій по классамъ и изученіе каждаго класса отдѣльно. Онъ не признаетъ постояннаго дѣйствія прогресса одного какого-либо класса на *остъ* другіе классы, а признаетъ это дѣйствіе только на классъ, непосредственно слѣдующій въ его іерархическомъ порядкѣ. Или, если онъ случайно и допускаетъ побочныя вліянія и взаимныя сообщенія, то дѣлаетъ это такъ неохотно, такъ быстро теряетъ это изъ виду и забываетъ, что является впечатлѣніе, будто-бы науки, съ незначительными исключениями, помогаютъ одна другой только въ порядкѣ принимаемой имъ послѣдовательности. Дѣло однако въ томъ, что раздѣленіе труда въ наукѣ, подобно раздѣленію труда въ обществѣ и подобно «физиологическому раздѣленію труда» въ индивидуальныхъ организмахъ, было не только спеціализаціей отпавленій, но и постояннымъ вспомошествованіемъ одному отдѣлу со стороны всѣхъ другихъ и всѣмъ со стороны каждаго. Каждый отдѣльный классъ изслѣдователей какъ-бы выдѣлилъ свой собственный частный порядокъ истинъ изъ общей массы матеріала, накопленнаго наблюденіемъ; и всѣ другіе классы изслѣдователей пользовались этими истинами, по мѣрѣ того, какъ онѣ вырабатывались; результатомъ этого была возможность для каждаго успѣшнѣе разрабатывать его собственный порядокъ истинъ. Такъ было въ различныхъ случаяхъ, на которые мы сослались въ опроверженіе теоріи Конта. Такъ было съ примѣненіемъ оптического открытія Гюйгенса къ астрономическому наблюденію Галилея. Такъ было съ приложеніемъ изохронизма маятника къ устройству инструментовъ для измѣренія промежутковъ времени, астрономическихъ и другихъ. Такъ было съ открытіемъ, что преломленіе и разсѣяніе свѣта слѣдуютъ не одному и тому же закону измѣненія: это открытіе имѣло вліяніе какъ на астрономію, такъ и на физиологію, давъ намъ ахроматическіе телескопы и микроскопы. Такъ было, когда Брэдлейво открытіе абераціи свѣта дало ему возможность сдѣлать первый шагъ къ опредѣленію движеній звѣздъ. Такъ было, когда опыты Кавендиша надъ кругительными вѣсами опредѣлили удѣльный вѣсъ земли и такимъ образомъ сообщили намъ данныя

для вычисленія удѣльнаго вѣса солнца и планетъ. Такъ было, когда таблицы атмосферическаго преломленія дали возможность наблюдателямъ записывать дѣйствительныя мѣста небесныхъ тѣлъ вмѣсто ихъ видимыхъ мѣстъ. Такъ было, когда открытiе различнаго расширенія металловъ отъ теплоты дало намъ средства исправлять наши хронометрическія измѣренія астрономическихъ періодовъ. Такъ было, когда линіи призматическаго спектра были употреблены для распознанія небесныхъ тѣлъ, по природѣ похожихъ на солнце, отъ тѣхъ, которыя не сходны съ нимъ. Такъ было съ недавнимъ изобрѣтеніемъ электротелеграфическаго снаряда для болѣе точнаго записыванія меридіональныхъ прохожденій. Такъ было, когда различіе въ ходѣ часовъ подъ экваторомъ и у полюсовъ доставило данныя для вычисленія сплюсченности земли и для расчета предваренія равноденствій. Такъ было, — но больше нѣтъ надобности приводить примѣровъ. При ограниченномъ знаніи исторіи астрономіи, мы могли набрать десять случаевъ, въ которыхъ эта наука обязана своимъ развитіемъ наукамъ, слѣдующимъ за нею въ Ковтовомъ ряду. Нетолько ея второстепенныя ступени, но даже самыя важныя перевороты ея опредѣлялись такимъ образомъ. Кеплеръ не открылъ бы своихъ знаменитыхъ законовъ, еслибы не существовало точныхъ наблюденій Тихо Браге; усовершенствованныя же орудія, при помощи которыхъ сдѣланы эти наблюденія, были возможны только послѣ нѣкотораго прогресса въ физикѣ и химіи. Гелиоцентрическая теорія солнечной системы ожидала изобрѣтенія телескопа для того, чтобы установиться окончательно. Чего же лучше, даже величайшее изъ открытій, открытiе закона тяготѣнія, въ своемъ доказательствѣ зависѣло отъ операціи, входящей въ физику, именно отъ измѣренія градуса на земной поверхности. Эта зависимость была такъ полна, что Ньютонъ *дѣйствительно оставилъ-было свою гипотезу*, такъ какъ длина градуса по тогдашнему опредѣленію приводила къ ложнымъ результатамъ, и, только послѣ обнародованія Пикаромъ болѣе точнаго измѣренія, обратился онъ снова къ своимъ вычисленіямъ и доказалъ свое великое обобщеніе. Эта постоянная взаимность, которую мы, для краткости, указали только въ

одной наукѣ, имѣла мѣсто и во всѣхъ прочихъ. Во все продолженіе развитія наукъ между ними существовала постоянная связь (*consensus*), связь, имѣющая общее соотвѣтствіе со связью способностей въ каждомъ изъ фазисовъ умственного развитія, такъ какъ первыя представляютъ собою объективную дѣтопись субъективнаго состоянія вторыхъ.

Съ нашей настоящей точки зрѣнія идея *линейнаго* распредѣленія наукъ становится, такимъ образомъ, очевидно несостоятельною. Дѣло не въ томъ только, что разобранные нами планы неосновательны, а въ томъ, что науки вообще не могутъ быть законно расположены въ какой бы то ни было линейный порядокъ. Дѣло не въ томъ только, что классификація, какъ говоритъ Контъ, «заключаетъ въ себѣ всегда нѣчто, если не произвольное, такъ по крайней мѣрѣ искусственное,» и не въ томъ, будто-бы—какъ онъ думаетъ увѣрить насъ—помимо маловажныхъ недостатковъ классификація можетъ быть въ сущности вѣрна,—а въ томъ, что всякая группировка наукъ въ преемственномъ порядкѣ даетъ радикально ложную идею объ ихъ генезисѣ и зависимости. «Между множествомъ возможныхъ системъ» не существуетъ «какого-либо *раціональнаго* порядка». «Истинной *филиаціи* наукъ» нѣтъ. Вся гипотеза ложна въ своемъ корнѣ. Въ самомъ дѣлѣ, стоитъ только бросить бѣглый взглядъ на ея происхожденіе, чтобы тотчасъ же увидѣть, какъ она неосновательна. Откуда взялся линейный *рядъ* наукъ? Какое у насъ основаніе предположить, что науки допускаютъ *линейное* распредѣленіе? Гдѣ наше право предполагать, что существуетъ какая-то *преемственность*, въ которую науки могутъ быть поставлены? Для всего этого нѣтъ ни основаній, ни поводовъ. Откуда же, въ такомъ случаѣ, возникло это предположеніе? Пользуясь собственной фразеологіей Конта, мы должны бы назвать такое предположеніе метафизическимъ понятіемъ. Оно прибавляетъ еще одинъ случай къ постоянно встречающимся случаямъ, когда изъ ума человѣческаго дѣлается мѣрило природы. Мы принуждены мыслить послѣдовательно; по законамъ нашего ума мы должны разсматривать предметы отдѣльно—одинъ за другимъ;

поэтому въ самой природѣ долженъ существовать рядовой порядокъ,—поэтому науки должны допускать классификацію въ послѣдовательномъ порядкѣ. Вотъ гдѣ начало данного понятія и единственное доказательство его истинности. Люди принуждены были, располагая въ книгахъ свои планы воспитанія и свои системы знанія, выбрать *тотъ* или *другой* порядокъ. Донскиваясь, какой самый лучшій порядокъ, они естественно пришли къ убѣжденію, что долженъ существовать порядокъ, который бы вѣрно представлялъ факты, т. е. упорствовали въ открытіи такого порядка; но при этомъ они вовсе упустили изъ виду предварительный вопросъ: правдоподобно ли, чтобъ природа примѣнялась къ удобству составленія книгъ. Когда дѣло касается германскихъ философовъ, утверждающихъ, что природа есть «окаменѣлый разумъ», а логическія формы суть основы всѣхъ вещей,—то у нихъ понятна гипотеза, что если мысль линейна, то и природа должна быть линейна; но странно, что Контъ, столь непримиримый противникъ всякаго антропоморфизма даже въ наиболѣе преходящихъ его формахъ, дѣлаетъ подобную ошибку, навязывая виѣшнему міру порядокъ, который такъ явно вытекаетъ изъ ограниченности человѣческаго сознанія. Это покажется еще страннѣе, когда припомнимъ, какъ Контъ замѣчаетъ, что вначалѣ «*toutes les sciences sont cultivées simultanément par les mêmes esprits*»; (*) что это представляется «*inevitable et même indispensable*», (**) и что—какъ онъ далѣе говоритъ—различныя науки представляютъ «*comme les diverses branches d'un tronc unique*». (***) Если не объяснять всего этого извращающимъ вліаніемъ любимой гипотезы, то едвали можно будетъ понять, какимъ образомъ, послѣ признанія подобныхъ истинъ, Контъ въ состояніи былъ настаивать на попыткѣ построить «*une échelle encyclopédique*». (****)

(*) «Всѣ науки разрабатываются одновременно одними и тѣми же умами».

(**) «Неизбѣжнымъ и даже необходимымъ».

(***) «Какъ-бы различныя вѣтви одного общаго ствола».

(****) «Энциклопедическую лѣстницу».

Метафора, которую Контъ такъ непослѣдовательно употребилъ для выраженія отношеній между науками, «вѣтви одного ствола», выражаетъ собою приближеніе къ истинѣ, но не самую истину. Она указываетъ, что науки имѣли общее начало, развивались одновременно и, наконецъ, отъ времени до времени раздѣлялись и подраздѣлялись. Но она не указываетъ еще болѣе важнаго факта, что возникавшія такимъ образомъ дѣленія и подраздѣленія не оставались особнякомъ, а то тамъ, то здѣсь прямо и косвенно снова соединялись. Они выходятъ изъ одного ствола, даютъ и принимаютъ въ разныхъ направленіяхъ связывающіе отпрыски, и эта взаимная связь становится все болѣе тѣсною, болѣе запутанною и болѣе развѣтвленною. Повсюду и постоянно являлись болѣе высокія спеціализаціи, изъ которыхъ могли создаваться болѣе широкія обобщенія; анализъ постоянно углублялся и тѣмъ самымъ совершенствовался синтезъ. Всякое расширеніе обобщеній поднимало спеціализаціи, всякое совершенствованіе синтеза подготавливало путь для болѣе глубокаго анализа.

Теперь мы удобно можемъ приступить къ указанной выше задачѣ—представить очеркъ генезиса науки, разсматриваемой какъ постепенное произрастаніе обыкновеннаго знанія, т. е. какъ расширеніе воспріятій при помощи разума. Мы намѣрены изслѣдовать дѣло, какъ историческое выраженіе психологическаго процесса, указывая въ тоже время переходъ отъ качественного предвидѣнія къ количественному,—прогрессъ отъ конкретных фактовъ къ абстрактнымъ и приложеніе абстрактныхъ фактовъ къ анализу новыхъ порядковъ конкретныхъ фактовъ,—одновременное расширеніе обобщенія и спеціализаціи, — постоянно возрастающее подраздѣленіе и воссоединеніе наукъ и, наконецъ, ихъ непрерывно совершенствующуюся связь (*consensus*).

Понятно, что очеркъ развитія науки съ глубочайшихъ корней ея заключалъ бы въ себѣ полный анализъ духа: потому что, какъ наука есть усовершенствованіе обыкновеннаго знанія, пріобрѣтеннаго помощью невооруженныхъ чувствъ и не-

образованнаго разума, точно такъ же и само это обыкновенное знаніе постепенно создается изъ простѣйшихъ воспріятій. Мы должны поэтому начать нѣсколько отрывочно; самое удобное состояніе, которое мы можемъ взять за точку отправленія, есть возмужалый умъ дикаря.

Начиная такимъ образомъ, безъ надлежащаго предварительнаго анализа, мы естественно находимся въ нѣкоторомъ затрудненіи относительно того, какъ представить, удовлетворительнымъ образомъ, тѣ основные процессы мысли, изъ которыхъ въ окончательномъ результатѣ возникаетъ наука. Можетъ быть, наше разсужденіе было бы лучше начать предложеніемъ, что всякое разсудительное дѣйствіе зависитъ отъ усмотрѣнія различій между окружающими вещами. Добываніе пищи и избѣжаніе опасности возможны для всякаго существа только подъ тѣмъ условіемъ, что различные предметы дѣйствуютъ на него различно, что одинъ предметъ заставляетъ существо дѣйствовать такимъ образомъ, а другой — инымъ. Въ низшихъ порядкахъ существъ это условіе выполняется посредствомъ аппарата, который дѣйствуетъ автоматически. Въ высшихъ порядкахъ дѣйствія частью автоматичны, частью сознательны. Въ человѣкѣ же они почти вполнѣ сознательны. Повсюду, однакоже, должна необходимо существовать извѣстная классификація вещей, сообразно ихъ свойствамъ, классификація, которая или органически располагается въ систему, какъ въ низшихъ существахъ, или составляется путемъ опыта, какъ въ насъ самихъ. Далѣе можно замѣтить, что предѣлы, до которыхъ бываетъ доведена эта классификація, обозначаютъ, въ общихъ чертахъ, степень разумности — т. е. между тѣмъ какъ низшіе организмы въ состояніи идти не много далѣе различенія органическаго вещества отъ неорганическаго, между тѣмъ какъ большая часть животныхъ доводитъ свои классификаціи не далѣе ограниченаго числа растений или существъ, служащихъ имъ пищей, не далѣе ограниченаго числа звѣрей, служащихъ имъ добычей, и ограниченаго числа мѣстъ и матеріаловъ, — наименѣ развитая личность изъ человѣческой расы обладаетъ знаніемъ отличительныхъ свойствъ большаго разнообразія

веществъ, растений, животныхъ, орудій, лицъ и пр., не только какъ классовъ, но и какъ особей.

Каковъ процессъ, посредствомъ котораго совершается классификація? Очевидно, это — познаніе *сходства* или *несходства* вещей, относительно ихъ размѣровъ, цвѣта, формъ, вѣса, строенія, вкуса и пр., или относительно ихъ способовъ дѣйствія. Посредствомъ какой-либо особенной примѣты, звука или движенія, дикарь признаетъ извѣстное четвероногое животное за годное для пищи и способное ловиться извѣстнымъ образомъ, или за опасное, — и дикарь дѣйствуетъ сообразно съ этимъ. Онъ соединилъ въ одинъ классъ все существа *сходныя* въ этой особенности. Очевидно, что при выборѣ дерева, изъ котораго онъ дѣлаетъ свой лукъ, растенія, которымъ онъ отравляетъ свои стрѣлы, кости, изъ которой онъ дѣлаетъ свою удочку, онъ узнаетъ, что, по главнымъ своимъ осязательнымъ свойствамъ, онѣ принадлежатъ къ общимъ классамъ деревьевъ, растений и костей, — но онъ отличаетъ ихъ, какъ принадлежащія къ подклассамъ въ силу извѣстныхъ свойствъ, въ которыхъ онѣ не сходны съ остальными предметами ихъ классовъ; такимъ образомъ образуются роды и виды.

Здѣсь становится очевиднымъ, что не только классификація производится группированіемъ въ умѣ вещей, которыя *сходны*; но что и классы и подклассы составляются и располагаются сообразно *степенямъ несходства*. На низшихъ ступеняхъ развитія различаются только вещи рѣзко противоположныя, какъ это ежедневно можно наблюдать на ребенкѣ. И по мѣрѣ того, какъ способность различенія возрастаетъ, рѣзко противоположныя классы, разграниченные вначалѣ, раздѣляются каждый на подклассы, разнящіеся другъ отъ друга меньше, чѣмъ разнятся классы; эти же подклассы снова распадаются по тому же самому способу. Тѣмъ же самымъ путемъ вещи постепенно распределяются въ группы, члены которыхъ менѣе и менѣе *несходны*; этотъ процессъ заканчивается группами, члены которыхъ различаются только какъ индивиды, но не какъ виды. Такимъ образомъ, въ окончателъномъ результатѣ, все стремится къ тому, чтобы создать понятіе *совершенною сходства*. Ибо, очевидно,

невозможно, чтобы группы постоянно подраздѣлялись въ силу все меньшихъ и меньшихъ различій, не приближаясь, въ тоже время, все болѣе и болѣе къ понятію *безразличія*.

Замѣтимъ здѣсь, что познаніе сходства и несходства, которое лежитъ въ основаніи классификаціи и изъ котораго непрерывное классицированіе развиваетъ идею совершеннаго сходства, — лежитъ такъ же и въ основаніи процесса *наименованія*, а слѣдовательно и *языка*. Всякій языкъ состоитъ вначалѣ изъ символовъ, которые *подобны* означаемымъ ими вещамъ настолько, насколько это возможно. Языкъ знаковъ есть средство сообщенія идей путемъ подражанія дѣйствіямъ и особенностямъ вещей, о которыхъ идетъ дѣло. Языкъ словъ является вначалѣ также средствомъ напоминать предметы или дѣйствія, путемъ подражанія звукамъ, которые производятся предметами или которыми сопровождаются дѣйствія. Первоначально эти два языка употреблялись одновременно. Достаточно только замѣтить тѣлодвиженія, которыми дикарь сопровождаетъ свою рѣчь, видѣть бушмена или каффра драматизирующаго предъ слушателями свой способъ охоты за дичью, или обратить вниманіе на крайнюю бѣдность словаря во всѣхъ первобытныхъ языкахъ, — чтобы понять, что вначалѣ положенія, тѣлодвиженія и звуки одинаково сочетались для произведенія возможно лучшаго *подобія* вещей, животныхъ, лицъ или событій и что по мѣрѣ того, какъ звуки стали пониматься сами по себѣ, тѣлодвиженія вышли изъ употребленія, оставляя однако слѣды въ манерахъ болѣе впечатлительныхъ цивилизованныхъ расъ. Наконецъ, достаточно вспомнить, какъ многія изъ словъ, принятыхъ варварскими народами, сходны съ звуками, принадлежащими означаемымъ предметамъ; какъ многія изъ нашихъ собственныхъ самыхъ древнихъ и самыхъ простыхъ словъ имѣютъ ту же особенность: какъ ребенокъ склоненъ изобрѣтать подражательныя слова, и какъ языкъ знаковъ, самопроизвольно образующійся у глухонѣмыхъ, неизмѣнно основывается на подражательныхъ дѣйствіяхъ, — чтобы сразу отнести начало номенклатуры предметовъ именно къ понятію *сходства*. Еслибъ позволяло мѣсто, мы могли бы указать даже, какъ законъ сходства проявляется не-

только въ происхожденіи, но и въ развитіи языка; какъ въ первобытныхъ языкахъ множественное образовано посредствомъ удвоенія единственнаго, такъ что оно есть умноженіе слова, чтобы сдѣлать его *подобнымъ* множественности вещей; какъ употребленіе метафоръ—этотъ обильный источникъ новыхъ словъ—есть указаніе идей, *подобныхъ*, въ томъ или другомъ отношеніи, идеямъ, которыя должны быть сообщены, и какъ, въ частомъ употребленіи подобія, басни и аллегоріи у народовъ нецивилизованныхъ, проявляется фактъ, что сложныя понятія, для которыхъ нѣтъ еще прямого выраженія въ языкѣ, передаются представленіемъ извѣстныхъ понятій болѣе или менѣе подобныхъ имъ.

Возрѣніе это такъ же какъ и древнее преобладаніе понятія о сходствѣ подтверждаются и выясняются далѣе тѣмъ фактомъ, что наша система передачи идей глазамъ человѣческимъ произошла тѣмъ же самымъ способомъ. Письмо и печатаніе произошли изъ языка живописи. Самый ранній способъ записыванія факта состоялъ въ изображеніи его на стѣнѣ, т. е. въ представленіи чего-то настолько *подобнаго* напоминаемой вещи, насколько это могло быть достигнуто. По мѣрѣ того какъ пріемъ этотъ становился обычнымъ и распространялся, формы, чаще всего повторяемыя, стали постояннѣе и въ тоже время сократились, и, прошедши гіероглифической и идеографической фазисы, символы потеряли всякое видимое отношеніе къ означаемымъ вещамъ, точно также какъ это было съ болшею частью словъ, употребляемыхъ нами.

Замѣтимъ еще, что тоже самое вѣрно и относительно генезиса умозаключенія. *Подобіе*, замѣчаемое между отдѣльными случаями, представляетъ собою сущность всего первоначальнаго умозаключенія и значительной части настоящаго. Дикарь, открывъ опытомъ отношеніе между извѣстнымъ предметомъ и извѣстнымъ дѣйствіемъ, заключаетъ, что *подобное* же отношеніе окажется и въ будущихъ случаяхъ. И выраженія, постоянно употребляемыя нами въ нашихъ доказательствахъ: «по аналогіи слѣдуетъ», «случай не *параллельны*», «разсуждая *точно такимъ же образомъ*», «здѣсь нѣтъ *сходства*»—эти выраженія показываютъ, что идея подобія постоянно лежитъ въ основаніи про-

цессовъ нашего умозаключенія. Это будетъ видно еще яснѣе, когда мы признаемъ фактъ, что существуетъ извѣстный параллелизмъ между умозаключеніемъ и классификаціей, что оба процесса имѣютъ общій корень и что они не могутъ существовать отдѣльно. Съ одной стороны, извѣстно, что приписывать какому-нибудь тѣлу, вслѣдствіе нѣкоторыхъ изъ его свойствъ, всѣ другія свойства, въ силу которыхъ оно относится къ особенно-му классу, составляетъ актъ умозаключенія. Съ другой стороны, образованіе обобщеній представляетъ собой соединеніе въ одинъ классъ всѣхъ тѣхъ случаевъ, которые представляютъ сходныя отношенія; тогда какъ извлеченіе вывода состоитъ въ усмотрѣніи того, что нѣкоторый отдѣльный случай принадлежитъ къ извѣстному классу случаевъ, предварительно обобщенныхъ. Такимъ образомъ, какъ классификація есть группированіе *подобныхъ вещей*, такъ умозаключеніе есть группированіе *подобныхъ отношеній* между вещами. Прибавимъ къ этому, что тогда какъ усовершенствованіе, постепенно достигаемое въ классификаціи, состоитъ въ образованіи группъ *предметовъ*, которыя *совершенно сходны*,—усовершенствованіе, постепенно достигаемое въ умозаключеніи, состоитъ въ образованіи группъ *случаевъ*, которыя *совершенно сходны*.

Мы можемъ прослѣдить это господство идеи сходства и въ искусствѣ. Всякое искусство, какъ среди цивилизованныхъ, такъ и среди дикихъ народовъ, состоитъ почти исключительно въ дѣланіи предметовъ *подобныхъ* другимъ предметамъ, находимымъ въ природѣ, или произведеннымъ прежнимъ искусствомъ. Если мы прослѣдимъ прошедшее различныхъ искусствъ, существующихъ теперь, мы найдемъ, что на каждой ступени уклоненіе отъ прежнихъ образцовъ маловажно въ сравненіи съ сходствомъ, и что въ самомъ раннемъ искусствѣ настойчивость подражанія видна еще болѣе. Древнія формы, орнаменты и символы считались священными и постоянно копировались. Въ самомъ дѣлѣ, сильная склонность къ подражанію, обнаруживаемая, какъ извѣстно, самими низшими человеческими расами, обезпечиваетъ для нихъ возможность постоянно воспроизводить сходства вещей, формъ, знаковъ, звуковъ,

дѣйствій и всего, что доступно подражанію; и мы имѣемъ даже основаніе подозрѣвать, что эта первоначальная особенность связана нѣкоторымъ образомъ съ культурою и развитіемъ того общаго понятія, которое мы нашли столь глубоко и широко распространеннымъ въ его приложеніяхъ.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію того, какъ, посредствомъ дальнѣйшаго развитія этого же самаго основнаго понятія, совершается постепенное образованіе первыхъ зачатковъ науки. Идея подобія, которая лежитъ въ основаніи классификаціи, номенклатуры, языка разговорнаго и письменнаго, умозаключенія и искусства и которая играетъ столь важную роль, такъ какъ всѣ акты разумности возможны только посредствомъ различенія между окружающими вещами и группировки ихъ на сходныя и несходныя, — эта же идея порождаетъ, какъ мы увидимъ, и науку. Уже на описанныхъ нами ступеняхъ существовало *качественное* предвидѣніе относительно болѣе обыкновенныхъ явленій, съ которыми знакома жизнь дикаря; теперь намъ предстоитъ изслѣдовать, какъ развиваются элементы *количественнаго* предвидѣнія. Мы найдемъ, что они возникаютъ путемъ совершенствованія той же самой идеи сходства, что они измѣютъ свое начало въ понятіи *совершеннаго сходства*, которое, какъ мы видѣли, необходимо вытекаетъ изъ продолжающагося процесса классификаціи.

Когда процессъ классификаціи доведенъ до того предѣла, до котораго можетъ довести его нецивилизованный человѣкъ, — когда животное царство раздѣлено не только на четвероногихъ, птицъ, рыбъ и насекомыхъ, но когда каждый изъ этихъ классовъ раздѣленъ на роды, — когда явились подклассы, въ которыхъ члены различаются только какъ особи, но не какъ виды, — ясно, что тогда должно возникнуть частое наблюденіе предметовъ, которые такъ мало разнятся между собою, что не могутъ быть различены. Часто можетъ случиться, что между различными животными, убитыми дикаремъ и привнесенными имъ домой, одно, которое онъ желалъ бы опредѣлить, въ такой точности походитъ на другое, что онъ не можетъ сказать, о которомъ изъ нихъ идетъ дѣло. Такимъ образомъ возникаетъ понятіе *равнства*.

Вещи, которыя у насъ называютъ *равными*, — будутъ ли то линіи, углы, вѣса, температуры, звуки или цвѣта, суть такія вещи, которыя производятъ въ насъ ощущенія не различимыя одно отъ другаго. Справедливо, что мы прилагаемъ теперь слово *равный* главнымъ образомъ къ отдѣльнымъ явленіямъ, которыя обнаруживаются предметами, а не къ группамъ явленій; но это ограниченіе идеи возникло очевидно чрезъ послѣдующій анализъ. Что понятіе равенства произошло именно такимъ образомъ, станетъ, кажется, очевиднымъ, если мы вспомнимъ, что при отсутствіи искусственныхъ предметовъ, отъ которыхъ оно могло быть отвлечено, оно должно было быть отвлечено отъ предметовъ естественныхъ, и что преимущественно различныя семейства животнаго царства доставляютъ тѣ естественные предметы, которые представляютъ требуемую степень сходства.

Тотъ же самый порядокъ опытовъ, изъ котораго развилась эта общая идея равенства, даетъ начало болѣе сложной идеѣ равенства, или — лучше — описанный процессъ производить идею равенства, которую опытъ раздѣляетъ впослѣдствіи на двѣ идеи — *равства вещей* и *равства отношеній*. Между тѣмъ какъ органическія и, въ особенности, животныя формы иногда представляютъ ту полноту сходства, изъ которой возникаетъ понятіе простаго равенства, онѣ представляютъ чаще только тотъ родъ сходства, который мы называемъ *подобіемъ* и который представляетъ собою въ дѣйствительности сложное равенство. Подобіе двухъ существъ того же вида, но различныхъ размѣровъ имѣть ту же самую природу, какъ и подобіе двухъ геометрическихъ фигуръ. Въ томъ и другомъ случаѣ какія-либо двѣ части одного находятся въ томъ же самомъ отношеніи другъ къ другу, какъ соответствующія части другаго. Если во всякомъ данномъ видѣ найдены пропорціи, существующія между костями, то мы можемъ предсказать, какъ и предсказываютъ зоологи, по какой-нибудь одной кости размѣры остальныхъ, точно также какъ зная пропорціи, существующія между частями какой-нибудь геометрической фигуры, мы можемъ по длинѣ одной части вычислить длину другихъ. И если,

относительно геометрическихъ фигуръ, подобіе можетъ быть установлено только посредствомъ доказательства точности пропорціи, существующей между соответственными частями,—если мы выражаемъ отношеніе между двумя частями въ одной фигурѣ и соответственными частями въ другой посредствомъ формулы: A относится къ B какъ a къ b ,—если мы съ другой стороны пишемъ ее: A къ $B = a$ къ b ,—если, слѣдовательно, фактъ, который мы доказываемъ, состоитъ въ томъ, что отношеніе A къ B равно отношенію a къ b ,—то очевидно, что коренное понятіе подобія есть *равенство отношеній*. При такомъ объясненіи, насъ поймутъ, когда мы скажемъ, что понятіе о равенствѣ отношеній есть основаніе всякаго точнаго умозаключенія. Мы уже показали, что умозаключеніе вообще есть познаніе *сходства* отношеній; а здѣсь мы видимъ, что тогда какъ изъ понятія сходства вещей непосредственно развивается идея простаго равенства, изъ понятія сходства отношеній развивается идея равенства отношеній; одна изъ нихъ есть конкретный зародышъ точной науки, другая—ся абстрактный зародышъ. Тѣ, которые не могутъ понять, какъ познаніе подобія въ существахъ одного и того же вида можетъ имѣть какую-нибудь связь съ умозаключеніемъ,—преодоляютъ это затрудненіе, если вспомнить, что явленія, между которыми равенство отношеній такимъ образомъ усмотрѣно, суть явленія того же самаго порядка и представляются чувствамъ въ одно и то же время; тогда какъ явленія, отношенія между которыми усматривается только развитый умъ, не принадлежатъ вообще говоря къ одному порядку и не представляются въ одно время. Если даѣе они вспомнятъ, какъ Кювье и Овэнъ по одной части животнаго, напримѣръ по зубу, строятъ цѣлое животное посредствомъ процесса умозаключенія, основаннаго на этомъ равенствѣ отношеній, то они увидятъ, что эти двѣ вещи связаны тѣсно, сколько бы ни казались онѣ далекими на первый взглядъ. Но мы забѣгаемъ впередъ. Покуда, намъ нужно только замѣтить, что изъ знакомства съ органическими формами одновременно возникаютъ и идея *простаго равенства* и идея *равенства отношеній*.

Въ то же время и путемъ тѣхъ же умственныхъ процессовъ являются первыя ясныя идеи *числа*. На самыхъ ран-

нихъ ступеняхъ представленіе отдѣльныхъ сходныхъ предметовъ производить только неопредѣленное понятіе множественности, это и теперь еще видно между австралійцами, бушменами и дамарасами, когда представляемое число превышаетъ три или четыре. Имѣя такіе факты предъ собою, мы можемъ безопасно заключить, что первое ясное численное понятіе было понятіе двойственности, какъ противоположное единицѣ. И это понятіе двойственности необходимо должно было вырости рядомъ съ понятіями сходства и равенства, потому что невозможно признать сходство двухъ вещей не усмотрѣвъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что ихъ двѣ. Съ самаго начала понятіе числа должно было соединяться, какъ оно до сихъ поръ соединяется, съ сходствомъ и равенствомъ исчисляемыхъ вещей. Анализируя простое счисленіе, мы найдемъ, что оно есть записываніе повторявшихся впечатлѣній какого-нибудь рода. Чтобы эти впечатлѣнія могли быть доступны счисленію, необходимо, чтобы они были болѣе или менѣе сходны; и прежде, чѣмъ можно достигнуть *абсолютно истинныхъ* численныхъ результатовъ, нужно, чтобы единицы были *абсолютно равны*. Единственный путь, которымъ мы можемъ установить какое-нибудь численное сродство между вещами, не производящими на насъ сходныхъ впечатлѣній, состоитъ въ томъ, чтобы раздѣлить ихъ на части, которыя *производили бы* на насъ сходныя впечатлѣнія. Двѣ несходныя величины протяженія, силы, времени, вѣса или чего бы то ни было могутъ быть оцѣнены въ своихъ относительныхъ итогахъ только посредствомъ какой-либо мелкой единицы, которая содержится много разъ въ обѣихъ величинахъ; если мы выражаемъ большую величину единицей и другую — дробью ея, мы опредѣляемъ въ знаменателѣ дроби число частей, на которыя единица должна быть раздѣлена, чтобы допустить сравненіе съ дробью. Справедливо, безъ сомнѣнія, что посредствомъ нѣкотораго, очевидно новаго, процесса отвлеченія, мы иногда прилагаемъ числа къ неравнымъ единицамъ, какъ напр. къ утвари на аукціонѣ, или къ различнымъ животнымъ на фермѣ, — прилагаемъ просто какъ ко многимъ отдѣльнымъ вещамъ; но чрезъ счисленіе единицъ такого рода нельзя получить никакого истиннаго результа-

та. И въ самомъ дѣлѣ, отличительная особенность счисленія вообще состоитъ въ томъ, что оно совершается при гипотезѣ того безусловнаго равенства абстрактныхъ его единицъ, какимъ не обладаютъ никакія реальныя единицы, и что точность его результатовъ держится только въ силу этой гипотезы. Такимъ образомъ первыя идеи числа необходимо произошли изъ сходныхъ или равныхъ величинъ, какія усматриваются главнѣйшимъ образомъ въ органическихъ предметахъ; и такъ какъ подобныя величины, чаще всего наблюдаемыя, были величины протяженія, то надо заключить, что геометрія и ариѳметика имѣютъ одновременное начало.

Нетолько первыя ясныя идеи числа связаны съ идеями подобія и равенства, но и первыя усилія къ счисленію представляютъ то же самое сродство. Читая рассказы о различныхъ дикихъ племенахъ, мы находимъ, что методъ счета посредствомъ пальцевъ, которому еще и теперь слѣдуютъ многія дѣти, есть первобытный методъ. Помимо отдѣльныхъ случаевъ, въ которыхъ способность къ счисленію не достигаетъ даже полнаго числа пальцевъ на одной рукѣ, есть много случаевъ, въ которыхъ она не простирается далѣ десяти,—предѣла простаго означенія посредствомъ пальцевъ. Фактъ, что въ столь многихъ случаяхъ отдаленныя и повидимому несообщающіяся одна съ другой націи приняли *десять* за основаніе численной системы, вмѣстѣ съ фактомъ, что въ остальныхъ случаяхъ основное число есть или *пять* (пальцы одной руки) или *двадцать* (пальцы рукъ и ногъ),—самъ по себѣ почти доказываетъ, что пальцы были первоначальными единицами счисленія. До сихъ поръ удержавшееся употребленіе слова *digit* какъ общаго названія для всякой фигуры въ ариѳметикѣ многозначительно, и даже говорить, что наше слово *ten* (саксонское *tun*, голландское *tien*, нѣмецкое *zehn*) означало въ первоначальной своей формѣ *дѣть руки*. Такъ что въ первобытное время сказать: десять вещей—было тоже самое, что сказать: двѣ руки вещей. Изъ всѣхъ этихъ свидѣтельствъ достаточно ясно, что самый ранній способъ сообщенія идеи какого-нибудь числа вещей состоялъ въ поднятіи столькихъ пальцевъ, сколько было вещей, т. е. въ употребленіи символа, который былъ *равенъ*, въ отно-

шеніи множественности, означаемой группѣ. Безъ сомнѣнія, сильнымъ подтвержденіемъ для этого вывода служить новѣйшій фактъ, что наши солдаты даже и теперь самобытно усвоили себѣ этотъ приѣмъ въ сношеніяхъ съ турками. Надо замѣтить, что въ этомъ новомъ сочетаніи понятія равенства съ понятіемъ множественности, посредствомъ котораго дѣлаются первые шаги въ счисленіи, мы можемъ видѣть одно изъ самыхъ раннихъ соприкосновеній между расходящимися отраслями науки, соприкосновеній, которыя впослѣдствіи постоянно встрѣчаются.

Но прежде чѣмъ прослѣдимъ способъ, которымъ точная наука возникаетъ изъ приблизительныхъ сужденій чувствъ, и прежде чѣмъ покажемъ нелинейность развитія отдѣловъ науки, — полезно будетъ замѣтить нелинейный характеръ тѣхъ предварительныхъ процессовъ, продолженіе которыхъ составляетъ все послѣдующее развитіе. Всякій, кто разсмотритъ эти процессы, увидитъ, что они суть не только расходящіеся отростки отъ общаго корня, не только одновременны въ своемъ развитіи, но что они взаимно помогаютъ другъ другу и что ни одинъ изъ нихъ не можетъ идти впередъ безъ остальныхъ. Полнота классификаціи, для которой прокладываетъ путь развитіе воспріятій, невозможна безъ соответствующаго прогресса въ языкѣ, посредствомъ котораго большее разнообразіе предметовъ становится мыслимо и выразимо. Съ одной стороны невозможно вести классификацію безъ названій, которыми бы обозначались классы, а съ другой — невозможно создать языкъ прежде нежели классифицируются вещи. Далѣе, самое умноженіе классовъ и слѣдующее отсюда стѣсненіе каждаго класса предполагаютъ уже большее сходство между вещами, соединенными въ одинъ классъ; а приближеніе къ понятію совершеннаго сходства само способствуетъ тому, чтобы классификація была доведена до болѣе высокой степени. Сверхъ того, классификація необходимо идетъ впередъ *pari passu* съ рациональностью, т. е. классификація *вещей* съ классификаціей *отношеній*: потому что вещи, принадлежація къ одному и тому же классу, представляютъ, само собою разумѣется, вещи, свойства которыхъ и условія положенія — существованія и послѣдовательности — суть болѣе или

менше тѣ же самыя; а познаніе этого тождества сосуществованія и послѣдовательности есть умозаключеніе. Отсюда слѣдуетъ, что успѣхъ классификаціи необходимо пропорціоналенъ успѣху обобщеній. Но далѣе, изъ понятія *сходства*, какъ въ вещахъ, такъ и въ отношеніяхъ, одновременно развиваются идеи *равенства* вещей и *равенства* отношеній, которыя суть основанія точнаго конкретнаго и точнаго абстрактнаго умозаключенія — математики и логики. Кромѣ того, эта идея равенства, въ самомъ процессѣ своего образованія, даетъ начало двумъ рядамъ отношеній — отношеніямъ величины и отношеніямъ числа, изъ которыхъ возникли геометрія и счисленіе. Такимъ образомъ весь процессъ есть процессъ постоянного подраздѣленія и постоянного взаимнаго сообщенія отдѣловъ. Съ самаго начала существовала та связь различныхъ родовъ познанія, которая соотвѣтствуетъ связи умственныхъ способностей и которая, какъ уже сказано, должна существовать между науками.

Перейдемъ теперь къ наблюденію того, какъ изъ понятій *равенства* и *числа*, образовавшихся указаннымъ способомъ, возникаютъ постепенно элементы количественнаго предвидѣнія.

Равенство, разъ опредѣленно понятое, тотчасъ же начало примѣняться и къ другимъ явленіямъ, помимо явленій величины. Такъ какъ оно оказалось приложимымъ ко всѣмъ вещамъ, производящимъ одинаковыя впечатлѣнія, то естественно возникли идеи о равенствѣ вѣсовъ, звуковъ, цвѣтовъ и т. д. Едвали можно сомнѣваться, что опыты надъ равными вѣсами, звуками и цвѣтами имѣли свою долю участія въ развитіи отвлеченнаго понятія о равенствѣ, т. е. что идеи равенства въ размѣрахъ, отношеніяхъ, силахъ, сопротивленіяхъ и чувствительныхъ свойствахъ вообще, развивались въ продолженіе того же самаго періода. Какъ бы то ни было, но ясно, что какъ скоро понятіе равенства пріобрѣло опредѣленность, такъ низшій родъ количественнаго предвидѣнія, котораго достигаютъ безъ помощи какихъ бы то ни было приборовъ, сдѣлался возможенъ. Способность оцѣнить, какъ бы ни было грубо, величину предвидимаго результата подразумеваетъ понятіе того, что эта величина будетъ *равна* извѣстному воображаемому количеству; и правильность оцѣнки очевидно будетъ зависѣть отъ

точности, до которой достигли воспріятія чувствуемаго равенства. Дикарь съ кускомъ камня въ рукѣ, имѣя предъ собой другой кусокъ большей величины, но того же самаго вида (заключеніе о видѣ онъ выводитъ изъ равенства обоихъ камней по цвѣту и строенію), знаетъ приблизительно, какое усиліе онъ долженъ употребить, чтобы поднять этотъ другой кусокъ; и точность его сужденія пропорціональна точности, съ которою онъ усмотрѣлъ, что одинъ кусокъ вдвое, втрое или вчетверо больше другаго, т. е. пропорціональна точности его идей о равенствѣ и числѣ. И замѣтимъ здѣсь, что даже въ этихъ наиболѣе неопредѣленныхъ изъ количественныхъ предвидѣній заключается также понятіе равенства отношений: ибо даже самое грубое приближеніе можетъ быть достигнуто только въ силу нѣкотораго неопредѣленнаго усмотрѣнія, что отношеніе между объемомъ и вѣсомъ въ одномъ камнѣ равно отношенію между объемомъ и вѣсомъ въ другомъ.

Но какимъ образомъ совершается переходъ отъ этихъ неопредѣленныхъ усмотрѣній равенства, которыя даются вооруженными чувствами, къ тѣмъ опредѣленнымъ усмотрѣніямъ, съ которыми имѣетъ дѣло наука? Онъ совершается посредствомъ сопоставленія сравниваемыхъ вещей. Такъ какъ равенство утверждается о тѣхъ вещахъ, которыя производятъ на насъ неотличимыя одно отъ другаго впечатлѣнія, и такъ какъ точное сравненіе впечатлѣній невозможно, если они не слѣдуютъ непосредственно одно за другимъ, то отсюда вытекаетъ, что возможность установить точность равенства находится въ прямомъ отношеніи къ близости сравниваемыхъ предметовъ. Вслѣдствіе этого, когда мы хотимъ судить о двухъ оттѣнкахъ цвѣта, мы помѣщаемъ ихъ рядомъ; вслѣдствіе этого мы не можемъ съ какою-либо точностью сказать, который изъ двухъ соединенныхъ звуковъ громче или выше въ діапазонѣ, если только звуки не слѣдовали одинъ за другимъ непосредственно; вслѣдствіе этого, желая оцѣнить отношеніе грузовъ, мы беремъ по одному въ каждую руку, чтобы можно было сравнить ихъ давленія, быстро переходя въ мысли отъ одного груза къ другому; вслѣдствіе этого, наконецъ, является фактъ, что изъ всѣхъ ве-

личинъ величины *линейнаго протяженія* суть такія, равенство которыхъ доступно наиболѣе точной повѣркѣ и на которыхъ вслѣдствіе этого сводятся всѣ другія. Особенность линейнаго протяженія состоитъ въ томъ, что оно одно позволяетъ *абсолютно* совмѣстить величины или, лучше, поставить ихъ въ совпадающее положеніе; оно одно можетъ провѣрить равенство двухъ величинъ посредствомъ наблюденія, совпадутъ ли онѣ; какъ совпадаютъ двѣ равныя математическія линіи, проведенныя между тѣми же самыми точками; оно одно можетъ провѣрить *равенство* посредствомъ испытанія того, станетъ ли оно *тоже-ствомъ*. Отсюда вытекаетъ фактъ, что всякая точная наука, въ окончательномъ анализѣ, можетъ быть сведена на результаты, измѣряемые равными единицами линейнаго протяженія.

Остается еще замѣтить, какимъ образомъ возникаетъ это опредѣленіе равенства посредствомъ сравненія линейныхъ величинъ. Мы можемъ тутъ еще разъ убѣдиться, какъ окружающіе естественные предметы служатъ къ тому полезнымъ руководствомъ. Съ самаго начала долженъ былъ существовать постоянный опытъ надъ сходными вещами, расположенными рядомъ, какъ напримѣръ надъ людьми, стоящими и гуляющими вмѣстѣ, надъ животными одного и того же стада, надъ рыбами на одной и той же отмели. Безпрестанное повтореніе этихъ опытовъ не могло не привести къ наблюденію, что чѣмъ ближе находятся какіе-нибудь предметы другъ къ другу, тѣмъ виднѣе становится всякое неравенство между ними. Отсюда понятна привычка прикладывать другъ къ другу тѣ вещи, относительныя величины которыхъ желаютъ узнать. Отсюда же явилась идея *мѣры*. Мы тутъ неожиданно приходимъ къ группѣ фактовъ, которые доставляютъ твердое основаніе для остальнаго разсужденія; они же даютъ сильное доказательство и въ подтвержденіе предъидущихъ умозрѣній. Люди, которые смотрятъ скептически на попытку возстановить самыя раннія эпохи умственнаго развитія и особенно тѣ, которые думаютъ, что относить массу первичныхъ понятій къ органическимъ формамъ есть вещь довольно натянутаая,—увидать, быть можетъ, больше вѣроятности въ различныхъ гипотезахъ, на которыя мы здѣсь отважились, если убѣдятся, что всѣ *мѣры протяженія* и *силы* произошли

изъ долготы и вѣсовъ органическихъ тѣлъ; а всѣ мѣры *времени* — изъ періодическихъ явленій какъ въ органическихъ, такъ и въ неорганическихъ тѣлахъ.

Такимъ образомъ, изъ линейныхъ мѣръ, еврейскій локоть представлялъ *длину передней части руки* отъ локтя до конца среднего пальца; а меньшія библейскія мѣры выражаются въ *ладоняхъ* и *пядяхъ*. Египетскій локоть, происшедшій подобнымъ же образомъ, былъ раздѣленъ на единицы, представлявшія *ширину пальца*; а ширина пальца выражалась болѣе опредѣленно и принималась равною толщинѣ четырехъ *ячменныхъ зеренъ*. Другія древнія мѣры были *обхватъ*, *шагъ* и *ладонь*. Употребленіе этихъ натуральныхъ единицъ длины такъ укоренилось на востокѣ, что даже и теперь нѣкоторые изъ арабовъ мѣряютъ сукно переднею частью руки. Тоже самое было и съ европейскими мѣрами. Со времени римлянъ футъ представляеть преобладающее измѣреніе во всей Европѣ; длина его въ различныхъ мѣстахъ разнообразится немногимъ болѣе, нежели длина ступни различныхъ людей. Высота лошадей еще и теперь выражается *пядями*. Дюймъ есть длина перваго сустава *большаго пальца*, какъ это особенно ясно видно во Франціи, гдѣ *роусе* означаетъ и большой палецъ и дюймъ. Точно такимъ образомъ дюймъ раздѣляется у насъ на три ячменныхъ зерна (*barley corns*). Эти органическія мѣры служили субстратами всякаго измѣренія, и только посредствомъ ихъ мы можемъ составить какую-нибудь оцѣнку нѣкоторыхъ изъ древнихъ разстояній. Напримѣръ, длина градуса земной поверхности, какъ она была опредѣлена арабскими астрономами вскорѣ послѣ смерти Гарунъ-аль-Рашида, равнялась пятидесяти шести милямъ. Объ ихъ милѣ мы не знаемъ ничего, кромѣ того, что она равнялась 4,000 локтей; остается сомнительнымъ, были ли это священные локти, или обыкновенные, но длина локтя дана въ двадцать семь дюймовъ, а каждый дюймъ опредѣлялся толщиною шести ячменныхъ зеренъ. Такимъ образомъ одно изъ самыхъ древнихъ измѣреній градуса дошло до насъ въ ячменныхъ зернахъ. Но длина органическихъ тѣлъ доставляла не только тѣ приблизительныя мѣры, которыя удовлетворяли человѣческимъ нуждамъ въ болѣе грубые

вѣка,—она доставляла такъ же образецъ мѣръ, требовавшихся во времена позднѣйшія. Одинъ примѣръ встрѣчается, между прочимъ, и въ нашей исторіи. Генрихъ I, чтобы исправить господствовавшіе беспорядки, приказалъ, чтобы *una* или древній *ell*, который соотвѣтствуетъ нынѣшнему ярду, равнялась длинѣ *ею* собственной руки.

Мѣры вѣса имѣютъ подобное же происхожденіе. Зерна, какъ жетса, постоянно доставляли единицу. Оригиналь карата, употребляемаго для взвѣшиванія въ Индіи, есть *мелкій бобъ*. Наши собственные системы, какъ аптекарская, такъ и торговая, основаны на зернахъ пшеницы. Нашъ самый мелкій вѣсъ, гранъ, есть *зерно (grain) пшеницы*. Это не умозрѣніе, а исторически записанный фактъ. Генрихъ III постановилъ закономъ, чтобы унція была вѣсомъ въ 640 сухихъ зеренъ пшеницы изъ середины колоса. Такъ какъ всѣ другіе вѣса были кратными по отношенію къ этому, то очевидно, что зерно пшеницы составляетъ основаніе нашего вѣса. Пользоваться органическими тѣлами какъ единицами вѣса, прежде чѣмъ установились искусственныя единицы вѣса, такъ естественно, что въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ частяхъ Ирландіи народъ, говорятъ, имѣетъ обыкновеніе, даже и теперь, ставить на вѣсы человека, чтобы онъ служилъ мѣрою для тяжелыхъ товаровъ.

Тоже самое нужно сказать и объ измѣреніи времени. Астрономическая періодичность и періодичность животной и растительной жизни одновременно употреблялись на первыхъ ступеняхъ прогресса для опредѣленія времени. Простѣйшую единицу времени, день, природа даетъ намъ готовою. Слѣдующій простѣйшій періодъ, мѣсяць, также самъ собою представляется вниманію людей, посредствомъ видимыхъ измѣненій, составляющихъ лунный періодъ. Для дѣленій болѣе обширныхъ, древнѣйшіе и нецивилизованные народы пользовались явленіями временъ года и нѣкоторыми главными событіями, случающимися послѣ извѣстныхъ промежутковъ времени. Такое значеніе у египтянъ имѣло возвышеніе Нила. Ново-зеландцы начинали свой годъ съ появленія плеядъ надъ моремъ. Одна изъ полезныхъ сторонъ, какія древніе греки видѣли въ птицахъ, состояла въ томъ, что, переселеніями сво-

ими, птицы указываютъ времена года. Барроу рассказываетъ, что готтентоты означаютъ періоды числомъ мѣсяцевъ до или послѣ созрѣванія одного изъ главныхъ элементовъ ихъ пищи. Далѣе, онъ утверждаетъ, что у кафэровъ хронологія ведется по лунѣ и записывается посредствомъ зарубокъ на палкахъ, — причемъ смерть любимаго вождя или одержаніе побѣды служатъ новой эрой. Последній фактъ напоминаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что въ первыя эпохи исторіи событія обыкновенно записываются, какъ случившіяся въ извѣстныхъ царствованіяхъ и въ извѣстные годы извѣстныхъ царствованій, — вслѣдствіе чего царствованіе государя практически дѣлается мѣрою времени. Какъ дальнѣйшій примѣръ склонности дѣлать время при посредствѣ естественныхъ явленій и естественныхъ событій можно привести тотъ фактъ, что даже наши поселяне мало употребляютъ опредѣленные дѣленія мѣсяцевъ и годовъ, и въ своихъ разговорахъ обыкновенно ссылаются на событія, какъ напримѣръ: «до стрижки овецъ», «послѣ жатвы», «около того времени, когда скончался сквайръ» и пр. Такимъ образомъ очевидно, что болѣе или менѣе равные періоды, усмотрѣнныя въ природѣ, дали первыя единицы мѣры для времени; точно также какъ болѣе или менѣе равныя протяженія и вѣса въ природѣ дали первыя единицы мѣры для пространства и силы.

Осталось только указать (какъ на дальнѣйшій примѣръ подобнаго же развитія количественныхъ идей), что мѣры цѣнности произошли подобнымъ же образомъ. Мѣна, въ той или другой формѣ, существовала между всѣми человѣческими расами, кромѣ самыхъ низшихъ. Она очевидно основана на понятіи *равенства цѣнности*. Съ постепеннымъ переходомъ мѣны въ торговлю, чрезъ введеніе нѣкотораго рода ходячей монеты, оказывается, что *мѣры цѣнности*, составляющія эту монету, суть органическія тѣла; въ однихъ случаяхъ *куари*, въ другихъ *кокосовые орѣхи*, въ иныхъ *рогатый скотъ*, въ другихъ *свины*; у американскихъ индѣйцевъ *шкура или кожа*, а въ Исландіи *сушеная рыба*.

Когда достигнуты были понятія точнаго равенства и мѣры, явились опредѣленные идеи относительныхъ величинъ, какъ кратныхъ одна другой; а отсюда — привычка измѣрять посредствомъ пря-

маго приложения мѣры. Опредѣленіе линейныхъ протяженій, посредствомъ этого процесса, едвали можетъ быть названо наукой, хотя оно и составляетъ ступень къ ней; но опредѣленіе продолжительности времени посредствомъ аналогичнаго процесса можно разсматривать какъ одинъ изъ самыхъ раннихъ примѣровъ количественнаго предвидѣнія. Когда уже опредѣлено было, что луна совершаетъ циклъ своихъ измѣненій въ періодъ времени около тридцати дней, — а этотъ фактъ извѣстенъ самымъ нецивилизованнымъ изъ племенъ, которыя могутъ считать далѣе числа своихъ пальцевъ, — тогда, очевидно, стало возможнымъ предсказывать, чрезъ какое число дней возвратится данная фаза луны; и очевидно также, что это предвидѣніе совершалось посредствомъ сопоставленія двухъ временъ, по тому же самому способу, какъ линейное протяженіе измѣряется посредствомъ сопоставленія двухъ линій. Выразить лунный періодъ въ дняхъ значитъ сказать, сколько этихъ единицъ мѣры содержится въ измѣряемомъ періодѣ, значитъ опредѣлить разстояніе между двумя точками во времени посредствомъ *ряда дней*, такъ точно, какъ мы опредѣляемъ разстояніе между двумя точками въ пространствѣ посредствомъ ряда футовъ или дюймовъ: въ томъ и другомъ случаѣ рядъ совпадаетъ съ измѣряемою вещью — въ одномъ умственно, въ другомъ видимо. Такимъ образомъ въ этомъ самомъ простомъ и, можетъ быть, самомъ раннемъ случаѣ количественнаго предвидѣнія, явленія не только ежедневно представляются вниманію людей, но природа какъ-бы повторяетъ вѣчно тотъ процессъ измѣренія, чрезъ наблюденіе котораго достигается предвидѣніе. И можетъ-быть есть смыслъ въ замѣчаніи, сдѣланномъ нѣкоторыми, что въ языкахъ еврейскомъ, греческомъ и латинскомъ существуетъ средство между словомъ, означающимъ луну и словомъ, означающимъ мѣру.

Фактъ, что уже на самыхъ раннихъ ступеняхъ общественнаго прогресса было извѣстно, что луна совершаетъ свои измѣненія почти въ тридцать дней и что приблизительно чрезъ двѣнадцать лунъ возвращаются времена года, т. е. тотъ фактъ, что хронологическая астрономія приобрѣтаетъ нѣкотораго рода научный характеръ раньше, нежели геометрія, — обязанъ своимъ существованіемъ частью тому обстоятельству, что астрономическія

дѣленія—день, мѣсяцъ и годъ—даны намъ готовыми въ природѣ, частью же тѣмъ дальнѣйшимъ обстоятельствамъ, что земледѣльческія и другія занятія въ первое время регулировались астрономическими данными и что, кромѣ того, вслѣдствіе предполагавшейся божественности небесныхъ тѣлъ, ихъ движенія опредѣляли періодическія религіозныя празднества. Одно подтвержденіе представляется въ наблюденіи египтянъ, что возвышеніе Нила соотвѣтствовало гелиакальному восхожденію Сиріуса, — въ наставленіи, какое находимъ у Гезіода, касательно жатвы и паханья согласно положенію Плеядъ—и въ положеніи его, что «пятидесятый день послѣ поворота солнца есть благополучное время для начала путешествія». Другаго рода подтвержденіе представляется въ названіи дней по солнцу, лунѣ и планетамъ; въ раннихъ попыткахъ восточныхъ народовъ установить календарь такъ, чтобы боги не были оскорбляемы перемѣщеніемъ ихъ жертвоприношеній, и въ опредѣленіи великаго годичнаго праздника перувіанцевъ сообразно положенію солнца. Во всѣхъ этихъ фактахъ мы видимъ, что наука была первоначально простымъ орудіемъ религіи и промышленности.

Послѣ открытій, что лунный періодъ занимаетъ почти тридцать дней и что около двѣнадцати лунныхъ періодовъ составляютъ годъ,—открытій, о которыхъ нѣтъ историческаго извѣстія, но которыя можно считать самыми ранними, опираясь на тотъ фактъ, что нынѣ существующія нецивилизованныя расы знакомы съ ними,—мы переходимъ къ первымъ извѣстнымъ астрономическимъ замѣткамъ, къ замѣткамъ затмѣній. Халдеи были въ состояніи предсказывать ихъ. «Они дѣлали это,—говоритъ Вевель въ своей прекрасной исторіи, изъ которой извлечена большая часть матеріаловъ, какими мы пользуемся, — вѣроятно посредствомъ ихъ цикла 223 мѣсяцевъ или, приблизительно, осьмнадцать лѣтъ; потому что въ концѣ этого времени затмѣнія луны начинаютъ возвращаться съ тѣми же самыми промежутками и въ томъ же самомъ порядкѣ, какъ и въ началѣ.» Итакъ, этотъ методъ вычисленія затмѣній посредствомъ возвращающагося цикла—*Саросъ*, какъ они называли его—представляетъ болѣе сложный примѣръ предвидѣнія посредствомъ совпаденія мѣрь. Посредствомъ какихъ на-

блюденій халдеи открыли этотъ циклъ? Очевидно, какъ заключаетъ Деламбръ, посредствомъ разсматриванія своихъ списковъ; посредствомъ сравненія послѣдовательныхъ промежутковъ; посредствомъ усмотрѣнія того, что нѣкоторые изъ промежутковъ одинаковы, что эти равные промежутки имѣютъ отдѣльно по осьмнадцати лѣтъ; посредствомъ открытiя того, что *все* промежутки, которые имѣли отдѣльно по осьмнадцати лѣтъ, были равны; посредствомъ познанiя того, что промежутки составляютъ рядъ, который повторяется, такъ что если одинъ циклъ наложить надругой, то дѣленiя совпадутъ. Какъ только это усмотрѣно, такъ становится возможнымъ употреблять циклъ, какъ единицу времени для измѣренiя будущихъ періодовъ. Такимъ образомъ, видя, что процессъ предсказанiя затмѣнiй есть въ сущности такой же, какъ и процессъ предсказанiя мѣсячныхъ измѣненiй луны посредствомъ наблюденiя числа дней, послѣ которыхъ они повторяются,—видя, что оба они различаются только обширностью и неправильностью промежутковъ,—не трудно понять, какъ можно было столь рано достигъ подобной суммы знанiя. Еще менѣе будемъ мы удивляться, если вспомнимъ, что въ этихъ предвидѣнiяхъ ничего не заключается кромѣ *времени* и *числа* и что время было нѣкоторымъ образомъ самосчисляемо.

Однако, способность предсказывать событiя, случающiяся только послѣ столь долгаго періода, какъ осьмнадцать лѣтъ, подразумѣваетъ значительный успѣхъ въ цивилизаціи, значительное развитiе общаго знанiя; и теперь мы разберемъ, какой прогрессъ въ другихъ наукахъ сопровождалъ эти астрономическія предвидѣнiя и былъ необходимъ для нихъ. Впервыхъ, ясно, что должна была существовать довольно удовлетворительная система счисленiя. Одного перечисленiя по пальцамъ или по головамъ, даже съ помощью правильнаго десятичнаго означенiя, было бы недостаточно для счисленiя дней въ одномъ году, а тѣмъ болѣе для вычисленiя годовъ, мѣсяцевъ и дней между затмѣнiями. Слѣдовательно, долженъ былъ существовать способъ записыванiя чиселъ, вѣроятно даже, что существовала система численныхъ знаковъ. Самыя раннiя численныя замѣтки, насколько мы можемъ судить по обычаямъ нынѣ существующихъ нецивили-

зованныхъ расъ, были сохраняемы вѣроятно посредствомъ зарубокъ на палкахъ, или чертъ, означенныхъ на стѣнахъ, какъ сохраняются и теперь еще многіе счеты въ гостинницахъ. Кажется, есть основаніе предполагать, что впервые употребленные численные знаки были просто группы прямыхъ чертъ, какъ нѣкоторые изъ римскихъ, донинѣ еще существующихъ. Это даетъ намъ поводъ подозрѣвать, что эти группы чертъ были употребляемы, чтобы представить группы пальцевъ, точно такъ какъ группы пальцевъ употреблялись для представленія группъ предметовъ,—предположеніе совершенно согласное съ первобытною системою картиннаго письма и ея послѣдующими видоизмѣненіями. Какъ бы то ни было, во всякомъ случаѣ очевидно, что, прежде чѣмъ халдеи открыли свой *Саросъ*, они должны были имѣть какъ рядъ письменныхъ знаковъ, служащихъ для обширнаго счисленія, такъ и знакомство съ простѣйшими правилами ариметики.

Не одна абстрактная математика должна была сдѣлать нѣкоторый успѣхъ, но и конкретная. Едвали возможно, чтобы зданія, относящіяся къ этой эпохѣ, были выстроены безъ всякаго знанія геометріи. Во всякомъ случаѣ, должна была существовать та элементарная геометрія, которая имѣетъ дѣло съ прямымъ измѣреніемъ, т. е. съ приложеніемъ линий. Кажется, только послѣ открытія тѣхъ простыхъ построеній, посредствомъ которыхъ чертятся прямые углы и опредѣляются относительныя положенія, могли явиться такія правильныя постройки. Что касается другаго отдѣла конкретной математики—механики, то мы имѣемъ опредѣленные доказательства ея прогресса. Мы знаемъ, что рычагъ и наклонная плоскость употреблялись уже въ то время, а это указываетъ на существованіе качественного, если не количественнаго, предвидѣнія ихъ дѣйствій. Мало того. Мы встрѣчаемъ разновѣсы въ самыхъ раннихъ памятникахъ и находимъ ихъ въ развалинахъ самой глубокой древности. Разновѣсы предполагаютъ вѣсы, на которые мы также находимъ указаніе. Вѣсы же заключаютъ въ себѣ основную теорему механики въ ея наименѣе сложной формѣ — заключаютъ не только качественное, но и количественное предвидѣніе механическихъ дѣйствій. Здѣсь можно замѣтить, какъ меха-

ника, вмѣстѣ съ другими точными науками, беретъ свое начало отъ самаго простаго приложенія идеи *равенства*. Механическое предложеніе, заключающееся въ вѣсахъ, состоитъ въ томъ, что если на рычагъ съ *равными* плечами повѣшены *равные* разновѣсы, то разновѣсы будутъ оставаться на *равныхъ* высотахъ. Можно замѣтить далѣе, какъ на этой первой ступени раціональной механики представляется поясненіе той истины, на которую мы недавно указали, а именно — что такъ какъ только одни величины линейнаго протяженія допускаютъ точное опредѣленіе, то посредствомъ ихъ опредѣлялись, вначалѣ, равенства всѣхъ другихъ величинъ: ибо если равенство разновѣсовъ, уравновѣшивающихъ другъ друга на вѣсахъ, вполнѣ зависитъ отъ равенства плечъ, то мы можемъ знать, что грузы равны — только доказавъ равенство плечъ. А когда мы подобнымъ путемъ установили систему вѣсовъ, извѣстный рядъ равныхъ единицъ силы, тогда сдѣлалась возможною наука механики. Отсюда необходимо слѣдуетъ, что раціональная механика не могла имѣть какой-либо другой исходной точки, кромѣ вѣсовъ.

Далѣе вспомнимъ, что въ теченіе того же самаго періода существовало уже нѣкоторое знаніе химіи. Многія ремесла, производившіяся тогда, были бы невозможны безъ обобщеннаго опыта о томъ, какимъ образомъ дѣйствуютъ извѣстныя тѣла другъ на друга при данныхъ условіяхъ. Особенно много примѣровъ представляетъ въ этомъ отношеніи металлургія, которою тогда занимались въ обширныхъ размѣрахъ. Мы имѣемъ доказательства, что существовало даже въ извѣстномъ смыслѣ количественное знаніе. Такъ, анализъ показываетъ, что твердый сплавъ, изъ котораго египтяне дѣлали свои острые орудія, составленъ былъ изъ мѣди и олова въ опредѣленныхъ пропорціяхъ; слѣдовательно должно было существовать нѣкоторое установившееся предвидѣніе, что такой сплавъ могъ быть полученъ только чрезъ смѣшеніе металловъ именно въ этихъ пропорціяхъ. Справедливо, что это было простое эмпирическое обобщеніе, но таково же было обобщеніе касательно возвращенія затмѣній, и таковы первыя обобщенія каждой науки.

Относительно одновременности развитія наукъ въ теченіе этой ранней эпохи остается замѣтить только, что даже самая слож-

ная изъ наукъ должна была сдѣлать нѣкоторый успѣхъ, — можетъ быть даже относительно-большій успѣхъ, нежели всѣ остальныя науки: ибо при какихъ условіяхъ возможно было предшествовавшее развитіе? Прежде всего, нужна была установившаяся и организованная социальная система. Рядъ записанныхъ затмѣній, постройка дворцовъ, употребленіе вѣсовъ, занятіе металлургіей, — все это одинаково предполагаетъ сложившуюся и многолюдную націю. Существованіе такой націи предполагаетъ не только законы и нѣкоторое отправленіе правосудія, — что, какъ мы знаемъ, имѣло мѣсто, — но предполагаетъ даже хорошіе законы, законы, сообразные въ извѣстной степени съ условіями устойчивости общества, законы, установленные вслѣдствіе очевидности, что дѣйствія, ими запрещавшіяся, были опасны для государства. Мы никакъ не хотимъ сказать, чтобы всѣ или даже большая часть этихъ законовъ были таковы, — мы говоримъ только объ основныхъ законахъ. Нельзя отрицать, что таковы были законы, касавшіеся жизни и собственности. Нельзя отрицать, что, какъ бы ни была незначительна ихъ обязательность въ отношеніяхъ одного класса къ другому, они были въ значительной степени обязательны для членовъ одного и того же класса. Едва ли можно оспаривать, что примѣненіе этихъ законовъ въ средѣ членовъ одного и того же класса правители почитали необходимымъ для удержанія подданныхъ въ согласіи. Зная, что, при равенствѣ другихъ условій, націи благоденствуютъ соразмѣрно съ справедливостью ихъ учреждений, мы можемъ смѣло заключить, что истинною причиною выхода древнѣйшихъ націй изъ состоянія первобытнаго варварства было болѣе широкое признаніе требованій на жизнь и собственность. Но помимо всѣхъ предположеній, ясно, что обыкновенное признаніе этихъ требованій въ тогдашнихъ законахъ подразумеваетъ нѣкоторое предвидѣніе общественныхъ явленій. Вотъ съ какихъ поръ существовало уже нѣчто вроде социальной науки. Можно даже доказать, что тогда уже существовало неопредѣленное признаніе того основнаго начала, на которое опирается истинная социальная наука, т. е. равенства правъ для всѣхъ на свободное употребленіе своихъ способностей. Та же самая идея равенства, которая, какъ мы видѣли, составляетъ основу всѣхъ дру-

гихъ наукъ, составляетъ также основу этики и социологіи. Понятіе правосудія, которое есть основа этики, и отправленіе его, составляющее жизненное условіе социальнаго существованія, невозможны безъ признанія нѣкотораго сходства въ человѣческихъ требованіяхъ въ силу общей человѣчности людей. *Справедливость* (equity) буквально значитъ *равность* (equalness); такимъ образомъ допустивъ, что въ эти первобытныя времена существовала хотя самая неопредѣленная идея справедливости, должно допустить, что существовала нѣкотораго рода оцѣнка равенства свободы людей на добываніе себѣ предметовъ жизни, а слѣдовательно опредѣленіе существеннаго принципа національнаго равновѣсія.

Такимъ образомъ уже на этой начальной ступени положительныхъ наукъ — прежде чѣмъ геометрія успѣла перейти за нѣсколько эмпирическихъ правилъ, прежде чѣмъ механика пошла далѣе своей первой теоремы, прежде чѣмъ астрономія изъ чисто-хронологическаго фазиса перешла въ геометрическую, — наиболѣе запутанная изъ наукъ (социологія) достигла извѣстной степени развитія, развитія, безъ котораго невозможенъ былъ прогрессъ въ другихъ наукахъ.

Замѣтимъ мимоходомъ, какъ уже въ этотъ ранній періодъ прогрессъ точной науки шелъ не только къ увеличенію числа предвидѣній, но и къ предвидѣніямъ болѣе точно-количественнымъ: какъ въ астрономіи періодъ возвращающихся лунныхъ движеній мало по малу сведенъ былъ къ болѣе вѣрному количеству времени — девятнадцати годамъ или двумъ ста мъ тридцати пяти луннымъ періодамъ; какъ далѣе Каллипъ исправилъ этотъ Метоническій циклъ — опустивъ одинъ день въ концѣ каждаго семьдесятъ шестаго года; какъ, наконецъ, эти послѣдовательные успѣхи предполагаютъ болѣе продолжительное записываніе наблюденій и соглашеніе болѣе значительнаго числа фактовъ. Указавъ на это, перейдемъ къ изслѣдованію вопроса о томъ, какъ получила свое начало геометрическая астрономія. Первымъ астрономическимъ инструментомъ былъ гномонъ. Онъ не только рано былъ употребляемъ на востокѣ, но найденъ былъ и у мексиканцевъ; посредствомъ него были сдѣланы астрономическія наблюденія перувианцевъ. Исторія говоритъ, что за 1100 лѣтъ до Р. X.

китайцы нашли, что, на известномъ мѣстѣ, длина солнечной тѣни, въ лѣтнее солнцестояніе, находится въ такомъ же отношеніи къ высотѣ гномона, какъ полтора къ осьми. Здѣсь опять мы видимъ не только то, что инструментъ находится готовымъ, но и то, что природа сама постоянно совершаетъ процессъ измѣренія. Всякій укрѣпленный стоячій предметъ—столбъ, сухая пальма, жердь, уголь зданія—служитъ гномономъ; и нужно только замѣчать измѣняющееся положеніе тѣни, имъ бросаемой, чтобы сдѣлать первый шагъ въ геометрической астрономіи. Какъ незначителенъ былъ этотъ первый шагъ, можно видѣть изъ того, что вначалѣ узнаны были только періоды зимняго и лѣтняго солнцестояній, соответствовавшіе самой меньшей и самой большей длинѣ полуденной тѣни, для опредѣленія которыхъ стоило только ежедневно отмѣчать точку, какой достигала тѣнь. Нельзя не замѣтить, что въ наблюденіи, въ какое время въ теченіе слѣдующаго года тѣнь снова дойдетъ до крайняго предѣла, и въ выводѣ, что солнце достигло тогда той же самой поворотной точки въ своемъ годовомъ пути, мы имѣемъ одинъ изъ самыхъ простыхъ примѣровъ того совокупнаго употребленія *равныхъ величинъ* и *равныхъ отношеній*, посредствомъ котораго достигается всякая точная наука, всякое количественное предвидѣніе. Когда замѣчено было отношеніе между длиною солнечной тѣни и положеніемъ солнца на небѣ, явился выводъ, что если въ слѣдующій годъ оконечность солнечной тѣни достигла той же самой точки, то и солнце заняло то же самое мѣсто: т. е. идеи, заключавшіяся здѣсь, были—равенство тѣней и равенство отношеній между тѣнью и солнцемъ въ теченіе нѣсколькихъ годовъ подрядъ. И здѣсь, какъ въ дѣлѣ вѣсовъ, установившееся равенство отношеній было самаго простаго порядка. Это не то равенство, съ которымъ обыкновенно имѣютъ дѣло въ высшихъ родахъ научнаго разсужденія и которое соответствуетъ общему типу: отношеніе между двумя и тремя равняется отношенію между шестью и девятью. Нѣтъ, это равенство слѣдуетъ типу: отношеніе между двумя и тремя равняется отношенію между двумя и тремя; тутъ дѣло идетъ не просто о *равныхъ* отношеніяхъ, но объ отношеніяхъ *совпадающихъ*. И здѣсь, безъ сомнѣнія, мы видимъ

прекрасное поясненіе того, какъ идея равныхъ отношеній возникаетъ тѣмъ же самымъ путемъ, какъ и идея равныхъ величинъ. Какъ показано уже, идея равныхъ величинъ возникаетъ изъ наблюдаемаго совпаденія двухъ долготъ, сопоставленныхъ рядомъ; а въ данномъ случаѣ мы имѣемъ не только двѣ совпадающія длины тѣней, но и два совпадающихъ отношенія между солнцемъ и тѣнями.

Изъ употребленія гномона естественно выросло понятіе объ угловыхъ измѣреніяхъ и съ успѣхомъ геометрическихъ концепцій явились гемисфера Бегроз, равноденственное кольцо, солнцестоятельное кольцо и квадрантъ Птоломея; во всѣхъ этихъ приборахъ тѣнь служила указателемъ положенія солнца, но въ соединеніи съ угловыми дѣленіями. Слѣдить за этими подробностями прогресса очевидно лежитъ внѣ нашей задачи. Достаточно будетъ замѣтить, что во всѣхъ ихъ мы можемъ видѣть то понятіе равенства отношеній болѣе сложнаго рода, которое лучше всего выяснилось въ астролябii, инструментѣ, состоявшемъ «изъ кругообразныхъ ободовъ, движущихся одинъ внутри другаго, или около полюсовъ, и содержащемъ круги, которые должны приводиться въ положеніе эклиптики и плоскости, проходящей чрезъ солнце и полюсы эклиптики», — въ инструментѣ, слѣдовательно, представлявшемъ, какъ-бы въ модели, относительныя положенія извѣстныхъ воображаемыхъ линій и плоскостей на небѣ; онъ дѣйствовалъ посредствомъ приведенія этихъ представляющихъ линій и плоскостей въ параллелизмъ и совпаденіе съ небесными, и въ своемъ употребленіи основывался на идеѣ, что отношенія между этими представлявшими линіями и плоскостями *равны* отношеніямъ между представляемыми линіями и плоскостями. Еслибъ позволяло мѣсто, мы могли бы указать далѣе, что понятіе о небѣ, какъ вращающейся полой сферѣ, открытіе шарообразной формы земли, изясненіе фазъ луны и всѣ послѣдующіе шаги предполагаютъ въ себѣ тотъ же самый умственный процессъ. Но мы должны удовольствоваться указаніемъ на теорію эксцентриковъ и эпицикловъ, какъ на болѣе отчетливое выясненіе этого. Предложенная и доказанная въ первый разъ Гиппархомъ, съ цѣлью доставить объясненіе глав-

ныхъ неправильностей въ небесныхъ движеніяхъ, эта теорія заключаетъ понятіе, что прогрессіи, регрессіи и варіаціи скорости, видимыя въ небесныхъ тѣлахъ, могутъ быть примирены съ ихъ предполагаемымъ однообразнымъ движеніемъ въ кругахъ посредствомъ предположенія, что земля находится не въ центрѣ ихъ орбитъ, или посредствомъ предположенія, что они обращаются въ кругахъ, которыхъ центры обращаются вокругъ земли, или посредствомъ того и другаго предположенія вмѣстѣ взятыхъ. Открытіе того, что такъ должны быть объясняемы явленія, было ни что иное какъ открытіе, что въ нѣкоторыхъ геометрическихъ фигурахъ отношенія были таковы, что однообразное движеніе точки, если на него смотрѣть съ извѣстнаго положенія, будетъ представлять аналогичныя неправильности; и вычисленія Гиппарха такимъ образомъ предполагаютъ вѣрованіе, что отношенія, существующія между этими геометрическими кривыми, *равны* отношеніямъ, существующимъ между небесными орбитами.

Оставляя здѣсь эти подробности астрономическаго прогресса и философію его, замѣтимъ, какъ относительно-конкретная наука геометрической астрономіи, поддерживаемая до тѣхъ поръ развитіемъ геометріи вообще, въ свою очередь воздѣйствовала на нее и была также причиною ея успѣха,—и затѣмъ снова пользовалась ея помощію. Гиппархъ, до составленія своихъ солнечныхъ и лунныхъ таблицъ, открылъ правила для вычисленія отношеній между сторонами и углами треугольниковъ — открылъ *тригонометрію*, под-классъ чистой математики. Далѣе, приведеніе теоріи о шарѣ къ количественной формѣ, нужное для астрономическихъ предположеній, требовало образованія *сферической тригонометріи*, которое было также совершено Гиппархомъ. Такимъ образомъ и прямолинейная и сферическая тригонометрія, части весьма абстрактной и простой науки о протяженіи, оставались неразвившимися до тѣхъ поръ, пока мѣлѣе отвлеченная и болѣе сложная наука небесныхъ движеній не стала нуждаться въ нихъ. Фактъ, принимаемый Контомъ, что со времени Декарта прогрессъ абстрактнаго отдѣла математики опредѣлялся прогрессомъ конкретнаго отдѣла, этотъ фактъ сто-

ить въ параллели съ еще болѣе знаменательнымъ фактомъ, что даже и ранѣе того прогрессъ математики опредѣлялся прогрессомъ астрономіи. Здѣсь намъ представляется примѣръ той истины, которая часто выясняется въ исторіи наукъ, — истины, что прежде чѣмъ абстрактный отдѣлъ подвинется впередъ, конкретный отдѣлъ долженъ породить необходимость этого движенія, долженъ представить новый рядъ вопросовъ, требующихъ разрѣшенія. Прежде чѣмъ астрономія представила Гиппарху задачу солнечныхъ таблицъ, не было ничего, что возбудило бы вопросъ объ отношеніяхъ между линіями и углами, и предметъ тригонометріи былъ не мыслимъ. И, такъ какъ долженъ существовать предметъ прежде, чѣмъ можетъ быть изслѣдованіе, то понятно, что прогрессъ конкретного отдѣла такъ же необходимъ для прогресса абстрактнаго, какъ прогрессъ абстрактнаго для прогресса конкретнаго.

Замѣтимъ также мимоходомъ, что эпоха, описываемая нами, была свидѣтелемъ развитія алгебры, сравнительно абстрактнаго отдѣла математики, посредствомъ соединенія меиѣ абстрактныхъ отдѣловъ ея, геометріи и ариѳметики, — фактъ, доказанный самими древними изъ дошедшихъ до насъ проявленій алгебры, наполовину алгебраическихъ, наполовину геометрическихъ. Замѣтивъ это, перейдемъ къ указанію, какъ въ продолженіе той же эпохи, въ которую астрономія и математика сдѣлали такъ много успѣховъ, раціональная механика сдѣлала свой второй шагъ, и какъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сдѣланъ былъ первый шагъ для сообщенія количественной формы гидростатикѣ, оптикѣ, гармоникѣ. Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы опять увидимъ, какъ идея равенства лежитъ въ основаніи всякаго количественнаго предвидѣнія и въ какихъ простыхъ формахъ эта идея примѣнялась вначалѣ.

Мы показали уже, что первая установленная теорема въ механикѣ была та, что равные разновѣсы, повѣшенные на рычагъ съ равными плечами, останутся въ равновѣсіи. Архимедъ открылъ, что рычагъ съ неравными плечами оставался въ равновѣсіи, когда одна тяжесть относилась къ своему плечу такъ, какъ другое плечо — къ своей тяжести, т. е. когда чис-

ленное отношеніе между одной тяжестью и ея плечомъ было *равно* численному отношенію между другимъ плечомъ и его тяжестью.

Первымъ успѣхомъ въ гидростатикѣ, которымъ мы также обязаны Архимеду, было открытіе, что жидкости давятъ *равно* во всѣхъ направленіяхъ, и отсюда слѣдовало разрѣшеніе проблемы погруженныхъ въ жидкости тѣлъ, именно, что тѣла эти находятъ въ равновѣсіи—когда давленія сверху и снизу *равны*.

Въ оптикѣ греки нашли, что уголъ паденія равенъ углу отраженія; и познаніе ихъ достигло не далѣе тѣхъ простыхъ выводовъ изъ этого, какіе допускались ихъ геометрией. Въ гармоникѣ они узнали тотъ фактъ, что три струны *равной* длины дадутъ октаву, квинту и кварту, когда онѣ натянуты тяжестями, имѣющими извѣстныя опредѣленныя отношенія; на этомъ почти и остановилось дѣло. Въ одномъ случаѣ мы видимъ, что геометрія употреблена для изъясненія законовъ свѣта, а въ другомъ, что геометрія и ариѳметика примѣнены къ измѣренію явленной звука.

Еслибъ позволяло мѣсто, полезно было бы описать здѣсь состояніе наукъ, менѣе подвинувшихся,—указать, какъ, въ то время, когда немногое достигло такимъ образомъ первыхъ ступеней количественнаго предвидѣнія, прогрессъ остальнаго ограничивался только качественнымъ предвидѣніемъ,—обозначить, какъ были сдѣланы нѣкоторыя незначительныя обобщенія относительно испаренія, теплоты, электричества и магнетизма, обобщенія, которыя, какъ бы они ни были эмпиричны, не различались въ этомъ отношеніи отъ первыхъ обобщеній каждой изъ наукъ, — указать, какъ греческіе физики сдѣлали успѣхи въ физиологій и патологій, которыми никакъ нельзя пренебрегать, имѣя въ виду несовершенство нашего настоящаго познанія, — какъ зоологія была настолько систематизирована Аристотелемъ, что, до нѣкоторой степени, давала ему возможность, по присутствію извѣстныхъ органовъ, предсказывать присутствіе другихъ,—какъ въ «*Политикѣ*» Аристотеля есть нѣкоторый прогрессъ къ научному пониманію социальныхъ явленій и разныя предвидѣнія относительно такихъ явленій,—и какъ, наконецъ, въ состояніи гре-

ческаго общества, равно какъ и въ сочиненіяхъ греческихъ философъ, мы можемъ признать, не только возрастающую ясность въ понятіи равенства, на которомъ основана социальная наука, но и нѣкоторое признаніе того факта, что социальная устойчивость зависитъ отъ поддержанія справедливыхъ учреждений. Мы могли бы, наконецъ, остановиться на причинахъ, замедлявшихъ развитіе нѣкоторыхъ наукъ, какъ напримѣръ химіи; причемъ указали бы, что относительная сложность ничего не значить въ этомъ дѣлѣ, — что окисленіе куска желѣза есть болѣе простое явленіе, чѣмъ возвращеніе затмѣній, — что открытіе угольной кислоты менѣе трудно, чѣмъ открытіе предваренія равноденствій, — но что относительно-медленный успѣхъ химическихъ познаній былъ слѣдствіемъ частью того факта, что явленія химіи не такъ назойливо представлялись вниманію людей, какъ явленія астрономіи; частью того факта, что природа не всегда доставляетъ средства и не всегда указываетъ способы изслѣдованія, какъ это дѣлается въ наукахъ, занимающихся временемъ, протяженіемъ и силой; частью того факта, что значительной доли матеріаловъ, съ которыми имѣетъ дѣло химія, не было подъ рукою, что они стали извѣстны только чрезъ искусства, медленно возраставшія, и наконецъ частью того факта, что химическія свойства ихъ не обнаруживаются сами собою, но открываются путемъ опыта.

Но довольствуясь однимъ намекомъ на всѣ эти соображенія, перейдемъ къ разсмотрѣнію прогресса и взаимнаго вліянія наукъ въ новѣйшее время. Мимоходомъ замѣтимъ, что послѣ возрожденія наукъ, послѣдовательныя ступени ихъ развитія обнаруживали тотъ же самый законъ, который мы здѣсь указали, — что основная идея динамики, постоянная сила, была опредѣлена Галилеемъ какъ сила, которая производитъ *равныя* скорости въ *равныя* послѣдовательныя времена, — что единообразное дѣйствіе тяжести было впервые опредѣлено опытно, чрезъ показаніе того, что время, протекшее до тѣхъ поръ пока тѣло, брошенное вверхъ, остановилось, *равно* времени, употребленному имъ на паденіе, — что первый фактъ въ сложномъ движеніи, узанный Галилеемъ, былъ тотъ, что тѣло, брошен-

ное горизонтально, будетъ имѣть равномерное движеніе впередъ и равномерно ускоренное движеніе внизъ, т. е. будетъ описывать *равныя* горизонтальныя пространства въ *равныя* времена, въ связи съ *равными* вертикальными ускореніями въ *равныя* времена, — что его открытіе относительно маятника состояло въ томъ, что колебанія маятника занимаютъ *равныя* промежутки времени, какова бы ни была величина ихъ размаховъ, — что принципъ дѣйствительныхъ скоростей, установленный имъ, состоялъ въ томъ, что во всякой машинѣ тяжести, уравнивающія одна другую, относятся взаимно такъ, какъ ихъ дѣйствительныя скорости, т. е. отношеніе одного ряда тяжестей къ ихъ скоростямъ *равняется* отношенію другого ряда скоростей къ ихъ тяжестямъ, — и что такимъ образомъ его заслуга состояла въ томъ, что онъ доказалъ *равенство* извѣстныхъ величинъ и отношеній, которое не было признано до того времени.

Когда механика достигла точки, до которой довелъ ее Галлей, — когда простые законы силы были высвобождены отъ тренія и атмосфернаго сопротивленія, которыми опутываются всѣ ихъ земныя проявленія, — когда прогрессирующее знаніе *физики* дало надлежащее понятіе объ этихъ возмущающихъ причинахъ, — когда посредствомъ вѣкотораго усилія отвлеченія усмотрѣно было, что всякое движеніе будетъ однообразно и прямолинейно, если въ него не будутъ вмѣшиваться внѣшнія силы, и когда были выработаны различныя слѣдствія изъ этого усмотрѣнія, — тогда стало возможнымъ, посредствомъ соединенія геометріи и механики, начать физическую астрономію. Геометрія и механика, разошедшіяся отъ одного общаго корня въ чувственныхъ опытахъ людей, развивавшіяся порознь, соединявшіяся иногда снова, одна — отчасти въ связи съ астрономіей, другая только посредствомъ анализированія земныхъ движеній, соединяются теперь въ изслѣдованіяхъ Ньютона, чтобы создать истинную теорію небесныхъ движеній. И здѣсь мы замѣчаемъ также тотъ важный фактъ, что въ процессѣ совокупнаго приведенія этихъ наукъ въ соприкосновеніе съ астрономическими проблемами, онѣ сами поднялись до болѣе высокаго фазиса развитія. Только имѣя дѣло съ вопросами, возбужденными небесной дидактикой, Ньютонъ

и его континентальные преемники положили начало вычисленію безконечно малыхъ; только изъ изслѣдованій по части механики солнечной системы получили свое начало общія теоремы механики, содержащіяся въ «*Principia*», изъ которыхъ многія имѣютъ чисто-земное примѣненіе. Такимъ образомъ, какъ показано на Гиппархѣ, представленіе нашему анализу новаго ряда конкретныхъ фактовъ вело къ открытію новаго ряда абстрактныхъ фактовъ; а эти абстрактные факты, будучи поняты, дали средства достигнуть безчисленныхъ группъ конкретныхъ фактовъ, дотолѣ не допускавшихъ количественнаго къ нимъ отношенія.

Между тѣмъ, физика достигла того прогресса, безъ котораго, какъ только-что было показано, раціональная механика не могла выясниться. Въ гидростатикѣ Стевинъ распространилъ и приложилъ открытіе Архимеда. Торричелли открылъ атмосферное давленіе, «показавъ, что это давленіе поддерживаетъ различныя жидкости на высотахъ обратно пропорціональныхъ ихъ плотностямъ»; а Паскаль «опредѣлилъ неизбежное уменьшеніе этого давленія на возрастающихъ высотахъ въ атмосферѣ», — открытія, которыя отчасти привели эту вѣтвь науки къ количественной формѣ. Даниэль Бернулли сдѣлалъ многое для динамики жидкостей. Термометръ былъ изобрѣтенъ, и съ его помощью достигли нѣкотораго числа мелкихъ обобщеній. Гюйгенсъ и Ньютонъ достигли значительнаго успѣха въ оптикѣ; Ньютонъ вычислилъ приблизительную быстроту передачи звука; а континентальные математики слѣдовали за нимъ въ опредѣленіи нѣкоторыхъ изъ законовъ звуковыхъ колебаній. Магнетизмъ и электричество были значительно двинуты впередъ Джильбертомъ. Химія дошла до взаимной нейтрализаціи кислотъ и щелочей. Леонардо-да-Винчи достигъ въ геологіи до идеи объ отложеніи морскихъ слоевъ, какъ о причинѣ появленія ископаемыхъ. Для нашей настоящей цѣли нѣтъ надобности сообщать частности. Намъ занимаетъ здѣсь только выясненіе связи (*consensus*), существующей на этой ступени развитія, такъ же какъ и впоследствии. Разсмотримъ нѣсколько случаевъ.

Теоретическій законъ скорости звука, выраженный Ньютономъ на основаніи чисто-механическихъ соображеній, былъ найденъ

ошибочнымъ на одну шестую. Ошибка оставалась необъясненною до временъ Лапласа, который, подозрѣвая, что теплота, освобожденная сжатіемъ волнующихся слоевъ воздуха, сообщаетъ добавочную упругость воздуху и такимъ образомъ производитъ уклоненіе, сдѣлалъ нужныя вычисленія и нашелъ, что онъ былъ правъ. Такимъ образомъ акустика была задержана въ своемъ развитіи, пока термологія не догнала ее и не помогла ей. Когда Бойль и Мариотъ открыли отношеніе между плотностью газовъ и давленіемъ, которому они подвержены, и когда, такимъ образомъ, стало возможнымъ вычислить степень уменьшенія плотности въ верхнихъ слояхъ атмосферы, стало такъ же возможнымъ создать и приблизительныя таблицы атмосфернаго преломленія свѣта. Такимъ образомъ оптика и вмѣстѣ съ нею астрономія двинулись впередъ съ барологіею. Затѣмъ открытіе атмосфернаго давленія привело къ изобрѣтенію воздушнаго насоса Отто Герике; и послѣ того какъ стало извѣстнымъ, что испареніе увеличивается въ быстротѣ по мѣрѣ уменьшенія атмосфернаго давленія, Лесли получилъ возможность посредствомъ испаренія въ пустое пространство, произвести величайшій изъ извѣстныхъ холодовъ и такимъ образомъ распространить наше познаніе термологіи показаніемъ, что нѣтъ абсолютнаго нуля въ предѣлахъ нашихъ изслѣдованій. Когда Фурье опредѣлилъ законы теплопроводимости и когда нашли, что температура земли увеличивается однимъ градусомъ на каждые сорокъ ярдовъ глубины отъ поверхности, явились данныя для заключенія касательно прошедшаго состоянія нашего шара; касательно громаднаго періода, употребленнаго имъ на охлажденіе; касательно громадной древности солнечной системы, — а это есть уже чисто-астрономическое соображеніе. Когда химія настолько подвинулась, чтобы доставить нужныя матеріалы, а одинъ физиологическій опытъ далъ необходимый намекъ, — произошло открытіе гальваническаго электричества. Гальванизмъ, дѣйствуя обратно на химію, открылъ металлическія основанія щелочей и тѣмъ освѣтилъ электро-химическую теорію; въ рукахъ Эрстеда и Ампера онъ привелъ къ законамъ магнитнаго дѣйствія; помощью его Фарадей открылъ знаменательные факты относительно состава свѣта. Брю-

стергово открытіе двойнаго преломленія и диполаризаціи доказало существенную вѣрность классификаціи кристаллическихъ формъ по числу осей, показавъ, что молекулярный составъ зависитъ отъ осей. Въ этихъ и многихъ другихъ случаяхъ взаимное вліяніе наукъ было совершенно независимо отъ всякаго предположеннаго іерархическаго порядка. Часто также ихъ взаимодействие было болѣе сложно, нежели представляютъ эти примѣры, т. е. обнимало болѣе двухъ наукъ. Одного поясненія для этого будетъ достаточно. Мы приведемъ его цѣликомъ изъ «Исторіи Индуктивныхъ Наукъ». Въ XI книгѣ, главѣ II, о «Прогрессъ электрической теоріи» Вевель говоритъ:

«Такимъ образомъ въ этотъ періодъ математика была позади опыта и представлялась задача, для рѣшенія которой не доставало теоретически-численныхъ результатовъ и не могло быть получено ихъ для сравненія съ наблюденіемъ; такъ было въ астрономіи съ теоріей всеобщаго тяготѣнія до времени приближительнаго рѣшенія проблемы трехъ тѣлъ и слѣдующаго затѣмъ составленія лунныхъ и планетныхъ таблицъ. Спустя нѣкоторое время электрическая теорія освободилась отъ этого упрека главнѣйшимъ образомъ вслѣдствіе прогресса, который астрономія произвела въ чистой математикѣ. Около 1801 г. явилось въ «*Bulletin des Sciences*» точное рѣшеніе проблемы распрежденія электрической жидкости на сферидѣ, полученное Біо чрезъ приложеніе особенныхъ методовъ, изобрѣтенныхъ Лапласомъ для проблемы фигуры планетъ. А въ 1811 г. Пуассонъ приложилъ приемъ Лапласа къ случаю двухъ сферъ, дѣйствующихъ одна на другую въ соприкосновеніи, къ случаю, къ которому относились многіе опыты Кулона; и согласіе результатовъ теоріи и наблюденія, выведенное такимъ образомъ изъ чиселъ Кулона, полученныхъ сорокъ лѣтъ ранѣе, было дѣйствительно поразительно и убѣдительно.»

Науки дѣйствовали другъ на друга не только этимъ прямымъ способомъ, но и косвеннымъ. Тамъ, гдѣ нѣтъ зависимости, есть все-таки аналогія — *равенство отношеній*; и открытіе отношеній, существующихъ между однимъ рядомъ явленій, постоянно побуждаетъ искать тѣхъ же самыхъ отношеній между другимъ рядомъ. Такимъ образомъ установленный фактъ, что сила тяготѣнія измѣняется обратно-пропорціонально квадратамъ разстоянія, будучи признанъ необходимой характеристикой всѣхъ вліяній, идущихъ отъ

извѣстнаго центра, возбудилъ предположеніе, что свѣтъ и теплота слѣдуютъ одному и тому же закону, которое оправдалось на дѣлѣ и повторилось относительно электрическихъ и магнетическихъ силъ. Далѣе, открытіе поляризаціи свѣта повело къ опытамъ, окончившимся открытіемъ поляризаціи теплоты, открытіемъ, которое никакъ не могло быть сдѣлано безъ предшествующаго. Такимъ же образомъ преломляемость свѣта и теплоты недавно повела къ изслѣдованію, не преломляется ли также звукъ, что и начинается подтверждаться опытомъ. (*) Во многихъ случаяхъ только съ помощью понятій, полученныхъ изъ одного класса явленій, становится возможнымъ образованіе гипотезъ относительно другихъ классовъ. Теорія, принимавшая, что испареніе есть раствореніе воды въ воздухѣ, была предположеніемъ, что отношеніе между воздухомъ и водою подобно отношенію между водою и солью; а это никакъ не могло бы быть представлено, еслибъ не было предварительно узнано отношеніе между солью и водою. Подобнымъ же образомъ теорія испаренія, приписывающая его разлитію частицъ испаряющейся жидкости въ силу ихъ атомистическаго отталкиванія, не могла бы быть принята безъ предшествующаго опыта магнетическихъ и электрическихъ отталкиваній. Эта связь между науками, причиною которой была или естественная запутанность явленій, или аналогія въ отношеніяхъ явленій, стала въ повѣйшее время столь полной, что едвали встрѣчается какое-нибудь значительное открытіе относительно одного порядка фактовъ безъ того, чтобы оно весьма скоро не повело къ открытіямъ относительно другихъ порядковъ.

Чтобы дать достаточно полное понятіе объ этомъ процессѣ научнаго развитія, нужно бы возвратиться къ началу и подробно прослѣдить развитіе классификацій и номенклатуръ, показать, какъ онѣ, въ качествѣ помощниковъ науки, дѣйствовали на нее и какъ она дѣйствовала обратно на нихъ. Но здѣсь мы можемъ только замѣтить, что, съ одной стороны, классификаціи и но-

(*) Писано въ 1854 г.

менклатуры помогали наукѣ постоянными подраздѣленіями предметовъ изслѣдованій, сообщеніемъ опредѣленности открытымъ истинамъ и распространеніемъ ихъ, и что, съ другой стороны, сами онѣ обязаны наукѣ своей возрастающей количественностью, и тѣмъ переходомъ отъ соображеній, касающихся единичныхъ явленій, къ соображеніямъ, касающимся отношеній между нѣсколькими явленіями, который былъ указанъ выше. Касательно послѣдняго вліянія необходимо дать нѣсколько поясненій. Въ химіи изъ фактовъ видно, что дѣленіе матеріи на четыре элемента было основано единственно на свойствѣ тяжести; что первое истинно-химическое дѣленіе на кислоты и щелочи сгруппировывало тѣла, которыя не просто имѣли одно общее свойство, но въ которыхъ одно свойство постоянно имѣло отношеніе ко многимъ другимъ, и что классификація, принятая теперь, группируетъ вмѣстѣ тѣла на *поддерживающія горныя, металлическія и неметаллическія основанія, кислоты, соли* и пр.,— тѣла, которыя часто совершенно не одинаковы по своимъ ощутительнымъ свойствамъ, но сходны между собою въ большинствѣ ихъ *отношеній* къ другимъ тѣламъ. Далѣе, въ минералогіи первыя классификаціи были основаны на различіяхъ въ видѣ, строеніи и другихъ физическихъ атрибутахъ. Берцеліусъ сдѣлалъ двѣ попытки классификаціи, основанной единственно на химическомъ составѣ. Классификація, принятая теперь, признаетъ насколько возможно *отношенія* между физическими и химическими признаками. Въ ботаникѣ классы, составленные ранѣе всѣхъ, были *деревья, кустарники и травы*; основаніемъ различія была величина. Dioscoridъ раздѣлилъ растенія на *ароматическія, питательныя, цѣлебныя и винныя*,— дѣленіе, имѣющее химическій характеръ. Цезальпинъ классифицировалъ ихъ по сѣменамъ и сѣмяннымъ сосудамъ, на основаніи *отношеній*, которыя онъ нашелъ между особенностями плодовыхъ частей и общимъ характеромъ другихъ частей. Тогда какъ «естественная система», развившаяся впоследствии, выхода изъ теоріи Линнея, что «естественные порядки должно составлять обращая вниманіе не на одну или двѣ, а на *всѣ* части растеній», основываетъ свои дѣленія на такихъ одинаковыхъ особенностяхъ, которыя находятся въ по-

стоянномъ отношеніи къ самому большому числу другихъ сходныхъ между собою особенностей. Подобнымъ образомъ и въ зоологіи послѣдовательныя классификаціи, опредѣлявшіяся первоначально внѣшними и часто второстепенными признаками, не указывающими на существенную природу, съ теченіемъ времени все болѣе и болѣе стали опредѣляться тѣми внутренними и основными особенностями, которыя имѣютъ однообразныя отношенія къ наибольшему числу другихъ различій. Мы не будемъ удивлены этой аналогіей между видами прогресса положительной науки и классификаціи, если будемъ помнить, что какъ та, такъ и другая идутъ путемъ образованія обобщеній; что какъ та, такъ и другая даютъ намъ возможность дѣлать предвидѣнія, различающіяся только по своей точности, и что, тогда какъ одна имѣетъ дѣло съ равными свойствами и отношеніями, другая занимается свойствами и отношеніями, которыя въ различныхъ степеняхъ приближаются къ равенству.

Безъ дальнѣйшихъ доказательствъ будетъ, кажется, достаточно ясно, что ни одна изъ наукъ не развивалась отдѣльно, что ни одна изъ нихъ не является логически или исторически независимою, но что всѣ онѣ, въ большей или меньшей степени, требовали помощи и сами оказывали ее. Въ самомъ дѣлѣ нужно только устранить гипотезы и разсматривать сложный характеръ окружающихъ явленій, чтобы сразу же увидѣть, какъ въ дѣйствительности эти понятія о дѣленіи и послѣдовательности въ родахъ знанія невѣрны: это только научныя фикціи — полезныя, если смотрѣть на нихъ какъ на пособія для изученія, — вредныя, если считать ихъ представляющими реальности въ природѣ. Разбирая вопросъ критически, мы не найдемъ фактовъ, которые бы представлялись нашимъ чувствамъ внѣ всякой комбинаціи, — мы не найдемъ фактовъ, которые бы, хотя въ нѣкоторой степени, не были превращены другими сопровождающими фактами — превращены такимъ образомъ, что должно отчасти понять все, прежде нежели можетъ быть понято что-нибудь одно. Если намъ скажутъ, какъ это сдѣлалъ Контъ, что сила тяготѣнія должна быть разсматриваема прежде другихъ силъ, потому что всѣ вещи подвержены ей, — то на подобныхъ же основаніяхъ мож-

но сказать, что прежде всего слѣдовало бы говорить о теплотѣ: такъ какъ термическія силы дѣйствуютъ повсюду, такъ какъ способность извѣстной доли матеріи обнаруживать видимыя явленія тяготѣнія зависятъ отъ свойствъ ея связи, которыя обусловливаются теплотою; такъ какъ только при помощи термолוגіи можно объяснить тѣ кажущіяся уклоненія отъ закона тяготѣнія, которыя представляютъ паръ и дымъ, и такимъ образомъ установить всеобщность его, и, наконецъ, такъ какъ самое существованіе солнечной системы въ твердой формѣ есть, конечно, настолько же вопросъ теплоты, сколько и вопросъ тяготѣнія. Возьмемъ другіе случаи: всѣ явленія, познаваемые при помощи зрѣнія, основнаго изъ дѣятелей, посредствомъ которыхъ узнаются данныя точной науки, усложнены бываютъ оптическими явленіями и не могутъ быть всесторонне узнаны до тѣхъ поръ, пока неизвѣстны начала оптики. Горѣніе свѣчи не можетъ быть объяснено безъ химіи, механики, термолוגіи. Любой вѣтеръ опредѣляется вліяніями частью солнечными, частью лунными, частью гигрометрическими и, для объясненія своего, требуетъ знанія равновѣсія жидкостей и физической географіи. Направленіе, наклоненіе и колебанія магнитной стрѣлки суть факты наполовину земные, наполовину небесные; они обусловлены земными силами, имѣющими циклы измѣненій, соотвѣтствующіе астрономическимъ періодамъ. Теченіе гольфстрема и ежегодный наплывъ ледяныхъ горъ къ экватору, завися отъ уравновѣшенія центростремительныхъ и центробѣжныхъ силъ, требуетъ для своего объясненія знакомства съ вращеніемъ земли и ея сфероидальной формой, также какъ и съ законами гидростатики, относительными плотностями холодной и теплой воды и съ ученіемъ объ испареніи. Несомнѣнно, справедливо, какъ говоритъ Коптъ, что «наше положеніе въ солнечной системѣ, движенія, форма, размѣры и равновѣсіе массы нашего міра между планетами должны быть узнаны прежде, чѣмъ мы можемъ понять явленія, происходящія на его поверхности.» Но, къ большому несчастью для его гипотезы, справедливо также и то, что мы должны понять бѣольшую часть явленій, происходящихъ на этой поверхности, прежде, чѣмъ мы могли узнать ея положеніе и пр. — въ солнечной

системъ. Нетолько тѣ геометрическія и механическія начала, посредствомъ которыхъ объясняются небесныя явленія, были впервые обобщены на основаніи земныхъ опытовъ, но даже самое полученіе точныхъ данныхъ, на которыхъ основываются астрономическія обобщенія, предполагаётъ успѣхи земной физики. Пока оптика не сдѣлала значительнаго успѣха, Коперникова система оставалась только умозрѣніемъ. Всякое новое наблюденіе надъ звѣздою должно подвергнуться тщательному анализу общаго строя различныхъ наукъ, должно *перевариться* *организмомъ наукъ*, которыя порознь уподобятъ подлежащія имъ части наблюденія, — и должно подвергнуться этому прежде, чѣмъ фактъ, содержащійся въ немъ, станетъ полезенъ для дальнѣйшаго развитія астрономіи. Это нужно замѣтить нетолько относительно нутаціи земной оси и предваренія равноденствій, но и относительно абераціи и рефракціи. Составленіе таблицъ, по которымъ вычисляется рефракція, предполагаетъ знаніе закона уменьшенія плотности въ верхнихъ слояхъ атмосферы, закона уменьшенія температуры и вліянія ея на плотность и гигрометрическихъ законовъ, также дѣйствующихъ на плотность. Такимъ образомъ, чтобы пріобрѣсти матеріалы для дальнѣйшаго успѣха, астрономія требуетъ нетолько посредственной помощи тѣхъ наукъ, которыя управляютъ приготовленіемъ усовершенствованныхъ инструментовъ, употребляемыхъ ею, но и прямой помощи оптики, барологіи, термолוגіи, гигрометріи. Если мы вспомнимъ, что тонкія наблюденія ся въ иныхъ случаяхъ были записаны посредствомъ электричества и что они были исправлены относительно «личнаго уравненія», т. е. относительно времени, проходящаго между моментомъ наблюденія и записываніемъ, измѣняющагося у различныхъ наблюдателей, — то мы можемъ присовокупить къ числу помощниковъ даже ученіе объ электричествѣ и психологію. Если же такая повидимому простая вещь, какъ опредѣленіе положенія одной звѣзды, усложнена столь многими вліяніями, то ясно, что понятіе о независимости наукъ вообще или нѣкоторыхъ изъ нихъ не должно имѣть мѣста. Независимы ли онѣ объективно, или нѣтъ, онѣ не могутъ быть субъективно независимыми, т. е. онѣ не могутъ быть независимыми для вашего сознанія, — а это единственный роль не-

зависимости, который касается насъ. Здѣсь, прежде чѣмъ оставить эти поясненія и преимущественно послѣднее, надо указать, какъ ясно они обнаруживаютъ ту возрастающе-дѣятельную связь наукъ, которая характеризуетъ ихъ успѣшное развитіе. Помимо того, что, въ послѣднее время, открытіе въ одной наукѣ обыкновенно давало толчекъ прогрессу въ другихъ, — помимо того, что большая часть вопросовъ, съ которыми имѣетъ дѣло современная наука, такъ смѣшанны, что для своего рѣшенія требуютъ совокупной дѣятельности многихъ наукъ, — помимо всего этого въ послѣднемъ случаѣ мы находимъ, что для одного хорошаго наблюденія въ области самой чистой изъ естественныхъ наукъ необходима была соединенная помощь полудюжины другихъ наукъ.

Быть можетъ, самаго яснаго понятія о взаимно-обусловливаемомся возрастаніи наукъ можно достигнуть разсмотрѣніемъ развитія ремеслъ и искусствъ, развитія, съ которымъ этотъ прогрессъ строго аналогиченъ и неразрывно связанъ. Въ разные времена люди наиболѣе способные должны были поражаться обширнымъ рядомъ antecedентовъ, предполагаемыхъ любымъ изъ нашихъ мануфактурныхъ производствъ. Прослѣдимъ производство ситца и разсмотримъ все, что предполагается этимъ продуктомъ. Много нужно было послѣдовательныхъ улучшеній, пока ткацкій станокъ достигъ настоящаго его совершенства; сюда входитъ паровая машина, приводящая его въ дѣйствіе и ведущая свою длинную исторію со времени Плиния; сюда входятъ токарный станокъ, на которомъ былъ приготовленъ цилиндръ машины, и рядъ старинныхъ орудій, отъ которыхъ происходитъ этотъ станокъ; сюда входитъ паровой молотъ, подъ которымъ заваренъ былъ шатунъ ея; сюда входятъ пудлинговые и доменные печи, каменноугольные копи и желѣзные рудники, доставляющіе сырой матеріалъ; сюда входятъ тѣ медленно усовершенствовавшіяся средства и приспособленія, при помощи которыхъ фабрика выстроена, освѣщена и снабжена вентиляціею; сюда входитъ печатная машина, красильня и лабораторія для приготовления красокъ съ ея запасомъ матеріаловъ со всѣхъ частей свѣта, предполагающихъ въ свою очередь воздѣлываніе кошеници, порубку кам-

пешеваго дерева и разведеніе индиго; сюда входятъ инструменты, употребляемые на плантаціяхъ хлопка, снаряды для его очистки и сложныя машины, которыми онъ придется; сюда же относятся корабли, на которыхъ доставляется хлопокъ и которые предполагаютъ кораблестроеніе, канатныя и парусныя фабрики, якорные заводы; помимо же всѣхъ этихъ прямо необходимыхъ условій—изъ которыхъ каждое заключаетъ въ себѣ много другихъ—нужно имѣть въ виду тѣ учрежденія, въ коихъ приобретаются требуемыя свѣдѣнія, печатаніе и опубликованіе необходимыхъ извѣстій, наконецъ, социальную организацію, которая сдѣлала возможнымъ столь сложное участіе различныхъ дѣятелей. Дальнѣйшій анализъ показалъ бы, что многія искусства, участвующія такимъ образомъ въ экономическомъ производствѣ дѣтскаго платья, въ свою очередь достигли теперешняго состоянія своего медленными шагами, при помощи другихъ искусствъ; такой анализъ показалъ бы также, какъ съ самаго начала эта взаимность постоянно возрастала. Впрочемъ, стоитъ только принять въ соображеніе, съ одной стороны, до какой степени невозможно для дикаря, даже при готовой рудѣ и углѣ, сдѣлать такую простую вещь, какъ желѣзный топоръ; какъ съ другой стороны даже сто лѣтъ тому назадъ въ Англии за отсутствіемъ гидравлическаго пресса было бы невозможно поднимать трубы Британскаго моста, — чтобы сразу же увидѣть, какъ искусства взаимно зависятъ другъ отъ друга и какъ необходимо развитіе всѣхъ для успѣха одного изъ нихъ. Точно такимъ же образомъ — науки входятъ одна въ другую. На дѣлѣ онѣ неразрывно вотканы въ ту же самую ткань искусствъ и только условно независимы. Первоначально, наука и практическое искусство составляли одно. Какъ опредѣлить религиозныя празднества, когда сѣять, какъ вѣсить товары, какимъ образомъ измѣрить почву—все это чисто-практическіе вопросы, изъ которыхъ возникли астрономія, механика и геометрія. Съ тѣхъ поръ шло постоянное сплетеніе наукъ и искусствъ между собою. Наука снабжала искусства болѣе вѣрными обобщеніями и болѣе полными количественными предвидѣніями. Искусства снабжали науку лучшими матеріалами и болѣе со-

вершенными инструментами. Эта взаимная зависимость становилась все тѣснѣе и тѣснѣе не только между наукою и искусствомъ, но и между самими искусствами и между самими науками. Какъ полно повсюду выдерживается аналогія, покажется еще яснѣе, когда мы убѣдимся, что *науки суть искусства одна для другой*. Если, какъ это встрѣчается почти на каждомъ шагу, фактъ, анализируемый какою-нибудь наукою, долженъ быть сперва подготовленъ, т. е. освобожденъ отъ возмущающихъ фактовъ посредствомъ напередъ открытыхъ методовъ другихъ наукъ; то понятно, что эти другія науки, употребляемыя такимъ образомъ, стоятъ въ положеніи искусствъ. Если при рѣшеніи какой-нибудь динамической задачи чертится параллелограммъ, котораго стороны и діагональ представляютъ силы, и посредствомъ замѣщенія массъ силы массами протяженія устанавливается измѣряемое отношеніе между количествами, которыя иначе не даются въ руки,—то можно смѣло сказать, что геометрія играетъ ту же самую роль относительно механики, какую играетъ огонь литейщика относительно металла, который онъ готовится плавить. Если, анализируя явленія цвѣтныхъ колець, окружающихъ точку соприкосновенія между двумя выпуклыми стеклами, какой-нибудь Ньютонъ опредѣляетъ путемъ вычисленія извѣстныя промежуточныя разстоянія слишкомъ мелкія для непосредственнаго измѣренія, то онъ употребляетъ науку числа существенно для той же самой цѣли, для которой часовщикъ употребляетъ инструменты. Если астрономъ, прежде чѣмъ записать свое наблюденіе надъ звѣздою, отдѣляетъ отъ него все ошибки, вытекающія изъ атмосферныхъ и оптическихъ законовъ, то очевидно, что таблицы преломленія, книги логарифмовъ и формулы, которыми онъ послѣдовательно пользуется, служатъ ему такъ же какъ реторты, фильтры и тигли служатъ пробирщику, желающему отдѣлить чистое золото отъ всѣхъ его примѣсей. Въ самомъ дѣлѣ родство такъ тѣсно, что невозможно сказать, гдѣ начинается наука и оканчивается искусство. Все инструменты естествоиспытателя суть произведенія искусства; приспособленіе каждаго изъ нихъ есть также искусство; производить наблюденіе при помощи одного изъ нихъ опять-таки

искусство; для того, чтобы обращаться съ фактами, уже опредѣленными, требуется особое искусство; даже употребленіе установившихся обобщеній для открытія пути новымъ обобщеніямъ можетъ быть разсматриваемо какъ искусство. Въ каждомъ изъ этихъ случаевъ знаніе предварительно организованное становилось орудіемъ, посредствомъ котораго добывалось новое знаніе. Будетъ ли это предварительно организованное знаніе воплощено въ осязаемый аппаратъ или въ формулу—въ этомъ случаѣ дѣло касается не столько предметовъ, сколько существеннаго отношенія прежняго знанія къ новому. Если — какъ вѣроятно никто не станетъ отрицать — искусство есть примѣненное знаніе, то та часть научнаго изслѣдованія, которая состоитъ изъ примѣннаго знанія, есть искусство. Такъ что мы можемъ даже сказать, что, какъ скоро какое-нибудь предвидѣніе въ наукѣ выходитъ изъ своего первоначальнаго пассивнаго состоянія и употребляется для достиженія другихъ предвидѣній, оно переходитъ изъ теоріи въ практику, становится наукою въ дѣйствіи, становится искусствомъ. Такимъ образомъ, вида, до какой степени условно обыкновенное различіе между наукою и искусствомъ; до какой степени невозможно сдѣлать какое-либо реальное разграниченіе; вида не только то, что наука и искусство первоначально были одно, что искусства постоянно помогали другъ другу, что существовала постоянная взаимность помощи между науками и искусствами, — но и то, что науки дѣйствуютъ относительно другъ друга какъ искусства и что въ одной и той же наукѣ опредѣлившаяся часть становится въ положеніе искусства относительно еще возрастающей части, — вида, наконецъ, какъ тѣсна эта связь, — мы должны будемъ явнѣе повать, что подобно тому, какъ связь искусствъ другъ съ другомъ постоянно становилась все болѣе и болѣе близкою; подобно тому, какъ помощь, оказываемая наукою искусствамъ и искусствами наукамъ, съ теченіемъ времени все увеличивалась — должна была и взаимная зависимость самыхъ наукъ возрастать все болѣе и болѣе, отношенія ихъ усложняться сильнѣе и сильнѣе, связь ихъ становиться все болѣе и болѣе дѣятельною.

Оканчивая здѣсь нашъ очеркъ генезиса науки, мы сознаемъ, что далеко не исчерпали всего предмета. Двѣ трудности лежали намъ на пути: первая — необходимость коснуться столь разнообразныхъ вопросовъ въ такой небольшой статьѣ, вторая — необходимость разсматривать въ линейномъ порядкѣ процессъ нелинейный, трудность, которой всегда будутъ подвержены всѣ попытки обозначить процессы развитія, каковъ бы ни былъ ихъ специальный характеръ. Нужно прибавить къ этому, что для того, чтобы представить даже очеркъ столь обширной и сложной исторіи, очеркъ, который имѣлъ бы хотя какую-нибудь полноту и соразмѣрность, — для этого нужны цѣлые годы ученыхъ занятій. Тѣмъ неменѣе мы думаемъ, что указанныя доказательства достаточны для подтвержденія главныхъ положеній, которыя мы высказали въ началѣ. Изслѣдованіе о первыхъ ступеняхъ науки подтверждаетъ заключеніе, извлеченное нами изъ анализа науки, какъ она существуетъ теперь, — заключеніе, что наука не представляетъ чего-либо отдѣльнаго отъ обыкновеннаго знанія, а есть только отростокъ его, что она есть расширение воспріятія при помощи разсудка. То, что составляетъ — какъ показали дальнѣйшій анализъ — болѣе специфическую особенность научныхъ предвидѣній, противопоставленныхъ предвидѣніямъ необразованнаго ума, а именно: ихъ количественность — характеризуетъ одинаково какъ первые, такъ и всѣ послѣдующіе шаги въ наукѣ. Факты и допущенія, которыя приводились для того, чтобы опровергнуть положеніе, что науки слѣдуютъ одна за другою какъ логически, такъ и исторически, въ порядкѣ ихъ убывающей общности, — были усилены различными примѣрами, какіе мы имѣли подъ руками; примѣры эти показали, что болѣе общія или абстрактныя науки дѣлали успѣхи только вслѣдствіе побужденія наукъ болѣе специальныхъ и конкретныхъ, — что болѣе общая наука обязана своимъ прогрессомъ представленію новыхъ задачъ наукою болѣе специальной, въ той же мѣрѣ, какъ и болѣе специальная наука обязана своимъ прогрессомъ рѣшеніямъ, къ достиженію которыхъ была приведена такимъ образомъ болѣе общая наука, — что, слѣдовательно, поступательное движеніе науки шло сколько отъ частнаго къ общему, столько же и отъ общаго къ

частному. Въ совершенномъ согласіи съ этимъ положеніемъ, мы думаемъ, находятся допущенія, что науки суть какъ-бы вѣтви общаго ствола и что первоначально онѣ разрабатывались одновременно. Это стало еще яснѣе, когда мы показали не только то, что науки имѣютъ одинъ общій корень, но и то, что вообще наука имѣетъ общій корень съ языкомъ, классификаціей, умозаключеніемъ, искусствомъ; что въ продолженіе всей цивилизации они подвигались впередъ вмѣстѣ, дѣйствуя и воздействуя другъ на друга точно такъ же, какъ это имѣетъ мѣсто между отдѣльными науками, и что, такимъ образомъ, развитіе ума во всѣхъ его дѣленіяхъ и подраздѣленіяхъ сообразовалось съ тѣмъ самымъ закономъ, съ которымъ сообразовалось, какъ мы показали, развитіе наукъ. Изъ всего этого мы можемъ усмотрѣть, что науки не съ бѣльшимъ удобствомъ могутъ быть распределены въ послѣдовательный рядъ, нежели языкъ, классификація, умозаключеніе, искусство или одна какая-нибудь наука; что хотя рядъ можетъ быть удобенъ для книгъ и каталоговъ, но его нужно признавать только какъ удобство, и что наконецъ установленіе іерархіи далеко не есть обязанность философіи наукъ, напротивъ ея долгъ состоитъ въ томъ, чтобы показать, что ни одно изъ линейныхъ распределеній, какія необходимы для ученыхъ цѣлей, не имѣетъ никакого основанія ни въ природѣ, ни въ исторіи.

Есть еще одно замѣчаніе, которое мы не должны опустить, это — замѣчаніе касательно важности вопроса, разбираемаго здѣсь. Къ несчастью обыкновенно случается, что предметы съ такимъ абстрактнымъ характеромъ пренебрегаются какъ неимѣющие практической важности; и мы не сомнѣваемся, что многіе будутъ почитать весьма мало важнымъ то, какая теорія относительно генезиса науки можетъ быть принята. Но значеніе истинъ часто бываетъ соразмѣрно широтѣ ихъ общности. Какъ бы они ни казались далекими отъ пракческаго примѣненія, высочайшія обобщенія бываютъ нерѣдко наиболѣе могущественными въ своихъ дѣйствіяхъ, въ силу вліянія на тѣ подчиненныя обобщенія, которыя управляютъ практикою. Тоже должно быть и здѣсь. Правильная теорія историческаго развитія наукъ, когда

бы она ни была установлена, должна имѣть громадное вліяніе на воспитаніе, а чрезъ воспитаніе и на цивилизацію. Расходясь съ Контонъ во многихъ другихъ отношеніяхъ, мы согласны съ нимъ въ томъ мнѣніи, что воспитаніе индивида, правильно веденное, должно имѣть нѣкоторое соотвѣтствіе съ развитіемъ расы. Разсматривая факты, указанныя нами въ поясненіе первыхъ ступеней науки, нельзя не признать *необходимости* тѣхъ процессовъ, посредствомъ которыхъ были достигнуты эти ступени,—необходимости, которая относительно главныхъ истинъ можетъ быть прослѣжена подобнымъ же образомъ на всѣхъ послѣдующихъ ступеняхъ. Эта необходимость, происходящая изъ самой природы явленій, подлежащихъ анализу, и способностей, употребляемыхъ при этомъ, болѣе или менѣе полно прилагается какъ къ уму ребенка, такъ и къ уму дикаря. Мы говоримъ—болѣе или менѣе полно, потому что соотвѣтствіе тутъ не специальное, а только общее. Еслибы обстановка въ обоихъ случаяхъ была та же самая, то соотвѣтствіе было бы полное. Но хотя окружающій матеріалъ, изъ котораго организуется наука, во многихъ случаяхъ бываетъ тотъ же самый для юношескаго ума, что и для ума первобытнаго, во всякомъ случаѣ онъ не вездѣ таковъ; такъ напримѣръ, относительно химіи, явленія, доступныя одному, были недоступны для другаго. Отсюда, ходъ развитія долженъ различаться соразмѣрно тому, какъ различается обстановка. Впрочемъ и послѣ различныхъ исключеній остается существенный параллелизмъ. Если же это такъ, то становится очень важнымъ узнать: каковъ въ дѣйствительности былъ процессъ научнаго развитія. Установленіе ошибочной теоріи должно быть вредно въ ея воспитательныхъ результатахъ; тогда какъ установленіе истинной должно быть вполнѣ плодотворно школьными реформами и, слѣдовательно, социальными благами.

ОБЫЧАИ И ПРИЛИЧІЯ.

Всякій, кто изучал фізіономію политическихъ митинговъ, замѣтилъ конечно связь, существующую между демократическими мнѣніями и особенностями костюма. На всякой демонстраціи чартистовъ, лекціи о социализмѣ или *soirée* «Друзей Италіи», въ числѣ публики и, особенно, въ числѣ ораторовъ встрѣчаются личности, болѣе или менѣе рѣзко выдающіяся изъ толпы. У одного господина проборъ на головѣ сдѣланъ не сбоку, а посрединѣ; другой, зачесывая волосы со лба назадъ, носить прическу, «придающую лицу умное выраженіе»; третій совершенно отрекся отъ ножницъ, вслѣдствіе чего кудри его рассыпаются по плечамъ. Усы являются въ значительномъ числѣ; тамъ и сямъ мелькаетъ эспаньолка; кое-гдѣ храбрый нарушитель приличій представляетъ даже окладистую бороду. (*) Эта своеобразность прически находитъ себѣ поддержку и въ различныхъ своеобразностяхъ одежды, представляемыхъ другими членами собранія. Открытыя шеи, воротнички *à la Byron*, квакерскіе жилеты, изумительно мохнатые плащи, многочисленныя странности въ покроѣ и цвѣтѣ одежды прерываютъ однообразіе, свойственное толпѣ. Даже въ личностяхъ, не представляющихъ

(*) Авторъ дѣлаетъ выноски въ этомъ мѣстѣ: «Статья была написана прежде, нежели усы и бороды вошли въ употребленіе въ Англіи.»

какой-либо рѣзкой особенноти, что-нибудь необыкновенное въ фасонѣ или матеріи ихъ одежды часто указываетъ, что господа эти мало обращаютъ вниманія на указанія портныхъ своихъ относительно господствующаго вкуса. А когда собраніе начинаетъ расходиться, то разнообразіе, представляемое головными уборамъ, число шапокъ и изобиліе войлочныхъ шляпъ достаточно доказываютъ, что еслибы всѣ на свѣтѣ думали одинаково, то тираны наши—черныя цилиндрическія шляпы скоро были бы низвергнуты.

Изъ иностранной корреспонденціи нашихъ ежедневныхъ газетъ видно, что и на континентѣ существуетъ подобное же родство между политическимъ недовольствомъ и пренебреженіемъ къ обычаямъ. Красные республиканцы всегда отличались своей растрепанностью. Прусскія, австрійскія и итальянскія власти равно признаютъ извѣстную форму шляпъ за выраженіе непріязни и, вслѣдствіе этого, мечутъ громы свои противъ нихъ. Въ иныхъ мѣстахъ носить блузу значить рисковать попасть въ разрядъ «подозрительныхъ»; въ другихъ, чтобы не попасть въ полицію, надо остерегаться выходить на улицу иначе какъ въ одеждѣ самыхъ обыкновенныхъ цвѣтовъ. Такимъ образомъ демократія какъ у насъ, такъ и въ чужихъ краяхъ, стремится къ личнымъ особенностямъ. Эта ассоціація характеристическихъ чертъ не есть исключительная принадлежность новѣйшаго времени или государственныхъ реформаторовъ. Она всегда существовала, и проявлялась столько же въ религіозныхъ волненіяхъ, сколько и въ политическихъ. Рядомъ съ расколомъ въ главныхъ установленныхъ мнѣніяхъ и учрежденіяхъ всегда являлся расколъ и въ обычныхъ общественныхъ отношеніяхъ. Пуритане, порицавшіе длинныя доконы кавалеровъ такъ же какъ и ихъ принципы, стригли свои волосы коротко, отчего и получили названіе «круглоголовыхъ». Рѣзкая религіозная особенность квакеровъ сопровождается столь же рѣзкими особенностями въ обычаяхъ—относительно одежды, рѣчи и образа привѣтствія. Первые Моравскіе братья не только отличались отъ другихъ христіанъ въ вѣрѣ, но и одѣвались и жили отлично отъ нихъ. Что связь между политической независимостью и независимостью личнаго поведенія, не есть

явление исключительно свойственное нашему времени, видно также из того, что Франклинъ явился ко французскому двору въ обыкновенномъ платьѣ, и изъ бѣлыхъ шляпъ послѣдняго поколѣнія радикаловъ. Природная оригинальность непременно выкажется болѣе чѣмъ однимъ путемъ. Какой-нибудь кожаный камзолъ Георга Фокса или какая-нибудь школьная кличка Песталоцци — «Чудакъ Гарри» невольно наводятъ насъ на мысль, что люди, которые въ великихъ дѣлахъ не слѣдовали по избитой дорогѣ, часто удалялись отъ нея и въ ничтожныхъ вещахъ. Подобныя же доказательства этой истины представляются почти въ каждомъ кругу личностями менѣе замѣчательными. Мы полагаемъ, что всякій, перебирая своихъ знакомыхъ реформаторовъ и рационалистовъ, найдетъ, что большинство ихъ выказываетъ, въ одеждѣ или обращеніи своемъ, известную степень того, что называется эксцентричностью.

Если можно признать фактъ, что люди, преслѣдующіе революціонныя цѣли въ политикѣ и религіи, обыкновенно бываютъ революціонерами и въ обычаяхъ, то не менѣе справедливъ и тотъ фактъ, что люди, занятіе которыхъ заключается въ поддержаніи установленныхъ порядковъ въ государствѣ и церкви, суть въ тоже время и люди, наиболѣе преданные тѣмъ социальнымъ формамъ и постановленіямъ, которыя завѣщаны намъ минувшими поколѣніями. Обычай, почти повсемѣстно исчезнувшіе, держатся еще въ главной квартирѣ правительства. Монархъ нашъ все-еще утверждаетъ парламентскіе акты на французскомъ языкѣ древнихъ нормандцевъ, и нормано-французскіе термины попрежнему употребляются въ законахъ. Парики, подобныя тѣмъ, какіе мы видимъ на старинныхъ портретахъ, и теперь еще можно видѣть на головахъ судей и адвокатовъ. Королевская стража при Тоуэрѣ носитъ костюмъ тѣлохранителей Генриха VII. Университетская одежда настоящаго времени весьма мало отличается отъ той, которую носили вскорѣ послѣ Реформациі. Цвѣтное платье, панталоны до колѣнъ, кружевное жабо и маншеты, бѣлые шелковые чулки и башмаки съ пряжками — все это составляло нѣкогда обыкновенный нарядъ джентльмена и сохранилось доселѣ въ придворномъ костюмѣ. И едвали надо говорить о томъ,

что на придворных выходах и приемах церемонии предписаны с такой точностью и строгой обязательностью, каких нигде нельзя найти.

Можно ли смотреть на эти два ряда аналогий как на нечто случайное и неимеющее значения? Не основательнее ли заключить, что тут существует некоторое необходимое родство идей? Не слѣдует ли признать существование чего-то в родѣ конституціоннаго консерватизма и конституціоннаго стремленія къ переменѣ? Не представляется ли тут классъ людей, упорно держащійся за все старое, и другой классъ, столь поклоняющійся прогрессу, что часто новизна признается имъ за улучшение? Нѣтъ развѣ людей, всегда готовыхъ преклоняться предъ существующей властью, какого бы рода она ни была; между тѣмъ какъ другіе отъ всякой власти требуютъ объясненія причинъ ея существованія, и отвергаютъ эту власть, если ей нельзя оправдать свое существованіе? И не должны ли умы, противопоставленные такимъ образомъ, стремиться къ тому, чтобы стать конформистами или нонконформистами не только относительно религіи и политики, но и относительно другихъ вещей? Повиновеніе—правительству ли, церковнымъ ли догматамъ, или кодексу приличій, утвержденныхъ обществомъ — по сущности своей одинаково; то же чувство, которое внушаетъ сопротивленіе деспотизму правителей, гражданскихъ или духовныхъ, внушаетъ и сопротивленіе деспотизму общественнаго мнѣнія. Взгляните глубже: всѣ постановленія, какъ законодательства и консисторіи, такъ и гостинной, всѣ правила, какъ формальныя, такъ и существенныя — имѣютъ одинъ общій характеръ: всѣ они составляютъ ограниченія свободы чловѣка. «Дѣлай то-то и воздерживайся отъ того-то» — вотъ бланки, въ которыя можно вписать любое изъ нихъ: и въ каждомъ случаѣ подразумевается, что повиновеніе доставитъ награду на землѣ и райскую жизнь на небѣ; между тѣмъ какъ за неповиновеніемъ послѣдуетъ заключеніе въ тюрьму, изгнаніе изъ общества или вѣчныя муки ада—смотря по обстоятельствамъ. И если всѣ стѣсненія, какъ бы они ни назывались и какими бы способами ни проявлялись въ дѣйствіи своемъ, тождественны, то изъ этого необхо-

димо слѣдуетъ, что люди, которые терпѣливо сносятъ одинъ родъ стѣсненій, будутъ вѣроятно сносить терпѣливо и другой, — и обратно, что люди, которые не подчиняются стѣсненію вообще, будутъ стремиться одинаково выразить свое сопротивленіе во всѣхъ направленіяхъ.

Что Законъ, Религія и Обычаи состоятъ такимъ образомъ въ связи между собой, — что ихъ взаимные способы дѣйствій подходятъ подъ одно обобщеніе, — что въ извѣстныхъ, противоположныхъ, характеристическихъ чертахъ человѣка они встрѣчаютъ общую поддержку и общія нападенія, — будетъ ясно видно, когда мы убѣдимся, что эти три власти имѣютъ одинаковое происхожденіе. Какъ бы мало вѣроятнымъ это ни казалось намъ теперь, мы все-таки найдемъ, что власть религій, власть законовъ и власть обычаевъ составляли вначалѣ одну общую власть. Какъ ни невѣроятно можетъ это показаться теперь, но мы полагаемъ возможнымъ доказать, что правила этикета, статьи свода законовъ и заповѣди церкви произросли отъ одного корня. Если мы спустимся къ первобытному фетишизму, то ясно увидимъ, что божество, правитель и церемоніймейстеръ были первоначально тождественны. Для того, чтобы утвердить эти положенія и показать значеніе ихъ для послѣдующаго разсужденія, необходимо вступить на почву, уже нѣсколько избитую и съ перваго взгляда какъ будто не подходящую къ нашему предмету. Мы постараемся пройти ее такъ быстро, какъ только позволятъ требованія нашей аргументаціи.

Почти никто не оспариваетъ тотъ фактъ, что самыя раннія общественныя агрегаціи управлялись единственно волею сильнѣйшаго. Немногіе, однако, допускаютъ, что сильный человѣкъ былъ зародышемъ не только монархіи, но и понятія о божествѣ, — сколько Карлейль и другіе ни старались доказать это. Но если люди, которые не могутъ повѣрить этому, отложить въ сторону тѣ идеи о божествѣ и человѣкѣ, въ которыхъ они воспитаны, и станутъ изучать первобытныя идеи, то они вѣроятно найдутъ въ предлагаемой гипотезѣ нѣкоторое вѣроятіе. Пусть они вспомнятъ, что прежде чѣмъ опытъ научилъ людей различать возможное отъ невозмож-

наго, они были готовы по малѣйшему поводу приписывать какому-нибудь предмету невѣдомыя силы и дѣлать изъ него кумиръ: ихъ понятія о человѣчествѣ и его способностяхъ были тогда необходимо смутны и безъ опредѣленныхъ границъ. На человѣка, который, необыкновенной ли силой или хитростью, исполнилъ то, чего не могли исполнить другіе или чего они не понимали, люди смотрѣли какъ на человѣка, отличнаго отъ нихъ; и что тутъ могло предполагаться не только степенное, но и родовое отличіе, это видно изъ вѣрованія полинезійцевъ, что только вожди ихъ имѣютъ душу, и изъ вѣрованія древнихъ перувианцевъ, что знатные роды ихъ были божественнаго происхожденія. Пусть эти лица вспомнить затѣмъ, какъ грубы были понятія о Богѣ или, вѣрнѣе, о богахъ, господствовавшихъ въ этомъ періодѣ и позднѣе, — какъ конкретно понимались боги за людей особеннаго вида, въ особенныхъ одеждахъ, — какъ имена ихъ буквально значили «сильный», «разрушитель», «могущественный», — какъ, сообразно съ скандинавскою мифологіей, «священный долгъ кровомщенія» исполнялся самими богами и какъ они были людьми не только въ своей мести, жестокости и ссорахъ между собой, но и въ приписываемыхъ имъ любовныхъ связяхъ на землѣ и въ уничтоженіи яствъ, приносившихся на ихъ алтари. Прибавимъ къ этому, что въ различныхъ мифологіяхъ, греческой, скандинавской и другихъ, древнѣйшія существа являются исполинами; что, согласно съ преданіями генеалогіи, боги, полу-боги, а иногда и люди происходили отъ нихъ человѣческимъ способомъ, и что между тѣмъ какъ на Востокѣ мы слышимъ о сынахъ Божіихъ, которые восхищались красотой земныхъ дѣвъ, — тевтонскіе мифы рассказываютъ о союзахъ сыновъ человѣческихъ съ дочерьми боговъ. Пусть эти лица вспомнить также, что вначалѣ идея о смерти значительно отличалась отъ нашей идеи; что доселѣ еще существуютъ племена, которыя ставятъ тѣло покойника на ноги и кладутъ ему въ ротъ пищу; что у перувианцевъ устраиваются пиршества, на которыхъ предсѣдательствуютъ муміи умершихъ инковъ и на которыхъ, какъ говорить Прескоттъ, «этими безчувственными останкамъ воздаются почести, какъ будто въ нихъ есть еще дыханіе жизни»; что между фид-

жійскими островитянами есть повѣрье, что каждаго врага надо убивать дважды; что восточные язычники приписываютъ душѣ ту же форму, тотъ же видъ, тѣ же члены и тѣ же составныя вещества, какъ жидкія, такъ и твердыя, изъ которыхъ состоитъ наше тѣло, и что у наиболѣе дикихъ племенъ существуетъ обычай зарывать въ землю вмѣстѣ съ покойникомъ пищу, оружіе, уборы—вслѣдствіе вѣрованія, что все это ему понадобится. Наконецъ пусть они вспомнятъ, что «тотъ свѣтъ», по первоначальному понятію, былъ не болѣе, какъ нѣкоторая отдаленная часть этого свѣта, нѣчто въ родѣ Елисейскихъ полей, нѣчто въ родѣ прекрасной роши, которая доступна даже живымъ людямъ и въ которую умершіе отправляются съ надеждой вести тамъ жизнь, сходную въ общихъ чертахъ съ той, какую они вели на землѣ. Затѣмъ, подведя итогъ всѣмъ такимъ фактамъ, какъ приписываніе невѣдомыхъ силъ вождямъ и врачевателямъ; вѣрованіе, что божество имѣетъ человѣческія формы, страсти и образъ жизни; неясное понятіе о различіи смерти отъ жизни, и сближеніе будущей жизни съ настоящей какъ относительно положенія, такъ и характера ея,—подведя итогъ всѣмъ этимъ фактамъ, не окажется ли неизбѣжнымъ сдѣлать заключеніе, что первобытный богъ есть умершій вождь: умершій не въ нашемъ смыслѣ, но ушедшій, унеся съ собой пищу и оружіе, въ какія-то блаженныя страны изобилія, въ какую-то обѣтованную землю, куда онъ давно уже намѣревался вести своихъ послѣдователей и откуда онъ скоро за ними придетъ. Допустивъ эту гипотезу, мы увидимъ, что она согласуется со всѣми первобытными идеями и обычаями. Такъ какъ послѣ обоготвореннаго вождя царствуютъ сыновья его, то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что всѣ древнѣйшіе государи считаются происходящими отъ боговъ; и этимъ вполнѣ объясняется фактъ, что въ Ассиріи, Египтѣ, у евреевъ, финикійцъ и древнихъ бриттовъ имена государей вездѣ производились отъ именъ боговъ. Происхожденіе политеизма изъ фетишизма путемъ послѣдовательныхъ переселеній расы бого-государей въ иной міръ, происхожденіе, поясняемое въ греческой мифологіи, какъ точной генеалогіей боговъ, такъ и апофеозомъ позднѣйшихъ изъ нихъ,—поддерживается той же гипотезой. Ею же объясняется

фактъ, что въ древнѣйшихъ вѣрахъ, также какъ и въ доселѣ существующей вѣрѣ отаитянтъ, каждое семейство имѣетъ своего духа-хранителя, которымъ считается обыкновенно одинъ изъ умершихъ родственниковъ; духамъ этимъ, какъ второстепеннымъ богамъ китайцы—и даже русскіе — до сихъ поръ приносятъ жертвы. Гипотеза эта совершенно согласуется съ греческими мифами о войнахъ боговъ съ титанами и ихъ конечномъ торжествѣ—и съ фактомъ, что между собственно тевтонскими богами былъ одинъ *Фрейръ*, попавшій въ ихъ число путемъ усыновленія, «но рожденный отъ *Вэнозъ*, какой-то *друной* таинственной, династіи боговъ, покоренной и уничтоженной болѣе сильной и болѣе воинственной династіей *Одина*.» Она гармонируетъ также съ вѣрованіемъ, что для различныхъ странъ и народовъ есть и различные боги, также какъ были и различные вожди; что эти боги спорятъ о верховности такъ же какъ и вожди, и что такимъ образомъ является смыслъ въ похвальбѣ сосѣдственныхъ племенъ: «нашъ богъ болѣе вашего бога». Она подтверждается повѣрьемъ, повсемѣстнымъ въ раннія времена, что боги выходятъ изъ того *друаго* жилища, въ которомъ они обыкновенно обитаютъ, и являются посреди людей, бесѣдуютъ съ ними, помогаютъ имъ и наказываютъ ихъ. И здѣсь становится яснымъ, что молитвы, возсылавшіяся первобытными народами къ ихъ богамъ о помощи въ битвахъ, были понимаемы буквально, т. е. предполагалось, что боги воротятся изъ тѣхъ странъ, гдѣ они царствуютъ, и снова вступятъ въ битву со старыми врагами, противъ которыхъ они прежде такъ неумолимо сражались; и достаточно только указать на «*Иліаду*», чтобы напомнить всякому, какъ подожительно вѣрили тогда люди, что ожиданія ихъ сбываются.

Итакъ, если всякое правительство было вначалѣ правительствомъ одного сильнаго человѣка, ставшаго кумиромъ вслѣдствіе проявленія своего превосходства, то послѣ его смерти — предполагаемаго отправленія его въ давно задуманный походъ, въ которомъ его сопровождаютъ его рабы и жены, принесенные въ жертву на его могилѣ, — должно было возникнуть зарождающееся отдѣленіе религіозной власти отъ политической, гражданскаго закона отъ духовнаго. Сынъ умершаго

становится повѣреннымъ вождемъ на время его отсутствія; дѣйствія его считаются облеченными авторитетомъ отца; мнѣніе отца призывается на всѣхъ, кто не покоряется сыну; повелѣнія отца, давно извѣстныя или вновь заявленныя сыномъ, становятся зародышемъ нравственнаго кодекса. Фактъ этотъ станетъ еще яснѣе, если мы вспомнимъ, что самые ранніе нравственные кодексы преимущественно наставляютъ на воинскихъ доблестяхъ и на обязанности истребить какое-нибудь сосѣдственное племя, существованіе котораго оскорбляетъ божество. Съ этихъ поръ оба рода власти, вначалѣ связанныя вмѣстѣ въ лицѣ владыки и исполнителя, постепенно становятся болѣе и болѣе отличны одинъ отъ другаго. По мѣрѣ того, какъ опытность возрастаетъ и идеи причинности становятся болѣе определенными, государи теряютъ свои сверхъестественныя атрибуты и, вмѣсто бого-государей, становятся государами божественнаго происхожденія, государами, назначенными Богомъ, намѣстниками неба, королями въ силу божественнаго права. Старая теорія, однако, долго еще продолжаетъ жить въ чувствахъ человѣка, хотя по названію она уже исчезаетъ, и «санъ короля окружается чѣмъ-то столь божественнымъ», что даже теперь многіе, видя какого-нибудь государя въ первый разъ, испытываютъ тайное изумленіе, что онъ оказывается не болѣе какъ обыкновеннымъ образчикомъ человечества. Священность, признаваемую за королевскимъ достоинствомъ, стали признавать и за зависящими отъ него учрежденіями — за законодательной властью, за законами; законное и противозаконное считаются синонимомъ справедливаго и несправедливаго; авторитетъ парламента признается безграничнымъ, и постоянная вѣра въ правительственную силу продолжаетъ порождать неосновательныя надежды на правительственныя распоряженія. Однако политическій скептицизмъ, разрушивъ обаяніе королевскаго достоинства, продолжаетъ возрастать и обѣщаетъ довести наконецъ государство до состоянія чистосвѣтскаго учрежденія, постановленія котораго будутъ вращаться въ ограниченной сферѣ, недоступной иной власти кромѣ общаго желанія. Съ другой стороны, религіозная власть мало-по-малу отдѣлялась отъ гражданской, какъ въ существѣ своемъ, такъ и

въ формахъ. Какъ бого-государь дикихъ племень перерождался въ свѣтскихъ правителей, съ теченіемъ вѣковъ постепенно терявшихъ священныя атрибуты, которые люди имъ приписывали; такъ въ другомъ направленіи возникало понятіе о божествѣ, которое, бывши вначалѣ человѣчно во всѣхъ своихъ проявленіяхъ, постепенно утрачивало человѣческую вещественность, человѣческую форму, человѣческія страсти и образъ дѣйствія — покуда, наконецъ, антропоморфизмъ не сдѣлался предметомъ укора. Рядомъ съ этимъ рѣзкимъ разъединеніемъ, въ мысли человѣческой, божественнаго правителя отъ свѣтскаго, шло и соответственное разъединеніе въ житейскихъ кодексахъ, зависящихъ отъ каждаго изъ нихъ. Такъ какъ государь считался представителемъ бога, правителемъ, какого іудеи видятъ въ Мессіи, — то изъ этого, конечно, слѣдовало, что повелѣнія его считались верховными постановленіями. Но когда люди перестали вѣрить въ его сверхъестественное происхожденіе и природу, повелѣнія его перестали считаться верховными; и такимъ образомъ возникло различіе между его постановленіями и постановленіями, перешедшими отъ древнихъ бого-государей, которыя, съ теченіемъ времени и по мѣрѣ возрастанія мнѳовъ, становились все священнѣе и священнѣе. Отсюда возникли законъ и нравственность; первый становился все конкретнѣе, вторая все абстрактнѣе; авторитетъ перваго постоянно уменьшался, авторитетъ второй постоянно возрасталъ; составлявъ вначалѣ одну и ту же вещь, они стоятъ теперь въ рѣшительномъ антагонизмѣ. Рядомъ съ этимъ шло и разъединеніе учреждений, управлявшихъ этими двумя кодексами. Покуда они составляли одно цѣлое, государство и церковь естественно составляли тоже одно цѣлое: государь былъ первосвященникомъ, не номинально, а дѣйствительно, — отъ него исходили новыя повелѣнія, онъ же былъ и верховнымъ истолкователемъ древнихъ повелѣній. Первосвященники, происходившіе изъ его рода, были такимъ образомъ просто толкователями повелѣній своихъ предковъ, повелѣній, которыя — какъ принималось вначалѣ — они помнили, или — какъ принималось впоследствии — узнавали чрезъ мнимыя свиданія съ предками. Этотъ союзъ, существо-

вавший еще въ средніе вѣка, когда власть государей была смѣшана съ властью папы, когда были епископы-правители, пользовавшіеся всѣми правами феодальныхъ бароновъ и когда духовенство имѣло карательную власть — мало-по-малу становился менѣе тѣсенъ. Хотя монархи все-еще считаются «защитниками вѣры» и главами церкви, но они считаются ими только номинально. Хотя епископы все-еще имѣютъ гражданскую власть, но она уже не та, которой они прежде пользовались. Протестантизмъ расшаталъ связи этого союза; диссидентство давно уже работало надъ устройствомъ механизма, назначеніемъ котораго былъ бы религиозный контроль, совершенно независимый отъ закона; въ Америкѣ существуетъ уже отдѣльная организація для этой цѣли; и если можно ожидать чего-нибудь отъ анти-государственной церковной ассоціаціи,—или, какъ она теперь называется—отъ «Общества освобожденія религіи отъ государственнаго покровительства и власти» (*), то мы будемъ и въ Англіи имѣть такую же отдѣльную организацію. Такимъ образомъ, какъ относительно силы своей, такъ и относительно сущности и формы, политическія и нравственныя правила все шире и шире расходились отъ общаго своего корня. Возрастающее раздѣленіе труда, которое обозначаетъ прогрессъ общества въ другихъ вещахъ, обозначаетъ его также и въ этомъ раздѣленіи правительства на гражданское и религиозное; и если мы обратимъ вниманіе на то, какъ нравственность, составляющая сущность религіи вообще, начинаетъ очищаться отъ связанныхъ съ ней вѣрованій, то мы можемъ надѣяться, что раздѣленіе это будетъ въ окончательномъ результатѣ доведено еще далѣе.

Переходя теперь къ третьему роду власти—къ власти обычая, мы найдемъ, что и она тоже, имѣя общее происхожденіе съ прочими, постепенно достигъ своей, отдѣльной сѣеры и своего спеціальнаго воплощенія. Среди первобытныхъ обществъ, гдѣ не существовало условныхъ приличій, единственными из-

(*) «Society of the Liberation of Religion from State Patronage and Control».

вѣстными формами вѣжливости были знаки покорности сильнѣйшему; также, какъ единственнымъ закономъ была его воля и единственной религiей — чувство почтенiя и страха, внушенное его мнимой сверхъестественностью. Первобытныя церемонiи были способы обращенiя съ бого-государемъ. Самые обыкновенныя наши титулы произведены отъ именъ этихъ властителей. И всѣ роды поклоновъ были первоначально формами поклоненiя, воздававшихся имъ. Прослѣдимъ эти истины подробно, начиная отъ титуловъ.

Вышеприведенный фактъ, что имена древнѣйшихъ государей между различными племенами, образовались посредствомъ прибавленiя извѣстныхъ слоговъ къ именамъ ихъ боговъ, — слоговъ, которые, подобно шотландскому *Mac* и *Fitz*, значили, вѣроятно, «сынъ» или «происшедшiй отъ», — сразу придаетъ смыслъ слову *отецъ*, употребляемому какъ божественный титулъ. И читая у Сельдена, что «имена, составленныя изъ именъ божествъ, были не только принадлежностью государей, но что и вельможи и наиболѣе почетныя подданные (безъ сомнѣнiя члены королевской расы) пользовались иногда тѣмъ же», — мы видимъ, какъ слово *отецъ*, естественно употреблявшееся ими и умножающимися ихъ потомками, постепенно сдѣлалось титуломъ, употребляемымъ народомъ вообще. Среди народовъ Европы, у которыхъ еще жива вѣра въ божественное происхожденiе правителя, «отецъ» въ этомъ высшемъ значенiи, до сихъ поръ составляетъ еще королевское отличiе. Если мы вспомнимъ далѣе, что божественность, приписываемая вначалѣ государямъ, была не льстивою фикцiей, а предполагаемымъ фактомъ, что философия фетишей считаетъ небесныя тѣла особами, жившими нѣкогда между людьми, — мы поймемъ, что названiя восточныхъ правителей «Братъ Солнца» и проч. вѣроятно были выраженiями дѣйствительнаго вѣрованiя и, подобно многимъ другимъ вещамъ, остались въ употребленiи долго послѣ того, какъ уже утратили всякiй смыслъ. Мы можемъ заключить также, что титулы бога, владыки, божества придавались первобытнымъ правителямъ въ буквальномъ смыслѣ, что *nostra divinitas*, приданное римскимъ императорамъ, и различныя священныя наименованiя, носимыя

монархами, не исключая и нынѣ еще употребляемой фразы: «Our Lord the King»,— суть мертвыя и отживающія формы того, что некогда было живымъ фактомъ. Отъ этихъ именъ: «богъ», «отецъ», «владыка», «божество», принадлежавшихъ первоначально бого-государю, а потомъ Богу и государю, ясно можно прослѣдить происхожденіе самыхъ обыкновенныхъ нашихъ почетныхъ титуловъ. Есть причины полагать, что титулы эти были первоначально собственными именами. Не только у египтянъ, гдѣ Фараонъ былъ синонимомъ короля, и у римлянъ, гдѣ быть Цезаремъ значило быть императоромъ, видимъ мы, что собственныя имена наиболѣе великихъ людей передавались ихъ наслѣдникамъ и становились такимъ образомъ именами нарицательными, — но и въ скандинавской мифологіи можно прослѣдить происхожденіе почетнаго титула отъ собственнаго имени божественнаго лица. На англо-саксонскомъ языкѣ *bealdor* или *baldor* значить *Lord*; и *Balder* же есть имя любимѣйшихъ сыновей Одина, боговъ; составлявшихъ вмѣстѣ съ нимъ тевтонскій пантеонъ. Легко понять, какимъ образомъ почетныя имена эти сдѣлались общими. Родственники первобытныхъ государей, вельможи, которые, какъ говоритъ Сельденъ, носили имена, произведенныя отъ именъ боговъ, что и служило доказательствомъ божественности ихъ расы, — необходимо имѣли долю въ эпитетахъ, подобныхъ *Lord*, выражающихъ сверхчеловѣческія связи и природу. Постоянно размножающіеся потоки наслѣдовали эти титулы, что мало-по-малу сдѣлало ихъ титулами сравнительно обыкновенными. Потомъ ихъ стали придавать всякому могущественному лицу, отчасти потому, что въ тѣ времена, когда люди понимали божество просто какъ сильнѣйшій родъ человѣчества, знатымъ людямъ можно было давать божественныя названія, съ весьма небольшимъ преувеличеніемъ, — отчасти потому, что чрезвычайно могущественныхъ лицъ легко можно было считать непризнанными или незаконными потомками «сильнаго», «могущественнаго», «разрушителя», — отчасти же изъ лести и желанія умиловить такихъ лицъ. Но мѣрѣ постепеннаго уменьшенія суевѣрія, послѣдняя причина стала наконецъ единственной. И если мы вспомнимъ, что сущность комплимента состоитъ, какъ мы ежедневно это слышимъ,

въ возданіи бѣльшаго противъ должнаго, что въ постоянно распространяющемся употребленіи титула «*esquire*», въ вѣчномъ повтореніи заискивающимъ ирландцемъ словъ «*young honour*» и въ названіи низшими классами Лондона «джентльменомъ» каждаго угольщика или мусорщика — мы имѣемъ ежедневныя доказательства, какъ вслѣдствіе комплиментовъ понижается значеніе титуловъ; если вспомнимъ, что въ варварскія времена, когда желаніе умилостивить было сильнѣе, дѣйствіе это также должно было быть сильнѣе, — мы увидимъ, что обширное злоупотребленіе первобытными отличіями возникло совершенно естественно. Отсюда исходятъ факты, что іудей называли Ирода богомъ; что «отецъ» въ высшемъ значеніи былъ терминомъ, употреблявшимся слугами относительно господъ; что слово «*Lord*» прилагалось ко всякому значительному или могущественному лицу. Отсюда же исходятъ факты, что въ позднѣйшіе періоды римской имперіи всякій челоуѣкъ привѣтствовалъ сосѣда своего названіями *Dominus* и *Rex*. Но процессъ этотъ особенно ясно видѣнъ въ титулахъ средневѣковыхъ и въ происхожденіи изъ нихъ нашихъ новѣйшихъ титуловъ. *Herr*, *Don*, *Signior*, *Seigneur*, *Sennor* — всѣ были первоначально именами правителей, феодальныхъ владѣтелей. Путемъ льстиваго употребленія этихъ именъ относительно всѣхъ, кого, по какому-либо поводу, можно было считать заслуживающими этихъ именъ, и путемъ послѣдовательнаго пониженія ихъ на все болѣе и болѣе низкія ступени, они стали наконецъ обыкновенными формами обращенія. Слова, съ которыми прежде рабъ относился къ своему деспотическому владѣльцу: *mein Herr*, употребляются теперь въ Германіи въ обращеніи съ простымъ народомъ. Испанскій титулъ *Don*, принадлежавшій некогда только аристократамъ и дворянству, дается теперь всѣмъ классамъ. Точно тоже и съ *Signior* въ Италиі. *Seigneur* и *Monseigneur*, сокращенныя въ *Sieur* и *Monsieur*, образовали почтительный терминъ, на который имѣетъ притязаніе каждый французъ. И представляетъ ли слово *Sire* подобное же сокращеніе *Signior*'а, или нѣтъ — во всякомъ случаѣ ясно, что, такъ какъ титулъ этотъ носили многіе изъ старинныхъ французскихъ феодальныхъ владѣльцевъ, которые, по словамъ Сельдена,

«предпочитали называться *Sire*, а не *Baron*, как напр. *Le Sire de Montmorencie*, *Le Sire de Beauieu* и пр.», и так как его употребляли обыкновенно относительно монархов,—английское слово *Sir*, происшедшее отсюда, первоначально означало лорда или короля. Тоже надо сказать и о женских титулах. *Lady*, означающее, по толкованию Горна Тука, «возвышенная» и придававшееся вначалѣ только немногимъ, теперь придается всякой образованной женщинѣ. *Dame*, нѣкогда почетное имя, къ которому мы, въ старыхъ книгахъ, находимъ присоединенные эпитеты «high-born» и «stately», сдѣлалось нынѣ, благодаря постоянно расширяющемуся употребленію, выраженіемъ, относительно-презрительнымъ. И если мы прослѣдимъ сложное *ma Dame* въ его сокращеніяхъ — *Madam*, *ma'am*, *nam*, *nut*, то найдемъ, что отвѣтъ какой-нибудь горничной: *Yes'm* соответствуетъ прежнимъ *Yes my exalted*, или *Yes, your highness*. Слѣдовательно происхождение почетныхъ названій было вездѣ одинаково. Тоже, что было у іудеевъ и римлянъ, было и у новѣйшихъ европейцевъ. Прослѣдивъ обычныя слова привѣта до первоначальнаго ихъ значенія *lord* и *king* и вспоминая, что въ первобытныхъ обществахъ они придавались только богамъ и ихъ потомкамъ, мы приходимъ къ заключенію, что простыя наши *Sir* и *Monsieur* были, въ ихъ первоначальномъ значеніи, терминами обожанія.

Для дальнѣйшаго поясненія этого постепеннаго упадка титуловъ и для подтвержденія выведеннаго заключенія, не лишнимъ будетъ замѣтить мимоходомъ, что старѣйшіе изъ нихъ, какъ и можно было ожидать, болѣе другихъ утратили свой прежній смыслъ. Такъ *Master*, — слово, которое, по производству своему и по тождественности сродныхъ ему словъ въ другихъ языкахъ (франц. *maitre* вмѣсто *maister*, русск. *мастеръ*, датск. *meester*, нѣмец. *meister*), оказывается однимъ изъ древнѣйшихъ выраженій господства,—стало теперь придаваться только дѣтямъ и, въ измѣненномъ видѣ *mister*, людямъ, по положенію своему, стоящимъ непосредственно надъ крестьянами. Далѣе, *knight*, древнѣйшій изъ почетныхъ титуловъ, сталъ нынѣ самымъ низкимъ; и *knight Bachelor*, низшая степень рыцарства,

есть вмѣстѣ съ тѣмъ и самая старинная. Точно тоже можно сказать и относительно перства: баронъ—есть самое раннее и вмѣстѣ наименѣе высокое изъ его подраздѣлений. Этотъ постоянный упадокъ всѣхъ почетныхъ названій дѣлалъ по временамъ необходимымъ введеніе новыхъ титуловъ, для обозначенія отличія, которое утрачивалось первоначальными титулами вслѣдствіе всеобщности ихъ употребленія, — точно такъ, какъ привычка наша злоупотреблять превосходными степенями прилагательныхъ, ослабивъ постепенно ихъ силу, вызвала потребность въ новыхъ. И если, въ теченіе послѣдняго тысячелѣтія процессъ этотъ имѣлъ столь рѣзкія послѣдствія, то легко можно понять, какимъ образомъ, въ теченіе предшествовавшихъ тысячелѣтій, титулы боговъ и полубоговъ стали употребляться относительно всякаго могущественнаго лица, а наконецъ и относительно просто уважаемыхъ лицъ.

Если отъ почетныхъ именъ мы обратимся къ фразамъ, выражающимъ почтеніе, мы и здѣсь найдемъ тождественные факты. Восточный образъ обращенія, употребляемый въ отношеніи обыкновенныхъ людей—«я твой рабъ», «все, что я имѣю, — твое», «я твоя жертва»,—приписываютъ лицу, къ которому они обращены, такое же величіе, какое выражаютъ *Monsieur* и *My Lord*, т. е. характеръ всемогущаго правителя, столь неизмѣримо превосходящаго того, кто говоритъ, что послѣдній долженъ признать его своимъ владыкою. Точно тоже и съ польскими выраженіями почтенія: «падаю къ ногамъ вашимъ», «цѣлую ваши ноги». Въ лишенныхъ всякаго значенія подписяхъ нашихъ на церемонныхъ письмахъ: «Вашъ покорнѣйшій слуга» — видно тоже самое. Даже простая подпись «преданный вамъ», истолкованная сообразно ея первоначальному значенію, выражаетъ отношеніе раба къ господину. Всѣ эти мертвыя формы были нѣкогда живыми воплощеніями фактовъ, — служили дѣйствительными свидѣтельствами покорности высшей власти; потомъ онѣ естественно стали употребляться людьми слабыми и трусливыми для умилостивленія тѣхъ, которые стояли выше ихъ; мало-по-малу онѣ стали считаться чѣмъ-то должнымъ всякому, и, путемъ постоянно расширявшагося злоупотребленія, утратили свое значеніе, какъ *Sir* и *Master*. Что фразы почтенія, подоб-

но титуламъ, употреблялись вначалѣ только относительно богосударя, на это указываетъ фактъ, что онѣ, подобно титуламъ же, употреблялись впоследствии какъ относительно бога, такъ и относительно государя. Религіозное поклоненіе всегда въ значительной мѣрѣ состояло изъ заявленій покорности, признанія себя слугами божьими и совершеннаго преданія себя волѣ божіей. Такимъ образомъ, и эти обычныя фразы почтенія имѣли, подобно титуламъ, религіозное происхожденіе. Но въ употребленіи слова *вы* какъ мѣстоименія единственнаго числа, можетъ быть, наиболее рѣзко проявляется популяризованіе того, что нѣкогда было высшимъ отличіемъ. Это обращеніе во множественномъ числѣ къ единичному лицу, было первоначально почестью, воздававшейся только самымъ высшимъ лицамъ,—соотвѣтствовало императорскому «мы». Теперь же, будучи придаваемо послѣдовательно все болѣе и болѣе низкимъ классамъ, оно стало всеобщимъ. Первобытное *ты* употребляется теперь только одной сектой христіанъ, да еще въ нѣкоторыхъ уединенныхъ мѣстечкахъ. *Вы* же, сдѣлавшись общимъ для всѣхъ классовъ, утратило вмѣстѣ съ тѣмъ всякіе слѣды почета, нѣкогда связаннаго съ этимъ словомъ.

Но происхожденіе обычаевъ изъ формъ покорности и поклоненія яснѣе всего проявляется въ способахъ привѣтствія людей между собой. Замѣтимъ прежде всего значеніе словъ: привѣтъ или поклонъ. У римлянъ *salutatio* состояло въ ежедневномъ выраженіи почтенія кліентовъ и подчиненныхъ ихъ патронамъ. Тоже значило оно и у гражданъ по отношенію къ войску. Слѣдовательно самое производство англійскаго *salutation* внушаетъ идею покорности. Переходя къ частнымъ формамъ *obeisance* (замѣтимъ опять это слово), начнемъ съ восточнаго обыкновенія обнаженія ногъ. Первоначально оно было знакомъ почитанія какъ бога, такъ и короля. Моисей, сдѣлавшій это предъ неопалимой купиной, и магометане, которыхъ по обычаю приводятъ къ присягѣ надъ Кораномъ босоногими, служатъ примѣрами перваго; а обыкновеніе персіянъ снимать обувь, являясь предъ лицо своего монарха, поясняетъ второе. Но, какъ всегда, эта дань уваженія, приносившаяся впоследствии второстепеннымъ сановникамъ,

постепенно спускалась все ниже и ниже. Въ Индіи она представля-
 етъ обычный знакъ почтенія; въ Турціи вѣжливый человекъ всегда
 оставляетъ башмаки свои у дверей; низшіе же классы турокъ
 никогда не являются предъ своими начальниками иначе какъ въ
 чулкахъ; въ Японіи это обнаженіе ногъ составляетъ обыкновенное
 привѣтствіе. Возьмемъ другой примѣръ. Сельденъ, описывая
 церемоніи римлянъ, говоритъ: «Такъ какъ было принято или
 цѣловать изображенія боговъ или, при поклоненіи имъ, стоять
 предъ ними, торжественно поднимая правую руку къ устамъ и
 затѣмъ, сдѣлавъ ею движеніе какъ будто посылается поцѣлуй,
 поворачиваться на право (что было самой правильной формой
 обожанія),—то скоро вошло въ употребленіе, что и императо-
 рамъ, стоявшимъ ближе всего къ божествамъ и почитавшимся
 иными за божества, стали поклоняться точно такимъ же обра-
 зомъ.» Если мы вспомнимъ неуклюжій поклонъ деревенскаго
 школьника, который подноситъ раскрытую руку къ лицу и опи-
 сываетъ ею потомъ полукругъ; если мы вспомнимъ, что подоб-
 ный поклонъ, употребленный какъ форма глубокаго почитанія въ
 селахъ и мѣстечкахъ, есть, вѣроятно, остатокъ феодальныхъ вре-
 менъ, — мы найдемъ причину предположить, что обыкновен-
 ный привѣтъ пріятелю, замѣченному на противоположной сто-
 ронѣ улицы, изображаетъ то, что первоначально было выраже-
 ніемъ обожанія. Такимъ же путемъ произошли и всѣ формы по-
 чтенія, выражаемая склоненіемъ всего тѣла. Простереться на
 землѣ значило первоначально выразить покорность. Слова писа-
 нія: «вся положилъ еси подъ нозѣ его», и другія, столь вну-
 шительныя по своему антропоморфизму: «Сказалъ Господь Госпо-
 ду Моему: сѣди одесную Меня, доколѣ положу враговъ Твоихъ
 въ подножіе ногъ Твоихъ» — подразумеваютъ обычай, ясно выра-
 женный ассирійскими скульптурными изображеніями, обычай древ-
 нихъ бого-государей Востока попирать ногами побѣжденныхъ. И
 если мы обратимъ вниманіе на то, что доселѣ еще существуютъ
 дикіе, изъясляющіе покорность тѣмъ, что подставляютъ шею
 свою подъ ногу того, кому покоряются, то намъ станетъ ясно,
 что всякое паденіе ницъ, особенно сопровождаемое цѣлованіемъ
 ногъ, выражало готовность быть поправимымъ, составляло попытку

смягчить гнѣвъ, говоря знаками: «Топчи меня, если хочешь». Помни даѣе, что цѣлованіе ноги папы или статуи какого-нибудь святаго донныѣ считается въ Европѣ знакомъ глубочайшаго почитанія; что паданіе ницъ предъ феодальными владѣльцами было общеупотребительно, и что исчезновеніе этого обычая должно было произойти не вдругъ, но путемъ постепеннаго измѣненія формы,—мы имѣемъ поводъ отнести всякое почтительное склоненіе къ этому глубочайшему изъ самоуниженій: тѣмъ болѣе, что переходъ тутъ можно прослѣдить довольно подробно. Поклонъ русскаго крестьянина, который нагибаетъ голову до земли, и селямъ индуса суть сокращенныя паденія ницъ; склоненіе головы есть короткій селямъ; киванье есть легкое склоненіе головы. Еслибъ кто-нибудь затруднился вывести это заключеніе, то слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что самыя низкіе поклоны употребляются обыкновенно тамъ, гдѣ покорность имѣетъ самый унижительный характеръ; что и у насъ болѣе низкій поклонъ означаетъ бѣольшую степень почтенія, и, наконецъ, что склоненіе и теперь еще употребляется какъ знакъ благоговѣнія въ нашихъ церквахъ,—католиками предъ алтарями, протестантами при произнесеніи имени Христа. Вспомнивъ все это, всякій найдетъ достаточно доказательствъ для того, чтобы увѣриться, что и поклонъ нашъ первоначально тоже былъ однимъ изъ проявленій обожанія.

Тоже самое можно сказать и о *curtsy* или, какъ иначе пишутъ, *courtesy* (присѣданіе, поклонъ съ отставленіемъ одной ноги назадъ). Происхожденіе этого слова отъ *courtoisie* (придворное обращеніе) сразу показываетъ, что первоначально оно было знакомъ почтенія предъ монархомъ. И если мы вспомнимъ, что коѣнопреклоненіе было обыкновеннымъ поклономъ подданныхъ своимъ правителямъ; что на старинныхъ рукописяхъ и обояхъ слуги и изображаются подающими кушанья на столъ своихъ господъ въ этой позѣ, и что эту же позу принимаютъ и предъ нашей королевой лица, представляющіеся ей; то мы будемъ вправѣ заключить, что присѣданіе, какъ на то указываетъ и самый процессъ его, есть сокращенный актъ коѣнопреклоненія. Какъ слово сократилось изъ *courtoisie* въ *curtsy*, такъ сократилось и

самое движеніе: вѣсто того, чтобы ставить колѣна на землю, мы только сгибаемъ ихъ. Далѣе, сравнивая реверансъ какой-нибудь дамы съ неуклюжимъ присѣданіемъ деревенской дѣвушки, которое, будучи продолжено, заставило бы ее опуститься наконецъ на оба колѣна, — мы видимъ въ послѣднемъ остатокъ большаго почитанія, требовавшагося отъ рабовъ. И когда, отъ этого простаго колѣнопреклоненія на Западѣ, мы перейдемъ на Востокъ и обратимъ вниманіе на магометанскаго богомольца, который не только становится на колѣна, но и склоняетъ голову до земли, мы можемъ заключить, что и присѣданіе также есть исчезающая форма первобытнаго паденія ницъ. Дальнѣйшимъ свидѣтельствомъ этого можно привести фактъ, что только недавно исчезло изъ поклоновъ мужинь движеніе, имѣвшее одинаковое происхожденіе съ присѣданіемъ. Отставленіе ноги назадъ, которымъ сопровождаются извѣстные поклоны на сценѣ и которое всюду почти господствовало въ прошлыхъ поколѣніяхъ, когда «поклонись и шаркни ножкой» шло рядомъ, и на памяти живыхъ еще людей дѣлывалось школьниками предъ своимъ учителемъ и имѣло послѣдствіемъ вытопанное мѣсто въ полу, — довольно ясно изображаетъ движеніе, обусловливаемое преклоненіемъ колѣнъ. Столь неловкое движеніе никогда не могло быть введено умышленно, даже еслибъ и было возможно искусственное введеніе поклоновъ. Слѣдовательно мы должны смотрѣть на него какъ на остатокъ чего-то предшествовавшаго: и что это предшествовавшее было чѣмъ-то унизительнымъ, объ этомъ можно судить изъ выраженія «Scraping an acquaintance», которое, будучи употребляемо въ смыслѣ заискиванья милостей низкопоклонствомъ, подразумеваетъ, что *the scrape* (шарканье, топтанье пороговъ) считалось признакомъ рабствѣнн, *servility*, т. е. *serf—ility*.

Разсмотримъ далѣе обнаженіе головы. Почти вездѣ оно было знакомъ почтенія, какъ въ храмахъ, такъ и предъ властителями; оно и доселѣ еще сохраняетъ между нами нѣчто изъ своего первобытнаго значенія. Идетъ ли дождь или градъ, печетъ ли солнце, вы должны стоять съ непокрытой головой, говоря съ монархомъ, и ни подъ какимъ видомъ не можете накрыть голову въ какомъ-нибудь священномъ мѣстѣ. Но, какъ обыкновенно бы-

васть, перемонія эта, служившая вначалѣ знакомъ покорности богамъ и государямъ, съ теченіемъ времени сдѣлалась простой вѣжливостію. Снять шляпу значило нѣкогда признать надъ собою безграничное превосходство другаго лица, теперь же это привѣтствіе обращается къ очень обыкновеннымъ лицамъ; и обнаженіе головы, первоначально назначенное только для входа въ «Домъ Господень», предписывается теперь вѣжливостію при входѣ въ домъ простаго земледѣльца.

Стояніе, какъ знакъ уваженія, подвергалось такимъ же распространеніямъ значенія. Являясь, при употребленіи въ церкви, серединой между униженіемъ, выражающимся въ колѣнопреклоненіи, и самоугожденіемъ, подразумеваемымъ въ сидячемъ положеніи, — будучи употребляемо придворахъ какъ форма почтенія, слѣдующая за болѣе дѣйствительными его изъясвленіями, — это положеніе употребляется въ обыденной жизни какъ знакъ уваженія, что одинаково видно и изъ позы слуги предъ своимъ господиномъ и изъ вставанья при входѣ посѣтителя, которое предписывается вѣжливостію.

Можно было бы ввести въ нашу аргументацію много другихъ доказательствъ, напримѣръ тотъ знаменательный фактъ, что если мы прослѣдимъ исторію донынѣ существующаго закона о первородствѣ, — если рассмотримъ, какъ онъ проявляется въ шотландскихъ кланахъ, гдѣ не только собственностію, но и управленіемъ владѣлъ съ самаго начала старшій сынъ старшаго въ родѣ, — если припомнимъ, что старинные титулы владѣльцевъ — *Signor, Seigneur, Sennor, Sire, Sieur* — всѣ первоначально значили *старшій, старшійшій*, — если убѣдимся, что на Востокѣ *Шейхъ* имѣетъ подобное же значеніе и что восточныя имена священниковъ, какъ напр. *Пуръ*, буквально значатъ *старшій человекъ*. — если, обратившись къ еврейскимъ памятникамъ, убѣдимся въ древности мнѣнія о превосходствѣ первородныхъ, въ значеніи авторитета старшихъ и въ святости памяти о патріархахъ, и если затѣмъ мы вспомнимъ, что въ числѣ божественныхъ титуловъ есть «Вѣтхій денми» и «Отець боговъ и людей», — то мы увидимъ, что эти факты вполне гармонируютъ съ гипотезой, что первобытный богъ есть первый человекъ достаточно великій для того, чтобы перейти въ преда-

ніе, первый, заставившій помнить себя своимъ могуществомъ и дѣянiями; что отсюда — съ древностью стали неизбежно соединять превосходство и считать старость кровнымъ родствомъ съ «могущественнымъ»; что такимъ образомъ естественно возникло то преобладаніе старѣйшаго, которое характеризуетъ всю исторію, и та теорія о вырожденіи челоуѣка, которая живетъ еще до сихъ поръ. Мы можемъ далѣе остановиться на фактахъ, что *Lord* значитъ «высокородный» или (такъ какъ тотъ же корень даетъ слово, означающее небо), можетъ быть, «рожденный небесами»; что, прежде нежели слово *Sir* или *Sire* вошло въ употребленіе, оно, также какъ и *отецъ*, служило отличіемъ для священника;—что *worship* (поклоненіе, чествованіе) первоначально *worth-ship*, терминъ почтенія, употребляемый даже запросто и относительно судей, есть также терминъ для дѣйствiа, которымъ мы придаемъ величіе или достоинство Божеству, такъ что приписывать челоуѣку *worth-ship* значитъ чествовать его, поклоняться ему. Мы могли бы дать большое значеніе тому свидѣтельству, что всѣ древнѣйшія правленія были, въ болѣе или менѣе опредѣленномъ видѣ, теократическими, и что у древнихъ восточныхъ народовъ даже самыя обыкновенныя формы и обычаи носятъ на себѣ слѣды религіознаго вліянiя. Мы могли бы подкрѣпить нашу аргументацію относительно происхожденія церемонiальныхъ обрядовъ, прослѣдивъ первоначальное поклоненіе, выражавшееся посыпаніемъ головы прахомъ, что, вѣроятно, было символомъ поверженія головы въ прахъ,—связью съ нимъ обыкновенія, господствующаго у нѣкоторыхъ племенъ, воздавать почеть кому-либо предложеніемъ пучка волосъ, вырванныхъ изъ головы, что повидимому имѣетъ одинаковое значеніе со словами: «Я твой рабъ». Мы могли бы подкрѣпить эту аргументацію изслѣдованіемъ восточнаго обыкновенія дарить посѣтителю всякую вещь, которая ему понравится, что довольно ясно выражаетъ, что «все, что я имѣю,—ваше».

Не распространяясь однако объ этихъ и многихъ другихъ фактахъ меньшаго значенія, мы осмѣливаемся думать, что представленныхъ свидѣтельствъ достаточно для оправданія нашего положенія. Еслибъ доказательства были недостаточны или одно-

сторонни, выводу нашему едвали можно было бы повѣрить. Но при многочисленности ихъ, какъ относительно титуловъ, такъ и привѣтственныхъ фразъ и поклоновъ, и при одновременности и однообразія паденія всего, — свидѣтельства наши пріобрѣтаютъ сильный вѣсъ путемъ взаимнаго своего подтвержденія. Если мы вспомнимъ также, что результаты этого процесса видны не только между различными народами и въ различныя времена, но что они встрѣчаются и въ настоящее время, среди насъ, — мы едвали станемъ сомнѣваться, что процессъ этотъ шель именно такъ, какъ указано здѣсь, и что наши обычные слова, дѣйствія и фразы вѣжливости были первоначально заявленіями покорности предъ могуществомъ другаго.

Такимъ образомъ общая доктрина, что всѣ роды правленія, которымъ человѣкъ подчинялся, были вначалѣ *однимъ* правленіемъ, — что политическія, религіозныя и церемоніальныя формы власти суть расходящіяся вѣтви одной общей и нераздѣльной власти, начинаетъ оказываться состоятельною. Когда, помимо вышеприведенныхъ фактовъ, мы заглянемъ въ старинныя памятники, говорящія, что «въ тѣ времена были исполины», — когда вспомнимъ, что въ восточныхъ преданіяхъ какой-нибудь Немвродъ равно является во всѣхъ видахъ исполина, государя и божества, — когда мы обратимся къ образчикамъ скульптуры, вырытымъ Лейярдомъ, и, рассматривая изображенія государей, скачущихъ по непріятельскимъ тѣламъ, попирающихъ плѣнныхъ и принимающихъ обожаніе простертыхъ ницъ рабовъ, замѣтимъ, какъ положенія этихъ государей постоянно согласуются съ первобытнымъ названіемъ боговъ: «сильный», «разрушитель», «могущественный», — когда вспомнимъ, что древнѣйшіе храмы были вмѣстѣ съ тѣмъ и жилищами государей, и когда мы, наконецъ, откроемъ, что и доселѣ еще у нѣкоторыхъ племенъ существуютъ обыденныя предразсудки, тожественныя съ тѣми, на которые указываютъ старинныя памятники и старинныя зданія; — мы сознаемъ вѣроятность изложенной здѣсь гипотезы. Мысленно переносясь къ той отдаленной эпохѣ, когда человѣчскія теоріи о сущности вещей еще не слагались, и воспроиз-

вода въ своемъ воображеніи побѣдоноснаго вождя, смутно изображаемаго въ древнихъ мѣахъ, поэмахъ и развалинахъ, — мы ясно представляемъ себѣ, что всякое правило поведенія должно исходить изъ его воли. Будучи вмѣстѣ и законодателемъ и судьей, онъ рѣшаетъ всѣ споры своихъ подданныхъ и слова его становятся закономъ. Страхъ, внушаемый имъ, есть зарождающаяся Религія; его изрѣченія служатъ текстомъ первыхъ ея заповѣдей. Покорность ему выражается въ формахъ, имъ предписанныхъ; изъ этихъ формъ рождаются Обычаи. Изъ словъ его, обращающихся въ законъ, время развиваетъ политическую зависимость и отправленіе правосудія; изъ страха, внушаемаго имъ, время развиваетъ поклоненіе существу, личность котораго становится все неопредѣленнѣе, и укорененіе заповѣдей, все болѣе и болѣе отвлеченныхъ; изъ формъ покорности возникаютъ формы почестей и правила этикета. Сообразно съ закономъ развитія всѣхъ органическихъ существъ, въ силу котораго общія отправленія постепенно распадаются на частныя отправленія, составляющія ихъ, — въ социальномъ организмѣ возникаетъ, для удобнѣйшаго выполненія правительственныхъ функцій, цѣлый снарядъ судебныхъ мѣстъ, съ судьями и адвокатами; національная церковь, съ ея епископами и священниками, и цѣлая система кастъ, титуловъ и церемоній, управляемыхъ всей массой общества. Первый преслѣдуетъ и караетъ явныя нарушенія; вторая сдерживаетъ до нѣкоторой степени расположеніе къ подобнымъ нарушеніямъ; третьи осуждаютъ и наказываютъ тѣ болѣе незначительныя нарушенія надлежащаго поведенія, которыя не подлежатъ вѣдѣнію первыхъ. Законъ и религія управляютъ поведеніемъ въ существенныхъ его чертахъ, обычай управляютъ его подробностями. Этотъ сводъ болѣе легкихъ ограниченій вводится для регулированія тѣхъ обычныхъ дѣйствій, которыя слишкомъ многочисленны и слишкомъ незначительны для оффиціального управленія. И если мы разсмотримъ, каковы эти ограниченія, если мы станемъ анализировать общеупотребительныя слова, фразы и поклоны, — мы увидимъ, что какъ по происхожденію своему, такъ и по дѣйствію, вся система эта есть ни что иное какъ временное правительство, которое люди, приходящіе въ соприкосновеніе другъ

съ другомъ, вводить для того, чтобы лучше управлять взаимными отношеніями своими.

Изъ предложенія, что эти различные роды управленій составляютъ существенно-единую вещь, какъ относительно происхожденія своего, такъ и относительно своей дѣятельности, можно вывести нѣсколько важныхъ заключеній, непосредственно касающихся нашего спеціального предмета.

Замѣтимъ вопервыхъ, что для всѣхъ формъ правила существуютъ не только общее происхожденіе и назначеніе, но и общая потребность. Первобытный человѣкъ, бьющій медвѣда и сидящій въ засадѣ противъ своего непріятеля, по необходимости своего положенія, имѣетъ натуру, которую должно обуздывать въ каждомъ ея побужденіи. На войнѣ, также какъ и на охотѣ, на него ежедневно вліяетъ занятіе, состоящее въ томъ, чтобы приносить другія существа въ жертву своимъ собственнымъ потребностямъ и страстямъ. Его характеръ, завѣщанный ему предками, которые вели подобную же жизнь, вылился въ эту форму и приспособился къ такому существованію. Безграничное себялюбіе, страсть видѣть мученія, кровожадность, постоянно поддерживаемая въ дѣятельномъ состояніи, — все это онъ приноситъ съ собою въ общество. Эти расположенія ставятъ его въ постоянную опасность столкновенія съ своимъ столь же дикимъ сосѣдомъ. Въ мелкихъ вещахъ, также какъ и въ серьезныхъ, въ разговорѣ, также какъ и въ дѣлѣ, онъ всегда готовъ къ нападенію, и ежечасно подвергается нападеніямъ людей, имѣющихъ одинакую съ нимъ натуру. Поэтому, только самое суровое управленіе всѣми дѣйствіями такихъ людей можетъ поддержать первоначальное ихъ сближеніе. Тутъ нуженъ правитель строгій, съ непреклонной волей, знакомый съ угрызеніями совѣсти; тутъ нужна вѣра, ужасная въ своихъ угрозахъ непокорнымъ; нужна самая рабская покорность всякаго подчиненнаго лица. Законъ долженъ быть жестокъ; религія должна быть сурова; церемоніи должны быть строги. Еслибъ позволяло мѣсто, можно было бы пояснить многочисленными примѣрами изъ исторіи одинакую необходимость каждаго отдѣльнаго рода этихъ ограниченій. Достаточно будетъ однако

указать, что тамъ, гдѣ гражданская власть была слаба, размноженіе воровъ, убійць и разбойниковъ обличало близость разложенія общества; что когда, вслѣдствіе испорченности своихъ служителей, религія утратила свое вліяніе, какъ это было предъ появленіемъ Бичующихся, государство находилось въ опасности; и это пренебреженіе установленными общественными приличіями всегда сопровождало политическія революціи. Тотъ, кто сомнѣвается въ необходимости правленія обычаевъ, пропорціональнаго по силѣ своей съ существующими политическими и религіозными управленіями, тотъ убѣдится въ ней, вспомнивъ, что недавно еще выработанные кодексы общественного поведенія не могли удержать людей отъ уличныхъ ссоръ и дуэлей въ тавернахъ, и что даже теперь у дверей театра, гдѣ законы церемональности не имѣютъ силы, народъ проявляетъ нѣкоторую степень взаимной враждебности въ индивидахъ, которая произвела бы смятеніе, еслибъ допускалась во всѣхъ общественныхъ сношеніяхъ.

Мы находимъ, какъ это и можно было ожидать, при общемъ происхожденіи и одинаковой общей дѣятельности, что эти отдѣльные правящіе дѣятели дѣйствуютъ въ каждую эпоху съ одинаковой степенью силы. При китайскомъ деспотизмѣ, стѣснительномъ и безконечномъ въ своихъ постановленіяхъ и жестокостію въ требованіи ихъ исполненія, деспотизмъ, съ которымъ соединяется равно суровый семейный деспотизмъ старшаго въ родѣ, — существуетъ система приличій столь же сложныхъ, сколько и строгихъ. У нихъ есть трибуналъ церемоній. Прежде представленія ко двору, посланники проводятъ нѣсколько дней въ изученіи требуемыхъ формальностей. Общественное обращеніе обременено безконечными комплиментами и поклонами. Сословныя отличія строго опредѣлены ви́шними знаками. Главное огорченіе при потерѣ единственнаго сына состоитъ въ томъ, что некому будетъ исполнить погребальные обряды. И если нужна вещественная мѣрка уваженія, оказываемаго общественнымъ постановленіямъ, то мы имѣемъ ее въ пыткѣ, которой подвергаются женщины сдвигая свои ноги. Въ Индіи, да и вообще на всемъ Востокѣ, существуетъ подобная же связь между ними—

люсердной тиранией правителей, ужасами вѣры, живущей съ незапамятныхъ временъ, и суровыми стѣсненіями неизмѣнныхъ обычаевъ: кастовыя учрежденія сохраняются донынѣ неприкосновенными; покрой платья и мебели остается одинаковымъ въ теченіе вѣковъ; о самоожженіи вдовъ упоминаютъ Страбонъ и Диодоръ Сицилійскій; судъ все-еще творится у воротъ дворца, какъ и въ старину; словомъ, тамъ «всякое обыкновеніе есть религіозная заповѣдь и судебное правило». Подобное же сродство явленій представлялось въ Европѣ въ средніе вѣка. Покуда всѣ ея правительства были самодержавными, покуда феодализмъ властвовалъ, покуда церковь еще не была лишена своего могущества, покуда уголовный кодексъ былъ полонъ угрозъ, а адъ народной вѣры полонъ ужасовъ,—правила обращенія были и многочисленнѣе и строже соблюдаемы, нежели теперь. Различія въ одеждѣ означали сословныя раздѣленія. Ширина носковъ мужскихъ башмаковъ ограничивалась закономъ; и никто, стоявшій ниже опредѣленной степени общественнаго положенія, не могъ носить плаща короче извѣстнаго числа дюймовъ. На символы на знаменахъ и щитахъ обращалось тщательное вниманіе. Геральдика была важной отраслью знанія. Первородство соблюдалось весьма строго. И различныя поклоны, употребляемые нами теперь въ сокращеніи, совершались тогда вполнѣ. Даже и у насъ послѣднее столѣтіе, съ его порочной палатой депутатовъ и мало сдерживаемыми монархами, проявляло подобную же силу общественныхъ формальностей. Благородные классы отличались отъ низшихъ одеждой; люди приносили себя въ жертву стѣснительнымъ требованіямъ, каковы напр. пудра, юбки съ обручами и высокія прически; дѣти обращались къ родителямъ со словами: *Sir* и *Madam*.

Дальнѣйшее заключеніе, естественно слѣдующее за послѣднимъ и какъ-бы составляющее часть его, есть то, что эти отдѣльные роды управленія ослабѣвали въ одинаковой же степени. Одновременно съ упадкомъ вліянія духовенства и съ уменьшеніемъ страха вѣчныхъ мукъ, одновременно съ ослабленіемъ политической тиранинн, возрастаніемъ народной власти и улучшеніемъ уголовныхъ кодексовъ,—шло и то уменьшеніе формальностей, то исчезнове-

ніе ви́шнихъ отличій, которое становится нынѣ столь явно. Взглянувъ на домашнюю жизнь, мы легко замѣтимъ, что въ ней меньше обращаютъ вниманія на первородство, нежели прежде. Никто въ наше время не оканчиваетъ свиданія фразой: «вашъ покорный слуга». Слово «*Sir*», бывшее нѣкогда во всеобщемъ употребленіи, считается теперь признакомъ дурнаго воспитанія, и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ нужно употребить слова: «Ваше Величество» или «Ваше Королевское Высочество», повторить ихъ два раза въ разговорѣ считается вульгарностью. Мы уже не пьемъ болѣе оффиціально за здоровье другъ друга; и даже чоканье бокалами начинаетъ выходить изъ употребленія. Сниманье шляпы между мужчинами постепенно выводится. Даже если шляпа и снимается, то ею не махаютъ больше, а просто приподнимаютъ ее. Это подало поводъ иностранцамъ къ замѣчанію, что англичане снимаютъ шляпы рѣже, чѣмъ какой-либо другой народъ въ Европѣ,—замѣчаніе, къ которому можно присоединить и другое: что англичане самый свободный народъ въ Европѣ. Мы уже указали, что это сближеніе фактовъ не есть случайное. Титулованія и формы привѣтствія, имѣя въ себѣ нѣчто рабское; связаннсе съ ихъ происхожденіемъ, выводятся по мѣрѣ того, какъ люди сами становятся болѣе независимы и болѣе сочувствуютъ независимости другихъ. Чувство, заставляющее джентльмена нашего времени сказать крестьянину, стоящему предъ нимъ съ непокрытой головой, чтобъ онъ надѣлъ шляпу,—чувство, внушающее намъ отвращеніе къ тѣмъ, кто унижается и раболѣпствуетъ,—чувство, заставляющее насъ поддерживать собственное достоинство и уважать достоинство другихъ,—чувство, ведущее насъ все болѣе и болѣе къ пренебреженію всѣми формами и выраженіями, въ которыхъ сказывается униженіе и подчиненность,—это чувство есть то самое, которое сопротивляется деспотизму власти и укореняетъ народное правительство, отвергаетъ безусловность церковнаго авторитета и устанавливаетъ право личнаго сужденія.

Четвертый фактъ, однородный съ предыдущими, есть тотъ, что эти отдѣльные виды управленія не только падаютъ вмѣстѣ, но и заражаютъ другъ друга. Путемъ того же процесса, вслѣдствіе

котораго судъ канцлера становится мѣстомъ не отправленія правосудія, а мѣстомъ его ограниченія,—путемъ того же процесса, вслѣдствіе котораго національная церковь, изъ дѣятеля нравственнаго управленія, обращается просто въ дѣло формулъ, десятинъ и епископствъ, — титулы и церемоній, имѣвшія нѣкогда значеніе и могущество, становятся пустыми формами. Кольчуги, служившія для отличія людей въ битвахъ, блистають теперь на дверцахъ каретъ разбогатѣвшихъ лавочниковъ. Аксельбантъ, бывшій нѣкогда знакомъ высшаго военнаго чина, обратился, на плечѣ нынѣшняго лакея, въ при знакъ рабства. Название *Banneret*, обозначавшее нѣкогда хотя и пожалованнаго, но заявившаго свои военныя достоинства барона, въ измѣненномъ видѣ *Баронета* придается теперь всякому, кому благоприятствуетъ фортуна или интересы и духъ партій. Достоинству кавалера придается такъ мало значенія, что люди начинаютъ гордиться отказами отъ этого достоинства. Военное достоинство *Escuyer* сдѣлалось въ нынѣшнемъ *Esquire* вовсе не военной прибавкой къ имени. Титулы, фразы привѣтствія и формы поклоновъ не только перестаютъ исполнять свое первоначальное назначеніе, но и весь снарядъ социальныхъ формъ становится ненужнымъ для первоначальной своей дѣли—облегченія общественныхъ сношеній. Люди, наиболѣе свѣдущіе въ церемоніяхъ и наиболѣе строгіе въ исполненіи ихъ, не всегда бываютъ людьми безукоризненнаго поведенія; точно также какъ люди, глубоко изучившіе вѣрованія и священныя писанія, не дѣлаются отъ этого наиболѣе религіозными, или какъ люди, имѣющіе самыя ясныя понятія о законности и незаконности, не всегда бываютъ самыми честными людьми. Точно такъ, какъ юристы меньше всѣхъ другихъ сословій отличаются честностью; какъ кафедральныя города стоятъ на болѣе низкой ступени нравственности, нежели многіе другіе,—точно такъ же, если вѣрить Свифту, придворные наши представляютъ «самый ничтожный родъ людей на цѣломъ островѣ и полное отсутствіе всякаго оттѣнка хорошихъ обычаевъ».

Но, можетъ быть, этотъ процессъ вырожденія яснѣе всего видѣнъ въ томъ классѣ общественныхъ приемовъ, понимаемыхъ подъ названіемъ *приличій* (*Fashion*), который мы должны разоборать здѣсь мимоходомъ. Противопоставленныя *обычаямъ* (*Man-*

ners), опредѣляющимъ обыденныя наши дѣйствія по отношенію къ другимъ людямъ, приличія опредѣляютъ обыденныя дѣйствія наши по отношенію къ намъ самимъ. Между тѣмъ какъ первыя предписываютъ правила той стороны нашего поведенія, которая непосредственно касается нашего ближняго, вторыя предписываютъ правила исключительно-личной стороны нашего поведенія, къ которой другіе люди относятся только какъ зрители. Раздѣленные такимъ образомъ, обычаи и приличія берутъ свое начало изъ одного источника: между тѣмъ какъ обычаи порождаются подражаніемъ поведенію въ отношеніяхъ къ знатымъ лицамъ, приличія порождаются подражаніемъ поведенію самихъ знатныхъ лицъ. Между тѣмъ какъ одни порождаются титулами, привѣтствіями и поклонами, воздаваемыми могущественнымъ людямъ, другіе порождаются привычками и приемами этихъ людей. Караибка, сдавливающая голову дитяти своего въ ту форму, какую отличается голова вождя ея племени; молодой дикарь, дѣлающій на тѣлѣ своемъ знаки подобные рубцамъ, покрывающимъ воиновъ его племени (отсюда вѣроятно происходитъ татуированіе); шотландскій горець, усвоивающій себѣ пледъ подобный тому, какой носить начальникъ клана; придворные, представляющіе себя сѣдыми или хромыми въ подражаніе своему государю; народъ, перенимающій все отъ придворныхъ, — всѣ равно дѣйствуютъ подъ вліяніемъ нѣкотораго рода управленія, сроднаго съ управленіемъ обычаевъ и, подобно ему, по сущности своей благотворнаго. Несмотря на многочисленныя вѣлѣпости, до которыхъ доводило людей подражаніе, — отъ колець, продѣтыхъ въ носъ, до серегъ, отъ раскрашенныхъ лицъ до мусекъ, отъ бритыхъ головъ до напудренныхъ париковъ, отъ подпленныхъ зубовъ и выкрашенныхъ ногтей до поясовъ съ погрешками, башмаковъ съ острыми носками и штановъ, набитыхъ отрубями, — должно все-таки признать, что такъ какъ люди сильные, люди преуспѣвающіе, люди съ твердою волею, разумные и своеобразные, достигнувшіе высшихъ ступеней въ обществѣ, должны, вообще говоря, оказаться болѣе разсудительными въ своихъ привычкахъ и вкусахъ, нежели толпа, — то подражать имъ полезно. Мало-по-малу, однако, приличія, вырождаясь, подобно всѣмъ другимъ формамъ правила, почти совсѣмъ пере-

стають быть подражаніемъ лучшему и становятся подражаніемъ совсѣмъ иному. Какъ въ духовное званіе вступаютъ не такіе люди, которые имѣютъ специальную способность къ сану священника, а такіе, которые видятъ въ немъ средство для полученія доходнаго мѣста, — какъ законодателями и администраторами люди дѣлаются не въ силу ихъ политической проицательности или способности къ управленію, а въ силу ихъ рожденія, богатства и сословныхъ вліаній, — такъ и самоизбравшаяся *clique'a*, которая устанавливаетъ моду, пріобрѣтаетъ прерогативу не вслѣдствіе силы своей натуры, своего разума или высоты своего достоинства и вкуса, а единственно путемъ никѣмъ не оспаривавшагося завладѣнія. Между посвященными этого круга нельзя найти ни особенно почтенныхъ, ни особенно могущественныхъ, ни особенно образованныхъ, ни особенно изящныхъ людей; не окажется тамъ и людей высокаго генія, остроумія или красоты; кругъ этотъ далекъ отъ того, чтобы превосходить другіе, и отличается своей безжизненностью. И обществу приходится сообразоваться въ своихъ обыкновеніяхъ, въ своей одеждѣ, забавахъ и пр. не съ истинно-замѣчательными людьми, а съ этими мнимо-замѣчательными личностями. Естественнымъ послѣдствіемъ всего этого становится то, что обычаи имѣютъ вообще мало или вовсе не имѣютъ той полезности, которую предполагаютъ въ нихъ теорія приличій. Но вмѣсто постоянного прогресса къ большому изяществу и удобству, котораго надо бы ожидать, еслибъ общество слѣдовало примѣру дѣйствительно-лучшихъ людей или собственнымъ идеямъ о приличіи, — мы видимъ царство каприза, безразсудности, перемѣнъ ради перемѣнъ, суетныхъ колебаній отъ одной крайности къ другой, — царство обычаевъ безъ смысла, распредѣленія времени безъ толку, одежды безъ вкуса. Такимъ образомъ жизнь *à la mode*, вмѣсто того, чтобы быть самою рациональною жизнью, оказывается жизнью подъ опекою мотовъ и праздныхъ людей, модистокъ и портныхъ, франтовъ и пустыхъ женщинъ.

Ко всѣмъ этимъ выводамъ, что различные виды власти, которымъ подчиненъ человекъ, имѣютъ общее происхожденіе и общую дѣятельность, вызываются однородными потребностями и со-

храняють одинаковую степень силы, вмѣстѣ падаютъ и вмѣстѣ заражаются порчей, — остается только прибавить, что они вмѣстѣ становятся и ненужными. Такъ какъ всѣ роды управленія были результатомъ неспособности первобытнаго человѣка къ общественной жизни, такъ какъ всѣ они уменьшаются въ понудительности по мѣрѣ того, какъ уменьшается эта неспособность, — то всѣ они вмѣстѣ должны придти къ концу, когда человѣчество пріобрѣтетъ полную способность примѣняться къ новымъ своимъ условіямъ. Та же сила обстоятельствъ, которая уже выработала въ насъ великія перемѣны, должна необходимо продолжать выработываніе еще болѣе значительныхъ перемѣнъ. Ежедневное укрощеніе низшей природы и культура высшей, которыя изъ каннибаловъ и поклонниковъ дьявола развили филантроповъ, друзей мира и ненавистниковъ всякаго суевѣрія, не могутъ не развить изъ нихъ людей настолько же превосходящихъ послѣднихъ, насколько послѣдніе превосходятъ своихъ предковъ. Причины, которыя произвели прошлыя измѣненія, дѣйствуютъ и теперь; онѣ должны дѣйствовать до тѣхъ поръ, пока будетъ еще существовать какая-либо несоразмѣрность между желаніями человѣка и требованіями общественнаго устройства, и должны наконецъ сдѣлать человѣка органически приспособленнымъ къ общественной жизни. Какъ теперь не приходится воспрещать людодѣдство и фетишизмъ, такъ современемъ не нужно будетъ воспрещать убійство, воровство и второстепенныя преступленія нашего уголовного кодекса. Когда человѣческая природа доростетъ до единства съ нравственнымъ закономъ, въ судьяхъ и уложеніяхъ не будетъ больше надобности, — когда она самопроизвольно приметъ вѣрное направленіе во всѣхъ вещахъ, какъ сдѣлала теперь въ нѣкоторыхъ, — въ перспективѣ будущей награды или кары не будетъ больше надобности; и когда приличный образъ дѣйствій станетъ инстинктивнымъ, не будетъ надобности въ церемоніальныхъ уставахъ, опредѣляющихъ формы этого образа дѣйствій.

Теперь, мы поймемъ смыслъ, естественность и необходимость различныхъ эксцентричностей реформаторовъ, на которыя указа-

но было въ началѣ этой статьи. Онѣ не случайны; онѣ не составляютъ проявленій личнаго каприза, какъ это полагаютъ нѣкоторые. Напротивъ того, онѣ суть неизбѣжный результатъ закона родства, который поясненъ выше. Общность генезиса, дѣятельности и упадка, которая видна во всѣхъ формахъ стѣсненія, есть простое проявленіе факта, указаннаго нами вначалѣ: что формы эти имѣютъ общаго охранителя и общаго разрушителя въ двухъ чувствахъ человѣческой природы. Страхъ предъ властью порождаетъ и охраняетъ ихъ; любовь къ свободѣ подрываетъ и періодически ослабляетъ ихъ. Первый защищаетъ деспотизмъ и утверждаетъ верховность закона, держится старыхъ вѣрованій и поддерживаетъ авторитетъ духовенства, поклоняется титуламъ и сберегаетъ формы; вторая, ставя справедливость выше законности, періодически упрочиваетъ политическую свободу, подвигаетъ протестантизмъ, вырабатываетъ его послѣдствія, отвергаетъ безсмысленныя предписанія обычая и освобождаетъ человѣка отъ мертвыхъ формъ. Для истиннаго реформатора нѣтъ ни учреждений, ни вѣрованій, которыя стояли бы выше критики. Все должно сообразоваться съ справедливостью и разумомъ; ничто не должно спасаться силою своего обаянія. Предоставляя каждому человѣку свободу достиженія своихъ цѣлей и удовлетворенія своихъ вкусовъ, онъ требуетъ для себя подобной же свободы, и не согласенъ ни на какія ограниченія ея, кромѣ тѣхъ, которыя обуславливаются подобными же правами другихъ людей. Ему все равно, исходить ли постановленіе отъ одного человѣка или отъ всѣхъ людей, но если оно нарушаетъ его законную сферу дѣятельности, онъ отвергаетъ дѣйствительность такого постановленія. Тиранинъ, которая захотѣла бы принудить его къ извѣстному покрою одежды или къ извѣстному образу поведенія, онъ сопротивляется такъ же, какъ и тиранинъ, которая захотѣла бы ограничить его продажу и куплю или предписать ему его вѣрованія. Будетъ ли это предписываться формальнымъ постановленіемъ законодательства или неформальнымъ требованіемъ общества,—будетъ ли неповиновеніе наказываться тюремнымъ заключеніемъ или косыми взглядами общества и остракизмомъ,—для реформатора это не имѣетъ важно-

сти. Онъ выскажетъ свое мнѣніе несмотря на угрожающее наказаніе, онъ нарушитъ приличія несмотря на мелкія преслѣдованія, которымъ его подвергнутъ. Докажите ему, что дѣйствія его вредны его ближнимъ,—онъ остановится. Докажите, что онъ нарушаетъ ихъ законныя требованія, что то, что онъ дѣлаетъ, должно естественно породить несчастіе,—и онъ измѣнитъ свой образъ дѣйствій. Но покуда вы этого не сдѣлаете, пока вы не докажете ему, что поступки его по существу своему неприличны или неизящны, по существу своему безразсудны, несправедливы или неблагородны, — до тѣхъ поръ онъ будетъ упорствовать.

Иные, правда, утверждаютъ, что такое поведеніе несправедливо и невеликодушно. Они говорятъ, что человѣкъ не имѣетъ права докучать другимъ своими фантазіями; что господинъ, которому онъ адресуетъ письмо безъ означенія «Esq.» на адресъ, и дама, на вечеръ которой онъ является безъ перчатокъ, оскорбляются тѣмъ, что они считаютъ недостаткомъ уваженія или недостаткомъ воспитанія; что слѣдовательно допускать его эксцентричности можно не иначе какъ насчетъ чувствъ его ближнихъ, и что, такимъ образомъ, его нонконформизмъ является просто себялюбіемъ.

На это онъ отвѣчаетъ, что такое положеніе, логически развитое, лишило бы людей всякой свободы. Положимъ, что каждый долженъ сообразовать свои дѣйствія съ общественнымъ, а не со своимъ вкусомъ. Если общественное мнѣніе о вещахъ опредѣлилось, то человѣческія привычки должны быть установлены разъ навсегда; никто не можетъ усвоить себѣ другихъ привычекъ, не грѣша противъ общественнаго мнѣнія и не оскорбляя чужихъ чувствъ. Поэтому, если взять эпоху косичекъ, высокихъ каблуковъ, накрахмаленныхъ маншеть и короткихъ панталонъ, то всѣ должны носить косички, высокіе каблуки, накрахмаленныя маншеты и проч. до окончанія вѣка.

Если станутъ утверждать, что онъ не имѣетъ права нарушать формы другихъ, для установленія своихъ формъ, принося такимъ образомъ желанія всѣхъ въ жертву желаніямъ одного,—то онъ возразитъ, что на этомъ основаніи можно отрицать всѣ полити-

ческія и религіозныя перемѣны. Развѣ слова и дѣйствія Лютера не были крайне оскорбительны для массы его современниковъ; развѣ сопротивление Гампдена не было противно окружавшимъ его поклонникамъ текущаго порядка; развѣ всякій реформаторъ не нарушаетъ человѣческихъ предразсудковъ и не оскорбляетъ людей своими мнѣніями? Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ спрашиваетъ: какое же право имѣетъ реформаторъ выражать эти мнѣнія? развѣ онъ не приноситъ чувствъ многихъ людей въ жертву чувствамъ одного человѣка?—и такимъ образомъ доказываетъ, что для того, чтобы быть послѣдовательными, противники его должны осудить не только всякій нонконформизмъ въ дѣйствіяхъ, но и всякій нонконформизмъ въ мысляхъ.

Противники возражаютъ, что и *его* положеніе тоже можно довести до абсурда. Они говорятъ, что если человѣку позволено нарушать извѣстныя формы, то столь же законно будетъ съ его стороны и нарушеніе всякихъ формъ,—и спрашиваютъ, почему бы не пойти ему на обѣдъ въ грязной сорочкѣ и небритымъ? Отчего бы ему не плевать на коверъ въ гостиной и не поднять ногу на каминную доску?

Нарушитель приличій отвѣчаетъ, что возражать такимъ образомъ значитъ смѣшивать два весьма различные класса дѣйствій—дѣйствій, *существенно* неприємныхъ окружающимъ, и дѣйствій, которыя только *случайно* неприємны имъ. Человѣкъ, неоприятность котораго доходитъ до оскорбленія обонянія его сосѣдей, или человѣкъ, который говоритъ такъ громко, что беспокоитъ цѣлое собраніе, вполне заслуживаетъ порицаній и, по всей справедливости, можетъ быть исключенъ обществомъ изъ собраній. Но человѣкъ, являющийся въ сюртукъ вмѣсто фрака или въ коричневыхъ панталонахъ вмѣсто черныхъ, оскорбляетъ не чувства людей и не врожденныя ихъ склонности, а просто ихъ предразсудки, ханжество ихъ приличій. Нельзя сказать, чтобы его костюмъ былъ менѣе наряденъ или существенно менѣе годеенъ, нежели тотъ, котораго требуетъ обычай; потому что нѣсколькими часами ранѣе этотъ костюмъ правился. Слѣдовательно, тутъ оскорбляются мнимымъ неприличіемъ. Какъ мало значенія имѣетъ въ этомъ дѣлѣ самое платье, видно изъ того факта, что сто

лѣтъ тому назадъ черная одежда показала бы совершенно неумѣстной въ часы увеселеній и что чрезъ нѣсколько лѣтъ какой-нибудь нынѣ непріятный покрой одежды будетъ, можетъ быть, болѣе соответствовать требованіямъ моды, нежели современный. Такимъ образомъ реформаторъ объясняетъ, что онъ протестуетъ не противъ естественныхъ ограниченій, а противъ искусственныхъ, и что очевидно, что огонь насмѣшекъ и косыхъ взглядовъ, которому онъ подвергается, направленъ на него только потому, что онъ не хочетъ поклоняться идолу, поставленному обществомъ.

Если его спросятъ, какимъ образомъ мы отличимъ поведеніе абсолютно непріятное другимъ отъ поведенія, которое непріятно только относительно, онъ отвѣтитъ, что это различіе явится само собой, если только люди допустятъ его. Поступки по существу своему противныя всегда будутъ вызывать негодованіе и всегда будутъ оставаться исключеніемъ, такъ же какъ и теперь. Дѣйствія же по существу своему непротивныя установятся какъ приличныя. Никакое послабленіе обычаевъ не введетъ въ употребленіе гразныхъ сапоговъ и немытыхъ рукъ; ибо отвращеніе къ неопрятности будетъ продолжаться, еслибъ даже моду уничтожили завтра. Любовь къ одобренію, въ силу которой люди теперь такъ тщательно стараются быть *en règle*, существовала бы и тогда,—заставляла бы ихъ и тогда заботиться о своей внѣшности,—искать одобреній за красивый нарядъ,—уважать естественныя законы порядочнаго поведенія, также какъ они уважаютъ теперь искусственныя. Вся перемѣна состояла бы въ томъ, что вмѣсто отталкивающаго однообразія мы имѣли бы живописное разнообразіе. И еслибъ могли встрѣтиться какія-нибудь постановленія, относительно которыхъ нельзя было бы рѣшить—основаны ли они на дѣйствительности или на условности, то опытъ скоро рѣшилъ бы такой вопросъ, еслибъ ему предоставлена была свобода.

Когда наконецъ преніе возвращается—какъ это часто бываетъ съ преніями—къ исходной своей точкѣ и «партія порядка» повторяетъ, что мятежникъ приноситъ чувства другихъ въ жертву собственному своеволію, онъ разъ навсегда отвѣчаетъ, что они

сбиваются ложностью своихъ понятій. Онъ обвиняетъ ихъ въ деспотизмъ, который не довольствуется тѣмъ, что предоставляетъ имъ власть надъ ихъ собственными поступками и привычками, но требуетъ еще признанія ихъ власти надъ дѣйствіями и привычками другихъ, и сѣтуеть, что такая власть не признается. Реформаторъ требуетъ такой же свободы, какой они пользуются; а они хотятъ предписать ему его поведеніе, обрѣзать и выкроить его жизнь по утвержденной ими выкройкѣ, и потомъ обвиняютъ его въ своеволіи и своекорыстіи за то, что онъ не хочетъ спокойно покориться! Онъ предупреждаетъ ихъ, что будетъ непремѣнно сопротивляться и что онъ сдѣлаетъ это не только для сохраненія своей собственной независимости, но и для ихъ же блага. Онъ доказываетъ имъ, что они рабы и не сознаютъ этого; что они скованы и цѣлуютъ свои цѣпи; что они всю свою жизнь прожили въ тюрьмѣ и жалуются, что стѣны ея рухнули. Онъ говоритъ, что считаетъ своей обязанностью упорствовать, для того чтобъ освободиться, и, несмотря на настоящія ихъ порицанія, предсказываетъ, что когда они успокоятся отъ страха, причиненнаго имъ перспективой свободы, они сами будутъ благодарить его за то, что онъ помогъ имъ освободиться.

Сколь грубымъ ни будетъ казаться тонъ недовольства, сколь обиднымъ ни покажется недовольство, мы не должны пренебрегать подобными истинами, изъ нелюбви къ борьбѣ. Несчастнымъ препятствіемъ всякому нововведенію служить то, что, въ силу самой своей дѣятельности, нововводители стоятъ въ положеніи враждебномъ; и непріятныя манеры, выраженія и поступки, порожденные этимъ антагонизмомъ, обыкновенно связываются съ проповѣдываемымъ ученіемъ. Забывая совершенно, что—хороша ли или дурна вещь, на которую нападаютъ—духъ распри всегда отталкиваетъ отъ себя, забывая совершенно, что терпимость въ дѣлѣ злоупотребленій кажется добродушною только по своей пассивности,—масса людей склоняется противъ передовыхъ взглядовъ и въ пользу отсталыхъ только вслѣдствіе обращенія съ людьми той и другой партіи. «Консерватизмъ, какъ говоритъ Эмерсонъ, тихъ и социаленъ; реформа индивидуальна и повелительна.» И это остается справедливымъ, какъ бы

недостаточна ни была система, которую стараются сохранить, и какъ бы справедлива ни была реформа, которую стараются провести. Мало того, негодованіе пуристовъ усиливается обыкновенно сообразно значительности зла, отъ котораго надо избавиться. Чѣмъ безотлагательнѣе требуемая перемѣна, тѣмъ неумѣреннѣе бываетъ запальчивость ея сторонниковъ. Поэтому никогда не слѣдуетъ смѣшивать съ принципами этого социальнаго нонконформизма рѣзкость и непріятную самоувѣренность тѣхъ, которые впервые проводятъ его въ общество.

Самое основательное возраженіе противъ несоблюденія приличій основано на его неполитичности съ точки зрѣнія прогрессиста. Многіе изъ весьма либеральныхъ и умныхъ людей,—обыкновенно тѣ, которые въ прежнее время сами выказывали нѣкоторую независимость поведенія,—утверждаютъ, что, возставая противъ мелочей, вы разрушаете возможность содѣйствовать сущности реформы. «Если вы будете эксцентричны въ обычаяхъ или одеждѣ, говорятъ они, люди не будутъ васъ слушать. На васъ будутъ смотрѣть какъ на чудака, за которымъ слѣдовать невозможно. Мнѣнія, выражаемые вами о серьезныхъ предметахъ, выслушивались бы съ уваженіемъ, еслибъ вы сообразовались съ обществомъ въ мелкихъ вещахъ; а теперь тѣ же самыя мнѣнія будутъ отнесены къ числу вашихъ странностей; и такимъ образомъ, расходясь съ толпой въ мелочахъ, вы лишаете себя возможности породить въ ней расколъ въ вещахъ существенныхъ.»

Замѣтивъ только мимоходомъ, что это одно изъ предположеній, которыя сами обусловливаютъ свое исполненіе,—что тѣ немногіе, которые выказываютъ неодобреніе существующаго, кажутся эксцентричными только потому, что многіе, не одобряющіе его, не выказываютъ своего неодобренія и что еслибъ всѣ дѣйствовали по своимъ убѣжденіямъ, то заключенія, подобнаго вышеприведенному, нельзя было бы вывести и подобное зло не могло бы существовать,—замѣтивъ это, мы возражаемъ далѣе, что эти общественныя стѣсненія, формы, требованія представляютъ не ничтожное зло, не мелочи, а одно

изъ величайшихъ золъ. Мы не сомнѣваемся, что, будучи подведены подъ одинъ итогъ, овѣ суммою своей превзошли бы сумму всѣхъ остальныхъ золъ. Еслибы мы могли сложить съ ними еще безпокойства, издержки, зависть, досаду, недоразумѣнія, потерю времени и потерю удовольствія—все, что эти условія влекутъ за собой,—еслибы мы могли ясно понять, въ какой мѣрѣ они ежедневно связываютъ насъ и дѣлаютъ насъ своими рабами,—мы можетъ быть и пришли бы къ заключенію, что ихъ тиранія хуже всякой другой тираніи, которой мы бываемъ подвержены. Взглянемъ на нѣкоторые изъ ея вредныхъ результатовъ, начиная съ наименѣ значительныхъ.

Она производитъ сумасбродство. Желаніе быть *comme il faut*, лежащее въ основаніи всякаго подражанія, въ обычаяхъ ли, одеждѣ или родѣ увеселеній, есть желаніе, порождающее мотовъ и банкротовъ. Поддерживать извѣстный *genre* жизни, имѣть въ аристократической части города домъ, отдѣланный въ новѣйшемъ вкусѣ, давать дорогіе обѣды и блестящіе балы—есть проявленіе честолюбія, естественно порождаемаго духомъ подражанія. Нѣтъ надобности распространяться объ этихъ сумасбродствахъ: они были осмѣяны легіонами писателей и осмѣиваются въ каждой гостинной. Наше дѣло состоитъ здѣсь только въ томъ, чтобы показать, что уваженіе къ общественнымъ приличіямъ, считающееся столь похвальнымъ, имѣетъ одинъ корень съ этимъ стремленіемъ не отставать отъ моды въ образѣ жизни и что, при равенствѣ другихъ условій, послѣднее не можетъ уменьшиться, если первое тоже не уменьшится. Теперь, если мы рассмотримъ все, что сумасбродство это влечетъ за собой, если мы перечтемъ обманутыхъ поставщиковъ, скудно содержимыхъ гувернантокъ, дурно воспитанныхъ дѣтей, обиженныхъ родственниковъ, которымъ придется страдать изъ-за этого; если мы вспомнимъ всѣ безпокойства и различные нравственные проступки, въ которые бываетъ вовлеченъ человекъ, предающійся этому сумасбродству,—мы увидимъ, что это уваженіе къ приличіямъ совсѣмъ не такъ невинно, какъ оно кажется.

Далѣе, оно уменьшаетъ итогъ общественныхъ сношеній. Не

говора о беззаботныхъ или о тѣхъ, которымъ спекуляціи доставляютъ случайную возможность преуспѣвать въ свѣтѣ въ ущербъ многимъ, лучшимъ людямъ, — мы переходимъ къ тому обширнѣйшему классу людей, которые, будучи достаточно благообразны и честны для того, чтобъ не жить выше своихъ средствъ, и при всемъ томъ, имѣя сильное желаніе быть «порядочными людьми» принуждены ограничивать число своихъ пріемовъ; и для того, чтобы каждый такой пріемъ гостей могъ съ наибольшей честью отвѣчать всѣмъ требованіямъ гостепріимства, людямъ приходится дѣлать свои приглашенія почти безъ всякаго вниманія къ комфорту или взаимной пригодности гостей между собой. Небольшое число слишкомъ многочисленныхъ собраній, составленныхъ изъ людей большей частью незнакомыхъ другъ съ другомъ или знакомыхъ весьма мало и не имѣющихъ почти ничего общаго во вкусахъ, — замѣняютъ частыя небольшія сходки друзей, достаточно близкихъ между собой для того, чтобы ихъ связывали одни и тѣ же узы мысли и сочувствія. Такимъ образомъ количество сношеній уменьшается и качество ихъ портится. Вслѣдствіе обыкновенія дѣлать дорогія приготовленія и предлагать дорогое угощеніе и вслѣдствіе того, что дѣлать это для большаго числа гостей и изрѣдка стоитъ меньшихъ издержекъ и меньшихъ хлопотъ, нежели дѣлать это часто для немногихъ гостей, — собранія нашихъ небогатыхъ классовъ дѣлаются столь же рѣдкими, сколько и скучными.

Замѣтимъ далѣе, что существующія формальности въ общественномъ обращеніи удаляютъ многихъ, ожидающихъ отъ него совершенствующаго вліянія, и заставляютъ ихъ обращаться къ дурнымъ привычкамъ и связямъ. Не мало найдется людей, и весьма умныхъ, которые съ отвращеніемъ отказываются отъ парадныхъ обѣдовъ и чопорныхъ вечеровъ, и вмѣсто ихъ ищутъ общества въ клубахъ, курительныхъ залахъ и тавернахъ. «Мнѣ противно толкаться въ гостинныхъ, говорить вздоръ и дѣлать довольною мину», отвѣчаетъ любой изъ нихъ, когда его упрекаютъ въ измѣнѣ гостинной. «Къ чему мнѣ еще терять время, деньги и хорошее расположеніе духа? Было время, когда я охотно бѣжалъ со службы домой, чтобъ переодѣться; я гонялся за вышитыми

сорочками, терпѣлъ узкіе сапоги и не заботился о счетахъ портныхъ и магазинщиковъ. Теперь я сталъ умнѣе. Терпѣніе мое продолжалось довольно долго; ибо, хотя я и находилъ, что каждый вечеръ проведенъ былъ глупо, но я все надѣялся, что слѣдующій вечеръ вознаградитъ меня. Но теперь я вижу свое заблужденіе. Наемныя кареты и лайковыя перчатки стоятъ дороже того, что можетъ дать любой балъ, или, вѣрнѣе, издержки стоятъ того, чтобы бросить всѣ эти выѣзды. Нѣтъ, нѣтъ, довольно съ меня. Къ чему я стану платить пять шиллинговъ за право скучать?» И если мы примемъ въ соображеніе, что подобный весьма обыкновенный взглядъ ведетъ къ биллиарднымъ, къ продолжительному сидѣнію за сигарой и пуншемъ, ко всякаго рода увеселительнымъ мѣстамъ; то является сомнѣніе, не повинны ли въ господствующемъ развращеніи тѣ строгія приличія, которыми стѣснены всѣ наши собранія. Людямъ необходимы возбужденія всякаго рода; лишенные возможности пользоваться высшими, они бросаются на низшія. Это не значить, что люди, предающіеся такимъ образомъ дурнымъ привычкамъ, имѣютъ существенно низкіе вкусы. Часто бываетъ совсѣмъ наоборотъ. Изъ шести-семи близкихъ пріятелей, оставляющихъ въ сторонѣ всякія формальности и сидящихъ свободно вокругъ огня, всякій, конечно, съ величайшимъ наслажденіемъ приступитъ къ высшему роду соціального общенія, — къ истинному общенію мысли и чувства; и если въ кругу этомъ находятся умныя и образованныя женщины, то это еще болѣе возвыситъ ихъ удовольствіе. Они не хотятъ, чтобы общество душило ихъ долѣе сухой разговорной шелухой, которую оно предлагаетъ имъ, потому-то они и бѣгутъ его собраній и ищутъ людей, съ которыми они могутъ вести дѣльный разговоръ, хотя бы и не изысканный. Люди, стремящіеся такимъ образомъ къ существенной, духовной симпатіи и идущіе туда, гдѣ они могутъ найти ее, часто бываютъ гораздо лучше и неиспорченнѣе тѣхъ, которые довольствуются безжизненностью раздушенныхъ и разодрѣтыхъ свѣтскихъ франтовъ, — людей, не чувствующихихъ потребности сблизиться морально съ равными себѣ созданиями больше, чѣмъ это

ють быть полезными, но становятся вредны. Между тѣмъ какъ челоѵчество развивается, они остаются неподвижны, ежедневно становятся все болѣе и болѣе механичны и безжизненны и мало-по-малу стремятся задушить то, что прежде охраняли. Они становятся не только испорченными и бездѣйственными, но становятся тормозящими. Старыя формы правленія подъ-конецъ становятся столь гнетущими, что ихъ должно ниспровергнуть, рискуя даже замѣнить ихъ царствомъ террора. Старыя вѣрованія дѣлаются подъ-конецъ мертвыми формулами, которыя не содѣйствуютъ уже развитію ума, но извращаютъ его и останавливаютъ это развитіе; а государственныя церкви, управляющія ими, становятся орудіями для поддержанія консерватизма субсидіями и для подавленія прогресса. Старыя системы воспитанія, воплощенныя въ публичныхъ школахъ и коллегіяхъ, продолжаютъ наполнять головы новыхъ поколѣній тѣмъ, что стало уже относительно бесполезнымъ знаніемъ и что, слѣдовательно, исключаетъ полезное знаніе. Нѣтъ организаціи какого бы то ни было рода—политической, религіозной, литературной, филантропической, которая, путемъ своихъ постоянно умножающихся постановленій, возрастающаго богатства, ежегоднаго увеличенія числа служащихъ и вкрадывающагося покровительства и духа партій, не потеряла бы мало-по-малу первоначальнаго своего смысла, и не упала бы до степени простаго, неодушевленнаго механизма, дѣйствующаго въ пользу частныхъ видовъ,—механизма, который не только не исполняетъ своего первоначальнаго назначенія, но служитъ положительной помѣхой ему. Точно тоже происходитъ и съ общественными обычаями. Говорятъ, что китайцы имѣютъ «напыщенные церемоніи, завѣщанныя имъ незапамятными временами», превращающія общественныя сношенія въ тяжелое бремя. Придворныя формы, предписанныя монархами для собственнаго своего возвеличенія, всегда и вездѣ кончались тѣмъ, что обременяли собственную ихъ жизнь. Такъ и искусственныя приличія столовой и гостинной, по мѣрѣ того, какъ они становятся многочисленнѣе и строже, губятъ то пріятное общеніе, обезпечить которое они первоначально имѣли цѣлью. Отвращеніе, съ какимъ люди обыкновенно говорятъ о «формальномъ»,

«чопорномъ», «церемонномъ» обществѣ, предполагаетъ общее признаніе этого факта; и это признаніе, логически развитое, подразумѣваетъ, что всѣ обычаи общежитія, которые основаны не на естественныхъ требованіяхъ, — вредны. Мнѣніе, что эти условія губятъ свои собственные цѣли, не ново. Свифтъ, критикуя обычаи своего времени, говоритъ: «Умные люди часто чувствуютъ себя гораздо болѣе неловко предъ изысканной вѣжливостью этихъ утонченныхъ господъ, нежели чувствовали бы себя въ разговорѣ съ крестьяниномъ или машинистомъ.»

Но это саморазрушительное дѣйствіе нашего общественнаго склада замѣтно не только въ мелочахъ; оно проявляется и въ самой его сущности и природѣ. Наше социальное общеніе, такъ, какъ оно теперь устроено, есть не болѣе какъ подобіе той дѣйствительности, которую мы ищемъ. Чего мы требуемъ? Сочувственной бесѣды съ подобными намъ; бесѣды, которая состояла бы не изъ мертвыхъ словъ, а была бы проводникомъ живыхъ мыслей и чувствъ, — бесѣды, въ которой говорили бы глаза и лицо и въ которой звуки голоса были бы полны значенія, — бесѣды, которая не дала бы намъ чувствовать себя одинокимъ, а сблизила бы насъ съ другими и усилила бы наши ощущенія, умноживъ ихъ ощущеніями другихъ. Гдѣ тотъ человѣкъ, который не чувствовалъ бы по временамъ, какъ холодно и плоско всѣ эти разговоры о политикѣ и наукѣ, о новыхъ книгахъ и новыхъ людяхъ, и какъ искреннее выраженіе сочувствія имѣетъ гораздо болѣе вѣса, чѣмъ все это? Вспомните слова Баконна: «Толпа не есть общество, и лица не болѣе какъ картинная галлерія, и слова не болѣе какъ звеняція струны, — тамъ, гдѣ нѣтъ людей.» Если это справедливо, то истинное общеніе, въ которомъ люди нуждаются, становится возможнымъ только тогда, когда знакомство обратилось въ короткость, а короткость въ дружбу. Рационально устроенный кружокъ долженъ состоять почти исключительно изъ людей, связанныхъ короткостью и уваженіемъ, и изъ одного или двухъ чужихъ. Какое же безуміе лежитъ въ основаніи всей системы нашихъ большихъ обѣдовъ, нашихъ «назначенныхъ дней», нашихъ вечеровъ, — собраній, состоящихъ изъ многихъ, никогда прежде не встрѣчавшихся, многихъ, которые

едва обмѣнялись поклонами, многихъ другихъ, хотя и коротко знакомыхъ, но не чувствующихъ другъ къ другу ничего кромѣ равнодушія, и только нѣсколькихъ истинныхъ друзей, затерянныхъ въ общей массѣ! Достаточно только взглянуть кругомъ себя на искусственныя выраженія лицъ, чтобы сразу понять дѣло. Всѣ замаскированы; какая же симпатія можетъ быть между масками? Чтожъ удивительнаго, что втайнѣ каждый жалуется на безсмысліе этихъ собраний, что удивительнаго, что хозяйки дома дѣлаютъ ихъ потому, что онѣ должны дѣлать ихъ, а не потому, чтобы онѣ этого хотѣли? Что удивительнаго, что приглашенные ѣдутъ менѣе изъ ожиданія удовольствія, нежели изъ боязни нанести обиду? Все это есть громадная ошибка, — организованное разочарованіе.

Наконецъ замѣтимъ, что въ этомъ случаѣ, — какъ и во всѣхъ другихъ, — когда извѣстная организація становится испорченной и недействительной для своей естественной цѣли, она начинаетъ употребляться для совершенно другой и совершенно противоположной цѣли. Что служить обыкновеннымъ предлогомъ этихъ скучныхъ собраний и посѣщенія ихъ? «Я допускаю, что онѣ весьма безсмысленны и пусты, — отвѣтитъ вамъ всякій на ваши критическія замѣчанія, — но вѣдь надо же поддерживать свои связи.» И еслибъ вамъ удалось получить отъ жены этого господина откровенный отвѣтъ, то онъ былъ бы слѣдующій: «мнѣ противна суетность эта такъ же, какъ и вамъ; но намъ нужно выдать замужъ дочерей нашихъ.» Одинъ хочетъ сдѣлать карьеру, приобрести практику, расширить свои дѣла: онъ ищетъ парламентскаго вліянія, доходнаго мѣста въ какомъ-нибудь графствѣ, голосовъ на выборахъ, должности; ищетъ положенія, милостей, выгоды. Другая же думаетъ о женихахъ и партіяхъ, невѣстахъ и приданыхъ. Потерявъ всякую цѣну относительно прямой своей цѣли — ежедневнаго сближенія людей между собой путемъ пріятныхъ сношеній, эти стѣснительные способы нашего общежитія упорно поддерживаются теперь въ видахъ денежныхъ и матримоніальныхъ результатовъ, косвенно ими производимыхъ.

Кто же послѣ этого скажетъ, что реформа нашей системы приличій дѣло не важное? Видя, какъ эта система вводитъ мод-

ное сумасбродство, влекущее за собой банкротство и разореніе,—замѣчая, въ какой значительной мѣрѣ она ограничиваетъ сумму общеній между менѣе богатыми классами,—убѣждаясь, что многіе изъ тѣхъ, которые наиболѣе нуждаются въ дисциплинированіи путемъ сношеній съ людьми изящными, удаляются отъ общества и вступаютъ на опасную и часто роковую дорогу,—принимая въ расчетъ множество слабѣйшихъ золь, происходящихъ отсюда: усиленный трудъ, налагаемый роскошью этой системы на всѣхъ промышленныхъ и торговыхъ людей, порчу общественного вкуса въ одеждѣ и украшеніяхъ, производимую тѣмъ, что ея нелѣпости выставляются образцами для подражанія, ущербъ для здоровья, ясно выражающійся на лицахъ ея поклонниковъ къ концу лондонскаго сезона, большую смертность между модистками и подобными имъ лицами, связанную съ ежегодными внезапностями моды, — прибавивъ ко всему этому роковое ея преступленіе: что она обезцвѣчиваетъ, иссушаетъ и убиваетъ то высокое наслажденіе, которому она по назначенію своему должна служить, наслажденіе, которое есть главная пѣль нашей тяжелой, жизненной борьбы,—не должны ли мы заключить, что реформа нашей системы этикета и моды есть дѣло, только весьма немногимъ другимъ дѣламъ уступающее въ безотлагательной необходимости?

Итакъ, протестантизмъ въ общественныхъ обычаяхъ необходимъ. Формы, переставшія служить для облегченія и ставшія препятствіями,—будутъ ли то формы политическія, религіозныя или иныя,—должны быть уничтожены, и дѣйствительно бывають уничтожены во всѣхъ случаяхъ. Нѣтъ недостатка въ признакахъ близкой перемены. Толпы сатириковъ, предводительствуемые Тэкереемъ, уже нѣсколько дѣтъ трудятся надъ тѣмъ, чтобы предать презрѣнію наши поддѣльные празднества, наши модныя глупости; и, въ своемъ добродушіи, большая часть людей смѣется надъ суетностями, на которыя поддаются и они и весь свѣтъ. Насмѣшка была всегда революціоннымъ агентомъ. То, чего начинаютъ касаться насмѣшка и сарказмъ, не можетъ уже долго держаться. Учрежденія, потерявшія корни свои въ ува-

женіи и вѣрѣ людей, невозвратно осуждены, и день ихъ гибели недалекъ. Приближается время, когда въ нашей системѣ общественныхъ приличій долженъ совершиться кризисъ, изъ котораго она выйдетъ очищенная и сравнительно упрощенная.

Какимъ образомъ она дойдетъ до этого кризиса,—этого никто не можетъ достовѣрно сказать. Путемъ ли непрерывныхъ и увеличивающихся индивидуальныхъ протестовъ, или путемъ соединенія многихъ отдѣльныхъ личностей для осуществленія и распространенія какой-нибудь лучшей системы,—это можетъ рѣшить только будущее. Вліяніе уклоненій, дѣйствующихъ по одиночкѣ, кажется, при настоящемъ положеніи дѣлъ, недостаточно: стоя одиноко, не имѣя ясно опредѣленныхъ видовъ, будучи подвержены косымъ взглядамъ конформистовъ и укоризнамъ тѣхъ даже, которые втайнѣ имъ сочувствуютъ, терпя мелкія преслѣдованія и будучи не въ состояніи доказать какое-либо полезное дѣйствіе ихъ примѣра,—нонконформисты оказываются склонными мало-по-малу оставить попытки свои, какъ безнадежныя. Молодой нарушитель приличій находитъ подъ-конецъ, что онъ слишкомъ дорого платитъ за свой нонконформизмъ. Ненавидя, напримеръ, все, что носитъ на себѣ какой-нибудь остатокъ рабства, онъ рѣшается, въ порывѣ независимости, не снимать шляпы ни предъ кѣмъ. Но онъ скоро находитъ, что то, чѣмъ онъ хотѣлъ выразить просто общій протестъ, принимается дамами за личное неуваженіе. Хотя онъ и видитъ, что, начиная со временъ рыцарства до нашего времени, эти знаки высшаго уваженія, воздаваемые женщинамъ, всегда были лицемѣрною противоположностью дѣйствительному униженію, въ которомъ ихъ держали мужчины,—мнимой покорностью, которой хотѣли вознаградить ихъ за дѣйствительное владычество, и хотя онъ видитъ, что когда истинное достоинство женщинъ будетъ признано, ложныя почести, воздаваемые имъ, будутъ уничтожены,—но все-таки онъ не хочетъ остаться непонятымъ и колеблется такимъ образомъ въ своемъ поведеніи. Въ другихъ случаяхъ тоже ему не достаетъ мужества. Тѣ изъ его особенностей, которыя могутъ быть приписаны только эксцентричности, не возбуждаютъ въ немъ сомнѣній; потому что, вообще, онъ чувствуетъ себя ско-

рѣе польщеннымъ, чѣмъ обиженнымъ, тѣмъ, что на него смотрятъ какъ на человѣка, презирающаго общественное мнѣнiе. Но если эти особенности могутъ быть отнесены насчетъ его невѣжества, дурнаго воспитанiя или бѣдности,—онъ становится трусомъ. Какъ ни ясно доказываетъ новѣйшее введенiе употребленiя ножа и вилки при рыбныхъ блюдахъ, что обычай ѣсть рыбу только помощью вилки и хлѣба не имѣетъ въ основанiи своемъ ничего, кромѣ каприза,—но онъ не смѣетъ вполнѣ отречься отъ этого обычая, пока мода хотя отчасти поддерживаетъ его еще. Хотя онъ и убѣжденъ, что шелковый носовой платокъ столь же приличенъ для гостинной, какъ и бѣлый батистовый, но все-таки онъ не вполнѣ спокоенъ, дѣйствуя по своему убѣжденiю. Притомъ же, онъ начинаетъ замѣчать, что его сопротивленiе предписаннымъ обычаямъ влечетъ за собой неблагоприятные результаты, на которые онъ не рассчитывалъ. Онъ ожидалъ, что оно въ значительной мѣрѣ избавитъ его отъ суетнаго общественного обращенiя,—что имъ оскорбятся глупцы, а не умные люди, и что это послужитъ испытанiемъ, путемъ котораго можно будетъ отличить людей, стоящихъ знакомства, отъ такихъ, которые его не стоятъ. Но оказывается, что глупцы составляютъ такое значительное большинство, что, оскорбляя ихъ, онъ самъ заграждаетъ себѣ всѣ пути къ достиженiю до умныхъ людей. Такимъ образомъ онъ находитъ, что его новоконформизмъ часто истолковывается въ дурную сторону; что послѣдовательно выдерживать его онъ можетъ только въ рѣдкихъ случаяхъ; что неприятели и невыгоды, сопряженные съ нимъ, превосходятъ то, что онъ ожидалъ, и что шансы сдѣлать тутъ что-нибудь полезное весьма сомнительны. Поэтому рѣшимость его постепенно слабѣетъ, и онъ шагъ за шагомъ снова впадаетъ въ обычную рутину приличiй.

Такъ какъ индивидуальныя протесты оказываются такимъ образомъ неудачны, то весьма возможно, что они не произведутъ ничего положительнаго до тѣхъ поръ, пока не возникнетъ какое-нибудь организованное сопротивленiе этому невидимому деспотизму, который предписываетъ намъ образъ жизни и привычки. Можетъ быть тиранiя обычаевъ и приличiй ослабнетъ вслѣдствiе какого-нибудь противодейственнаго союза, какъ

это было съ политической и религіозной тиранией. Первые эманципации челоуѣка отъ крайностей стѣсненія, какъ относительно церкви, такъ и государства, были достигнуты массами, связанными общими вѣрованіями или общими политическими убѣжденіями. То, что оставалось недостижимымъ пока являлись только отдѣльные отщепенцы или мятежники, было достигнуто, когда многіе стали дѣйствовать сообща. Очевидно, что эти первые водворенія свободы не могли быть достигнуты инымъ путемъ, ибо до тѣхъ поръ, пока чувство личной независимости было слабо, а правленіе строго, для достиженія желанныхъ результатовъ не могло быть достаточнаго числа отдѣльныхъ непокорныхъ. Только въ позднѣйшее время, когда свѣтское и духовное управленія стали менѣе стѣснительны, а стремленіе къ личной свободѣ сильнѣе, мелкія секты и партіи получили возможность бороться противъ установленныхъ вѣрованій и законовъ; а теперь ужъ и отдѣльныя личности могутъ безопасно выказывать свой антагонизмъ. Неудача индивидуальнаго протеста противъ принятыхъ обычаевъ, на которую мы указали выше, заставляетъ думать, что и въ этомъ случаѣ долженъ произойти параллельный рядъ измѣненій.

Правда, что *lex non scripta* отличается отъ *lex scripta* тѣмъ, что неписанный законъ легче подвергается измѣненіямъ и что отъ времени до времени онъ незамѣтно улучшался. Тѣмъ неменѣе мы находимъ, что аналогія примѣнима здѣсь въ существенныхъ чертахъ. Въ этомъ случаѣ, какъ и въ другихъ, сущность переворота состоитъ не въ томъ, чтобы одни стѣсненія замѣнить другими, а въ томъ, чтобы ограничить или уничтожить власть, предписывающую эти стѣсненія. Подобно тому, какъ основное измѣненіе, освященное Реформаціей, состояло не въ замѣнѣ одной вѣры другою, а въ непризнаваніи произвола, предписывавшаго вѣрованія, — подобно тому, какъ основа измѣненія, давно уже предпринятаго демократіей, состоитъ не въ замѣнѣ одного какого-нибудь частнаго закона другимъ, а въ замѣнѣ деспотизма одного свободою всѣхъ, — точно такъ и параллельная переменна, которую должно произвести въ томъ дополнительномъ управленіи, о которомъ мы говоримъ, состоитъ не въ томъ, чтобы

вмѣсто нелѣпыхъ обычаевъ ввести разумныя, но въ изложеніи той тайной, безотвѣтственной силы, которая налагаетъ на насъ эти обычаи, и въ поддержаніи права каждаго самому выбирать удобныя для себя обычаи. Относительно правилъ общежитія, Вест-эндская клика есть нашъ папа, и всѣ мы паписты, за исключеніемъ нѣкоторыхъ еретиковъ. На всѣхъ рѣшительно возмущающихся падаетъ кара отлученія, съ своей длинной цѣпью неприятныхъ и даже серіозныхъ послѣдствій. Свободу личности, огражденную нашей конституціей и постоянно возрастающую, надо еще высвободить изъ-подъ этой утонченной тирании. Права частнаго суда, вырваннаго предками нашими у церкви, приходится еще требовать отъ этого диктатора нашихъ привычекъ. И, какъ выше сказано, для того, чтобы освободиться отъ этого идолопоклонничества и суетнаго подражанія, нуженъ протестантизмъ въ общественныхъ обычаяхъ. Такъ какъ измѣненіе, котораго требуется достигнуть, однородно съ тѣмъ, которое достигнуто уже, то вѣроятно, что и средства его достиженія должны быть подобны прежнимъ. Вліяніе, котораго не могутъ произвести отдѣльные отщепенцы, и твердость, которой имъ не достаетъ, могутъ явиться, когда всѣ они соединятся вмѣстѣ. То гоненіе, которымъ свѣтъ караетъ ихъ теперь, потому что въ ихъ неконформизмѣ онъ видитъ невѣжество или неуваженіе, ослабнетъ, когда онъ будетъ являться результатомъ принципа. Наказаніе, заключающееся въ отлученіи, теряетъ свое значеніе, когда людей этихъ будетъ довольно много для того, чтобы у нихъ составлялись свои собственные кружки. А когда заната будетъ извѣстная позиція и выдержанъ ударъ нападающихъ, тогда вся сумма тайнаго отвращенія къ нашимъ приличіямъ, существующаго въ обществѣ, получить возможность проявиться съ достаточнымъ могуществомъ для осуществленія вождельнаго освобожденія.

Время одно можетъ рѣшить, таковъ ли будетъ этотъ процессъ. Та общность происхожденія, возрастанія, верховности и упадка, которую мы прослѣдили во всѣхъ родахъ управленія, предполагаетъ таковую же общность и въ способахъ измѣненія. Съ другою же стороны, природа часто производитъ существенно

подобныя дѣйствія, совершенно повидимому различными путями. Поэтому невозможно предсказать подробностей.

Взглянемъ теперь на заключенія, которыхъ мы достигли. Съ одной стороны, управленіе, первоначально составлявшее одно нераздѣльное цѣлое и впоследствии подраздѣленное для лучшаго отправленія своихъ функций, должно во всѣхъ своихъ развѣтвленіяхъ—политическомъ, религіозномъ и обрядномъ—разсматриваться какъ постоянно благотворное и даже абсолютно необходимое. Съ другой стороны, управленіе, во всѣхъ его формахъ, должно разсматриваться какъ временно исполняющее свою обязанность, обусловленную неспособностью первобытныхъ людей къ общественной жизни, а послѣдовательныя уменьшенія его принудительности въ Государствѣ, Церкви и Обычаѣ должны разсматриваться какъ ступени къ окончательному его исчезновенію. Для дополненія понятія необходимо помнить и третій фактъ, что происхожденіе, существованіе и паденіе всякаго правительства, какъ бы оно ни называлось, одинаково обусловливаются и создаются самимъ человѣчествомъ, которое подчинено имъ, — изъ чего можно вывести заключеніе, что, вообще говоря, ограниченія всякаго рода не могутъ существовать долѣе, нежели они необходимы, и не могутъ быть разрушены скорѣе, нежели бы должно быть по естественному ходу вещей. Общество, во всѣхъ своихъ развитіяхъ, подвергается процессу шелушенія. Старыя формы, которыя оно послѣдовательно сбрасываетъ съ себя, были нѣкогда всѣ соединены съ нимъ жизненной связью, — служили каждая отдѣльно предохранительными оболочками, внутри которыхъ развивалась болѣе высокая форма человѣчества. Онѣ сбрасываются только тогда, когда становятся препятствіями, когда уже образовалась какая-нибудь внутренняя и лучшая оболочка; и завѣщаютъ намъ все, что въ нихъ было хорошаго. Периодическія уничтоженія тиранническихъ законовъ не только не портили, но улучшали отправленіе правосудія. Мертвыя и погребенныя вѣрованія не унесли съ собой тѣхъ существенно нравственныхъ элементовъ, которые онѣ содержали въ себѣ;

элементы эти продолжают жить и теперь, освобожденные от
 извы суевѣрія. И все справедливое, доброе и прекрасное, вхо-
 дящее въ содержаніе нашихъ обременительныхъ формъ этикета,
 все это будетъ жить вѣчно, когда самыя формы будутъ уже за-
 быты.

СОЦІАЛЬНЫЙ ОРГАНИЗМЪ.

Сэръ Джемсъ Макинтошъ попалъ въ большой почетъ за высказанную имъ мысль, что «конституціи не создаются, а сами вырастаютъ». Въ наше время самое замѣчательное въ этомъ изрѣченіи то, что оно когда-то считалось столь замѣчательнымъ. Какъ по удивленію, выказываемому человѣкомъ при видѣ какого-нибудь обыденнаго явленія, можно судить объ общемъ развитіи этого человѣка, такъ точно изъ удивленія, съ которымъ какой-нибудь вѣкъ встрѣчаетъ новую мысль, можно составить себѣ понятіе о степени просвѣщенія этого вѣка. Фактъ, что это изрѣченіе Макинтоша надѣлало столько шума, показываетъ, какъ глубоко было въ его время незнаніе соціальной науки. Слабый лучъ истины казался тогда яркимъ свѣтомъ, точно такъ же какъ далекое мерцаніе сальной свѣчи является звѣздою среди окружающей тьмы.

Ивившись среди совершенно чуждой системы мышленія, подобная мысль дѣйствительно не могла не поразить. Во времена Макинтоша вещи объяснялись гораздо болѣе гипотезою искусственнаго созиданія, нежели гипотезою самобытнаго развитія,—что большинство людей дѣлаетъ, впрочемъ, и въ наше время. Тогда думали, что каждая планета была собственноручно пушена въ ходъ Творцомъ, съ тою именно степенью быстроты, какая требовалась для уравновѣшенія солнечнаго при-

тяженія. Образованіе земли, отдѣленіе моря отъ суши, произведеніе животныхъ считались механическимъ трудомъ, отъ котораго Господь почилъ, какъ работникъ отдыхаетъ отъ работы. Человѣка считали сдѣланнымъ въ родѣ того, какъ дѣлаются глиняныя фигуры. Подстать этимъ понятіямъ и какъ-бы съ общаго молчаливаго согласія установилось убѣжденіе, что и общества устраиваются такъ или иначе непосредственнымъ вмѣшательствомъ Провидѣнія, постановленіями законодателей или соединеніемъ того и другаго.

Но что общества не искусственно создаются, — это дотога очевидно, что кажется удивительнымъ, какъ могла такая истина ускользнуть отъ вниманія наблюдателей. Ничто, быть можетъ, не доказываетъ такъ наглядно ничтожность историческихъ изслѣдованій, которыя до сихъ поръ производились. Достаточно оглянуться на окружающія насъ перемѣны, наблюдать за соціальной организаціей въ главнѣйшихъ ея особенностяхъ, чтобы убѣдиться, что эти перемѣны и особенности не имѣютъ ничего сверхъестественнаго и не опредѣляются волею какихъ-либо личностей, какъ это вообще можно бы вывести изъ поученій историковъ, — а происходятъ изъ общихъ, естественныхъ причинъ. Одного факта раздѣленія труда достаточно, чтобы пояснить это. Не повелѣнія какого-нибудь правителя были причиною того, что нѣкоторые люди сдѣлались мануфактуристами, тогда какъ другіе остались земледѣльцами. Въ Ланкаширѣ милліоны людей посвятили себя выдѣлыванію хлопчатобумажныхъ издѣлій; въ Йоркширѣ милліонъ людей живетъ разработкою шерсти; гончарный промыселъ Стаффордшира, ножевыя издѣлія Шеффилда и металлическія издѣлія Бирмингама занимаютъ сотни тысячъ рукъ. Въ строѣ англійскаго общества это — факты крупныя, но мы не можемъ приписать ихъ ни чуду, ни законодательству. Не «героемъ-царемъ» и не «коллективной мудростью» раздроблено было населеніе на производителей и оптовыхъ и мелочныхъ распредѣлителей. Вся наша промышленная организація, отъ главнѣйшихъ ея очертаній до мельчайшихъ подробностей, сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ она есть, не только безъ помощи законодательнаго руководства, но, въ значительной мѣрѣ, вопреки законодательнымъ стѣсненіямъ. Она

возникла изъ различныхъ человѣческихъ нуждъ и дѣятельностей. Между тѣмъ какъ каждый гражданинъ старался о личномъ своемъ благоденствіи и ни одинъ не помышлялъ о раздѣленіи труда, да и не сознавалъ необходимости такого раздѣленія, оно установилось и постоянно развивалось. Процессъ этотъ совершался медленно и скрыто, такъ что, до новѣйшаго времени, никто почти его не замѣчалъ. Онъ подвигался шагами дотого незамѣтными, что промышленные порядки долгое время казались все тѣми же, какъ и встарину. Рядомъ измѣненій, столько же нечувствительныхъ, какъ тѣ, чрезъ которыя сѣмя переходитъ въ дерево, общество сдѣлалось тѣмъ сложнымъ сочетаніемъ взаимно-зависящихъ другъ отъ друга дѣятелей, какимъ оно является намъ теперъ. И надо замѣтить, что эта экономическая организація есть существенная основа всего строя. Благодаря самобытно выработавшимся такимъ образомъ сочетаніямъ каждый гражданинъ снабжается предметами жизненныхъ потребностей и въ тоже время оказываетъ и другимъ какую-нибудь помощь, поставяетъ какой-нибудь продуктъ. Тѣмъ, что мы живы сегодня, мы обязаны правильному теченію этой комбинаціи въ теченіе прошлой недѣли, и еслибы существующій механизмъ былъ внезапно уничтоженъ, большая часть насъ перемерла бы до исхода текущей недѣли. Если же эти, наиболѣе крупныя и жизненные черты нашего общественнаго строя возникли не по мысли какого-либо индивида, а изъ личныхъ усилій гражданъ удовлетворить ихъ собственные потребности, то можно быть увѣренными, что и менѣе важныя черты возникли такимъ же путемъ.

«Однако, скажутъ намъ, нельзя же причислить общественныя измѣненія, произведенныя непосредственно закономъ, къ самобытно-развившимся явленіямъ. Когда парламентъ или король приказываетъ сдѣлать то или другое и назначаетъ отъ себя лицъ для исполненія приказаннаго, процессъ очевидно искусственъ, и въ этихъ границахъ общество должно считать скорѣе искусственно-сотвореннымъ, нежели самобытно-взросшимъ.» Нѣтъ, даже эти измѣненія не составляютъ исключенія, если только они представляютъ собою существенныя и непреходящія измѣненія. Истинные источники подобныхъ измѣненій лежатъ

глубже, нежели въ дѣйствіяхъ законодателей. Возьмемъ на первый разъ самый простой примѣръ. Всѣмъ намъ извѣстно, что распоряженія представительныхъ правительствъ состоятъ въ конечной зависимости отъ воли націи: они могутъ на-время расходиться съ этой волей, но въ концѣ концовъ должны сообразоваться съ нею. Сказать же, что правительственныя распоряженія опредѣляются волей націи, все равно, что сказать, что они составляютъ результатъ средняго уровня индивидуальныхъ желаній или — другими словами — индивидуальныхъ натуръ. Слѣдовательно законъ, имѣющій такое начало, дѣйствительно вырастаетъ изъ народнаго характера. Въ тѣхъ случаяхъ, когда правительство есть представитель одного какого-нибудь преобладающаго сословія, замѣчаніе остается столь же вѣрно, хотя дѣлается не столь очевиднымъ въ примѣненіи. Самое существованіе сословія, пользующагося монополіею власти, возможно только вслѣдствіе извѣстнаго настроенія и образа мыслей всей общины. Безъ чувства подданнической преданности со стороны вассаловъ, феодальная система никогда не могла бы существовать. Изъ протеста шотландскихъ горцевъ противъ уничтоженія наслѣдственныхъ юрисдикцій видно, что они предпочитали этотъ видъ мѣстнаго управленія. Если же народному характеру слѣдуетъ приписывать возникновеніе неотвѣтственнаго управляющаго сословія, то народному же характеру должны быть приписываемы и тѣ общественные порядки, которые сословіе это создаетъ для достиженія собственныхъ цѣлей. Даже тамъ, гдѣ существуетъ деспотическое правительство, та же доктрина сохраняетъ свою состоятельность. Какъ и въ предъидущихъ случаяхъ, такъ и тутъ, характеръ народа есть первоначальный источникъ политической формы, и множество примѣровъ доказываетъ, что внезапно создаваемая новая форма не принимается, а быстро пачитися назадъ къ прежней формѣ. Сверхъ того, если постановленія деспота дѣйствительно входятъ въ силу, то это дѣлается только потому, что они приспособлены къ состоянію общества. Дѣйствія неограниченнаго правителя, подчиняясь въ значительной мѣрѣ общественному мнѣнію, — вліанію предъидущихъ примѣровъ, образу мыслей дворянства, духовенства, войска, — бывають от-

части непосредственнымъ результатомъ національнаго характера; когда же они идутъ въ-разрѣзъ съ національнымъ характеромъ, то въ скоромъ времени теряютъ на практикѣ свою силу. Неудача попытки Кромвеля прочно установить новыя общественныя условія и быстрота, съ которою, послѣ его смерти, ожили ниспровергнутые порядки и учрежденія, доказываютъ, до какой степени монархъ безсиленъ измѣнить типъ управляемаго имъ общества. Онъ можетъ временно нарушить, задержать естественный процессъ организаціи или помочь ему, но надъ общимъ ходомъ процесса онъ не имѣетъ власти. Можно сказать даже болѣе. Люди, которые видятъ въ исторіи обществъ только исторію великихъ людей и думаютъ, что эти великіе люди направляютъ судьбы обществъ, упускаютъ изъ виду, что сами эти великіе люди суть порожденіе этихъ обществъ. Не будь извѣстныхъ предшествовавшихъ обстоятельствъ, извѣстнаго общаго уровня національнаго характера, эти великіе люди не могли бы народиться и получить то образованіе, которое ихъ развило. Если общества, къ которымъ они принадлежали, преобразовывались до извѣстной степени ими, то они, съ своей стороны, и до и послѣ рожденія, образовывались этими обществами, являлись результатомъ всѣхъ тѣхъ вліяній, которыя способствовали сформированію унаслѣдованнаго этими людьми характера и сообщили имъ съ ранняго возраста извѣстное направленіе, вѣрованіе, нравственный складъ, познанія и стремленія. Такимъ образомъ, общественныя измѣненія, которыя можно непосредственно приписать личностямъ, одареннымъ необыкновенной силой, надо относить къ социальнымъ причинамъ, породившимъ эти личности; слѣдовательно, съ высшей точки зрѣнія, всѣ общественныя измѣненія надо отнести къ общему процессу развитія.

Такимъ образомъ то, что такъ очевидно вѣрно относительно промышленнаго строя общества, вѣрно и относительно всего его строя. Фактъ, что «конституціи не создаются, а сами вырастаютъ», — ни что иное, какъ осколокъ гораздо болѣе крупнаго факта, что, во всѣхъ своихъ видахъ и развѣтвленіяхъ, общество представляетъ собою возрастаніе, а не искусственное произведеніе.

Давно уже выработывалось и отъ времени до времени появлялось въ литературѣ смутное понятіе о нѣкоторой аналогіи между политическимъ тѣломъ и тѣломъ живаго индивида. Но это понятіе естественно должно было быть чѣмъ-то неопредѣленнымъ и болѣе или менѣе фантастичнымъ. При отсутствіи фізіологической науки и въ особенности тѣхъ широкихъ обобщеній, которыхъ она достигла только въ послѣднее время, невозможно было различить истинные параллелизмы.

Основная идея, вокругъ которой вращается образцовая республика Платона, заключается въ соотвѣтствіи, существующемъ будто-бы между частями общества и способностями человѣческаго ума. Распредѣляя эти способности подъ рубрики «Разумъ», «Воля» и «Страсти», онъ распредѣляетъ и членовъ своего воображаемаго общества на три класса, которые считаетъ соотвѣтственными вышесказанному: совѣтники, въ рукахъ которыхъ должно быть управленіе; воинство или исполнительная власть, которой предоставляется исполненіе приказаній совѣта; наконецъ вся остальная община, радѣющая только о корысти и эгоистичномъ самоудовлетвореніи. Другими словами, правитель, воинъ и работникъ, по идеѣ Платона, соотвѣтствуютъ нашей силѣ мышленія, воли и ощущенія. Если даже предположить, что подразумѣваемая тутъ теорія сходности устройства общества съ устройствомъ человѣка имѣетъ нѣкоторую основательность, то и тогда это распредѣленіе все-таки оказалось бы слабымъ. Съ большей основательностью можно бы сказать, что такъ какъ воинская власть повинуется приказаніямъ правительства, то Воля соотвѣтствуетъ именно правительству, тогда какъ воинская власть есть только орудіе, приводимое въ движеніе Волею. Или же можно бы сказать, что такъ какъ Воля есть порожденіе преобладающихъ желаній, которымъ разумъ служитъ только какъ-бы глазомъ, то согласно съ проведенной въ этомъ случаѣ аналогіей, двигательной силой воинства должны быть работники.

Говббесъ пытался установить еще болѣе опредѣленное сравненіе, только не между обществомъ и человѣческимъ умомъ, а между обществомъ и человѣческимъ тѣломъ. Во вступленіи къ сочиненію, которое развиваетъ эту мысль, онъ говоритъ:

—Ибо искусствомъ создается великій Левиаѳанъ, называемый Государствомъ, по-латыни *Civitas*, который есть ни что иное какъ искусственный человекъ, но бѣльшого роста и бѣльшой силы, нежели природный человекъ, для обороны и охраненія котораго онъ предназначенъ; *верховная власть* въ немъ есть искусственная *душа*, какъ начало, сообщающее жизнь и движеніе всему тѣлу; *судьи* и другіе судебные и исполнительные *сановники* суть искусственные *сочлененія*; *награды* и *наказанія*, которыми прикрѣпляются къ верховной власти члены и сочлененія и побуждаются къ исполненію своей обязанности, суть *нервы*, исправляющіе такую же должность въ природномъ тѣлѣ; *имущество* и *богатство* всѣхъ отдѣльныхъ членовъ суть *сила*; *salus populi*, *благо народа*, равносильно назначенію въ человекъ; *совѣтчики*, которыми приводится народу на умъ все, что ему нужно знать,—суть *память*; *правосудіе* и *законъ* суть искусственные *разумъ* и *воля*; *согласіе*—*здоровіе*; *мятежь*—*болѣзнь*; *междоусобная война*—*смерть*.

И Гоббесъ доводитъ это сравненіе дотого, что помѣщаетъ въ книгѣ своей наглядный рисунокъ Левиаѳана—огромной фигуры въ человѣческомъ образѣ, туловище и члены котораго составлены изъ множества людей. Замѣтивъ, что эти различныя сходства, проведенныя Платономъ и Гоббесомъ, уничтожаютъ одно другое (какъ представляющія полнѣйшее разногласіе между собою), можно все-таки сказать, что въ цѣломъ параллель Гоббеса вѣрнѣе. Но и она полна несообразностей. Если верховная власть есть *душа* политическаго тѣла, то какимъ образомъ судьи, т. е. лица, облеченные частью этой власти, могутъ быть сравнены съ *сочлененіями*? Или какимъ образомъ три умственные функціи: память, разумъ и воля могутъ быть поставлены въ соотвѣтствіе первая—съ совѣтниками, т. е. съ извѣстнымъ разрядомъ должностныхъ лицъ, а прочія двѣ—съ правосудіемъ и законами, т. е. уже не съ людьми, а съ отвлеченными понятіями? Если судьи представляютъ искусственныя сочлененія общества, то какимъ же образомъ награды и наказанія могутъ быть нервами? Представителями нервовъ тоже долженъ быть какой-нибудь разрядъ людей. Награды и наказанія, въ обществахъ какъ и въ отдѣльныхъ личностяхъ, должны быть *условіями* нервовъ, а не самими нервами.

Но главныя ошибки въ сравненіяхъ, проведенныхъ Платономъ и Гоббесомъ, лежатъ гораздо глубже. Оба мыслители

принимаютъ своей исходной точкой положеніе, что организація общества можетъ быть сравниваема не съ организаціею живаго тѣла вообще, но съ организаціею человѣческаго тѣла въ особенности. Нѣтъ никакихъ данныхъ для такого положенія. Оно вовсе не вытекаетъ изъ сущности доводовъ; это просто — одна изъ тѣхъ фантазій, которыя обыкновенно являются примѣшанными къ истинамъ, открываемымъ на первыхъ ступеняхъ мышленія. Еще ошибочнѣе оказываются эти понятія въ томъ отношеніи, что они принимаютъ общество за искусственное построеніе. Образцовая республика Платона, — его идеаль здороваго политическаго тѣла, — основана на искусственномъ составленіи ея людьми, точь въ точь такимъ способомъ, какимъ составляются, напримѣръ, часы: и Платонъ очевидно представляетъ себѣ, что всѣ общества имѣютъ такое происхожденіе. Этотъ же взглядъ вполнѣ определенно высказанъ Гоббесомъ: «Ибо, говоритъ онъ, *искусствомъ* создается великій ЛЕВІАѠАНЪ, называемый ГОСУДАРСТВОМЪ.» Онъ заходитъ даже такъ далеко, что сравниваетъ предполагаемый социальный договоръ, изъ котораго внезапно возникаетъ общество, съ сотвореніемъ человѣка божественной волей. Такимъ образомъ оба мыслителя впадаютъ въ крайнюю несостоятельность и считаютъ общину въ устройствѣ своемъ подобною человѣческому существу и въ тоже время произведенною такимъ же способомъ, какъ искусственный механизмъ; они смотрятъ на нее въ области природы какъ на организмъ, въ области же исторіи — какъ на машину.

Но, при всѣхъ своихъ погрѣшностяхъ, эти умозрѣнія имѣютъ весьма важное значеніе. Уже одно то, что подобныя параллели, хотя и грубо очерченныя, были проведены Платономъ, Гоббесомъ и многими другими, подастъ поводъ подозрѣвать, что существуетъ какая-нибудь аналогія. Несостоятельность отдельныхъ пунктовъ сравненій, приведенная выше, не служитъ основаніемъ для отрицанія самой сущности аналогіи, потому что первыя идеи обыкновенно бывають только смутнымъ очеркомъ истины. При отсутствіи обширныхъ обобщеній біологіи было, какъ мы уже сказали, невозможно выслѣдить истинныя соотношенія социальныхъ организацій съ организаціями другаго раз-

ряда. Мы ставимъ себѣ задачей показать здѣсь тѣ аналогии, которыя раскрываетъ намъ въ этомъ отношеніи новѣйшая наука.

Начнемъ краткимъ изложеніемъ пунктовъ сходства и пунктовъ различія. Общества сходятся съ индивидуальными организмами въ четырехъ выдающихся особенностяхъ:

1) Въ томъ, что, начинаясь соединеніемъ небольшого числа частей, они нечувствительно увеличиваются въ объемъ, до такой степени, что нѣкоторыя изъ нихъ наконецъ достигаютъ размѣра въ десять тысячъ разъ бѣльшаго, нежели ихъ первоначальный размѣръ;

2) Въ томъ, что, имѣя вначалѣ дотога простое строеніе, что массу ихъ можно бы считать совершенно безстройною, они принимаютъ, по мѣрѣ возрастанія своего, все болѣе и болѣе сложное строеніе.

3) Въ томъ, что, хотя въ первоначальномъ неразвитомъ ихъ состояніи почти не существуетъ взаимной зависимости частей, части эти постепенно приобрѣтаютъ взаимную зависимость, которая наконецъ дѣлается такъ велика, что жизнь и дѣятельность каждой части обуславливаются жизнью и дѣятельностью прочихъ частей.

4) Въ томъ, что жизнь и развитіе общества независимы отъ жизни и развитія какой-либо изъ составляющихъ его единицъ и гораздо продолжительнѣе существованія этихъ единицъ, такъ какъ онѣ рождаются, развиваются, дѣйствуютъ, воспроизводятся и умираютъ каждая сама по себѣ, между тѣмъ какъ политическое тѣло, состоящее изъ нихъ, переживаетъ одно поколѣніе за другимъ, увеличиваясь въ массѣ своей, совершенствуясь въ своемъ строеніи и въ дѣятельности своихъ отправленій.

Эти четыре параллельныя черты тѣмъ болѣе покажутся намъ значительными, чѣмъ болѣе мы будемъ вдумываться въ нихъ. Пункты же, въ которыхъ общества сходятся съ индивидуальными организмами, представляютъ въ тоже время и пункты, въ которыхъ различные индивидуальные организмы сходятся между собою и расходятся со всѣми другими вещами. Въ продолженіе своего существованія, каждое растеніе и животное увеличива-

ется въ массѣ такимъ способомъ, подобія которому не представляютъ неорганическіе предметы: даже такіе неорганическіе предметы, какъ кристаллы, которые также образуются путемъ возрастанія, не представляютъ намъ такого опредѣленнаго соотношенія между возрастаніемъ и существованіемъ, какъ живые организмы. Правильный, прогрессивный переходъ отъ простаго къ сложному, проявляемый политическими тѣлами наравнѣ со всѣми живыми тѣлами, составляетъ характеристическую черту, отличающую живыя тѣла отъ неодушевленныхъ тѣлъ, среди которыхъ они вращаются. Та взаимная функціонная зависимость частей, которая обнаруживается въ животныхъ и растеніяхъ, едвали не менѣе явно, нежели въ націяхъ, не имѣетъ ни въ какой другой области ничего себѣ соотвѣтственнаго. И ни въ какомъ сложномъ тѣлѣ, кромѣ органическаго и социальнаго, нѣтъ этого непрерывнаго выбыванія и замѣненія частей, при продолжающейся ненарушимости цѣлаго. Кромѣ того, что общества и организмы сходны между собой въ этихъ особенностяхъ, отличающихъ ихъ отъ другихъ вещей (*), высшія формы общества, равно какъ и высшіе организмы, проявляютъ эти особенности въ наиболѣе высокой степени. Мы видимъ, что низшія животныя даже и приблизительно не достигаютъ размѣровъ высшихъ животныхъ; точно тоже видимъ мы и относительно возрастанія первобытныхъ обществъ, которое сравнительно ограничено. Сложностью своей наши большія цивилизованныя націи настолько же превышаютъ первобытныя, дикія племена, насколько позвоночное животное превышаетъ зоофита. Въ простѣйшихъ общинахъ, какъ и въ простѣйшихъ животныхъ, такъ мало взаимной зависимости частей, что раздробленіе или отдѣленіе этихъ частей не наноситъ значительнаго поврежденія цѣлому; отъ сложныхъ же общинъ, какъ и отъ сложныхъ животныхъ, нельзя отнять какого-либо значительнаго органа не при-

(*) Слово *вещь* употребляется въ нашемъ изданіи какъ равнозначащее англійскому *thing*, какъ терминъ болѣе общій, нежели *предметъ* (*object*) и *явленіе* (*phenomenon*), и обнимающій оба эти термина.

чинивъ большаго вреда или даже смерти остальному. Далѣ, въ обществахъ низшаго типа, какъ и въ низшихъ животныхъ, жизнь всего агрегата, часто пресѣкаемая раздѣленіемъ или разложе-ніемъ, превышаетъ продолжительностью жизнь составныхъ еди-ницъ несравненно менѣе, чѣмъ въ обществахъ цивилизованныхъ и высшихъ животныхъ, которыя переживаютъ множество поко-лѣній составныхъ единицъ.

Съ другой стороны, главнѣйшія различія между обществами и индивидуальными организмами слѣдующія:

1) Что общества не имѣютъ специфическихъ внѣшнихъ формъ.—Этотъ пунктъ различія теряетъ, впрочемъ, значительную часть своей важности, если мы вспомнимъ, что во всемъ расти-тельномъ царствѣ, равно какъ и въ низшихъ отдѣлахъ животнаго царства, формы часто бываютъ весьма неопредѣленны, — если вспомнимъ, что опредѣленность формъ составляетъ тутъ скорѣе исключеніе, нежели правило, и что эти формы, подобно формамъ обществъ, очевидно опредѣляются отчасти окружающими физи-ческими условіями. Далѣе, если будетъ, какъ мы полагаемъ, окончательно доказано, что форма каждаго вида организма была результатомъ вліянія внѣшнихъ силъ, которому этотъ организмъ подвергался въ теченіе своего видоваго развитія, тогда то об-стоятельство, что внѣшняя форма обществъ зависитъ отъ окру-жающихъ условій, составитъ дальнѣйшую точку общности между социальнымъ и индивидуальнымъ организмами.

2) Тогда какъ живая ткань, изъ которой состоитъ индиви-дуальный организмъ, образуетъ сплошную массу, живые элемен-ты, изъ которыхъ состоятъ общества, не образуютъ такой же сплошной массы, а болѣе или менѣе широко разбѣяны по из-вѣстной части земной поверхности.—Это различіе, съ перваго взгляда кажущееся основнымъ, исчезаетъ, однако, въ значитель-ной степени при подробномъ разсмотрѣніи фактовъ. Въ низшихъ отдѣлахъ животнаго и растительнаго царствъ есть типы органи-зации, подходящіе гораздо ближе въ этомъ отношеніи къ органи-зации общества, нежели можно бы предполагать,—типы, въ ко-торыхъ живыя единицы, составляющія сущность массы, разбѣя-ны въ инертномъ веществѣ, которое едвали можно назвать

живымъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Таковы напримѣръ нѣкоторые *Protococci* и всѣ *Nostocaeae*, существующіе въ видѣ вѣточекъ, расположенныхъ въ студенистомъ веществѣ. Таковы и *Thalassicollae*—тѣла, состоящія изъ дифференцированныхъ частей, разбѣянныхъ въ недифференцированной слизи. Въ значительной части своего тѣла нѣкоторые изъ акалефъ, съ большей или меньшей ясностью, тоже обнаруживаютъ этотъ типъ организма. Можно бы даже утвердительно сказать, что таковъ первообразъ всякой организаціи, такъ какъ даже въ высшихъ животныхъ, не исключая и насъ самихъ, каждая ткань развивается изъ того, что физиологи называютъ *blastema*, т. е. неорганизованнаго, хотя способнаго организоваться, вещества, въ которомъ размѣщены органическія точки. Ничто весьма подобное представляетъ общество. Нужно помнить, что хотя люди, составляющіе общество, физически раздѣлены другъ отъ друга и даже разбѣяны, однако поверхность, по которой они разбѣяны, не лишена жизни, а только покрыта жизнью низшаго разряда, вспомогательною ихъ жизни. Растительность страны дѣлаетъ возможною животную жизнь въ этой странѣ, и только посредствомъ своихъ животныхъ и растительныхъ продуктовъ можетъ такая страна поддерживать человѣческое общество. Поэтому, члены политическаго тѣла не должны считаться отдѣльными промежутками мертваго пространства, а размѣщенными по пространству, занимаемому жизнью низшаго разряда. Въ понятіе о социальномъ организмѣ мы должны включить все то низшее органическое существованіе, отъ котораго зависитъ существованіе человѣка, а слѣдовательно и общества. При такомъ возрѣніи, гражданъ, составляющихъ общину, можно считать единицами, одаренными высокой жизненностью и окруженными веществами низшей жизненности, изъ которыхъ онѣ получаютъ свое питаніе, совершенно въ такомъ же родѣ, какъ приведенныя нами выше животныя. Такимъ образомъ при ближайшемъ разсмотрѣніи это кажущееся различіе въ значительной мѣрѣ исчезаетъ.

3) Что живые элементы индивидуальнаго организма по большей части безотлучно остаются каждый на своемъ мѣстѣ, а элементы социальнаго организма одарены способностью передвигать-

ся съ мѣста на мѣсто, кажется съ перваго взгляда рѣзкимъ различіемъ. Между тѣмъ различіе и тутъ гораздо меньше, нежели можно бы полагать, потому что, если граждане, какъ личности, имѣютъ способность перемѣщенія, то, какъ части общества, они неподвижны. Въ качествѣ сельскихъ хозяевъ, мануфактуристовъ или торговцевъ, люди ведутъ свои дѣла на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ нерѣдко въ продолженіе всей своей жизни, а если и отлучаются случайно, то оставляютъ на своемъ мѣстѣ другихъ. Каждый значительный центръ производительности, каждый мануфактурный городъ или округъ, постоянно остается на томъ же мѣстѣ, и многія изъ фирмъ извѣстнаго города или округа въ продолженіе цѣлыхъ поколѣній поддерживаются потомками или преемниками своихъ основателей. Точно также какъ въ живомъ тѣлѣ клѣточки, составляющія извѣстный органъ, каждая сама по себѣ, исполняютъ въ теченіе нѣкотораго времени свое назначеніе и затѣмъ исчезаютъ, уступая мѣсто другимъ,—такъ и въ каждой части общества органъ остается, хотя личный составъ его измѣняется. Такимъ образомъ, въ соціальной жизни, какъ и въ жизни животнаго, единицы, равно какъ и болѣе или менѣе обширные органы, составленные изъ нихъ, вообще говоря, неподвижны по отношенію къ мѣсту, гдѣ они исправляютъ свои должности и добываютъ свое пропитаніе. Слѣдовательно способность индивидуальнаго перемѣщенія не ослабляетъ принимаемой нами аналогіи.

4) Последнее и, быть можетъ, важнѣйшее различіе заключается въ томъ, что въ тѣлѣ животнаго только извѣстный родъ ткани одаренъ чувствительностью, въ обществѣ же всѣ члены одарены ею. Но и это различіе далеко не безусловно. Въ нѣкоторыхъ изъ низшихъ животныхъ, отличающихся отсутствіемъ нервной системы, та несовершенная чувствительность, которою они обладаютъ, одинаково распространяется на всѣ части. Только въ болѣе организованныхъ животныхъ формахъ чувствительность присвоивается исключительно однимъ разрядомъ жизненныхъ элементовъ. Кромѣ того мы должны помнить, что и общества не лишены нѣкотораго дифференцированія въ этомъ родѣ. Единицы общины, хотя и всѣ чувствительны, но чувствительны

не въ равной степени. Сословія, занимающіяся земледѣліемъ и вообще тяжелыми работами, гораздо менѣе впечатлительны, какъ въ умственномъ отношеніи, такъ и въ отношеніи душевныхъ волненій, нежели другія сословія; особенно рѣзко отличаются они въ этомъ случаѣ отъ сословій, получившихъ высшее умственное образованіе. Но все-таки этотъ пунктъ представляетъ довольно рѣзкій контрастъ между политическими и индивидуальными тѣлами, контрастъ, котораго никогда не слѣдуетъ упускать изъ вида, потому что онъ напоминаетъ намъ, что, между тѣмъ какъ въ индивидуальныхъ тѣлахъ благосостояніе всѣхъ частей вполне подчинено благосостоянію нервной системы, въ пріятномъ или болѣзненномъ возбужденіи которой заключается все благо или зло жизни,—о политическихъ тѣлахъ нельзя сказать того же. Пусть жизнь отдѣльныхъ частей животнаго поглощается жизнью цѣлаго, оно такъ и слѣдуетъ, потому что это цѣлое имѣетъ корпоративную сознательность, способную ощущать наслажденіе или страданіе. Общество же—дѣло другое: его живыя единицы не утрачиваютъ и не могутъ утратить индивидуальной сознательности, а община, съ другой стороны, не имѣетъ корпоративной сознательности какъ цѣлое. Это-то и есть главная, неизмѣнная причина, по которой никогда благосостояніе гражданъ не можетъ быть справедливо жертвуемо для какого-то воображаемаго блага государства, а напротивъ того государство должно существовать единственно только для блага гражданъ. Корпоративная жизнь въ этомъ случаѣ должна подчиняться жизни отдѣльныхъ частей, а не жизнь отдѣльныхъ частей—корпоративной жизни.

Итакъ, мы указали на пункты сходства и пункты различія между общественнымъ и индивидуальнымъ организмомъ. Не приводитъ ли насъ это обозрѣніе къ заключенію, что пункты различія служатъ только къ тому, чтобы выставить въ болѣе яркомъ свѣтѣ пункты сходства? Сличеніе организмовъ вообще—въ томъ смыслѣ, въ какомъ обыкновенно понимается это слово—съ организмомъ социальнымъ опредѣленнѣе уясняетъ контрасты между тѣми и другимъ, но показываетъ въ тоже время, что самые контрасты эти не такъ рѣзки, какъ можно было бы ожидать. Неопредѣленность формъ, разрозненность и подвижность частей и

повсемѣстная чувствительность не составляютъ исключительныхъ особенностей социальнаго организма, которыя можно бы привести какъ существенныя: низшіе разряды животныхъ представляютъ близко подходящія къ нимъ явленія. Слѣдовательно мы находимъ немного, что можно было бы противопоставить наиболѣе важнымъ сходствамъ. Медленное увеличеніе объема,—прогрессивное осложненіе устройства, идущее рядомъ съ усиленіемъ взаимной связи частей,—возможность отнятія и замѣны живыхъ единицъ, не нарушая цѣлаго,—соразмѣренность той степени, въ которой проявляются эти особенности, съ жизненною дѣятельностью—всѣ эти черты одинаково присущи и обществамъ и органическимъ тѣламъ. А эти черты, въ которыхъ общества сходятся съ органическими тѣлами и расходятся со всѣми прочими вещами, черты, специально характеризующія органическія тѣла,—вполнѣ подчиняютъ себѣ меньшія различія: различія эти немногимъ больше тѣхъ, которыя отдѣляютъ одну половину органическаго царства отъ другой. *Начала* организациі—одни и тѣ же; различія же представляютъ только различія въ примѣненіи этихъ началъ.

Этимъ оканчивая общій обзоръ фактовъ, оправдывающихъ уподобленіе общества живому тѣлу. Разберемъ ихъ въ подробности. Мы убѣдимся, что параллель выступаетъ тѣмъ замѣтнѣе, чѣмъ ближе мы ее будемъ разсматривать.

Самыя низшія животныя и растительныя формы—*Protozoa* и *Protophyta*—по преимуществу обитаютъ въ водѣ. Это—мельчайшія тѣла, которыя большею частью становятся видимы только при помощи микроскопа. Всѣ они крайне просты въ строеніи, а нѣкоторыя даже, какъ напримѣръ *Корненожки*, почти совершенно не имѣютъ строенія. Размножаясь, по обыкновенію этихъ видовъ, самопроизвольнымъ дробленіемъ тѣла, они даютъ половинки, которыя могутъ или стать совершенно отдѣльными и направиться въ разныя стороны, или остаться въ связи. Повтореніемъ этого самодѣлительнаго процесса образуются агрегациі различнаго рода и размѣровъ. Между *Protophyta* есть нѣкоторыя разряды, напримѣръ *Diatomaceae* и «*Yeast-plant*», въ которыхъ индивиды либо существуютъ отдѣльно, либо связаны группами изъ двухъ,

трехъ, четырехъ и болѣе членовъ; есть и другіе разряды, въ которыхъ значительное число отдѣльныхъ ячеекъ соединяется въ одну нить (*Coferva*, *Monilia*), и другіе, въ которыхъ онѣ образуютъ сѣтчатую ткань (*Hydrodyction*), или пластинки (*Ulva*), или наконецъ сплошныя массы (*Laminaria*, *Agaricus*): всѣ эти растительныя виды, не будучи раздѣлены на различныя части, какъ то—корень, стволъ или листья, называются *Thallogens*. Между простѣйшими мы находимъ соотвѣтственныя явленія. Несмѣтное множество существъ, похожихъ на *Amoeba*, сплоченныхъ вмѣстѣ тканью роговидныхъ волоконъ, составляютъ губку. *Foraminifera* представляютъ намъ меньшія группы такихъ существъ, принявшія болѣе опредѣленныя формы. Эти, почти лишеныя всякаго устройства простѣйшія не только соединяются въ правильныя или неправильныя агрегаціи различныхъ размѣровъ, но между нѣкоторыми изъ наиболѣе организованныхъ, напр. *Vorticellae*, образуются кромѣ того кучки индивидовъ, происходящихъ отъ одного и того же корня. Однако эти маленькія общества монады или ячеекъ можно назвать обществами только въ самомъ низшемъ смыслѣ этого слова; между ними нѣтъ подчиненности частей, нѣтъ организаціи. Каждая изъ составныхъ единицъ живетъ сама для себя и сама по себѣ, не давая другимъ и не получая отъ другихъ никакой помощи. Между ними нѣтъ взаимной зависимости, кромѣ той, которая является вслѣдствіе простого механическаго сочетанія.

Не сказывается ли въ подробномъ устройствѣ сходство съ первыми фазисами человѣческихъ обществъ? Между низшими расами, напр. бушменами, мы находимъ только зарождающееся соединеніе частей: иногда образуются отдѣльныя семьи, иногда два-три семейства кочуютъ вмѣстѣ. Число соединяющихся единицъ мало и измѣнчиво, соединеніе ихъ непрочно. Раздѣленія труда не существуетъ, кромѣ какъ между различными полами, и единственное проявленіе взаимнаго содѣйствія заключается въ совокупности нападений или обороны. Намъ представляется тутъ только недифференцированная группа недѣлимыхъ, образующихъ зародышъ общества, точно также какъ въ вышеописанной груп-

пѣ однородныхъ ячеекъ представлялся только зачаточный фазисъ животной и растительной организаціи.

Теперь сравненіе можно провести ступенью выше. Въ растительномъ царствѣ мы переходимъ отъ *Thallogens*, простой массы подобныхъ клѣточекъ, къ *Acrogens*, въ которыхъ клѣточки сохраняютъ подобіе не во всей массѣ: въ одномъ мѣстѣ онѣ представляютъ соединеніе служащее листомъ, въ другомъ же—соединеніе, служащее корнемъ, образуя такимъ образомъ цѣлое, въ которомъ есть нѣкотораго рода подраздѣленіе въ отправленіяхъ единицъ, слѣдовательно и нѣкоторая взаимная зависимость. Въ животномъ царствѣ мы находимъ соотвѣтственный прогрессъ. Изъ простыхъ неорганизованныхъ группъ клѣточекъ, или клѣтчатобразныхъ тѣлъ, мы поднимаемся къ группамъ клѣточекъ, расположенныхъ частями, имѣющими различныя должности. Обыкновенный полипъ, отъ котораго можно отнять отдѣльныя клѣточки, представляющія, послѣ своего отдѣленія, наружность и движенія, напоминающія уединенныхъ *Amoeba*, можетъ служить примѣромъ этого фазиса. Составныя единицы, хотя все еще обнаруживаютъ большую общность характера, принимаютъ на себя отправленія уже нѣсколько различествующія между собою въ кожѣ, во внутренней оболочкѣ и въ щупальцахъ. Тутъ есть уже нѣкоторая степень «физиологическаго раздѣленія труда».

Обращаясь къ обществамъ, мы находимъ соотвѣтственные фазисы въ большей части первобытныхъ племенъ. Когда отъ маленькихъ, измѣчивыхъ группъ, какія образуются бушменами, мы приходимъ къ большимъ и болѣе постояннымъ группамъ, образуемымъ дикарями, стоящими на менѣ низкой ступени развитія, мы начинаемъ нападать на слѣды социальнаго строя. Хотя промышленная организація проявляется еще только въ различіи занятій обоихъ половъ, однако представляются уже слѣды правительственной организаціи. Всѣ мужчины—воины и охотники, но только часть ихъ допускается въ совѣтъ старшинъ и въ самомъ этомъ совѣтѣ который-нибудь изъ старшинъ обыкновенно пользуется верховною властью. Такимъ образомъ устанавливается нѣкоторое различіе сословій и властей и, помощью этой слабой спеціализаціи функций, устраивается нѣкоторое взаимное

содѣйствованіе въ возрастающей массѣ недѣлимыхъ—всякій разъ, какъ обществу приходится дѣйствовать въ своемъ корпоративномъ качествѣ. Кромѣ этой аналогіи въ незначительности предѣловъ организаціи, есть еще аналогія въ неопредѣленности самой организаціи. Въ *идры* различныя части вещества, изъ котораго состоитъ животное, имѣютъ много общихъ отправленій. Всѣ онѣ одарены способностью сокращаться; вся внѣшняя поверхность, за исключеніемъ щупалецъ, можетъ порождать маленькія *идры*, и, если вывернуть ее наизнанку, желудокъ будетъ исправлять должность кожи, а кожа—должность желудка. Тѣ дифференцірованія, какія существуютъ въ первобытныхъ обществахъ, точно столь же несовершенны. Не взирая на отличие сана, каждый членъ содержитъ себя собственными усиліями. Нетолько старшины племени, наравнѣ съ остальными членами, сами строятъ свои хижины, дѣлаютъ свое оружіе, убиваютъ животныхъ, служащихъ имъ пищею, но и самъ предводитель дѣлаетъ тоже. Кромѣ того, въ самыхъ грубыхъ изъ этихъ племенъ, если и существуетъ правительственная организація, то крайне непостоянная. Она часто измѣняется насиліемъ или предательствомъ, и обязанность управлять народомъ возлагается на другихъ членовъ общины. Такимъ образомъ, между наиболѣе грубыми обществами и нѣкоторыми изъ низшихъ видовъ животной жизни есть аналогія какъ въ незначительности предѣловъ организаціи, такъ и въ неопредѣленности самой организаціи и недостаткѣ устойчивости въ ней.

Тутъ намъ тотчасъ же представляется дальнѣйшее усложненіе аналогіи. Отъ соединенія единицъ въ организованныя группы мы переходимъ къ размноженію такихъ группъ и ихъ соединенію въ сложныя группы. Когда *идра* достигаетъ извѣстнаго размѣра, она отдѣляетъ отъ своей поверхности почку, которая начинаетъ расти и, постепенно принявъ форму породившаго ее тѣла, отдѣляется наконецъ отъ него, и этимъ процессомъ почкованія животное населяетъ окружающія его воды. Соответственный процессъ является въ размноженіи вышеописанныхъ низко-организованныхъ племенъ. Когда одно изъ нихъ достигнетъ размѣровъ, несовмѣстныхъ съ грубою общественною фор-

мою, или размножится несообразно количеству дичи и другой пищи, которую может снабдить окружающая страна,—является стремление къ разьединенію, и такъ какъ въ подобныхъ общинахъ вѣчно приключаются ссоры, распри и другіе разлады, то скоро представляется случай, вслѣдствіе котораго часть племени отдѣляется подъ предводительствомъ кого-либо изъ старшинъ и выселяется. Такъ какъ этотъ процессъ отъ времени до времени повторяется, то наконецъ обширная полоса земли населяется многочисленными отдѣльными племенами, имѣющими общихъ предковъ. Аналогія отнюдь не ограничивается этимъ. Хотя въ обыкновенной *идрѣ* потомство, образовавшееся изъ почки, скоро отдѣляется и дѣлается независимымъ, но во всемъ остальномъ разрядѣ *Hydrozoa*, къ которому принадлежитъ это животное, дѣло не всегда происходитъ такимъ образомъ. Индивиды, поочередно развившіеся такимъ способомъ, остаются прикрѣпленными къ родичу, порождаютъ новые, подобные же индивиды, которые въ свою очередь остаются прикрѣпленными къ нимъ, и результатомъ является сложное животное. Какъ мы въ самой *идрѣ* находимъ агрегацію единицъ, которыя, будучи рассматриваемы порознь, имѣютъ средство съ низшими *простѣйшими*, такъ въ *зоофитѣ* мы видимъ соединеніе изъ многихъ такихъ агрегацій. Тоже самое видно и въ обширной семьѣ *Polyzoa* или *Molluscoida*. *Асцидіи*, въ своихъ многочисленныхъ, разнообразныхъ видахъ, представляютъ тоже самое, выказывая, кромѣ того, различныя степени связи, существующей между составными индивидами. Такъ, на примѣръ, въ *сальпахъ* составные индивиды связаны между собою такъ слабо, что удара по сосуду съ водою, въ которомъ они плаваютъ, достаточно, чтобы отдѣлить ихъ другъ отъ друга, тогда какъ въ *Botryllidae* между ними существуетъ связь въ органахъ и общія отправленія. Въ этихъ различныхъ формахъ и степеняхъ агрегацій не представляется ли аналогіи съ слитіемъ группъ однородныхъ племенъ въ націю? Хотя въ мѣстностяхъ, гдѣ это дозволяютъ обстоятельства, отдѣльныя племена, происшедшія отъ какого-нибудь первоначальнаго племени, расселяются по разнымъ направленіямъ, удаляются на большія разстоянія одно отъ другаго и совѣмъ

обособляются, однакоже, въ другихъ случаяхъ, гдѣ мѣстность представляетъ препятствія далекимъ переселеніямъ, этого не случается: мелкія, сопленныя общины становятся въ болѣе тѣсныя сношенія и наконецъ болѣе или менѣе сливаются въ одну націю. Примѣромъ тому служитъ контрастъ между племенами американскихъ индѣйцевъ и шотландскими кланами. Наконецъ, даже бѣглый взглядъ на собственную нашу исторію или исторію континентальныхъ націй показываетъ, что вездѣ происходило такое слітіе мелкихъ немногосложныхъ общинъ, хотя и различными путями и въ различныхъ размѣрахъ. Какъ говоритъ Гизо, въ своей исторіи «происхожденія представительнаго правительства»,—

«Постепенно, среди хаоса возникающаго общества, образуются агрегаціи, которыя ощущаютъ потребность союза и связи другъ съ другомъ.... Вскорѣ между сосѣдними агрегаціями обнаруживается неравенство силъ. Сильные стремятся къ порабощенію слабыхъ и сначала присвоиваютъ себѣ право обложенія ихъ налогами и военными повинностями. Такимъ образомъ политическая власть предоставляетъ занять болѣе высокое мѣсто агрегаціямъ, впервые учредившимъ ее.»

Это значитъ, что мелкія племена, кланы, или феодальные союзы, имѣющіе по большей части одно общее происхожденіе и долгое время находившіеся въ близкомъ соприкосновеніи, въ качествѣ населенія сосѣднихъ одна другой странъ, постепенно сливаются различными путями, даже и помимо силы народной связи и близости.

Тутъ начинается дальнѣйшій рядъ измѣненій, которымъ мы попрежнему найдемъ соответственныя явленія въ индивидуальномъ организмѣ. Возвращаясь снова къ *Hydrozoa*, мы замѣчаемъ, что, въ простѣйшей изъ сложныхъ формъ ихъ, связанные между собою индивиды, развившіеся изъ одного общаго первоначальнаго тѣла, одинаковы по своему строенію и имѣютъ одинаковыя отправленія, съ той впрочемъ разницею, что иногда почка, вмѣсто того, чтобы развиваться образовать желудокъ, ротъ и щупальцы, образуетъ яичный мѣшечекъ. Но съ океаническими *Hydrozoa* этого вовсе не бываетъ. Въ *Calycophoridae*,

нѣкоторые изъ полиповъ, вырастающихъ изъ общаго зародыша, развиваясь и видоизмѣняясь, превращаются въ большія, продолговатыя, мѣшковидныя тѣла, которыя движутся въ водѣ посредствомъ ритмическихъ сокращеній, таща за собою всю общину полиповъ. Въ *Physophoridae* разнообразіе органовъ образуется подобнымъ же порядкомъ чрезъ превращенія развивающихся изъ почекъ полиповъ, такъ что въ животныхъ, подобныхъ *пузырьковымъ* (*Physalia*), вмѣсто древовидной группы недѣлимыхъ, составляющей первобытный типъ этого разряда, мы видимъ сложную массу неодинаковыхъ частей, исправляющихъ неодинаковыя должности. Какъ каждую отдѣльную *шдру* можно считать группою *простѣйшихъ*, отчасти превратившихся въ различные органы, точно такъ же и *пузырьковые*, морфологически разсматриваемые, представляютъ группу *шдръ*, отдѣльные индивиды которой подверглись различнымъ превращеніямъ, для приспособленія къ различнымъ функціямъ.

Такой же процессъ сложныхъ дифференцированныхъ происходитъ и при постепенномъ развитіи цивилизованнаго общества. Мы знаемъ, какъ въ мелкихъ первобытныхъ общинахъ возникаетъ нѣкотораго рода простая политическая организація, нѣкоторое практическое раздѣленіе сословій, отправляющихъ различныя обязанности. Теперь намъ предстоитъ рассмотретьъ, какимъ образомъ въ націи, образовавшейся слітіемъ нѣсколькихъ такихъ мелкихъ общинъ, отдѣльныя составныя части, будучи сначала одинаковы по своему строенію и роду дѣятельности, постепенно становятся различны въ томъ и другомъ, постепенно дѣлаются взаимно зависимыми частями, различными и по существу своему, и по своимъ отправленіямъ.

Ученіе о прогрессивномъ раздѣленіи труда, къ которому мы здѣсь приходимъ, знакомо всѣмъ читателямъ. Далѣе, аналогія между экономическимъ раздѣленіемъ труда и «физиологическимъ раздѣленіемъ труда» такъ разительна, что давно уже привлекла вниманіе естествоиспытателей и ввела въ науку самое выраженіе это. Слѣдовательно, нѣтъ надобности пускаться въ излишнія подробности при изслѣдованіи этой части нашего пред-

мета. Мы удовольствуемся указаніемъ нѣсколькихъ общихъ и многозначительныхъ фактовъ, не бросающихся въ глаза при поверхностномъ разсмотрѣніи дѣла.

Во всемъ животномъ царствѣ, начиная съ *Coelenterata*, первый фазисъ развитія одинъ и тотъ же. Въ зародышѣ полипа, равно какъ и въ человѣческомъ яйцѣ, масса кѣлочекъ, изъ которыхъ имѣетъ образоваться живое существо, отлагаетъ периферическій слой кѣлочекъ, слегка различествующихъ отъ остальныхъ кѣлочекъ, которыя этотъ слой окружаетъ, впоследствии онъ раздѣляется на два слоя: внутренней, находящейся въ прикосновеніи съ желткомъ и называемый слизистымъ слоемъ, и наружный, подвергающійся окружающимъ вліяніямъ и называемый серознымъ слоемъ, или, говоря словами профессора Гексли, употребленными имъ при описаніи процесса развитія *Hydrozoa*, — образуется *endoderm* и *ectoderm*. Это первобытное раздѣленіе обозначаетъ основное различіе частей въ будущемъ организмѣ. Отъ слизистаго слоя, или *endoderm*, развивается питательный аппаратъ, тогда какъ изъ серознаго слоя, или *ectoderm*, развивается аппаратъ внѣшней дѣятельности. Изъ перваго образуются тѣ органы, которыми готовится и поглощается пища, втягивается кислородъ и очищается кровь; тогда какъ изъ послѣдняго образуются нервная, мышечная и костная системы, соединеннымъ дѣйствіемъ которыхъ совершаются движенія тѣла какъ цѣлаго. Хотя опредѣленіе это не есть строго правильное, — такъ какъ нѣкоторые органы имѣютъ въ своемъ составѣ обѣ эти основныя оболочки, — однако высокіе авторитеты соглашаются въ томъ, что его можно принять какъ *общее* разграниченіе. Въ процессѣ развитія обществъ мы видимъ сходное съ этимъ дифференцированіе, которое точно также служитъ основой всего будущаго строенія. Мы уже указали, что единственный явный контрастъ частей въ первобытныхъ обществахъ заключается въ различіи между управляющими и управляемыми. Въ наименѣе организованныхъ племенахъ совѣтъ старшинъ представлялъ собраніе людей, отличавшихся отъ другихъ только большей храбростью или опытностью. Въ болѣе организованныхъ племенахъ сословіе старшинъ является опредѣленно отдѣльнымъ отъ низшаго сословія и

часто рассматривается как сословіе, имѣющее особую природу, а иногда и божественное происхожденіе. Позднѣ эти два сословія становятся другъ къ другу въ отношеніе вольныхъ людей и рабовъ, дворянства и крѣпостныхъ. Бѣглый взглядъ на взаимныя обязанности этихъ сословій показываетъ, что рѣзкія раздѣленія, образовавшіяся въ такую раннюю пору, находятся другъ къ другу въ отношеніяхъ, подобныхъ отношеніямъ первоначальныхъ раздѣловъ индивидуальнаго зародыша. Съ перваго своего появленія сословіе старшинъ управляетъ внѣшними дѣйствіями общества, какъ въ войнѣ, такъ и въ переговорахъ или переселеніяхъ. Впослѣдствіи, по мѣрѣ того какъ высшее сословіе развивается отлично отъ низшаго и въ тоже время болѣе и болѣе исключительно присвоиваетъ себѣ управительныя и оборонительныя должности, въ лицѣ государей, равно какъ и подчиненныхъ имъ правителей, жрецовъ и военныхъ вождей, низшее сословіе болѣе и болѣе исключительно занимается снабженіемъ общины предметами жизненной необходимости. Изъ почвы, съ которою масса народа приходитъ въ наиболѣе близкое соприкосновеніе, добываетъ она и изготавляетъ пищу и тѣ немногіе, грубые предметы ручнаго издѣлія, какіе извѣстны въ такихъ первобытныхъ обществахъ, — между тѣмъ какъ сложившееся поверхъ его высшее сословіе, будучи содержимо рабочимъ населеніемъ, вѣдаетъ внѣшнія стороны общины, съ которыми оно, по положенію своему, соприкасается болѣе непосредственно. Впослѣдствіи, по мѣрѣ того, какъ рабочій слой удаляется все болѣе и болѣе отъ дѣлъ общества и утрачиваетъ свою силу въ нихъ, онъ ограничивается почти исключительно процессами добыванія продовольствія, между тѣмъ какъ дворянство, переставая участвовать въ этихъ процессахъ, посвящаетъ себя управленію движеніями политическаго тѣла.

Не менѣе замѣчательна и дальнѣйшая аналогія того же рода. Послѣ того какъ отдѣлились слизистый и серозный слои зародыша, между ними образуется третій слой, извѣстный физиологамъ подъ названіемъ сосудистаго, — слой, изъ котораго формируются главнѣйшіе кровеносные сосуды. Слизистый слой, всасываетъ пищу изъ массы желтка, который онъ облегаеть; пища эта

должна передаваться верхнему серозному слою, изъ котораго формируется нервно-мышечная система, и, между обоими слоями, образуется сосудистая система, чрезъ посредство которой и совершается эта передача, система, сохраняющая и въ послѣдствіи свою роль разносителя пищи, изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ она принимается и готовится, къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ она нужна для возрастанія организма и пополненія его утратъ. Не является ли и въ социальномъ прогрессѣ подобная же ступень? Первоначально, между управляющими и управляемыми не существуетъ посредствующаго сословія; даже въ нѣкоторыхъ обществахъ, достигнувшихъ уже значительныхъ размѣровъ, нѣтъ почти иныхъ сословныхъ различій, кромѣ дворянства, или подобнаго ему сословія, съ одной стороны и рабовъ съ другой: при такомъ социальномъ строѣ предметы потребленія переходятъ прямо отъ рабовъ къ ихъ господамъ. Но въ обществахъ болѣе высокаго типа, между этими двумя первоначальными сословіями возникаетъ третье, торговое или среднее сословіе. Намъ представляется тутъ такая же аналогія, какъ и въ прежнихъ случаяхъ: среднее сословіе въ общихъ чертахъ равносильно среднему слою зародышевыхъ клѣточекъ: ибо всѣ торговцы суть главнѣйшимъ образомъ распредѣлители. Оптомъ ли они торгуютъ, собирая большими массами предметы потребленія, поставляемые различными производителями, или по мелочамъ, дробя массы предметовъ, собранныя такимъ образомъ,—всѣ торговцы суть агенты перемѣщенія предметовъ отъ мѣста ихъ производства къ мѣсту ихъ потребленія. Такимъ образомъ распредѣлительный аппаратъ общества соответствуетъ распредѣлительному аппарату живаго тѣла, не только по своимъ отправленіямъ, но и по своему посредствующему происхожденію, по своему положенію и по времени своего появленія.

Не исчисляя менѣе важныхъ дифференцированій, которымъ въ послѣдствіи подвергаются эти три главныя сословія, мы замѣтимъ только, что эти дифференцированія во всемъ слѣдуютъ тому же общему закону, какъ и дифференцированія индивидуальнаго организма. Въ обществѣ, какъ и въ животномъ, мы видѣли, что самыя общія и рѣзко обозначенныя раздѣленія появляются первы-

ми; дальнѣйшія же подраздѣленія совершаются въ обоихъ случаяхъ въ порядкѣ убывающей общности.

Замѣтимъ затѣмъ, что какъ въ томъ, такъ и другомъ случаѣ, специализированія вначалѣ весьма неполны и становятся полнѣе по мѣрѣ совершенствованія организаци. Мы видѣли, что въ первобытныхъ племенахъ, какъ и въ наиболѣ простыхъ животныхъ, остается еще много общности между отправлениями частей номинально различныхъ, что, напримѣръ, предводители племени, въ промышленномъ отношеніи, остаются долгое время равными низшему сословію, точно такъ же, какъ въ *идрѣ* способностью сокращаться обладаютъ единицы *endoderm* наравнѣ съ единицами *ectoderm*. Мы указали также, что по мѣрѣ того, какъ общество подвигалось впередъ, въ функціяхъ двухъ главныхъ первоначальныхъ сословій оставалось все менѣе и менѣе общаго. Здѣсь же намъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ дальнѣйшія специализированія сначала крайне неопредѣленны и только постепенно выясняются. «Въ младенчествѣ общества, говоритъ Гизо, все перепутано и невѣрно; нѣтъ еще постоянной и точной демаркаціонной линіи между различными властями въ государствѣ.» — «Первоначально короли жили подобно прочимъ землевладѣльцамъ, доходами, получаемыми со своихъ частныхъ помѣстій.» Дворяне были маленькіе государи; государи—наиболѣ могущественные дворяне. Епископы были феодальными владѣльцами и военными вождами. Правомъ чеканить монету могущественные подданные и церковь пользовались наравнѣ съ королемъ. Каждое изъ передовыхъ лицъ въ одно и тоже время исправляло должности землевладѣльца, сельскаго хозяина, воина, государственнаго человѣка и судьи. Люди, подвластные этимъ лицамъ, были то солдатами, то земледѣльцами, смотря по надобности. Но церковь постепенно утратила всякую гражданскую юрисдикцію; государственная власть все болѣе и болѣе ограничивала свой контроль надъ религіознымъ обученіемъ; военное сословіе совершенно обособилось; ремесла сосредоточились въ городахъ; веретена, разбросанные по фермамъ, уступили мѣсто машинамъ мануфактурныхъ округовъ. Во всякомъ прогрессѣ совершается не только пе-

реходъ отъ однороднаго къ разнородному, но и переходъ отъ неопредѣленнаго къ опредѣленному.

Есть еще одинъ фактъ, котораго не слѣдуетъ оставлять безъ вниманія: въ процесѣ развитія большаго общества изъ соединенія нѣсколькихъ небольшихъ общинъ, постепенно изглаживаются первоначальныя черты разграниченія; этому явленію мы можемъ найти аналогию и въ живыхъ тѣлахъ: цѣлый подклассъ *суставчатыхъ* представляетъ многообразные и ясныя примѣры. Въ низшихъ типахъ этого подкласса тѣло животнаго состоитъ изъ многочисленныхъ сегментовъ во всемъ почти одинаковыхъ между собою. У каждаго сегмента есть свое наружное кольцо; есть своя пара ногъ, если животное имѣетъ ноги; есть своя, одинаковая съ другими, доля внутренностей, или свой отдѣльный желудокъ; есть своя одинаковая съ другими доля кровеноснаго сосуда, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, свое отдѣльное сердце; есть своя часть нервной системы и, пожалуй, своя отдѣльная пара узловъ. Но въ высшихъ типахъ, какъ на примѣръ въ большихъ *ракообразныхъ*, многіе изъ этихъ сегментовъ вполнѣ слиты вмѣстѣ и внутренніе органы уже не повторяются однообразно во всѣхъ сегментахъ. Тѣ сегменты, изъ которыхъ первоначально состоятъ націи, утрачиваютъ свое отдѣльное внутреннее и наружное строеніе такимъ же точно порядкомъ. Въ феодальныя времена, мелкія общины, управляемыя феодальными владѣльцами, были организованы каждая сама по себѣ по одному и тому же грубому образцу и связывались между собою единственно подданничествомъ своихъ отдѣльныхъ владѣльцевъ какому-нибудь одному сюзерену. Но по мѣрѣ возрастанія центральной власти разграниченія этихъ мѣстныхъ общинъ стали исчезать, и ихъ отдѣльныя организациі слились въ одну общую организацию. Тоже самое представляетъ, въ большемъ размѣрѣ, слитіе Англіи, Валліса, Шотландіи и Ирландіи и слитіе областей въ континентальныхъ государствахъ. Даже въ исчезновеніи разграниченій, установленныхъ закономъ, проявляется аналогичный процесъ. При англо-саксахъ Англія раздѣлялась на *десятки, сотни и графства*. Были суды графствъ, суды сотенъ и суды десятковъ. Суды десятковъ исчезли первые; за ними послѣдовали суды сотенъ,

которые, однако, еще оставили нѣкоторые слѣды, между тѣмъ какъ судебная юрисдикція графствъ до сихъ поръ еще существуетъ. Но болѣе всего достойно вниманія, что, съ ходомъ развитія, возникаетъ организація, не имѣющая соотношенія съ этими первоначальными раздѣленіями, но пронизывающая ихъ всѣ, по различнымъ направленіямъ, какъ въ животныхъ, принадлежащихъ къ только-что названному отдѣлу, и что въ обоихъ случаяхъ старинныя границы нарушаются именно питающей организаціей, тогда какъ слѣды этихъ границъ еще сохраняются въ управляющей или координирующей организаціи. Такъ, въ высшихъ *суставчатыхъ* наружная оболочка и мышечная система никогда не утрачиваютъ вполнѣ слѣдовъ своего первоначального раздѣленія на кольца, тогда какъ, въ значительной части тѣла, внутренности нисколько не сообразуются съ наружными раздѣленіями. Точно также и въ націи мы видимъ, что, между тѣмъ какъ, ради правительственныхъ соображеній, существуетъ еще дѣленіе на графства и приходы, — устройство, развившееся для питанія общества, рѣшительно не признаетъ этихъ разграниченій: наша главная хлопчатобумажная промышленность простирается изъ Ланкастерскаго на сѣверъ Дербійскаго графства; Лейстерское и Ноттингамское графства давно дѣлятъ между собою чулочную торговлю; одинъ изъ главныхъ центровъ производства желѣза и желѣзныхъ товаровъ включаетъ въ себѣ части Варвикскаго, Стаффордскаго и Вустерскаго графствъ; наконецъ всѣ разнообразныя земледѣльческія специализированія, прославившія различныя части Англіи своими продуктами, оказываютъ границамъ графствъ не больше уваженія, нежели наши возрастающіе города оказываютъ приходскимъ разграниченіямъ.

Если, по разсмотрѣніи этихъ аналогій въ строеніи, мы спросимъ, существуютъ ли такія же аналогіи между процессами органическихъ измѣненій, — отвѣтъ будетъ утвердительный. Причины, ведущія къ увеличенію объема любой части политическаго тѣла, тождественны по существу своему съ причинами, ведущими къ увеличенію объема любой части индивидуальнаго тѣла. Въ обоихъ случаяхъ такому увеличенію предшествуетъ усиленіе дѣятельности отпращеній, вслѣдствіе большаго спроса на эту дѣл-

тельность. Каждый членъ, внутренность, желѣза или иная часть животнаго развиваются упражненіемъ, дѣятельнымъ исправленіемъ обязанностей, требуемыхъ отъ нея цѣлымъ тѣломъ; точно такъ же любой разрядъ земледѣльцевъ или ремесленниковъ, любой мануфактурный центръ начинаетъ возрастать, когда община требуетъ отъ него усиленія работы. И въ томъ и въ другомъ случаѣ возрастаніе одинаково имѣетъ свои условія и границы. Чтобы какой-нибудь органъ въ живомъ тѣлѣ могъ развиваться отъ упражненія, необходимо соразмѣрное снабженіе его кровью. Каждое дѣйствіе предполагаетъ извѣстную затрату силъ; кровь приноситъ матеріалы, нужные для вознагражденія этой затраты, и для того, чтобы органъ могъ развиваться, нужно, чтобы количество доставляемой крови превышало количество, требующееся для одного только вознагражденія затраченныхъ силъ. Тоже самое бываетъ и въ обществѣ. Если въ какомъ-нибудь округѣ, разрабатывающемъ для общины одинъ какой-нибудь предметъ потребленія—назовемъ для примѣра хоть юркширскія шерстяныя издѣлія—является усиленный запросъ на разрабатываемый продуктъ, если, для удовлетворенія этого запроса, мануфактурная организація подвергается извѣстнымъ затратамъ и порчѣ и если, наконецъ, въ уплату за лишнюю, противъ обыкновеннаго, сумму высланныхъ шерстяныхъ издѣлій, возвращается только такое количество товара, которымъ вознаграждаются сдѣланные расходы и затраты силъ и машинъ,—то возрастанія очевидно быть не можетъ. Для возрастанія нужно, чтобы произведеній, добытыхъ взамѣнъ высланнаго, было болѣе чѣмъ достаточно для этихъ цѣлей, и въ такомъ случаѣ быстрота развитія будетъ въ точной соразмѣрности съ получаемымъ излишкомъ. Изъ этого явствуетъ, что то, что въ коммерческихъ дѣлахъ мы называемъ *барышемъ*, соответствуетъ излишку питанія надъ затратою силъ въ живомъ тѣлѣ. Сверхъ того въ обоихъ случаяхъ, когда дѣятельность отправленій усиленна, а питаніе недостаточно, порождается не развитіе, а упадокъ. Если въ животномъ который-нибудь изъ органовъ работаетъ такъ сильно, что кровеносные каналы, приносящіе къ нему кровь, не успѣваютъ поставлять нужное для возстановленія силъ количество ея, то органъ этотъ истощается и ума-

ляется; точно такъ же и въ политическомъ тѣлѣ, если какая-нибудь часть его была вызвана на усиленную производительность, а затѣмъ не получаетъ полной платы за все свое производство, то нѣкоторые изъ членовъ тѣла обанкручиваются и размѣръ производительности его уменьшается.

Есть еще одна аналогія, на которую слѣдуетъ здѣсь обратить вниманіе. Она заключается въ томъ, что различныя части соціального организма, подобно различнымъ частямъ индивидуального организма, борятся между собою за пищу и получаютъ большее или меньшее количество ея, смотря по большей или меньшей своей дѣятельности. Если въ человѣкѣ чрезмѣрно возбужденъ мозгъ, то кровь отвлекается отъ внутренностей и пищевареніе останавливается; если пищевареніе совершается дѣятельно, оно можетъ имѣть такое вліяніе на обращеніе крови въ мозгъ, что причинить сонливость; сильное мышечное напряженіе можетъ вызвать притокъ такого количества крови къ оконечностямъ, что задержится пищевареніе, или мозговая дѣятельность. Такимъ же образомъ и въ обществѣ часто случается, что усиленная дѣятельность по какому-нибудь одному направленію причиняетъ частыя остановки дѣятельности въ другомъ, отвлекая отъ различныхъ отраслей капиталъ, т. е. продукты. Мы имѣемъ такіе примѣры въ задержкѣ, причиненной коммерческимъ операціямъ внезапнымъ развитіемъ нашей системы желѣзныхъ дорогъ, и въ случаяхъ, когда сборъ значительныхъ военныхъ силъ временно останавливаетъ развитіе главнѣйшихъ отраслей промышленности.

Послѣдніе параграфы приводятъ насъ къ слѣдующему отдѣлу нашего предмета. Почти незамѣтно пришли мы къ аналогіи, существующей между кровью живаго тѣла и находящейся въ обращеніи массой произведеній въ политическомъ тѣлѣ. Теперь намъ предстоитъ прослѣдить аналогію эту отъ самыхъ простыхъ къ наиболѣе сложнымъ ея проявленіямъ.

Въ низшихъ животныхъ крови въ собственномъ смыслѣ слова не существуетъ. Чрезъ небольшую агрегацію кѣлочекъ, изъ которыхъ состоитъ *идра*, просачиваются соки, извлекаемые

изъ пищи. Нѣтъ аппарата для разработки сконцентрированной и чищенной пищи и разнесенія ея по составнымъ единицамъ; составныя единицы эти непосредственно вбираютъ въ себя неприготовленную пищу или изъ пищеварительной полости, или просто одна изъ другой. Не то ли же самое бываетъ и въ первобытныхъ племенахъ? Всѣ члены его, каждый самъ по себѣ, добываютъ себѣ неразработанные предметы жизненной необходимости, и каждый порознь, какъ умѣетъ, приготовляетъ эти предметы для своего потребленія. Когда возникаетъ положительное дифференцированіе между управляющими и управляемыми, начинается нѣкоторая передача предметовъ отъ тѣхъ низшихъ индивидовъ, которые, въ качествѣ работниковъ, приходятъ въ прямое соприкосновеніе съ продуктами земли, къ высшимъ индивидамъ, облеченнымъ правящими должностями. Процессъ этотъ аналогиченъ съ тѣмъ, которымъ сопровождается дифференцированіе *ectoderm* отъ *endoderm*: какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ передаются продукты почти или вовсе неразработанные, и передача совершается непосредственно отъ единицы добывающей къ единицѣ потребляющей, не вступая предварительно въ какой-либо общій токъ.

Перехода къ болѣе значительнымъ индивидуальнымъ и социальнымъ организмамъ, мы подвигаемся на шагъ впередъ отъ этого устройства. Въ сложныхъ *Hydrozoa*, представляющихъ сочетаніе нѣсколькихъ такихъ первоначальныхъ группъ, изъ какихъ составлены *гидры*, или въ *медузѣ*, представляющей одну изъ этихъ группъ, достигнувшую значительныхъ размѣровъ,—существуютъ грубые каналы, проходящіе чрезъ вещество, изъ котораго состоитъ тѣло, но они не представляютъ каналовъ для разнесенія приготовленной пищи, а суть только простыя продленія пищеварительной полости, чрезъ которыя неразработанная млечно-водянистая жидкость достигаетъ до болѣе отдаленныхъ частей организма и передвигается взадъ и впередъ сокращеніями животнаго. Не находимъ ли мы въ нѣкоторыхъ изъ первобытныхъ общинъ, достигнувшихъ болѣе высокаго развитія, подобнаго же состоянія? Когда число людей, отчасти или вполне соединившихся въ одно общество, становится значительнымъ, ког-

да, какъ это обыкновенно случается, люди эти покрываютъ поверхность страны, производящей не вездѣ одинаковые продукты, когда, въ особенности, возникаютъ многочисленныя, непромышленныя сословія, — неизбежно устанавливается какой-нибудь процессъ обмена и распредѣленія. По мѣстностямъ, покрытымъ растительностью, обусловливающей возможность существованія чело-вѣка, пролагаются не совсѣмъ еще опредѣленные пути, по которымъ изрѣдка провозятся предметы жизненной потребности, для разнѣна на другіе, которые въ свою очередь возвращаются тѣмъ же путемъ. Нужно замѣтить однако, что, вначалѣ, перемѣщаются такимъ образомъ почти одни только сырые продукты — плоды, рыба, скотъ, шкуры и проч.; обработанныхъ же или приготовленныхъ для потребленія продуктовъ почти вовсе нѣтъ. Да и неприготовленные продукты развозятся только случайно, какимъ-то медленнымъ, неправильнымъ ритмомъ.

Дальнѣйшій прогрессъ въ разработываніи и распредѣленіи пищи и другихъ произведеній есть непремѣнная принадлежность послѣдующихъ дифференцированныхъ въ отправленіяхъ индивидуальнаго или политическаго тѣла. Какъ только какой-либо органъ животного ограничивается въ своей дѣятельности спеціальной ролью, онъ по необходимости приходитъ въ зависимость отъ остальныхъ органовъ относительно полученія всѣхъ тѣхъ матеріаловъ, которыхъ его положеніе и отправленіе не дозволяютъ ему добывать самому; точно также, какъ скоро какое-либо отдѣльное сословіе общины исключительно отдается производству извѣстнаго предмета, такъ оно становится въ зависимость отъ остальныхъ сословій относительно полученія всѣхъ прочихъ предметовъ, въ которыхъ нуждается. Въ тоже время результатомъ болѣе высокаго спеціализированія группы питательныхъ органовъ будетъ большее совершенство въ разработкѣ крови, потому что каждый изъ органовъ приспособляется въ этомъ случаѣ къ приготовленію особыхъ элементовъ крови; точно такъ же и произведенія, обращающіяся въ обществѣ, будутъ доброкачественнѣе, по мѣрѣ большаго раздѣленія труда между работниками. Нужно еще замѣтить, что и въ томъ и въ другомъ случаѣ масса обра-щающихся питательныхъ матеріаловъ, кромѣ того, что посте-

пенно улучшается въ составных частях своихъ, въ тоже время становится и многосложнѣе. Увеличеніе въ числѣ несходныхъ органовъ, передающихъ въ кровь утраченныя ими вещества и требующихъ отъ нея различныхъ матеріаловъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ нуждается, предполагаетъ болѣе разнообразный составъ крови. Это априористическое заключеніе подтверждается, по словамъ доктора Вилліамса, индуктивно, путемъ изслѣдованія крови на различныхъ ступеняхъ животнаго царства. Точно также, очевидно, что по мѣрѣ увеличенія раздѣленія труда въ общинѣ, должно послѣдовать и увеличеніе разнородности въ произведеніяхъ, протекающихъ по всей общинѣ.

Находящаяся въ обращеніи масса питательныхъ матеріаловъ въ индивидуальныхъ и социальныхъ организмахъ, дѣлаясь лучшею по качеству своихъ составныхъ частей и болѣе разнородною въ своемъ составѣ по мѣрѣ того, какъ возвышается типъ устройства организма, прибавляетъ еще въ этому типу въ томъ и другомъ случаѣ новый элементъ, самъ по себѣ не питательный, но облегчающій процессы питанія. Мы разумѣемъ, въ индивидуальномъ организмѣ, кровяные шарики, въ социальномъ организмѣ—деньги. Эта аналогія была указана Либихомъ, который, къ своимъ «*Популярныхъ письмахъ о Химіи*», говоритъ:

«Серебро и золото должны исправлять ту же должность въ организациіи государства, какую исправляютъ въ человѣческой организациіи кровяныя частицы. Подобно тому, какъ эти шарики, сами не принимая непосредственнаго участія въ питательномъ процессѣ, служатъ посредствующимъ и непремѣннымъ условіемъ обмѣна матеріи, произведенія тепла и той силы, которою поддерживается температура тѣла и опредѣляются движенія крови и всѣхъ соковъ,—такъ и золото сдѣлалось посредствующимъ условіемъ всякой дѣятельности въ жизни государства.»

А такъ какъ кровяныя частицы уподобляются деньгамъ и по функциямъ своимъ, и по тому факту, что онѣ, подобно деньгамъ же, не истребляются при питаніи, то Либихъ указываетъ далѣе, что число этихъ частицъ, протекающее чрезъ главные центры въ извѣстный промежутокъ времени, громадно, если сравнить

его съ ихъ абсолютнымъ числомъ, — точно такъ же, какъ громадно количество денегъ, ежегодно проходящихъ чрезъ главные торговые центры, если сравнить его съ общимъ количествомъ денегъ въ государствѣ. Это еще не все. Ливихъ упустилъ изъ виду то многозначительное обстоятельство, что только при достиженіи извѣстной степени организаціи появляется этотъ элементъ обращенія. Въ обширныхъ разрадахъ низшихъ животныхъ, кровь не содержитъ въ себѣ шариковъ, и въ обществахъ, стоящихъ на низкой ступени цивилизаціи, нѣтъ денегъ.

До сихъ поръ, мы разсматривали аналогію между кровью въ живомъ тѣлѣ и предметами, потребляющимися и обращающимися въ политическомъ тѣлѣ. Сравнимъ теперь тѣ снаряды, помощью которыхъ распредѣляются и та и другіе. Въ развитіи этихъ снарядовъ мы найдемъ аналогіи не менѣ замѣчательныя, нежели вышензложенныя. Мы показали уже, что оптовые и мелочные распредѣлители, какъ сословіе, исправляютъ въ обществѣ ту же должность, какую исправляетъ въ индивидуальномъ существѣ сосудистая система; что они являются на свѣтъ позднѣ другихъ двухъ главныхъ сословій, — какъ сосудистый слой кѣлочекъ появляется позднѣ слизистаго и серознаго слоевъ, — и что они занимаютъ такое же посредствующее положеніе. Тутъ, впрочемъ, надо еще указать, что полное представленіе системы общественнаго кровообращенія заключаетъ въ себѣ не только человѣческихъ дѣателей, которые направляютъ движеніе продуктовъ и регулируютъ ихъ распредѣленіе, но и самые пути сообщенія. На образованіе и устройство послѣднихъ мы теперь и обратимъ наше вниманіе.

Возвращаясь еще разъ къ тѣмъ низшимъ животнымъ, въ которыхъ не оказывается ничего кромѣ частнаго разлитія, не крови, а неразработанныхъ питательныхъ жидкостей, надо замѣтить, что каналы, чрезъ которые совершается это разлитіе, суть ни что иное какъ простыя углубленія въ полуорганизованномъ веществѣ тѣла: они не выложены изнутри оболочкою, это просто *lacinae*, проходящія чрезъ грубую ткань. Страны, въ которыхъ цивилизація только еще начинается, представляютъ подобное же состояніе: нѣтъ дорогъ въ собственномъ смыслѣ слова, но чаша

дикой растительной жизни кое-гдѣ просѣкается тропинками, по которымъ совершается распредѣленіе сырыхъ продуктовъ. И въ томъ и въ другомъ случаѣ актъ распредѣленія совершается только чрезъ долгіе промежутки (токи, съ нѣкоторыми перерывами, направляются то къ общему центру, то отъ него); перемѣщеніе въ обоихъ случаяхъ медленно и затруднительно. Но въ числѣ прочихъ принадлежностей прогресса, какъ въ животныхъ, такъ и въ обществахъ, является образованіе болѣе опредѣленныхъ и совершенныхъ путей сообщенія. Кровеносные сосуды получаютъ опредѣленные стѣнки: дороги окапываются и усыпаются щебнемъ. Это совершенствованіе появляется сперва въ тѣхъ дорогахъ или сосудахъ, которые находятся ближе къ главнымъ центрамъ распредѣленія, тогда какъ периферическіе сосуды и периферическія дороги остаются еще долгое время въ первобытномъ состояніи. При еще болѣе поздней степени развитія, когда является сравнительная законченность устройства во всей системѣ, а не только около главныхъ центровъ,—въ обоихъ случаяхъ остается та разница, что главнѣйшіе пути распредѣленія сравнительно широки и прямы, тогда какъ второстепенные — узки и извилисты, соразмѣрно своей отдаленности отъ центра. Наконецъ, нужно еще замѣтить, что въ высшихъ социальнихъ организмахъ, какъ и въ высшихъ индивидуальныхъ организмахъ, современемъ образуются важнѣйшіе распредѣлительные каналы, еще болѣе отличающіеся совершенствомъ своего устройства, своей сравнительной прямизной и отсутствіемъ тѣхъ мелкихъ отвлѣченій, которыя постоянно пускаютъ отъ себя меньшіе пути сообщенія. Желѣзныя дороги представляютъ намъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, первое специализированіе по части направленія токовъ, въ двойномъ пути рельсовъ, разносящихъ токи въ одно и тоже время по противоположнымъ направленіямъ, наподобіе артерій и венъ вполне развитаго животнаго.

Эти аналогіи въ процессахъ развитія и въ строеніи системъ обращенія приводятъ насъ еще къ другимъ аналогіямъ въ родахъ и степеняхъ скорости движеній, происходящихъ чрезъ посредство этихъ системъ. Въ низшихъ обществахъ, какъ и въ низшихъ существахъ, распредѣленіе неразработанной пищи со-

вершается посредствомъ медленнаго доставленія и возвращенія. Въ существахъ, имѣющихъ грубую сосудистую систему, такъ же какъ въ обществахъ, едва начавшихъ устраивать дороги и перевозить по нимъ произведенія, нѣтъ правильнаго обращенія въ определенныхъ направленіяхъ, а вмѣсто того есть періодическія колебанія токовъ, измѣняющихъ свое направленіе то къ одной точкѣ, то къ другой. Черезъ каждую часть тѣла низшаго моллюска кровь течетъ въ некоторое время по одному направленію, потомъ останавливается и обращаетъ свое теченіе назадъ, по противоположному направленію; точно такъ же медленно распределяются товары въ грубо организованномъ обществѣ черезъ посредство большихъ ярмарокъ, происходящихъ въ различныхъ мѣстностяхъ и періодически направляющихъ товарные токи. Только животныя, достигнувшія достаточно совершенной организаціи, и значительно развитыя общины просѣкаются повсюду постоянными токами, имѣющими определенное направленіе. Въ живыхъ тѣлахъ мѣстные измѣчивые токи исчезаютъ, когда возникаютъ большіе центры обращенія, порождающіе болѣе могучіе токи, при ритмѣ, переходящемъ въ быструю, правильную пульсацію. Также точно и въ социальныхъ тѣлахъ, когда возникаютъ большіе центры коммерческой дѣятельности, производящей и обмѣнивающей большія количества произведеній, быстрые и непрерывные токи, принимаемые и выпускаемые этими центрами, подчиняютъ себѣ всѣ меньшія и мѣстныя обращенія: медленный ритмъ ярмарокъ переходитъ въ болѣе оживленный ритмъ еженедѣльныхъ рынковъ, а въ главныхъ центрахъ распределенія еженедѣльные рынки учащаются въ ежедневные, и въ тоже время, вмѣсто медленной перевозки товаровъ съ мѣста на мѣсто, совершавшейся сначала еженедѣльно, потомъ два и три раза въ недѣлю, люди начинаютъ перевозить ихъ каждый день, а наконецъ и по нѣсколько разъ въ день, и прежній вялый, неправильный ритмъ превращается въ скорый равномерный пульсъ. Кромѣ того, въ обоихъ случаяхъ увеличеніе дѣятельности, такъ же какъ и совершенствованіе устройства менѣ замѣтны на периферіи сосудистой системы. На главныхъ линияхъ желѣзныхъ дорогъ, по каждому направленію отправляются до двадцати по-

ѣздовъ въ день, съ быстротою отъ тридцати до пятидесяти миль въ часъ; чрезъ главныя артеріи кровь быстро прорывается послѣдовательными волнами. По большимъ дорогамъ люди и товары перевозятся на лошадяхъ, съ гораздо меньшею, хотя все еще значительной скоростью, и съ гораздо менѣе рѣзкимъ ритмомъ; въ меньшихъ артеріяхъ—быстрота теченія крови значительно уменьшается, и пульсъ становится менѣе замѣтенъ. Въ провинціи дороги уже, болѣе извилисты; устройство ихъ менѣе совершенно; скорость движенія по нимъ еще убавляется, а ритмъ становится почти неуловимъ, какъ въ самыхъ отдаленныхъ артеріяхъ. Въ тѣхъ еще болѣе несовершенныхъ побочныхъ дорогахъ, которыя ведутъ къ разбросаннымъ фермамъ и коттеджамъ, движеніе еще медленнѣе и уже очень неправильно,—какъ въ волосныхъ сосудахъ. Наконецъ въ проселочныхъ дорогахъ, которыя, въ своемъ неустроенномъ видѣ, представляютъ типъ *lacunae*, движеніе является самое медленное, самое неправильное, самое рѣдкое,—какъ оно бываетъ не только въ первобытныхъ *lacunae* животныхъ и обществъ, но и въ тѣхъ *lacunae*, которыми кончается сосудистая система въ обширныхъ семействахъ низшихъ существъ.

Итакъ, между распредѣлительными системами живыхъ тѣлъ и политическихъ тѣлъ мы находимъ изумительно-близкое сходство. Въ низшихъ формахъ индивидуальных и соціальныхъ организмовъ не существуетъ ни приготовленныхъ питательныхъ веществъ, ни пищераспредѣлительныхъ снарядовъ и, въ обоихъ, таковыя снаряды, возникая какъ непремѣнная принадлежность дифференцированія частей, приближаются къ совершенству по мѣрѣ того, какъ приближается къ нему это дифференцированіе. Въ животныхъ, какъ и въ обществахъ, распредѣлительныя органы начинаютъ появляться относительно въ одни и тѣ же періоды, въ одномъ и томъ же положеніи. Въ тѣхъ какъ и въ другихъ, находящіеся въ обращеніи питательныя матеріалы сначала просты и не разработаны; постепенно разрабатываются лучше и дѣлаются болѣе разнообразными, и наконецъ получаютъ прибавленіе, въ видѣ новаго элемента; облегчающаго питательныя процессы. Каналы и сообщенія проходятъ подобныя между собою фазисы

развитія, которые приводят ихъ къ аналогическимъ формамъ. Направленіе, ритмъ и скорость обращенія подвигаются сходными шагами къ сходнымъ конечнымъ условіямъ.

Мы приходимъ наконецъ къ нервной системѣ. Обративъ вниманіе на первоначальное дифференцированіе обществъ на управляющее и управляемое сословіе и замѣтивъ аналогію его съ дифференцированіемъ двухъ первоначальныхъ тканей, изъ которыхъ вырабатываются органы ви́шней дѣятельности и органы питанія,—принявъ къ свѣдѣнію нѣкоторыя изъ главнѣйшихъ аналогій между развитіемъ промышленнаго устройства и развитіемъ питательнаго аппарата и прослѣдивъ возможно подробно аналогіи, существующія между распределительными системами, социальной и индивидуальной, — намъ теперь остается сравнить средства, которыми управляется общество, какъ цѣлое, со средствами, которыми управляются движенія отдѣльнаго существа. При этомъ мы найдемъ параллелизмы не менѣе разительные, нежели указанные выше.

Сословіе, изъ котораго правительственная организація беретъ свое начало, сходно по своимъ отношеніямъ, какъ мы уже сказали, съ *ectoderm* низшихъ животныхъ и зародышныхъ формъ. И какъ эта первичная оболочка, изъ которой развивается нервно-мышечная система, должна, на первой же ступени своего дифференцированія, слегка отличаться отъ остальнаго организма большей впечатлительностью и способностью сокращаться, которая характеризуют органы, порождаемые ею, такъ и въ высшемъ сословіи, превращающемся современемъ въ управительно-исполнительную систему общества (законодательная и оборонительная функція), должна быть нѣсколько большая доля способностей, требующихся для этихъ высшихъ общественныхъ должностей. Въ первобытныхъ обществахъ люди, наиболѣе сильные, храбрые и смѣтливые всегда дѣлаются вождями и правителями, а въ племени, получившемъ уже нѣкоторое устройство, эта черта имѣетъ результатомъ установленіе первенствующаго сословія, отличающагося вообще тѣми нравственными и физическими качествами, которые дѣлаютъ членовъ его способными къ обсужденію

дѣлъ и къ энергичнымъ совокупнымъ дѣйствіямъ. Точно также, бѣлая впечатлительность и способность сокращаться, характеризующія въ низшихъ животныхъ единицы *ectoderm*, характеризуютъ и единицы первоначальнаго соціальнаго *ectoderm*, такъ какъ впечатлительность и способность сокращаться суть корни разума и силы.

Въ первичномъ *ectoderm* гидры всѣ единицы одарены и впечатлительностью и способностью сокращаться; но по мѣрѣ того, какъ мы поднимаемся къ болѣе высокимъ типамъ организаціи, *ectoderm* дифференцируется на разряды единицъ, дѣлающихъ между собою эти два отправления: нѣкоторыя, дѣлаясь исключительно впечатлительными, утрачиваютъ способность сокращаться; другія же, дѣлаясь исключительно способными сокращаться, утрачиваютъ впечатлительность. Тоже самое бываетъ и съ обществами. Въ какомъ-нибудь первобытномъ племени, управительныя и исполнительныя функціи распределены въ смѣшанномъ видѣ между всѣми членами правящаго сословія. Каждый мелкій начальникъ управляетъ подвластными себѣ людьми и, въ случаѣ надобности, самъ силою принуждаетъ ихъ къ повиновенію. Старшинный совѣтъ самъ приводитъ въ исполненіе свои рѣшенія на полѣ битвы. Главный начальникъ не только самъ издаетъ законы, но собственноручно исполняетъ приговоры. Въ болѣе обширныхъ и установившихся общинахъ между управительною и исполнительною властями начинаютъ возникать различія. Главный начальникъ или государь, по мѣрѣ усложненія своихъ обязанностей, ограничиваетъ все болѣе и болѣе свою дѣятельность управленіемъ общественными дѣлами и предоставляетъ выполненіе своей воли другимъ: онъ отражаетъ отъ себя лицъ для вынужденія покорности, для исполненія приговоровъ или осуществленія менѣе важныхъ оборонительныхъ или наступательныхъ мѣръ, и только развѣ въ такихъ случаяхъ, гдѣ дѣло касается безопасности общества и его собственной верховной власти, принимаетъ онъ на себя непосредственно-дѣятельную роль. По мѣрѣ того какъ устанавливается это дифференцированіе, характеристическія черты правителя начинаютъ измѣняться. Нѣтъ уже необходимости, чтобы онъ, какъ въ первобытномъ племени, пре-

восходилъ всѣхъ силою и отвагою; главное условіе для него состоитъ въ обладаніи возможно-большой хитростью, предусмотрительностью и ловкостью въ управленіи другими, потому что въ обществахъ, перешедшихъ за первую ступень развитія, подобныя качества попреимуществу обезпечиваютъ успѣхъ въ дѣлѣ достиженія верховной власти и отстаиванія ея противъ внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ. Такимъ образомъ тотъ членъ управляющаго сословія, который дѣлается главнымъ дѣтелемъ, на-подобіе первичнаго нервнаго центра въ развивающемся организмѣ, обыкновенно бываетъ человѣкомъ, одареннымъ нѣкоторымъ превосходствомъ нервной организаціи.

Въ тѣхъ, нѣсколько болѣе обширныхъ и многосложныхъ общинахъ, въ которыхъ есть особое военное сословіе, сословіе жрецовъ и разбѣяныя массы населенія, нуждающіяся въ мѣстномъ управленіи, по необходимости возникаютъ подчиненные правительственные дѣтели, которые, въ свою очередь, по мѣрѣ усложненія возложенныхъ на нихъ обязанностей, принимаютъ характеръ все болѣе управительный и менѣе исполнительный. Затѣмъ, государь начинаетъ собирать вокругъ себя совѣтниковъ, помогающихъ ему сообщеніемъ свѣдѣній, подготовленіемъ предметовъ для его обсужденія и обнародованіемъ его приказаній. Такую форму организаціи можно сравнить съ формою, весьма распространенною между низшими типами животныхъ, въ которыхъ существуетъ одинъ главный узелъ, съ нѣсколькими разбросанными, зависимыми отъ него узлами.

Впрочемъ аналогіи между процессомъ развитія правительственнаго строенія въ обществахъ и процессомъ развитія того же строенія въ живыхъ тѣлахъ разительнѣе обнаруживаются при образованіи націй посредствомъ слитія небольшихъ общинъ,—процессъ, какъ уже указано, во многихъ отношеніяхъ соответствующемъ развитію существъ, первоначально состоящихъ изъ нѣсколькихъ подобныхъ сегментовъ. Въ числѣ прочихъ пунктовъ общности между послѣдовательными кольцами, составляющими тѣло низшихъ *Articulata*, находится обладаніе одинаковыми парами узловъ. Эти пары узловъ, хотя и соединенныя нервами, находятся только въ весьма слабой зависимости отъ одной общей управляющей власти. Вслѣдствіе

этого, если разрѣзать тѣло на-двое, задняя часть его продолжаетъ подвигаться впередъ, помощью своихъ многочисленныхъ ногъ, а если раздѣлить цѣпь узловъ, не разсѣвая самаго тѣла, задніе члены пытаются двигать тѣло по одному направленію, тогда какъ передніе члены стараются двигать его по другому. Но въ высшихъ *Articulata* число переднихъ паръ узловъ не только увеличивается, но соединяется въ одну массу и, такъ какъ этотъ большой головной узелъ дѣлается распредѣлителемъ движеній животного, то полной мѣстной независимости уже не можетъ быть. Въ развитіи государства, сплоченнаго изъ нѣсколькихъ мелкихъ державъ, не представляется ли соответственныхъ этому измѣненій? Подобно вышеописаннымъ вождямъ и первобытнымъ правителямъ, феодальные владѣльцы, пользуясь верховной властью надъ группой вассаловъ, исправляютъ должности схожія съ должностями первичныхъ нервныхъ центровъ, и намъ уже извѣстно, что они, подобно этимъ центрамъ, отличаются нѣкоторымъ превосходствомъ своей управительной и исполнительной организаціи. Между этими мѣстными управляющими центрами въ феодальныя времена существуетъ весьма малая зависимость. Они часто приходятъ въ антагонизмъ; индивидуально они обуздаются только вліяніемъ многочисленныхъ членовъ ихъ же сословія и состоятъ въ неполномъ и неправильномъ подданствѣ тому наиболее могущественному члену своего сословія, который стяжалъ себѣ положеніе сюзерена или короля. По мѣрѣ прогресса въ развитіи и организаціи общества, эти мѣстные управительные центры все болѣе и болѣе подпадаютъ подъ власть одного главнаго управительнаго центра. Болѣе тѣсная коммерческая связь между различными сегментами сопровождается и болѣе тѣсною правительственною связью, и мелкіе правители дѣлаются наконецъ просто чѣмъ-то вродѣ агентовъ, примѣняющихъ, каждый въ подвластной ему мѣстности, законы, постановленные верховнымъ правителемъ, — точно такъ же какъ описанные выше локальные узлы дѣлаются, современемъ, агентами, приводящими въ исполненіе, каждый въ своемъ отдѣлѣ, приказанія главнаго узла. Параллель можно провести и далѣе. Выше мы замѣтили, говоря о появленіи первобытныхъ царей, что, по мѣрѣ возрастанія ихъ

территорій и обязанностей, они бывають поставлены въ необходимость не только отряжать на мѣсто себя другихъ лицъ для отправления ихъ исполнительныхъ должностей, но еще и собирать вокругъ себя совѣтниковъ, для облегченія управительныхъ обязанностей, и что этимъ путемъ, вмѣсто одной управляющей единицы, развивается цѣлая группа такихъ единицъ, которую можно сравнить съ узломъ, состоящимъ изъ многихъ клѣточекъ. Прибавимъ здѣсь, что совѣтники и главные сановники, образующіе такимъ образомъ первое основаніе министерства, уже съ самаго начала стремятся къ пріобрѣтенію нѣкоторой власти надъ правителемъ. Посредствомъ доставляемыхъ ими свѣдѣній и выражаемыхъ ими мнѣній, они вліяютъ на сужденія и распоряженія государя. Слѣдовательно онъ до извѣстной степени дѣлается проводникомъ, помощью котораго сообщается направленіе, первоначально данное этими совѣтниками и сановниками, и, современнымъ, когда совѣты министровъ становятся признаннымъ источникомъ его дѣйствій, король дѣлается чѣмъ-то весьма похожимъ на автоматическій центръ, отражающій впечатлѣнія, получаемыя имъ извнѣ.

Далѣе этого усложненія правительственнаго строя многія общества уже не идутъ, только въ нѣкоторыхъ происходитъ еще дальнѣйшее развитіе. Наша нація лучше всѣхъ можетъ служить примѣромъ этого дальнѣйшаго развитія и дальнѣйшихъ, истекающихъ изъ него, аналогій. Къ королямъ и ихъ министерствамъ въ Англій присоединились еще другіе большіе управительные центры, пользующіеся правомъ контроля, которое, бывши вначалѣ весьма ограниченнымъ, постепенно стало преобладающимъ, какъ это бываетъ съ главными управляющими узлами, спеціально отличающимися высшіе разряды живыхъ существъ. Какъ ни покажется страннымъ подобное утвержденіе, но наши парламентскія палаты исправляютъ въ соціальной экономіи должности, во многихъ отношеніяхъ удобосравнимыя съ должностями массъ головного мозга въ позвоночномъ животномъ. Какъ каждому отдѣльному узлу свойственно возбуждаться только спеціальными стимулами отъ извѣстныхъ частей тѣла, точно такъ же свойственно каждому отдѣльному правителю поддаваться въ дѣйствіяхъ

своихъ вліанію исключительныхъ, личныхъ и сословныхъ интересовъ. Какъ группѣ узловъ, состоящей въ связи съ первичнымъ узломъ, свойственно передавать послѣднему болѣе разнообразныя вліанія отъ болѣе многочисленныхъ органовъ и заставлять такимъ образомъ дѣйствія его сообразоваться съ болѣе многочисленными требованіями, точно такъ же свойственно и государю, окруженному вспомогательными и контролирующими властями, приспособлять управленіе свое къ большому числу народныхъ потребностей. Какъ, наконецъ, болѣе и позднѣ развившимся узламъ, отличающимся высшихъ животныхъ, свойственно передавать и сочетать сложныя и разнородныя впечатлѣнія, полученные ими отъ всѣхъ частей системы, и распорядиться дѣйствіями своими такъ, чтобы принять въ должное вниманіе всѣ эти впечатлѣнія, точно такъ же свойственно болѣе и позднѣ развившимся законодательнымъ собраніямъ, отличающимся общества высшаго развитія, передавать и сочетать желанія и сѣтованія всѣхъ сословій и мѣстностей и распорядиться общественными дѣлами по возможности согласно съ общими потребностями. Головной мозгъ приводитъ въ извѣстность и порядокъ всѣ безчисленныя разнородныя соображенія, вліяющія на настоящее и будущее благоденствіе индивида, какъ цѣлаго; законодательство приводитъ въ извѣстность и порядокъ безчисленныя соображенія, вліяющія на непосредственное и болѣе отдаленное благоденствіе всей общины. Мозгъ можно бы назвать *исчислителемъ среднихъ величинъ* интересовъ жизни—физическихъ, умственныхъ, нравственныхъ и общественныхъ; хорошей же мозгъ есть такой, въ которомъ желанія, соотвѣтствующія этимъ различнымъ интересамъ, уравновѣшены такъ, что образъ дѣйствій, ими вызываемый, ни однимъ изъ нихъ не жертвуетъ для другихъ. Точно такъ же и парламентъ мы можемъ назвать *исчислителемъ среднихъ величинъ* интересовъ различныхъ сословій общины; хорошимъ же считается такой парламентъ, въ которомъ партіи, соотвѣтствующія этимъ интересамъ, такъ уравновѣшены, что ихъ совокупное законодательство даетъ каждому сословію столько, сколько совмѣстно съ правами остальныхъ сословій. Кромѣ удобосравнимости въ своихъ функціяхъ, эти большіе управительные центры, соціальныя и инди-

индивидуальныя, выдерживаютъ сравненіе и по тѣмъ процессамъ, посредствомъ которыхъ происходитъ отправленіе этихъ функций. Новѣйшая психологія признала за истину, что головной мозгъ занимается не прямыми впечатлѣніями извнѣ, а представленіями этихъ впечатлѣній: вмѣсто дѣйствительныхъ ощущеній, производимыхъ въ тѣлѣ и непосредственно ощущаемыхъ чувствительными узлами, или первичными нервными центрами, головной мозгъ получаетъ только представленія этихъ ощущеній, и сознательность его называется *представительною (representative)*, для отличія отъ первоначальной, непосредственно воспринимающей впечатлѣнія, сознательности. Не знаменательно ли, что мы напали на то же самое слово для означенія функции нашей палаты общинъ? Мы называемъ ее *представительнымъ собраніемъ*, потому что интересы, которыми она завѣдуетъ, страданія и наслажденія, о которыхъ она совѣщается, не прямо ощущаются ею, а *представляются* ей различными членами; преніе же есть столкновеніе между представленіями золь или благъ, могущихъ послѣдовать за извѣстнымъ образомъ дѣйствій; опредѣленіе это съ равной вѣрностью примѣнимо и къ преніямъ, возникающимъ въ индивидуальной сознательности. Сверхъ того, въ обоихъ случаяхъ эти главныя управительныя массы не принимаютъ участія въ исполнительныхъ отправленіяхъ. Какъ послѣ столкновенія различныхъ представлений въ головномъ мозгѣ желанія, получающія верхъ, дѣйствуютъ на подчиненные узлы и чрезъ ихъ посредство опредѣляютъ дѣйствія тѣла, точно такъ же партіи, одерживающія побѣду послѣ парламентской борьбы, не сами выполняютъ свои желанія, а поручаютъ выполненіе ихъ исполнительнымъ отдѣламъ правительства. Выполненіе всѣхъ законодательныхъ рѣшеній все-таки проходитъ чрезъ первоначальныя управительныя центры, причемъ сообщаемый импульсъ передается отъ парламента къ министрамъ, а отъ министровъ къ королю, отъ имени котораго все совершается, — точно такъ же какъ бываетъ съ тѣми меньшими, впервые развившимися узлами, которые въ низшихъ позвоночныхъ служатъ главными управляющими дѣятелями, а въ мозгу высшихъ позвоночныхъ остаются дѣятелями, приводящими въ исполненіе приказанія головного

мозга. Кромѣ того въ обоихъ случаяхъ эти первоначальные центры становятся все болѣе и болѣе автоматическими. Въ развитомъ позвоночномъ животномъ они почти не имѣютъ иного дѣла кромѣ доставленія впечатлѣній къ большимъ центрамъ и исполненія постановленій этихъ центровъ. Такъ и въ нашемъ, въ высокой степени организованномъ, образѣ правленія монархъ давно уже пришелъ въ состояніе пассивнаго орудія парламента; а съ нѣкотораго времени и министерства быстро клонятся къ тому же состоянію. Между обоими случаями есть аналогія даже относительно исключеній въ этомъ автоматизмѣ. Въ индивидуальномъ существѣ случается, что при внезапномъ испугѣ, на примѣръ отъ громкаго звука, отъ неожиданнаго появленія какого-нибудь предмета, или отъ толчка вслѣдствіе невѣрной походки, — оно обороняется отъ опасности быстрымъ невольнымъ скачкомъ, или приведеніемъ членовъ въ извѣстное положеніе прежде, нежели успѣетъ осмыслить грозящую бѣду и принять разумныя мѣры къ предотвращенію ея. Это объясняется тѣмъ, что эти сильныя впечатлѣнія на чувства отражаются отъ чувствительныхъ узловъ непосредственно на спинной мозгъ и мышцы, не проходя предварительно чрезъ головной мозгъ, какъ это бываетъ въ обыкновенныхъ случаяхъ. Такимъ же образомъ, въ народныхъ кризисахъ, требующихъ быстроты дѣйствій, государь и министерство, не имѣя времени передать дѣло на обсужденіе совѣщательныхъ собраній, сами распоряжаются исполненіемъ извѣстныхъ движеній или принятіемъ извѣстныхъ предосторожностей: первичныя, теперь почти уже автоматичныя, власти возвращаются на мгновеніе къ прежней своей неограниченности. И всего страннѣе, что въ обоихъ случаяхъ одинаково слѣдуетъ дополнительный процессъ одобренія или неодобренія. Индивидъ, опомившись отъ своего автоматическаго сотрясенія, тотчасъ же разбираетъ причину своего испуга и переходитъ къ заключенію о томъ, уместно ли или неумѣстно было его движеніе. Такимъ же точно образомъ, совѣщательныя власти государства, при первой же возможности, обсуждаютъ самопроизвольныя дѣйствія исполнительныхъ властей и затѣмъ, смотря по уважительности

причинъ, пропускають или не пропускають *билль of indemnity*. (1)

До сихъ поръ, сличая правительственную организацію политическаго тѣла съ тою же организаціею въ индивидуальномъ тѣлѣ, мы разсматривали только управляющіе центры. Намъ еще остается разсмотрѣть проводники, чрезъ которые центры эти получаютъ свѣдѣнія и сообщаютъ приказанія. Въ наименѣ сложныхъ обществахъ, какъ и въ наименѣ сложныхъ организаціяхъ, нѣтъ никакого посредствующаго аппарата (*internuncial apparatus*—какъ Гонтеръ назвалъ нервную систему). Слѣдовательно, впечатлѣнія могутъ распространяться только медленно отъ единицы къ единицѣ по всей массѣ тѣла. Но то же прогрессивное совершенствованіе, которое, въ животной организаціи, проявляется введеніемъ узловъ или управительныхъ центровъ, проявляется и введеніемъ нервныхъ витей, чрезъ которыя узлы принимаютъ и сообщаютъ впечатлѣнія, и такимъ образомъ управляютъ отдаленными органами. Въ обществахъ происходитъ тоже самое. Послѣ долгаго періода, въ продолженіе котораго сношенія управительныхъ центровъ съ различными частями общества совершаются разными другими средствами, является наконецъ посредствующій аппаратъ, сходный съ подобнымъ же аппаратомъ индивидуальныхъ тѣлъ. Сравненіе телеграфныхъ проволокъ съ

(1) Нелишнимъ будетъ предостеречь читателя отъ ошибки, въ которую впалъ одинъ господинъ, разбившій эту статью при первомъ ея появленіи. Онъ предположилъ, что проведенная тутъ аналогія разумѣется какъ специфическая аналогія между организаціею общества въ Англіи и человѣческой организаціею. Какъ сказано въ началѣ, такой специфической аналогіи вовсе не существуетъ. Параллель проводится тутъ между наиболее развитыми системами правительственной организаціи индивидуальной и соціальной; позвоночный же типъ приводится въ примѣръ потому только, что онъ есть политѣешее выраженіе этой наиболее развитой системы. Еслибы проводилось специфическое сравненіе—чего рационально сдѣлать нельзя—то пришлось бы взять какой-нибудь видъ позвоночнаго гораздо болѣе низкій, нежели человѣчскій.

нервами всѣмъ знакомо. Но примѣнимость этого сравненія простирается далѣе, нежели обыкновенно предполагають. Мы разумѣемъ при этомъ не тѣ неувидимыя силы, которыя дѣйствуютъ въ обоихъ случаяхъ,—хотя теперь и утверждаютъ, что нервная сила есть, если не въ точномъ смыслѣ электрическая сила, то особый видъ электрическаго дѣйствія, имѣющій къ обыкновенному виду болѣе близкое отношеніе, нежели магнетизмъ. Мы разумѣемъ самое устройство нашей телеграфной системы. Такъ, во всемъ позвоночномъ подраздѣленіи животнаго царства, главные пучки нервовъ расходятся отъ позвоночной оси, рядомъ съ главными артеріями; точно такимъ же образомъ и наши группы телеграфныхъ проволокъ проводятся по сторонамъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Но самая поразительная аналогія еще впереди. Въ каждый значительный пучекъ нервовъ, при выходѣ его изъ оси тѣла вмѣстѣ съ артерією, входитъ вѣтвь симпатическаго нерва, которая, слѣдуя за артеріей въ ея развѣтвленіяхъ, регулируетъ ея діаметръ и управляетъ протокомъ крови, смотря по мѣстнымъ потребностямъ. Такимъ же образомъ, и въ группѣ телеграфныхъ проволокъ, тянущихся вдоль каждой желѣзной дороги, есть одна проволока, назначенная для регулированія движенія по линіи,—для замедленія или ускоренія протока пассажировъ и товаровъ, смотря по требованіямъ мѣстныхъ условій. Весьма вѣроятно, что съ полнымъ развитіемъ нашей, покуда еще находящейся въ младенческомъ состояніи, телеграфной системы, откроются и другія аналогіи.

Итакъ, вотъ общій очеркъ доказательствъ, оправдывающихъ доведенное до мелочей сравненіе обществъ съ живыми организмами. — Что тѣ и другіе постепенно увеличиваются въ массѣ своей, мало-по-малу осложняются, а части ихъ въ тоже время приходятъ въ болѣшую взаимную зависимость,—что тѣ и другіе продолжаютъ жить какъ цѣлыя, между тѣмъ какъ поколѣнія составляющихъ ихъ единицъ одно за другимъ появляются и исчезаютъ,—все это—поразительныя особенности, которыя проявляются политическими тѣлами наравнѣ со всѣми живыми тѣлами и въ которыхъ оба рода тѣлъ, сходясь между собою, разнятся отъ всѣхъ прочихъ явленій. Провода сравненіе до мелочей, мы

находимъ, что эти крупныя аналогіи влекутъ за собою множество мелкихъ, гораздо болѣе тѣсныхъ, нежели можно бы ожидать. Къ этимъ сближеніямъ мы бы охотно прибавили еще и другія. Мы надѣялись сказать кое-что о различныхъ типахъ социальной организаціи и о социальныхъ метаморфозахъ, но намъ не дозволяютъ этого предѣлы статьи.

КОНЕЦЪ ПЕРВАГО ТОМА.

ВАЖНѢЙШИЯ ПОГРЪШНОСТИ.

Стр.	Строка:	Напечатано:	Читай:
14	34	« <i>Права и Обичаи</i> ».	« <i>Обичаи и Приличія</i> ».
28	12	тоновъ	тоновъ,
48	33	Хотя	Если
56	34	« <i>Pre-Raphaelism</i> ».	« <i>Pre-Raphaelitism</i> ».
63	27	<i>disagreeable</i>	<i>disagreeable</i>
88	12	Сударыя,	Сударыня,
98	14	<i>интеграціей</i> .	<i>интеграціей</i> .
107	33	заключеній апіорическихъ	апіористическихъ заключеній
120	16	перепонкъ	бластехъ
—	18	оболочки	бластемы
125	26	наукъ,	науки,
141	34	словомъ,	словамъ,
142	35	<i>et</i>	<i>and</i>
143	1	къ	съ
169	12	ремя	время
175	25	воспроизведена	воспроизведена

ОГЛАВЛЕНИЕ I-го ТОМА.

	Стр.
Отъ издателя	V
<u>Прогрессъ</u> , его законъ и причина	1
<u>Философія</u> слога	60
Трансцендентальная физиологія	93
<u>Происхожденіе</u> и дѣятельность музыки	139
Разные вопросы:	
<u>Польза</u> и красота	167
<u>Гипотеза</u> развитія	172
Источники архитектурныхъ типовъ	178
<u>Теорія</u> слезъ и смѣха	184
<u>Граціозность</u>	190
Значеніе очевидности	197
<u>Личная</u> красота	204
Польза антропоморфизма	217
Нравственность и политика желѣзныхъ дорогъ	224
Генезисъ науки	282
<u>Обычай</u> и приличія	338
<u>Соціальный</u> организмъ	413

Статья «*Соціальный организмъ*» написана въ 1860 г. и помѣщена въ подлинникѣ во II-мъ томѣ (первый томъ вышелъ въ 1838 г.). По обстоятельству, независящія отъ издателя, вынудили его нѣсколько измѣнить порядокъ распредѣленія статей. Иначе представились бы задержки въ ходѣ изданія.

Примѣчанія автора означены цифрами; остальные принадлежатъ русскому изданію.

